

Археологические вести

— 44 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

44
(2024)

Saint Petersburg
2024

Археологические вести

44
(2024)

Санкт-Петербург
2024

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвоцинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

Н. В. Хвоцинская, М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба, М. В. Медведева, В. Я. Шумкин, С. А. Кулаков, Ю. А. Виноградов

Издательская группа: А. Р. Лада (редактор иллюстраций), Е. В. Новгородских (редактор), Е. О. Стоянов (переводы)

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. — Вып. 44 / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. — СПб., 2024. — 354 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В выпуск 44 журнала «Археологические вести» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В работах, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей. В ряде статей в научный оборот вводятся результаты раскопок поселенческих и погребальных комплексов Северного Причерноморья в широком хронологическом диапазоне от позднескифского до византийского времен, обсуждаются вопросы планиграфии дальневосточных жилищ в эпоху неолита, а также проблемы топографии и хронологии раннесредневековых неукрепленных поселений на территории Окско-Донского водораздела. Раздел «Актуальные проблемы археологии» открывается совместной концептуальной статьей российских и китайских ученых о разработке критериев для доказательства достоверности интерпретации археологических источников при использовании методов экспериментальной трасологии, кроме того, на основе естественно-научных методов характеризуется технология изготовления керамики раннего неолита на Кольском полуострове, а также рассматривается функциональное назначение топоров бронзового века из клада в Абхазии. В журнале представлены работы по истории науки и информация о международной конференции «Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке». Среди авторов — ученые из различных научных центров России, Абхазии и Китая.

Issue 44 of the *Archaeological News* journal includes articles devoted to the latest research in the fields of archaeology, history and culture. The works included in the section “New discoveries and studies” examine individual categories of archaeological antiquities. A number of articles introduce into scientific circulation the results of excavations of settlement and burial complexes of the Northern Black Sea region in a wide chronological range from the late Scythian to the Byzantine times, discuss issues of the planigraphy of Far Eastern dwellings in the Neolithic era, as well as problems of the topography and chronology of early medieval unfortified settlements in the territory of the Oka-Don watershed. The section “Actual Problems of Archaeology” opens with a joint conceptual article by Russian and Chinese scientists on the development of criteria for proving the reliability of the interpretation of archaeological sources using experimental traceology methods; in addition, based on natural science methods, the technology for producing early Neolithic ceramics on the Kola Peninsula is characterized, and the functional purpose of Bronze Age axes from a hoard in Abkhazia is considered. The journal presents works on the history of science and information about the international conference “Antiquities of the Northern Black Sea region, the Caucasus and Central Asia: from the discoveries of N. I. Veselovsky to modern science”. Among the authors are scientists from various scientific centers of Russia, Abkhazia and China.

Первая и четвертая страницы обложки — фрагменты росписи боспорского склепа, обнаруженного в 1873 г.
(по копии М. В. Фармаковского)

First and fourth pages of cover — fragments of paintings from the Bosphoran crypt, discovered in 1873
(based on a copy by M. V. Farmakovskiy)

[Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб.: Изд-во Императорской АН, 1913. Табл. LXIII]

© Институт истории материальной культуры РАН, 2024
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2024

Содержание

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 75-летию Алексея Дмитриевича Резепкина	9
К юбилею Валентины Ивановны Распоповой	11
К 70-летию Алексея Каспаровича Каспарова	13
К юбилею Марины Юрьевны Вахтиной	14
К 70-летию Сергея Владимировича Красиенко	16

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>П. В. Волков.</i> Планиграфический анализ и реконструкция дальневосточных жилищ эпохи неолита	17
<i>А. И. Климущина.</i> Металлические топоры-тесла среднего бронзового века Северного Кавказа и степной зоны юга Восточной Европы	27
<i>А. В. Батасова.</i> О функции греческого керамического импорта в погребальном обряде синдов во второй половине VI — V в. до н. э.	36
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Об одном типе женских изображений в росписях склепов Боспора Киммерийского	44
<i>Д. Е. Чистов, Е. А. Горская, М. А. Громов, Ю. И. Ильина.</i> Вестник-1: греко-варварское поселение на севере Синдики и его некрополь в исследованиях 2021–2023 гг.	53
<i>Т. В. Рябкова, А. Е. Петракова, А. Г. Букина.</i> Набор аристократа из Южного Елизаветинского кургана	72
<i>В. В. Вахонеев, В. М. Петровский.</i> Глиняная модель корабля из Парфения	88
<i>А. Е. Терещенко.</i> Монеты из раскопок Парфения	94
<i>К. С. Коршун.</i> Позднескифские погребения из раскопок Беляусского кургана на полуострове Тарханкут (по материалам раскопок О. Д. Дашевской 1987–1988 гг.)	109
<i>А. Н. Свиридов.</i> Подвески-«игольницы» из могильника Фронтовое 3 (Юго-Западный Крым)	125
<i>Л. Ю. Пономарев, С. Л. Соловьев.</i> Усадьба СК-I второй половины IX — первой половины X в. на поселении Вышестеблиевское-16 на Таманском полуострове (по материалам раскопок 2016 г.)	137
<i>А. М. Колоколов, И. С. Простяков.</i> Селище Большое Тризново-4: к вопросу о хронологии и топографии неукрепленных поселений Окско-Донского водораздела второй половины X в.	153
<i>С. Р. Тимир-Булатова.</i> Об одной надписи из собрания Русского археологического института в Константинополе в коллекции Эрмитажа	165

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. В. Салмина, С. А. Салмин, К. В. Горлов.</i> История и археология северной части псковского Завеличья в свете нумизматических находок	176
<i>П. Г. Гайдуков, И. В. Гришин.</i> Монеты Великого княжества Московского из Фёдоровского клада	190
<i>П. А. Миляев, К. А. Чистякова.</i> «Крылатые» всадники на зеркале печи. Изразцы с изображениями гусар Речи Посполитой из городов Северо-Запада Московского государства и сопредельных территорий	202

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Е. Ю. Гиря, А. А. Малютина, К. Н. Степанова, Цюань Цянькунь, Фан Чи.</i> Концепция российско-китайской лаборатории доказательной интерпретации археологических источников	231
<i>А. М. Киселева, М. А. Кулькова.</i> Технология изготовления керамической посуды раннего неолита на Кольском Севере по данным петрографии	252
<i>А. Л. Пелих, А. И. Джопуа, А. Ю. Скаков (†).</i> Клад бронзовых топоров из с. Лыхны: современный взгляд	261

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>С. И. Кочкуркина.</i> Юго-Восточное Приладожье, Онежско-Ладожский водораздел — ареал курганной культуры (от поиска памятников к синтезу знаний)	277
<i>А. А. Гиблова, Н. А. Кренке.</i> Раскопки Центрального городища в Гнёздове в 1940 г.	283
<i>Б. А. Раев.</i> К истории исследования и топографии Подазовского городища	298
<i>В. П. Петренко (†).</i> «Камень-картина из г. Гробиня» (Подготовка к публикации и вступительная заметка <i>А. В. Курбатова</i>)	307
<i>В. Н. Седых, С. С. Зозуля.</i> История исследования поселений в составе Тимерёвского археологического комплекса. К 150-летию изучения памятника	316
<i>К. В. Конончук, Д. С. Филимонова.</i> Новые данные к биографии Татьяны Модестовны Девель (1888–1981)	332

ПЕРСОНАЛИИ

<i>В. А. Алёшкин.</i> <i>В. И. Распопова</i> — исследовательница городской культуры Согда	342
---	-----

ХРОНИКА

<i>М. Т. Кашуба, Т. В. Рябкова, Е. О. Стоянов, О. В. Сычева.</i> Международная научная конференция «Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий <i>Н. И. Веселовского</i> к современной науке»	346
Список сокращений	353

Contents

OUR HEROES OF THE DAY

To the 75 th anniversary of Alexey Dmitrievich Rezepkin	9
To the jubilee of Valentina Ivanovna Raspopova	11
To the 70 th anniversary of Alexey Kasparovich Kasparov	13
To the jubilee of Marina Yurievna Vakhtina	14
To the 70 th anniversary of Sergey Vladimirovich Krasnienko	16

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>P. V. Volkov.</i> Spatial analysis and reconstruction of the Neolithic dwellings from the Russian Far East.....	17
<i>A. I. Klimushina.</i> Middle Bronze Age metal axe-adzes of the North Caucasus and the steppe zone of the south of Eastern Europe	27
<i>A. V. Batasova.</i> On the function of Greek ceramic imports in the funerary rites of the Sindians in the second half of the 6 th –5 th century BC	36
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> About one type of female images in the paintings of the Cimmerian Bosphorus crypts	44
<i>D. E. Chistov, E. A. Gorskaya, M. A. Gromov, Yu. I. Ilyina.</i> Vestnik-1: a Greco-Barbarian settlement in northern Sindica and its necropolis (the studies of 2021–2023).....	53
<i>T. V. Ryabkova, A. E. Petrakova, A. G. Bukina.</i> The aristocrat's set from the South Elizavetinsky Kurgan	72
<i>V. V. Vakhoneev, V. M. Petrovsky.</i> Clay model of a ship from Parthenium	88
<i>A. E. Tereshchenko.</i> Coins from the excavations of Parthenium	94
<i>K. S. Korshun.</i> Late Scythian burials from the excavations of the Belyaus barrow on the Tarkhankut Peninsula (based on the materials of excavations by O. D. Dashevskaya, 1987–1988)	109
<i>A. N. Sviridov.</i> Pendants-“pincushions” from the Frontovoye 3 burial ground (South-West Crimea)	125
<i>L. Ju. Ponomarev, S. L. Solovyev.</i> The SC-I homestead of the second half of the 9 th — first half of the 10 th century at the Vyshesteblyevskoye-16 settlement (based on the materials of the 2016 excavations on the Taman Peninsula)	137
<i>A. M. Kolokolov, I. S. Prostyakov.</i> The settlement of Bolshoe Triznovo-4: to the question of chronology and topography of unfortified settlements of the second half of the 10 th century Oka-Don watershed	153
<i>C. R. Timir-Bulatova.</i> On an inscription from the collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople kept in the State Hermitage museum	165
<i>E. V. Salmira, S. A. Salmin, K. V. Gorlov.</i> History and archaeology of the northern part of the Pskov Zavelichye district in the light of numismatic finds	176

CONTENTS

-
- P. G. Gaydukov, I. V. Grishin.* Coins of the Principality of Moscow from the Fedorovskoye hoard 190
- P. A. Milyaev, K. A. Chistyakova.* “Winged” horsemen on the stove mirror. Ceramic tiles with images of Rzeczpospolita hussars from cities of the Northwest of the Moscow State and adjacent territories 202
-

ACTUAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

- E. Yu. Girya, A. A. Malyutina, K. N. Stepanova, Quan Qiankun, Fang Qi.* Conception of the Russian-Chinese Laboratory of Evidential Interpretation of Archaeological Sources 231
- A. M. Kiseleva, M. A. Kulkova.* Technology of Early Neolithic pottery production on the Kola North according to petrographic analysis 252
- A. L. Pelikh, A. I. Jopua, A. Yu. Skakov (†).* The bronze axes hoard from the village of Lykhny: a modern view 261
-

HISTORY OF SCIENCE

- S. I. Kochkurkina.* South-Eastern Ladoga Region and Onega-Ladoga Watershed as the Area of the Kurgan Culture (from the search for sites to the synthesis of knowledge) 277
- A. A. Giblova, N. A. Krenke.* Excavations of the Central settlement of Gnezdovo in 1940 283
- B. A. Raev.* To the research history and topography of the Podazovskoe settlement 298
- V. P. Petrenko (†).* Stone-picture from the town of Grobiņa (Preparation for print and foreword by *A. V. Kurbatov*) 307
- V. N. Sedykh, S. S. Zozulya.* History of the study of settlements within the Timerevo archaeological complex. To the 150th anniversary of the site’s research 316
- K. V. Kononchuk, D. S. Filimonova.* New data to the biography of Tatiana Modestovna Devel (1888–1981) 332
-

PERSONALITIES

- V. A. Alyokshin.* *V. I. Raspopova* — researcher of the urban culture of Sogdiana 342
-

CHRONICLE

- M. T. Kashuba, T. V. Ryabkova, E. O. Stoyanov, O. V. Sycheva.* International conference “Antiquities of the Northern Black Sea region, the Caucasus and Central Asia: from Nikolay I. Veselovsky’s discoveries to current studies” 346
- List of abbreviations 353

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 75-летию Алексея Дмитриевича Резепкина

25 апреля 2024 г. исполнилось 75 лет Алексею Дмитриевичу Резепкину — крупнейшему исследователю древностей Кавказа.

В экспедициях ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) Алексей Дмитриевич начал работать лаборантом с 1967 г., будучи студентом вечернего отделения кафедры археологии Ленинградского университета. В студенческие годы (1967–1973) он прошел прекрасную полевую школу, участвуя в раскопках курганов на юге России и в Сибири, а также исследуя дольмены Северного Кавказа.

В мае 1980 г. Алексей Дмитриевич был зачислен в постоянный штат Кубанской новостроечной экспедиции ЛОИА АН СССР, возглавив ее Майкопский отряд. В 1988 г. он избран на должность младшего научного сотрудника института как специалист в области археологии Кавказа, Закавказья и Анатолии энеолита и бронзового века. В 1989 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию «Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы (по материалам погребальных памятников новосвободненского типа)» и окончательно принимается в штат отдела археологии Центральной Азии и Кавказа. К этому времени Алексей Дмитриевич был уже сложившимся ученым, внесшим существенный вклад в изучение двух основных культур начала бронзового века Северного Кавказа — майкопской и новосвободненской и полностью раскрывшим свой яркий талант полевого исследователя. С 1993 г. Алексей Дмитриевич возглавил Майкопскую экспедицию ИИМК РАН, которой успешно руководит и в настоящее время.

Еще в конце 1970-х — 1980-х гг. Алексей Дмитриевич целиком раскопал эталонный могильник Клады близ станицы Новосвободной (Республика Адыгея). Благодаря масштабным работам на этом уникальном памятнике молодой исследователь вписал свое имя в историю археологии Евразии. Могильник Клады, относящийся к раннему бронзовому веку, стоит в одном ряду по значимости полученной информации о древних обществах со знаменитым Майкопским курганом. Следует

Алексей Дмитриевич Резепкин
Aleksey Dmitrievich Rezepkin

также отметить раскопки монументального Серебряного кургана, которые были успешно завершены Алексеем Дмитриевичем в исключительно сложных природных условиях Северного Кавказа. Материалы могильника Клады опубликованы в книге *Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien* (Rahden/Westf., 2000 (Archäologie in Eurasien; Band 10)) и получили широкий международный резонанс.

Раскапывая в Адыгее поселения майкопской культуры, Алексей Дмитриевич проделал огромный объем работ по систематизации полученных им материалов, а также изучил фонды

тех российских музеев, в которых хранятся соответствующие археологические коллекции. Эти научные изыскания являются существенным вкладом ученого в решение дискуссионных проблем кавказской археологии. Рассматривая проблемы происхождения и развития древних племен Кавказа в энеолите и бронзовом веке, Алексей Дмитриевич стал ведущим отечественным специалистом в области исследования новосвободненской культуры. Результаты своих работ он опублико-

вал в монографии «Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады)» (СПб., 2011), которая на долгие годы станет настольной книгой каждого специалиста по археологии Кавказа.

Алексея Дмитриевича любят и уважают коллеги. Коллектив ИИМК РАН сердечно поздравляет Алексея Дмитриевича с юбилеем и желает ему крепкого здоровья и новых творческих свершений.

К юбилею Валентины Ивановны Распоповой

Валентина Ивановна Распопова — одна из первопроходцев в области центральноазиатской археологии Ленинграда/Санкт-Петербурга, известная исследовательница согдийских древностей — 8 июня 2024 г. отметила свой юбилей.

С 1958 г. трудовая деятельность Валентины Ивановны неразрывно связана с ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН, где она прошла путь от лаборанта до ведущего научного сотрудника. Научные интересы Валентины Ивановны связаны с исследованием древнего Пенджикента, в раскопках которого она впервые приняла участие в 1957 г., в 1981–1987 гг. исполняла обязанности начальника экспедиции, а в 1988–2006 гг. руководила ею совместно с Борисом Ильичом Маршаком.

В 1971 г. Валентина Ивановна защитила кандидатскую диссертацию «Металлообрабатывающее ремесло раннесредневекового Согда (опыт историко-социальной интерпретации по материалам Пенджикента)», в 1994 г. — докторскую «Раннесредневековый согдийский город (по материалам Пенджикента)», в которой рассмотрены застройка Пенджикента и социальная стратификация его жителей.

Валентина Ивановна изучала самые различные аспекты культуры средневекового города Центральной Азии, столь ярко представленной в Пенджикенте, от хозяйственной керамики до росписи парадных залов в жилищах, принадлежавших состоятельным хозяевам. Вещи, найденные в Пенджикенте и описанные таким талантливим интерпретатором, как Валентина Ивановна, поведали о личной и общественной жизни центральноазиатских горожан в Мавераннахре накануне арабского нашествия. Публикации исследовательницы отличаются широтой полученных выводов и дотошностью анализа различных источников (продуктов металлопроизводства и стеклоделия, жилой застройки, памятников эпиграфики).

По этим направлениям ею опубликованы шесть обобщающих монографий и две брошюры, последние написаны в соавторстве с Б. И. Мар-

Валентина Ивановна Распопова в отделе археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, 2000-е гг.

Valentina Ivanovna Raspopova in the archeology department Central Asia and the Caucasus IHMC RAS, 2000s.

шаком. Эти работы внесли существенный вклад в согдийскую археологию. Начиная с 1998 г. Валентина Ивановна и Б. И. Маршак ежегодно публиковали развернутые полевые отчеты о раскопках Пенджикента, являющиеся ценнейшим источником по раннесредневековой археологии Центральной Азии. Ее научная деятельность была отмечена в 1974 г. Почетной грамотой Президиума АН СССР.

Результаты исследований Валентины Ивановны получили признание и за рубежом. В 2007 г. за большой вклад в развитие археологии

Центральной Азии она получила присуждаемую Французской академией премию имени Романа и Тани Гиршманов, известных знатоков восточных древностей.

Эрудиция и широта подхода сочетаются в работах Валентины Ивановны с детальными наблюдениями и тонкими выводами, часто весьма смелыми и дискуссионными, но всегда оригинальными.

Валентина Ивановна много сил отдала научно-организационной работе. С 1972 по 1977 г. она являлась ученым секретарем сектора археологии Средней Азии и Кавказа, а с 1987 по 1991 г. — ученым секретарем диссертационного совета ЛОИА АН СССР.

Валентина Ивановна полна творческих замыслов и продолжает трудиться над подготовкой к изданию многочисленных археологических материалов, полученных при раскопках Пенджикента.

Коллектив ИИМК РАН сердечно поздравляет Валентину Ивановну с юбилеем, желает ей крепкого здоровья и новых научных достижений. 10 июня 2024 г. состоялось расширенное заседание ученого совета ИИМК РАН и отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, посвященное юбилею Валентины Ивановны, информация о котором публикуется в настоящем выпуске журнала.

К 70-летию Алексея Каспаровича Каспарова

17 июля 2024 г. исполнилось 70 лет кандидату исторических наук Алексею Каспаровичу Каспарову — высокопрофессиональному российскому палеозоологу, заведующему лабораторией археологической технологии ИИМК РАН. В 1980 г. он окончил биолого-почвенный факультет Ленинградского государственного университета. В 2001 г. защитил кандидатскую диссертацию «Скотоводство и охота в эпоху неолита и палеометалла в Южной Туркмении (систематизация материалов и вопросы интерпретации)», подготовленную под руководством В. М. Массона.

Научные интересы Алексея Каспаровича сосредоточены в области изучения фаунистического разнообразия в контексте археологических материалов, эволюции и изменения фаунистических комплексов в течение позднего плейстоцена — голоцена, а также на исследовании останков животных как показателя уровня развития хозяйственных связей в доклассовых и раннеклассовых обществах.

С 1988 г. Алексей Каспарович работает в ИИМК РАН. Его экспедиционная деятельность охватывает множество значимых археологических памятников: Ахштырскую пещеру на Кавказе; Сухотино 4 в Забайкалье; Илгынлы-Депе, Джейтун, Алтын-Депе в Туркмении; Саразм в Таджикистане; Нимфей, Херсонес и Мирмекий в Крыму и многие другие.

Алексей Каспарович Каспаров
Alexey Kasparovich Kasparov

Алексей Каспарович вносит значительный вклад в развитие археологической науки, исследуя фаунистические комплексы и хозяйственные связи древних обществ.

От имени коллектива ИИМК мы желаем Алексею Каспаровичу творческих и научных успехов!

К юбилею Марины Юрьевны Вахтиной

20 июля 2024 г. — юбилейная дата старшего научного сотрудника отдела истории античной культуры ИИМК РАН, кандидата исторических наук Марины Юрьевны Вахтиной. Ее путь в античную археологию начался еще в школьные годы, когда она попала в Ольвийскую экспедицию ЛОИА АН СССР под руководством Е. И. Леви. Поступив в 1971 г. на кафедру археологии исторического факультета Ленинградского университета, она специализировалась в области изучения античного Северного Причерноморья, особое внимание уделяя влиянию греко-варварских контактов на развитие культур местного населения. Уже на первом курсе ее научным руководителем стал выдающийся ученый Дмитрий Алексеевич Мачинский, всегда отличавшийся оригинальностью взглядов на проблемы скифо-сарматской археологии. Это обстоятельство в немалой степени способствовало углублению познаний Марины Юрьевны в отношении связей ранних греческих колоний на северных берегах Понта со скифским миром, исследованию которых она посвятила свою дипломную работу. В период обучения в университете продолжилось ее знакомство с полевой археологией на раскопках раннего греческого поселения на острове Березань, сельских поселений Западного Крыма, донских курганов и др. В эти годы среди учителей М. Ю. Вахтиной оказались такие признанные специалисты, как Л. В. Копейкина, А. Н. Щеглов и К. К. Марченко.

В 1976 г., сразу после окончания с отличием университета, Марина Юрьевна была принята в аспирантуру ЛОИА, по окончании которой ей пришлось поработать старшим лаборантом в штате новостроечных экспедиций. В 1984 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Греко-варварские контакты VII–VI вв. до н. э. на материалах степной и лесостепной зон Северо-Западного Причерноморья и Крыма» и затем прошла путь от младшего до старшего научного сотрудника в рамках группы античной археологии ЛОИА, позднее преобразованной в отдел истории античной культуры ИИМК РАН.

Марина Юрьевна Вахтина
Marina Yur'evna Vahatina

В 1986 г. М. Ю. Вахтина возглавила один из отрядов Боспорской экспедиции, продолжив систематические раскопки античного города Порфмия VI–I вв. до н. э., расположенного у переправы из Крыма на Таманский полуостров. Здесь ей удалось выявить самый ранний слой этого памятника и изучить редкую для Северного Причерноморья оборонительную систему архаического времени, а также обнаружить городской некрополь. Преемственность в исследовании Порфмия в настоящее время обеспечивает ученица Марины Юрьевны — младший научный сотрудник отдела истории античной культуры Е. В. Четверкина.

М. Ю. Вахтина неоднократно выступала с научными докладами на различных международных

археологических конференциях в России, Украине, Болгарии, Польше, Румынии, Великобритании, Дании и др. Стоит отметить, что благодаря прочным научным связям со многими зарубежными коллегами она принимала участие в раскопках античных памятников на территории Турции.

К настоящему времени М. Ю. Вахтиной опубликовано более 150 научных работ по различным вопросам античной истории и археологии. При этом нельзя не отметить крупный вклад, внесенный ею в целый ряд подготовленных сотрудниками ИИМК РАН коллективных монографий, среди которых «Греки и варвары Северного

Причерноморья в скифскую эпоху» (СПб., 2005; 2018), «Городище Немиров на реке Южный Буг» (СПб., 2018), «Императорская археологическая комиссия (1859–1917)» (СПб., 2019), «Первый Мордвиновский курган» (СПб., 2021), «Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку» (СПб., 2022). На протяжении многих лет Марина Юрьевна успешно сочетает научно-исследовательскую деятельность с обязанностями члена редакционной коллегии журнала «Археологические вести».

Мы от всей души поздравляем Марину Юрьевну и желаем ей новых творческих успехов, крепкого здоровья и долголетия!

К 70-летию Сергея Владимировича Красниенко

30 июля 2024 г. исполнилось 70 лет Сергею Владимировичу Красниенко, специалисту в области энеолита — раннего железного века Южной Сибири.

С. В. Красниенко проявил интерес к историческим наукам еще в школьные годы. В 1975 г., после службы в Советской армии, он поступил на кафедру археологии исторического факультета ЛГУ. В студенческие годы Сергей Владимирович занимался археологией неолита Северо-Запада России и славянскими древностями. После окончания университета, в 1980 г., он был принят в штат Средне-Енисейской экспедиции ЛОИА АН СССР, а в 1982 г. перешел в штат Сибирской экспедиции, где начал проводить самостоятельные полевые исследования поселений и могильников раннего железного века Южной Сибири. С 1984 г. С. В. Красниенко являлся заместителем начальника Сибирской экспедиции, а в 1990–2005 гг. руководил ею. В 1996 г. Сергея Владимировича приняли в ИИМК РАН на должность младшего научного сотрудника отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, а с 2001 г. он стал научным сотрудником Группы археологического мониторинга, где занимался ландшафтной археологией, картографированием, разведкой и паспортизацией археологических памятников, постановкой их на государственный учет и охрану; такие работы С. В. Красниенко вел не только в Сибири, но и на Северном Кавказе. В 2012 г. Сергей Владимирович вернулся в отдел Центральной Азии и Кавказа, став за годы работы в ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН высококвалифицированным специалистом в области изучения древностей Южной Сибири.

Сергей Владимирович — автор трех монографий (в соавторстве с А. В. Субботиным) и многочисленных научных статей, посвященных результатам изучения археологических памятников, открытых им и его коллегами на юге Красноярского края; участник множества региональных и всероссийских научных конференций. За успехи в работе он награжден в 2014 г. Почетной грамотой Российской академии наук.

Значительный научный и организационный опыт и специальные знания позволяют С. В. Красниенко с 2017 г. выполнять в ИИМК работу кон-

Сергей Владимирович Красниенко

Sergey Vladimirovich Krasnienko

курсного управляющего, параллельно занимаясь приведением в порядок архивов и библиотек ушедших старших коллег. В настоящее время он систематизирует архив и библиотеку М. Н. Пшеницыной.

Вся многолетняя работа Сергея Владимировича в институте воплощает известное высказывание о том, что археология — это не наука, а образ жизни. Активная общественная позиция, отзывчивый характер, умение работать с людьми и желание заботиться о них ярко проявляются в его бессменной с 1999 г. общественной деятельности как председателя профсоюзного комитета ИИМК РАН. Особенно благодарно ему за заботу и внимание старшее поколение сотрудников института. Заслуги на этом поприще отмечены Почетной грамотой Профсоюза работников РАН.

Коллектив ИИМК РАН сердечно поздравляет Сергея Владимировича с юбилеем, желает ему крепкого здоровья, новых научных достижений и сохранения присущих ему активности и оптимизма.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Планиграфический анализ и реконструкция дальневосточных жилищ эпохи неолита¹

П. В. Волков²

Аннотация. Анализ механических, моторных действий человека открывает новые возможности для изучения генезиса поведенческих стереотипов людей от эпохи камня до времени этнографических наблюдений, способствует выделению архетипа в бытовом обустройстве построек эпохи голоцена, созданию необходимой базы данных для изучения эволюции в адаптационных процессах древнего населения.

Ключевые слова: неолит, жилища, планиграфический анализ, реконструкция, архетип.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-17-26

Введение

С начала XX в. в рамках работ Института археологии и этнографии СО РАН и Новосибирского государственного университета проводятся экспериментальные археологические исследования, целью которых является разработка методики поиска следов, фиксации и интерпретации признаков проявления личностных и специфических этнических черт в бытовой и производственной деятельности человека (Волков, 2000). Методами технологического, трасологического и планиграфического анализов осуществляется поиск следов проявления поведенческих стереотипов в материалах археологических коллекций эпохи камня, исследование материализованных проявлений индивидуальной и групповой специфики ментальной активности человека.

Многим поступкам человека свойственны моторность, автоматизм, под которыми понимаются действия, реализуемые без непосредственного участия сознания. Человек чаще использует *навыки*, то есть усвоенный порядок действий,

характеризующиеся отсутствием поэлементной сознательной регуляции и контроля над процессом решения задачи. «Удобство» вопреки рациональности, проявляющееся в достаточно простых, повседневных действиях людей определенной культуры и даже этноса, фиксируется в деталях технологии обработки камня, в кинематике использования простейших орудий (скребка при обработке шкур, например), в особенностях расположения людей у костра на месте временных ночевок или при трапезе, что может отражаться в характере распространения бытовых отходов и т. п. (Волков, 2020. С. 33–38).

Поиск и фиксация искомым данным такого рода в археологических материалах не представляются простыми занятиями. Но возможности трасологических и технологических методов исследования артефактов, особая методика сбора планиграфических данных позволяют с оптимизмом смотреть на перспективу подобных исследований, где задача экспериментов, например, заключается в поиске ситуаций, допускающих многовариантное разрешение тех или иных проблем, фиксацию стереотипных действий людей по преодолению возникающих затруднений. Археологу-экспериментатору важно отметить в таких случаях признаки автоматизированных действий человека, которые смогли бы найти свое отражение в археологических материалах.

Стандарты поведения человека достаточно отчетливо выявляются при планиграфических исследованиях. Особенно ярко — при изучении

---

¹ Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

² Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирский государственный университет; Новосибирск, Россия; e-mail: volkov100@yandex.ru.

© Волков П. В., 2024

ограниченных пространств, таких, например, как замкнутое стенами жилище человека.

Механические, моторные действия людей исторически устойчивы. Есть основания полагать, что на протяжении достаточно длительного периода времени существенных изменений в подобных стереотипах не происходит. Этнический, гендерный и возрастной стереотипы поведения остаются неизменными. В связи с этим исследования достаточно ранних археологических материалов открывают возможности для изучения их генезиса или прототипов в культуре наших современников.

Базирующиеся на эксперименте функциональные исследования артефактов могут предоставить весьма интересные данные для более детального анализа жилищ человека в самые различные эпохи.

Цель исследований

При всем разнообразии благоустройства современных жилых округлых в плане построек возможна и их некоторая планиграфическая типология. Изучение этнографических материалов Сибири дало возможность З. П. Соколовой выделить три основных типа.

1. Самодийский: «за очагом — нежилая часть, самые лучшие места, в том числе для хозяина и его гостей, находятся посредине слева напротив основных шестов, менее почетные — тоже напротив основного шеста, но справа; гостей и мужчин укладывали спать от середины чума к жерди симса (опорный столб для крепления горизонтальных жердей. — П. В.), женщин — от середины к выходу. Самые худшие места для мужчин были около жерди симса, для женщин — у входа. Этот тип планировки был характерен также для обских угров, селькупов.

2. Тунгусский тип планировки характеризуется наличием особого почетного места напротив входа, за очагом. Женщины и дети располагались справа и слева от входа, далее мужчины — справа и слева от очага. Этот тип планировки характерен для эвенков, эвенов, якутов, народов Амура, кетов, нивхов.

3. Тюрко-монгольский тип планировки предусматривает, что мужчины помещаются слева от входа, женщины — справа, почетная часть — напротив двери; он характерен для алтайцев, тувинцев, бурят, тофаларов, якутов. У шорцев слева от входа — место для хозяина с семьей, справа — для родственников» (Соколова, 1998. С. 183, 184).

Вариаций, или подтипов, планиграфии округлых жилых помещений существует, несомненно, больше, и потому особый интерес вызывают

прототип такого рода сооружений, мотив и причины образования их последующих хронологических и культурных вариантов. Исходя из актуальности поиска и фиксации наиболее ранних следов проявления поведенческих стереотипов носителей различных археологических культур, представляется продуктивным изучение материалов функциональной планиграфии неолитических жилищ на Дальнем Востоке РФ. Выделение вероятных архетипов в планиграфии предоставляет возможность сравнительного анализа жилых конструкций и направления исследований на поиск причин отхода от изначальных стандартов в обустройстве округлых жилищ более позднего времени.

Материал для исследований

Для сравнительных исследований в настоящей работе выбраны материалы малышевской археологической культуры, распространенной на территории бассейна р. Амур. Коллекции артефактов получены, в основном, в результате раскопок на о-ве Сучу рядом с селом Мариинским в Хабаровском крае, который издавна привлекает внимание археологов (Окладников, 1964. С. 199–204; 1973; 1980. С. 28–31, 42, 50; Деревянко, Медведев, 1993; 1996; 2002; Деревянко и др., 2000. С. 160–560; Медведев, 1994; 1995; 1996; 2001). Здесь было обнаружено более сотни жилищных ям-западин. Общая длина участка острова, занятого остатками не всегда отчетливо фиксируемых в настоящее время жилых конструкций, составляет более 750 м.

Наиболее ранние материалы, отобранные для настоящего исследования, датируются началом IV тыс. до н. э., то есть временем малышевской культуры, определяемой в рамках VI–IV тыс. до н. э. (Деревянко, Медведев, 2002). Планиграфические схемы жилищ 24 и 25 поселения о-ва Сучу представлены на рис. 1, 1, 2. Жилище 26 (рис. 1, 3) датировано радиоуглеродным методом (5870±45 л. н.) (Деревянко и др., 2002. С. 256). Этот возраст, начало IV тыс. до н. э., полностью соответствует существующей в настоящее время хронологии малышевской культуры (Деревянко, Медведев, 2002). Датировка жилища 5 (рис. 1, 4) второй половиной IV тыс. до н. э. также позволяет связывать его с малышевской культурой (Медведев, 1996).

Полевые планиграфические наблюдения, сделанные при раскопках жилищ, отмечают различные формы их внешних, а иногда и внутренних границ, местоположение очагов и, как правило, хаотичное рассеяние находок каменных изделий в них (рис. 1). Исследователями была определена

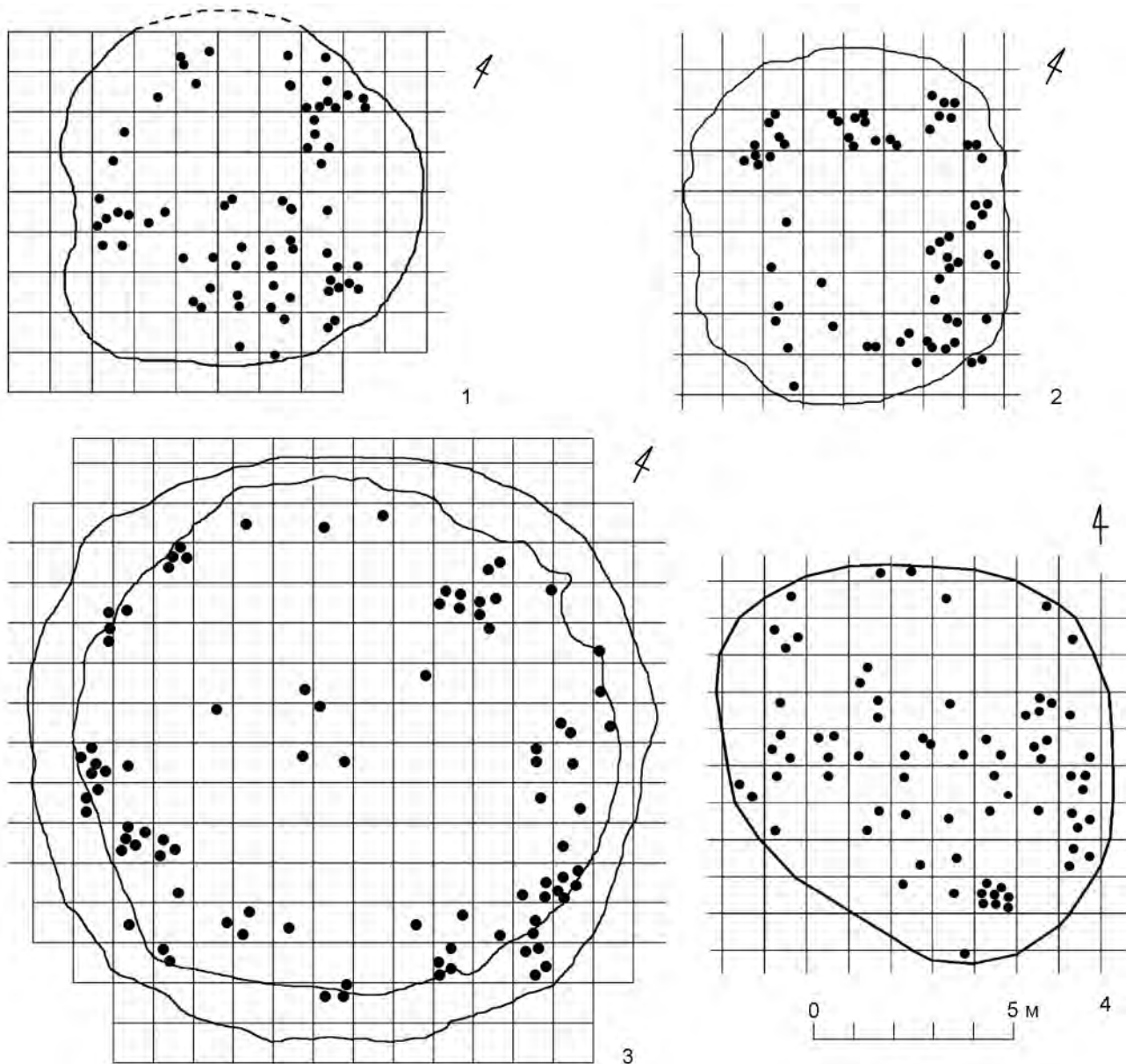

Рис. 1. Остров Сучу. План-схемы жилищ 24 (1), 25 (2), 26 (3) и 5 (4) по данным полевых исследований

Fig. 1. Suchu Island. Plan diagrams of dwellings 24–26 (1–3) and 5 (4) based on field survey data

площадь жилищ, пространственная ориентация, отмечены вероятные места входа в сооружения. Однако аргументированных заключений о функциональном назначении всех этих конструкций или определения рода занятий их обитателей авторы раскопок не сделали.

Функционально-планиграфический анализ жилых конструкций

В результате проведенного экспериментально-трасологического исследования каменных артефактов из жилища было определено их функциональное назначение. Однако нанесение

на контурный план изучаемых конструкций мест их обнаружения никак нельзя считать достаточным для функционально-планиграфического анализа. В настоящем исследовании учитывались: взаиморасположение очаговых конструкций как источника тепла и/или света; относительное расстояние выделяемых функциональных площадок от входа, стен, центра сооружений; дислокация сырьевых хранилищ; места обнаружения заготовок или незавершенных изделий; площадь рабочих пространств или мест отдыха/сна; пространственная ориентация сооружений; относительная степень износа различных орудий обнаруженного

инструментария; характер обрабатываемого материала; параметры площади, необходимой для совершения того или иного производственного процесса; признаки использования основного или вспомогательного инструментария обитателей; характер ландшафта территории; время и сезон обитания; местоположение оставленной людьми керамики; определение мест приготовления, хранения и потребления пищи, мест скопления отходов производства и т. п.

По итогам проведенного планиграфического исследования материалов с о-ва Сучу были выделены рабочие площадки (места различного рода производственной деятельности), зоны отдыха обитателей жилища, расположение очагов, зафиксированных входов в анализируемые сооружения.

Признаками существовавшей рабочей зоны было сочтено обнаружение компактных скоплений сырья, отходов производства, полуфабрикатов изделий, готовой продукции и инструментария, использовавшегося в производстве.

Зона отдыха определялась по наличию комфортных участков площади жилища относительно огня, входа, мест интенсивной работы или деятельности, требующей специально освобожденного пространства.

Предвходовые площадки, если они не фиксировались в ходе раскопочных работ или же в тех случаях, когда вход в жилище предполагался через крышу, выделялись методом исключения, то есть предвходовой площадкой предлагалось именовать место, относительно удаленное от центральных очагов, малопригодное для отдыха и свободное от производственной деятельности.

Проанализированные планы жилищ представлены в виде схематических отображений (рис. 1; 2).

Жилища 24 и 25 на о-ве Сучу

Планиграфический анализ жилища 24 не выявил какой-либо устойчивой закономерности в группировке рабочих зон. Большая часть инструментария, отходов производства или сырьевых заготовок рассеяна, как представляется, достаточно хаотично. Не выявлено и какой-либо системности в распространении орудий и при их дифференциации по степени относительной изношенности или категориям хозяйственной деятельности. Единственным результатом планиграфического анализа стало выделение сравнительно обширных по площади участков трудовой активности обитателей.

Близкие результаты дал и планиграфический анализ жилища 25. Однако в центре данного сооружения еще в ходе полевых исследований был

обнаружен достаточно долго функционировавший очаг. Артефакты, как видно на плане находок, были оставлены людьми на определенном расстоянии от огня, в среднем около 1,5–2,0 м. Однако планиграфический анализ не выявил сколько-нибудь значимой специфики в концентрации находок использовавшегося инструментария. Несмотря на то что на плане жилища удалось отметить концентрацию орудий охоты в северо-восточной части, в целом же и при детальном функциональном определении инструментария внутри жилища особой системности в расположении артефактов не обнаружено.

Следует предположить, что в жилых конструкциях исследуемого типа из-за их относительно небольшой площади какой-либо устойчивой закономерности в дислокации рабочих площадок или зон отдыха не существовало. Вероятно, образование рабочих площадок или организация мест отдыха происходила спонтанно, без особой привязки к сторонам света, входу или очагу.

Жилище 26 на о-ве Сучу

Данное сооружение синхронно 24-му и 25-му. Его отличительной особенностью является размер: оно самое крупное на о-ве Сучу. По итогам планиграфического исследования здесь было выделено несколько характерных хозяйственно-бытовых зон.

Центр жилища — место нескольких очагов. Наличия инструментов, фиксирующих производственную площадку, здесь и не предполагается. Очевидно, что деятельность обитателей жилища в указанном месте была связана исключительно с тепловой обработкой пищи, приготовлением еды, возможно, сушкой одежды и подобными занятиями, следы которых не зафиксированы. Расстояние от следов горения в очагах до мест, функционально выделенных и связанных с различного рода производством, вполне естественное, достаточное для освещения и комфортного обогрева рабочего пространства.

Северо-восточный сектор жилища. Здесь найдены ножи и инструменты, связанные с обработкой мяса. Рабочая зона сравнительно компактна и четко локализована. Вполне логично предположить специализацию данного места внутри жилища, так как обнаружены следы вторичной переработки мяса, вероятно, при его подготовке к тепловой обработке. Если домашняя переработка продуктов охоты была женским занятием, можно интерпретировать эту левую от входа зону жилища как женскую.

Северо-западную часть жилища можно считать предвходовой. Никаких орудий здесь

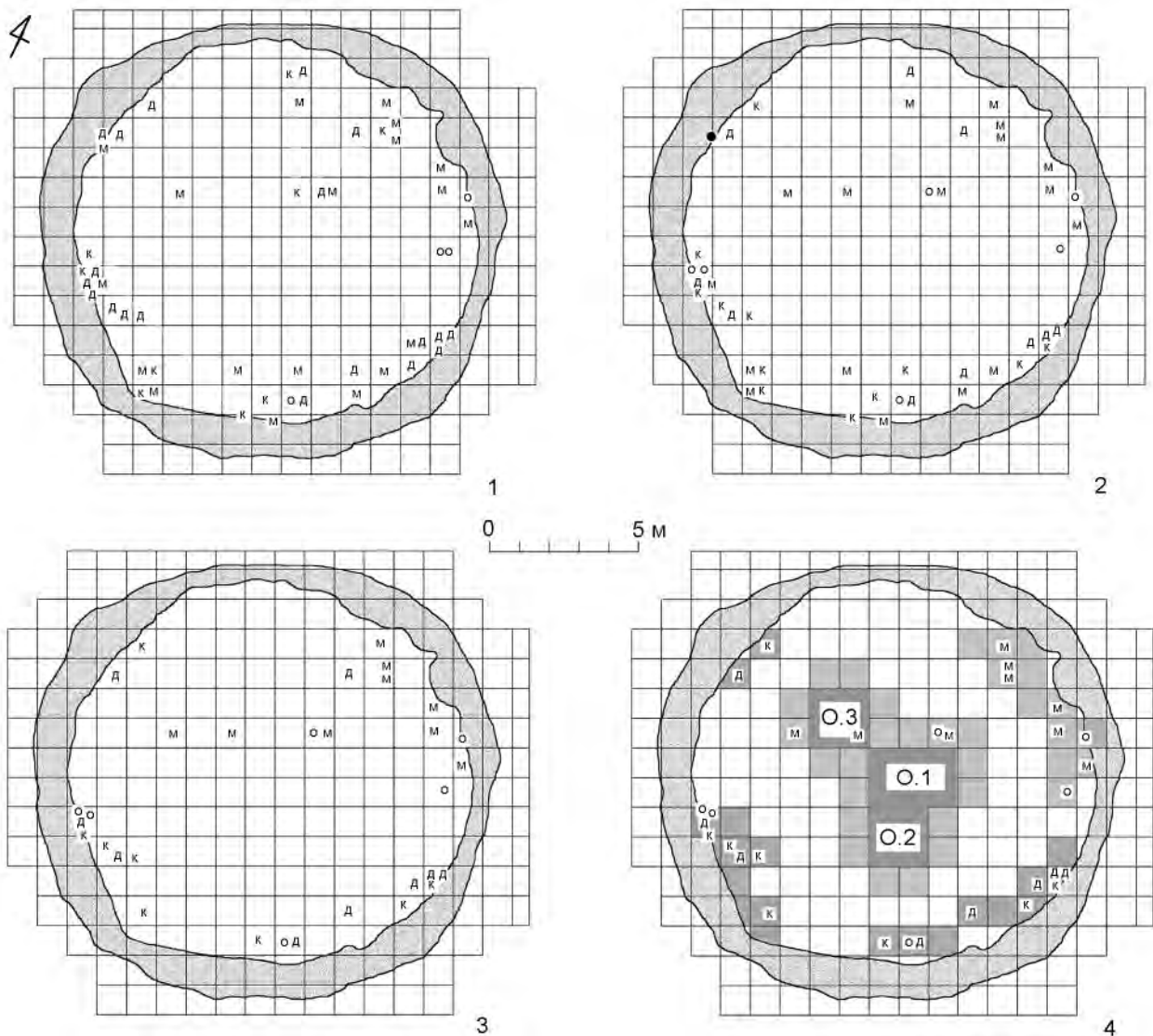

Рис. 2. Остров Сучу, жилище 26: 1–3 — орудия (1 — по основным функционально-морфологическим типам, 2 — по функциям их последнего использования, 3 — активно утилизированные); 4 — зоны очагов (О.) и выделяемые хозяйственно-бытовые комплексы (орудия: м — для работы с мясом, к — для обработки камня, д — для обработки дерева, о — другие, ● — без следов износа)

Fig. 2. Suchu Island, dwelling 26: 1–3 — implements (1 — by main functional-morphological types, 2 — by functions of their last use, 3 — actively utilized); 4 — zones of fire-places (O.) and distinguished household complexes (tools: m — for working with meat, k — for stone working, d — for woodworking, o — other, ● — without use-wear traces)

не найдено. Судя по пропорциям жилища, место входа имеет достаточные, вполне обычные в таких случаях, размеры.

Дальняя от входа зона жилища имела следы работы с камнем (доводки, правки орудий) и органикой. Концентрация инструментов здесь (относительно предполагаемой площади) не очень велика. Это место можно интерпретировать как зону отдыха (очевидно, ночного) и как производственную «домашнего характера» (подправка

каменных элементов орудия, работа с рогом и деревом).

Западный сектор жилища (правый от входа) — вероятно, мужская территория. Здесь мы видим совсем небольшое число оставленных инструментов (для работы с камнем и деревом). Очевидно, что регулярной, долговременной работой здесь не занимались.

Каждая из выделяемых нами зон активности внутри данного жилища отчетливо ограничена

«чистым» пространством, где следов производственной активности обитателей не обнаружено. Площади зон достаточно велики. В целом организация пространства внутри изучаемого жилища представляется вполне логичной и во многом напоминает таковую внутри круглых в плане жилищ народов этнографического времени.

Жилище 5 на о-ве Сучу

По совокупности полученных данных было сделано функционально-планиграфическое зонирование территории комплекса.

Дифференциация орудий по функциональным категориям показала, что все орудия, связанные с обработкой мяса, оказались в скоплении *вне* стен жилища с юго-западной стороны. Подавляющее большинство орудий для работы с деревом — *внутри* жилища.

Среди находок комплекса была обнаружена серия наконечников стрел без видимых следов использования. Характерна дислокация находок: все они, за единственным исключением, найдены в скоплении в восточном секторе жилища. Можно предположить и неслучайность обнаружения на этой же площадке деревообрабатывающих инструментов. Вполне уместно толковать данную зону жилища как место производства охотничьего снаряжения.

Скопления сколов, отщепов и микрочешуек свидетельствуют о процессе расщепления камня. Все находки такого рода обнаружены *вне* стен жилища с южной и северо-западной сторон, внутри следов раскалывания камня нет. Если учесть, что процесс расщепления требует хорошей освещенности, то становится понятной и причина предпочтения организации рабочих площадок на открытом воздухе, причем со стороны полуденного и вечернего солнца.

Разделка туш животных, судя по месту обнаружения специализированных ножей, происходила также *вне* жилища. Место для работы выбрано, опять же, у юго-западной стены жилища. Данная площадка оптимальна и при учете местной розы ветров (с преобладанием северного и северо-восточного направлений). Если верно предположение об обработке мерзлого мяса, то ее расположение в холодный сезон именно с подветренной стороны жилого сооружения представляется вполне естественным.

Вход в жилище в ходе полевых исследований не был обнаружен. Вероятно, что проникновение обитателей внутрь помещения происходило через крышу, дымоход или иное специальное отверстие. Возможно, этим обстоятельством опре-

делено и создание *внешней* площадки для работы с крупными фрагментами мясной добычи — площадь, занимаемая конструкцией входа через крышу, не могла быть достаточно просторной для такого рода работы.

Предвходовой площадкой внутри жилища мог быть северо-северо-восточный сектор конструкции. Здесь нет находок, кроме тесла и следов бытовой или производственной активности обитателей.

Рассматриваемое жилище использовалось, вероятно, в качестве жилого или производственного. В центре помещения — очаг. Однако он, видимо, не является аккумулялирующим центром жизнедеятельности обитателей. Ни одно из скоплений артефактов не связано напрямую с местом горения огня.

Обнаружение керамических сосудов преимущественно в юго-западном секторе может быть следствием использования этого места для приготовления и употребления пищи. Здесь же велось и производство каменного инструментария из заготовок, подготовленных *вне* стен жилища. Обработка камня велась шлифовкой. Процесс этот, в отличие от расщепления камня, сравнительно долгий, предполагает «домашний» комфорт и не требует хорошего освещения.

В восточном секторе жилища нет следов употребления или приготовления пищи. О некоторой обособленности данной зоны свидетельствуют и следы производства, требующего неординарной квалификации, — завершающего этапа производства охотничьего снаряжения. Вполне вероятно, занятия мужского.

Возможно существование обособленного места в северо-западном секторе жилища. Находок здесь сравнительно мало. Назначение площадки неясно.

В целом конструкцию 5 с о-ва Сучу можно охарактеризовать как производственно-жилое помещение. Время обитания сравнительно непродолжительное и, вероятно, зимнее. Его характерной особенностью является дифференциация происходивших здесь производственных процессов при выделке деревообрабатывающих орудий и средств охоты.

Сравнительные характеристики исследуемых конструкций

Провести достаточно жесткую типологию в функциональном зонировании жилых конструкций исследуемого времени, как видим, достаточно затруднительно. Вероятно, образование многих рабочих площадок или организация зон отдыха во многих случаях происходила достаточно

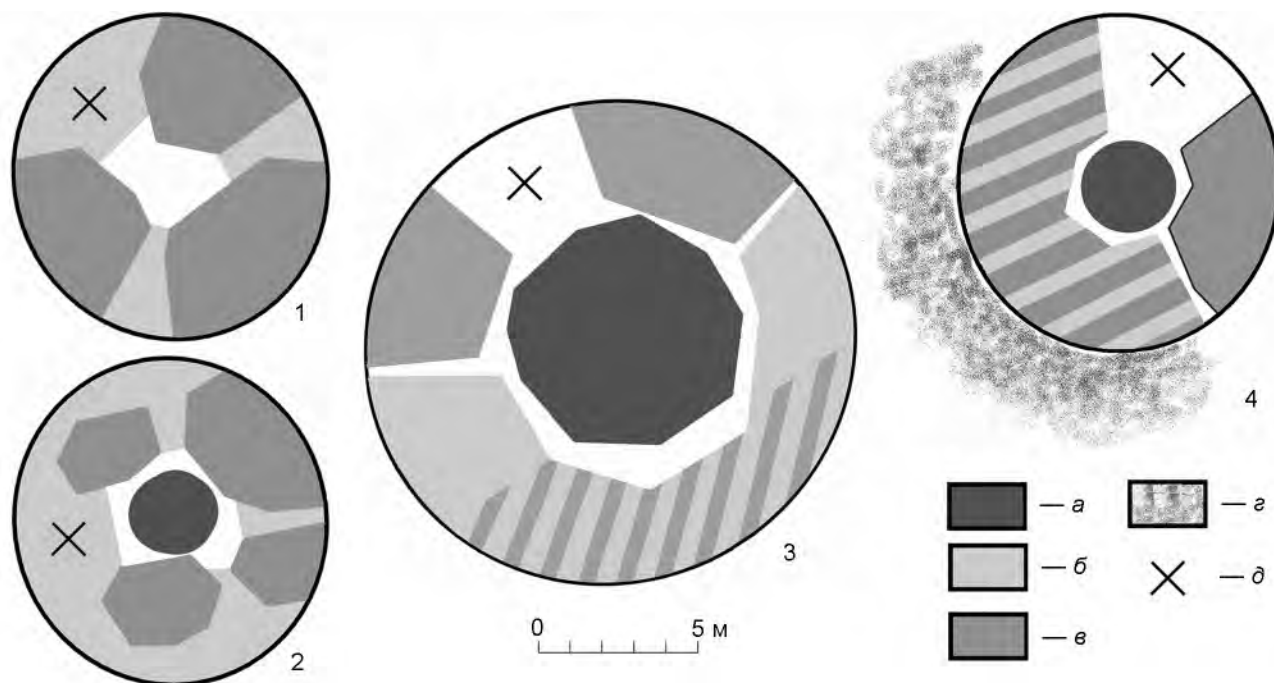

Рис. 3. Остров Сучу. Сводная схема функционального зонирования жилищ 24 (1), 25 (2), 26 (3) и 5 (4) (а — очаговые зоны, б — зоны отдыха, в — рабочие зоны, г — внешние рабочие площадки, д — площадки у входа)
 Fig. 3. Suchu Island. Summary diagram of functional zoning of dwellings 24 (1), 25 (2), 26 (3) and 5 (4) (a — zones of fire-places, б — recreational zones, в — working zones, г — external working zones, д — entrance zones)

спонтанно. Вместе с тем ряд наблюдений позволяет выделить некоторые закономерности (рис. 3).

Расположение кострищ в центре сооружений — почти обязательный атрибут ранних круглых жилищ. Для прогрева больших объемов помещения разместить очаг иначе, чем в центре конструкции, пожалуй, и невозможно.

Обитатели жилищ этого периода организовывали места своего отдыха или работы, так или иначе, вокруг кострищ своих помещений.

Следы огня в жилищах финала эпохи существования малышевской культуры обнаруживаются необязательно в геометрическом центре сооружений. Можно наблюдать «смещение» очагов не только по центральной, осевой, линии жилищных конструкций, но и их размещение непосредственно на площадках у входа или даже *перед* входом в жилище.

Рабочие площадки и места отдыха людей более позднего времени не так жестко привязаны к огню. Есть основания предполагать, что люди уже использовали очаги более сложных и разнообразных конструкций (Волков, 2020. С. 55–65). Для их сравнительного изучения и определения взаимосвязи типа костра и способа организации вокруг него обитаемого пространства уже есть разработанная методика и база данных. На на-

стоящем этапе исследований можно отметить, что в более позднее время не расположение очага определяло место работы и отдыха людей, а наоборот, огонь разжигали в месте, удобном для производства или оптимальном для ночного отдыха.

Сравнение полученных данных показывает, что если на раннем этапе рассматриваемого периода жилище всегда было местом, достаточным для организации практически любых производственных операций, то в более позднее время ситуация изменилась: не только некоторые рабочие площадки порой выносились во внешнее пространство, но и сами обитатели жилых конструкций начинают специализироваться на каком-либо определенном этапе производственного процесса. Не исключено, что это отразилось и во внутреннем обустройстве внешне стандартных построек.

Следует отметить и особенность пространственной ориентации построек: жилища о-ва Сучу не имеют строгой ориентации по направлению к востоку, полуденному солнцу или речному берегу.

Дискуссия

Конечно, как в архитектуре сооружений, так и в хозяйственной деятельности людей многое определялось климатом. Жилища о-ва Сучу находятся

в природно-климатическом регионе, имеющем ряд особенностей. Сезонное рыболовство в период массового нерестового хода рыбы предполагает участие в этом жизнеопределяющем процессе максимального количества работников. «Добыча рыбы здесь, в отличие от охотничьих занятий, не требовала от людей постоянного перемещения вслед за объектами промысла. Регулярный нерестовый ход рыбы давал людям огромные возможности для проведения массовой заготовки продуктов питания. Эффективный труд нескольких недель обеспечивал калорийным питанием на целый год. Преимущества рыболовства перед охотой в данной части региона очевидны и сейчас. Население вполне естественно закреплялось на местах, удобных для такого рода сезонной активности. Особенно отчетливо это заметно по материалам мальшевской культуры» (Волков и др., 2006. С. 14).

Вполне вероятно, что жилые постройки на острове могли вмещать сравнительно большое число обитателей. Не исключено и размещение в каждой из них нескольких семей. Отсюда и вероятность в относительно позднее время их значительных размеров и округлости в плане как конструкций, предполагающих вариативность организации внутреннего пространства и независимость от внешней ориентации.

Ловля и обработка рыбы — основное занятие носителей мальшевской культуры — предполагают деятельность вне жилых помещений. Внутри обитаемых конструкций люди могли заниматься обработкой шкур, работой с деревом, камнем, костью и чем-то подобным — занятиями, требующими рабочих площадок относительно не большого размера. Следовательно, при организации пространства внутри сравнительно больших круглых помещений комфорт и безопасность его обитателей принимались во внимание не в последнюю очередь.

Жилище 26 — самое древнее из реконструированных в функционально-планиграфическом аспекте. Его большие размеры не могли обусловить пространственные ограничения в планиграфии. Не могли быть случайными места работы, отдыха, как и деление жилища на условные гендерные зоны. Сложилось впечатление, что разделение на мужскую и женскую стороны могло быть обусловлено и потребностью в эффективной обороне жилого пространства, так как местоположение защитника круглого дома подчинено логике «оборонительной эргономики». Предполагая наиболее вероятное направление атаки потенциального противника именно со стороны входа,

обороняющий жилище человек мог и должен был располагаться исключительно *справа* от дверей: только здесь можно эффективно использовать оружие, удерживаемое в правой руке (нож, копье и т. п.). В левой руке вполне естественно удержание щита или любого другого, даже случайного, предмета, отражающего первый удар противника.

Если обороняющий вход воин расположится слева от порога, то использование им копья или стрельба из лука становятся вообще невозможными — ему будет мешать стена за спиной справа. Кроме того, для нанесения удара ножом, например, требуется двойное действие: разворот вправо (почти на 180°) и только после этого атакующее действие (удар ножом). Использование копья, плети, рубящего оружия еще более затруднительно. Двойная затрата времени в опасной ситуации всегда нежелательна. Всякого рода *подготовка* к началу обороны крайне опасна — решающий момент может быть упущен. При оптимальном расположении защитника помещения *справа* от входа замаха, подготовки или предварительного поворота туловища в боевое положение вообще не требуется. К мгновенному началу обороны и контратаки при таком местонахождении мужчины в округлом жилище готово практически всё.

Вооруженный агрессор чаще всего атакует цели впереди и впереди-слева от себя (в круглом жилище это площадка перед входом и левая от входа сторона). При такого рода действиях агрессор становится наиболее уязвим при контратаке со спины, то есть с правой от входа стороны. Следовательно, оборонительная позиция *справа* от входа является *единственно* разумной.

В постнеолитическое время мы наблюдаем перемещение изначального места расположения мужчин в зоне около входа в левую или даже в дальнюю от входа часть жилища. Это следует считать очень важным и неслучайным явлением. Чем дальше от оборонительной позиции располагаются мужчины, тем фактически дальше они стремятся уйти от оборонительной ответственности. Чем больше посторонних предметов, женщин и детей оказывается на пути потенциальной агрессии со стороны входа и мужчинами в доме, тем меньше такие «защитники» думают о реальной обороне дома и больше пекутся о своей *личной* безопасности. В исторической практике более позднего времени мы можем наблюдать явное отклонение от исторически изначальной оптимальной рационально-оборонительной планировки округлых жилищ. Особенно яркие функционально-планиграфические различия наблюдаются при сравнении

жилых конструкций оседлого населения малышевской культуры и переносных жилых сооружений кочевых народов (Соколова, 1998).

Заключение

Как видим, сколько-нибудь заметной близости к «неолитическому образцу» в организации жилого пространства у обитателей более поздних жилищ отметить не удастся. Планировку 26-го жилища можно считать не только оптимальной, но и рассматривать как своеобразный исторический прототип. Его общая площадь достаточно велика для организации комфортных мест отдыха и работы. Зона очагов была просторна и позволяла сооружать отопительные конструкции самых разных типов. Функциональное разделение площади жилища отчетливо, логично и может считаться отправной точкой при анализе других аналогичных сооружений эпохи неолита и раннего металла на территории Севера и Востока Азии.

Конечно же, сделанные в настоящей работе наблюдения носят только предварительный характер. Количество привлекаемого для исследований материала пока невелико. Функционально-планиграфический анализ древнейших жилищ региона еще только начат, но предлагаемые методика анализа и типология жилых сооружений могут послужить в качестве отправной точки для исследования богатейшего археологического материала. Продолжение сбора и систематизации данных представляются крайне перспективными. Расширение создаваемой базы данных и продолжение начатых исследований позволят нам не только отметить изменчивость в палеохозяйстве и/или в архитектуре построек эпохи голоцена, но и создать необходимую основу для изучения эво-

люции в адаптационных процессах жизни древнего населения.

Время и мотив появления традиции располагать мужчин-защитников в наиболее удаленном от входа месте внутри «округлого дома» тоже представляют несомненный интерес. Связано ли это с изменениями в размерах жилищ, числом их обитателей, их оборонительными способностями или с какими-либо психологическими факторами — это вопросы, требующие отдельного рассмотрения. Вместе с тем функциональный анализ инструментария при исследовании жилищ на территориях изучаемых археологических памятников не только способствует оптимизации типологии артефактов изучаемой коллекции, но и способен заложить основы для продуктивного сравнительного анализа, сопоставлений и планиграфического анализа самых различных производственных или жилых конструкций древности. Но всегда ли изменения в планиграфии жилых построек относительно позднего времени есть следствие перемен в хозяйстве или в совершенствовании оборонительного вооружения обитателей округлых жилищ? Не обусловлена ли постнеолитическая традиция в планиграфии жилья в большей степени именно искомыми стереотипами мышления, подвергнувшимися со временем влиянию формирующейся стандартизации мышления?

На севере Азии, на территориях современных Кореи, Китая и Японии, раскопано огромное количество жилищ времени от неолита до эпохи раннего железа. Тщательность произведенных раскопок несомненна, но функционально-планиграфических исследований, насколько нам известно, никто не производил и не производит. Перспектива, как видим, очевидна.

Волков, 2000 — Волков П. В. Новые аспекты исследований в экспериментальной археологии палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4 (4). С. 30–37.

Волков, 2020 — Волков П. В. Человек за камнем. Археология в последнее время. СПб.: МОО Платоновское философское общество, 2020. 280 с.

Волков и др., 2006 — Волков П. В., Деревянко А. П., Медведев В. Е. Палеоэкономика населения среднего и нижнего Амура в конце неоплейстоцена — середине голоцена // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 2–15.

Деревянко, Медведев, 1993 — Деревянко А. П., Медведев В. Е. Исследования поселения Гася. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1993. 109 с.

Деревянко, Медведев, 1996 — Деревянко А. П., Медведев В. Е. Остров Сучу — уникальный памятник археологии Дальнего Востока // Археология Северной Пацифики / Отв. ред. И. С. Жущиховская и др. Владивосток: б. и., 1996. С. 214–221.

Деревянко, Медведев, 2002 — Деревянко А. П., Медведев В. Е. К тридцатилетию начала стационарных исследований на о-ве Сучу (некоторые итоги) // История и культура Востока Азии: Материалы междунар. науч. конф. к 70-летию В. Е. Ларичева (Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.) / Отв. ред. С. В. Алкин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. 2. С. 53–72.

Деревянко и др., 2000 — Деревянко А. П., Чо Ю-Чжон, Медведев В. Е., Ким Сон-Тэ, Юн Кын-Иль, Хон Хен-У, Чжун Сук-Бэ, Краминцев В. А., Кан Ин-Ук,

- Ласкин А. Р.* Отчет о раскопках на острове Сучу в Ульчском районе Хабаровского края в 2000 г. Сеул: б. и., 2000. 565 с.
- Деревянко и др., 2002* — *Деревянко А. П., Чо Ю-Чжон, Медведев В. Е., Юн Кын-Ил, Хон Хен-У, Чжун Сук-Бэ, Краминцев В. А., Медведева О. С., Филатова И. В.* Исследования на острове Сучу в Нижнем Приамурье в 2001 году. Сеул: б. и., 2002. Т. 1. 419 с.
- Медведев, 1994* — *Медведев В. Е.* Неолитическое святилище на Амуре // АО 1993 года. М.: Наука, 1994. С. 177–178.
- Медведев, 1995* — *Медведев В. Е.* Раскопки на Нижнем Амуре // АО 1994 года. М.: Наука, 1995. С. 289–291.
- Медведев, 1996* — *Медведев В. Е.* Исследования на острове Сучу // АО 1995 года. М.: Наука, 1996. С. 350–351.
- Медведев, 2001* — *Медведев В. Е.* Раскопки на Амуре // АО 1999 года. М.: Наука, 2001. С. 270–271.
- Окладников, 1964* — *Окладников А. П.* Неолит Нижнего Амура // Древняя Сибирь (макет I тома «Истории Сибири»). Улан-Удэ: б. и., 1964. С. 195–214.
- Окладников, 1973* — *Окладников А. П.* Новые данные по неолиту Нижнего Амура // АО 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 232–233.
- Окладников, 1980* — *Окладников А. П.* О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. // Источники по археологии Северной Азии: Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Молодина. Новосибирск: б. и., 1980. С. 3–52.
- Соколова, 1998* — *Соколова З. П.* Жилище народов Сибири (опыт типологии). М.: ИПА «Три Л», 1998. 284 с.

Spatial analysis and reconstruction of the Neolithic dwellings from the Russian Far East

P. V. Volkov³

Keywords: Neolithic, dwellings, spatial analysis, reconstruction, archetype.

The paper outlines the basic principles of the methodology and experience of using the results of technological, trace and spatial analysis in order to search, fix and determine the traces of behavioral stereotypes in individual and group specifics of mental activity of various archaeological cultures' bearers.

The materials of the Malyshevo Neolithic culture, widespread in the Amur River basin, were selected for comparative studies. The analyze is giving consideration to the spatial organization, the interlocation of hearth structures, the relative distance of the allocated functional areas from the entrance, walls, center of the structures, the dislocation of raw material storages, the places of detection of unfinished in the production process blanks of products, the area of working places or places of rest of the inhabitants, the orientation of the structures on the sides of the world, the relative degree of wear of various tools of the discovered tools, the nature of the processed material, the parameters of the area required for the perfection of the construction of the structure. The reasons for gender differentiation of the studied living spaces are suggested. The archetype of rounded dwelling arrangement is reconstructed, and the reasons of the later digression from the original standards are outlined.

Comparison of the obtained data with the spatial organization of later nomadic peoples' portable dwelling structures shows that if earlier variants of dwelling layout were sufficient for practically any production operations, later times the situation changed. The dwellings' inhabitants began to move their working places outside the dwelling and to organize its inner space according to a completely different principle.

A database was created to study the evolution in the adaptation processes of the life of the region's ancient population.

³ Pavel V. Volkov — Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University; Novosibirsk, Russia; e-mail: volkov100@yandex.ru.

Металлические топоры-тесла среднего бронзового века Северного Кавказа и степной зоны юга Восточной Европы¹

А. И. Климущина²

Аннотация. Работа посвящена анализу топоров-тесел среднего бронзового века из памятников Северного Кавказа и южной половины Восточной Европы. На основании метода корреляции двух показателей, индекса А (отношения длины орудия к ширине лезвия) и индекса Б (отношения ширины лезвия к ширине пятки орудия), сделана классификация топоров-тесел и выделены три культурно-хронологические группы.

Ключевые слова: Восточная Европа, Северный Кавказ, средний бронзовый век, металлопроизводство, топоры-тесла, классификация, корреляционный анализ.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-27-35

Топоры-тесла относятся к числу самых многочисленных металлических изделий среднего бронзового века Северного Кавказа и южной (степной) зоны Восточной Европы. Это орудия, имеющие в плане трапециевидную форму и прямоугольное поперечное сечение. Верхний конец изделий (обушковая часть) может быть прямым, закругленным или вогнутым. Лезвие прямое или закругленное, иногда оно сильно расширено по отношению к обушке. В профиле лезвие может быть симметричным или асимметричным. В первом случае такие орудия можно относить к категории топоров, о чем свидетельствуют находки тесел с сохранившимися топоричами. В случае асимметричного лезвия орудия использовались как тесла. Топоры-тесла принято относить к категории деревообрабатывающих орудий. Кроме того, их могли использовать как долота и в качестве землеройных инструментов, о последнем

свидетельствуют следы от работы ими на стенках входных колодцев некоторых катакомб.

В настоящее время на территории Северного Кавказа и степной зоны Восточной Европы известно более сотни находок топоров-тесел. В отличие от других металлических предметов эти орудия сравнительно часто находят в составе инвентаря погребений. Эти обстоятельства позволяют считать топоры-тесла значимыми для хронологии.

Топоры-тесла неоднократно являлись объектом исследования — это работы А. А. Иессена, С. Н. Братченко, Е. И. Гака и Л. А. Черных (Иессен, 1950; Братченко, 1996; Братченко, Санжаров, 2001; Черных, 1997; Гак, 2004). А. А. Иессен на Северо-Западном Кавказе выделил привольненский и костромской хронологические этапы развития металлопроизводства среднего бронзового века. Для первого из них характерному типу он отнес тесла из Привольненского клада, а для второго — из Костромского (Иессен, 1950. С. 171, 172) (рис. 1, 2, 4). Хотя эта классификация тесел преимущественно касалась памятников Северо-Западного Кавказа, в дальнейшем она стала широко использоваться и для материалов степных территорий Восточной Европы.

Следующий шаг в разработке проблематики сделал С. Н. Братченко. Он использовал гораздо более обширный материал из памятников энеолита, раннего и среднего бронзового века всего юга Восточной Европы (Братченко, 1996. С. 45–51,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00065, <https://rscf.ru/project/22-18-00065/> «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А. И. Герцена.

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: Elizavetaklim21@mail.ru.

© Климущина А. И., 2024

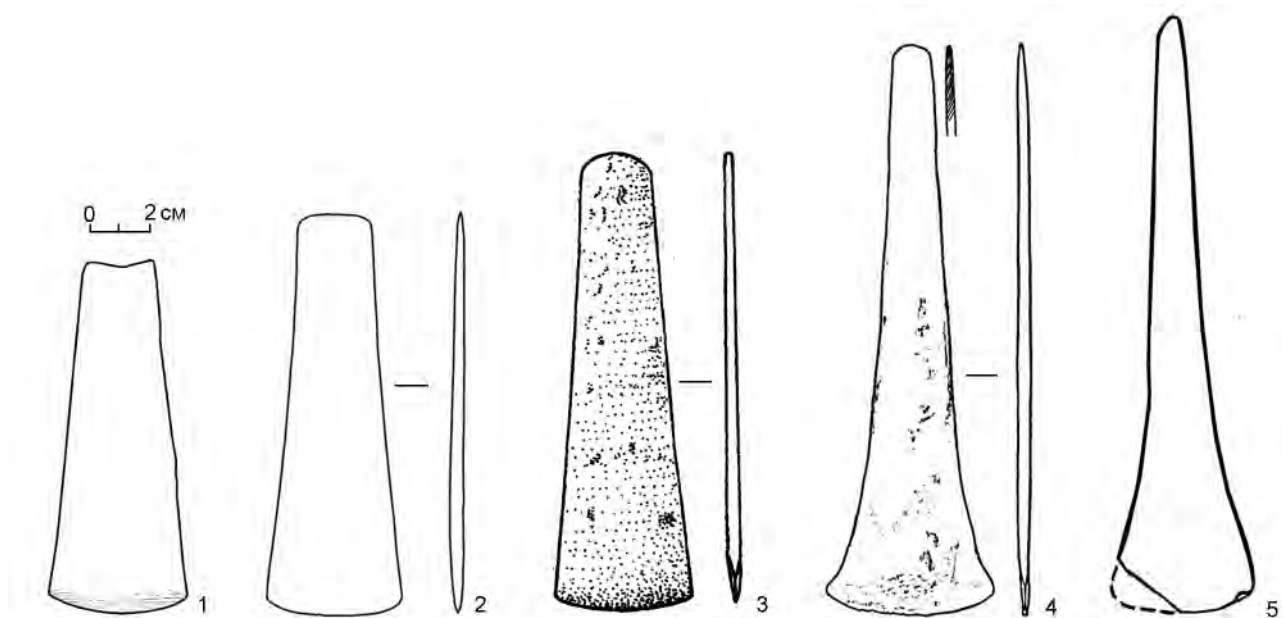

Рис. 1. Разные типы топоров-тесел среднего бронзового века из погребений катакомбной культуры и кладов: 1 — Славяносербск, 1918 г.; 2 — Привольненский клад (рисунок автора); 3 — Беловодск (курган 6, погребение 2); 4 — Костромской клад (рисунок И. Ж. Тутяевой); 5 — Алитуб (курган 3, погребение 26)

Fig. 1. Different types of axes-adzes of the Middle Bronze Age from the burials of the Catacomb culture and hoards: 1 — Slavyanoserbbsk, 1918; 2 — Privolnoye hoard (drawing by the author); 3 — Belovodsk (barrow 6, burial 2); 4 — Kostroma hoard (drawing by I. Zh. Tutayeva); 5 — Alitub (barrow 3, burial 26)

[1 — Братченко, 2001. Ч. 2. Рис. 73, 3; 3, 5 — Братченко, Санжаров, 2001. С. 28, рис. 15, 7; 64, рис. 36, 7]

рис. 9–11; Братченко, Санжаров, 2001. С. 55–66, рис. 35). Для классификации этого материала он разработал статистический метод изучения пропорций тесел, согласно которому проводится корреляция двух показателей — индексов А и Б: первый (А) представляет собой отношение длины орудия к ширине его лезвия, второй (Б) — отношение ширины лезвия к ширине обушка. Корреляция этих индексов позволила С. Н. Братченко статистически подтвердить существование привольненского и костромского типов топоров-тесел (Братченко, Санжаров, 2001. Рис. 35). Кроме того, ему также удалось выделить группы тесел энеолита и раннего бронзового века, а также раннекатакомбного времени (Братченко, 1996. Рис. 9). В своих работах исследователь показал, что процесс развития топоров-тесел в степной полосе Восточной Европы в эпоху бронзы имел плавный «эволюционный» характер. Это объясняет тот факт, что в ряде случаев трудно провести четкую границу между типами. В частности, это касается тесел посткатакомбного времени (костромских), разделенных С. Н. Братченко на три типа: скаунский, кнышевский и костромской (Братченко, Санжаров, 2001. С. 66). Первые два типа мало-

численны и по своим морфологическим характеристикам достаточно аморфны. Вызывает также сомнение отнесение к костромскому типу тесла из катакомбного погребения у с. Алитуб (рис. 1, 5). На графике С. Н. Братченко это тесло оказалось значительно оторвано от основной группы орудий костромского типа (Там же. Рис. 35; 36, 7).

Изучение топоров-тесел с помощью анализа метрических показателей и их соотношения продолжила Л. А. Черных (1997). По аналогии с работой С. Н. Братченко она составила корреляционный график топоров-тесел из памятников майкопской, новосвободненской, ямной, полтавкинской, катакомбной и северокавказской культур. Ею были также привлечены материалы позднеэнеолитических комплексов Северного и Северо-Западного Причерноморья. Исследовательница ставила перед собой задачу отделить северопричерноморские орудия от северокавказских. По основным типологическим характеристикам эти тесла очень схожи, однако они отличаются морфологически. Как показал корреляционный график, тесла из позднеэнеолитических и раннеямных памятников Северного Причерноморья составляют отдельную группу, отличающуюся от майкопских и новосвободненских

орудий по корреляции индексов (А и Б) (Черных, 1997. С. 101, рис. 2). Что касается топоров-тесел среднего бронзового века, то здесь выделение различных групп по материалам археологических культур не удалось четко проследить. В целом это объясняется малочисленностью тесел в захоронениях северокавказской культуры по сравнению с материалами катакомбных погребений.

Классификации топоров-тесел также посвящена работа Е. И. Гака (Гак, 2004). Он выделил еще один тип тесел катакомбного времени — комаровский. Кроме того, исследователь предпринял попытку разработки типологии этих орудий. По его мнению, тесла привольненского типа стали исходной формой двух линий развития этих орудий. Одна из них привела к появлению скакунского типа, а другая — комаровского, кнышевского и костромского (Там же. Рис. 2). Согласно этой схеме, тесла скакунского типа отражают тенденцию удлинения пропорций привольненских орудий, а тесла комаровского и последующих типов — расширения лезвия вместе с удлинением пропорций.

Целью настоящей работы является уточнение предложенных классификаций топоров-тесел, их хронологии и культурной принадлежности. Это стало возможным благодаря новым находкам и исследованиям, а также уточнению предметного состава некоторых известных памятников.

Источниковую базу исследования составляют данные о 75 экземплярах топоров-тесел с Северного Кавказа и степной зоны Восточной Европы. В эту выборку не вошли изделия среднего бронзового века из погребений северокавказской культуры, а также некоторых других памятников Северокавказского региона, которые, на наш взгляд, принадлежат другой, закавказской, линии развития данных орудий (см.: Корневский и др., 2018. С. 78, 79, рис. 6, 5). Кроме того, не учитывались изделия, по которым отсутствуют достоверные сведения об их метрических показателях.

Из 75 топоров-тесел 34 экземпляра относятся к материалам погребений (табл.). За одним исключением (Морокино 8/1³) все они найдены

³ Здесь и далее при упоминании погребений указывается номер кургана и через косую черту — номер погребения: Морокино 8/1 соответствует — Морокино, курган 8, погребение 1.

на памятниках катакомбной культурно-исторической общности. Еще 29 тесел входят в состав различных кладов, в том числе таких значимых с точки зрения хронологии, как Привольненский и Костромской. Дополняют базу данных случайные находки топоров-тесел, а также находки неизвестного происхождения (11 экз.).

Весь материал предварительно был разбит на три группы, в основу выделения которых положен культурно-хронологический принцип (рис. 2–4). В первую (17 экз.) объединены изделия, относящиеся к раннему и среднему этапам катакомбной культуры (рис. 2, 1–4). Материалы этого времени рассматриваются совместно как основа для дальнейшего развития всех других типов тесел. Далее следует вторая группа (20 экз.) из памятников позднекатакомбного времени (рис. 2, 5–8). Здесь практически все тесла, кроме одной случайной находки, происходят из погребений. Третью группу (34 экз.) составляют тесла посткатакомбного времени (рис. 4). Они могли принадлежать бабинской и другим синхронным группам конца среднего бронзового века. По названию типа тесел, входящих в эту группу, она именуется костромской. В большинстве своем (24 экз.) в нее были включены тесла, входящие в состав кладовых находок (рис. 4, 2–10). Также к этой группе отнесены две находки из памятников посткатакомбного времени: из погребения бабинской культуры Морокино 8/1 (рис. 4, 9) и случайная находка на поселении каменско-ливенцовской группы Глейки в Восточном Крыму (рис. 4, 1), которые типологически относятся к костромским теслам.

Важно отметить, что при включении тех или иных тесел в группы решающее значение имел культурно-хронологический принцип, то есть отнесение находки к катакомбному (раннему, среднему, позднему) и посткатакомбному времени. Там, где точное хронологическое определение затруднено, например, как с орудиями из Привольненского клада (рис. 3), они рассматриваются вне групп и на корреляционном графике обозначены отдельно.

На основании метрических данных орудий были рассчитаны индексы А и Б, которые были скоррелированы между собой. На графике (рис. 5) разным цветом обозначены тесла трех

Таблица. Распределение находок топоров-тесел среднего бронзового века по памятникам

Категории памятников	Погребения	Клады	Поселения	Единичные случайные находки и находки неизвестного происхождения
Количество, экз.	34	29	1	11

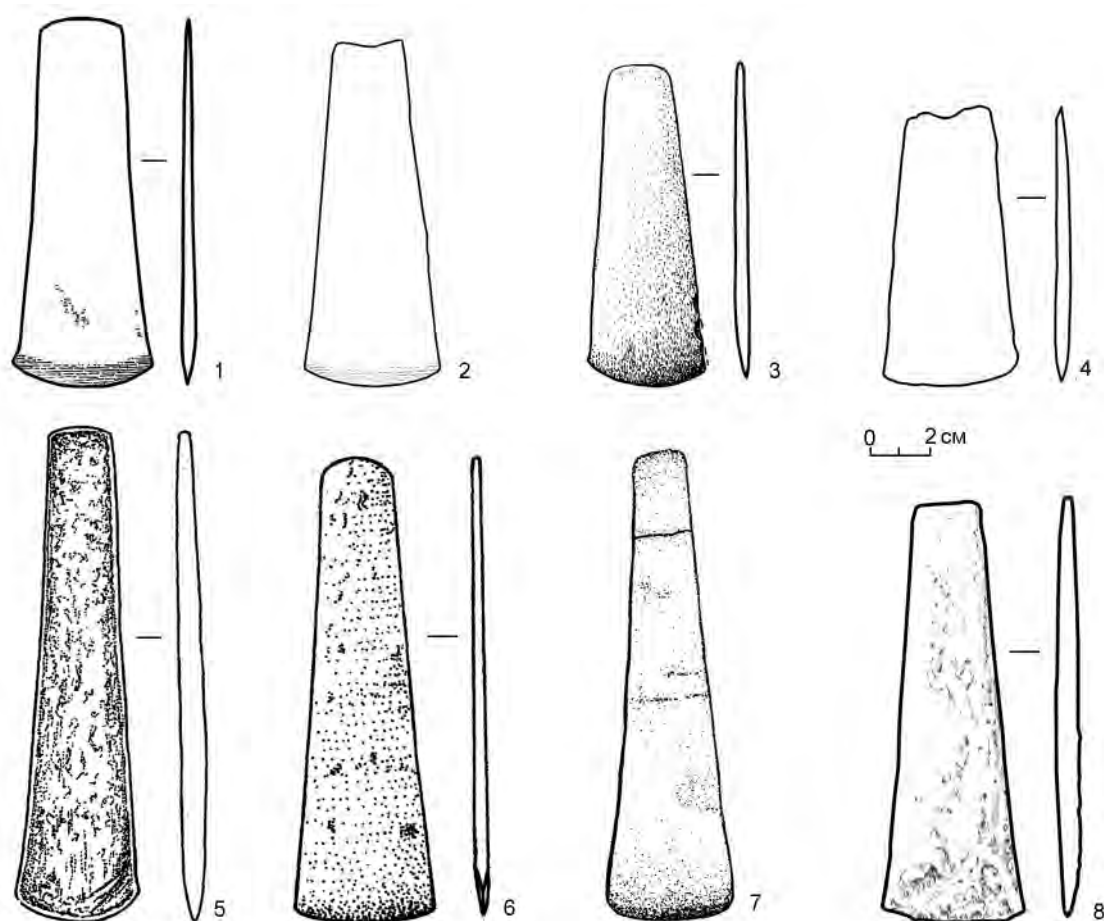

Рис. 2. Тесла из погребений катакомбной культуры: 1 — Зимогорье (курган 1, погребение 7); 2 — Славяно-сербск, 1918 г.; 3 — Александровск (курган 9, погребение 25); 4 — Глубокая-2 (курган 1, погребение 10); 5 — Красновка (курган 36, погребение 17); 6 — Беловодск (курган 6, погребение 2); 7 — Бережной 6 (курган 2, погребение 6); 8 — Северный-2 (курган 6, погребение 8) (рисунок из личного архива В. С. Бочкарёва)

Fig. 2. Adzes from burials of the Catacomb culture: 1 — Zimogorye (barrow 1, burial 7); 2 — Slavyanoserbsk, 1918; 3 — Aleksandrovsk (barrow 9, burial 25); 4 — Glubokaya-2 (barrow 1, burial 10); 5 — Krasnovka (barrow 36, burial 17); 6 — Belovodsk (barrow 6, burial 2); 7 — Berezhnoy 6 (barrow 2, burial 6); 8 — Severny-2 (barrow 6, burial 8) (picture from the personal archive of V. S. Bochkarev)

[1–3 — Братченко, 2001. Ч. 2. Рис. 73, 2, 3; 18, 7; 4 — Прокофьев, 2009. С. 109, рис. 27, 11; 5 — Копьева, 2021. С. 56, 57, рис. 61, 3; 6 — Братченко, Санжаров, 2001. С. 28, рис. 15, 7; 7 — Потапов, 2007. С. 143, рис. 18, 6]

выделенных групп, а также тесла из Привольненскогоклада, не включенные в культурно-хронологические группы.

Согласно графику, тесла всех трех культурно-хронологических групп располагаются в разных местах корреляционного поля, практически не смешиваясь друг с другом. Группа тесел раннего и среднего катакомбного времени (I) занимает нижний левый угол поля. Среднее значение их индекса А варьирует от 2,2 до 2,7, а индекса Б — от 1,7 до 2,3. Следующая, позднекатакомбная, группа (II) располагается выше и немного правее. Ее индекс А в основном варьирует в пределах 2,9–3,6,

а индекс Б — 1,9–2,8. Последняя группа (III), костромская, расположена на графике еще правее. Ее индекс А в среднем варьирует от 2,8 до 4,1, а индекс Б — от 3,0 до 4,8.

Как показывает данный график, хотя группы и не перекрывают друг друга, они тесно соприкасаются на своих границах. Так, тесла раннего и среднекатакомбного времени непосредственно примыкают к позднекатакомбным, а последние — к костромским. Это может свидетельствовать об их хронологической близости, а также о возможной «генетической» связи. В целом можно сказать, и это иллюстрирует график, что тесла

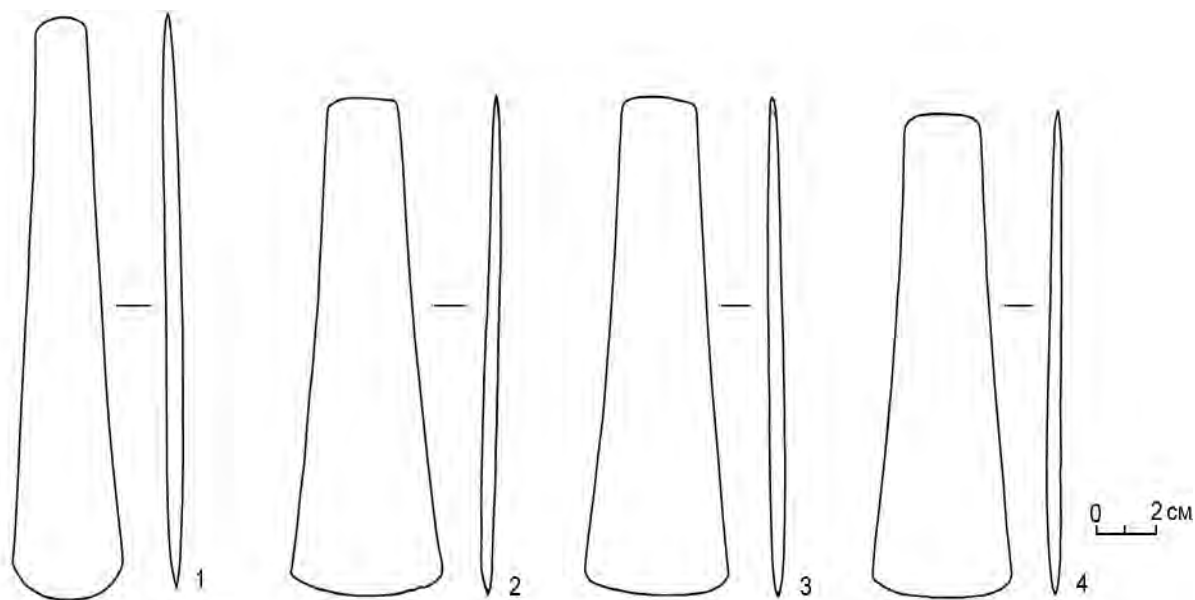

Рис. 3. Топоры-тесла Привольненского клада (хранение: Государственный Эрмитаж; коллекция № 23; хранитель Ю. Ю. Пиотровский; рисунки автора)

Fig. 3. Adzes from the Privolnoye hoard (storage: State Hermitage Museum; collection No. 23; curator Yu. Yu. Piotrovsky; drawings by the author)

среднего бронзового века указанных территорий в основном развиваются плавно, «эволюционным» путем. Их развитие ведет к удлинению пропорций (от широких и коротких к более удлиненным и узким), а также к расширению лезвия и сужению обушковой части. Первая из указанных тенденций прослеживается на этапе перехода от тесел ранне- и среднекатакомбного времени к позднекатакомбным, а вторая — от позднекатакомбных к костромским.

Вместе с тем в настоящее время достаточно сложно внутри каждой из групп выделить отдельные типы, как это делают некоторые авторы. Это, в частности, касается тесел из Привольненского клада (рис. 3). Оказалось, что на корреляционном графике они занимают пограничное положение между теслами ранне-, средне- и позднекатакомбного времени, иными словами — их невозможно точно датировать каким-то определенным этапом катакомбной культуры. Более того, одно из тесел Привольненского клада ближе по своим параметрам к позднекатакомбным, чем ранне- и среднекатакомбным экземплярам (рис. 3, 1). Оно выделяется среди последних удлиненными пропорциями и достаточно узким обушком. Его следует относить к особой разновидности тесел среднего бронзового века.

Столь же особую позицию занимает тесло из погребения маньчской катакомбной культуры

хут. Алитуб на Нижнем Дону (рис. 1, 5). С. Н. Братченко и другие авторы отнесли его к костромскому типу (Братченко, Санжаров, 2001. С. 64). Из этого может следовать вывод, что указанный тип тесел возник уже в позднекатакомбное время. Однако на графике находка из Алитуба выходит далеко за границы концентрации тесел костромского типа (рис. 5). Это объясняется особенностями его морфологии. В частности, он имеет очень узкий треугольный насад. Тесла подобного типа, кроме Алитуба, известны еще в одном позднекатакомбном погребении (Новая Чигла 1/1, Воронежская обл.), а также в серии единичных случайных находок из Северного Причерноморья (Березуцкая, 1999. С. 110, рис. 2, 1; Клочко, Козыменко, 2017. С. 56, 112, ил. 9; 11; 19; 20). На наш взгляд, эти находки составляют ранее не выделенное подразделение тесел позднекатакомбного времени.

Культурная принадлежность тесел первых двух групп не вызывает сомнений. Большинство из них происходит из погребений раннего, среднего и позднекатакомбного времени. Особое внимание заслуживает позднекатакомбная группа тесел (рис. 2, 5–8), отличающихся оригинальной формой, которые маркируют, на наш взгляд, отдельный хронологический этап в общей схеме развития металлопроизводства Северо-Западного Кавказа и Предкавказья. Он занимает

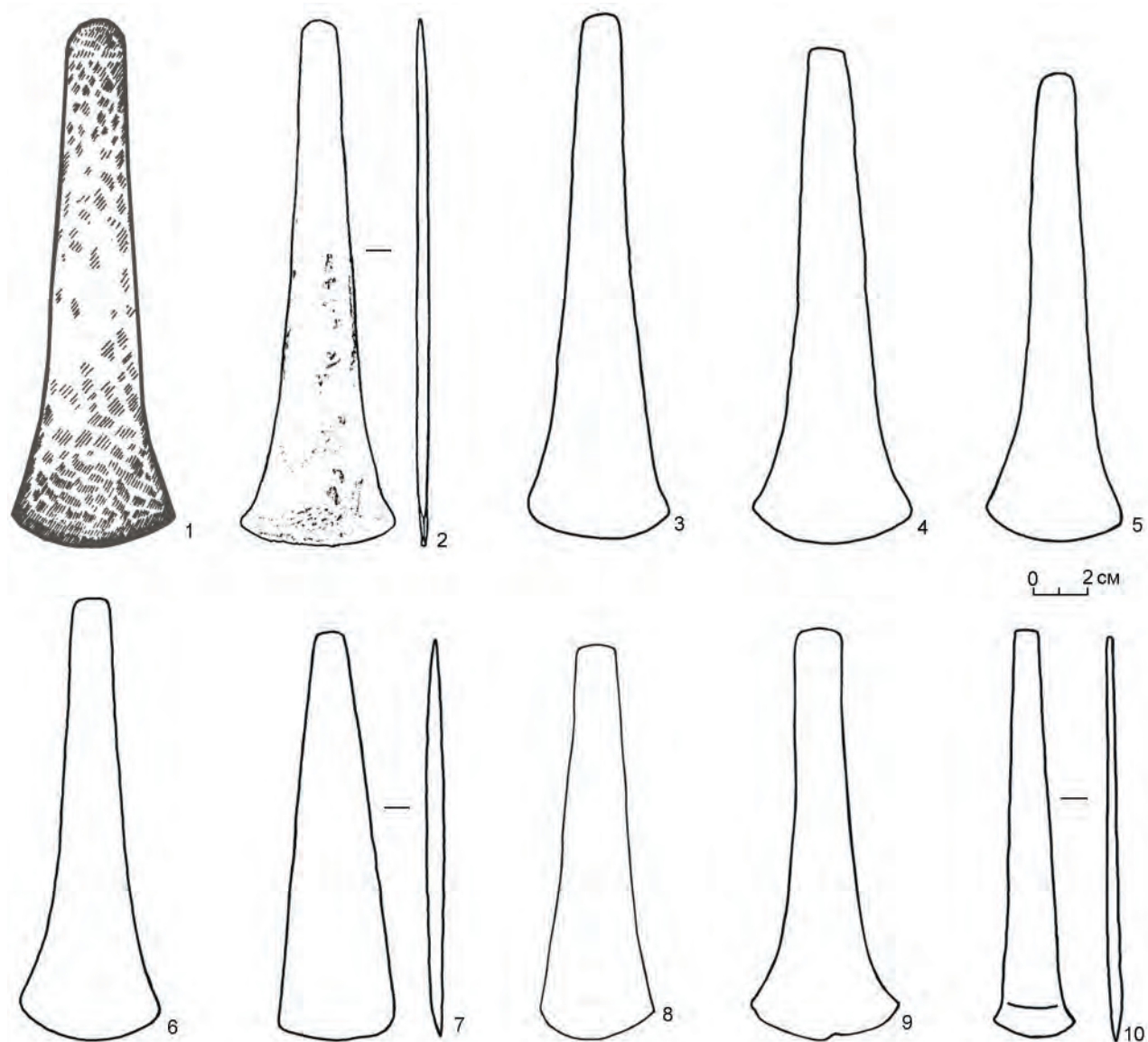

Рис. 4. Тесла посткатакомбного времени (костромского типа): 1 — Глейки (поселение); 2 — Костромской клад (рисунок И. Ж. Тутяевой); 3–8 — Рыбаковский клад; 9 — Морокино (курган 8, погребение 1) (3–9 — из личного архива В. С. Бочкарёва); 10 — II Натухаевский клад

Fig. 4. Adzes of the post-Catacomb period (Kostroma type): 1 — Gleyki (settlement); 2 — Kostroma hoard (drawing by I. Zh. Tutaeva); 3–8 — Rybakovo hoard; 9 — Morokino (barrow 8, burial 1) (3–9 — from the personal archive of V. S. Bochkarev); 10 — II Natukhaevskaya hoard

[10 — Новичихин, 2012. С. 4, рис. 1, 4]

промежуточное положение между привольненским и костромским этапами.

Гораздо сложнее определить культурную принадлежность тесел костромского типа. Для решения этой проблемы имеются только косвенные данные. Ни одно из тесел этого типа не найдено в катакомбных памятниках. Однако эта категория изделий известна в проанализированных материалах, из чего следует, что они, возможно,

принадлежат к посткатакомбному времени. Это предположение подтверждается двумя находками: теслом в погребении Морокино 8/1 (Харьковская обл.) ранней бабинской культуры (Антоненко, 1991. С. 151, рис. 1, 3, 7), теслом с поселения Глейки в Восточном Крыму, относящегося к каменско-ливенцовской группе (Братченко, 2006. С. 193, рис. 95, 18; 110, 22). Таким образом, можно предположить, что тесла костромского

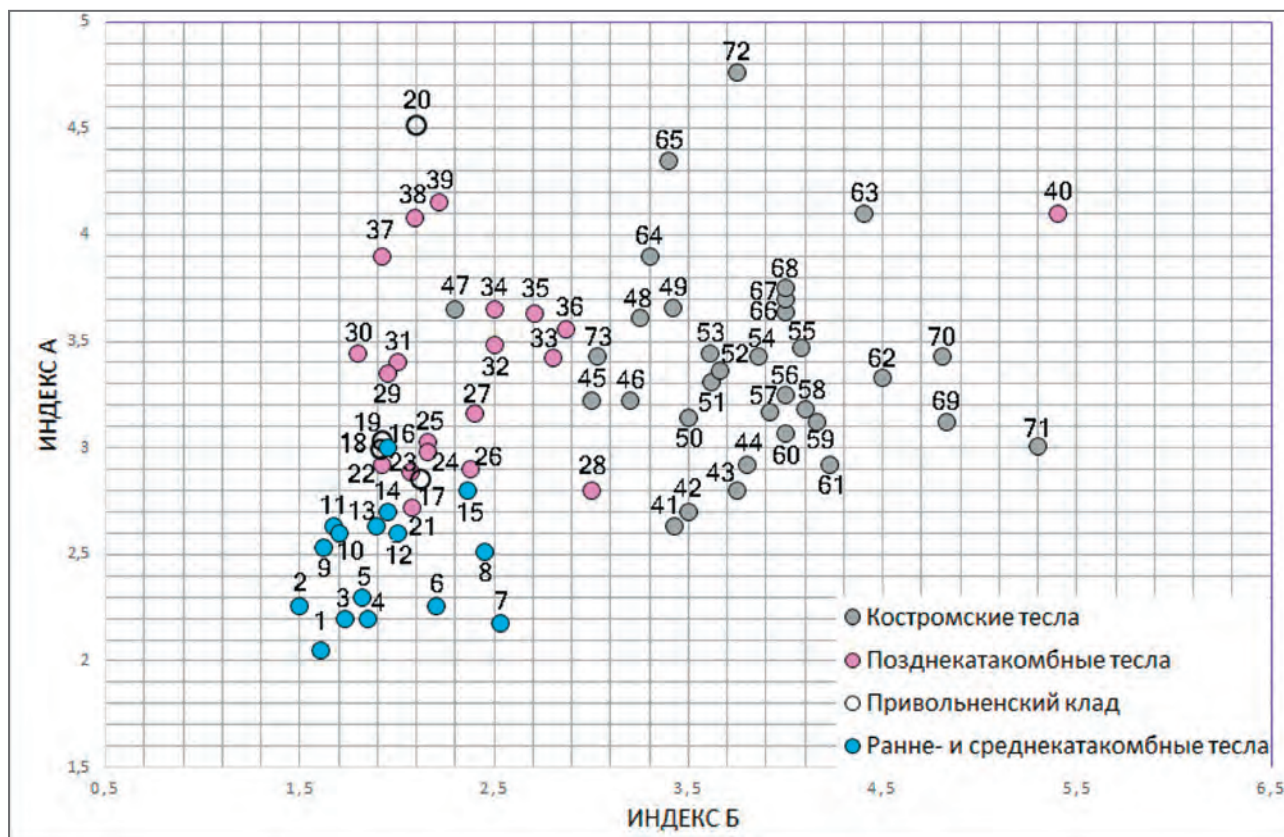

Рис. 5. Корреляция индексов топоров-тесел памятников среднего бронзового века катакомбного и посткатакомбного времени (пос. — поселение; погр. — погребения; сл. нах. — случайная находка): 1 — Глубокая-2 1/10; 2 — Хрящевский 1/3; 3 — Дворики (Волгоградская обл.), сл. нах.; 4 — Степан Разин 4/6; 5 — Советское 2/11; 6 — Славяносербск 1/1; 7 — Веселый 1/42; 8 — Эссентукский клад (пос. Томатный); 9 — Верхний Пиховкин (погр.); 10 — Тамар-Уткуль VII 8/4; 11 — Зимогорье 1/7; 12 — Березовый (погр.); 13 — Александровск 9/25; 14 — Хрящевский 2/2; 15 — Западный 6/4; 16 — Бородин-4 (погр.); 17–20 — Привольненский клад; 21 — Балабино 10/4; 22 — Царицын (погр.); 23 — Северный II 6/8; 24 — Ики-Бурульский р-н Калмыкии 16/8; 25 — Сагванский I 8/11; 26 — Шахаевский 1/10; 27 — Чограй VIII 30/2; 28 — Беловодск 6/9; 29 — Беловодск 6/2; 30 — Ергени 10/2; 31 — Колдыри 17/3; 32 — Новый (р. Сал) 106/14; 33 — Ергени 6/2; 34 — Бережной VI 2/6; 35 — Ажиновский II 1/1; 36 — юг Нижнего Поволжья (сл. нах.); 37 — Красновка 36/17; 38 — Расшеватский I 21/4; 39 — Бережной VI 1/9; 40 — Алитуб 3/26; 41 — Морокино 8/1; 42, 43, 50, 68 — Патрей (клад); 44, 47, 56, 58 — Большое Садовое (клад); 45 — Глейки (пос.); 46 — Сочи (сл. нах.); 48 — Батарейка (клад); 49 — Крым (сл. нах.); 51, 53–55, 57, 62, 66, 67, 71, 73 — Рыбаковский клад; 52 — Бахчисарайский р-н, Крым (сл. нах.); 59, 61, 69 — без точного местонахождения (из фондов Краснодарского музея); 60 — Собачьи бугры (сл. нах.); 63 — р-н г. Симферополя, Крым (клад); 64 — Симферопольский р-н, Крым (клад); 65 — Зачепиловка (сл. нах.); 70 — Костромской клад; 72 — II Натухаевский клад

Fig. 5. Correlation of axe-adzes indices of the Middle Bronze Age Catacomb and Post-Catacomb sites (settl. — settlement; bur. — burials; acc. f. — accidental find): 1 — Glubokaya-2 1/10; 2 — Khryashchevsky 1/3; 3 — Dvoriki (Volgograd region), acc. f.; 4 — Stepan Razin 4/6; 5 — Sovetskoye 2/11; 6 — Slavyanoserbksk 1/1; 7 — Vesely 1/42; 8 — Essentuki hoard (Tomatny settl.); 9 — Verkhny Pikhovkin (bur.); 10 — Tamar-Utkul VII 8/4; 11 — Zimogorye 1/7; 12 — Berezovy (bur.); 13 — Alexandrovsk 9/25; 14 — Khryashchevsky 2/2; 15 — Zapadny 6/4; 16 — Borodin-4 (bur.); 17–20 — Privolnenskaya hoard; 21 — Balabino 10/4; 22 — Tsaritsyn (bur.); 23 — Severny II 6/8; 24 — Iki-Burul district of Kalmykia 16/8; 25 — Sagvansky I 8/11; 26 — Shakhayevsky 1/10; 27 — Chogray VIII 30/2; 28 — Belovodsk 6/9; 29 — Belovodsk 6/2; 30 — Yergeni 10/2; 31 — Koldyri 17/3; 32 — Novy (the Sal river) 106/14; 33 — Yergeni 6/2; 34 — Berezhnoy VI 2/6; 35 — Azhinovsky II 1/1; 36 — south of the Lower Volga region (acc. f.); 37 — Krasnovka 36/17; 38 — Rasshevatsky I 21/4; 39 — Berezhnoi VI 1/9; 40 — Alitub 3/26; 41 — Morokino 8/1; 42, 43, 50, 68 — Patrei (hoard); 44, 47, 56, 58 — Bolshoye Sadovoye (hoard); 45 — Gleyki (settl.); 46 — Sochi (acc. f.); 48 — Batareyka (hoard); 49 — Crimea (acc. f.); 51, 53–55, 57, 62, 66, 67, 71, 73 — Rybakovo hoard; 52 — Bakhchisarai district, Crimea (acc. f.); 59, 61, 69 — no exact location (from the collection of the Krasnodar Museum); 60 — Dogs hillocks (acc. f.); 63 — district of Simferopol, Crimea (hoard); 64 — Simferopol district, Crimea (hoard); 65 — Zachepilovka (acc. f.); 70 — Kostroma hoard; 72 — II Natukhaevskaya hoard

типа использовало население бабинской и других синхронных культур Северного Кавказа и степной зоны.

Согласно проведенному исследованию можно заключить, что топоры-тесла с Северного Кавказа и степной полосы Восточной Европы составляют отдельную самостоятельную линию развития этой категории изделий. Они отличаются от аналогичных орудий с территории Древнего Востока, Закавказья и Волго-Уралья. Хорошо прослеживается изменение их пропорций от коротких и широких к удлиненным и узким, а также расширение лезвия и сужение обушковой части. Этот факт неоднократно отмечен в литературе и подтвержден нашим исследованием. Вместе с тем из общей схемы развития выбиваются две разновидности

топоров-тесел. Одна из них представлена в Привольненском кладе, а вторая — в позднекаткомбном погребении у хут. Алитуб. Оба тесла выделяются удлиненными пропорциями, но различаются размерами, формой насада и лезвийной части. Это показывает, что развитие тесел среднего бронзового века на территории Северного Кавказа, Предкавказья и степной зоны юга Восточной Европы было сложным и неоднородным процессом.

Выражаю благодарность В. С. Бочкарёву за возможность использования материалов из личного архива, а также большую помощь в их изучении; Ю. Ю. Пиотровскому за предоставленные материалы Привольненского клада из фондов Гос. Эрмитажа; И. Ж. Тутаевой за предоставленные рисунки.

- Антоненко, 1991 — Антоненко Б. О. Курганний могильник поблизу с. Морокіно // Поховальний обряд давнього населення України: Зб. наук. праць / Упоряд. М. М. Бондар та ін. Київ: НМК ВО, 1991. С. 151–161.
- Березуцкая, 1999 — Березуцкая Т. Ю. Погребения эпохи бронзы из Новочигольского кургана // Проблемы археологии бассейна Дона: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. Д. Прякин. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 1999. С. 106–112.
- Братченко, 1996 — Братченко С. Н. До проблеми ранньобронзової індустрії Східної Європи // Древние культуры Восточной Украины. Проблемы изучения и правовой охраны археологического наследия: Сб. науч. тр. Луганск: Изд-во ВУГУ, 1996. С. 32–57.
- Братченко, 2001 — Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу / Отв. ред. О. В. Шапошнікова. Луганськ: Шлях, 2001. Ч. 1, 2. 76; 124 с.
- Братченко, 2006 — Братченко С. Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Луганськ: Вид-во Східноукраїнського нац. ун-та ім. В. Даля, 2006 (Матеріали та дослідження з археології Східної України; Вип. 6). 312 с.
- Братченко, Санжаров, 2001 — Братченко С. Н., Санжаров С. М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонецчини та Донщини (III тис. до н. е.). Луганськ: Вид-во Східноукраїнського нац. ун-та ім. В. Даля, 2001. 109 с.
- Гак, 2004 — Гак Е. И. К вопросу об эволюции топоров-тесел в металлопроизводстве культур катакомбной общности // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тезисы докладов I Междунар. Нижневолжской археологической конф. (Волгоград, 1–5 ноября 2004 г.) / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2004. С. 75–79.
- Иессен, 1950 — Иессен А. А. К хронологии «Больших кубанских курганов» // СА. 1950. Вып. XII. С. 157–200.
- Клочко, Козыменко, 2017 — Клочко В. И., Козыменко А. В. Древний металл Украины. Киев: б. и., 2017. 368 с.
- Копьева, 2021 — Копьева Т. А. Катакомбная культура на территории Крымского полуострова: по материалам погребальных памятников / Отв. ред. Ю. В. Кожуховская. СПб.: Нестор, 2021. 424 с.
- Кореневский и др., 2018 — Кореневский С. Н., Березин Я. Б., Габуев Т. А. Уникальное погребение эпохи средней бронзы на Кавминводах // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 67–86.
- Новичихин, 2012 — Новичихин А. М. Второй Натухаевский клад металлических изделий бронзового века и новые находки бронзовых серпов в Западном Закубанье // Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; М.: б. и., 2012. № 11. С. 4–11.
- Потапов, 2007 — Потапов В. В. Курганы Западного Маньча // Археологические записки / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Ростов-на-Дону, 2007. Вып. 5. С. 115–143.
- Прокофьев, 2009 — Прокофьев Р. В. Раскопки курганов на Северском Донце и Маньче // Археологические записки / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Ростов-на-Дону, 2009. Вып. 6. С. 94–113.
- Черных, 1997 — Черных Л. А. О типологических особенностях металлического инвентаря из памятников ранней бронзы Северного Причерноморья (тесла, долота) // Археологический альманах. Донецк, 1997. № 6. С. 97–124.

Middle Bronze Age metal axe-adzes of the North Caucasus and the steppe zone of the south of Eastern Europe

A. I. Klimushina⁴

Keywords: Eastern Europe, North Caucasus, Middle Bronze Age, metal production, axes-adzes, classification, correlation analysis.

The article is devoted to the analysis of metal axe-adzes of the Middle Bronze Age originating from the North Caucasus and the southern (steppe) half of Eastern Europe. These tools are mostly known from the inventory of burials and hoards. In this paper, items from the burials of the Catacomb cultural-historical community, metalware hoards and single accidental finds are used for analysis. All of them are dated from the beginning of the 3rd millennium to the middle of the 2nd millennium BC. A total of 75 axe-adz specimens were analyzed. All the assemblage was preliminary divided into three chronological groups: (1) from sites of the early and middle stages of the Catacomb culture; (2) from sites of the late stage of the Catacomb culture; (3) from sites of the post-Catacomb time. For the needs of classification, we used the method of correlation of two indices (indices A and B), which, thanks to the works of S. N. Bratchenko, is used to analyze axe-adzes of the Bronze Age. As a result of the study, the identification of three cultural and chronological groups of axe-adzes of the Middle Bronze Age was confirmed. It was also possible to identify several types of axe-adzes that go beyond the traditional scheme of development of axe-adzes of the Middle Bronze Age in this area.

---

⁴ Alexandra I. Klimushina — Herzen State Pedagogical University, Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: Elizavetaklim21@mail.ru.

О функции греческого керамического импорта в погребальном обряде синдов во второй половине VI — V вв. до н. э.¹

А. В. Батасова²

Аннотация. Работа основана на опубликованных материалах некрополя у хутора Рассвет. Исследовано количественное распределение отдельных типов античной керамики, контекст находок, в том числе сочетание с атрибутами высокого социального статуса умершего. Сделан вывод о характерных чертах эллинизации коренного населения Синдики в VI–V вв. до н. э.

Ключевые слова: Синдика, синды, античный импорт, античная керамика, греческая колонизация, погребальный обряд.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-36-43

Накопленные на сегодняшний день материалы археологических исследований в районе современной Анапы позволяют уверенно говорить о том, что начало освоения этой территории было положено уже на ранних этапах колонизации Северного Причерноморья. Об этом свидетельствуют находки в окрестностях Анапы фрагментов греческой керамики конца VII — начала VI в. до н. э. (Сударев, 2014. С. 99, 100; Новичихин, 2017. С. 71). В отличие от Таманского полуострова, где вопрос о присутствии постоянного местного населения в период греческой колонизации еще не решен до конца (Иванов, Сударев, 2012; 2013), не вызывает сомнений, что территория современного Анапского района (исторической Синдики) была заселена варварскими племенами. Одним из важных памятников, свидетельствующих о контактах между греками и аборигенным населением на заре колонизации региона, является некрополь, расположенный на территории опытного хозяйства «Анапа» (ОПХ «Анапа»). В погребальных комплексах этого некрополя, который датируется

VII — первой половиной VI в. до н. э. (Мальшиев, Новичихин, 2022. С. 133), встречается керамика, находящая аналогии в прото- и раннемеотских памятниках правобережья среднего течения Кубани и западного Закубанья (Там же. С. 127–130). Наряду с этим в погребениях 7 и 20 были обнаружены предметы греческого импорта: амфора производства Теоса или «круга Клазомен», фрагмент ионийской чаши и комплекс украшений (Мальшиев, Новичихин, 2022. С. 131, 132, рис. 4, 1, 3; 2023). Таким образом, некоторые предметы греческой материальной культуры могли проникать в варварскую среду уже на начальных этапах освоения региона греками-колонистами.

Единичность находок греческой керамики в погребениях некрополя ОПХ «Анапа» может быть связана как с небольшим поступлением античного импорта в варварскую среду в целом, так и с ограничениями традиционного погребального обряда, в котором ведущую роль занимала лепная керамика местных типов. Подобный диссонанс между составом керамического комплекса с поселений и некрополей прослеживается на материалах меотских памятников правобережья Кубани и Закубанья. В то время как на поселениях массовый античный керамический импорт представлен фрагментами амфор, в погребениях амфорная тара встречается редко и численно уступает другим категориям греческого керамического импорта (Батасова, 2023. С. 81, 82). В любом случае невозможно судить, насколько широко греческая

¹ Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013).

² Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: batasova.angela@gmail.com.
© Батасова А. В., 2024

керамика была распространена в варварской среде в это время и в каком качестве она использовалась в погребальном обряде.

Систематически греческая керамика встречается в варварских погребениях Синдики только со второй половины VI — начала V в. до н. э. К этому времени греческие колонисты укрепились в районе современных Анапских плавней, которые в древности, по мнению исследователей, могли представлять собой залив (Малышев, Новичихин, 2022. С. 124). Не позднее третьей четверти VI в. до н. э. здесь возникает Алексеевское поселение (Новичихин, 2017. С. 70)³. К последней четверти VI в. до н. э. исследователи относят основание архаического поселения на месте современной Анапы (Алексеева, 1991. С. 18, 19). Появление стационарных поселений способствовало укреплению торгово-обменных связей и относительно стабильному поступлению греческой керамики в варварскую среду. Как следствие, количество импортной керамики в погребениях местного населения в это время возрастает. Так, античная керамика встречена в погребениях второй половины VI — V в. до н. э. могильников: Алексеевский (Новичихин, 2006. С. 41, рис. 44, 14, 15), Воскресенский, Красный Курган, Красная Скала (Алексеева, 1991. С. 56–62).

Среди варварских некрополей в округе Анапы наиболее полно исследован и опубликован некрополь у хутора Рассвет. Этот памятник, расположенный в 10 км от черноморского побережья, связывают с известными в античной письменной традиции синдами (Карасёв, 1979; Новичихин, 2010. С. 251). В ходе его изучения было открыто 158 погребальных комплексов VI–V вв. до н. э.⁴ Чуть меньше половины из них (45 %) не содержали погребального инвентаря. Керамический инвентарь встречается в 67 погребениях некрополя. Здесь представлены как лепные сосуды, находящие аналогии в меотских памятниках Прикубанья, так и импортная кружальная керамика (Новичихин, 2010. С. 204). При этом 37 % погребений с керамикой содержали только лепные сосуды, в большинстве случаев (63 %) в состав по-

гребального инвентаря входила керамика греческого производства. Насыщенность погребений некрополя у хутора Рассвет античным импортом, а также ряд других аспектов позволяют предположить, что уже в V в. до н. э. местное население подверглось существенной эллинизации (Новичихин, 2006. С. 79; 2010. С. 250).

В погребальных комплексах этого некрополя встречен довольно представительный перечень разных видов античных керамических сосудов: остродонные транспортные (тарные) амфоры и их части, плоскодонные столовые амфоры, гончарные кувшины, простые гончарные и ионийские расписные ойнохои, одноручные чаши, двуручные чаши-килики и их части, круговые миски, вазочки. В количественном отношении эти предметы представлены относительно равномерно (табл.). На первый взгляд представляется, что заимствование местным населением элементов материальной культуры греческих колонистов носило сплошной характер.

Таблица. Количественное распределение античной керамики в погребальных комплексах некрополя у хутора Рассвет
Table. Quantitative distribution of ancient ceramics in the funerary complexes of the necropolis near the khutor Rassvet

Вид сосуда	Кол-во погребений, ед.	Кол-во сосудов, экз.	Доля от общего кол-ва погребений, %	Доля от общего кол-ва сосудов, %
Ойнохоия	9	9	21,4	14,3
Миска	8	8	19,0	12,7
Поддон чернолакового сосуда	8	10	19,0	15,8
Тарная амфора	8	8	19,0	12,7
Чаша	8	8	19,0	12,7
Кувшин	7	7	16,7	11,1
Солонка	6	7	14,3	11,1
Вазочка	3	3	7,1	4,8
Столовая амфора	3	3	7,1	4,8
Всего	–	63	–	100,0

³ А. А. Малышев и А. М. Новичихин допускают, что этот греческий эмпорий мог функционировать с более раннего времени, практически с самого начала греческой колонизации района (Малышев, Новичихин, 2023. С. 256).

⁴ Погребение 28 датируется первой половиной IV в. до н. э. (Крушккол, Новичихин, 2010. С. 53). Погребение 155 на основании находки монеты Пантикапея также относится к IV в. до н. э. (Там же. С. 184).

Между тем наблюдается существенная разница состава керамического набора из погребений некрополя у хутора Рассвет и в одновременных ранних комплексах Анапского некрополя

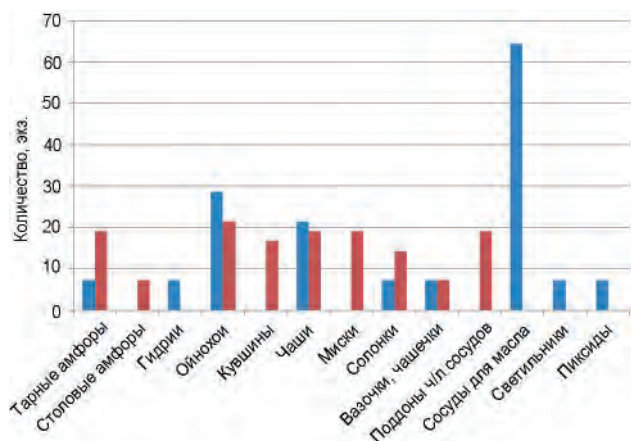

Рис. 1. Сравнение количества сосудов различных категорий античной керамики в ранних комплексах некрополя Анапского поселения (синий цвет) и погребениях некрополя у хутора Рассвет (красный цвет)

Fig. 1. Comparison of the number of vessels of different categories of ancient ceramics in the early complexes of the necropolis of the Anapa settlement (blue) and the burials of the necropolis near the khutor Rassvet (red)

(Алексеева, 1991. С. 51–56) (рис. 1). Прежде всего обращает на себя внимание почти полное отсутствие в погребальных комплексах некрополя у хутора Рассвет сосудов для масла (лекифов, арибаллов, асков), которые традиционно широко представлены в контексте греческого погребального обряда⁵. И напротив, некоторые виды керамики, встреченные в варварских погребениях некрополя у хутора Рассвет, отсутствуют в исследованных комплексах Анапского некрополя. К их числу относятся кувшины, миски, столовые амфоры, поддоны чернолаковых сосудов во вторичном использовании. Подобные различия невозможно объяснить доступностью той или иной продукции греческого производства. Вероятно, причиной наблюдаемой картины является избирательность погребального обряда и особенности использования греческих керамических импортов в варварской среде.

Материалы некрополя у хутора Рассвет позволяют предпринять попытку более глубокого анализа роли греческой керамики в погребальном обряде коренного населения Синдики. В связи с этим значение имеет не только факт присутствия

⁵ Отметим, что исследователями подчеркивается неоднородный этнический состав населения Анапского поселения, оставившего ранний некрополь. При этом здесь лекифы встречаются даже в погребениях, несущих на себе признаки варварского погребального обряда (Новичихин, 2017. С. 82).

импортной керамики, но и то, в каком качестве и в каком контексте эти вещи использовались. Это, в свою очередь, открывает перспективу для более глубокого понимания характера эллинизации и механизмов греко-варварского взаимодействия.

Одна из наиболее многочисленных групп керамики греческого производства, обнаруженная при исследовании некрополя у хутора Рассвет, — кувшины, представленные в том числе ойнохойми. Они составляют четверть от всех находок импортной керамики из этого некрополя. Среди погребений с кувшинами выделяется группа из пяти детских погребений (22, 66, 90, 107, 143), в которых помещались нижние части сосудов с отбитыми горлом и ручкой. В некоторых случаях отмечено, что сколы были заглажены, то есть после утраты верхней части сосуд еще какое-то время был в употреблении. Это позволяет предположить вторичное использование этой категории античного импорта (в качестве горшочков?). В целом необходимо отметить, что кувшины и ойнохойи часто используются в детских погребениях и погребениях, где отсутствуют признаки высокого социального статуса покойного (вооружение, металлические украшения), что может указывать на их широкое распространение в культуре коренного населения Синдики.

Функционально к этому типу сосудов можно отнести и столовые амфоры, известные в трех экземплярах. Обращает на себя внимание, что они, напротив, обнаружены в воинских погребениях 49 и 100 и в погребении 65 в составе набора импортной керамики. Возможно, высокий статус умершего мог подчеркиваться присутствием более редких и ценных столовых амфор, которые были менее доступны рядовому населению.

Появление в погребальном обряде синдов кувшинов и ойнохой греческого производства сопровождается исчезновением традиционных для меотской культуры лепных кувшинов и корчаг⁶, присутствие которых еще систематически фиксируется в погребальных комплексах некрополя ОПХ «Анапа» (Малышев, Новичихин, 2022. С. 127–129). Более того, в погребениях 6 и 15 встречены лепные имитации ойнохой, а в погребении 156 — предположительно подражание столовой амфоре (Новичихин, 2010. С. 215, 216).

⁶ Корчаги представляют собой крупные тарные сосуды. Однако среди них есть небольшие экземпляры, которые, по мнению исследователей, могли использоваться в качестве кувшинов или крынок (Лимберис, Марченко, 2012. С. 23).

Все это может свидетельствовать о вытеснении некоторых традиционных типов лепной керамики античным импортом.

Однако замещение лепной локальной керамики импортной не носило всеобщего характера. Некоторые категории лепной керамики продолжали существовать на протяжении всего периода формирования некрополя у хутора Рассвет. Это касается горшков, мисок, открытых и закрытых миниатюрных сосудов. Среди них особенно широко распространены в это время лепные миски (*Там же*. С. 210). Более того, лепные миски образуют устойчивое сочетание с импортными сосудами для жидкостей (кувшинами, ойнохоями, тарными амфорами) и подражаниями им. Это сочетание: кувшин / ойнохоя / столовая амфора и лепная миска представлено в 10 погребениях некрополя у хутора Рассвет⁷, что позволяет видеть в нем своего рода столовый сервиз. В этот набор входили, с одной стороны, миски, изготовленные в местной традиции, а с другой — кувшин, традиционная форма которого была вытеснена привозной греческой.

Гончарные миски, аналогии которым находятся в материалах Анапского поселения VI–V вв. до н. э. (*Там же*. С. 211), известны в восьми экземплярах. В отличие от лепных мисок, они лишь в единичных случаях (погребениях 49, 125) сочетаются с кувшинами и ойнохоями. В остальных гончарные миски могут встречаться совместно с миниатюрными сосудами или вовсе являться единственной категорией керамики в погребении. Разный контекст, в котором обнаруживаются лепные и гончарные миски, указывает на то, что их функция в погребальном обряде некрополя у хутора Рассвет различалась. Поскольку круговые миски встречены преимущественно в погребениях с вооружением или металлическими украшениями, можно предположить, что круговые миски использовались не только в качестве утилитарной вещи, но и как престижный атрибут.

Чаши для питья также нередко встречаются в погребениях некрополя у хутора Рассвет. Всего известно восемь экземпляров. Они представлены как находками целых чаш, так и их фрагментами (поддонами), речь о которых пойдет далее. Среди археологически целых экземпляров в равном количестве известны неглубокие чаши с одной горизонтальной ручкой и чернолаковые чаши-

килики с двумя горизонтальными петлевидными ручками (*Там же*. С. 206–209).

Чернолаковый килик из погребения 100 и чаша с одной горизонтальной ручкой из погребения 65 встречены в одинаковых по составу наборах импортной керамики: в которые помимо чаш входили столовая и тарная амфоры. В погребении 6 чаша с одной горизонтальной ручкой встречена в сочетании с лепным ойнохоевидным кувшином, подражающим античным образцам. В остальных пяти случаях эти чаши встречены либо как единственный керамический инвентарь, либо совместно с миниатюрными сосудами.

Вероятно, в составе набора импортной античной посуды чаши выступали в своей прямой функции. Однако не исключено и вторичное их использование. Так, у аттической чернолаковой чаши из детского погребения 75 были отбиты ручки. В состав погребального инвентаря помимо килика входили лепной сосудик, бронзовые кольцо и привеска и серебряная подвеска (*Крушкол, Новичихин*, 2010. С. 103–105). В серии детских погребений некрополя у хутора Рассвет (15, 21, 25, 66, 71)⁸ встречаются близкие по размерам и пропорциям экземпляры лепных мисок. Можно предположить, что в данном случае импортная чаша использовалась в качестве небольшой мисочки как атрибута статусного детского погребения. В целом необходимо отметить, что почти все находки импортных чаш встречены в статусных погребениях, которые сопровождалась предметами вооружения и металлическими украшениями. Исключением является лишь парное погребение 138, датируемое второй половиной VI — началом V в. до н. э., в состав которого помимо ионийского килика входил закрытый миниатюрный сосуд (*Там же*. С. 169, 170).

Таким образом, античные чаши используются в погребальном инвентаре некрополя у хутора Рассвет либо как престижный атрибут, отсылающий к греческой культуре (в составе набора импортной керамики или в сочетании с подражанием импортной посуде), либо как самостоятельный элемент погребального обряда в своей прямой или, возможно, вторичной функции (в качестве мисок?).

По мнению исследователей, находки чаш греческого производства в погребениях некрополя

⁷ Без учета погребений, где встречены нижние части кувшинов и ойнохой предположительно во вторичной функции.

⁸ Скелет из погребения 71 сохранился плохо, однако размеры каменного ящика (1,20 × 0,58 м) и наличие раковин каури (*Крушкол, Новичихин*, 2010. С. 96) позволяют определить и это погребение как детское.

у хутора Рассвет свидетельствуют о вытеснении античным импортом традиционно использовавшихся для этих же целей ковшей (Малышев, Новичихин, 2022. С. 133). Действительно, ковши систематически присутствуют в погребениях некрополя ОПХ «Анапа», относящегося к более раннему времени, но в некрополе у хутора Рассвет известна лишь одна находка ковша, причем из погребения 94 последней четверти V в. до н. э. (Крушкол, Новичихин, 2010. С. 127). Однако материалы меотских некрополей правобережья Кубани позволяют говорить о том, что ковши, вероятно, не использовались в качестве сопроводительного инвентаря после VI в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2012. С. 17). Таким образом, исчезновение ковшей из погребального обряда населения Синдики может быть проявлением общей тенденции, имевшей место в меотской культуре.

Также весьма многочисленную группу греческой керамики в составе сопроводительного инвентаря погребений некрополя у хутора Рассвет представляют миниатюрные открытые емкости: вазочки, солонки и поддоны чернолаковых сосудов во вторичном использовании. В подавляющем большинстве эти находки происходят из статусных погребений, что может указывать на престижность античного импорта даже во вторичном использовании. Что касается их назначения, можно предположить, что они выполняли ту же функцию (ритуальную?), что и миниатюрные лепные чашечки и вазочки⁹ (Там же. С. 38). Лепные миниатюрные сосуды систематически встречаются в погребальных комплексах варварского населения Прикубанья и Закубанья с конца VI — начала V в. до н. э. (Там же. С. 37–39). Их присутствие является одной из характерных черт меотского погребального обряда. На территории Синдики они массово появляются в комплексах некрополя у хутора Рассвет, при этом в матери-

алах более раннего некрополя ОПХ «Анапа» подобные сосуды неизвестны.

Как можно заметить из приведенного выше обзора, почти все заимствованные группы античной керамики имели аналогии в традиционной материальной культуре коренного населения Синдики. Пожалуй, единственным исключением, в силу специфики своего использования, являлись остродонные тарные амфоры. Находки этих сосудов в период, предшествовавший формированию некрополя у хутора Рассвет, относительно немногочисленны. Из могильника ОПХ «Анапа» происходит лишь одна уже упоминавшаяся амфора «круга Клазомен» или Теоса (Малышев, Новичихин, 2022. С. 130). При этом именно тарные амфоры, в том числе аналогичные находке из некрополя ОПХ «Анапа», встречаются в серии варварских погребений Северного Причерноморья конца VII — первой половины VI в. до н. э. (Пьянков и др., 2019. С. 224, 225; Малышев, Новичихин, 2023. С. 255).

Тарные амфоры, обнаруженные при изучении некрополя у хутора Рассвет, датируются временем не ранее начала V в. до н. э. (Новичихин, 2010. С. 218, 219). Они помещались как непосредственно в погребальную камеру, так и на перекрытие каменного ящика или в соседнюю с ним камеру (погребения 2, 12). В ряде погребений встречены целые амфоры, в некоторых комплексах — части сосудов (горло, ножка, придонная часть). Находки целых сосудов ассоциированы со статусными погребениями и нередко встречаются совместно с другими предметами греческого керамического импорта. Они происходят преимущественно из погребений, датируемых концом VI — началом V в. до н. э. Исключением является погребение 153, относимое к последней четверти V в. до н. э., в состав которого входила лепная и импортная керамика, керамическое пряслице и бронзовый перстень (Крушкол, Новичихин, 2010. С. 182–184). Части амфор появляются в комплексах середины — третьей четверти V в. до н. э. При этом в погребениях 132 и 136 отсутствуют признаки высокого статуса умершего. В разрушенном погребении 150 встречены ножка амфоры, импортные чашечка и горло чернолакового лекифа (Там же. С. 181).

Можно предположить, что с течением времени место тарных амфор в составе погребального инвентаря синдских погребений менялось. Вероятно, в комплексах начала V в. до н. э. они, подобно амфорам из элитарных воинских погребений конца VII — начала VI в. до н. э., были призваны

⁹ Имеются разные мнения о соотношении лепных чашечек и вазочек. Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко предлагают рассматривать чашечки и вазочки как один тип сосудов (Лимберис, Марченко, 2012. С. 38). Лепные вазочки на ножке рассматриваются А. М. Новичихиным как подражания античным вазочкам (Новичихин, 2010. С. 205). В настоящее время в меотских могильниках правобережья Кубани и Синдики известны лишь единичные находки вазочек греческого производства (stemmed dish), что, на наш взгляд, не позволяет определить степень влияния античного импорта на данную категорию местной керамической продукции.

демонстрировать высокий статус умершего. Использование частей амфор в погребальном обряде комплексов середины — третьей четверти V в. до н. э. могло носить эпизодический характер. На некрополе у хутора Рассвет тарные амфоры вновь обнаруживаются в погребениях последней четверти V в. до н. э. (погребение 153) и первой половины IV в. до н. э. (погребение 28). Здесь, судя по всему, прослеживается та же тенденция, что и в могильниках правобережья Кубани, где с IV в. до н. э. остродонные амфоры массово присутствуют в погребениях (Смирнов, 1958. С. 303, 304; Бочковой и др., 2005; Лимберис, Марченко, 2005; Монахов и др., 2021).

Подводя итог, можно сказать, что греческой керамике могли быть присущи различные функции в контексте погребального обряда синдов VI–V вв. до н. э. Она использовалась как утилитарный предмет, в составе столового набора по своему прямому назначению или во вторичном использовании. Помимо этого, греческий импорт мог наделяться новыми функциями, характерными для погребального обряда коренного населения Прикубанья. Так, возможно, импортные солонки, вазочки и поддоны чернолаковых чаш использовались как ритуальные ёмкости, по аналогии с традиционными для местного населения формами сосудов.

На протяжении VI–V вв. до н. э. греческие керамические импорты могли также выступать в качестве престижных предметов, атрибутов высокого статуса умершего. Почти все категории импортных вещей (особенно это касается чернолаковой парадной керамики) чаще всего встречаются в статусных погребениях (рис. 2). Эта тенденция, однако, не распространяется на такую категорию находок, как кувшины и ойнохои. В основном они встречены в погребениях, инвентарь которых представлен лишь керамическими сосудами, зачастую помещены в детские погребения. Более того, они устойчиво сочетаются с традиционными для местного населения лепными мисками. Исчезновение традиционных для варварской среды лепных корчаг и кувшинов, а также наличие подражаний греческим формам в лепной керамике позволяют предположить, что к V в. до н. э. столовые сосуды для жидкости античного производства вытеснили аналогичные по функции формы лепной керамики, глубоко проникнув в материальную культуру населения Синдики. Видимо, даже после поломки они могли переиспользоваться (как горшочки?), что продлевало срок службы импортной и, вероятно, ценной

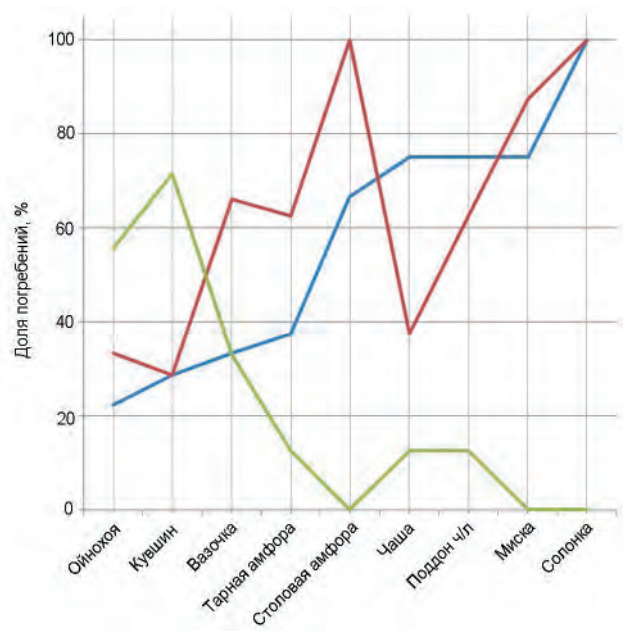

Рис. 2. Контекст находок античной керамики в погребениях некрополя у хутора Рассвет: синий цвет — погребения с вооружением и металлическими украшениями; красный — погребения с другими категориями античного импорта; зеленый — детские погребения

Fig. 2. Context of finds of antique ceramics in the burials of the necropolis at the Rassvet farm: blue — burials with armour and metal ornaments; red — burials with other categories of antique imports; green — children's burials

в практическом отношении вещи. В то же время, заместив традиционные формы лепной керамики, импортные сосуды этой категории перестали восприниматься как престижные вещи.

Говоря об особенностях эллинизации синдского населения в VI–V вв. до н. э. на примере некрополя у хутора Рассвет, можно отметить, что заимствования из греческой материальной культуры не носили сплошного характера. В целом в погребальном обряде все еще были сильны местные традиции, которые и определяли облик погребения и состав сопроводительного инвентаря. В погребения попадали не все категории античной керамики. Наиболее распространены были те категории, которые находили аналогии в материальной культуре и были адаптированы к традициям местного населения.

Греческие же сосуды в основном оставались предметами, подчеркивающими престиж и высокий социальный статус владельца. Это предположение подтверждается материалами других некрополей VI–V вв. до н. э., расположенных в Причерноморской зоне Северного-Западного Кавказа.

Так, в ряде могильников, расположенных в округе Анапы (Воскресенский, Красная Скала, Красный Курган), греческая импортная керамика представлена преимущественно находками целых и фрагментированных амфор и ойнохой (Алексеева, 1991. С. 58–64). Несмотря на то что многие погребальные комплексы были разрушены, прослеживается связь между наличием греческих импортов и высоким статусом погребенных. Тем более интересна находка в одном из погребений могильника Воскресенский (Р. III. П. 4. 1977 г.) лепной миски в сочетании с гончарной ойнохой (Там же. С. 59), которые представляют собой весь сопроводительный инвентарь этого комплекса. Подобные комплексы нередко встречаются среди рассмотренных погребений некрополя у хутора Рассвет. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о схожих тенденциях в заимствовании элементов греческой материальной культуры.

Юго-восточнее, в предгорьях Западного Кавказа, расположены могильники Широкая Балка и

Лобанова Щель. Обнаруженные здесь греческие керамические импорты представлены столовыми и тарными амфорами, ойнохоями. Они встречаются исключительно в погребениях с вооружением и металлическими (в том числе серебряными) украшениями (Дмитриев, Малышев, 1999; Малышев, Дмитриев, 2009. С. 65, рис. 10).

Таким образом, в целом для коренного населения западных областей Прикубанья в VI–V вв. до н. э. распространение античного керамического импорта в погребальном обряде носило ограниченный характер. За исключением некоторых категорий керамики античный импорт использовался для демонстрации престижа и высокого социального статуса умершего. Население, оставившее некрополь у хутора Рассвет, могло иметь устойчивые связи с ближайшими греческими поселениями Синдики. И тем не менее на протяжении всего этого времени сохранялось его культурное своеобразие, которое отчетливо прослеживается в структуре погребального обряда.

Алексеева, 1991 — Алексеева Е. М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.: Наука, 1991. 144 с.

Батасова, 2023 — Батасова А. В. Греческие керамические импорты в раннемеотских погребальных комплексах в Восточном Прикубанье и Закубанье // Записки ИИМК РАН. 2023. № 28. С. 81–91.

Бочковой и др., 2005 — Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: Кубанский ГУ, 2005. Вып. 5. С. 172–218.

Дмитриев, Малышев, 1999 — Дмитриев А. В., Малышев А. А. Могильник VI–II вв. до н. э. в устье Лобановой щели // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). 1999. Вып. 5. С. 17–52.

Иванов, Сударев, 2012 — Иванов А. В., Сударев Н. И. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // Древности Боспора. 2012. Т. 16. С. 178–199.

Иванов, Сударев, 2013 — Иванов А. В., Сударев Н. И. Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // Древности Боспора. 2013. Т. 17. С. 176–185.

Карасёв, 1979 — Карасёв В. Н. Экономические связи синдов с греками в VI — III вв. до н. э. (по материалам синдского некрополя) // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 101–104.

Крушкол, Новичихин, 2010 — Крушкол Ю. С., Новичихин А. М. Описание погребальных комплексов. Каталог // Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет / Отв. ред. А. А. Малышева. М.: Гриф и К, 2010. С. 21–190.

Лимберис, Марченко, 2005 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: Кубанский ГУ, 2005. Вып. 5. С. 219–324.

Лимберис, Марченко, 2012 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Кубанский ГУ, 2012. 316 с.

Малышев, Дмитриев, 2009 — Малышев А. А., Дмитриев А. В. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н. э. // ABRAU ANTIQUA: Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М.: Гриф и К, 2009. С. 53–73.

Малышев, Новичихин, 2022 — Малышев А. А., Новичихин А. М. Население южной Синдики в эпоху Великой греческой колонизации // КСИА. 2022. № 267. С. 124–138.

Малышев, Новичихин, 2023 — Малышев А. А., Новичихин А. М. Античная керамика из погребений синдского могильника у ст. Анапской (к вопросу о начальном этапе греко-варварских контактов в Прикубанье и Восточном Приазовье) // Античный мир и археология. 2023. № 21. С. 252–261.

- Монахов и др.*, 2021 — Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына). Саратов: Волга, 2021. 324 с.
- Новичихин*, 2006 — Новичихин А. М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. По материалам погребальных памятников / Отв. ред. И. И. Ашкинадзе. Анапа: Сочинский гос. ун-т туризма и курортного дела, 2006. 220 с.
- Новичихин*, 2010 — Новичихин А. М. Погребальный инвентарь некрополя у хутора Рассвет // Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет / Отв. ред. А. А. Малышева. М.: Гриф и К, 2010. С. 204–234.
- Новичихин*, 2017 — Новичихин А. М. Греческая колонизация Синдики // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2017. № 9. С. 67–96.
- Пьянков и др.*, 2019 — Пьянков А. В., Рябкова Т. В., Зеленский Ю. В. Комплекс раннескифского времени кургана № 11 могильника Лебеди V в Прикубанье // АВ. 2019. № 25. С. 206–228.
- Смирнов*, 1958 — Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станции Пашковская // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; № 64). С. 272–312.
- Сударев*, 2014 — Сударев Н. И. Греки и варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства: Материалы круглого стола, посв. 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998) (С.-Петербург, 25–26 ноября 2014 г.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 95–102.

On the function of Greek ceramic imports in the funerary rites of the Sindians in the second half of the 6th–5th century BC

A. V. Batasova¹⁰

Keywords: Sindica, Sindi, ancient imports, ancient ceramics, Greek colonisation, funeral rites.

Greek pottery is systematically found in the barbarian burials of Sindica dated since the second half of the 6th — early 5th cen. BC. The materials of the necropolis near the khutor Rassvet are the most fully published among the barbarian necropoleis of this time in the Anapa vicinity. The accompanying inventory of this necropolis' burials includes different types of ancient ceramics (Table). The composition of ceramic imports of this necropolis differs from that found in the early complexes of the Anapa necropolis (Fig. 1), which testifies to the selectivity of the burial rites of the indigenous population of Sindica. Greek ceramics could fulfill different functions in the context of the Sindians' funerary rites of the 6th–5th cen. BC. They were used both for their direct purpose and in secondary functions. Finds of ancient ceramics in the burials of the necropolis near the khutor Rassvet are associated with attributes of high status of the dead (Fig. 2). The exceptions are the finds of jugs and oenochoae often placed in children's burials. It can be assumed that by the 5th cen. BC table vessels for liquids of ancient production replaced similar in function forms of moulded ceramics and became widespread in the Sindian domestic culture. As for the peculiarities of Hellenisation of the Sindian population in the 6th–5th cen. BC, it can be noted that borrowings from Greek material culture were not of a continuous nature. Local traditions were still strong in the funeral rites. This assumption is confirmed by the materials of other necropoleis of the 6th–5th cen. BC, located in the Black Sea area of the North-West Caucasus.

¹⁰ Angela V. Batasova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: batasova.angela@gmail.com.

Об одном типе женских изображений в росписях склепов Боспора Киммерийского¹

Ю. А. Виноградов²

Аннотация. Изучение боспорских расписных склепов имеет большое значение для понимания представлений местного населения о загробном царстве. Однако до сих пор не все имеющиеся на них персонажи получили адекватное объяснение. Среди них — женщины с покрывалами, взметнувшимися над их головами в виде полукруга, которых обычно считают танцовщицами. Учитывая, что некоторые из этих женщин представлены летающими по небу или опускающимися на землю, можно считать, что для боспорян они являлись неотъемлемой частью картины потустороннего мира.

Ключевые слова: античная культура, Боспорское царство, расписные склепы, религиозные представления, образ женщины, картина потустороннего мира.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-44-52

Боспорские расписные склепы являются одними из самых показательных памятников античной культуры на северном берегу Черного моря. Это было признано сразу после открытия первых гробниц такого рода на горе Митридат в Керчи (Виноградов, 2023а). После создания Императорской археологической комиссии (1859 г.) раскопки здесь были в немалой степени ориентированы на поиски расписных «катакомб», и каждое их открытие воспринималось как событие чрезвычайной важности, что, в общем, вполне закономерно. Огромный вклад в изучение этих памятников, как известно, внес М. И. Ростовцев, создавший непревзойденный труд «Античная декоративная живопись на Юге России» (Ростовцев, 1913–1914). Он, в частности, убедительно показал, что большая часть керченских расписных гробниц относится к первым векам новой эры.

Приходится признать, что за прошедшие с того времени 110 лет все специалисты, серьез-

но обращающиеся к изучению боспорских расписных склепов, так или иначе повторяли то, что было сказано великим предшественником (Гайдукевич, 1949. С. 397–420; Эрнштедт, 1955; Иванова, 1961; Кобылина, 1984; Gajdukevič, 1971. S. 431–443). Может даже сложиться представление, что в этой сфере археологических знаний дальнейшего продвижения быть не может. Однако, это, конечно, не так, и боспорская декоративная живопись скрывает в себе много непонятных, почти неизученных моментов. Пока мы еще не можем должным образом обозначить значение некоторых персонажей, представленных на росписях. Среди них стоит обратить внимание на женщин с покрывалами, развевающимися над головой будто от сильного ветра.

Первое такое изображение можно видеть на стене склепа, обнаруженного А. Б. Ашиком в 1841 г. (рис. 1; Ашик, 1845. Табл. V (верхний левый угол); Ростовцев, 1913. Табл. LXXXIX, 1 (верхний левый угол); Burgunder, 2019. P. 234). По сложности и насыщенности декоративной схемы этот склеп заслуженно стали называть «царицей камер». Однако точность копий росписей, покрывавших его стены, никак нельзя считать удовлетворительной. По правильному заключению М. И. Ростовцева, «точность рисунков Ашика, несомненно, оставляет желать многого»

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013).

² Институт истории материальной культуры РАН; С-Петербург, Россия; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

© Виноградов Ю. А., 2024

(Ростовцев, 1911. С. 128), но других копий у нас нет, и поэтому приходится надеяться, что опубликованные им рисунки хотя бы в общих чертах отражают сюжеты древних росписей.

Одна из важных для нас сцен, представленная на стене «царицы камер», состоит из двух фигур, мужской и женской, причем обе изображены фронтально: мужчина справа, женщина слева (рис. 1). Мужчина облачен в эксомиду, оставляющую открытыми правое плечо и руку. Этой рукой он энергично указывает женщине вправо. Та, возможно, испугавшись этого жеста, немного отпрянула влево и уронила к своим ногам две корзинки. Самое любопытное, что над ее головой взметнулся платок, который она обеими руками удерживает за концы. В принципе здесь можно видеть бытовую сцену, к примеру, ссору между ремесленником и простой женщиной, случившуюся на улице. А. Б. Ашиком вообще посчитал, что здесь изображен мужчина, преследующий «молодую деву, которая в бегстве своем опрокинула стоящий возле ног горшок с цветами: фигура эта держит в обеих руках покрывало зеленого цвета, развевающееся по воздуху» (Ашик, 1845. С. 22). В общем, автор открытия ничего особенного здесь не усмотрел, и совсем неудивительно, что большинство современных исследователей не уделяют этому изображению почти никакого внимания. Композиция, однако, кажется простой только на первый взгляд. Р. Линдер, к примеру, отказалась понимать это изображение как простую жанровую сцену и предположила, что здесь следует видеть владыку загробного царства Аида (Гадеса), преследующего Персефону (Linder, 1988. S. 381, no. 79). На первый взгляд, это предположение кажется несколько надуманным, но, как будет показано далее, по сути оно вполне верно.

Второе изображение представлено в люнетке склепа 1891 г. (Ростовцев, 1911. С. 129, табл. I; 1913–1914. С. 183–198, табл. LII, 1; LIII–LV; Эрнштедт, 1955. С. 259, 260, рис. 8, 9). Его можно видеть справа от фигур, стоящих по сторонам алтаря, слева от нарисованного там дерева (рис. 2, 1, 2). Женщина здесь представлена с поднятыми руками, которыми она удерживает развевающийся плащ или платок. Ю. А. Кулаковский, первооткрыватель этой гробницы, отметил, что здесь «изображена пляшущая женщина в широко развевающемся платье и с розовым покрывалом, которое она держит над головой в поднятых вверх руках» (Кулаковский, 1896. С. 42, табл. XI). По его мнению, пляшущие фигуры такого рода в росписи стен могли иметь чисто декоративное значение.

Рис. 1. Деталь росписи склепа, обнаруженного А. Б. Ашиком в 1841 г.

Fig. 1. Detail of the crypt's painting by A. B. Ashik, 1841 [Ашик, 1845. Табл. V]

М. И. Ростовцев тоже посчитал, что здесь изображена танцующая женщина (Ростовцев, 1911. С. 129), и эта интерпретация нашла полную поддержку (Эрнштедт, 1955. С. 259, 260; Молева, 2023. С. 145). М. И. Ростовцев к тому же нашел близкую аналогию этому изображению на обломке мраморного саркофага из Софийского музея (Ростовцев, 1911. С. 146, 147, рис. 4). Приведя эту аналогию, исследователь был абсолютно прав: на рельефном изображении среди ветвей и гроздей винограда представлена женщина, наклонившаяся вправо и обеими руками удерживающая покрывало, развевающееся над ее головой (рис. 2, 3). Справа от нее сидит собака, а далее следует еще одна плохо сохранившаяся фигура. Орнаментация софийского саркофага определенно связана с дионисийскими сюжетами, поэтому М. И. Ростовцев заключил, что на нем представлена танцующая менада (Там же. С. 146). С этим заключением можно было бы в полной мере согласиться, если бы женской фигуре из склепа 1891 г. не было других, не менее очевидных, аналогий.

Стоит отметить, правда, что Ю. А. Кулаковский обратил внимание на сходство женской фигуры из росписи склепа 1891 г. с другими, изображенными в гробнице 1873 г. (Кулаковский, 1896. С. 42). По этому поводу он отметил, что на одной из боковых стен этой гробницы изображены «четыре пляшущие фигуры» в позе, тождественной приведенному ранее описанию. Ю. А. Кулаковский отметил также, что Л. А. Стефани в свое время предполагал,

Рис. 2. Роспись склепа, обнаруженного в 1891 г.: 1 — копия Ю. М. Васильевой (НА ИИМК РАН. РО. Р. 1. Д. 226. Л. 14); 2 — копия М. В. Фармаковского. 3 — обломок мраморного саркофага из Софийского музея

Fig. 2. Painting of the crypt, 1891: 1 — copy by Yu. M. Vasilieva (SA IHMC RAS. Man. Dep. P. 1. F. 226. Sh. 14); 2 — copy by M. V. Farmakovsky; 3 — fragment of a marble sarcophagus from the Sofia Museum

[2 — Ростовцев, 1913–1914. Табл. ЛII, 1; 3 — Ростовцев, 1911. С. 147, рис. 4]

что «этим изображением художник, может быть, <...> хотел выразить идею загробного существования» (Отчет ИАК за 1874 г., 1877. С. 114), но он категорически не согласился с мнением предшественника, не найдя в этих изображениях ничего символического.

Ни Ю. А. Кулаковский, ни М. И. Ростовцев, ни другие исследователи не усмотрели сходства этой фигуры с изображением в склепе А. Б. Ашика, хотя оно, на мой взгляд, не вызывает сомнения.

Прежде всего, во всех трех приведенных примерах «танцующие» женщины изображены в погребальных контекстах. В отношении склепа 1891 г. следует обратить внимание на два момента (рис. 2, 1, 2): во-первых, женщина находится на самой периферии композиции, а во-вторых, она представлена очень небольшой по размеру, значительно меньше божеств, стоящих по сторонам алтаря. Все это, на мой взгляд, свидетельствует в пользу того, что женская фигура с покрывалом отнюдь

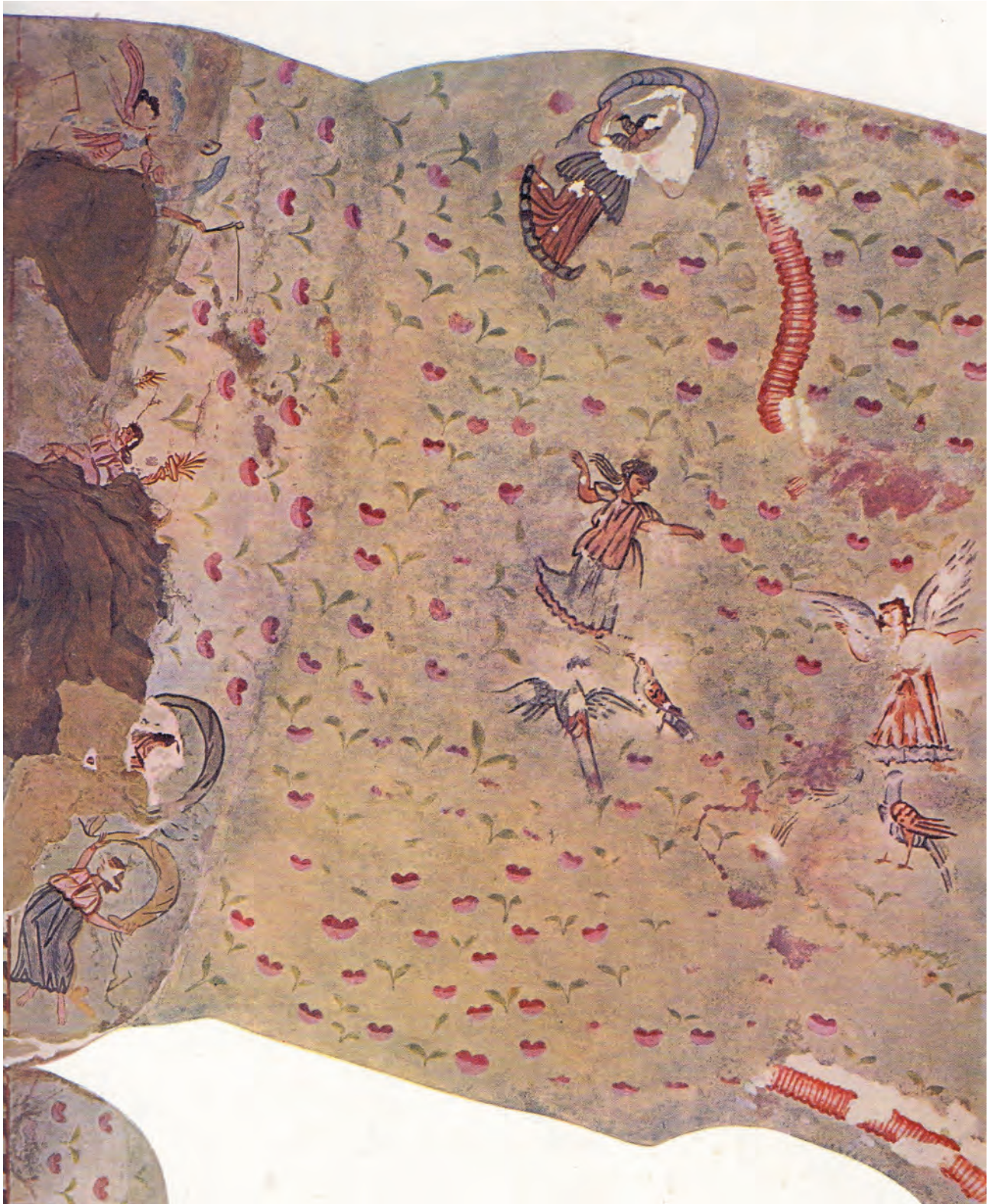

Рис. 3. Роспись потолка склепа, обнаруженного в 1873 г. Копия М. В. Фармаковского

Fig. 3. Painting of the crypt's ceiling, 1873. Copy by M. V. Farmakovskiy

[Ростовцев, 1913–1914. Табл. LXIII]

Рис. 4. Роспись западной люнетки склепа, обнаруженного в 1873 г. Копия Ф. И. Гросса (НА ИИМК РАН. РО. Р. 1. Д. 566. Л. 5об.)

Fig. 4. Painting of the crypt's western lunette, 1873. Copy by F. I. Gross (SA IHMC RAS. Man. Dep. P. 1. F. 566. Sh. 5rev.)

не является главной в композиции, но все-таки имеющей значение, поскольку случайных персонажей в погребальной живописи быть не может.

В этом в полной мере можно убедиться, обратившись к росписи свода первой камеры склепа 1873 г., а также его люнетки (Ростовцев, 1913–1914. С. 230–233, 235, табл. LXIII; *Ернштедт*, 1955. С. 267, рис. 16). Потолок этой гробницы окрашен голубой краской, что явно имитирует небесный свод (рис. 3). На его фоне изображены листья растений, лепестки цветов, вероятно, яблоки; здесь же представлены мешки-гирлянды, имеющие, по выражению М. И. Ростовцева, форму «кольчатого червя» (Ростовцев, 1913–1914. С. 230), но явно связанные с символикой возрождения усопших к новой жизни (*Там же*. С. 230, 231; см. также С. 217, 299, 300, 377 и др.). Для росписей цветочного стиля вообще очень характерны лепестки цветов и листья растений, которые, по удачному выражению С. А. Усова, по-своему символизируют «весенний воздух, насыщенный ароматами распустившихся роз» (Усов, 1876. С. 28). Среди всего этого великолепия порхают птицы, что, в общем, не вызывает удивления. В высшей степени любопытно, что по небу летают также три женщины. Одна из них, изображенная справа, представлена крылатой. Такие фигуры в боспорском искусстве, связанном с погребальной сферой, известны в большом количестве. Их называют либо Никами, либо демонами смерти, в данном случае предпочтительней вторая точка зрения, но в контексте склепа 1873 г. это явно благодный демон. Еще две женщины перемещаются по небу без крыльев. Представленная сверху управляет своим волшебным полетом покрывалом, которое от актив-

ных потоков воздуха вздымается над ее головой в виде полукруга. Дама, изображенная в центре композиции, передвигается по воздуху, вероятно, исключительно с помощью деталей одежды.

В правом углу западной люнетки представлены еще две летящие женщины (рис. 3, левый нижний угол; 4), которых М. И. Ростовцев назвал парящими (Ростовцев, 1913–1914. С. 232), но правильнее их считать взлетающими в небеса или же спускающимися с небес на землю. В последнем случае они явно использовали свои головные покрывала в виде своего рода парашютов. Любопытно, что М. И. Ростовцев при описании росписи свода гробницы не уделил этим фигурам почти никакого внимания (Ростовцев, 1913–1914. С. 235), но при этом правильно заметил, что они составляют единую композицию с фигурами, представленными на потолке. И это действительно так, только три первые парят в небесах, а две, расположенные ниже, либо намерены к ним присоединиться, либо наоборот — опускаются на землю.

Если исходить из этих, на мой взгляд, бесспорных фактов, то надо признать, что в двух приведенных выше примерах (гробницы, обнаруженные в 1841 и 1891 гг.) женщины изображены, так сказать, только что опустившимися на землю. В совокупности с росписями склепа 1873 г. они позволяют считать, что эти женские персонажи являлись важной составной частью представлений боспорян о блаженной стране, в которой пребывали усопшие, разумеется, наиболее достойные из них.

Передвижение по воздуху без крыльев — это особое явление, связанное с мирами, далекими от реальности. В этом отношении огромный

Рис. 5. Краснофигурный астрагал мастера Сотата (Британский музей)
 Fig. 5. Red-figure astragalus by the vase painter Sotades (British Museum)

интерес вызывает памятник, отделенный от бо-спорских росписей более чем пятью веками, но очень близкий им по сути. Имеется в виду краснофигурная ваза афинского мастера Сотата (середина V в. до н. э.), имеющая форму астрагала и хранящаяся сейчас в Британском музее (British Museum, 1860. 1201.2; рис. 5). На ней представлены танцующие и летающие женщины. В последнем случае они для такого необычного передвижения используют полы своей одежды как своего рода крылья (рис. 5, 1–3). Г. Хоффман, посвятивший творчеству Сотата интереснейшее исследование (Hoffmann, 1997; см. также: Виноградов, 2006), уделил астрагалу большое внимание. Особенно важной в общей орнаментальной компо-

зиции этого сосуда, по его мнению, следует признать сцену на четвертой стороне, где изображен мужчина, стоящий перед отверстием в сосуде (рис. 5, 4), которое может символизировать пещеру, а мужской образ, на взгляд исследователя, логично понимать как некоего колдуна или шамана, практикующего технику введения в экстаз и связанных с ним волшебных полетов, путешествия душ и т. п. (Hoffmann, 1997. P. 111). Три женщины идут к нему, взявшись за руки, вероятнее всего, с намерением присоединиться к своим летающим подругам, точнее — принять участие в их волшебных полетах (Ibid. P. 111, 112). Колдун же своим решительным жестом, вероятно, не позволяет им это сделать.

В высшей степени любопытно, что композиция, представленная Сотадом на астрагале, очень напоминает изображение в склепе А. Б. Ашика (рис. 1), только у афинского мастера женщин больше и расположены они справа от мужчины, а на стене склепа представлена всего одна. Тем не менее их связь с волшебными полетами представляется бесспорной. Очевидно, неслучайным надо признать, что ракурс изображения и одежда мужчин в обоих случаях почти идентичны.

Нереальность всей орнаментальной композиции астрагала вполне очевидна. Еще раз отмечу, что Г. Хоффман склонен ее понимать как проявление представления о неких мистических полетах, символизирующих освобождение души; он вообще признал Сотада художником мягкого мистицизма (*Hoffmann*, 1989. P. 152), и это определение совсем не является преувеличением. Правда, в трактовке Сотада рассматриваемый сюжет, как это кажется немецкому исследователю, не имел отношения к представлениям о загробном царстве, а вот роспись в склепе А. Б. Ашика, скорее всего, была с ними связана.

Но в полной ли мере Г. Хоффман был прав? Не переусердствовал ли он со своим «мягким мистицизмом»? Может быть, мистицизм здесь совсем не мягкий? И идея Рут Линдер, видевшей на фреске «царицы камер» самого Аида, не является слишком смелой? Все-таки костюм мужчины (эксомида) характерен для персонажей, связанных с загробным царством, в том числе и Аида (*Taxo-Годи*, 1987а; *Linder*, 1988). Известно, что по представлениям древних греков важное место в картине потустороннего мира принадлежало также Харону, одеждой которого тоже служила экзомида (*Taxo-Годи*, 1987б; *Sourvinou-Inwood*, 1986). Его образ был непосредственно связан с пониманием входа в загробное царство, что в чем-то соответствует росписи на астрагале. Однако Харон обычно изображался рядом с лодкой, а на его голове почти всегда представлен колпак (пилос), чего нет в обоих продемонстрированных мною случаях. Аид же всегда изображался с непокрытой головой, и этот факт заставляет согласиться с Рут Линдер и признать, что на росписи склепа Ашика (а значит, и на астрагале художника Сотада) изображен владыка загробного мира. По этой причине логичней считать, что отверстие, имеющееся на краснофигурном астрагале, означает совсем не пещеру (жилище шамана), как это считает Г. Хоффман, а вход в загробное царство, при этом даже не вход, а выход.

Аид зорко охраняет свое царство, не позволяя никому, даже легкомысленным женщинам,

приблизиться к выходу из него. Так что оба столь разных художественных памятника, к тому же разделенных пятью веками, на мой взгляд, демонстрируют одну простую и всем известную истину — с того света возврата нет.

Вполне очевидно, что роспись склепа 1873 г. дает образ парадиза, каковым он представлялся боспорянам в римское время. Почти нет сомнения, что существенным моментом этого представления было убеждение в том, что там, в сакральных небесах, женщины летают, управляя своим полетом с помощью платков, которые раздуваются над их головами. Загробное царство для боспорян, как видим, не было лишено элемента эротизма. В таком случае изображения женщин, стоящих на земле, но с платками, взметнувшимися над их головами («царица камер» 1841 г., склеп 1891 г.), можно рассматривать как образы обитательниц парадиза, взлетающих на небеса или же только что спустившихся с них. В таких композициях они, скорее всего, служили дополнительным элементом для понимания целостности картины потустороннего мира.

Здесь следует сделать одну в высшей степени важную оговорку. Дело в том, что упоминаний о летающих по воздуху женщинах нет в описаниях загробного царства, в общих чертах обрисованных античными авторами — Гомером, Овидием, Вергилием и др. (*Виноградов*, 2023б). Но следует ли слепо следовать древним поэтам? Не стоит ли более внимательно присмотреться, так сказать, к мифологии изобразительной? Ведь и некоторые античные мыслители оставили описания потустороннего мира, отличающиеся от широко известных. К примеру, Платон в «Государстве» рассказал о некоем Эре, убитом в бою, но воскресшем на 12-й день и поведавшем о своих необычных видениях (*Pl. Rp. X. 610e–621d*). О. М. Фрейденберг по этому поводу удачно заметила, что у Платона, как у Пушкина, вероятно, была хорошая няня, «которая рассказывала ему древнеаттические мифы» (*Фрейденберг*, 1990. С. 156). На мой взгляд, эти «бабушкины сказки» или шире — народные интерпретации известных мифов — в религиозной жизни рядового населения играли важную роль. Однако женщин, парящих в сакральных небесах загробного царства, вряд ли стоит сводить к персонажам, возникшим из устной традиции. Они, скорее, являются устойчивым образом народной религиозности античного мира, проявившимся и в композиции аттического художника V в. до н. э., и в росписях боспорских склепов римского времени.

- Ашик*, 1845 — *Ашик А. Б.* Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса: Тип. А. Брауна, 1845. 50 с.
- Виноградов*, 2006 — *Виноградов Ю. А.* Рец. на книгу: *H. Hoffmann.* Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases. Oxford: Clarendon Press, 1997. 205 p. // ВДИ. 1997. № 2. С. 213–220.
- Виноградов*, 2023а — *Виноградов Ю. А.* У истоков изучения боспорских расписных склепов // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VIII Междунар. науч. конф. (Севастополь, 29 мая — 5 июня 2023 г.). Т. I / Отв. ред. В. В. Лебединский. М.: Институт востоковедения РАН, 2023. С. 49–53.
- Виноградов*, 2023б — *Виноградов Ю. А.* Загробное царство в росписях склепов Боспора Киммерийского (сравнительный анализ боспорских изображений и античной литературной традиции) // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях: Материалы междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, А. В. Зинько. Симферополь; Керчь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2023. С. 47–53.
- Гайдукевич*, 1949 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 622 с.
- Ернштедт*, 1955 — *Ернштедт Е. В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи) // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. Т. I / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. I. С. 248–285.
- Иванова*, 1961 — *Иванова А. П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев: Изд-во АН УССР, 1961. 150 с.
- Кобылина*, 1984 — *Кобылина М. М.* Живопись // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). С. 214–216.
- Кулаковский*, 1896 — *Кулаковский Ю.* Две керченские катакомбы с фресками. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1896 (МАР; № 19). 67 с.
- Молева*, 2023 — *Молева Н. В.* Жрецы и жрицы в боспорских храмах и святилищах // Боспорский феномен: qatra pars saeculi / Отв. ред. В. А. Хршановский. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 137–152.
- Отчет ИАК за 1874, 1877 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1874 г. СПб.: Тип. Императорской АН, 1877. 236 с.
- Ростовцев*, 1911 — *Ростовцев М. И.* Роспись керченской гробницы, открытой в 1891 г. // ΠΡΟΕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ. Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1911. С. 119–154.
- Ростовцев*, 1913–1914 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб.: Изд-во Императорской АН, 1913 — атлас, 300 табл.; 1914 — текст, 456 с.
- Тахо-Годи*, 1987а — *Тахо-Годи А. А.* Аид, Гадес // Мифы народов мира. Т. 1 / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 51–52.
- Тахо-Годи*, 1987б — *Тахо-Годи А. А.* Харон // Мифы народов мира. Т. 2 / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 584.
- Усов*, 1876 — *Усов С. А.* Объяснение керченских фресок // Древности. Труды Московского археологического общества. 1876. Т. 6, вып. 2. С. 27–34.
- Фрейденберг*, 1990 — *Фрейденберг О. М.* Утопия // Вопросы филологии. 1990. № 5. С. 148–167.
- Burgunder*, 2019 — *Burgunder P.* Ombres et lumières du tombeau peint découvert par A. B. Aşik // Études bosporanes. Sur un royaume aux confins du monde gréco-romaine / Éd. Pascal Burgunder. Lausanne: Université de Lausanne, 2019. P. 181–241.
- Gajdukevič*, 1971 — *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie Verlag, 1971. 604 S.
- Hoffmann*, 1989 — *Hoffmann H.* Rhyta and Kantharoi in Greek Ritual // Greek Vases in the J. Paul Getty Museum. Malibu: Getty Publications, 1989. Vol. 4. P. 131–166.
- Hoffmann*, 1997 — *Hoffmann H.* Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases. Oxford: Clarendon Press, 1997. 205 p.
- Linder*, 1988 — *Linder R.* Hades // Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich; München: Artemis Verlag, 1988. Vol. IV, 1. S. 367–394.
- Sourvinou-Inwood*, 1986 — *Sourvinou-Inwood Ch.* Charon // Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich; München: Artemis Verlag, 1986. Vol. III, 1. P. 210–225.
- НА ИИМК РАН. РО. Р. 1. Д. 226: Альбом рисунков Императорской археологической комиссии. 16 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Р. 1. Д. 566: Альбом рисунков Императорской археологической комиссии. 20 л.

About one type of female images in the paintings of the Cimmerian Bosphorus crypts

Yu. A. Vinogradov³

Keywords: ancient culture, Bosporan Kingdom, painted crypts, religious ideas, image of a woman, image of the otherworld.

Bosporan painted crypts are important monuments of classical culture preserved in the Northern Black Sea region. The largest number of them was found on Mount Mithridates in Kerch, almost all of them belong to Roman times. A huge contribution to their study was made by M. I. Rostovtsev. The paintings on the walls and ceilings of such tombs are of great importance for understanding the local population's ideas about the afterlife. However, not all the characters of these paintings have been adequately explained so far. Among them are women with veils rising above their heads in a semicircle, usually thought to be dancers. Some of these women are represented standing on the ground (Fig. 1; 2, 1, 2), others flying through the sky (Fig. 3) or descending from heaven to earth (Fig. 4). Very close images can be found on a painted vase in the form of an astragalus by the Athenian painter Sotades (Fig. 5), dated to the middle of the 5th cen. BC. It is very likely that the decorative system of the vase created by Sotades is connected with some unconventional representation of the otherworld. For the Bosporans of the first centuries AD, images of women flying in the sky apparently became an integral part of the picture of the afterlife.

---

³Yuriy A. Vinogradov — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

Вестник-1: греко-варварское поселение на севере Синдики и его некрополь в исследованиях 2021–2023 гг.¹

Д. Е. Чистов, Е. А. Горская, М. А. Громов, Ю. И. Ильина²

Аннотация. Экспедицией Эрмитажа на поселении Вестник-1 в 2021–2023 гг. раскрыта пристройка IV в. до н. э. к монументальному греческому зданию V–IV вв. до н. э. Новые раскопки поселения и его некрополя позволили уточнить их хронологию и показать связь с периодизацией соседнего Семибратнего городища.

Ключевые слова: Боспорское царство, Синдика, поселение, святилище, некрополь, пелика, амфоры, лепная керамика, вооружение.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-53-71

В 2021–2023 гг. Восточно-Боспорская экспедиция Государственного Эрмитажа проводила исследования поселения Вестник-1, расположенного у хут. Вестник в окрестностях г. Анапа. Памятник находится в прямой видимости от важнейшего центра Синдики — Семибратнего городища, античного Лабриса (Виноградов, 2002; Тохтасьев, 2004. С. 144–156), на расстоянии около 6,5 км от него по прямой к юго-западу. Не приходится сомневаться, что между этими пунктами в древности имела тесная связь. Площадь поселения составляет примерно 6,4 га. С юга к нему примыкает некрополь, уже частично разрушенный карьером, его предполагаемая площадь составляет 4,7 га. В 2010–2012 и 2014 гг. памятник исследовался совместно Восточно-Боспорской экспедицией ИА РАН (Москва), Южно-Российским центром археологических исследований (Краснодар),

и ИИМК РАН (С.-Петербург). В указанные годы работы проводились на трех участках — раскопе I, раскопе II и раскопе «Некрополь».

Главным результатом этих раскопок (Чевелев и др., 2011; Иванов и др., 2021) стало открытие на раскопе I монументальной греческой общественной или культовой постройки V–IV вв. до н. э. Здание СК-1, общими размерами 14,8 × 10,0 м (рис. 1), имело мощные каменные стены толщиной до 0,8 м, сложенные из крупных известняковых блоков. Оно было ориентировано углами по сторонам света, с юго-запада находилась крытый портик, обрамленный антами. Перекрытие, по-видимому, подпирали не менее четырех деревянных колонн. Особенностью постройки является так называемый алтарь — ступенчатая конструкция из тесаных плит, находившаяся в южной части портика.

Внутреннее пространство комплекса было поделено на три смежных помещения неравной площади. Отдельные входы из портика вели в большое (33,6 кв. м) северное помещение (1) с остатками очага посередине, и центральное (2). Сообщавшееся с последним южное помещение (3) из-за своей малой площади (11 кв. м) и формы — его ширина составляет всего 2 м — могло служить лишь в качестве кладовой или хранилища.

Кроме того, на раскопе II обнаружены остатки еще одной постройки (СК-2), меньших размеров, возможно однокамерной, расположенной относительно первой примерно в 60 м к юго-западу и выше по склону. В ходе исследований некрополя

¹ Горская Е. А. выполнила исследование в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013).

² Чистов Д. Е., Громов М. А., Ильина Ю. А. — Государственный Эрмитаж; С.-Петербург, Россия; e-mail: d.chistov@gmail.com, grommike@gmail.com, iouliailiyina@gmail.com. Горская Е. А. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: alienka.gorsky@mail.ru.

© Чистов Д. Е., Горская Е. А., Громов М. А., Ильина Ю. А., 2024

раскрыто 10 погребений конца VI — первой половины V в. до н. э.

Возобновленные раскопки имели целью продолжить изучение ближайшего окружения монументального здания СК-1. С этой целью раскоп I расширялся в южном, юго-восточном и восточном направлениях (рис. 1; 2). Его общая площадь составила 1462 кв. м, из которых 346 кв. м исследовано за 2021–2023 гг. Наиболее важным результатом этих работ стало раскрытие помещения 5, пристроенного к ранее исследованному общественному зданию СК-1 с юго-востока, по узкой его стороне. Судя по характеру его кладок, уступающих по качеству и строительной технике стенам СК-1, и уровню залегания их подошв, эта пристройка была возведена много позже основного здания. Ее внутренняя площадь, между тем, весьма значительна: около 46 кв. м. Учитывая также то, что в ее юго-западной части находилась плитовая вымостка, можно предположить, что с юго-запада этой пристройки (как и у основного здания) находилась крытая и вымощенная камнем галерея или вестибюль, а внутренний объем был разделен в древности на две части (галерею и внутреннее помещение) еще одной, несохранившейся, перегородкой.

Пристройка прекратила существование не позже второй четверти — середины IV в. до н. э.: ее юго-восточная стена прорезана хозяйственной ямой 23, материалы из заполнения которой датируются этим временем. Важно заметить, что разрушение пристройки может как совпадать, так и не совпадать со временем разрушения основного здания, которое могло существовать какое-то время и после ее сноса, если у них не было общего перекрытия.

Авторы раскопок предположительно интерпретировали СК-1 как святилище, посвященное Аполлону и Деметре или Деметре и Коре-Персефоне (Чевелев и др., 2011. С. 405–407; Сударев, 2014. С. 97), однако такие особенности внутреннего плана, как наличие смежных помещений, размеры и площадь северного помещения, наличие в нем следов центрального очага, скорее сближают комплекс из Вестника-1 с другим типом греческих общественных зданий — банкетными залами, гестиаториями. Такие сооружения находились при многих святилищах греческого мира и служили для проведения жертвенных трапез, приуроченных к религиозным праздникам. Значительная площадь помещений и их форма, близкая к квадратной, обуславливались необходимостью установки по периметру стен лож — клине.

Известны различные варианты планировки этих зданий — от простых, с одним или двумя помещениями, до многочисленных банкетных залов, вытянутых в цепочку или группирующихся вокруг общего двора (Börker, 1983. Abb. 1, 3, 4, 7–9, 12, 13). Ближайшими аналогиями постройке из Вестника-1 в Северном Причерноморье являются два общественных здания конца VI — первой половины V в. до н. э. в северо-восточной части Березанского поселения (Чистов, Ильина, 2012; Чистов и др., 2012. С. 87–94; 2020. С. 132–147). Внутреннее пространство каждого из них делилось на два помещения неравной площади.

Круг аналогий на памятниках Эгеиды и Великой Греции довольно обширен³, хотя следует принимать во внимание, что остатки большинства сооружений такой планировки принадлежали куда более монументальным ордерным постройкам. Есть среди них и примеры зданий, включавшие помещения неравных размеров (Daux, 1964. P. 885, fig. 1). Некоторые позднеархаические постройки сложного плана предполагают соединение в одном здании культового помещения (наоса) и пиршественных помещений, как в святилище на острове Деспотико (Kourayos, Burns, 2004; Kourayos et al., 2012), или наоса и зала собраний (лесхи) в гекатомпедоне Паниониона на горе Микале (Lohmann, 2012a; 2012b. P. 43–46, fig. 4.1).

Принимая во внимание отсутствие иных раскрытых монументальных сооружений вблизи СК-1, можно предположить, что это здание также совмещало в себе функции банкетного зала и святилища. Одно из юго-восточных помещений (центральное) могло выполнять функцию наоса, где хранилось изображение божества. Наличие поздних пристроек (не только с юго-востока, но, возможно, и с северо-запада, где при раскопках 2010–2014 гг. также были выявлены обрывки кладок⁴) свидетельствует не в пользу интерпретации постройки как исключительно культовой. Иным объяснением расширения здания пристройками могло бы быть изменение его функционального назначения на жилое после второй четверти IV в. до н. э.

Бесформенные развалы или вымостки из мелкого известнякового бута образуют общий горизонт почти по всей исследованной площади раскопа I к югу, юго-востоку и северо-востоку от здания СК-1. Происхождение этих набросок

³ См. обзор литературы и сопоставление планов некоторых зданий: Chistov, 2015. P. 409–411, fig. 9.

⁴ Полное раскрытие этой пристройки невозможно из-за возведенной над ней опоры ЛЭП.

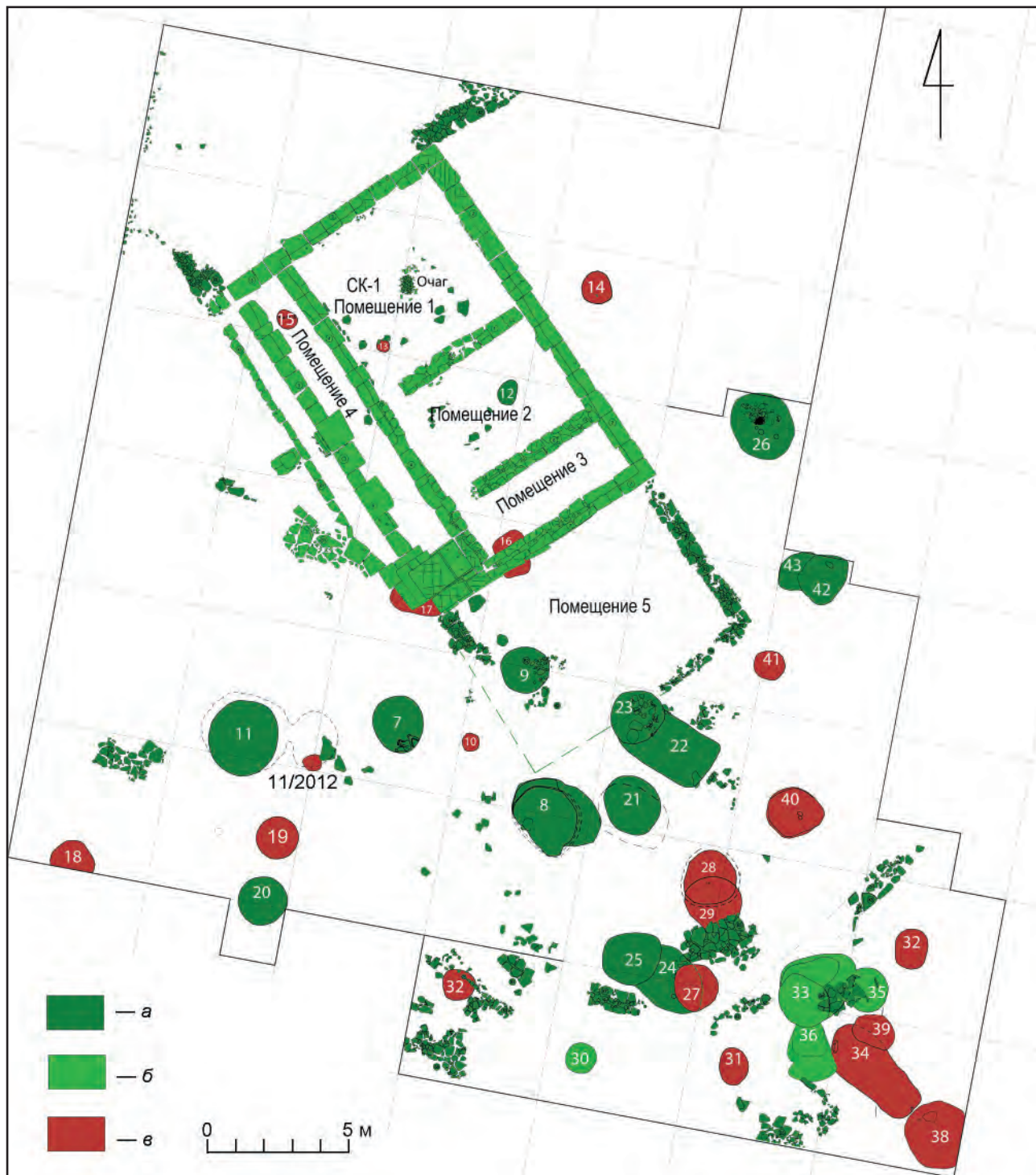

Рис. 1. Поселение Вестник-1, сводный план основной части раскопа I (а — вторая–последняя четверти IV в. до н. э.; б — вторая половина V — начало IV в. до н. э.; в — конец VI — первая четверть V в. до н. э.; цифры — номера ям и полуземлянок)

Fig. 1. Vestnik-1 fortified site, summary plan of the main part of excavation I (a — the second to the last quarter of the 4th cen. BC; б — the second half of the 5th — beginning of the 4th cen. BC; в — end of the 6th — the first quarter of the 5th cen. BC; numbers — pits and semi-dugouts)

Рис. 2. Поселение Вестник-1, сводный ортофотоплан участков исследований 2021–2023 гг. к югу и юго-востоку от монументального здания СК-1 (Я. — яма, К. — кладка, В. — вымостка)

Fig. 2. Vestnik-1 fortified site, the composite orthophoto of the 2021–2023 survey sites south and southeast of the monumental building SC-1 (Я. — pit, К. — wall, В. — pavement)

не установлено. Они фактически находятся на границе пахотного слоя и могли сформироваться при разрушении каменных кладок и вымосток поселения в результате его многолетней распашки. Развалы бута перекрывают устья некоторых хозяйственных ям и обрывки плитовых вымосток IV в. до н. э. Вместе с тем такие же наброски расположены вдоль внешних фасов стен помещения 5, плотно примыкая к кладкам поздней пристройки, но не перекрывая их. Следовательно, некоторые участки бутового мощения могли относиться и к античной эпохе.

К югу и юго-востоку от помещения 5 находились перерытые развалами бута обрывки плитовых известняковых вымосток и каменных цоколей стен (рис. 1). Возможно, они представляют собой следы мощеного двора с оградой, находившегося перед входом в монументальное здание, или же следы соседних сооружений. Однако их остатки дошли в очень фрагментарном состоянии, не позволяющем выполнить сколько-нибудь достоверную реконструкцию окружения здания.

Кроме того, перед входом в позднюю пристройку (помещение 5) и вокруг нее в ходе раскопок 2010–2014 и 2021–2023 гг. исследовалось скопление заглубленных в грунт объектов IV в. до н. э. Их размеры и устройство различаются. Семь из них (7, 11, 20, 21, 25, 42, 43) представляют собой обычные хозяйственные ямы, округлые в плане, со стенками, несколько расширяющимися ко дну. Углубление 22 представляло собой прямоугольный (со скругленными углами) котлован размерами 3,1 × 2,0 м, однако отсутствие сохранившихся следов столбовых конструкций или сырцовой кладки не позволяет однозначно интерпретировать его в качестве жилого или хозяйственного сооружения. Иначе выглядят ямы 8, 22, 24 и 26 — сравнительно неглубокие котлованы больших размеров, прямоугольной со скругленными углами, округлой или овальной формы, в двух случаях (22 и 24) — со следами столбовых конструкций на дне. Три из них (8, 22, 24) расположены недалеко друг от друга и, вероятно, составляют единую группу примерно одновременных комплексов. По своему устройству и размерам они скорее напоминают небольшие полуземлянки криволинейного плана, хорошо известные в ранних горизонтах античных памятников Северного Причерноморья. Нужно оговориться, что их внутренняя площадь находится на пределе допустимого для такой интерпретации, а какие-либо иные детали интерьера, которые могли бы

подтвердить их функционирование как крытых сооружений, не обнаружены.

Наибольшая концентрация репрезентативных керамических находок на поселении связана именно с заглубленными объектами IV в. до н. э. Находки амфорной тары и аттической керамики датируются, в основном, в рамках второй–третьей четвертей этого столетия. Однако не все исследованные ямы использовались одновременно. Некоторые из них могли быть синхронны поздней пристройке к общественному зданию, однако появление других, включая полуземлянку 24, скорее всего, совпало с его приходом в упадок. По-видимому, самой поздней можно считать яму 26, в которой найдено гераклейское клеймо 320–310-х гг. до н. э. (рис. 3, 7).

Наиболее выдающейся находкой, сделанной в заполнении одного из этих комплексов (яма 24), стала краснофигурная пелика с изображением схватки конной амазонки и грифона (рис. 4, 1а–1в). Она является типичным образцом так называемых боспорских пелик, или пелик керченского стиля, — большой группы ваз, расписывавшихся в Афинах в IV в. до н. э. Эти сосуды имели широкое распространение в античном мире, особенно на восточном побережье Средиземного моря. Значительное их число ввозилось в Северное Причерноморье и найдено на территории Боспорского царства. Однако представления о том, что они изготавливались исключительно для торговли с Боспором, сейчас уже не находят подтверждения: сюжеты их росписей отражают общую иконографию IV в. до н. э. (Ягги, Лазенкова, 2012. С. 35).

Такие пелики выделены в большую группу G, которая обычно датируется второй половиной или третьей четвертью IV в. до н. э. (Beazley, 1963. P. 1462–1470). Более позднюю дату (330–320 гг. до н. э.) для этой группы сосудов предлагал К. Шефолд (Schefold, 1934. S. 159). В последних публикациях исследователи этих ваз придерживаются датировки Бизли (Шмаль, 2000; Ягги, Лазенкова, 2012; Вдовиченко, 2003; Vasko, 2021). Пелики, включенные в эту группу, объединяет один сюжет, но роспись сосудов отличается в деталях, поскольку они расписывались разными мастерами. Пелика с поселения Вестник-1 в их ряду отличается наименьшей высотой — 19,6 см, тогда как самые низкие из известных пелик группы G имеют высоту 21–22 см. Пропорции сосуда свидетельствуют о ранней дате, поскольку для поздних пелик характерна более вытянутая форма и массивный венчик. Обычно в изображении сцен

Рис. 3. Поселение Вестник-1. Клейма и монеты: 1 — синопское клеймо (недатированный слой); 2–7 — клейма Гераклеи Понтийской: эпонимы групп МГ III-A (2 — Ликон, яма 23; 3 — Скиф, уровень бутовых вымосток); III-B (4 — Каллий, яма (полуземлянка) 24; 5 — Лиситей, уровень бутовых вымосток); IV-B (6 — Эврифон, яма (полуземлянка) 26); V-A (7 — Кроний, яма (полуземлянка) 26); 8 — серебряный пантикапейский триобол (углубление 34). Масштаб: а — для 1–7; б — для 8

Fig. 3. Vestnik-1 fortified site. Stamps and coins: 1 — Sinopa stamp (undated layer); 2–7 — Heraclea Pontica stamps: eponyms of groups МГ III-A (2 — Lycon, pit 23; 3 — Scythes, level of rubble pavements); III-B (4 — Kallias, pit (half dugout) 24; 5 — Lysiteus, level of rubble pavements); IV-B (6 — Euriphon, pit (half dugout) 26); V-A (7 — Cronius, pit (half dugout) 26); 8 — silver Panticapaeian triobol (hollow 34). Scale: a — for 1–7; б — for 8

грифономахии на пеликах группы G слева изображена амазонка на коне, а справа — грифон. На нашей вазе все наоборот; такое расположение фигур встречается редко.

Близкими ей по композиции является серия пелик из Пантикапея (*Greeks on the Black Sea...*, 2007. P. 164, 165, cat. 67; *Vasko*, 2021. P. 83–86, pl. 70; *Сидорова и др.*, 1985. С. 100, кат. 51; *Ягги, Лазенкова*, 2012. С. 160–164, кат. 50–53, табл. 72–79; *Beazley*, 1963. P. 1463, ns. 18, 32). На основании датировок большинства ближайших аналогий сосудов из Вестника-1 можно датировать около 350–340 гг. до н. э.

В заполнении углублений этого периода найдены также крупные фрагменты и целые амфоры

Гераклеи (рис. 4, 2а, 2б) и Хиоса (рис. 4, 3а, 3б) второй–третьей четвертей IV в. до н. э. При раскопках 2021–2023 гг. к югу и западу от монументального здания в хозяйственных ямах и слое были найдены 12 амфорных клейм Гераклеи Понтийской и Синопы. Единственное синопское клеймо не читается (рис. 3, 1), но восстанавливается ранняя эмблема — орел на дельфине, что позволяет датировать его от 370-х до 340-х гг. до н. э. В числе читаемых гераклейских оттисков — эпонимы магистратских групп III-A — Ликон (рис. 3, 2; 4, 2в), Скиф (рис. 3, 3); III-B — Каллий (рис. 3, 4), Лиситей (рис. 3, 5); IV-B — Эврифон (рис. 3, 6). По хронологии В. И. Каца (*Кас*, 2003; *Кац*, 2007. С. 242–249, 429–433) клейма указанных групп датируются

Рис. 4. Поселение Вестник-1. Сосуды: 1, 2 — из заполнения ямы (полуземлянки) 24 (1а-1в — краснофигурная аттическая пелика, 2а, 2б — гераклейская амфора с клеймом (2в) эпонима Ликона группы МГ III-A); 3а, 3б — хийская амфора, вторая половина IV в. до н. э. из заполнения ямы (полуземлянки) 26. Масштаб: а — для 1а-1в; б — для 2а, 2б, 3а, 3б; в — для 2в

Fig. 4. Vestnik-1 fortified site. Vessels: 1, 2 — from the filling of pit (half-dwelling) 24 (1а-1в — red-figured Attic pelica, 2а, 2б — Heracleian amphora with the stamp (2в) of the eponym Lykon of the MG III-A group); 3а, 3б — Chios amphora, second half of the 4th cen. BC from the filling of the pit (half-dwelling) 26. Scale: а — for 1а-1в; б — for 2а, 2б, 3а, 3б; в — for 2в

в рамках 360–340-х гг. до н. э. Самым поздним можно считать клеймо магистрата Крония группы V-A (рис. 3, 7) 320–310-х гг. до н. э.

Данные керамической эпиграфики интересно сопоставить с хронологией нумизматических находок. За все годы раскопок на поселении найдены всего девять монет, семь из которых относятся к IV в. до н. э. Их находки концентрировались в основном у входа в монументальное здание и вокруг его восточной поздней пристройки. Период выпуска этих монет находится в хронологических рамках конца первой четверти — второй половины IV в. до н. э. (Терещенко, Чистов, 2023).

В слоях и комплексах поселения присутствуют фрагменты черепицы местного производства, причем двух различных систем перекрытия — как коринфского, так и куда более редкого для Боспора лаконского типа, для которого характерны керамиды с прогибом и полукруглые калиптеры. Наличие значительного количества лаконской черепицы, очевидно, того же типа отмечалось Н. В. Анфимовым и для Семибратнего городища (Анфимов, 1953. С. 108). Основываясь на датировках возведения монументального здания на Вестнике-1, Н. Ф. Федосеев считал, что это локальное производство черепицы может оказаться самым ранним на Боспоре (Федосеев, 2011. С. 289). По мнению авторов раскопок 2010–2014 гг., СК-1 могло быть построено еще в начале V в. до н. э., а перестроено в IV в. до н. э., причем именно на это время приходится замена более раннего перекрытия из черепицы лаконского типа на коринфскую с плоскими керамидами (Иванов и др., 2021. С. 147). Очевидных доказательств такой последовательности замены перекрытия обнаружить в ходе дальнейших раскопок не удалось. В заполнении ям IV в. до н. э. вместе встречаются фрагменты как черепиц лаконской системы, так и коринфской. Это вряд ли было бы возможно, если бы ямы относились ко времени реконструкции монументального здания. Противоречие снимается, если они возникли уже после его разрушения и были засыпаны грунтом, содержащим разновременный мусор, или же черепица разных систем в действительности принадлежала перекрытиям различных сооружений (пристроек).

Другой интересной особенностью этих керамических комплексов является заметное количество кухонной кружальной посуды, по-видимому, местного или горгипийского производства. Доля фрагментов кухонной керамики без учета амфор в ямах IV в. до н. э. колеблется от 4 до 29 %. Она представлена в основном фрагментами лопад, то

есть широких круглодонных кастрюль типичной греческой формы с крышками. Эти кастрюли при сходстве пропорций и профилировки имели различные размеры. Весьма значительна в этих комплексах и доля лепной керамики, которая колеблется от 26 до 72 % без учета амфорной тары. В составе лепной керамики преобладают несколько форм, характерных и для поселения, и для региона в целом (Клемешова, 2019): прежде всего это закрытые сосуды — горшки с прямым краем и горшки с сильно отогнутым венчиком.

Примечательно, что следов хозяйственной активности второй половины V в. до н. э., то есть предполагаемого времени существования самого здания СК-1, на изученной территории намного меньше, а в слое керамика этого времени представлена очень небольшим количеством фрагментов. Только четыре хозяйственные ямы с маловыразительным материалом (30, 33, 35, 36) можно отнести к позднеклассическому периоду.

Наиболее ранний хронологический горизонт поселения Вестник-1 относится ко второй половине VI — первой половине V в. до н. э. и состоит в основном из хозяйственных ям. Керамический комплекс этого периода разительно отличается от более позднего горизонта как своей скудостью, так и составом. Почти все находки, помимо фрагментов амфор, представлены местной лепной керамикой, кружальная столовая керамика встречается лишь изредка (ср.: Иванов и др., 2021. С. 145–147). Не приходится сомневаться в том, что этот период соотносится с синдским поселением, прекратившим функционировать или одновременно со строительством монументального здания, или же спустя какое-то время. С периодом существования варварского поселка следует связывать и некрополь, речь о котором пойдет далее.

На всей исследованной в 2021–2023 гг. площади раскрыты 10 хозяйственных ям позднеархаического периода. Кроме того, исследованы остатки небольшой постройки, выглядевшие как углубление (34) прямоугольного плана с сильно скругленными углами (1,40–1,60 × 3,85 м). Ни в самом котловане, ни по его краям не удалось выявить отчетливых следов стен, обмазок пола или столбовых конструкций. Единственным элементом интерьера был крупный плоский камень, приставленный торцом вверх к узкой северо-западной стенке. Наиболее важная датировочная находка из этого комплекса — серебряный пантикапейский триобол (рис. 3, 8) конца VI — первой четверти V в. до н. э. (Терещенко, Чистов, 2023. С. 222, 223, рис. 2, 1).

Исследования в районе раскопа II, расположенного в 40–45 м южнее раскопа I, дали более скромные результаты. Здесь ранее были обнаружены остатки прямоугольной постройки IV в. до н. э. — СК-2 (Иванов и др., 2021. С. 147, 151, рис. 2). Поскольку это здание находится на невысоком пологом возвышении вытянутой формы, протянувшись с востока на запад, можно было бы предполагать наличие поблизости и других одновременных ему сооружений. Однако в границах небольшого (25 кв. м) участка, заложенного западнее СК-2, не удалось обнаружить никаких строительных остатков наземных построек античного времени, а лишь пять хозяйственных ям с маловыразительным керамическим материалом. Вероятно, все они относятся ко времени бытования синдского поселка позднеархаического–раннеклассического периодов.

На некрополе поселения Вестник-1 к настоящему времени исследованы 18 погребений, восемь из которых (11–18) раскрыты эрмитажной экспедицией в 2023 г. Все исследованные погребения за исключением одного (1/2010) располагались компактно (Иванов и др., 2021. С. 147, 148). Как удалось установить в ходе последних раскопок, они объединялись в группы, связанные с несколькими погребальными комплексами — вероятно, семейными или родовыми усыпальницами. Последние представляли собой округлые в плане конструкции диаметром около 5–8 м. Определены контуры трех таких комплексов (ПК 1–3), плотно примыкавших друг к другу, хотя в границы исследованного участка некрополя (рис. 5) попали части еще двух или трех аналогичных конструкций.

Эти сооружения имели сложное устройство. Верхний их слой состоял в основном из известнякового бута, под которым находилась кольцевая конструкция из более крупных грубо обколотых плит известняка, уложенных горизонтально. В ПК 1 часть крупных камней была установлена цепочкой, наклонно на торцы, под разными углами от центра. Для некрополей синдских и абортинского населения предгорий Северо-Западного Кавказа VI–IV вв. до н. э. в целом характерно наличие различных каменных конструкций типа кромлехов или башнеобразных закладов, а также плотное, упорядоченное расположение могил, в некоторых случаях рядами, что считается свидетельством традиционности и регламентированности обрядовой сферы этих обществ (Дмитриев, Малышев, 2009. С. 56). Погребальные комплексы некрополя поселения Вестник-1

напоминают кольцевые каменные структуры или кромлехи, сооружавшиеся вокруг большей части погребений синдского некрополя у хут. Рассвет (Новичихин, 2010. С. 191–194, рис. 7) и могильника на территории ОПХ «Анапа» (Алексеева, 1991. С. 64), однако имеют отличительные локальные особенности: значительно большие размеры и наличие помимо центральной могилы дополнительных погребений по периметру сооружения.

Захоронения в погребальных комплексах делятся на два типа: очень неглубокие грунтовые погребения с каменными обкладками по периметру и погребения в каменных ящиках. Для этого могильника (как и в целом для варварских некрополей района Анапы — Новороссийска) характерно вытянутое положение тел и преобладание их ориентации в восточном секторе (Иванов и др., 2021. С. 150). Вместе с тем на некрополе поселения Вестник-1 ориентация определенного погребения зависела от места, занимаемого им на периферии округлого в плане погребального комплекса. Поэтому угол отклонения от линии запад–восток у некоторых могил был значительным.

В погребальном комплексе 1 по периметру конструкции находились четыре захоронения в каменных ящиках (судя по размерам, 11/2023 — взрослое, 3/2012 (Там же. Рис. 2, 2), 4/2012 (Там же. Рис. 2, 3) и 16/2023 — детские). В центре была расположена могила с каменной обкладкой (12/2023), в которой не обнаружено никаких следов ни костных остатков, ни погребального инвентаря.

Наиболее точную датировку второй четвертью V в. до н. э. для погребения 11/2023 дает находка «протофасосской» тарной амфоры (рис. 6, 1а, 1б) самой поздней, пятой, серии (Монахов, 2003. С. 41, 42, табл. 26). Примечателен найденный там же лепной кувшин с биконическим туловом, подражающий формой венчика греческой ойнохое (рис. 6, 2а–2в). Имитации греческих форм кувшинов нередки в синдских и меотских погребениях. Так, в некрополе у хут. Рассвет в захоронениях того же времени найдены два лепных горшка с вытянутым горлом и оформленным сливом (Новичихин, 2010. С. 216, 217, рис. 222, 6, 15). Датировку всего погребального комплекса 1 в пределах конца VI — первой половины V в. до н. э. подтверждает и красноглиняный кувшин из соседнего каменного ящика 4/2012 (Иванов и др., 2021. С. 148).

Сложнее определить дату соседнего с запада погребального комплекса 2. Погребение 18/2023, находившееся в центре этой конструкции,

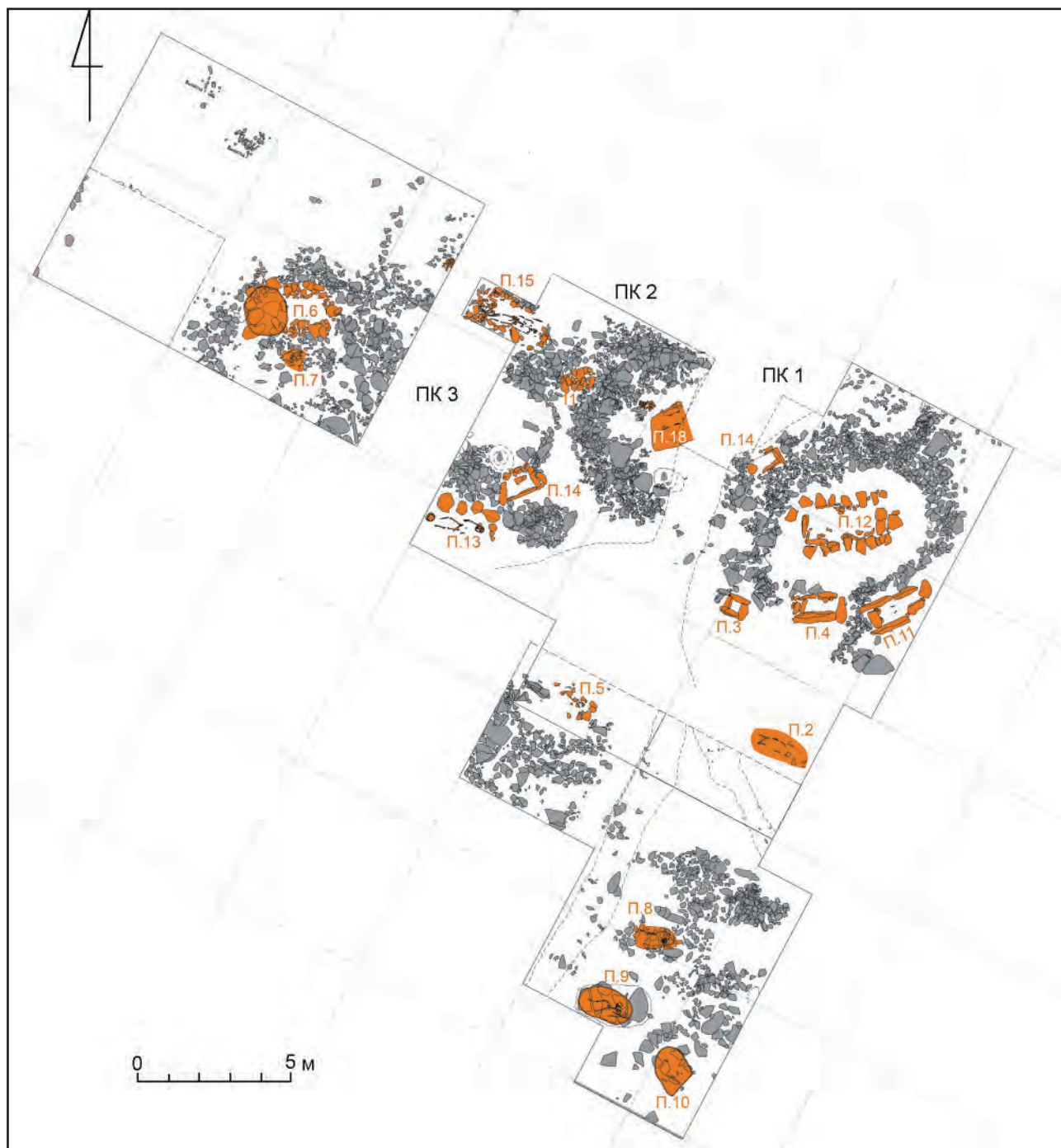

Рис 5. Поселение Вестник-1. Сводный план исследованного участка некрополя (раскопки 2012, 2014 и 2023 гг.) (П. — погребения, ПК — погребальный комплекс)

Fig 5. Vestnik-1 fortified site. Summary plan of the investigated necropolis site (excavations in 2012, 2014 and 2023) (П. — burials, ПК — funerary structure)

оказалось в значительной степени разрушено современной траншеей. Можно лишь предполагать, что оно (так же как и центральное погребение погребального комплекса 1) имело каменную обкладку по периметру. В западной части того же комплекса находился маленький каменный ящик, детское погребение 17/2023, в котором не найдено следов ни костей, ни погребального инвентаря. Единственным хорошо датированным объектом, связанным с этим погребальным комплексом, можно считать следы тризны — развал верхней части североэгейской амфоры с раздутым горлом, вероятнее всего датированной серединой — третьей четвертью V в. до н. э. (рис. 6, 3а, 3б; ср.: Монахов и др., 2019. С. 139, Ап. 3). Это наиболее поздняя находка на данном участке некрополя, указывающая на верхнюю хронологическую границу его функционирования.

Расположенный далее к западу погребальный комплекс 3 исследован лишь частично, а его центральная часть оказалась сильно повреждена. В отличие от соседних, он не имел правильных округлых или овальных очертаний. Середина ПК 3 также не занята бутовыми вымостками, однако следы центрального погребения отсутствуют. Погребения, которые можно соотнести с ПК 3, расположены по его периметру — аналогично тому, как размещены дополнительные захоронения в ПК 1 и 2. Их, по меньшей мере, три: 13–15/2023. Вполне вероятно, что каменные вымостки с двумя безынвентарными погребениями 6/2012 и 7/2012 (Иванов и др., 2021. С. 149), раскрытые западнее (рис. 5), также относятся к этому комплексу или же принадлежат соседней аналогичной структуре округлой формы.

Погребение 14 в небольшом каменном ящике, очевидно, детское, находилось в юго-восточной части объекта. Единственный предмет погребального инвентаря, найденный в этом захоронении, — лепной горшочек или кубок (рис. 7, б). Сходный по форме сосуд происходит из погребения 73 некрополя у хут. Рассвет, датированного второй половиной VI — началом V в. до н. э. (Новичихин, 2010. С. 99–101, рис. 106).

Два очень схожих по устройству и инвентарю воинских погребения с каменными обкладками (13/2023 и 15/2023) расположены с севера и с юга комплекса. Очень близкий набор погребального инвентаря позволяет предполагать, что они приблизительно одновременны. Железные кинжалы-акинаки из этих погребений (рис. 7, 1а, 1б; 8, 1а, 1б) относятся к одному типу — с почковидной гардой и воллютообразным навершием (ср.: Мелюкова, 1964. С. 53, 54, табл. 20, 4, 5) —

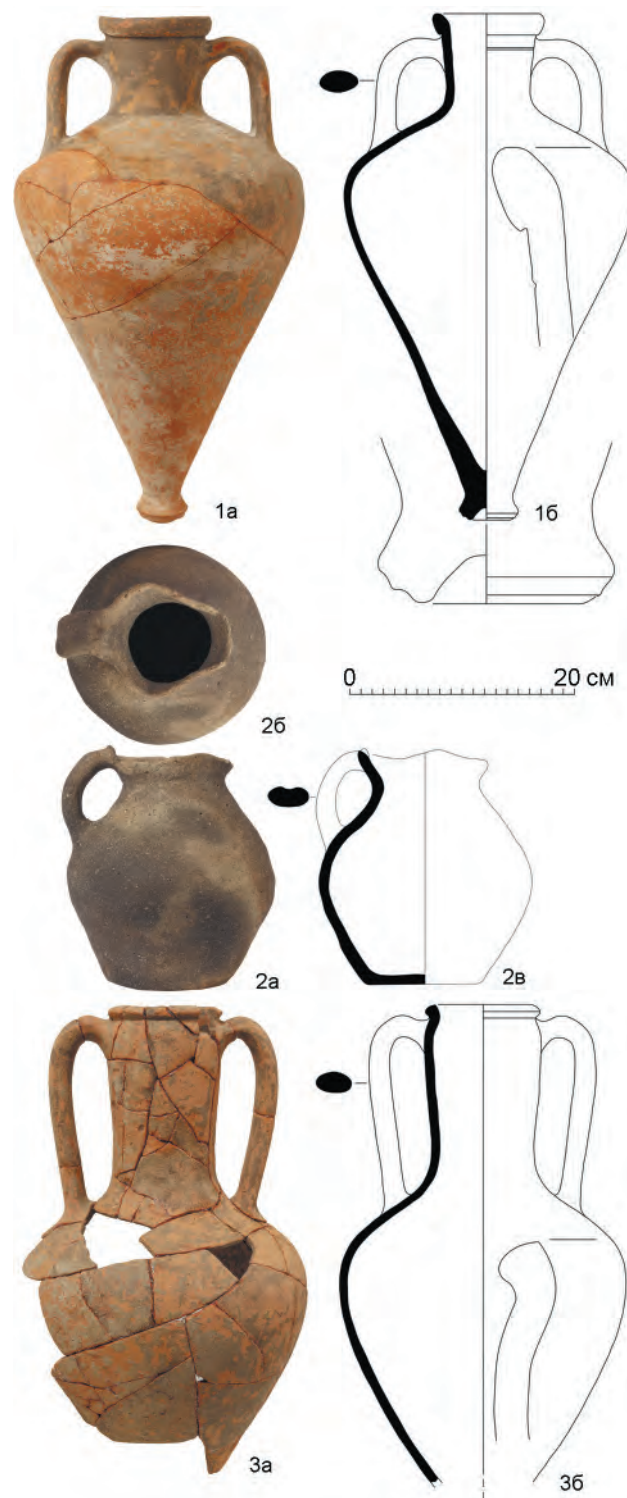

Рис. 6. Поселение Вестник-1. Инвентарь погребения 11/2023 второй четверти V в. до н. э.: 1а, 1б — «про-тофасосская» амфора; 2а–2в — лепная ойнохоя; 3а, 3б — североэгейская амфора из погребального комплекса 2
Fig. 6. Vestnik-1 fortified site. Inventory of the burial 11/2023 of the second quarter of the 5th cen. BC: 1а, 1б — “proto-Phasos” amphora; 2а–2в — molded oinochoae; 3а, 3б — North Aegean amphora from burial complex 2

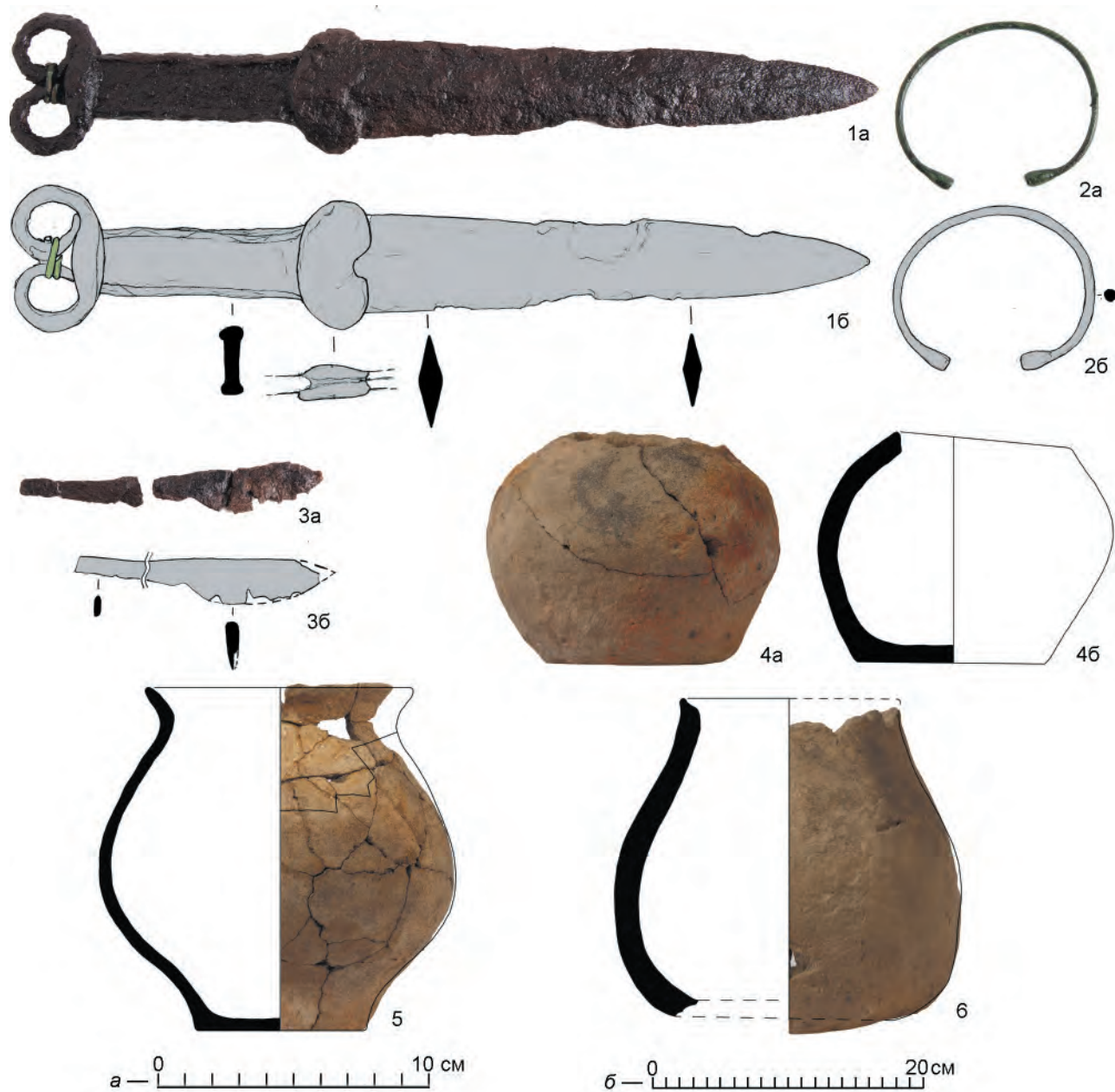

Рис. 7. Поселение Вестник-1. Инвентарь погребения 13/2023 третьей четверти VI в. до н. э.: 1а, 1б — акинак; 2а, 2б — бронзовый браслет; 3а, 3б — маленький нож, вероятно, находившийся в специальном отделении ножен акинака; 4а, 4б — лепной горшочек или кубок; 5 — корчагообразный горшок. 6 — лепной горшочек из погребения 14. Масштаб: а — для 1а-4б, б; б — для 5

Fig. 7. Vestnik-1 fortified site. Inventory of the burial 13/2023 of the third quarter of the 6th cen. BC: 1а, 1б — akinakes; 2а, 2б — a bronze bracelet; 3а, 3б — a small knife, probably located in a special compartment of the akinakes' scabbard; 4а, 4б — a molded pot or goblet; 5 — an ewer-shaped pot; 6 — molded pot from the burial 14. Scale: а — for 1а-4б, б; б — for 5

и очень близки по размерам⁵. У акинака из погребения 13/2023 кольца волют соединены бронзовой проволокой, обмотанной вокруг них в полтора оборота. Мечи и кинжалы с антенными или волютными навершиями были широко распространены от Урала до Карпат с начала среднекифского периода, резкий взлет их популярности приходится на вторую половину VI в. до н. э. (Топал, 2017. С. 300–304). Близкими аналогиями в западном Закубанье являются случайная находка у ст. Натухаевской и кинжалы с волютным навершием и почковидной гардой из коллекции Новороссийского музея (Новичихин, 2006. С. 46, 47, рис. 54, 2–4). Схожий акинак⁶ также происходит из погребения некрополя Гермонассы второй половины VI в. до н. э. (Гайдукевич, 1959. С. 158, 160, рис. 4, 1, б), а судя по ионийскому килику⁷ типа А-2 (9, 1В) с отогнутым венчиком (Schlotzhauer, 2001. S. 209, 516, taf. 30, 171–174), вероятно, даже не позже середины — третьей четверти указанного столетия.

С учетом этих находок коллекция клинкового оружия некрополя Вестник-1 насчитывает шесть единиц. Все мечи из предшествующих раскопок по своей морфологии и сопутствующим находкам относились к более позднему времени — концу VI — первой половине V в. до н. э. и принадлежали разным типам. В их числе акинак с волютным зооморфным навершием, украшенным головками птиц, из погребения 2/2012 (Иванов и др., 2021. С. 152, № 1); два меча с антенным навершием и бабочковидным перекрестьем (погребения 1/2010, 5/2012; Там же. С. 151, 152, № 3, 4); меч с сегментовидным перекрестьем и псевдобрусковидным навершием (погребение 8/2014; Там же. С. 152, № 5).

С умершим в погребении 15/2023 также было помещено копьё с железным наконечником ланцетовидной формы (рис. 8, 2а, 2б) длиной 34 см. Массивные наконечники копий, длиной иногда и более 40 см, характерны для синдских могильников (Рассвет, Красный Курган, ОПХ «Анапа») VI–V вв. до н. э. (Новичихин, 2006. С. 53, рис. 64–70). Наконечник копья из погребения 2/2012 (Иванов и др., 2021. С. 152, № 1) имел иные пропорции и несколько меньшие размеры (27 см).

На правой руке обоих погребенных находились бронзовые проволочные круглые в сече-

нии браслеты с цилиндрическими утолщениями на концах (рис. 7, 2а, 2б; 8, 5а, 5б). Несомкнутые бронзовые проволочные браслеты различных типов и с разными вариантами орнамента многочисленны в некрополе у хут. Рассвет (Новичихин, 2010. С. 231, 232, рис. 228), встречаются в раннемеотских погребениях (эпизодически) (Лимберис, Марченко, 2012. С. 68), а также в некрополях Боспора и широко распространены на памятниках лесостепной Скифии с VI в. до н. э. (Петренко, 1978. С. 49, табл. 38).

В ногах погребенных находились большие корчагообразные лепные горшки (рис. 7, 5; 8, 7). Такие сосуды и ранее были известны на поселении Вестник-1 по фрагментам (Клемешова, 2019. С. 318–320, рис. 5). По форме и пропорциям сосуда из погребений 13/2023 и 15/2023 близки к подтипу I-С раннемеотских корчаг VI–V вв. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2012. С. 23, 24, рис. 11, 9). Корчагообразные горшки такой же формы найдены в погребениях синдских некрополей у хут. Рассвет и ОПХ «Анапа» (Новичихин, 2010. С. 220, 221, рис. 224; Алексеева, 1991. Табл. 47, 18; 48, 9, 10), датированных первой половиной VI в. до н. э.

Лепной маленький плоскодонный горшочек с округлым туловом и загнутым вовнутрь плоско срезанным венчиком (рис. 7, 4а, 4б), лежавший у головы погребенного в захоронении 13/2023, вероятно, имел назначение чаши для питья. Сосуд схожей формы происходит из погребения в каменном ящике у пос. Красный Курган в окрестностях Анапы (Алексеева, 1991. С. 60, табл. 42, 7). В погребении 15/2023 корчагообразный горшок находился вместе с глубокой лепной миской усеченно-конической формы (рис. 8, 8), имеющей многочисленные аналогии в некрополях Синдики и Прикубанья VI–V вв. до н. э. (Новичихин, 2010. С. 212, тип 1; Лимберис, Марченко, 2012. С. 42, рис. 23, тип III).

Благодаря находке «протофасосской» амфоры II серии (рис. 8, 6а, 6б; Монахов, 2003. С. 39, 40; Монахов и др., 2019. С. 113, НА.2) в погребении 13/2023 и в соответствии с датировками предметов вооружения и типов лепной керамики оба захоронения можно датировать третьей четвертью VI в. до н. э. Таким образом, они являются наиболее ранними на раскрытом участке. Хронологические рамки использования некрополя с учетом новых данных охватывают около 70–100 лет — от третьей четверти VI в. до н. э. до середины V в. до н. э.

Уточненная благодаря новым данным периодизация поселения Вестник-1 выглядит следующим

⁵ Погребение 13/2023: общая длина оружия 31,3 см при длине клинка 18,5 см; погребение 15/2023 — 33,8 см, длина клинка 20,5 см.

⁶ Гос. Эрмитаж, инв. № Т.1931.9.

⁷ Гос. Эрмитаж, инв. № Т.1931.1.

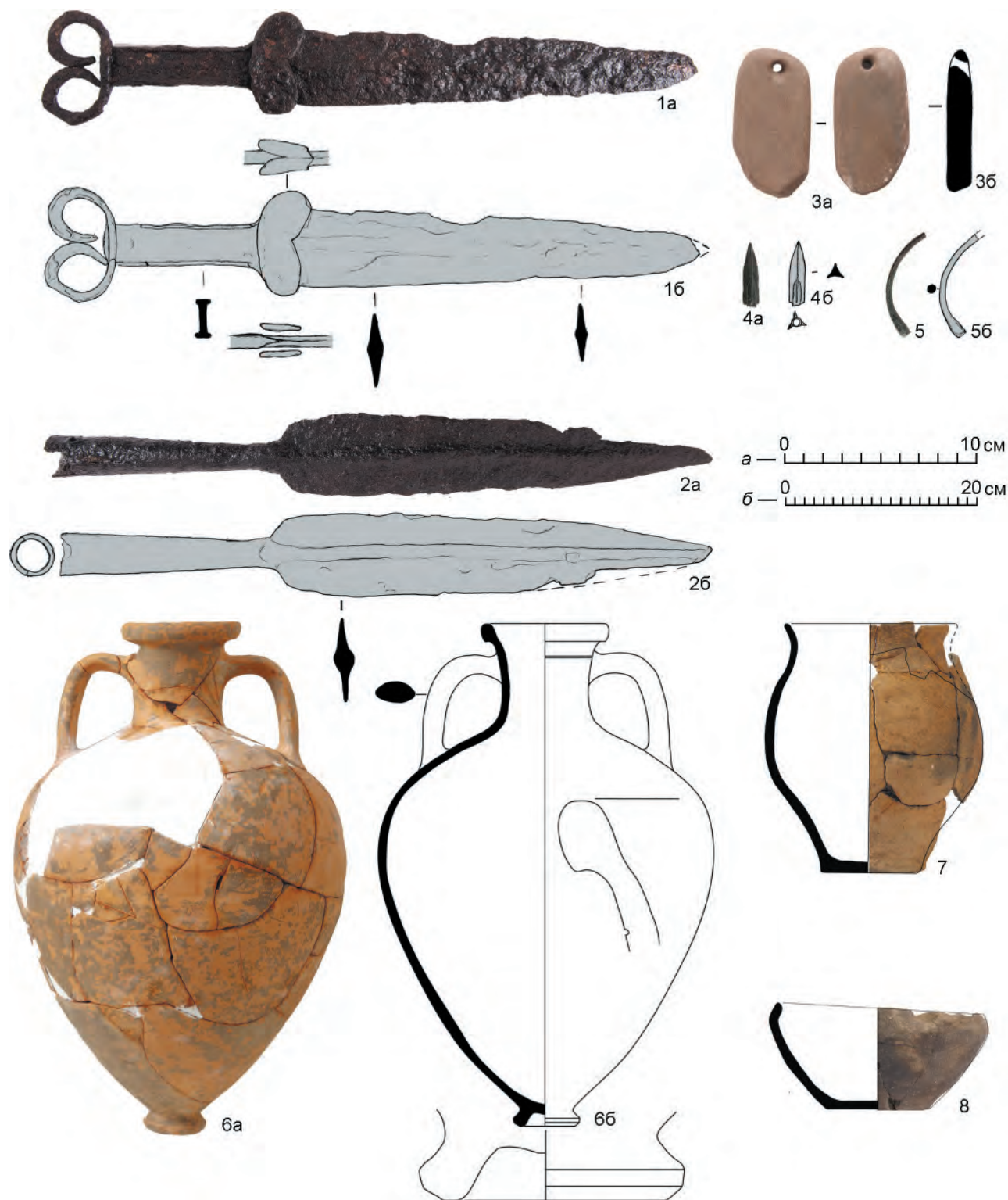

Рис. 8. Поселение Вестник-1. Инвентарь погребения 15/2023 третьей четверти VI в. до н. э.: 1а, 1б — акинак; 2а, 2б — наконечник копья; 3а, 3б — оселок; 4а, 4б — бронзовый наконечник стрелы; 5а, 5б — фрагмент бронзового браслета; 6а, 6б — «протофасосская» (североионийская) амфора; 7 — корчагообразный горшок; 8 — лепная миска. Масштаб: а — для 1а-5б; б — для 6а, 6б, 7, 8

Fig. 8. Vestnik-1 fortified site. Inventory of the burial 15/2023 of the third quarter of the 6th cen. BC: 1а, 1б — akinakes; 2а, 2б — a spearhead; 3а, 3б — an arrowhead; 4а, 4б — a bronze arrowhead; 5а, 5б — a fragment of a bronze bracelet; 6а, 6б — a “Proto-Phasos” (North Ionian) amphora; 7 — an ewer-shaped pot; 8 — a molded bowl. Scale: а — for 1а-5б; б — for 6а, 6б, 7, 8

образом: с третьей четверти VI в. до н. э. здесь существует небольшой поселок с аборигенным, синдским, населением. С учетом хронологических рамок погребений некрополя, который определенно соотносится только с этим периодом, можно говорить о том, что он продлился до второй четверти, возможно даже середины, V в. до н. э. Затем поселение резко меняет свой облик — хозяйственная активность сходит на нет, а погребения на исследованном участке некрополя более не совершаются. Вероятно, именно в это время и возникает монументальное общественное или культовое здание греческого облика, просуществовавшее по меньшей мере до середины IV в. до н. э. В первой половине четвертого столетия здание было расширено пристройками; тогда же могло измениться и его функциональное назначение. На завершающем этапе существования комплекса или уже после прихода постройки в негодность в его окружении стали снова появляться следы интенсивной хозяйственной активности — ямы и небольшие полуземлянки жилого или хозяйственного назначения. Наиболее поздние керамические материалы, амфорные клейма и монетные находки позволяют проследить существование поселения до последних двух десятилетий IV в. до н. э.

Отдельные этапы существования Вестника-1, несомненно, следует рассматривать в более широком контексте — периодизации соседнего Семибратнего городища и истории Синдики в целом. Появление на территории варварского поселка монументального здания греческой архитектуры и скорое исчезновение или резкое сокращение самого этого поселка, сопровождавшееся прекращением погребений на его некрополе, совпадает со временем сложения и укрепления автономного Синдского царства.

На вторую четверть — середину V в. до н. э. приходится погребения в двух древнейших царских курганах группы Семибратних — втором и четвертом⁸; приблизительно с последней трети V в. до н. э. начинается эмиссия автономных синдских монет, вероятно, чеканившихся в Лабрисе (Горнчаровский, Терещенко, 2015; Смекалова и др., 2007). Со времени первых исследований 1950-х гг. считалось, что уже в первой половине V в. до н. э. Семибратнее городище обносится крепостной стеной (Анфимов, 1951. С. 239–242; 1953.

С. 102–106). Следует оговориться, что эту точку зрения последовательно оспаривал В. П. Толстиков, относящий строительство укреплений ко времени перехода города под власть Боспора в IV в. до н. э. (Толстиков, Нефедкин, 2010. С. 615–618). Вместе с тем результаты последних раскопок свидетельствуют скорее в пользу ранней даты: согласно полученным данным, в конце второй четверти V в. до н. э. южная часть уже существующих укреплений расширяется за счет возведения новой линии трапециевидной в плане формы (Горнчаровский, 2019. С. 215). О развитии внутригородской застройки в это время сказать ничего нельзя, поскольку ни одно сооружение классического времени на Семибратнем городище к настоящему времени не исследовано. Однако развитие торговых связей и рост численности греческого населения во второй половине V в. до н. э. иллюстрируется преобладанием аттической расписной керамики именно этого периода в коллекции раскопок 1940–1950-х гг. (Вдовиченко, 2000. С. 85).

Интенсивная урбанизация Лабриса, наряду с предполагаемым размещением в нем резиденции синдских вождей, несомненно, сопровождалась сосредоточением контроля над сопредельными территориями и реорганизацией жизни в ближайшей округе. Возникновение крупной общественной или культовой постройки на поселении Вестник-1, вероятнее всего святилища *extra urban*, косвенно указывает на какой-то социально-политический процесс, развивавшийся в соседнем городском центре. Следствием этих событий стал значительный рост численности и влияния проживавшей в городе и его окрестностях греческой общины, хотя ее статус, как и в целом характер управления сельской округой Северной и Восточной Синдики для V в. до н. э. пока совершенно неясен.

Разведки и раскопки ряда городищ, поселений и их некрополей, проводившиеся в последние десятилетия, в значительной мере меняют представления о территориях к востоку и югу от Таманского полуострова как о преимущественно варварских землях, граничивших с ближней хоррой Горгиипии. Выявлено большое количество поселений, возникших уже в VI в. до н. э. и просуществовавших до IV–III вв. до н. э. (Чевелев и др., 2011; Sudarev, 2021. P. 55, 56; Баринов, 2021. С. 211, 212). В V в. до н. э. на ряде памятников фиксируются следы каменного домостроительства и собственного производства черепицы: складывается впечатление, что эта территория уже на протяжении раннеклассического периода была даже более

⁸ Обзор и анализ различных вариантов хронологии Семибратних курганов см.: Горнчаровский, 2014. С. 570–573, табл. 1; 2.

эллинизирована, чем сельскохозяйственная хора Тамани. Вместе с тем многие из этих поселений возникают на месте более ранних варварских, а на протяжении V в. до н. э. их сопровождают некрополи местного населения (Сударев, 2014. С. 96–100). На поселении Вестник-1 синдский некрополь прекращает функционировать в середине V в. до н. э., скорее всего, одновременно со строительством монументального здания и изменением характера самого поселения⁹.

Если срок функционирования монументального здания фактически совпадает со временем существования автономного Синдского царства и расцветом городской жизни на Семибратнем городище, то конец этого периода, связанный с возникновением пристроек и их последующим разрушением, возобновлением активной хозяйственной деятельности на прилегающей территории, близок ко времени масштабных региональных потрясений — известной из найденной на городище посвятившей надписи победе Левкона I над Октамасадом (Блаватская, 1993; Тохтасьев, 2004; Виноградов, 2002) и последующего присоединения Синдики к Боспорскому царству. На Семибратнем городище этим же временем (не позднее начала 360-х гг. до н. э.) датируется слой мощного пожара¹⁰, разрушение и пере-

стройка оборонительной стены. Наиболее поздние слои Синдской Гавани («Пред-Горгиппии») датируются в пределах 370–360 гг. до н. э. и также завершаются пожарами, за которыми следует появление застройки по новой планировочной схеме на большой территории, перекрывшей и ранний некрополь (Завойкин, 1998; 2013. С. 191–199).

Окончательное угасание жизни на поселении в последние десятилетия IV в. до н. э., в свою очередь, можно соотнести со временем очередных разрушений Лабриса (Анфимов, 1951. С. 242), в результате которых он в значительной мере утратил статус городского центра с общей оборонительной системой, хотя на его территории позднее продолжали функционировать крупные постройки и, возможно, теменос (Анфимов, 1941. С. 258–263; Горончаровский, 2019. С. 218–227).

Представленная схема, несомненно, будет корректироваться при возобновлении исследований Семибратнего городища и получении новых, более обоснованных данных о периодизации как самого Лабриса, так и памятников его ближайшей округи. Однако уже сейчас кажется очевидным, что существование нерядового греческого святилища или комплекса общественного назначения на поселении Вестник-1, совпадая с периодом политической автономии Синдики, свидетельствует об укреплении в это же время греческой гражданской общины Семибратнего городища.

⁹ Если придерживаться датировки исследователей здания, то некрополь и монументальный комплекс могли сосуществовать несколько десятилетий.

¹⁰ Датировка пожара приводится в соответствии с результатами последних исследований на раскопе I в юго-восточной части памятника (Горончаровский,

2019. С. 218). Н. В. Анфимов датировал слои пожарища у раскрытой им линии укреплений северо-восточной оконечности городища (раскоп E) более ранним временем — рубежом V–IV вв. до н. э. (Анфимов, 1953. С. 101).

Алексеева, 1991 — Алексеева Е. М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.: Наука, 1991. 143 с.

Анфимов, 1941 — Анфимов Н. В. Новые данные к истории Азиатского Боспора (Семибратнее городище) // СА. 1941. Вып. VII. С. 258–267.

Анфимов, 1951 — Анфимов Н. В. Раскопки Семибратнего городища // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 238–244.

Анфимов, 1953 — Анфимов Н. В. Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 99–111.

Баринов, 2021 — Баринов Д. Г. Охранно-спасательные работы на поселении Чекупс 2 в Крымском районе в 2018–2019 гг. // АО. 2019. М.: ИА РАН, 2021. С. 210–212.

Блаватская, 1993 — Блаватская Т. В. Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2. С. 34–47.

Вдовиченко, 2000 — Вдовиченко И. И. Расписная керамика Семибратнего городища // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.): Тезисы докладов междунар. конф. (Тамань, Россия, 9–16 октября 2000 г.) / Отв. ред. С. Л. Соловьев, Г. Р. Цецхладзе. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000 (Таманская старина; Вып. 3). С. 84–85.

Вдовиченко, 2003 — Вдовиченко И. И. Античные расписные вазы из Крымских музеев. Симферополь: СОНАТ, 2003. 128 с.

Виноградов, 2002 — Виноградов Ю. Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп (процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиэна (VIII, 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса) // ВДИ. 2002. № 3. С. 3–22.

Гайдукевич, 1959 — Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х гг.) // Некрополи Боспорских городов. М.; Л.: АН СССР (МИА; № 69). С. 154–238.

- Горнчаровский*, 2014 — *Горнчаровский В. А.* Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // *Боспорские исследования*. 2014. № 30. С. 553–618.
- Горнчаровский*, 2019 — *Горнчаровский В. А.* Семибратнее городище (Лабрис) по данным раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2009 гг. // *Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии)*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 211–229.
- Горнчаровский*, *Терещенко*, 2015 — *Горнчаровский В. А., Терещенко А. Е.* О монетном деле Синдики в конце V — начале IV вв. до н. э. // *Записки ИИМК РАН*. 2015. № 11. С. 77–96.
- Дмитриев*, *Малышев*, 2009 — *Дмитриев А. В., Малышев А. А.* Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н. э. // *ABRAU ANTIQUA: Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау / Ред. А. А. Малышев*. М.: Гриф и К, 2009. С. 53–73.
- Завойкин*, 1998 — *Завойкин А. А.* Синдская Гавань (Синдик) — Горгиппия // *ВДИ*. 1998. № 3. С. 137–145.
- Завойкин*, 2013 — *Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь: ВТС Принт, 2013 (*Боспорские исследования; Supplementum 10*). 591 с.
- Иванов и др.*, 2021 — *Иванов А. В., Сударев Н. И., Кашаев С. В.* Поселение и могильник у хут. *Вестник // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Новые открытия, новые проекты: Материалы междунар. науч. конф. (Керчь, 24–27 мая 2021 г.)*. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2021 (*XXII Боспорские чтения*). С. 145–152.
- Кац*, 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: БФ «Деметра», 2007 (*Боспорские исследования; Вып. XVIII*). 479 с.
- Клемешова*, 2019 — *Клемешова М. Е.* Типы лепной посуды поселения и некрополя *Вестник-1 // Древности Боспора*. 2019. Т. 24. С. 303–324.
- Лимберис*, *Марченко*, 2012 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Традиция, 2012. 312 с.
- Мелюкова*, 1964 — *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964 (САИ; Вып. Д1-4). 91 с., 23 отд. л. табл.
- Монахов*, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 679 с.
- Монахов и др.*, 2019 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б.* Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Саратов: Амирит, 2019. 352 с.
- Новичихин*, 2006 — *Новичихин А. М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). Анапа: РИО СГУТ и КД, 2006. 220 с.
- Новичихин*, 2010 — *Новичихин А. М.* Глава 3. Погребальный инвентарь некрополя у хутора Рассвет // *Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет / Отв. ред. А. А. Малышев*. М.: Гриф и К, 2010 (*Некрополи Черноморья; Т. III*). С. 204–234.
- Петренко*, 1978 — *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. М.: Наука, 1978 (САИ; Вып. Д4-5). 144 с.
- Сидорова и др.*, 1985 — *Сидорова Н. А., Тугушева О. В., Забелина В. С.* Античная расписная керамика из собрания ГМИИ им. Пушкина. М.: Искусство, 1985. 228 с.
- Смекалова и др.*, 2007 — *Смекалова Т. Н., Горнчаровский В. А., Дюков Ю. Л.* Магнитометрическое исследование Семибратнего городища и монеты синдов // XIV Всероссийская нумизматическая конф. (С.-Петербург, Гатчина, 16–21 апреля 2007 г.) / Отв. ред. В. А. Калинин. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 34–36.
- Сударев*, 2014 — *Сударев Н. И.* Греки и Варвары в Синдике // *Погребальная культура Боспорского царства: Материалы Круглого стола, посв. 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998) (С.-Петербург, 25–26 ноября 2014 г.)*. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 95–102.
- Терещенко*, *Чистов*, 2023 — *Терещенко А. Е., Чистов Д. Е.* Монеты из раскопок поселения *Вестник-1 // АВ*. 2023. № 41. С. 220–226.
- Толстиков*, *Нефедкин*, 2010 — *Толстиков В. П., Нефедкин А. К.* Часть XIII. Военное дело. Глава 1. Армия. Вооружение. Фортификация // *Античное наследие Кубани*. М.: Наука, 2010. Т. 2 / Ред.-сост. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. С. 602–655.
- Топал*, 2017 — *Топал Д. А.* Антенны скифских акинаков. Истоки и эволюция // *Археология Евразийских степей*. 2017. № 3. С. 299–353.
- Тохтасьев*, 2004 — *Тохтасьев С. Р.* Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // *ВДИ*. 2004. № 3. С. 144–179.
- Федосеев*, 2011 — *Федосеев Н. Ф.* Производство клейменной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском // *ПИФК*. 2011. № 4 (34). С. 277–308.
- Чевелев и др.*, 2011 — *Чевелев О. Д., Кашаев С. В., Сударев Н. И.* Новые исследования в Анапском районе Краснодарского края // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Взаимовлияние культур*. Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ;

- ЦАИ БФ «Деметра», 2011 (XII Боспорские чтения). С. 403–411.
- Чистов, Ильина, 2012 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И. Комплекс построек общественного назначения периода поздней архаики из раскопок в северо-восточной части Березанского поселения // *Scripta Antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. II / Ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2012. С. 19–48.
- Чистов и др., 2012 — Чистов Д. Е., Зуев В. Ю., Ильина Ю. И., Каспаров А. К., Новоселова Н. Ю. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012 (Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции; Т. 2). 297 с.
- Чистов и др., 2020 — Чистов Д. Е., Ильина Ю. И., Еремеева А. А., Щербакова О. Е. Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 3: Березанское поселение в исследованиях 2010–2014 годов. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2020 (Археология в Эрмитаже; Т. 1). 436 с.
- Шталь, 2000 — Шталь И. В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики, IV в. до н. э., керченский стиль. М.: Олма-Пресс, 2000. 222 с.
- Ягги, Лазенкова, 2012 — Ягги О., Лазенкова Л. Аттические краснофигурные вазы IV в. до н. э. Коллекция расписной керамики из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Киев: Мистецтво, 2012. 344 с.
- Beazley, 1963 — Beazley J. D. Attic Red-figure Vase-painters. 2 ed. Oxford: Clarendon Press, 1963. 2036 p.
- Börker, 1983 — Börker C. Festbankett und griechische Architektur. Konstanz: Universitätsverlag, 1983 (Xenia; Heft 4). 48 S.
- Chistov, 2015 — Chistov D. E. The civic centre of Archaic Borysthene: a new approach to localization // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC — 10th Century AD): Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities / Ed. G. Tsatskheladze. London: Archaeopress, 2015. P. 403–413.
- Daux, 1964 — Daux G. Chronique des fouilles, 1963 // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1964. LXXXVIII 1. P. 884–894.
- Greeks on the Black Sea..., 2007 — Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage / Ed. A. A. Trofimova. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2007. 307 p.
- Kac, 2003 — Kac V. I. A New Chronology for the Ceramic Stamps of Herakleia Pontike // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A. N. Scegllov on the occasion of his 70th birthday. Aarhus: University Press, 2003 (Black Sea Studies; Vol. 1). P. 261–278.
- Kourayos, Burns, 2004 — Kourayos Y., Burns B. Exploration of the Archaic Sanctuary at Mandra on Despotiko // Bulletin de Correspondance Hellénique. 2004. Vol. 128–129, liv. 1. P. 133–174.
- Kourayos et al., 2012 — Kourayos Y., Daifa K., Ohnesorg A., Papajanni K. The Sanctuary of Despotiko in the Cyclades. Excavations 2001–2012 // Archäologischer Anzeiger. Berlin, 2012. 2. P. 93–174.
- Lohmann, 2012a — Lohmann H. ...und es blitzet von Erz der große Saal: Zum Bankettsaal des archaischen Panionion // Tryphe und Kultritual im archaischen Kleinasien — ex oriente luxuria? / Ed. Linda-Marie Günther. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. S. 96–125.
- Lohmann, 2012b — Lohmann H. Ionians and Carians in the Mycale: the discovery of Carian Melia and the Archaic Panionion // Landscape, Ethnicity and Identity in the Archaic Mediterranean Area / Eds. G. Cifani, S. Stoddart. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 32–50.
- Schefold, 1934 — Schefold K. Untersuchungen zu der Kertscher Vasen. Berlin: W. de Gruyter & Co, 1934. 162 S.
- Schlottzhauer, 2001 — Schlottzhauer U. Die Sydionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet: Diss. Ruhr-Universität Bochum, 2001. 622 S.
- Sudarev, 2021 — Sudarev N. I. The Asian Bosphorus before and during the Greek Colonisation // An den Ufern des Bug. На берерах Буру. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen / Hrsg. J. Fornasier, A. V. Bujskich. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2021 (Frankfurter Archäologische Schriften). S. 43–74.
- Vasko, 2021 — Vasko D. Attic red-figure pelikai of the 4th century B. C. from Panticapaeum. Rome: L'Erma di Bretschneider, 2021 (Corpus Vasorum Antiquorum Russia; fasc. XXII; The State Hermitage Museum; fasc. XIII). Part 1. 180 p.

Vestnik-1: a Greco-Barbarian settlement in northern Sindica and its necropolis (the studies of 2021–2023)

D. E. Chistov, E. A. Gorskaya, M. A. Gromov, Yu. I. Ilyina¹¹

Keywords: Bosporan Kingdom, Sindica, settlement, sanctuary, necropolis, pelike, amphorae, molded ceramics, armament.

In 2021–2023 the East Bosporan Expedition of the State Hermitage Museum excavated the settlement Vestnik-1, located near the khutor Vestnik in the vicinity of Anapa. The site is situated 6.5 km from the most important center of Sindica, the Semibratnee fortified site — the ancient Labrys. At the settlement the immediate entourage of a Greek public building of the 5th–4th cen. BC, discovered in 2010–2011, were investigated. A room attached to the main building in the 4th cen. BC from the southeast was uncovered, as well as the remains of slab pavements and fragments of masonry of the same period to the south and southeast of the annex. The authors of the 2010s excavations interpreted the building as a temple of Eleusinian deities, but the features of the internal plan bring the complex from Vestnik closer to another type of Greek public buildings, the gestiatories. Perhaps this building combined the functions of a sanctuary and a banquet hall. The running economic activity that resumed around the building in the second-third quarters of the 4th cen. BC suggests that by this time it had changed its purpose. In the necropolis of the settlement were uncovered eight new burials. The clarified period of burials falls within the chronological framework of the third quarter of the 6th— mid-5th cen. BC. The appearance of a monumental building of Greek architecture on the territory of the barbarian settlement and the rapid disappearance or sharp reduction of the settlement itself, accompanied by the cessation of burials on its necropolis, coincides with the period of formation of the autonomous Sindian kingdom, and also testifies to the strengthening of the Greek civil community of the Semibratnee settlement /Labrys at the same time.

---

¹¹ Dmitriy E. Chistov, Mikhail A. Gromov, Julia A. Ilyina — The State Hermitage Museum; St. Petersburg, Russia; e-mail: d.chistov@gmail.com, grommike@gmail.com, iouliailiyina@gmail.com. Elena A. Gorskaya — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: alienka.gorsky@mail.ru.

Набор аристократа из Южного Елизаветинского кургана

Т. В. Рябкова, А. Е. Петракова, А. Г. Букина¹

Аннотация. В скифо-меотском погребении, раскопанном Н. И. Веселовским в 1913 г., соединены панафинейская амфора, кратер — сосуд для симпосия, гидрия с изображением апофеоза/свадьбы. При сопоставлении функциональных особенностей и сюжетов росписей трех ваз прослеживается символика, определившая их подбор.

Ключевые слова: аттические расписные вазы в скифо-меотских погребениях, панафинейская амфора Кубанской группы, кратер Флорентийского мастера, гидрия круга Мастера Прономоса, свадьба Геракла и Гебы, Южный Елизаветинский курган.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-72-87

Елизаветинские курганы — большой курганный могильник на берегу р. Кубани на юго-восточной окраине станицы Елизаветинской в 19 км от Краснодара. Могильник расположен в старом дубовом лесу (ОАК за 1913–1915 гг., 1918. С. 148) и насчитывает свыше 30 насыпей разного размера². Он относится к расположенному неподалеку Елизаветинскому городищу — мощному укрепленному поселению V–I вв. до н. э., население которого активно торговало с населением городов Боспора. Елизаветинские курганы принадлежат к числу самых выдающихся царских усыпальниц эллинистического времени, открытых в бассейне р. Кубани к настоящему времени (Галанина, Алексеев, 2010. С. 190; Артамонов, 1966. С. 39).

Раскопки курганов Елизаветинского могильника 1912–1917 гг. стали своеобразным итогом археологической карьеры старшего члена Императорской археологической комиссии профессора Н. И. Веселовского. Этот период был непростым как для Николая Ивановича — вероятно, нагрузка и годы давали о себе знать, — так и для России, которая в 1914 г. вступила в Первую мировую войну.

1916 г. был особенно тяжелым для страны и фронта, поэтому из-за отсутствия рабочих рук

работы не производились. Однако грабительские раскопки курганных древностей продолжались, и это побудило ИАК возобновить раскопки Елизаветинских курганов в 1917 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1917. Д. 27. Л. 2). На протяжении пяти полевых сезонов были раскопаны семь курганов: в 1912 г. — три кургана (ОИАК за 1912 г., 1916. С. 57–59), в 1913 г. — Южный (четвертый), в 1914 г. — Северный (пятый), в 1915 г. — курган «на опушке леса» (шестой) (ОИАК за 1913–1915 гг., 1918. С. 148–157). Седьмой курган, получивший название «Последний», был раскопан в 1917 г. (Ростовцев, 1925. С. 323). Все курганы исследовались Н. И. Веселовским с большой тщательностью, со всех погребений были сняты планы, сделаны фотографические снимки и зарисовки (Там же. С. 319, 320). В четырех наиболее древних курганах, раскопанных в 1913–1917 гг., обнаружены перекрытые деревом массивные каменные склепы для основного погребения. Они находились в больших ямах, перекрытых деревом. С южной стороны в могильную яму вел дромос — коридор, также перекрытый деревом. Основные погребения были разграблены в древности, но Н. И. Веселовскому удалось зафиксировать сопроводительные захоронения людей и лошадей за границами каменных склепов. Благодаря грандиозности могильных сооружений, царской пышности погребального обряда и разнообразию погребальных приношений Елизаветинские курганы сразу приобрели широкую известность. Тем не менее из гигантской коллекции, включающей в себя порядка 3200 находок, до сих пор опубликовано не более двух десятков (Галанина, 2003. С. 89).

¹ Рябкова Т. В., Петракова А. Е., Букина А. Г. — Государственный Эрмитаж; С.-Петербург, Россия; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru, petrakova.anna@gmail.com, bukina@genuinepearl.spb.ru.

© Рябкова Т. В., Петракова А. Е., Букина А. Г., 2024

² Топографического плана могильника нет, точное количество насыпей неизвестно.

В 1913 г. внимание профессора привлекли два расположенные рядом больших кургана на территории дубового леса (ныне принадлежит Елизаветинскому лесхозу). Для исследования в тот год был выбран более высокий и массивный Южный курган, о котором пойдет речь в настоящей статье. Северный, отличавшийся меньшими размерами и формой, был раскопан в 1914 г. Летом 2023 г. эти курганы удалось уверенно отождествить благодаря расположению и соответствию описаниям Н. И. Веселовского. Останец Южного кургана до сих пор поражает своими гигантскими размерами — его высота составляет около 8–9 м³. С юга в насыпь впущена глухая раскопачная траншея, густо заросшая деревьями.

Все курганы Елизаветинского могильника были ограблены в древности. Описывая увиденное под насыпью Южного кургана, Веселовский сообщал, что «склеп в верхней части был разобран грабителем, камни валялись в грабительском ходу... Он дошел до нас в сильно потревоженном виде, и только основание его можно было установить вполне точно» (ОИАК за 1913–1915 гг., 1918. С. 150). Часть предметов, среди которых две пачки наконечников стрел, железные мечи, наконечники копий, черепки посуды простой и «чернолаковой с желтыми фигурами» (то есть краснофигурной) были брошены грабителями и обнаружены на земляном дне погребального сооружения. За южной стенкой разрушенного склепа из-за обвала деревянного потолка вместе с землей некоторые предметы были обнаружены на своих местах. Среди них несколько «небольших простых» амфор; панцирь из железных полос; деревянный ящик, украшенный «медными животными и столбиками» (горит); большая каменная плита, на которой лежали железные чешуйчатый панцирь и меч. Кроме этого, повсюду в кургане встречались похороненные лошади, в большинстве своем оставшиеся нетронутыми (удалось насчитать около 200 скелетов жертвенных животных), попадались и потревоженные человеческие останки, при которых находились бусы и простые проволочные браслеты (Там же. С. 149–151).

Наиболее яркой и выразительной находкой стала практически целая панафинейская амфора (рис. 1, 1, 2), обнаруженная снаружи за южной стеной разрушенного склепа (рис. 1, 3; 2, 1, а). Это была первая находка подобного рода на Кавказе. Н. И. Веселовский телеграфировал председателю

³ Размеры останца насыпи определялись без применения инструментов.

Археологической комиссии графу А. А. Бобринскому: «Приезжайте к восьмому. Нашел на Кавказе афинскую вазу... Сцена борьбы. Гроза выставки» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. I. Оп. 1. 1913. Д. 232. Л. 19). Вероятно, он имел в виду, что эта ваза произведет фурор на грядущей выставке Археологической комиссии. Предмет был настолько ценным, что Н. И. Веселовский готов был взять вазу с собою в пассажирском вагоне. В итоге ограничились тем, что она прибыла в Петербург багажным вагоном того же поезда, в котором вернулся исследователь (Там же. Л. 20–20об., 21, 25). Эта замечательная находка была практически сразу же опубликована и впоследствии неоднократно переиздавалась (ОИАК за 1913–1915 гг., 1918. С. 152, рис. 234, а, б; *Пиотровский*, 1924; *Галанина*, 1962; и др.).

В первой публикации в основном приведены данные о конструкции склепа и погребальной ямы, числе сопроводительных человеческих и конских погребений под насыпью Южного кургана. Находки же, за исключением панафинейской амфоры, лишь перечислены (ОИАК за 1913–1915 гг., 1918. С. 149–151). Последующие публикации также посвящены подкурганному сооружению и погребальному обряду (*Ростовцев*, 1925. С. 321, 322; *Артамонов*, 1966. С. 40). Часть массового материала — предметы конской упряжи из Южного кургана — впервые были опубликованы и проанализированы в работе Л. К. Галаниной, хранителя коллекций Елизаветинских древностей в Государственном Эрмитаже на протяжении 45 лет (1965–2010 гг.) (*Галанина*, 2005). Определяя Южный курган как древнейший погребальный комплекс в Елизаветинской группе, созданный в начале IV в. до н. э., исследовательница опиралась на даты создания фасосской (рис. 2, 3) и гераклейской (рис. 2, 4, 5) амфор, установленные С. Ю. Монаховым (*Монахов*, 1999. С. 179, табл. 65; *Монахов и др.*, 2019. С. 51: датируются началом IV в. до н. э.). По ее мнению, этой датировке не противоречат и «обнаруженные там же художественные сосуды V в. до н. э. — панафинейская амфора и до сих пор не изданные краснофигурная гидрия школы Мидия и кратер *collonnet* V в. до н. э. (атрибуция Л. М. Уткиной)» (*Галанина*, 2005. С. 98). Назвав специфичный для Прикубанья стиль уздечных украшений Южного кургана меото-скифским, Л. К. Галанина отметила отличие этого искусства от звериного стиля Причерноморской Скифии (Там же. С. 107).

Специфика погребального обряда и материальной культуры Елизаветинских курганов заключается в сочетании скифских и эллинских

Рис. 1. 1, 2 — амфора панафинейская из Южного Елизаветинского кургана, Аттика, конец V в. до н. э., Кубанская группа (ГЭ, инв. № Ку.1913-4/389); 3 — Н. И. Веселовский наблюдает за расчисткой, раскопки Южного Елизаветинского кургана, 1913 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Q 427/26)

Fig. 1. 1, 2 — Panathenaic amphora from the South Elizavetinsky Kurgan, Attica, late 5th cen. BC, Kuban group (The State Hermitage Museum (SHM), inv. no. Ку.1913-4/389); 3 — N. I. Veselovsky observing the unearthing, the excavations of the South Elizavetinsky Kurgan, 1913 (SA IHMC RAS. PhotoDep. Q 427/26)

черт. По мнению М. И. Ростовцева, Елизаветинские курганы связаны с Келермесскими и Ульскими курганами, с одной стороны, и с Семибратними и таманскими — с другой. «С первыми ее роднит обряд погребения, особенно массовое погребение лошадей, и тип погребального сооружения — деревянное или каменное сооружение в яме. Очень типично и погребение большого количества людей вместе с главным покойником. Со вторыми ее сближает сильное греческое влияние в конструкции погребального сооружения и общий облик погребального инвентаря с резко подчеркнутым греческим влиянием, с исчезновением восточных и ионийских вещей» (Ростовцев, 1925. С. 326). М. И. Артамонов отметил, что обряд погребения двух Елизаветинских курганов в общих чертах соответствует описаниям Геродота и, значит, действительно существовал в его время у варваров Причерноморья (Артамонов, 1966. С. 41). Л. К. Галанина и А. Ю. Алексеев предположили, что богатейшие Елизаветинские курганы принадлежат эллинизированным скифо-меотам (Галанина, Алексеев, 2010. С. 189).

По данным рукописного отчета о работах 1913 г., практически полностью вошедшим в опубликованный отчет, «черепки посуды простой и чернолаковой с желтыми фигурами» были найдены вне ограбленного склепа, на земляном полу погребальной ямы наряду с брошенными грабителями наконечниками стрел, мечами и копьями (ОИАК за 1913–1915 гг., 1918. С. 150, 151). Панафинейская амфора была найдена на том месте, куда была поставлена в древности, у наружной стороны южной стенки склепа. Она оказалась практически целой — за исключением того, что два небольших куска были вдавлены внутрь упавшими тарными амфорами (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1913. Д. 232. Л. 151об., 152).

На схематическом чертеже из рукописного отчета Н. И. Веселовского (рис. 2, 1) за южной стенкой склепа цифрами обозначены: панафинейская амфора, две простые амфоры, два больших разбитых сосуда, семь простых разбитых амфор (Там же. Л. 156)⁴. Из всех перечисленных находок античных

⁴ Схематический чертеж вошел в публикацию практически без изменений, только размеры были

сосудов только панафинейская амфора была передана в Эрмитаж сразу же после раскопок, в 1914 г.

Все прочие предметы из Южного Елизаветинского кургана поступали в Эрмитаж гораздо позднее, на протяжении 1924–1927 гг., несколькими партиями из РАИМК–ГАИМК⁵. Изучение документов отдела археологии Восточной Европы и Сибири Эрмитажа позволяет проследить историю античных сосудов из Южного Елизаветинского кургана после раскопок.

«Краснофигурный кратер á colonette» (инв. № Ку.1913–4/386) поступил в скифскую секцию эллино-скифского отделения Эрмитажа из склада древностей РАИМК в 1924 г.⁶ Место и год находки — станица Елизаветинская, 1913 г. Вероятно, склейка с восполнением утрат была произведена еще во времена ИАК, поэтому в инвентарной книге с шифром «Ку» сохранность сосуда описана как «реставрирован гипсом». Этот склеенный из обломков и догипсованный кратер был представлен на выставке отдела истории первобытной культуры Эрмитажа перед войной (Топографическая опись выставки ОИПК 1941 г. С. 121, № пп 85, 86) и в послевоенные годы (Топографическая опись выставки ОИПК 1956 г. С. 8, № пп 84, 85) (рис. 2, 2, а).

«Черепки краснофигурного сосуда, м. б. гондрии, со следами позолоты, с фигурой на колеснице с квадригой» (инв. № Ку.1913–4/390) были переданы в 1927 г.⁷ Происхождение — станица Елизаветинская, 1913 г. В инвентарной книге с шифром «Ку» значит, что «некоторые фрагменты склеены из кусков». В 1933 г. А. П. Манцевич включила

заменены на масштабную линейку (ОИАК за 1913–1915 гг., 2018. Рис. 229).

⁵ В 1919 г. функции Императорской археологической комиссии перешли к Российской академии истории материальной культуры (РАИМК), реорганизованной в 1926 г. в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК).

⁶ ГЭ. Архив ОАВЕС. Дело 257, опись к акту от 24.12.1924 г. по передаче вещей на хранение со склада древностей РАИМК в скифскую секцию эллино-скифского отделения Эрмитажа, № 171.

⁷ ГЭ. Архив ОАВЕС. Дело 26, опись к акту от 24.01.1927 г. о передаче предметов из коллекции Н. И. Веселовского со склада древностей ГАИМК, № 20.

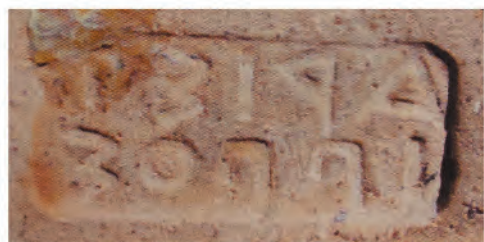
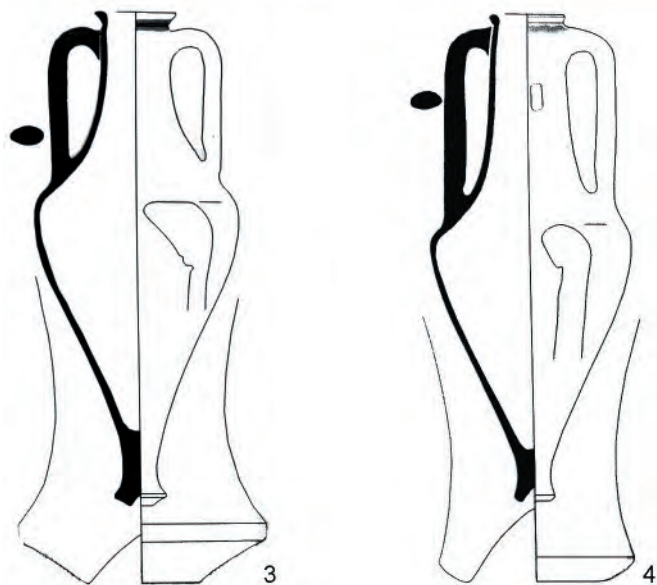
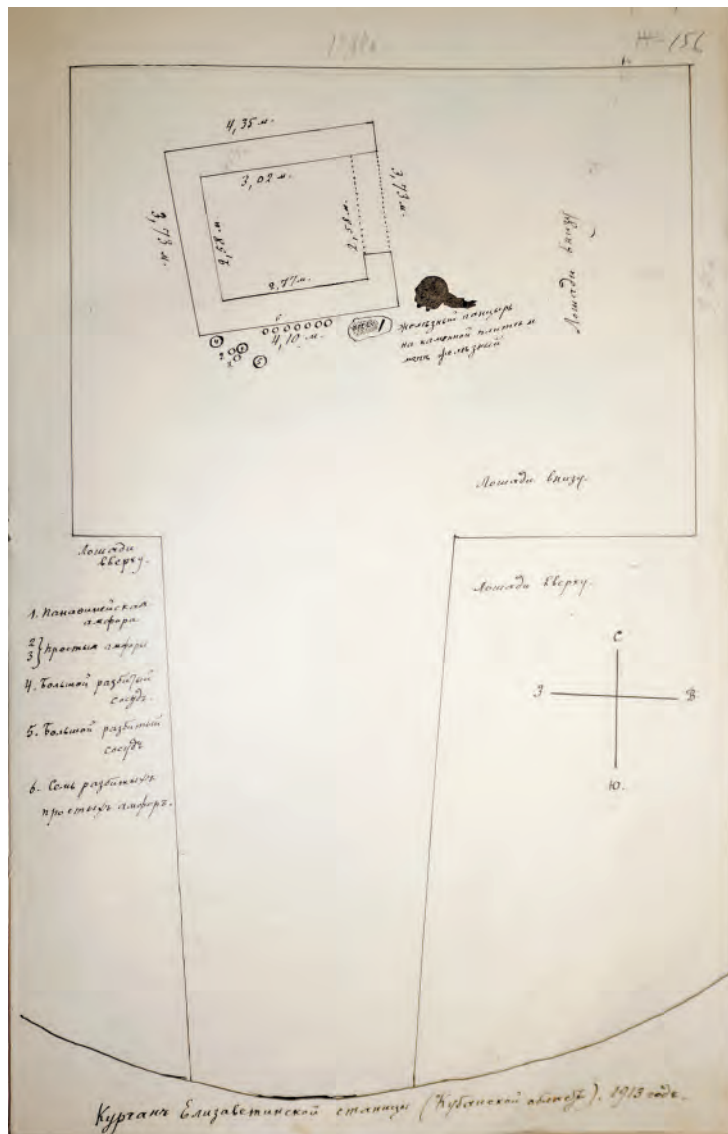

Рис. 2. 1 — схематический чертеж погребального сооружения и расположения инвентаря под насыпью Южного Елизаветинского кургана (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1913. Д. 232. Л. 156); 2 — фотография витрины «Курганы Елизаветинской станицы и другие находки Прикубанья. IV — начало III в. до н. э.» (ГЭ, ОАВЕС) (а — кратер, б — гидрия); 3–5 — тарные амфоры из Южного Елизаветинского кургана, начало IV в. до н. э. (3 — фасосская (ГЭ, инв. № Ку.1913-4/387); 4, 5 — гераклейская с клеймом (ГЭ, инв. № Ку.1913-4/388) (профили: Монахов и др., 2019. С. 51))

Fig. 2. 1 — schematic drawing of the funerary structure and the location of the inventory under the mound of the South Elizavetinsky Kurgan (SA ИИМК РАН. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1913. F. 232. Sh. 156); 2 — photo of the showcase “Kurgans of the stanitsa Elizavetinskaya and other finds of the Kuban region. 4th — early 3rd cen. BC” (SHM, The Section of Archaeology of the Eastern Europe and the Caucasus) (a — crater, b — hydria); 3–5 — container amphorae from the South Elizavetinsky Kurgan, early 4th cen. BC (3 — Phasian amphorae (SHM, inv. no. Ку.1913-4/387); 4, 5 — Heracleian amphorae with a stamp (SHM, inv. no. Ку.1913-4/388) (profiles: Монахов и др., 2019. С. 51))

этот предмет в «План реставрационных работ по склейке сосудов на II квартал» (ГЭ. Архив ОАВЕС. Дело 16 «О химической очистке и реставрации» от 29.04. 1925 г. С. 21). Других сведений о реставрации гидрии не найдено. Некоторые фрагменты гидрии экспонировались на выставке ОИПК (рис. 2, 2, б).

К этой же гидрии, вероятно, относятся и обломки чернолаковой вазы (инв. № Ку.1917-1/42) (ножка и часть стенки), переданные в Эрмитаж в 1926 г.⁸, ошибочно приписанные «Последнему кургану», раскопанному в 1917 г.

Таким образом, мы можем определить группу керамических предметов аттического производства, которые относятся к комплексу находок в Южном Елизаветинском кургане.

Отметим, что достаточно полно из этого материала исследована только чернофигурная амфора (инв. № Ку.1913-4/389) (см. с библиографией: Bentz, 1998. S. 158, Кат. 5.237; Олимпия..., 2013. Кат. 63; VAPD 303120). Она относится к хорошо известному типу панафинейских амфор, изготовлявшихся в Афинах в связи со спортивными состязаниями, проводившимися в контексте празднеств в честь богини-покровительницы.

Именно по амфоре из Южного Елизаветинского кургана основоположник атрибуции и классификации аттических черно- и краснофигурных vaz Джон Бизли назвал одну из групп панафинейских амфор Кубанской (Beazley, 1943. P. 453, 454; Петракова, 2020. С. 67). В публикациях последних десятилетий группу датируют периодом между 410 и 390 гг. до н. э. (Eschbach, 1992; Bentz, 1998. S. 156; Eschbach, 2017. S. 37–39). На нашей амфоре, как и на ряде других, сохранилась характерная надпись «των αθηναιων αθλων», которая переводится как «[приз] с Афинских состязаний», то есть это настоящая панафинейская амфора, служившая наградой за победу в спортивных состязаниях (в нашем случае — кулачном бою), а не

ее аналог, являвшийся своеобразной сувенирной продукцией (которую называют псевдопанафинейскими амфорами). Благодаря именам архонтов, имеющимся на некоторых панафинейских амфорах, можно уточнять датировку при помощи привязки к конкретным Панафинейским играм (см., например: Neils et al., 1992. P. 39–75). Так, изготовление некоторых из амфор Кубанской группы исследователи связывают с Панафинейскими играми, проводившимися в 402 и 398 гг. до н. э. (Bentz, 1998. S. 156–158). У нашей амфоры датировка более широкая — 410–400-е гг. до н. э. по причине отсутствия на ней имени архонта (см. с библиографией: Bentz, 1998. S. 158, Кат. 5.237; Олимпия..., 2013. Кат. 63; VAPD 303120).

Панафинейские амфоры находят при раскопках святилищ, жилищ, могил по всему Средиземноморью (см., например: Bentz, 1998. S. 95–116; Kotsidu, 2001; Neils, 2001). Иногда, как в случае с погребением в Таранто, мы можем рассуждать о том, что вазы, найденные там, привез с собой атлет-победитель, который либо проживал в колонии, либо переехал туда уже после своих побед (Lo Porto, 1967; Matheson, 1989). Однако встречается достаточно случаев, когда вазы были куплены и помещены в гробницу не то что не афинянина, но даже не эллина. Последний вариант как раз имеет отношение к нашей панафинейской амфоре, ибо погребение в Южном Елизаветинском кургане, по современным представлениям, принадлежало представителю меотской (Олимпия..., 2013. С. 113) или скифо-меотской знати (Галанина, Алексеев, 2010. С. 189).

По-видимому, этот вид аттической продукции был ценен не только благодаря находившемуся внутри оливковому маслу, но и сам по себе, как нечто, олицетворяющее причастность к афинской культуре, подобно тому, как это происходило с аттическими скифосами с совами — чашами, «напоминающими владельцу о великом городе, со всеми коннотациями экономического, политического, культурного, религиозного и сентиментального характера» (Букина, 2019; Вукина, 2021). В пользу

⁸ ГЭ. Архив ОАВЕС. Дело 21, опись к акту от 5.06. 1926 г. о вещах, переданных из РАИМК в Эрмитаж, № 662.

Рис. 3. Кратер краснофигурный из Южного Елизаветинского кургана, Атика, вторая четверть V в. до н. э., группа Борея-Флоренции, Флорентийский мастер (ГЭ, инв. № Ку.1913-4/386): 1, 2 — фотографии; 3 — профиль-реконструкция, выполненный А. Г. Букиной

Fig. 3. Red-figure krater from the South Elizavetinsky Kurgan, Attica, second quarter of the 5th cen. BC, the Boreas-Florence group, Florence Painter (SHM, inv. no. Ky.1913-4/386; GE): 1, 2 — photographs; 3 — profile-reconstruction by A. G. Bukina

этого говорит не только широта вывоза, но и следы починки на некоторых экземплярах (см., например: *Robinson*, 1950. Р. 59–64). Наиболее удивительный пример починки — это амфора, собранная в древности из 155 фрагментов, которую нашли в этрусской гробнице в Цере (Черветери) (*Eschbach*, 1986. Р. 109, 110, no 63; VAPD 303150). В Северной Африке и Южной Италии они найдены в гробницах вместе с изделиями из драгоценных металлов, при этом случается, что амфора датируется на 50–60 лет раньше, чем другие элементы погребального инвентаря (см., например: *Vickers, Bazama*, 1971; *Neils et al.*, 1992. Р. 48–50).

Обращение к краснофигурным аттическим вазам из Южного Елизаветинского кургана позволяет нам уточнить представления о подборе инвентаря в погребении представителя скифо-меотской знати.

Прежде всего отметим кратер (инв. № Ку.1913-4/386), то есть сосуд, ассоциирующийся с симпосием (см. с библиографией: *Lissarrague*, 1990; *Luke*, 1994). От кратера из Южного Елизаветинского кургана сохранилось более половины венчика с горлышком, одна из плакеток над ручкой, значительные части тулова (рис. 3, 1–3). Этот сосуд относится к разновидности, которую называют кратером с колонками. Форма практиковалась мастерами Афинского Керамика еще в VII в. до н. э., а наибольшее распространение получила в VI–V вв. до н. э. (см. о форме: *Moore, Philippides*, 1986. Р. 23–25; *Moore*, 1997. Р. 20–23). Такой вариант кратера использовали для смешивания вина с водой.

Обе стороны Елизаветинского кратера украшены четырехфигурными композициями, в каждой фигуры сгруппированы в пары: на одной стороне — это сатиры с менадами (у менад — тирсы), на другой — мужчины и женщины, закутанные в плащи (у мужчин — посохи). Подобные композиции часто украшают краснофигурные аттические кратеры первой половины V в. до н. э. По особенностям формы и декора наш кратер находит аналогии среди изделий группы Борея-Флоренции (The Boreas-Florence Group) периода ранней классики. В эту группу Дж. Бизли объединил работы трех мастеров, «преимущественно вазописцев кратеров с колонками второго ряда», при этом Мастер Борея и Флорентийский мастер охарактеризованы ученым как «братья» в творческом смысле, в такой степени, что «иногда можно колебаться в атрибуции [вазы] одному или другому» (*Beazley*, 1963–1968. Р. 536).

Тем не менее в случае с нашим кратером нет сомнений, что его следует атрибутировать Фло-

рентийскому мастеру (рис. 4). Орнаменты на ручках кратеров, атрибутированных Мастеру Борея и Флорентийскому мастеру, отличаются мелкими деталями. На нашем кратере они такие же, как в работах Флорентийского мастера (ср., например: VAPD 206163) (рис. 4, 5, 6). Также именно в приписанных ему росписях можно видеть очень похожие изображения лиц и тел юношей в плащах с петлевидной складкой под мышкой (ср.: VAPD 206176, 206187, 206173) (рис. 4, 7–9), женщин (ср.: VAPD 206163, 206186) (рис. 4, 1, 2), прорисовку тел сатиров, включая мельчайшие детали в изображении мускулатуры, хвостов, деталей фаллосов (ср.: VAPD 206178), выставленных вперед хрящеватых ушей, а также характерных лиц с глазами навывкате, крупными губами, отделенными от растительности на лице дугообразной линией (ср.: VAPD 206174, 206175, 206178) (рис. 4, 3, 4). Таким образом, наш кратер следует атрибутировать Флорентийскому мастеру и датировать не позднее 450 г. до н. э. Получается, что из всех произведений аттической расписной керамики в Южном Елизаветинском кургане это — наиболее раннее по времени изготовления. При этом кратер украшен достаточно простой и стандартной росписью, что позволяет высказать предположение, что, по-видимому, тому, кто подбирал вазы для погребального инвентаря, он был интересен в большей мере именно своими функцией и формой.

Другой комплект фрагментов из Южного кургана (инв. № Ку.1913-4/390) включает 53 обломка стенок и ручек, а также несколько кусков ножки и низа тулова (рис. 5, 1–5; 6, 3–6; 7, 1–3). Они принадлежали краснофигурной гидрии. Сосуд был целиком покрыт лаком изнутри, поэтому, вероятно, эта гидрия была изготовлена как полностью функциональная и пригодная для использования в быту. Аналогичные по форме афинские гидрии датируются в пределах последней четверти V в. до н. э. (ср. профиль ножки идентичного размера VAPD 24225) (рис. 7, 4); это крупные сосуды до 40 см в высоту. Наличие целых образцов позволяет вычислить размеры тех частей поверхности, к которым относились сохранившиеся фрагменты вазы, что, в свою очередь, необходимо, чтобы реконструировать систему росписи на ней.

Наиболее полезна для такой реконструкции близкая по форме и росписи гидрия, которая хранится в музее Вилла Джулия (VAPD 217561) (рис. 5, 6–9). Ее особенность заключается в том, что, как и на вазе из Елизаветинского кургана, фигуры были расположены по поверхности тулова

Рис. 4. Кратеры, атрибутированные Флорентийскому мастеру: 1, 3, 5, 7 — кратер из Южного Елизаветинского кургана (ГЭ, инв. № Ку.1913-4/368); 2, 6 — в Глазго (BAPD 206163); 4 — в Нью-Йорке (BAPD 206174); 8 — в Кейптауне (BAPD 206176); 9 — в Сиракузах (BAPD 206187)

Fig. 4. Kraters attributed to the Florence Painter: 1, 3, 5, 7 — krater from the South Elizavetinsky Kurgan (SHM, inv. no. Ку.1913-4/368); 2, 6 — in Glasgow (BAPD 206163); 4 — in New York (BAPD 206174); 8 — in Cape Town (BAPD 206176); 9 — in Syracuse (BAPD 206187)

Рис. 5. Гидрии: 1–5 — фрагменты гидрии краснофигурной из Южного Елизаветинского кургана, Атика, конец V в. до н. э., круг Мастера Прономоса (ГЭ, инв. № Ку.1913-4/ 390); 6–9 — гидрия в Вилле Джулия (BAPD 217561) и прорисовки изображения на ней. Масштаб для 1–5

Fig. 5. Hydria: 1–5 — fragments of a red-figure hydria from the South Elizavetinsky Kurgan, Attica, late 5th cen. BC, the circle of Pronomos Painter (SHM, inv. no. Ky.1913-4/ 390); 6–9 — hydria of Villa Julia (BAPD 217561) and drawings of the image on it. Scale for 1–5

и плечиков свободно, без разделительных линий, как это бывает чаще всего. Кроме того, в орнаменте под ручками у гидрии из музея Вилла Джулия есть очень характерные пальметты, аналогичные тем, что мы видим на рассматриваемых обломках из Елизаветинского кургана (ср. также VAPD 217553, 217555). Это можно интерпретировать вполне однозначно, а именно, что две рассматриваемые гидрии вышли из одной мастерской, и растительный узор на обеих рисовал один мастер. Согласно современным представлениям, это мог быть подмастерье, а не тот художник, который изображал фигуры.

Характерно, что узор под ручкой на вазе Виллы Джулия несимметричный (рис. 5, 8, 9). Вазописец нарисовал столько листьев, сколько элементов с каждой стороны, сколько оставалось свободного места между фигурами. Поэтому полностью восстановить роспись на гидрии из Южного Елизаветинского кургана невозможно ввиду отсутствия многих фрагментов с находившимися на них фигурами.

На плечиках были изображены не менее семи фигур (рис. 6, 3, 4) (справа налево): Зевс на троне со скипетром (ср. VAPD 217509); женщина с двумя фиалами; Геракл с палицей; женщина, которую Геракл держит за руку; богиня со скипетром; фигура в длинной одежде; женщина с тимпаном.

В среднем регистре (рис. 6, 4, 5), при переходе от плечиков к тулову, сохранились части изображения женщины, которая правит квадригой (Афина; ср. VAPD 6369, 217509, 217568). Левее был изображен кифаред (Аполлон; ср. VAPD 217513).

На фрагментах низа тулова и справа над ручкой (рис. 6, 5, 6) сохранились части фигур возлежащих юношей в венках. Внизу справа были изображены коленопреклоненный Эрот (ср. VAPD 17333, 217507) и женская фигура (ср. VAPD 217574), которую также можно интерпретировать как фигуру Афродиты.

Все вместе описанные фигуры складываются в многофигурную композицию на тему бракосочетания Геракла и Гебы в присутствии богов (рис. 7, 1, 2). Это событие завершило процесс присоединения Геракла к сонму олимпийцев; его бракосочетание с дочерью Зевса и Геры произошло после того, как герой удостоился посмертного апофеоза (LIMC, 2006. Vol. V. P. 163–165, с библиографией).

Центральная группа на плечиках словно бы соответствует описанию Пиндара: «Геракл, супруг Гебы, прекраснейшей из богинь, ступающей по Олимпу близ матери своей, блюстительницы супружеств» (Пиндар. Немейская ода 10. 17–19; пер. М. Л. Гаспарова; *Гаспаров*, 1980. С. 151). И в самом деле, богиня с жезлом рядом со спутницей Геракла, скорее всего, и есть ее мать Гера. Изо-

бразительный тип жениха и невесты, который отражен в центральной паре на плечиках, повторен на крышке более поздней пиксиды в Филадельфии (VAPD 15295) (рис. 6, 1, 2). Роспись в Филадельфии позволяет восстановить голову Гебы, которая, вероятно, была покрыта свадебной фатой.

Л. К. Галанина упоминала, что в свое время Л. М. Уткина предлагала отнести роспись рассматриваемой гидрии к «школе Мидия» (*Галанина*, 2005. С. 98). Можно с полным основанием утверждать, что на эту мысль исследовательницу навела общая датировка вазы, с которой мы вполне согласны (последняя четверть V в. до н. э.), и особенность сюжета — свадьба. Такого рода сюжеты (свадьбы, сцены в гинекее, изображения женщин с Эротами и прочие подобные изящные и мирные мотивы) применительно к аттической вазописи рассматриваемого периода часто так и характеризуют — «мидиевские», то есть характерные для Мастера Мидия (The Meidias Painter) и вазописцев его круга (The Meidian workshop) (ср.: *Robertson*, 1992. P. 255).

Однако из всего массива сохранившейся аттической вазописи последней четверти V в. до н. э. наибольшей стилистической близостью к росписи гидрии из Южного Елизаветинского кургана отличаются вазы, которые считаются изделиями выдающегося для этого времени Мастера Прономоса (The Pronomos Painter) и вазописцев его круга (см. ранее все аналогии для отдельных фигур в росписи). Продукция этих мастеров, которых, вероятно, можно относить к одной гончарной мастерской Афинского Керамика, датируется около 410 г. до н. э. (см. подробнее: *Taplin, Wyles*, 2010). Характерно, что в каталоге ваз, атрибутированных Мастеру Прономоса, также представлены предметы с характерными «мидиевскими» сюжетами (ср.: VAPD 217503). Гидрия из Южного Елизаветинского кургана позволяет связать с кругом Мастера Прономоса еще одного художника — так называемого Мастера Лувр G 433 (The Painter of Louvre G 433), который, как считается, мог расписать упомянутую гидрию в музее Вилла Джулия (*Beazley*, 1963–1968. P. 1343). Ранее такую связь между вазописцами провести еще не удавалось.

Гидрия из Южного Елизаветинского кургана отличается сложной, новой для V в. до н. э. техникой. Здесь в большом количестве применена накладная белая краска и позолота со специальным подготовительным рельефом. Золото сохранилось на двух вложенных друг в друга фиалах. Во многих местах есть остатки клея или грунта красного цвета, на которые накладывали листок сусального золота. Этот обильно позолоченный сосуд отличался также особенностью, которая говорит о необычно тщательной проработке

Рис. 6. 1, 2 — роспись на пиксиде в Филадельфии (BAPD 15295); 3-6 — фрагменты гидрии краснофигурной из Южного Елизаветинского кургана, Атика, конец V в. до н. э., круг Мастера Промоса (ГЭ, инв. № Ку.1913-4/ 390)

Fig. 6. 1, 2 — a painting on a pithos in Philadelphia (BAPD 15295); 3-6 — fragments of a red-figure hydria from the South Elizavetinsky Kurgan, Attica, late 5th cen. BC, the circle of Pronomos Painter (SHM, inv. no. Ку.1913-4/ 390)

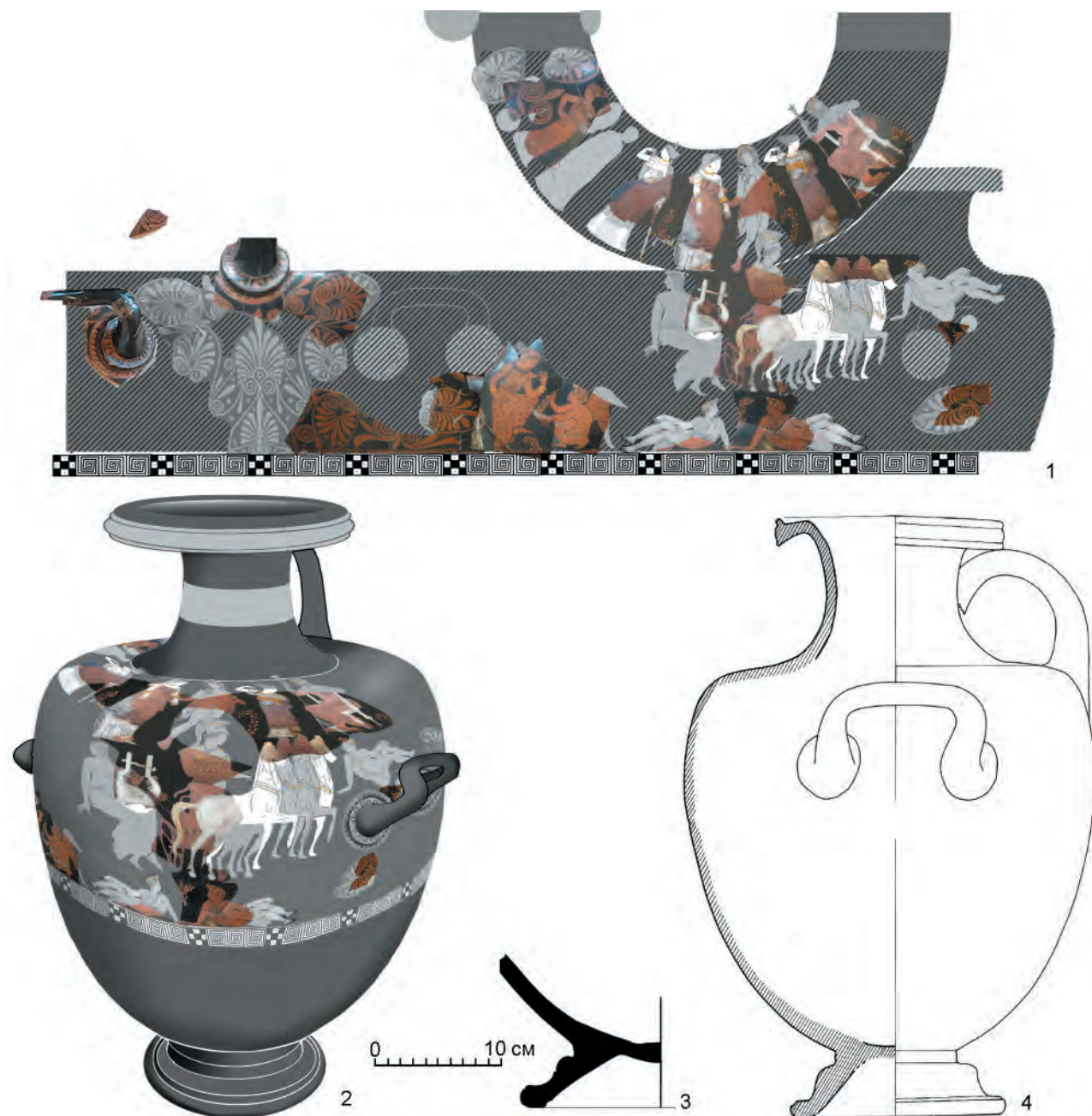

Рис. 7. 1–3 — реконструкция и профиль гидрии из Южного Елизаветинского кургана (ГЭ, инв. № Ку.1913-4/390), выполненные А. Г. Букиной; 4 — профиль гидрии в Фивах (BAPD 24225). Масштаб для 2, 3

Fig. 7. 1–3 — reconstruction and profile of a hydria from the South Elizavetinsky Kurgan (SHM, inv. no. Ку.1913-4/390) made by A. G. Bukina; 4 — profile of a hydria in Thebes (BAPD 24225). Scale for 2, 3

формы. Основания всех ручек (и боковых горизонтальных, и вертикальной) были исполнены с рельефным выступом, что встречается в афинской керамике редко и преимущественно у наиболее крупных, роскошно декорированных, парадных ваз для пира. Такова, например, амфора с витыми ручками в Лувре (BAPD 217568). Ее роспись атрибутирована так называемому Ма-

стеру Суессулы (The Suessula Painter), который также принадлежит к кругу Мастера Прономоса (Robertson, 1992. P. 258). Иными словами, он скорее всего работал в той же мастерской, где практиковали такое оформление ручек, которое мы можем наблюдать на обломках гидрии из Южного Елизаветинского кургана. Можно сказать, что снабженная подобными ручками гидрия

относилась к наиболее качественной продукции этого предприятия.

Такие изделия, как гидрия из Южного Елизаветинского кургана, в материалах раскопок в Северном Причерноморье до сих пор неизвестны. Однако в одном отношении эта гидрия была параллельна целому ряду знаменитых находок из погребений варварской знати Боспора, которые хранятся в Эрмитаже. Речь идет о полихромных афинских вазах IV в. до н. э. Более 40 % изображений на них посвящены теме свадьбы (реальным обрядам, священному браку, мифологическим свадьбам) (см.: Букина, 2023а; 2023б). Характерно, что использование таких ваз никак не связано с гендерными характеристиками погребенных — они подходили и для супружеских пар, и для женщин, и для мужчин. Причиной тому, очевидно, было семантическое сходство похорон и свадьбы как ритуалов трансформации.

Самый известный пример такого рода дает инвентарь погребения в кургане на землях Мирзы Кекуватского, исследованного вблизи Керчи А. Б. Ашиком. Этот курган — «типичный погребальный памятник высшего слоя боспорской аристократии IV в. до н. э.» с чертами варварского влияния; варварское влияние проявляется, прежде всего, в необычном обилии оружия (Виноградов, 2017. С. 87). Между тем туда была помещена и пелика, на одной стороне которой, в центре, изображена омывающаяся невеста. Невесту окружают различные фигуры, символизирующие этапы подготовки к бракосочетанию и добродетели будущей супруги. На другой стороне пелики, в центре, изображен Аполлон, победивший Марсия и доказавший свое абсолютное превосходство в качестве музыканта. Вазописец одинаково строит обе композиции и в центре сверху помещает венок невесты и победную гирлянду Аполлона. Тем самым он сообщает мысль об общей семантике этих изображений. Это два момента наивысшего торжества, апофеоза обоих главных героев, а свадебное изображение, кроме того, несет в себе символику трансформации. И очевидно, что подобное толкование греческой вазы было понятно тем, кто формировал инвентарь погребения в кургане на земле Мирзы Кекуватского.

Другой, менее известный и более отстоящий от греческой традиции, пример, — это ваза из скифского кургана у села Манта (см. с библиографией: Петракова, Топал, 2023). Курган был исследован С. М. Агульниковым, и там было обнаружено характерное для скифской культуры конца V — IV в. до н. э. сопровождающее детское погребение. В нем, среди прочего, находилась краснофигурная пелика с изображением спящей Ариадны. Изображен тот момент, когда Тезей

по воле богов оставил возлюбленную, так как за ней должен был явиться будущий супруг — бог Дионис. Его еще не видно, но уже показались пара его спутников-сатиров и Эрот, предвестник свадьбы. Скоро Ариадна откроет глаза, увидит суженого и уже больше не будет смертной. Символика сна-смерти и свадьбы — преобразования после смерти — налицо. Скифскому усопшему все это подходит так же, как героическому варварскому боспорскому вождю из кургана на земле Мирзы Кекуватского. Кто подбирал греческую вазу с такой символикой в данном случае — мы никогда не узнаем, но осознанность выбора несомненна.

Отметим еще одну параллель предмету из инвентаря Южного Елизаветинского кургана — на этот раз панафинейской амфоре. Речь идет о панафинейской амфоре с изображением бегунов (ГЭ, инв. № Ак.Б.45), происходящей из открытого в 1875 г. погребения в Третьем Ак-Бурунском кургане (Бутягин, Виноградов, 2014. С. 97, 98), который «по особенностям обряда и совокупности сопровождающего инвентаря относится к кругу меотсарматских древностей» (Там же. С. 107). Курган «содержал два погребения, наиболее известным из которых стала кремация знатного воина» (Смекалова, Белик, 2017. С. 48) — именно оттуда и происходит панафинейская амфора. Другое погребение считается женским («жена или наложница» знатного воина из первого погребения — Бутягин, Виноградов, 2014. С. 112), и его, может быть, следует датировать в пределах 300-х гг. до н. э. (Петин, 2022). В целом это наиболее поздний курган в некрополе Юз-Оба, который возвели не ранее конца IV в. до н. э. (Виноградов, 2017. С. 86).

Таким образом, при сопоставлении функциональных особенностей и сюжетов росписей трех аттических ваз, найденных в Южном Елизаветинском кургане, можно констатировать в высшей степени осмысленный их подбор. Каждая из них связана с символикой разных черт греческого аристократа. Он прекрасный и доблестный атлет (это символизирует панафинейская призовая амфора, награда для победителя престижнейших Панафинейских игр); греческий атлет — это также потенциальный воин и победитель на поле боя. Он должен был принадлежать к кругу симпосиастов, участников симпосия как института сплочения греческих аристократов; для него предназначен кратер (сосуд для смешивания вина). И он заслужил посмертный апофеоз, как Геракл в росписи на гидрии. Подчеркнем еще раз, что это в высшей степени осмысленный подбор сосудов. И комплиментарный для того жителя отдаленной варварской периферии античного мира, для которого был возведен Южный Елизаветинский курган.

- Артамонов, 1966 — Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.: Артия; Советский художник, 1966. 120 с.
- Букина, 2019 — Букина А. Г. Краснофигурные скифосы с совами в собрании Государственного Эрмитажа // Сборник Гос. Эрмитажа. 2019. Вып. 77. С. 9–22.
- Букина, 2023а — Букина А. Г. Сцены и символы брака: аттические полихромные краснофигурные вазы IV в. до н. э. на Боспоре // АВ. 2023. Вып. 41. С. 143–161.
- Букина, 2023б — Букина А. Г. Краснофигурные полихромные вазы в погребениях Боспора: статистика и семантика // Боспорский феномен: *Quarta pars saeculi*. Итоги, вопросы, дискуссии: Материалы междунар. науч. конф. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 334–336.
- Бутягин, Виноградов, 2014 — Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II: Курганы на мысу Ак-Бурун. Киев: ТОВ «Майстер Книг», 2014 (*Bosporos Studies; Supplementum* 13). 184 с.
- Виноградов, 2017 — Виноградов Ю. А. Курганный некрополь Пантикапея // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий; ИИМК РАН. СПб.: Нестор-История, 2017 (Крым в истории, культуре и экономике России). С. 67–110.
- Галанина, 1962 — Галанина Л. К. Панафинейская амфора — награда атлету в Афинах. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 22 с.
- Галанина, 2003 — Галанина Л. К. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. 2003. Вып. 36. С. 89–99.
- Галанина, 2005 — Галанина Л. К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. 2005. Вып. 37: Материалы и исследования по археологии Евразии. С. 97–108.
- Галанина, Алексеев, 2010 — Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. Древности скифской эпохи из Прикубанья // Античное наследие Кубани. М.: Наука, 2010. Т. III. С. 170–197.
- Гаспаров, 1980 — Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты / Изд. подготовка: М. Гаспаров. Л.; АН СССР; М.: Наука, 1980 (Литературные памятники). 504 с.
- Монахов, 1999 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 679 с.
- Монахов и др., 2019 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Каталог. Саратов: Амирит, 2019. 352 с.
- ОИАК за 1912 г., 1916 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1912 г. Петроград: Тип. Гл. упр. уделов, 1916. 130 с.
- ОИАК за 1913–1915 гг., 1918 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1913–1915 годы. Петроград: Девятая гос. тип., 1918. 295 с.
- Олимпия..., 2013 — Олимпия: победа над временем. Произведения античного и западноевропейского искусства из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2013. 272 с.
- Петин, 2022 — Петин А. А. О погребениях из Третьего кургана на мысе Ак-Бурун (попытка идентификации) // Боспорские исследования. 2022. Вып. XLIV. С. 155–161.
- Петракова, 2020 — Петракова А. Е. Фрагменты панафинейских амфор из ИАК в собрании Музея истории ПГНИУ: опыт реконструкции, атрибуции, интерпретации // Боспорские исследования. 2020. Вып. XLI / Отв. ред. В. Н. Зинько. С. 63–89.
- Петракова, Топал, 2023 — Петракова А. Е., Топал Д. А. Аттическая краснофигурная пелика из скифского кургана близ молдавского села Манта: проблемы атрибуции и интерпретации изображения // АВ. 2023. Вып. 41. С. 227–246.
- Пиотровский, 1924 — Пиотровский А. И. Панафинейская амфора Елисаветинского кургана // Известия РАИМК. 1924. Т. III. С. 81–105.
- Ростовцев, 1925 — Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Тип. 1-й Ленинградской трудовой артели печатников, 1925. 624 с.
- Смекалова, Белик, 2017 — Смекалова Т. Н., Белик Ю. Л. Курганы на мысе Ак-Бурун. Историческая топография и современное состояние // История и археология Крыма. 2017. № 6. С. 47–53.
- Beazley, 1943 — Beazley J. D. Panathenaica // *AJA*. 1943. Vol. 47, no. 4. Oct.-Dec. P. 441–465.
- Beazley, 1963–1968 — Beazley J. D. Attic red-figure vase-painters / 2nd ed. Oxford (UK): Oxford University Press, 1963–1968. 2036 p.
- Bentz, 1998 — Bentz M. Panathenaische Preisamphoren, Eine athenische Vasengattung und ihre Funktion vom 6.-4. Jahrhundert v. Chr. 18. Beih. z. AntK. Basel: Freunde antiker Kunst, 1998. 240 p.
- Bukina, 2021 — Bukina A. G. What can Athenian Owl-skyphoi Transmit? // *Corpus vasorum antiquorum Österreich*. Beiheft 3: Griechische Vasen als Medium für Kommunikation: Ausgewählte Aspekte: Akten des Internationalen Symposiums im Kunsthistorischen Museum (Wien: 5.-7. Oktober 2017) / Eds. C. Lang-Auinger, E. Trinkl. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2021. P. 121–132.
- Eschbach, 1986 — Eschbach N. Statuen auf Panathenäischen Preisamphoren des 4.Jhs.v.Chr. [Dissertation]. Mainz: von Zabern, 1986. 182 S.
- Eschbach, 1992 — Eschbach N. Eine Preisamphora in Giessen — Bemerkungen zur “Kuban-Gruppe” // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. 1992. Bd. 107. S. 33–58.

- Eschbach*, 2017 — *Eschbach N.* Panathenäische Preisamphoren aus dem Kerameikos zu Athen Wiesbaden: Reichert Verlag, 2017 (Deutsches Archäologisches Institut: Kerameikos: Ergebnisse der Ausgrabungen; Bd. 21). 353 S.
- Kotsidu*, 2001 — *Kotsidu H.* Zur Verbreitung der Preisamphoren // Panathenaika: Symposion zu den Panathenäischen Preisamphoren / Eds. M. Bentz, N. Eschbach. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2001. S. 55–61.
- Lissarrague*, 1990 — *Lissarrague F.* Around the krater: An aspect of banquet imagery // *Sympotica: A symposium on the symposion* / Ed. O. Murray. Oxford (UK); New York: Clarendon Press, 1990. P. 196–209.
- Lo Porto*, 1967 — *Lo Porto F. G.* Tombe di atleti tarentini // *Atti e memorie della Società Magna Grecia*. 1967. Vol. 8. P. 31–98, pl. 1–43.
- Luke*, 1994 — *Luke J.* The krater, “kratos”, and the polis // Greece and Rome. 1994. Vol. 41. P. 23–32.
- Matheson*, 1989 — *Matheson S. B.* Panathenaic Amphorae by the Kleophrades Painter // Greek Vases in the J. Paul Getty Museum. 1989. Vol. 4. P. 95–112.
- Moore*, 1997 — *Moore M. B.* Attic red-figured and white-ground pottery. Princeton (NJ): American School of Classical Studies at Athens, 1997 (The Athenian Agora; Vol. 30). 219 p., 167 pl.
- Moore, Philippiades*, 1986 — *Moore M. B., Philippiades M. Z. P.* Attic black-figured pottery / With coll. of D. von Bothmer. Princeton (NJ): American School of Classical Studies at Athens, 1986 (The Athenian Agora; Vol. 23). 382 p., 124 pl.
- Neils*, 2001 — *Neils J.* Panathenaics in the West // Panathenaika: Symposion zu den Panathenäischen Preisamphoren / Eds. M. Bentz, N. Eschbach. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2001. S. 123–130.
- Neils et al.*, 1992 — *Neils J. with contributions by E. J. W. Barber, D. G. Kyle, B. S. Ridgway, H. A. Shapiro.* Goddess and Polis: The Panathenaic Festival in Ancient Athens. Princeton: Princeton University Press, 1992. 227 p.
- Robertson*, 1992 — *Robertson M.* The art of vase-painting in classical Athens. Cambridge (UK); New York: Cambridge University Press, 1992. 350 p.
- Robinson*, 1950 — *Robinson D. M.* Excavations at Olynthus. Vol. 13. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1950. 463 p., 267 pl.
- Taplin, Wyles*, 2010 — The Pronomos Vase and its context / Eds. O. Taplin, R. Wyles. Oxford (UK): Oxford University Press, 2010. 299 p.
- Vickers, Bazama*, 1971 — *Vickers M., Bazama A.* A Fifth Century BC Tomb in Cyrenaica // *Libya Antiqua*. 1971. Vol. 8. P. 69–84.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1913. Д. 232: Рукопись отчета Н. И. Веселовского. Кубанская область, раскопки 1913 г. Станица Елизаветинская. 232 л. 1917; Д. 27: О раскопках проф. Н. И. Веселовского в Кубанской области в 1917 г. 17 л.

The aristocrat's set from the South Elizavetinsky Kurgan

T. V. Ryabkova, A. E. Petrakova, A. G. Bukina⁹

Keywords: Athenian black- and red-figure vases in Scythian-Maeotian burials, Panathenaic prize amphora by the Kuban group, column-krater by the Boreas-Florence Group, hydria attributed to the circle of the Pronomos Painter, wedding of Heracles and Heba, Athenian painted pottery in the barbarian burials, South Elizavetinsky Kurgan.

The paper deals with three Athenian vases, excavated in 1913 by Nikolay I. Veselovsky the South Elizavetinsky Kurgan located in the Kuban region. The burial was robbed, but nevertheless rests of human beings and of hundred horses were found as well as iron armor and weapon, storage amphorae (one stamped) dated to the beginning of the 4th cen. BC. The Panathenaic prize amphora gave the name to the Kurgan group and dated 410–390 BC. The red-figured fragments have never been published before. These are a column-krater attributed to the Florence Painter of the Boreas-Florence group, dated the second quarter of the 5th cen. BC and a hydria of the end of the 5th cen. BC from the workshop of the Pronomos Painter. The function and the vase-painting of the vessels gives us an idea concerning certain symbolic of the set. We see in the same grave: a prize for the winner of very prestigious Panathenaic games (an attribute of an outstanding athlete, potential warrior-victor — amphora); a vessel for symposion, joined feast serving as an institution for union of Greek aristocrats (krater); and the hydria with the depiction of apotheosis/wedding, which are symbolically similar to the death, as far as they also belong to the main moments of the ritual transformation. Apparently this set of Greek vases has been collected for the grave inventory absolutely conscious for the representative of the local barbarian elite, buried in the South Elizavetinsky Kurgan, with the idea of their symbolical meaning.

⁹ Tatyana V. Ryabkova, Anna E. Petrakova, Anastasia G. Bukina — The State Hermitage Museum; St. Petersburg, Russia; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru, petrakova.anna@gmail.com, bukina@genuinepearl.spb.ru.

Глиняная модель корабля из Парфения¹

В. В. Вахонеев, В. М. Петровский²

Аннотация. Статья посвящена редкому образцу античного прикладного искусства — глиняной модели боевого корабля, найденной в 2020 г. при проведении спасательных археологических раскопок городища Парфений в Восточном Крыму. Такие модели изредка встречаются при археологических раскопках в различных районах античной Греции и Италии, однако в Северном Причерноморье глиняная модель корабля обнаружена впервые. Модель корабля из Парфения датируется II в. до н. э.

Ключевые слова: античное время, керамика, модель корабля, Парфений.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-88-93

Городище, которое большинство исследователей соотносят с Парфением, расположено на западном берегу Керченского пролива, у пересыхающего Целимберного (Еникальского) лимана, на северной окраине пос. Опасное, г. Керчь (Веселов, 2005. С. 15). Оно занимает участок возвышенного плато площадью около 3,5 га. Это городище считается одним из наименее изученных среди античных городов Европейского Боспора.

В декабре 2020 г. Античная новостроечная экспедиция ИИМК РАН проводила на городище Парфений спасательные археологические раскопки, связанные со строительством подводного водовода в пос. Глейки, Маяк и Жуковка, на пло-

щади 520 кв. м³. Во время археологических работ на поселении была обнаружена модель корабля, выполненная из глины (рис. 1)⁴. Она найдена вне какого-либо строительного сооружения, но в одном слое с фрагментами терракот, сосудов, глиняным грузилом, фрагментом малоазийского светильника и бальзамария, боспорской медной монетой, которые относились ко II в. до н. э., что позволило датировать находку тем же периодом (Вахтина и др., 2021. С. 131, рис. 14).

Модель сохранилась очень хорошо. Она вылеплена из светлой плотной глины, которая содержит незначительное количество включений. Обжиг происходил, видимо, при небольшой температуре, о чем свидетельствует светлый цвет глины без красноватых оттенков. Фигурка выполнена довольно примитивно, в грубой манере, изображения деталей (весел, сидений гребцов, основания мачты и т. п.), за исключением тарана и штевней⁵, отсутствуют. Размеры модели сравнительно небольшие: 5,2 × 1,8 см. Носовая (форштевень) и кормовая (ахтерштевень) части судна имеют высоту 1,8 см. Следы носовой фигуры и

¹ Вахонеев В. В. выполнил исследование в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (FMZF-2022-0016), Петровский В. М. — «Комплексные морские междисциплинарные исследования на НИС „Пионер-М“ в шельфовой зоне и континентальном склоне Черного моря в условиях антропогенного воздействия и климатических изменений» (FEFM-2024-0013).

² Вахонеев В. В. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: vvkerch@mail.ru. . Петровский В. М. — Севастопольский государственный университет; Севастополь, Россия; e-mail: petrovskiyvm@yandex.ru.

© Вахонеев В. В., Петровский В. М., 2024

³ Авторы благодарят начальника экспедиции С. Л. Соловьева и М. Ю. Вахтину за возможность работы с материалами экспедиции для публикации.

⁴ № п/о Парф. Г. 2020-291. Находка передана на постоянное хранение в фонды Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

⁵ Толстые вертикальные брусья, составляющие основание кормы или носа корабля.

Рис. 1. Глиняная модель корабля из Парфения: 1 — сверху; 2 — по правому борту; 3 — снизу; 4 — спереди
 Fig. 1. Clay model of a ship from Parthenium: 1 — from above; 2 — on the starboard side; 3 — from below; 4 — from the front

акростоля⁶ не прослеживаются. Днище сделано плоским, без выраженного киля⁷ или фальшкиля⁸. Внутренняя часть также не указывает на наличие каких-либо дополнительных элементов конструкции корабля, мачты или банок гребцов.

Глиняные модели боевых кораблей, торговых судов и лодок хорошо известны в археологии. Наиболее ранние из них относятся к позднему неолиту. Такие находки были сделаны на территории Фессалии, Сербии, Албании и Македонии и датируются 5360–5260 гг. до н. э. (Marangou, 2003. P. 14). Они представлены грубыми керамическими поделками длиной 10–25 см и изображают, скорее всего, ранние рыбацкие лодки. Глиняная модель корабля, относящаяся к III тыс. до н. э., была найдена в оссуарии в Палаикастро, на Крите (Wachsmann, 2008. P. 69–75). Миниатюрные глиняные лодки раннего бронзового века представлены десятками образцов с Крита и Кикладских островов (Papadatos, 2012. P. 156, 157). Терракотовая модель лодки, относящаяся к архаическому периоду, обнаружена при раскопках храма Геры на прибрежном участке Перахора (о-в Самос) (Kyrielleis, 1995. P. 112). Архаический период в целом богат

на фигурки кораблей: найдено, по меньшей мере, 53 образца, из которых 29 — глиняные. Находки классического периода единичны, однако образцы эллинистического исчисляются десятками. Так, наиболее полный из существующих каталогов — Johnston P. F. *Ship and Boat Models in Ancient Greece*, где учтены модели древнегреческих кораблей, изготовленные в период с 3000 до 31 г. до н. э., насчитывает 39 кораблей и лодок эллинистического времени. Среди них не только глиняные, но и выполненные из камня (архитектурные детали), древесины, а также сосуды в форме корабля или его отдельных частей (тарана, носа). Из этих 39 моделей 27 найдены на островах Эгейского моря (Johnston, 1985. P. 85). Среди них обращают на себя внимание 18 светильников в виде военных кораблей, найденные в разное время на острове Делос (Ibid. P. 109–116).

Наиболее же близким по уровню исполнения аналогом корабля из Парфения является глиняная модель, которая хранится в колледже Корпус-Кристи (Corpus Christi College) (Кембридж). Она представляет собой военный корабль с палубой, тараном, портами для весел и фальшбортом (рис. 2). Наличие указанных деталей позволяет исследователям отнести данную модель к кораблям класса пентер (Ibid. P. 120). Узкая датировка предмета затруднена, считается, что он был изготовлен в широком диапазоне от V в. до н. э. до I в. н. э. Однако, в отличие от модели из колледжа Корпус-Кристи, на корабле из Парфения отсутствует и палуба, что наверняка говорит о том, что перед нами модель корабля более низкого класса, чем пентера.

⁶ Декоративная кормовая оконечность корабля, обычно в виде рыбьего или петушиного хвоста (ἀκροστόλιον).

⁷ Балка, служащая основным продольным креплением и связью днища судна.

⁸ Деревянный брус, приделываемый под килем для предохранения его от повреждения при посадке судна на мель или камни.

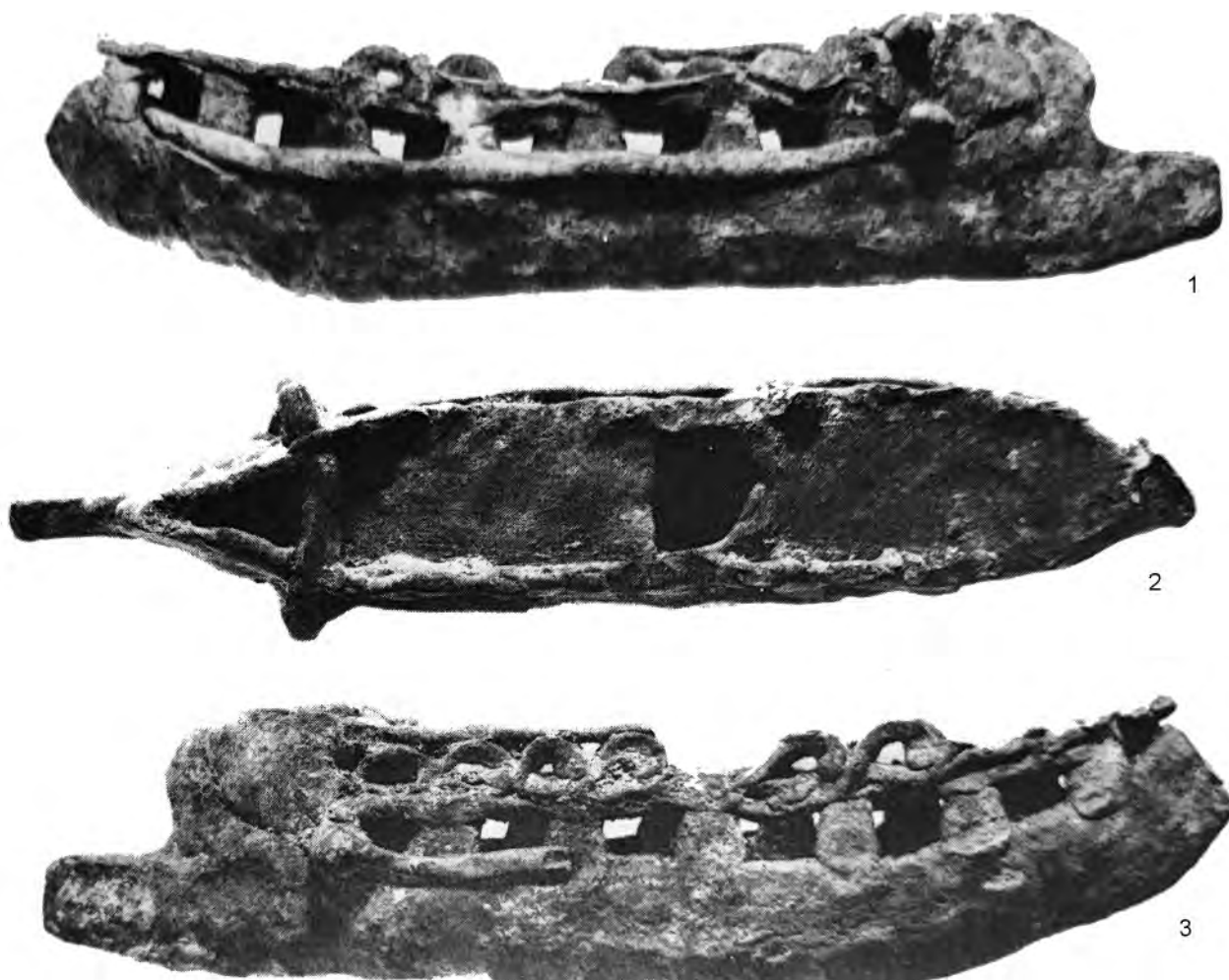

Рис. 2. Глиняная модель корабля из колледжа Корпус-Кристи (Кембридж): 1 — по правому борту; 2 — сверху; 3 — по левому борту

Fig. 2. Clay model of a ship from Corpus Christi College (Cambridge): 1 — starboard side; 2 — top; 3 — port side

[Johnston, 1985. Hell. 35]

Анализ миниатюрных фигурок показывает, что по мере развития судостроения появление новых типов судов приводит к появлению их моделей. Соответственно, с созданием нового класса военного корабля возникает и его глиняная модель. Так, появление триеры нашло свое отражение в создании ее миниатюрных глиняных копий, что подтверждается археологическими находками. Например, известна глиняная фигурка триеры из Египта 350–300 гг. до н. э. (Morrison et al., 2000. P. 37, fig. 28c), а также семь моделей триер из некрополя Виа дельи Орти (Via degli Orti) в Мессине, которые относятся к III в. до н. э. Последние отличаются высокой точностью детализировки, в том числе воспроизведены весла, щиты, фигурки гребцов (Tisseyre, 2017). Среди найденных моделей военные корабли преобла-

дают над торговыми в пропорции 10:1 (Johnston, 1985. P. 127). Такой интерес эллинистических мастеров именно к боевым судам вызван, вероятно, тем, что они создавались в качестве votivного предмета, призванного обеспечить сохранность в бою, плавании, или в качестве благодарности за спасение.

Большинство известных моделей — votивные, далее следуют образцы, обнаруженные в погребениях, меньшая группа — «обиходные», то есть выполненные в виде сосудов или светильников, как, например, 14 находок из квартала гончаров в Коринфе (Ibid. P. 129). Известны случаи, когда светильник в форме корабля и был votивом, например, модель Панафинейского корабля IV в. до н. э. с посвящением Афине (Wachsmann, 2019. P. 46, fig. 46) (рис. 3).

Рис. 3. Светильник в форме корабля с посвящением Афине: 1 — по левому борту; 2 — сверху
 Fig. 3. Ship-shaped lamp with dedication to Athena: 1 — on the port side; 2 — on top

[Wachsmann, 2019. Fig. 46]

Причина особого интереса к модели корабля из Парфения заключается в том, что боевые суда Боспора известны, в основном, по изображениям на фресках, рельефах, вазописи и т. п. (за исключением Фанагорийского корабля). Сейчас для территории Боспорского государства мы знаем, по крайней мере, 70 изображений плавучих средств, из которых к эллинистическому времени относятся не менее 40 (Писаревский, 2019. С. 271). Среди них наиболее информативной в плане реконструкции внешнего облика является фреска из Нимфея с изображением корабля «Изида», которая датируется первой половиной III в. до н. э. (Грач, 1984). Но глиняных моделей до настоящего времени обнаружено не было.

Находка из Парфения относится к тому же типу судов, что и изображенное на фреске из Нимфея. То есть перед нами, несомненно, военный корабль, о чем свидетельствует таран и высоко поднятые штевни. Боковая проекция модели напоминает профиль небольшого судна, которое было найдено в озере Кинерет (Галилейское море) (рис. 4). Это судно (известное как Kinneret boat), датируемое I в. до н. э. — I в. н. э., имело размеры 8,2 × 2,3 м, то есть соотношение длины к ширине у него было 3,5:1 (Steffy, 1990). Последний показатель имеет особую важность, так как считается, что одним из важнейших

отличий античных боевых кораблей от торговых судов является именно отношение длины корпуса к его ширине.

Так, раскопки фундаментов судовых сараев в Зее (Пирей) показали, что длина триер классического периода составляла не более 37 м при ширине 5,94 м (Morrison et al., 2000. P. 133). Соотношение же длины к ширине у модели из Парфения — лишь 2,8, что далеко от пропорций триер, но близко к Kinneret boat. Естественно, здесь нужно учесть то, что модель выполнена в грубой манере, и автор едва ли строго придерживался соотношения пропорций.

Таким образом, перед нами, возможно, первый образец глиняной модели судна, найденный в Северном Причерноморье, который, хоть и выполнен в грубой манере, тем не менее, позволяет утверждать, что это копия именно военного корабля. Вероятнее всего, данная находка копирует один из самых малых кораблей античного времени — эйкосор (εἰκόσωρος — 20-весельный, то есть несущий по десять весел в один ряд с каждого борта). Об этом свидетельствует внешнее сходство модели из Парфения с Kinneret boat, а также с двумя небольшими римскими кораблями с таранами, которые были найдены в реке Блаутлах в Германии — Oberstimm 1 и 2, которые затонули в I–II вв. н. э. (Bockius, 2011).

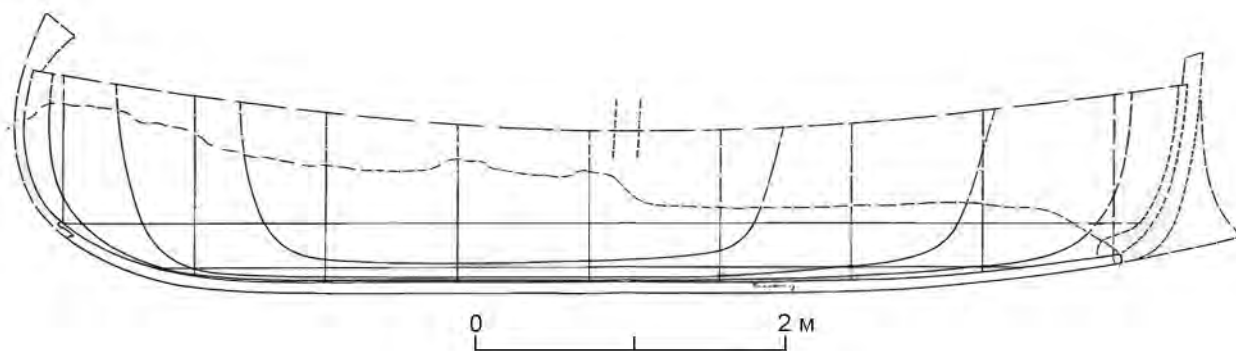

Рис. 4. Реконструкция Kinneret boat
Fig. 4. Reconstruction of the Kinneret boat

[Steffy, 1990. P. 32]

Ближайшим боспорским аналогом выступает Фанагорийский корабль, который относится к середине I в. до н. э. и представляет собой относительно небольшой боевой корабль с тараном (Boetto et al., 2022).

Находка из Парфения и все прочие модели, дошедшие до нас, важны тем, что позволяют реконструировать внешний вид, пропорции, а в ряде случаев и отдельные детали настоящих греческих кораблей и судов. Отдельно следует отметить, что если торговые суда античного времени относительно хорошо изучены по археологическим находкам на дне моря, то боевые корабли практически неизвестны, и каждая новая обнаруженная модель позволяет уточнить наши знания о них. Кроме того, древнегреческие модели кораблей являются достаточно информативным источником о ряде аспектов мореплавания. Они предоставляют сведения, которые зачастую отсутствуют в двухмерных изображениях (граффити, вазописи, настенных росписях), на барельефах, монетах и даже в большинстве памятников морской археологии (жертвах кораблекрушений). Сохранившиеся остатки затонувших кораблей слишком фрагментарны, от них сохраняется, как правило, только придонная часть, в связи с чем такие объекты редко поддаются точной реконструкции.

Наконец, модели кораблей являются предметами малого искусства, они отражают тесную

связь греческой культуры с морем и даже господство над ним. Среди различных видов морских образов, которыми окружали себя греки, модели кораблей наряду с изображениями якорей (Петровский, Вахонеев, 2023. С. 293, 294) занимали особую нишу. Они могли использоваться как детские игрушки, votivные подношения и даже в качестве предметов погребального инвентаря. Однако следует отметить, что модель из Парфения происходит с территории городища, а не некрополя. Для детской игрушки ее размеры слишком малы, и она практически не имеет следов активного использования. Тем более что монолитную детскую игрушку в виде корабля логичнее и практичнее вырезать из дерева. Наиболее очевидным, как кажется, следует считать votivное назначение рассматриваемой модели.

В связи с этим весьма уместно вспомнить пассаж, описанный в «Мифологической библиотеке» Аполлодора Афинского. Менелай вместе с Одиссеем и Талфибием прибыли на Кипр для встречи с царем Киниром. По итогам переговоров Кинир пообещал отправить союзникам 50 кораблей, но в итоге послал только один, а остальные вылепил из глины (Apollodorus, Epitome 3.9). Не исключено, что в данном случае создание глиняных моделей следует считать не только проявлением хитрости Кинира, но также и примером культовых практик подношений.

Вахтина и др., 2021 — Вахтина М. Ю., Соловьев С. Л., Столяренко П. Г., Вахонеев В. В., Четвёркина Е. В. Спасательные археологические раскопки на городище и некрополе Парфения в 2020 г. // Бюллетень ИИМК РАН: охранная археология. СПб.: Невская типография, 2021. Т. 11. С. 123–138.

Веселов, 2005 — Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. М.: ИА РАН, 2005 (Древности Боспора; Supplementum 2). 264 с.

- Грач*, 1984 — *Грач Н. Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // Вестник древней истории. 1984. № 1. С. 81–88.
- Петровский, Вахонеев*, 2023 — *Петровский В. М., Вахонеев В. В.* Вотивные якоря из раскопок Южного пригорода Херсонеса Таврического // XXIV Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Симферополь; Керчь: Соло Рич, 2023. С. 293–298.
- Писаревский*, 2019 — *Писаревский Н. П.* Античный флот, корабли и мореплавание на Понте Эвксинском в VI в. до н. э. — III в. н. э. СПб.: Алетейя, 2019. 565 с.
- Bockius*, 2011 — *Bockius R.* Technological Transfer from the Mediterranean to the Northern Provinces // *Batellerie gallo-romaine: pratiques régionales et influences maritimes méditerranéennes. Actes de la table-ronde internationale (Aix-en-Provence, 27–28 octobre 2008)* / Hrsg. G. Boetto, P. Pomey, A. Tchernia. Aix-en-Provence, 2011. P. 47–59.
- Boetto et al.*, 2022 — *Boetto G., Poveda P., Olkhovskiy S. V.* The Hellenistic Shipwreck of Phanagoria (Taman Peninsula, Black Sea, Russia): a Small Military Vessel // *International Journal of Nautical Archaeology*. 2022. Vol. 51, is. 1. P. 21–45.
- Johnston*, 1985 — *Johnston P. F.* Ship and Boat Models in Ancient Greece. Maryland: United States Naval Institute Annapolis, 1985. 187 p.
- Kyrialeis*, 1995 — *Kyrialeis H.* The Heraion at Samos // *Greek Sanctuaries: New Approaches* / Eds. N. Marinatos, R. Högg. London: Routledge, 1995. P. 99–122.
- Marangou*, 2003 — *Marangou C.* Neolithic watercraft in Greece: Circumstantial evidence and serious guesses // *Boats, Ships and Shipyards: Proceedings of the Ninth International Symposium on Boat and Ship Archaeology (Venice, 2000)* / Ed. C. Beltrame. Oxford: Oxbow Books, 2003. P. 14–18.
- Morrison et al.*, 2000 — *Morrison J. S., Coates J. F., Rankov N. B.* The Athenian Trireme. The History and Reconstruction of an ancient Greek warship. Cambridge: University Press, 2000. 319 p.
- Papadatos*, 2012 — *Papadatos Y.* An Early Minoan Boat Model from Kephala Petras, Siteia // *Philistor. Studies in Honor of Costis Davaras*. Philadelphia: INSTAP Academic Press, 2012 (Prehistory Monographs). P. 155–159.
- Steffy*, 1990 — *Steffy J. R.* The Boat: A Preliminary Study of Its Construction // *The Excavations of an Ancient Boat in the Sea of Galilee (Lake Kinneret)*. Jerusalem: The Israel Antiquities Authority, 1990 (Atiqot; 19). P. 29–47.
- Tisseyre*, 2017 — *Tisseyre P.* Models for Charon: Death and toy warships in Sicily. The miniature ships of the necropolis of Via degli Orti in Messina // *Skyllis*. 2017. Vol. 2. P. 120–127.
- Wachsmann*, 2008 — *Wachsmann S.* Seagoing Ships and Seamanship in the Bronze Age Levant. Texas A&M University Press, 2008. 417 p.
- Wachsmann*, 2019 — *Wachsmann S.* On the Interpretation of Watercraft in Ancient Art // *Arts*. 2019. Vol. 8 (165). P. 1–67.

Clay model of a ship from Parthenium

V. V. Vakhoneev, V. M. Petrovsky⁹

Keywords: antique time, ceramics, ship model, Parthenium.

This paper is devoted to a rare example of ancient applied art — the clay model of a warship (Fig. 1). The item was found in 2020 during the rescue archaeological excavations conducted at the ancient settlement of Parthenium; it dates back to the 2nd cen. BC. Such models are occasionally found by archaeologists in various areas of ancient Greece and Italy, but it is a first model discovered in the Northern Black Sea region.

⁹ Viktor V. Vakhoneev — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: vvvkerch@mail.ru. Vasiliy M. Petrovsky — Sevastopol State University; Sevastopol, Russia; e-mail: petrovskiyvm@yandex.ru.

Монеты из раскопок Парфения

А. Е. Терещенко¹

Аннотация. В 2020 г. новостроечной археологической экспедицией ИИМК РАН были проведены раскопки на территории городища Парфений и его некрополе. В ходе работ было обнаружено 135 античных и одна средневековая монета. В предлагаемой статье приводится подробное описание и характеристики нумизматического материала.

Ключевые слова: городище Парфений, античные монеты, Боспорское царство, нумизматика, «деньги мертвых».

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-94-108

В декабре 2020 г. Античная новостроечная археологическая экспедиция ИИМК РАН проводила археологические раскопки на территории объекта культурного наследия федерального значения «Античное городище Парфений» при строительстве подводного водовода в пос. Глейки, Маяк и Жуковка (г. Керчь). Работы велись как на самом городище, так и на его юго-западном некрополе (*Вахтина и др.*, 2021. С. 123).

Городище Парфений расположено на восточной оконечности Керченского полуострова, близ северной окраины пос. Опасное. Оно занимает участок возвышенного плато площадью 3,5 га, выдающийся на юго-восток небольшим мысом в низменную часть пересыхающего Целимберного лимана, который, вероятно, в древности являлся морским заливом. Хотя памятник известен с конца 1920-х гг. (*Гриневиц*, 1927. С. 51, 52), его систематическое изучение было начато лишь в 2006–2008 гг. (*Бессонова и др.*, 2010).

К сожалению, нумизматические материалы из этих раскопок до сих пор не получали должного оформления. Например, в работе П. Г. Столяренко и В. В. Кропотова отмечается находка шести бронзовых боспорских монет (удалось определить 5 экз.) III–II вв. до н. э., однако дано только общее описание их типов со ссылкой на В. А. Анохина (*Столяренко, Кропотов*, 2016. С. 164), причем ни вес, ни размеры монет не указываются, хотя эти

параметры являются важнейшей составляющей любого нумизматического исследования².

Предлагаемая статья имеет целью исправить это упущение и обрисовать общий характер монетного обращения на памятнике на основе полученных находок.

Итак, в ходе раскопок 2020 г. были обнаружены одна серебряная и 135 бронзовых монет, 133 на городище и три на некрополе. Семь экземпляров по причине затертости и испорченности коррозией определить не удалось³.

Все описания монет сведены в таблицу 1, которой соответствуют рис. 1–3 с изображениями монет по порядковым номерам. На рис. 4 для удобства восприятия приведены фотографии монет наиболее хорошей сохранности всех найденных и определенных типов.

Самые ранние экземпляры датируются второй половиной IV в. до н. э., а самая поздняя монета — гетуэско-татарский фоллери Каффы (Феодосия) — второй половиной XV в. Кстати,

² Кроме того, при отсутствии возможности представить фотографии монет следует охарактеризовать их состояние: потерта; испорчена коррозией; обломана или имеются другие механические повреждения, поскольку подобная информация также очень важна.

³ По завершении работ находки были переданы на постоянное хранение в Керченский историко-культурный музей-заповедник. Искренне благодарю руководителя экспедиции С. Л. Соловьева и М. Ю. Вахтину за возможность работы с нумизматическими материалами экспедиции для публикации.

¹ Терещенко А. Е. — Государственный Русский музей; С.-Петербург, Россия; e-mail: andrtereshhen@yandex.ru.

© Терещенко А. Е., 2024

феодосийский фоллери, точнее, сам факт его обнаружения, вызывает несомненный научный интерес, поскольку присутствие этой монеты на территории городища, по-видимому, свидетельствует о функционировании маршрута через Парфений к переправе через Керченский пролив и в период позднего Средневековья.

Подавляющее большинство из идентифицированного нумизматического материала (82 монеты) относится к чеканке государства Спартокидов (IV–II вв. до н. э.). На первую половину I в. до н. э. — период пребывания Боспора в составе Понтийского царства — приходится 12 монет, среди них три — инополисные, из Амиса и Синопы. К рубежу I в. до н. э. / I в. н. э. относятся только две пантикапейские монеты.

Спартокидовская чеканка представлена по хронологическим отрезкам следующим образом: вторая половина IV в. до н. э. — 3 экз.; монетные находки, датируемые III в. до н. э., распределяются достаточно равномерно на протяжении всего столетия, хотя основная масса представлена типом «голова безбородого сатира / лук, стрела, ПАН», которые выпускались вплоть до 40-х гг. III в. до н. э.; довольно загадочно выглядит распределение монет во II в. до н. э. — если на первые три четверти этого столетия приходится 24 экз., то в последней четверти происходит некий всплеск — этим периодом датируются 42 монеты.

Впрочем, поскольку раскопки проводились практически траншейным способом — «на городище Парфений была разбита сетка секторов размерами 10 × 2 м» (Вахтина и др., 2021. С. 126), вряд ли данная картина отражает реальное

положение с монетным обращением в Парфении. Тем не менее данные наблюдения необходимо принять во внимание при дальнейшем исследовании городища.

Относительно монет из некрополя Парфения можно сказать только то, что прежде чем попасть в погребения они прошли достаточно длительный «жизненный» путь. Однако это отнюдь не означает, что они потеряли свою стоимость и перешли в разряд «бывших монет», которые не жалко и выкинуть. Правда, исходя из состояния третьей монеты (табл., 136), создается именно такое впечатление. Тем не менее наличие на этом экземпляре отверстия указывает, что он использовался в качестве украшения или амулета, то есть, несомненно, имел определенную ценность для своего владельца.

Следует отметить, что находка монетных закладов, относящихся к категории «деньги мертвых»⁴, — в Северном Причерноморье событие не частое, но вполне рядовое. Существование данного обычая на землях Боспорского царства фиксируется уже в V в. до н. э. Например, в 2016 г. в одной из могил некрополя поселения Волна I было обнаружено семь пантикапейских серебряных монет первой половины V в. до н. э. (Абрамзон и др., 2018. С. 16, 18–20). Вместе с тем соблюдение этого обряда не было чем-то обязательным и зависело, как представляется, исключительно от личных верований усопшего и его родственников.

⁴ Подробнее на эту тему см., например: Терещенко, 2018; Tereshchenko, 2023.

Таблица. Монеты из раскопок городища Парфений в 2020 г. (№ 69 — серебро, остальные — медь)
Table 1. Coins from the excavations of the site of Parthenium in 2020 (No. 69 — silver, the rest — copper)

№ п.п.	№ по пол. оп. (КО-)	Место находки (точка, участок, сектор, слой (список))	Вес, г	Размер, мм	Номинал	Состояние и особенности
<p><i>Av.</i> * Голова безбородого сатира вправо, в точечном ободке. <i>Rv.</i> Лук в горите вправо. ПАН–ТІ. См. рис. 4, 1 375–340 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 245, рис. XL, 20); 330–315 гг. до н. э. (Шелов, 1956. С. 216, № 55); 314–310 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 140, № 113); 346–340 гг. до н. э. (Терещенко, 2013а. С. 118); ок. 303 — ок. 285 гг. до н. э. (Мельников, 2018. № 7)</p>						
1	152	Т. 889, уч. 3, сек. 4, сл. 3 (сп. 39)	1,0	11	Халк (?)	Плохое, испорчена коррозией
<p><i>Av.</i> Голова безбородого сатира в венке влево. Надчеканка: «12-лучевая звезда». <i>Rv.</i> Голова льва влево, внизу осетр. ПАН. Надчеканка: «горит». См. рис. 4, 2 Начало III в. до н. э. (Зограф, 1951. С. 245, табл. XLI, 3; Шелов, 1956. С. 216, № 62); конец первой — начало второй четверти III в. до н. э. (Голенко, 1970. С. 23, прил. 2); 284–275 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 141, № 131); последнее десятилетие IV в. до н. э. (Терещенко, 2013б. С. 330); ок. 290 — ок. 284 гг. до н. э. (Мельников, 2018. № 12, 13)</p>						

* *Av.* — лицевая сторона, *Rv.* — оборотная сторона.

Таблица, продолжение

№ п.п.	№ по пол. оп. (КО-)	Место находки (точка, участок, сектор, слой (список))	Вес, г	Размер, мм	Номинал	Состояние и особенности
2	313	Т. 1859, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	4,4	19	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией
3	36	Т. 280, уч. 3, сек. 3, сл. 3	6,6	13×19	Обол (?)	Очень плохое, практически полностью затерта в процессе обращения
<p>Ав. Голова безбородого сатира в венке влево. Рв. Лук, под ним стрела вправо. ПАН. См. рис. 4, 3</p> <p>Изготавливались на новом монетном кружке или перечеканивались из предыдущих типов. 300–250 гг. до н. э. (<i>Зограф</i>, 1951. С. 245, табл. ХLI, 4); первая половина III в. до н. э. (<i>Шелов</i>, 1956. С. 217, № 65); вторая четверть III в. до н. э. (<i>Голенко</i>, 1970. С. 23, прил. 4); 275–245 гг. до н. э. (<i>Анохин</i>, 1986. С. 141, № 133); рубеж IV–III вв. до н. э. — середина 80-х гг. III в. до н. э. (<i>Терещенко, Чистов</i>, 2023. С. 225); ок. 284 — ок. 278 гг. до н. э. (<i>Мельников</i>, 2018. № 14–18)</p>						
4	138	Т. 799, уч. 3, сек. 4, сл. 14 (сп. 14)	2,5	16	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией и потерта. Новый монетный кружок
5	267	Т. (.), уч. 2, сек. 3, сл. 3 (сп. 62)	3,4	19×20	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией и потерта. Новый монетный кружок
<p>Переходный тип «голова безбородого сатира в венке влево / лук, под ним стрела вправо. ПАН» от изготовленных на новых монетных кружках или перечеканенных, к «деградированному» типу. См. рис. 4, 4</p> <p>Середина 80-х — конец 60-х гг. III в. до н. э. (<i>Терещенко, Чистов</i>, 2023. С. 225)</p>						
6	164	Т. 1012, уч. 2, сек. 4, сл. 12 (сп. 12). Объект 7	1,6	13×14	Обол (?)	Очень плохое, испорчена коррозией
7	251	Т. 1411, уч. 3, сек. 3, сл. 40 (сп. 57)	2,0	13×14	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией
8	248	Т. 1431, уч. 3, сек. 4, сл. 14 (сп. 14)	3,2	16	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией
9	263	Т. (.), уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 54)	1,6	13×15	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией, край обломан
10	322	Т. (.), уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	2,2	13×14	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией
11	156	Т. 913, уч. 2, сек. 4, сл. 12 (сп. 12). Объект 7 (яма-печь)	1,7	≈16	Обол (?)	Очень плохое, испорчена коррозией, край обломан
12	165	Т. (.), уч. 2, сек. 4, сл. 33 (сп. 47). Объект 7	1,8	13×14	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией и потерта в процессе обращения
13	2	Т. 600, уч. 2. Зачистка южного борта	1,7	14	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией и потерта в процессе обращения
14	127	Т. (.), уч. 3, сек. 2, сл. 3 (сп. 9)	2,1	14	Обол (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
15	51	Т. 422, уч. 3, сек. 5, сл. 3	2,0	13×14	Обол (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
16	95	Т. 540, уч. 2, сек. 1, сл. 5. Объект 1 (яма)	3,1	16×17	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией
<p>«Дегradированный» тип. Ав. Голова безбородого сатира в венке влево. Рв. Лук, под ним стрела вправо. ПАН. См. рис. 4, 5</p> <p>300–250 гг. до н. э. (<i>Зограф</i>, 1951. С. 245, табл. ХLI, 5); первая половина III в. до н. э. (<i>Шелов</i>, 1956. С. 217, № 66); третья четверть III в. до н. э. (<i>Голенко</i>, 1970. С. 23, прил. 6); ок. 260 — ок. 245 гг. до н. э. (<i>Мельников</i>, 2018. № 33–36); конец 60-х — середина 40-х III в. до н. э. (<i>Терещенко, Чистов</i>, 2023. С. 225, 226)</p>						
17	308	Т. 1836, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	1,1	13×14	Обол (?)	Очень плохое, испорчена коррозией и потерта в процессе обращения
18	234	Т. 1292, уч. 3, сек. 2, сл. 30 (сп. 43). На вымостке 3	1,8	12×13	Обол (?)	Очень плохое, испорчена коррозией
19	173	Т. 1162, уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 33)	2,0	14×17	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией
20	157	Т. 914, уч. 2, сек. 4, сл. 12 (сп. 12). Объект 7 (яма-печь)	1,0	12×14	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией

№ п.п.	№ по пол. оп. (КО-)	Место находки (точка, участок, сектор, слой (список))	Вес, г	Размер, мм	Номинал	Состояние и особенности
21	155	Т. 912, уч. 2, сек. 4, сл. 25 (сп. 41). Заполнение ямы	0,8	≈12	Обол (?)	Очень плохое, испорчена коррозией, края обломаны
22	163	Т. (.), уч. 2, сек. 4, сл. 12 (сп. 12). Объект 7 (печь)	0,7	≈11×13	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией, край обломан
23	24	Т. (.), уч. 2, сек. 5. Отвал траншеи	1,4	12×13	Обол (?)	Плохое, потерята в процессе обращения
24	14	Т. (.), уч. 2. Тракторный отвал траншеи	1,4	12×13	Обол (?)	Плохое, потерята в процессе обращения
25	66	Т. 502, уч. 3, сек. 3, сл. 3 (?)	1,6	15×19	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией. Перечеканена из предыдущих типов
26	30	Т. 235, уч. 2, сек. 4, сл. 12. Печь (заполнение)	0,9	13	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией и потерята в процессе обращения, отломан фрагмент
27	32	Т. 279, уч. 2, сек. 4, сл. 12. Печь (заполнение)	1,1	11×16	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией и потерята в процессе обращения, края обломаны
28	31	Т. 236, уч. 2, сек. 4, сл. 12. Печь (заполнение)	1,4	13×15	Обол (?)	Плохое, потерята в процессе обращения
29	52	Т. 418, уч. 3, сек. 5, сл. 3	1,4	12×13	Обол (?)	Плохое, потерята в процессе обращения
30	50	Т. 421, уч. 3, сек. 5, сл. 3	1,5	13×15	Обол (?)	Плохое, потерята в процессе обращения
31	305	Т. 1833, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	1,5	10×12	Обол (?)	Очень плохое, испорчена коррозией
<p>Ав. Голова Аполлона в венке вправо. Надчеканка «треножник». Рв. Орел с распущенными крыльями впрямь. ПАН. См. рис. 4, 6 Середина III в. до н. э. (Зограф, 1951. С. 245, табл. ХLI, 10; Шелов, 1956. С. 217, № 68); конец третьей — начало четвертой четверти III в. до н. э. (Голенко, 1970. С. 23, прил. 7); 240–230 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 142, № 138); третья четверть III в. до н. э. (Терещенко, 2013б. С. 341); ок. 260 — ок. 250 гг. до н. э. (Мельников, 2018. № 32)</p>						
32	180	Т. (.), уч. 2, сек. 4, сл. 12 (сп. 12)	3,3	17×19	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией
<p>Ав. Голова Аполлона в венке вправо. Рв. Треножник, внизу ПАН. Перечекан из предыдущих типов. См. рис. 4, 7 Середина III в. до н. э. (Зограф, 1951. С. 245, табл. ХLI, 9; Шелов, 1956. С. 217, № 69); 230–220 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 142, № 141); ок. 235–325 гг. до н. э. (Анохин, 2011. С. 154, № 1054); 238–233 гг. до н. э. (Мельников, 2018. № 65–67); середина 40-х — ок. 330 г. до н. э. (А. Т.)</p>						
33	246	Т. 1432, уч. 3, сек. 4, сл. 14 (сп. 14)	1,5	14×15	Дихалк (?)	Плохое качество перечеканки
34	168	Т. 1113, уч. 2, сек. 4, сл. 12 (сп. 12). Объект 7	1,5	13×14	Дихалк (?)	Плохое качество перечеканки
35	85	Т. 526, уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 20)	2,4	17	Дихалк (?)	Плохое качество перечеканки
36	91	Т. 526, уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 20)	1,8	15×16	Дихалк (?)	Плохое качество перечеканки. Потерлась в процессе обращения
37	29	Т. 234, уч. 2, сек. 4, сл. 12. Объект 7 (печь)	1,0	11×12	Дихалк (?)	Плохое качество перечеканки. Испорчена коррозией
38	154	Т. 893, уч. 3, сек. 5, сл. 29 (сп. 62). Заполнение между кладок 6	2,2	15×16	Тетрахалк (?)	Плохое, потерята в процессе обращения
<p>Тип «голова безбородого сатира влево / лук, стрела, ПАН» с надчеканкой «треножник, слева ПАН». См. рис. 4, 8 240–230 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 141, № 139); 243–240 гг. до н. э. (Мельников, 2018. № 53–58)</p>						
39	162	Т. (.), уч. 2, сек. 4, сл. 12 (сп. 12). Объект 7	1,7	14	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией

Таблица, продолжение

№ п.п.	№ по пол. оп. (КО-)	Место находки (точка, участок, сектор, слой (список))	Вес, г	Размер, мм	Номинал	Состояние и особенности
40	270	Т. 1447, уч. 2, сек. 3, сл. 3 (сп. 62)	0,4	10×11	Тетрахалк (?)	Очень плохое, испорчена коррозией
<p>Ав. Голова Посейдона вправо. Рв. Прора корабля влево. ПАНТИ. Надчеканка «голова бородатого сатира вправо». См. рис. 4, 9 190–180 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 142, № 153); ок. 220 г. до н. э. (Мельников, 2018. № 97)</p>						
41	45	Т. 416, уч. 3, сек. 4, сл. 14 (зола)	3,3	22	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией и потерта в процессе обращения
<p>Ав. Крыло вправо. Рв. Треножник, слева ПАН. См. рис. 4, 10 Конец III в. до н. э. (Шелов, 1956. С. 218, № 84); 100–75 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 246, табл. XLIII, 19); 235–225 гг. до н. э. (Анохин, 2011. С. 154, № 1055); 205–195 гг. до н. э. (Мельников, 2018. №140)</p>						
42	323	Т. (.), уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	0,9	8×9	Дихалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
43	317	Т. 1864, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	0,2	≈ 10	Дихалк (?)	Скверное, испорчена коррозией, обломана. Однако сохранившиеся остатки изображения крыла позволяют отнести эту монету к указанному типу
<p>Ав. Голова Аполлона в венке вправо. Рв. Лук в горите влево. ПАН. См. рис. 4, 11 Первая половина и середина II в. до н. э. (Шелов, 1956. С. 219, № 95); 200–110 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 245, табл. XLII, 9); 150–140 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 143, № 169); ок. 215–205 гг. до н. э. (Анохин, 2011. С. 154, № 1059); 195–140 гг. до н. э. (Мельников, 2010а. С. 153, табл. I, 16, 28)</p>						
44	283	Т. 1453, уч. 2, сек. 3, сл. 3 (сп. 62). Винодельня, южная прирезка	1,6	10×11	Дихалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
45	231	Т. 1356, уч. 3, сек. 2, сл. 30 (сп. 43). Над вымосткой 3	2,4	11×12	Дихалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
46	119	Т. (.), уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 20)	2,3	11×12	Дихалк (?)	Плохое, монета потерта в процессе обращения. Перечеканена из предыдущих типов
47	268	Т. (.), уч. 2, сек. 3, сл. 3 (сп. 62)	1,6	10	Дихалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
48	25	Т. (.), уч. 2, сек. 2, сл. 10	0,5	9×10	Дихалк (?)	Плохое. Перечеканена из предыдущих типов
49	292	Т. 1694, уч. 2, сек. 3, сл. 51 (сп. 71). Завал над цистерной 2	0,7	9×11	Дихалк (?)	Очень плохое, испорчена коррозией
50	99	Т. (.), уч. 2, сек. 4, сл. 3 (сп. 21)	1,5	10×11	Дихалк (?)	Очень плохое, потерта в процессе обращения
51	47	Т. (.), уч. 3–4. Отвал	1,5	10×11	Дихалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
52	126	Т. 700, уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 33)	1,7	11	Дихалк (?)	Удовлетворительное
53	103	Т. 562, уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 20)	2,0	11	Дихалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
54	174	Т. 1163, уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 33)	2,2	12	Дихалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения. Перечеканена из предыдущих типов
55	86	Т. 527, уч. 3, сек. 3, сл. 16	2,0	10×11	Дихалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
56	179	Т. 1115, уч. 3, сек. 5, сл. 29 (сп. 40)	2,0	10×11	Дихалк (?)	Плохое, испорчена коррозией

№ п.п.	№ по пол. оп. (КО-)	Место находки (точка, участок, сектор, слой (список))	Вес, г	Размер, мм	Номинал	Состояние и особенности
57	307	Т. 1835, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	1,4	10×13	Дихалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
58	241	Т. (.), уч. 3, сек. 5, сл. 41 (сп. 58)	1,4	8×10	Дихалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
59	135	Т. 764, уч. 3, сек. 4, сл. 14 (сп. 14)	1,9	10×11	Дихалк (?)	Очень плохое, потерта в процессе обращения
60	5	Т. 603, уч. 2. Керамическая вымостка	1,5	10×11	Дихалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
61	37	Т. 281, уч. 3, сек. 3, сл. 3	1,3	10×11	Дихалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
62	261	Т. (.), уч. 3, сек. 4, сл. 38 (сп. 55)	1,8	11	Дихалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
63	193	Т. (.), уч. 3, сек. 4	1,7	10	Дихалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
64	116	Т. (.), уч. 3, сек. 1, сл. 3 (сп. 7)	1,9	10	Дихалк (?)	Скверное, испорчена коррозией и потерта в процессе обращения. Однако, учитывая фактуру и остатки изображений, монету можно отнести к указанному типу
65	87	Т. 528, уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 20)	1,0	9	Дихалк (?)	Очень плохое, испорчена коррозией. Перечеканена из предыдущих типов
66	182	Т. 1353, уч. 1, сек. 5, сл. 3 (сп. 30)	1,5	9×10	Дихалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
67	318	Т. 1865, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	1,3	11	Дихалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
<p>Ав. Голова Аполлона в венке вправо. Рв. Дельфин влево. ПАН. См. рис. 4, 12 Первая половина и середина II в. до н. э. (Шелов, 1956. С. 219, № 97); 200–110 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 245, табл. XLII, 10); ок. 245–235 гг. до н. э. (Анохин, 2011. С. 154, № 1052); ок. 140–135 гг. до н. э. (Мельников, 2010а. С. 146, 153, табл. I, № 30, 31)</p>						
68	88	Т. (.), уч. 3, сек. 2, сл. 3 (сп. 9)	1,1	9	Дихалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
<p>Ав. Голова Аполлона в венке вправо. Рв. Колос вертикально (?). См. рис. 4, 13 250–200 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 246, табл. XLI, 19); последняя треть III в. до н. э. (Шелов, 1956. С. 218, № 81); 160–150 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 143, № 163); 205–195 гг. до н. э. (Мельников, 2018. № 140); вторая половина 30-х гг. II в. до н. э. (А. Т.)</p>						
69	181	Т. 1275, уч. 3, сек. 4, сл. 3 (сп. 34). Бровка	1,0	11×12	Триобол (?). Серебро	Плохое, потерта в процессе обращения
<p>Ав. Голова бородатого сатира в венке влево. Рв. Рог изобилия, по бокам шапки Диоскуров. ПАН-ТІ. См. рис. 4, 14 Конец III — начало II в. до н. э. (Зограф, 1951. С. 245, табл. XLI, 20); последняя четверть II в. до н. э. (Шелов, 1956. С. 220, № 100); 130–125 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 143, № 175); 122–114 гг. до н. э. (Мельников, 2010а. С. 153, табл. I, 43)</p>						
70	315	Т. 1861, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	2,2	17×18	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
71	19	Т. 191, уч. 2, сек. 5, сл. 3	2,9	16×17	Тетрахалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
72	16	Т. (.), уч. 2. Тракторный отвал траншеи	2,3	17	Тетрахалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
73	128	Т. 701, уч. 3, сек. 4, сл. 3 (сп. 34). Каменный завал	3,2	16×17	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией и потерта в процессе обращения

Таблица, продолжение

№ п.п.	№ по пол. оп. (КО-)	Место находки (точка, участок, сектор, слой (список))	Вес, г	Размер, мм	Номинал	Состояние и особенности
<p>Ав. Голова Аполлона вправо. Rv. Горит, под ним монограмма. Сверху и снизу ΠΑΝΤΙΚΑ-ΠΑΙΤΩΝ. См. рис. 4, 15 200–110 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 245, табл. XLII, 5); вторая четверть II в. до н. э. (Шелов, 1956. С. 219, № 94); 115–109 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 143, № 188а); 114–112 гг. до н. э. (Мельников, 2010а. С. 153, табл. I, 45)</p>						
74	142	Т. 862, уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 33)	5,9	17×18	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией
<p>Ав. Голова Аполлона в венке вправо. Rv. Лук. ΠΑΝ. См. рис. 4, 16 150–140 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 143, № 170); ок. 155–145 гг. до н. э. (Анохин, 2011. С. 154, № 1075); ок. 114–112 гг. до н. э. (Мельников, 2010а. С. 147, 153, табл. I, № 48)</p>						
75	167	Т. 1112, уч. 2, сек. 4, сл. 12 (сп. 12). Объект 7	1,0	12×13	Дихалк (?)	Плохое. Перечеканена из предыдущих типов
<p>Ав. Голова Аполлона в венке вправо. Rv. Лук, под ним стрела вправо. ΠΑΝ. См. рис. 4, 17 200–121 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 246, табл. XLII, 11); первая половина и середина III в. до н. э. (Шелов, 1956. С. 219, № 96); 220–210 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 142, № 146); 112–110 гг. до н. э. (Мельников, 2010а. С. 153, табл. I, 52–54)</p>						
76	149	Т. 891, уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 33)	1,2	10×11	Дихалк (?)	Очень плохое, испорчена коррозией
77	303	Т. 1830, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	0,4	9×12	Дихалк (?)	Очень плохое, испорчена коррозией
78	310	Т. 1839, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	2,0	9×10	Дихалк (?)	Очень плохое, испорчена коррозией
79	320	Т. (.), уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	0,9	10	Дихалк (?)	Очень плохое, испорчена коррозией
80	10	Т. 30, уч. 2, сл. 9	1,4	10×11	Дихалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
81	40	Т. 365, уч. 3, сек. 3, сл. 3	2,1	12×13	Дихалк (?)	Плохое, испорчена коррозией и потерта в процессе обращения
82	104	Т. 561, уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 20)	1,9	11×12	Дихалк (?)	Плохое, испорчена коррозией и потерта в процессе обращения
83	49	Т. 420, уч. 3, сек. 4, сл. 14	1,6	8×9	Дихалк (?)	Очень плохое, испорчена коррозией и потерта в процессе обращения
<p>Ав. Голова Афины в шлеме вправо. Rv. Прора корабля. ΠΑΝ. См. рис. 4, 18 Ок. 110 г. до н. э. (Шелов, 1956. С. 220, № 102); 125–115 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 144, № 183); 125–115 гг. до н. э. (Анохин, 2011. С. 159, № 1089); 110–108 гг. (Мельников, 2010а. С. 153, табл. I, № 56)</p>						
84	302	Т. 1829, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	1,5	9×10	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
85	319	Т. (.), уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	2,9	13	Тетрахалк (?)	Плохое. Перечеканена из типа «голова безбородого сатира — шапки Диоскуров, ΠΑΝΤΙ»
86	324	Т. (.), уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	1,1	12	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
87	275	Т. 1439, уч. 3, сек. 4, сл. 45 (сп. 63)	1,1	10×12	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
88	134	Т. 745, уч. 3, сек. 2, сл. 3 (сп. 9)	1,9	14	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
89	143	Т. 863, уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 33)	0,9	10×11	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
90	9	Т. 607, уч. 2. Керамическая вымостка	2,3	12	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией

Таблица, продолжение

№ п.п.	№ по пол. оп. (КО-)	Место находки (точка, участок, сектор, слой (список))	Вес, г	Размер, мм	Номинал	Состояние и особенности
91	44	Т. 415, уч. 3, сек. 4, сл. 14	1,3	12×14	Тетрахалк (?)	Очень плохое, испорчена коррозией
92	42	Т. 373, уч. 3, сек. 5, сл. 3	2,9	13×15	Тетрахалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
93	15	Уч. 2. Тракторный отвал траншеи	1,3	10×11	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
94	3	Т. 601, уч. 2. Керамическая вымостка в северном борту траншеи	2,1	11×12	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
95	304	Т. 1831, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	2,1	11×12	Тетрахалк (?)	Скверное, испорчена коррозией. Однако фактура и остатки изображений позволяют отнести монету к указанному типу
<p>Ав. Голова бородатого сагира вправо. Рв. Лук и стрела вправо, под ней — ФА. См. рис. 4, 19 250–200 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 246, табл. ХLII, 13); начало — первая половина III в. до н. э. (Шелов, 1956. С. 221, № 112); 220–210 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 142, № 147); 195–185 гг. до н. э. (Анохин, 2011. С. 168, № 1166); 107–96 гг. до н. э. (Мельников, 2004. С. 250)</p>						
96	316	Т. 1862, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	1,4	11×12	Тетрахалк (?)	Плохое, невысокое качество чеканки
97	321	Т. (.), уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	1,9	11×12	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
98	312	Т. 1858, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	1,7	10×11	Тетрахалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
99	247	Т. 1392, уч. 3, сек. 4, сл. 38 (сп. 55)	1,7	10×11	Тетрахалк (?)	Очень плохое, испорчена коррозией и потерта в процессе обращения
100	262	Т. (.), уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 54)	1,7	11	Тетрахалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
101	278	Т. (.), уч. 2, сек. 3, сл. 3 (сп. 67). Винодельня, северная прирезка	1,5	14×15	Тетрахалк (?)	Плохое. Перечеканена из предыдущих типов
102	187	Т. 419, уч. 3, сек. 2, сл. 3	1,9	12×13	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
103	148	Т. 890, уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 33)	2,1	13	Тетрахалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
104	133	Т. 744, уч. 3, сек. 4, сл. 3 (сп. 15)	0,8	9×10	Тетрахалк (?)	Плохое, невысокое качество чеканки
105	178	Т. 1115, уч. 3, сек. 5, сл. 29 (сп. 40)	1,7	11	Тетрахалк (?)	Очень плохое, потерта в процессе обращения
106	139	Т. 800, уч. 3, сек. 4, сл. 14 (сп. 14)	2,7	12	Тетрахалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения. Перечеканена из предыдущих типов
107	150	Т. 892, уч. 3, сек. 3, сл. 16 (сп. 33)	1,9	10×12	Тетрахалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
108	109	Т. 564, уч. 2, сек. 3, сл. 4 (сп. 26)	2,9	12×13	Тетрахалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения. Перечеканена из предыдущих типов
109	114	Т. 571, уч. 2, сек. 3, сл. 16 (сп. 20)	3,1	12×13	Тетрахалк (?)	Плохое, потерта в процессе обращения. Перечеканена из предыдущих типов
110	311	Т. 1840, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	2,3	13	Тетрахалк (?)	Скверное, испорчена коррозией. Однако фактура и контуры изображений позволяют отнести монету к указанному типу

Таблица, продолжение

№ п.п.	№ по пол. оп. (КО-)	Место находки (точка, участок, сектор, слой (список))	Вес, г	Размер, мм	Номинал	Состояние и особенности
<p>Ав. Треножник. Рв. Звезда, между лучами надпись П-А-N-T-I-K-A-Π. См. рис. 4, 20 100–75 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 246, табл. XLIII, 18); 90–80 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 145, № 203); 107–96 гг. до н. э. (Мельников, 2004. С. 250)</p>						
111	191	Т. 472, уч. 3, сек. 3, сл. 3	1,8	13	Обол (?)	Удовлетворительное
112	306	Т. 1834, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	1,5	13×14	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией
113	194	Т. (.), уч. 3, сек. 3	1,8	12	Обол (?)	Плохое, потерта в процессе обращения. Перечеканена из предыдущих типов
114	61	Т. (.), уч. 2, сек. 2	0,7	12	Обол (?)	Плохое, испорчена коррозией
115	147	Т. (.), уч. 3. Отвал (?)	2,7	18	Обол (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
116	65	Т. 501, уч. 3, сек. 3, сл. 3(?)	2,4	12×13	Обол (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
117	117	Т. (.), уч. 3, сек. 2, сл. 3 (сп. 9)	2,1	12×13	Обол (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
118	122	Т. (.), уч. 3, сек. 2. Отвал	2,4	11×12	Обол (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
<p>Ав. Голова Артемиды вправо, слева за плечом лук в колчане. Рв. ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ. Лань. См. рис. 4, 21 109–100 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 144, № 194); 92–91 гг. до н. э. (Мельников, 2010б. С. 300)</p>						
119	260	Т. (.), уч. 3, сек. 4, сл. 38 (сп. 55)	5,4	21×22	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
120	309	Т. 1838, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	5,3	18×19	Тетрахалк (?)	Плохое, испорчена коррозией
<p>Ав. Венок, в нем лежащий лев вправо, над ним 8-лучевая звезда. Рв. Венок с продетой сквозь него пальмовой ветвью, перевязанные лентой. Справа вверху монограмма ΒΑΕ, под ней — Γ. См. рис. 4, 22 По В. А. Анохину: правление Динамии. Конец I в. до н. э. — начало I в. н. э. (Зограф, 1951. С. 246, табл. XLV, 6); 9/8 г. до н. э. — 7/8 г. н. э. (Анохин, 1986. С. 149, № 281); 17/16 г. до н. э. — 13 г. н. э. (Фролова, 1997. Ч. I. С. 41, 47, табл. IX, 1–7)</p>						
121	34	Т. (.), уч. 3, сек. 3, сл. 3	4,1	13×19	3 унции	Удовлетворительное, но отколот фрагмент
<p>Кесария (Пантикапей) Ав. Женская голова (Афродита Урания, по Н. А. Фроловой) в калафе и покрывале вправо. Рв. Факел, по сторонам надпись ΚΑΙ-ΣΑ-ΡΕ-ΩΝ, справа Η. См. рис. 4, 23 По В. А. Анохину: правление Аспурга. 14–8 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 246, табл. XLV, 12); 37–38 гг. н. э. (Анохин, 1986. С. 151, № 322); 17/16 г. до н. э. — 13 г. н. э. (Фролова, 1997. С. 41, 47, табл. II, 1–29)</p>						
122	146	Т. (.), уч. 3, сек. 4. Отвал	5,4	19×20	8 унций	Плохое, потерта в процессе обращения
<p>Амис Ав. Голова Ареса в шлеме вправо. Рв. Меч в ножнах вертикально. По бокам ΑΜΙ-ΣΟΥ. См. рис. 4, 24 100–85 гг. до н. э. (SNG BM Black Sea, 1993. № 1147–1149)</p>						
123	258	Т. 1375, уч. 2, сек. 5, сл. 3 (сп. 32)	5,7	17×19	–	Плохое, испорчена коррозией
<p>Синопа Ав. Голова Зевса в венке вправо. Рв. Орел с расправленными крыльями, стоящий на молниях, с головой, повернутой вправо. Слева — монограмма. Внизу — легенда «ΣΙΝΩΠΗΣ». См. рис. 4, 25 85–65 гг. до н. э. (SNG BM Black Sea, 1993. № 1549)</p>						
124	101	Т. 563, уч. 3, сек. 1, сл. 3 (сп. 7)	4,7	17×18	–	Плохое, испорчена коррозией
125	200	Т. 563, уч. 3, сек. 1, сл. 3 (сп. 7)	3,3	18	–	Очень плохое, испорчена коррозией

№ п.п.	№ по пол. оп. (КО-)	Место находки (точка, участок, сектор, слой (список))	Вес, г	Размер, мм	Номинал	Состояние и особенности
<p>Ав. Безбородая голова (крупное изображение) вправо. Рv. Всадник с копьем (?) вправо, копье параллельно земле (?). За спиной всадника плащ (?). Неопределенная (Македония?). III–II вв. до н. э. (?)</p>						
126	266	Т. 1440, уч. 1, сек. 5, сл. 3 (сп. 30)	3,5	17×18	–	Плохое, потерта в процессе обращения
<p>Каффа (Феодосия) Ав. Св. Георгий на коне в левостороннем развороте, левая рука согнута в предплечье и направлена вверх, за спиной развевается плащ. Рv. В линейном ободке — гиревская тамга с горизонтальной чертой. Генуэзско-татарский чекан. 1453–1466 гг. (Ретовский, 1906. Табл. VI, 263; Бочаров, 1999. С. 135)</p>						
127	20	Т. 192, уч. 2, сек. 5, сл. 3 (верх слоя)	0,8	11×13	Фоллери	Удовлетворительное
Нечитаемые						
128	314	Т. 1860, уч. 1, сек. 5, сл. 10 (сп. 1). Керамическая вымостка	1,1	12×13	–	Испорчена коррозией и затерта. Но по фактуре может быть отнесена к III в. до н. э.
129	28	Т. (.), уч. 2, сек. 5, сл. 3. Отвал	2,7	11×12	–	Испорчена коррозией и затерта. Но по фактуре может быть отнесена ко II в. до н. э.
130	7	Т. (.), уч. 2, сл. керамической вымостки в северном борту	1,1	7×8	–	Испорчена коррозией и затерта. Но по фактуре может быть отнесена ко II в. до н. э.
131	252	Т. 1373, уч. 3, сек. 3, сл. 33 (сп. 16)	1,3	9×10	–	Полностью испорчена коррозией и затерта
132	6	Т. 604, уч. 2, сл. керамической вымостки	1,3	9×10	–	Испорчена коррозией и затерта. Но по фактуре может быть отнесена ко II в. до н. э.
133	18	Т. (.), уч. 2. Тракторный отвал траншеи	2,6	15	–	Полностью испорчена коррозией и затерта
Монеты из раскопок некрополя Парфения						
Фанагория						
<p>Ав. Женская голова в диадеме и покрывале вправо. Рv. АГРІПΠΕΩΝ. Прора влево, справа Н. См. рис. 4, 26 По В. А. Анохину: Аспург (1-е правление 10/11–13/14 гг. н. э.; 2-е правление 14/15–37/38 гг. н. э.); 37–38 гг. н. э. (Анохин, 1986. С. 151, № 323); ок. 14–37 гг. н. э. (Анохин, 2011. С. 170, № 1187). По Н. А. Фроловой: 17/16 гг. до н. э. — 13 г. н. э. (Фролова, 1997. С. 41, табл. III, 8–25)</p>						
–	–	Парф. Н.-2020-3. Кв. 12, сп. 8, шт. 1–2	7,6	19×20	8 унций	Плохое, потерта в процессе обращения
<p>Ав. Треножник. Рv. Звезда, между лучами надпись П-А-Ν-Τ-Ι-Κ-Α-Π. См. рис. 4, 20 100–75 гг. до н. э. (Зограф, 1951. С. 246, табл. XLIII, 18); 90–80 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 145, № 203); 107–96 гг. до н. э. (Мельников, 2004. С. 250)</p>						
134	–	Парф. Н. — 2020-13. Уч. 8 (сп. 20). Погребение 1	2,5	12×13	Обол (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
135	–	Парф. Н. — 2020-13. Уч. 8 (сп. 20). Погребение 1	2,5	12×13	Обол (?)	Плохое, потерта в процессе обращения
Нечитаемая						
136	–	Парф. Н. — 2020-17. Уч. 6 (сп. 12). Погребение 3	1,3	12×13	Обол (?)	Очень плохое, затерта. В левой части с краю пробито отверстие (подвеска?)

Рис. 1. Фотографии монет, обнаруженных на территории городища Парфений и его некрополя в 2020 г. (1–69)
 Fig. 1. Photographs of the coins found in the territory of Parthenium settlement and its necropolis in 2020 (1–69)

Рис. 2. Фотографии монет, обнаруженных на территории городища Парфений и его некрополя в 2020 г. (70–125)
Fig. 2. Photographs of the coins found in the territory of Parthenium settlement and its necropolis in 2020 (70–125)

Рис. 3. Фотографии монет, обнаруженных на территории городища Парфений и его некрополя в 2020 г. (125–136)
Fig. 3. Photographs of the coins found in the territory of Parthenium settlement and its necropolis in 2020 (125–136)

Рис. 4. Аналогии. Пантикапей: 1 — халк (?), 346–340 гг. до н. э.; 2 — обол (?), последнее десятилетие IV в. до н. э.; 3 — обол (?), 300–284/283 гг. до н. э.; 4 — обол (?), 284/283 гг. до н. э. — середина второй четверти III в. до н. э.; 5 — обол (?), конец 260-х — середина 240-х гг. до н. э.; 6 — обол (?), третья четверть III в. до н. э.; 7 — дихалк (?), середина 340-х — ок. 330 г. до н. э.; 8 — тетрахалк (?), 243–240 гг. до н. э.; 9 — обол (?), ок. 220 г. до н. э.; 10 — дихалк (?), 205–195 гг. до н. э.; 11 — дихалк (?), 195–140 гг. до н. э.; 12 — дихалк (?), 140–135 гг. до н. э.; 13 — триобол (?), вторая половина 130-х гг. до н. э.; 14 — тетрахалк (?), 122–114 гг. до н. э.; 15 — обол (?), 114–112 гг. до н. э.; 16 — дихалк (?), 114–112 гг. до н. э.; 17 — дихалк (?), 112–110 гг. до н. э.; 18 — тетрахалк (?), 110–108 гг. до н. э.; 20 — обол (?), 107–96 гг. до н. э.; 22 — 3 унции, 17–16 гг. до н. э. — 13 г. н. э.; 23 — 8 унций, 17–16 гг. до н. э. — 13 г. н. э. Фанагория: 19 — тетрахалк (?), 107–96 гг. до н. э.; 21 — тетрахалк (?), 92–91 гг. до н. э.; 26 — 8 унций, 17–16 гг. до н. э. — 13 г. н. э. Амис (Понт): 24 — 100–85 гг. до н. э. Синопа (Пафлагония); 25 — 85–65 гг. до н. э. 13 — серебро, остальные — медь

Fig. 4. Analogies. Panticapaeum: 1 — chalkous (?), 346–340 BC; 2 — obol (?), last decade of the 4th cen. BC; 3 — obol (?), 300–284/3 BC; 4 — obol (?), 284/3 BC — middle of the second quarter of the 3rd cen. BC; 5 — obol (?), late 260s — middle of 240s BC; 6 — obol (?), third quarter of the 3rd cen. BC; 7 — dichalkous (?), middle of the 340s — c. 330 BC; 8 — tetrachalkous (?), 243–240 BC; 9 — obol (?), c. 220 BC; 10 — dichalkous (?), 205–195 BC; 11 — dichalkous (?), 195–140 BC; 12 — dichalkous (?), 140–135 BC; 13 — triobol (?), second half of the 130s BC; 14 — tetrachalkous (?), 122–114 BC; 15 — obol (?), 114–112 BC; 16 — dichalkous (?), 114–112 BC; 17 — dichalkous (?), 112–110 BC; 18 — tetrachalkous (?), 110–108 BC; 20 — obol (?), 107–96 BC; 22 — 3 ounces, 17–16 BC — 13 AD; 23 — 8 ounces, 17–16 BC — 13 AD. Phanagoria: 19 — tetrachalkous (?), 107–96 BC; 21 — tetrachalkous (?), 92–91 BC; 26 — 8 ounces, 17–16 BC — 13 AD. Amisos (Pontus): 24 — 100–85 BC. Sinope (Paphlagonia); 25 — 85–65 BC. 13 — silver, the rest — copper

- Абрамзон и др., 2018 — Абрамзон М. Г., Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Комплекс пантикапейских серебряных монет V в. до н. э. из некрополя поселения Волна I // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 15–24.
- Анохин, 1986 — Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 223 с.
- Анохин, 2011 — Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стило, 2011. 326 с.
- Бессонова и др., 2010 — Бессонова С. С., Столяренко П. Г., Кропотов В. В. Начало исследований на городище Парфений // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.; Киев: ИД «Триумф принт», 2010. С. 22–23.
- Бочаров, 1999 — Бочаров С. Г. Генуэзско-татарские медные монеты Каффы // Stratum plus. 1999. № 6: Время денег. С. 130–136.
- Вахтина и др., 2021 — Вахтина М. Ю., Соловьев С. Л., Столяренко П. Г., Вахонеев В. В., Четверкина Е. В. Спасательные археологические раскопки на городище и некрополе Парфения в 2020 г. // Бюллетень ИИМК РАН. 2021. Вып. 11. С. 123–138.
- Голенко, 1970 — Голенко К. В. К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н. э. // Нумизматика и эпиграфика. М.: Наука, 1970. Т. VIII. С. 15–34.
- Гриневиц, 1927 — Гриневиц К. Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь: 1-я Гостипозитография «Крымполиграфтреста», 1927. Т. 1. С. 47–52.
- Зограф, 1951 — Зограф А. Н. Античные монеты. М.: 2-я тип. изд-ва АН СССР, 1951 (МИА; № 16). 309 с.
- Мельников, 2004 — Мельников О. Н. К хронологии монетных выпусков Боспора конца III — начала I вв. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: Материалы V Боспорских чтений. Керчь: БФ «Деметра», 2004. С. 248–258.
- Мельников, 2010а — Мельников О. Н. К нумизматике Боспора Киммерийского этапа среднего эллинизма (ок. 215 — 108 гг. до н. э.) // Сугдейский сборник. Т. IV / Ред. С. Д. Крыжицкий и др. Киев; Судак: Горобец, 2010. С. 137–165.
- Мельников, 2010б — Мельников О. Н. Понтийское производство монет Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы: Материалы XI Боспорских чтений. Керчь: БФ «Деметра», 2010. С. 295–305.
- Мельников, 2018 — Мельников О. Н. Датировка основных типов Боспора времени от Евмела до Перисада III (дополнение к статье «Функциональное отклонение монетной системы Боспора III в. до н. э.») [Электронный ресурс] // URL: http://coins.ucoz.ru/load/melnikov_o_n_datirovka_osnovnykh_tipov_monet_bospora_vremeni_ot_evmela_do_perisada_iii/5-1-0-257 (дата обращения 05.05.2024).
- Ретовский, 1906 — Ретовский О. Ф. Генуэзско-татарские монеты // Известия ИАК. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1906. Т. 18. С. 1–72.
- Столяренко, Кропотов, 2016 — Столяренко П. Г., Кропотов В. В. Комплекс позднеэллинистического времени из городища Парфений // Таврические студии. Симферополь: Антиква, 2016. № 10. С. 160–166.
- Терещенко, 2013а — Терещенко А. Е. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. // Вестник древней истории. 2013. № 2. С. 102–127.
- Терещенко, 2013б — Терещенко А. Е. Классификация и периодизация кладов боспорской меди последней трети IV — конца III в. до н. э. // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2013. № 17. С. 325–344.
- Терещенко, 2018 — Терещенко А. Е. Монетные комплексы в античных погребениях (к постановке проблемы) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2018. № 1. С. 68–74.
- Терещенко, Чистов, 2023 — Терещенко А. Е., Чистов Д. Е. Монеты из раскопок поселения Вестник-1 // АВ. 2023. Вып. 41. С. 220–226.
- Фролова, 1997 — Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. — середина IV в. н. э.). В 2 ч. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 343 с.
- Шелов, 1956 — Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 220 с.
- Tereshchenko, 2023 — Tereshchenko Andrey E. Coin Assemblages in Ancient Burials: Statement of the Problem // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden: Brill, 2023. Vol. 29, is. 1 (Sep. 2023). P. 1–10.
- SNG BM Black Sea, 1993 — Sylloge Nummorum Graecorum: The British Museum. The Black sea. Vol. IX, p. 1. London: British Museum Press, 1993.

Coins from the excavations of Parthenium

A. E. Tereshchenko⁵

Keywords: Parthenium settlement, ancient coins, Bosporan Kingdom, numismatics, “money of the dead”.

In 2020 the Ancient rescue expedition of the institute for the history of Material Culture of the RAS conducted archaeological excavations on the territory of the ancient settlement Parthenium and its necropolis (*Вахтина и др.*, 2021. С. 123). During these works one silver and 135 bronze coins were found, 133 pieces at the ancient settlement and 3 pieces at the necropolis. The overwhelming majority of the identified pieces (82 coins), belongs to the 4th–2nd cen. BC (minting of the Sparcokid state). During the period of Bosporus' stay in the Pontic Kingdom (the first half of the 1st cen. BC) there are 12 coins, among them three coins from Amis and Sinope. Two Panticapaeon coins from the turn of the 1st cen. BC / 1st cen. AD complete the line of minting of the Bosporan kingdom.

The latest coin is a Genoese-Tatar folleri from Caffa (Theodosia), dated to the second half of the 15th cen. This specimen is interesting because, more precisely, the very fact of its discovery, its presence on this territory testifies to the stable functioning of the route through Parthenium to the crossing of the Kerch Strait during the late Middle Ages.

As for the coins from the necropolis of Parthenium, it should be noted that are rather worn, which indicates that they were used for a long time before being withdrawn from circulation for ritual purposes.

---

⁵ Andrey E. Tereshchenko — State Russian Museum; St. Petersburg, Russia; e-mail: andrtereshhen@yandex.ru.

Позднескифские погребения из раскопок Беляусского кургана на полуострове Тарханкут (по материалам раскопок О. Д. Дашевской 1987–1988 гг.)

К. С. Коршун¹

Аннотация. В статье впервые публикуются 15 позднескифских погребений из раскопок кургана эпохи бронзы у городища Беляус на Тарханкуте. Погребения были совершены в подбойных могилах, грунтовых ямах, плитовых могилах и земляных склепах. Согласно погребальному обряду и инвентарю, комплексы датируются в пределах конца II в. до н. э. — I в. н. э. Погребения находят аналогии среди синхронных памятников Северо-Западного Крыма.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, Тарханкутский полуостров, античность, поздние скифы, Крымская Скифия, погребальный обряд.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-109-124

Изучение позднескифских погребальных памятников в Северо-Западном Крыму во второй половине XX в. привело к значительному накоплению материалов. В научный оборот полностью или частично введены материалы грунтовых и курганных позднескифских могильников Кара-Тобе (Внуков, Лагутин, 2001), Заозерное (Яценко, 1978; Попова, 2012), Беляус (Дашевская, 2014), Кульчук (Голенцов, 1994; Власов и др., 2016), Джанбаба (Ланцов и др., 2014; 2015; Ланцов, Неневоля, 2016) и Калос Лимен (Кутайсов, 2011). Однако позднескифские впускные захоронения в более ранние курганы встречаются в регионе гораздо реже, чем в Центральном Крыму, где они известны еще с XIX в. (Троицкая, 1951. С. 92–99; 1954; Дашевская, 1991. С. 53; Пуздровский, 2007. С. 20, 21). Неопубликованным памятником Северо-Западного Крыма (п-ов Тарханкут) является Беляусский курган, в котором были обнаружены впускные позднескифские погребения. Хотя эти материалы неоднократно были упомянуты в литературе (Дашевская, 1991. С. 24; 1994а. С. 80–84; 1994б; 2014. С. 7; Пуздровский, 2007. С. 16), полноценно они так и не были введены в научный оборот.

Беляусский курган находился в Черноморском районе Республики Крым, на территории Окуневского сельского поселения, в 1,2 км от с. Знаменского и в 400 м к северо-востоку от городища Беляус. Это ближайший из двух курганов в окрестностях городища. Курган высотой 1,5 м и диаметром 30 м много лет распахивался. Его раскопки в 1987–1988 гг. были проведены Донузлавской археологической экспедицией ИА СССР под руководством О. Д. Дашевской. При исследовании кургана были оставлены пять бровок по оси север–юг (рис. 1): центральная шириной 2 м, по две западные и восточные шириной 1 м. По данным стратиграфии зафиксированы три насыпи (рис. 1, 2), содержащие 39 погребений эпохи бронзы². В 3-ю насыпь кургана было впущено девять позднескифских погребений, еще пять могил находились за пределами насыпи, но поскольку участок, на котором они располагались, находился в непосредственной близости от кургана, а захоронения аналогичны впускным могилам в курган (рис. 1, 1), они также рассмотрены в настоящей статье.

¹ Институт археологии Крыма РАН; г. Симферополь, Республика Крым; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Москва, Россия; e-mail: kostyakorshun1996@mail.ru.

© Коршун К. С., 2024

² 1-я и 2-я насыпи содержали погребения ямной культуры, в 3-й насыпи находились погребения катакомбной культуры. Погребения эпохи бронзы из Беляусского кургана будут представлены в отдельной работе.

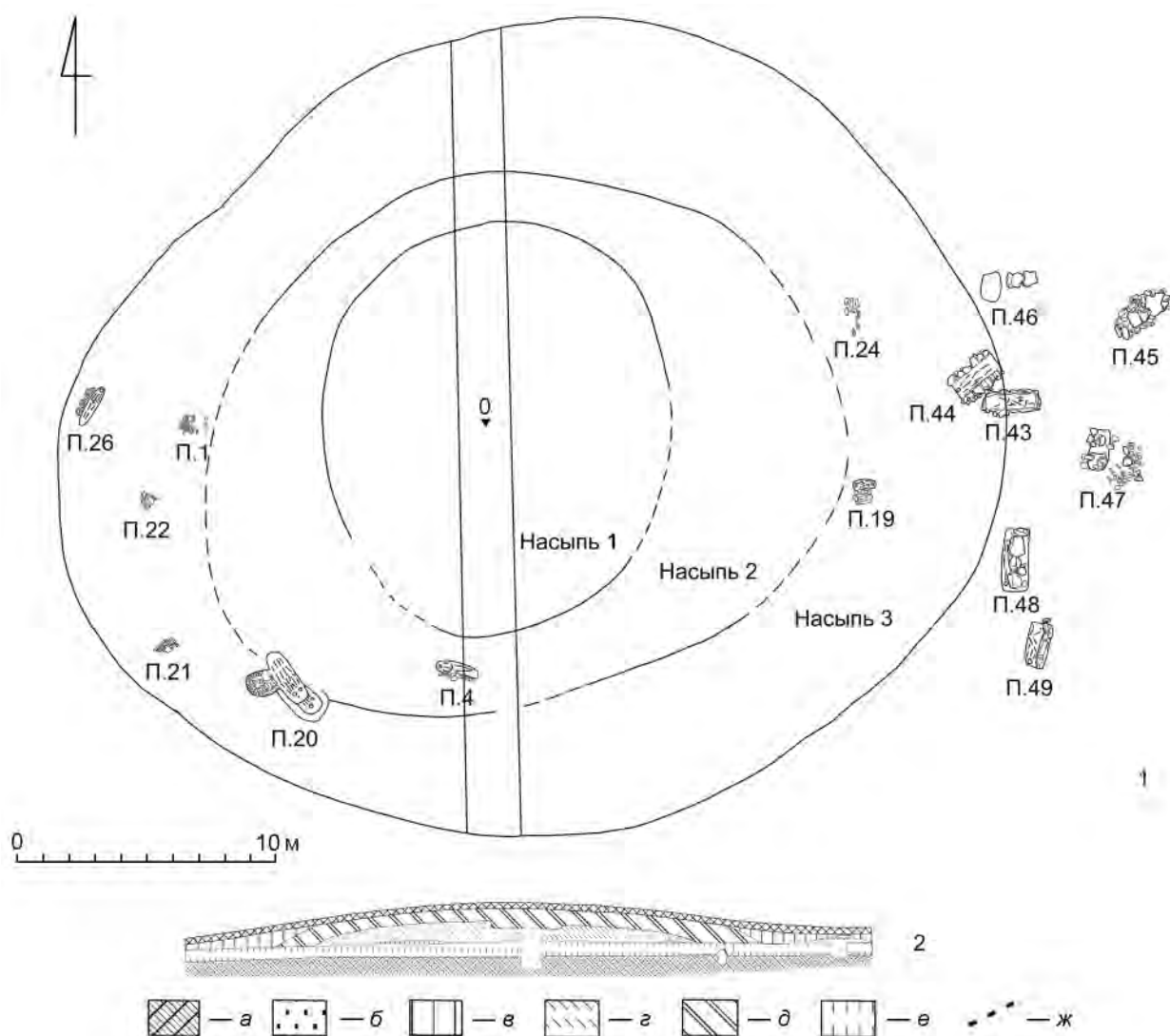

Рис. 1. Беляуский курган, Тарханкут, Северо-Западный Крым: 1 — план; 2 — стратиграфия центральной бровки (западный профиль) (П. — погребение; а — пахота; б — глина (выкид); в — 3-я насыпь (с известняком); г — первая насыпь; д — вторая насыпь; е — погребенная почва; ж — реконструкция насыпи погребения 40)

Fig. 1. Belyaus barrow, the Tarkhankut Peninsula, North-Western Crimea: 1 — plan; 2 — stratigraphy of the central bank (western profile) (П. — burial; а — plowing; б — clay (outcrop); в — third mound (with limestone); г — first mound; д — second mound; е — buried soil; ж — reconstruction of the mound of the burial 40)

Впускные позднескифские погребения Беляусского кургана

Погребение 1 — подбойная могила (рис. 2, 1) (Дашевская, 1988. С. 26, 27). Находилась в 10,5 м к западу от центра кургана. Забутовка входной ямы растащена плугом. На 0,1 м ниже дна входной ямы находилось дно небольшого подбоя, ориентированного меридионально. Восточная часть срезана бульдозером. В подбое лежал скелет ребенка, головой на север, в вытянутом положении на спине. Череп съехал вправо. Правая рука слегка согнута в локте и положена на живот.

Левая часть скелета разрушена. Около шейных позвонков обнаружены четыре бусины из желтого прозрачного стекла (рис. 2, 3–6), плоские, овально-ромбические (тип 171³). Около ног лежал астрагал с просверленным отверстием (рис. 2, 7). Подобный тип бус дает широкую датировку в пределах III в. до н. э. — IV в. н. э. (Алексеева, 1978. С. 73, табл. 33, 77). Такие бусы встречены в ряде погребений Беляусского некрополя (Дашевская,

³ Здесь и далее типы бус даны по классификации Е. А. Алексеевой (Алексеева, 1978).

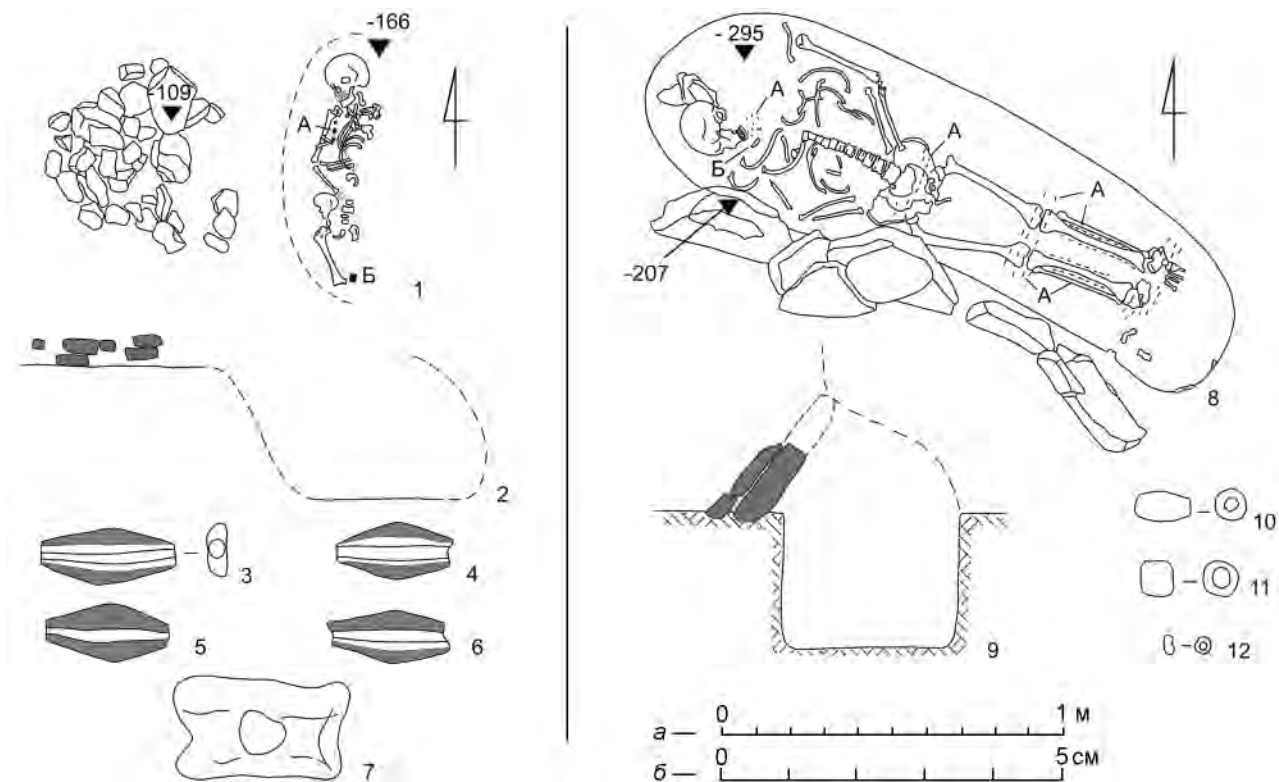

Рис. 2. Беляусский курган, Тарханкут, Северо-Западный Крым: 1-7 — погребение 1 (1 — план (А — бусы, Б — астрагал); 2 — разрез; 3-6 — бусы; 7 — астрагал); 8-12 — погребение 4 (8 — план (А — бусы, Б — фрагмент фибулы); 9 — разрез; 10-12 — бусы). 3-6, 10, 12 — стекло; 7 — кость; 11 — сердолик. Масштаб: а — для 1, 2, 8, 9; б — для 3-7, 10-12

Fig. 2. Belyaus barrow, the Tarkhankut Peninsula, North-Western Crimea. 1-7 — the burial 1 (1 — plan (A — beads, B — astragalus); 2 — section; 3-6 — beads; 7 — astragalus); 8-12 — the burial 4 (8 — plan (A — beads, B — fibula fragment); 9 — section; 10-12 — beads). 3-6, 10, 12 — glass; 7 — bone; 11 — carnelian.

Scale: a — for 1, 2, 8, 9; b — for 3-7, 10-12

2014. Табл. 16а, 6; 47, 9; 61, 18; 78, 34; 107, 32; 111, 29; 142, 2). В Северо-Западном Крыму подобные бусы имеют аналогии также в одном из впускных детских погребений Кульчукского кургана-кенотафа: в погребении конца II — начала I в. до н. э. (Дашевская, Голенцов, 1982. Рис. 3, 7). Погребение можно датировать концом II в. до н. э. — I в. н. э.

Погребение 4 — подбойная могила (рис. 2, 8, 9) (Дашевская, 1988. С. 28, 29). Впущена в насыпь на расстоянии 9 м к югу от центра кургана. Камни заклада стояли цепочкой почти все в один ряд (немногие — в два ряда) и были наклонены к северо-востоку в сторону камеры подбоя. Подбой ориентирован параллельно закладу. В погребении захоронена женщина 40-50 лет. Скелет лежал головой на северо-запад, в вытянутом положении на спине. Руки слегка согнуты в локтях и положены на живот. В области шеи — мелкие поперечно сжатые стеклянные бусы черного цвета, тип I (рис. 2, 10) (Алексеева, 1978. С. 62, 63), две

бочковидные сердоликовые бусины (рис. 2, 11) и немного бисера из голубого египетского фаянса (рис. 2, 12), который относится к типу 3г (Там же. С. 31) и датируется I-II вв. н. э. Бусы были и на запястьях. Основная масса бус сосредоточена ниже линии пояса: на тазе (главным образом бисер), коленях, вдоль бедренных костей и особенно — вдоль голеней до щиколоток. Ими была расшита одежда. Бусы все мелкие — черные; светло-зеленые округлые; желтые, округлые и овальные. Вероятно, погребение можно датировать I в. н. э.

Погребение 19 — подбойная могила (рис. 3, 1, 2) (Дашевская, 1988. С. 38, 39). Находилась в 13 м к юго-востоку от центра кургана. Удалось зафиксировать нижнюю часть овальной входной ямы, забитой крупными камнями. Входная яма и подбой ориентированы широтно, параллельно друг другу. Подбой сделан к северу от входной ямы. Похоронены два ребенка. Один скелет ориентирован на запад, сдвинут к стенке подбоя,

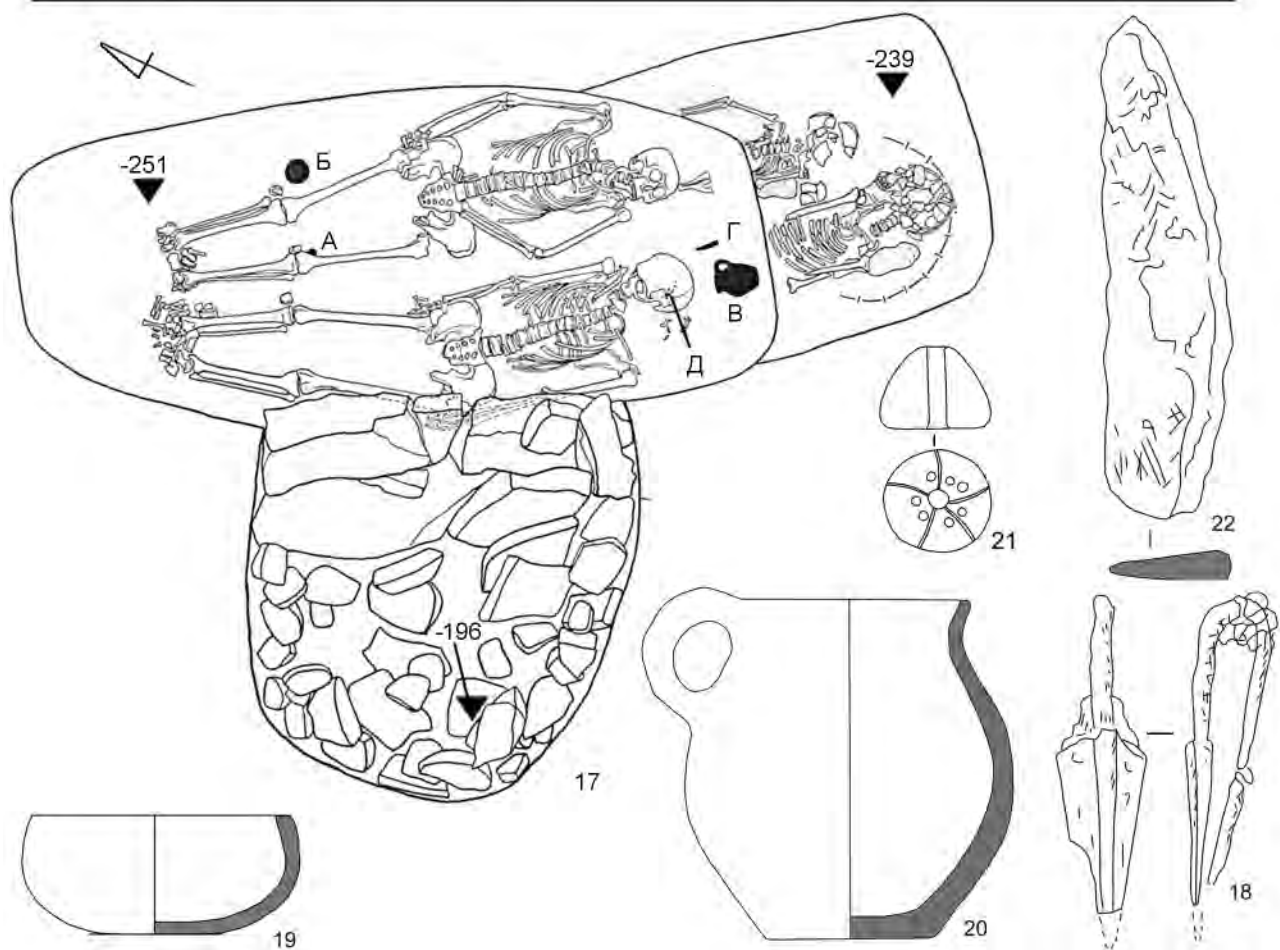
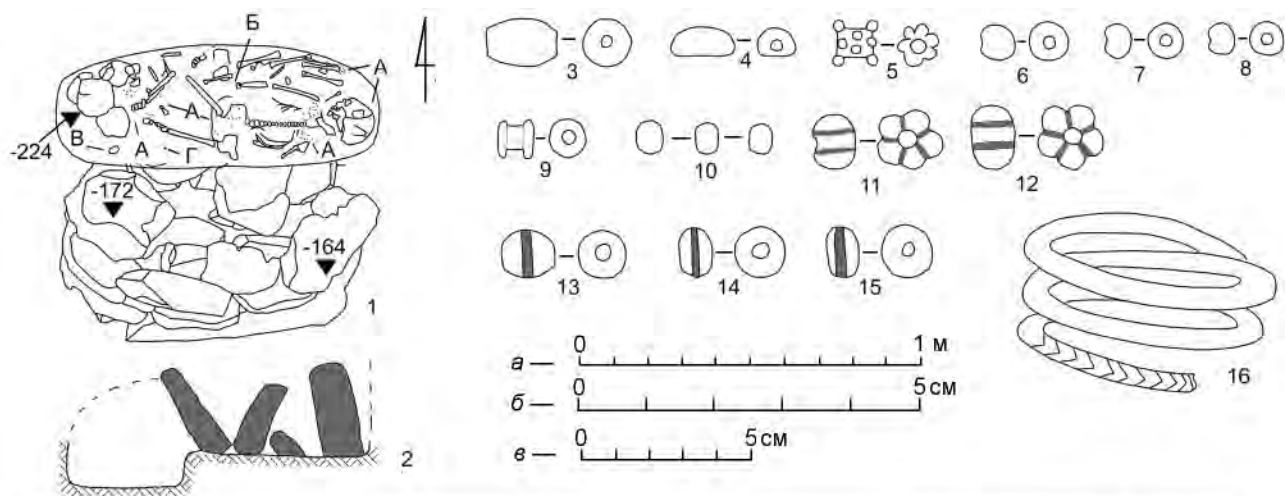

Рис. 3. Беляусский курган, Тарханкут, Северо-Западный Крым: 1-16 — погребение 19 (1 — план (А — бусы, Б — браслет, В — охра, Г — реальгар); 2 — разрез; 3-9 — бусы погребенного I; 10-15 — бусы погребенного II; 16 — браслет); 17-22 — погребение 20 (17 — план (А — пряслице, Б — миска; В — горшок, Г — нож, Д — фибула); 18 — фибула; 19 — лепная мисочка; 20 — лепной горшок; 21 — пряслице; 22 — нож). 3-15 — стекло; 16 — бронза; 18, 22 — железо; 19-21 — обожженная глина. Масштаб: а — для 1, 2, 17; б — для 3-16, 18, 21, 22; в — для 19, 20

Fig. 3. Belyaus barrow, the Tarkhankut Peninsula, North-Western Crimea: 1-16 — the burial 19 (1 — plan (A — beads, B — bracelet, B — ochre, Г — realgar); 2 — section; 3-9 — beads of the buried I; 10-15 — beads of buried II; 16 — bracelet); 17-22 — the burial 20 (17 — plan (A — spinner, B — bowl, B — pot, Г — knife, Д — fibula); 18 — fibula; 19 — molded bowl; 20 — molded pot; 21 — spinner; 22 — knife). 3-15 — glass; 16 — bronze; 18, 22 — iron; 19-21 — fired clay. Scale: a — for 1, 2, 17; б — for 3-16, 18, 21, 22; в — for 19, 20

анатомический порядок нарушен, череп раздавлен. На груди — мелкие бусы из бесцветного прозрачного стекла глобоидальной формы (тип 82), датируемые II в. до н. э. (Алексеева, 1978. С. 68), и округлые бусы из темного полупрозрачного стекла (тип 4), имеющие широкую датировку, но пик распространения которых приходится на II–I вв. до н. э. (Там же. С. 63). На шее и груди — бочковидные бусы из янтарно-желтого прозрачного стекла (тип 23) (Там же. С. 65), датируемые I в. до н. э. — III в. н. э.; мелкие темно-лиловые из полупрозрачного стекла (тип 4, III в. до н. э. — III в. н. э.); мелкие бесцветные (тип 17); мелкие темно-синие зернистые цилиндрические; несколько синих глухих бусин с тремя рядами мелких бугорков, встречающиеся в комплексах II–I в. до н. э. (тип 159) (рис. 3, 3–9) (Там же. С. 72). Около правого плеча лежал реальный гар. Другой скелет ориентирован на восток. Ребенка положили в освобожденном для него месте, причем правая рука и ноги оказались поверх костей сдвинутого скелета. Сохранность костей плохая. Уложен на спине, череп отклонен вправо, руки вытянуты вдоль туловища, левая нога отклонена вправо, правая согнута в колене. На груди мелкие стеклянные бусы в несколько рядов. У левой руки — мелкие белые и черные круглые бусы. Подол одежды был обшит более крупными (среднего размера) бусами: бочковидными ребристыми из полупрозрачного стекла (тип 142) (Там же. С. 71) и бирюзовыми ребристыми из глухого стекла с белой полосой по диаметру (тип 148) (рис. 3, 10–15) (Там же. С. 71). Удалось зафиксировать расположение бус и установить, что системы в их чередовании не было: они нашивались то группами из однородных бусин, то группами из разных экземпляров. На правом запястье был трехвитковый пластинчатый бронзовый браслет со змеиной головкой на конце, орнаментированный насечками (рис. 3, 16). Подобные браслеты относятся к группе I–Д, по Э. А. Сымоновичу (Сымонович, 1983. С. 93), и имеют широкую датировку, но на Беляусском некрополе они широко распространены в комплексах II–I вв. до н. э. (Дашевская, 2014. Табл. 33, 7, 10; 100, 4, 9, 10). Наиболее вероятная датировка погребения — II–I вв. до н. э.

Погребение 20 — земляной склеп Т-образной планировки (рис. 3, 17) (Дашевская, 1988. С. 40, 41) — находилось в 12 м к юго-западу от центра кургана. Входной колодец небольшой, округлый в плане, с остатками забутовки из камней небольших и средних размеров. Камера примыкала к входному колодцу с северо-востока.

Вход в камеру был заложен двумя рядами крупных плит, поставленных на ребро. На уровне поверхности большой закладной плиты, на расстоянии 0,50 м к юго-востоку от заклада обнаружена медная херсонесская монета типа коленопреклоненная Дева-грифон, датируемая 320–310 гг. до н. э. (Анохин, 2011. С. 109, № 691–697). Дно погребальной камеры оказалось на 0,50 м ниже dna входной ямы. При раскопках было обнаружено, что камера погребения перерезала погребение эпохи бронзы, опустившись на 0,15 м ниже последнего. В плане камера овальная (2,1 × 1,0 м), довольно узкая для земляного склепа. В камере было два скелета, оба лежали головами на юго-восток в анатомическом порядке, вероятно, это одновременное парное захоронение. Скелет женщины 40–45 лет: левая рука согнута, кисть на животе, правая рука слабо согнута, кисть под тазом. В изголовье — баранья лопатка. У правого колена — лепная мисочка с полусферическим туловом (рис. 3, 19), относящаяся к типу 9а, по В. П. Власову. Аналогичные миски имеют широкую датировку в пределах III в. до н. э. — III в. н. э. (Власов, 1997. С. 250, табл. V, 7). Под левым коленом — глиняное лощеное пряслице с радиальными линиями и ямками, заполненными мелом (рис. 3, 21). Скелет мужчины 35–40 лет: руки вытянуты, ноги слегка отведены вправо из-за узкой камеры. В изголовье лежал небольшой лепной кувшин (рис. 3, 20). Кувшин относится к типу 1, по В. П. Власову, и имеет широкую датировку от V в. до н. э. до раннего Средневековья (Там же. С. 160, табл. IV, 24). Аналогичный кувшин известен в могиле 49 Беляусского некрополя, датируемой концом II в. до н. э. (Дашевская, 1991. Табл. 48, 8; 2014. С. 33, табл. 76, 5). Рядом с кувшином находился железный нож с дуговидной спинкой (рис. 3, 22) — тип, часто встречающийся в позднескифских погребениях (Дашевская, 1991. С. 33). В черепе оказался обломок железной фибулы среднелатенской схемы с треугольно расширенным концом ножки «зарубинецкого» типа — группа 2, подгруппа 2, вариант 3/4 по классификации А. К. Амброза (Амброз, 1966. С. 14–19), или группа 2, серия IV по типологии В. В. Кропотова (Кропотов, 2010. С. 57–59) (рис. 3, 18). От фибулы сохранился только фрагмент корпуса с частью ножки общей длиной 4,7 см (максимальная ширина щитка 1,3 см) и отдельно — элементы иглы и приемника. Подобные фибулы датируются концом II — I в. до н. э. (Там же. С. 58). Вероятно, к этому времени стоит относить и погребение. Наличие монеты эллинистического времени объясняется

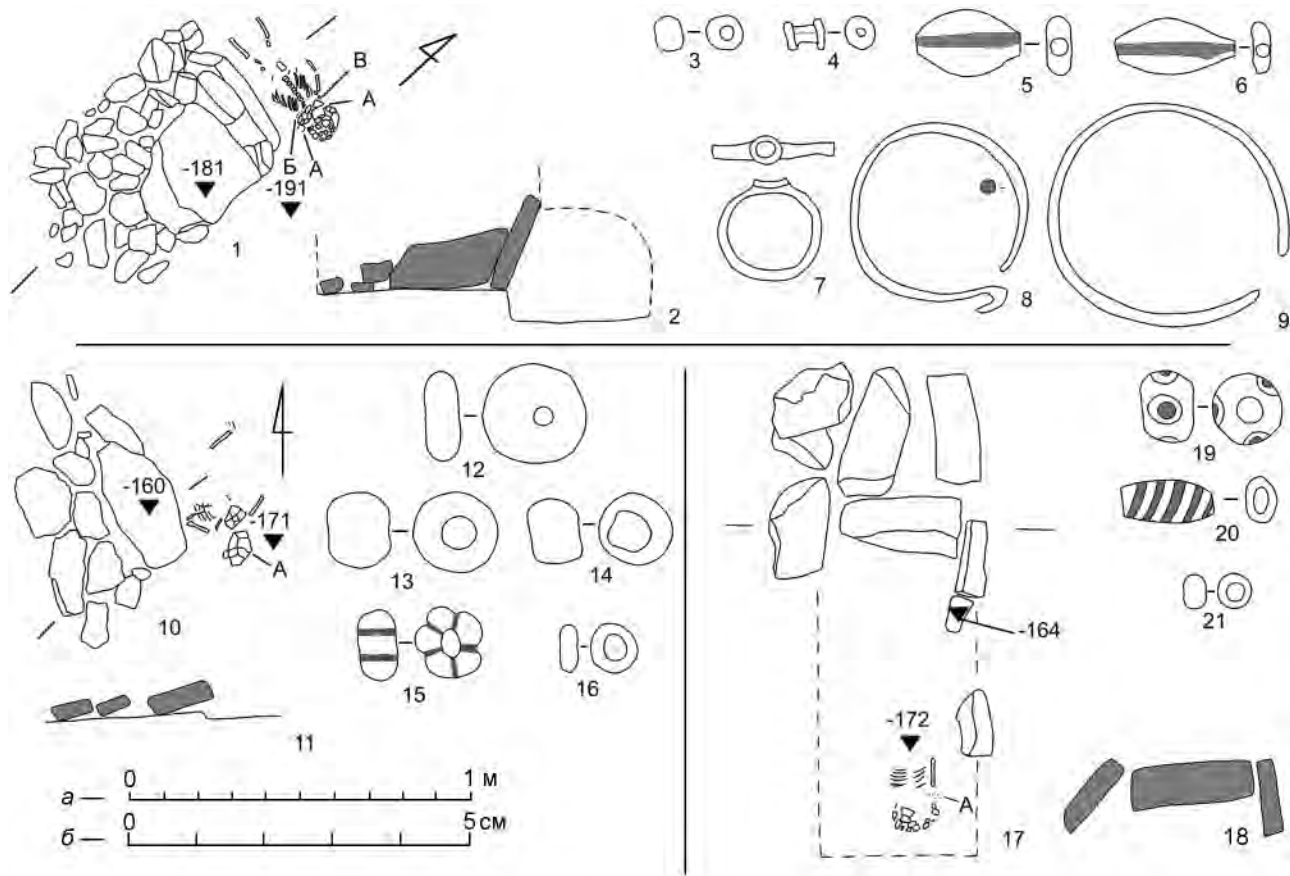

Рис. 4. Беляусский курган, Тарханкут, Северо-Западный Крым: 1-9 — погребение 21 (1 — план (А — серьги, В — бусы; В — перстень); 2 — разрез; 3-6 — бусы; 7 — перстень; 8, 9 — серьги); 10-16 — погребение 22 (10 — план (А — бусы); 11 — разрез; 12-16 — бусы); 17-21 — погребение 24 (17 — план (А — бусы); 18 — разрез; 19-21 — бусы). 3-6, 12, 15, 19-21 — стекло; 7-9 — бронза; 13, 14 — камень. Масштаб: а — для 1, 2, 10, 11, 17, 18; б — для 3-9, 12-16, 19-21

Fig. 4. Belyaush barrow, the Tarkhankut Peninsula, North-Western Crimea: 1-9 — the burial 21 (1 — plan (A — earrings, B — beads; B — ring); 2 — section; 3-6 — beads; 7 — ring; 8, 9 — earrings); 10-16 — the burial 22 (10 — plan (A — beads); 11 — section; 12-16 — beads); 17-21 — the burial 24 (17 — plan (A — beads); 18 — section; 19-21 — beads). 3-6, 12, 15, 19-21 — glass; 7-9 — bronze; 13, 14 — stone. Scale: a — for 1, 2, 10, 11, 17, 18; b — for 3-9, 12-16, 19-21

присутствием в кургане более ранних скифских погребений.

Погребение 21 — подбойная могила (рис. 4, 1, 2) (Дашевская, 1988. С. 41, 42). Находилось в 13,7 м к юго-западу от центра кургана. Входная яма круглая в плане, диаметром 0,55 м. Забутовка состояла из мелких и средних камней и одного крупного камня. Подбой находился с северо-восточной стороны. Его дно было почти на одном уровне с дном входной ямы. Подбой ориентирован по оси северо-запад-юго-восток. Границы его не прослеживаются. Размеры подбоя 0,6 × 0,3 м. В подбое был погребен ребенок, уложенный головой на юго-восток в вытянутом положении на спине. Сохранность костей плохая. По обе стороны черепа оказались фрагментированные бронзовые серьги с обломанной петлей и крючком на конце из тон-

кой проволоки (рис. 4, 8, 9). Такие серьги обычно датируют I-III вв. н. э. (Дашевская, 1991. С. 37, 38, табл. 67, 4; Высотская, 1994. С. 107; Пуздровский, 2007. Рис. 126, 17). В Северо-Западном Крыму подобные серьги встречаются в комплексах I в. н. э. (Внуков, Лагутин, 2001. Рис. 5, 22, 210; Дашевская, 2014. Табл. 110, 4-6; 112, 7, 8; 124, 5; 130, 2; 142, 2; 148, 2; 150, 4; Ланцов и др., 2015. Рис. 28, 9). На шее были бусы овально-ромбические из желтого прозрачного стекла (тип 171) (Алексеева, 1978. С. 73), глобоидальные из синего стекла (тип 82) (Там же. С. 68) и мелкие круглые (тип 2) (Там же. С. 63) (рис. 4, 3-6). Все перечисленные типы бус имеют широкие датировки. Среди бус найден бронзовый перстень с гнездом для вставки, игравший роль подвески (рис. 4, 7). Подобные перстни относятся ко 2-й группе, тип 1.2, по А. А. Труфанову,

и обычно встречаются в комплексах I–III вв. н. э. (Труфанов, 2022. С. 128, 129). Погребение можно датировать первой половиной I в. н. э.

Погребение 22 — подбойная могила (рис. 4, 10, 11) (Дашевская, 1988. С. 41). Находилась в 12,20 м к западу–юго-западу от центра кургана. Выявлена нижняя часть входной ямы, ориентированной на северо-запад–юго-восток. Она определяется по сохранившемуся здесь закладу с нижним рядом забутовки из камней среднего размера. Размеры закладной плиты 0,40 × 0,20–0,05 м, она наклонена в сторону подбоя (к северо-востоку). Дно подбоя не углублено относительно входной ямы. Ребенок был уложен головой на юго-восток, на спине. Сохранность костей плохая, анатомический порядок нарушен. На шее несколько бусин (две стеклянные и одна бочковидная ребристая из темного стекла (тип 142), датируемые рубежом эр (Алексеева, 1978. С. 40)) и две каменные подвески с естественными отверстиями (рис. 4, 12–16). Датировать погребение можно в пределах I в. до н. э. — I в. н. э.

Погребение 24 — грунтовая яма с каменной обкладкой (рис. 4, 17, 18) (Дашевская, 1988. С. 43). Расположено в 13 м к северо-востоку от центра кургана. Обнаружена нижняя часть ямы (площадью 1,4 × 0,6 м) с полуразрушенной обкладкой из средней величины камней, стоявших ребром в северной части могилы, ориентированной меридионально. Детский скелет плохой сохранности лежал головой на юг, на спине. Череп раздавлен, сохранились правая плечевая кость и ребра. На шее обнаружено шесть стеклянных бусин. Округлые синие бусы, украшенные глазками (тип 33а), имеют широкую датировку в пределах VI в. до н. э. — I в. н. э. (Алексеева, 1975. С. 61, 62). Бочковидные бусы из белого стекла с пятью синими спиральными завитками схожи с типом 2076, но имеют большее количество завитков. Датируются они в пределах II–I вв. до н. э. (Алексеева, 1978. С. 44). Аналогии из Беляусского некрополя относятся к тому же времени (Дашевская, 2014. Табл. 40, 19; 77, 17). Бесцветные округлые поперечно сжатые бусы (тип 1а) имеют широкую датировку от эпохи эллинизма до первых веков нашей эры. (Алексеева, 1978. С. 29) (рис. 4, 19–21). Погребение датируется I в. до н. э. — I в. н. э.

Погребение 26 — подбойная могила (рис. 5, 1, 2) (Дашевская, 1988. С. 44, 45). Находится на расстоянии 13,7 м к западу от центра кургана. Ориентация входной ямы и подбоя — северо-восток–юго-запад. Прослежен заклад из камней, стоявших в два ряда с наклоном в сторону подбоя. Подбой узкий, овальный (1,60 × 0,45 м). Скелет женщи-

ны 30–35 лет лежал головой на северо-восток, в вытянутом положении на спине. Череп расположен лицом вправо, что объясняется узким подбоем. Обе руки согнуты в локтях, правая положена кистью под поясницу. Локтевая и лучевая кости левой руки лежали на позвоночнике выше таза. Ноги вытянуты, голени сближены. Около поясничных позвонков слева — фрагмент неопределенного железного предмета. На запястье правой руки обнаружен железный круглопроволочный браслет с несомкнутыми неутолщенными концами (рис. 5, 3), относящийся к типу I.1а, по Э. А. Сымоновичу (Сымонович, 1983. С. 93), или к типу 10, по В. Н. Корпусовой (Корпусова, 1983. С. 59, рис. 16, 20), или к типу XI, по Т. Н. Высотской (Высотская, 1994. С. 111). Браслеты подбойной формы (в основном бронзовые) широко распространены в позднескифских некрополях и встречаются как в погребениях рубежа II–I вв. до н. э. (Дашевская, Голенцов, 1982. С. 95, рис. 3, 15; Дашевская, 2014. Табл. 11, 17, 20; 14, 21; 64, 18; 83, 15; 104, 18), так и в погребениях III–IV вв. н. э. (Зубарь, 1982. С. 98, 99). Интересно, что на Беляусском некрополе железный браслет аналогичной формы обнаружен лишь однажды: в детском склепе, который О. Д. Дашевская датирует I в. до н. э. (Дашевская, 2014. Табл. 47, 32). Видимо, погребение следует относить к рубежу эр.

Погребение 43 — грунтовая могила с каменной обкладкой (рис. 5, 4, 5) (Дашевская, 1989. С. 33, 34). Находилось на восточной границе курганной насыпи, на расстоянии 17 м к востоку от центра кургана. Вероятно, в позднескифское время край насыпи был значительно ниже, чем в эпоху бронзы. Описываемое погребение входит в группу позднескифских погребений, зафиксированную к востоку за пределами насыпи. Все эти погребения выявлены по выступающим камням. Могила ориентирована широтно и представляет собой узкую прямоугольную яму, обложенную со всех сторон крупными каменными плитами, поставленными на ребро (своего рода каменный ящик). Нижняя часть ямы углублена в материк на 0,15 м. Размеры ямы по внешнему периметру плит — 1,90 × 0,68 м, по внутреннему — 1,75 × 0,50 м; глубина прослежена на 0,40 м. Короткие стенки образованы каждая одной орфостатной плитой: северная и южная состоят каждая из трех больших плит, на северо-восточном и юго-восточном углах добавлено по одному небольшому камню, благодаря чему углы приобрели округлую форму. Поверх орфостатных плит были уложены небольшие камни плашмя. Сохранился один ряд такой

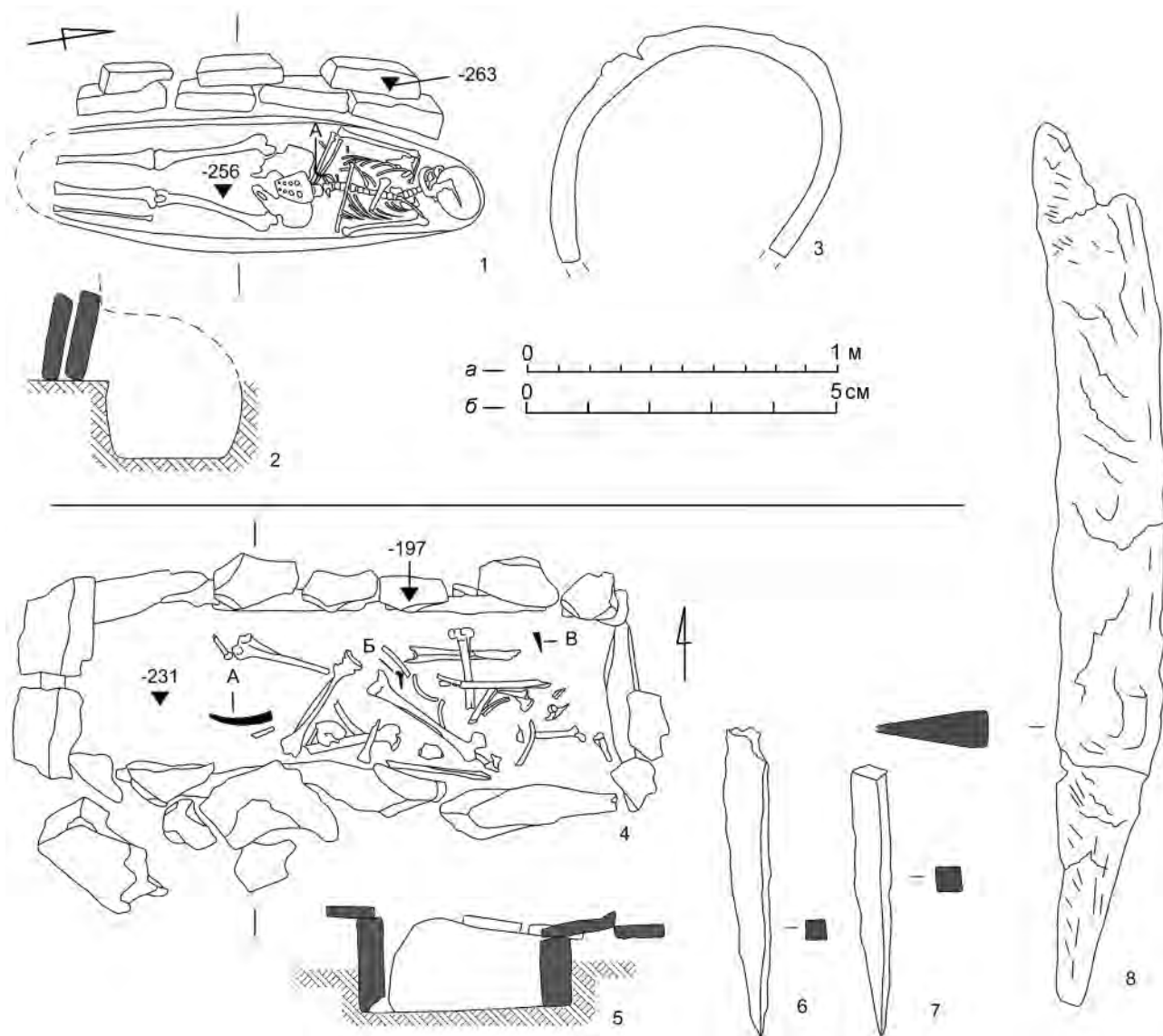

Рис. 5. Беляуский курган, Тарханкут, Северо-Западный Крым: 1-3 — погребение 26 (1 — план (А — браслет); 2 — разрез; 3 — браслет); 4-8 — погребение 43 (4 — план (А — нож; Б, В — шилья); 5 — разрез; 6, 7 — шилья; 8 — нож). 3, 6-8 — железо. Масштаб: а — для 1, 2, 4, 5; б — для 3, 6-8

Fig. 5. Belyaus barrow, the Tarkhankut Peninsula, North-Western Crimea: 1-3 — the burial 26 (1 — plan (A — bracelet); 2 — cut; 3 — bracelet); 4-8 — the burial 43 (4 — plan (A — knife; B, B — awls); 5 — cut; 6, 7 — awls; 8 — knife). 3, 6-8 — iron. Scale: a — for 1, 2, 4, 5; b — for 3, 6-8

кладки почти по всей северной стенке. Кости обнаружены в беспорядке, череп отсутствовал (вероятно, был извлечен при ограблении). К юго-западу от середины могилы обнаружен железный нож с дуговидной спинкой (рис. 5, 8). В центральной части и в северо-восточном углу — два железных шила квадратного сечения (рис. 5, 6, 7). Аналогичные предметы найдены в одном из склепов Беляусского некрополя, который датируется I в. н. э. (Дашевская, 2014. Табл. 123, 3, 5, 6). Погребение можно датировать I в. до н. э. — I в. н. э.

Погребение 44 — грунтовая яма с каменной обкладкой (рис. 6, 1, 2) (Дашевская, 1989. С. 34, 35). Находилась рядом с погребением 43, в пределах восточного края насыпи кургана. Могила ориентирована по оси юго-запад-северо-восток и своей юго-восточной стенкой примыкает к северо-западному углу могилы 43. Стратиграфически они близки, дно могилы почти доходит до материка. Она также являлась прямоугольной ямой, но от могилы 43 отличается тем, что каменная обкладка сделана только с длинных сторон и

выполнена из небольших плоских камней на глиняном растворе. Зафиксировано четыре ряда кладки. Средняя толщина кладки 0,30 м на каждой стенке. Погребение не потревожено. Скелет мужчины 30–40 лет лежал головой на юго-запад в вытянутом положении на спине. Руки — вдоль туловища, при этом левая рука отведена от туловища в сторону, и кисть ее сжата в кулак, правая рука прижата к туловищу, ее запястье — под тазом. На шее мелкие бусы из синего стекла. Самое большое количество экземпляров (17) было представлено мелкими бусами из синего стекла (тип 15). Их датировка широкая, но, по мнению Е. А. Алексеевой, пик их распространенности приходится на I–II вв. н. э. (Алексеева, 1978. С. 64, 65). Одна бусина была из синего стекла яйцевидной формы с орнаментом из белых полосок (тип 192а). Они характерны для комплексов III в. до н. э., однако встречаются и в I–II вв. н. э. (Алексеева, 1978. С. 43; Столярова, 2021. Рис. 4, 2). Там же находились две костяные бусины (тип 1), датируемые в широком диапазоне VI в. до н. э. — III в. н. э. (рис. 6, 3–9) (Алексеева, 1982. С. 31). На указательном пальце правой руки находился крупный железный перстень (рис. 6, 11). Аналогии ему хорошо известны в Беляуском некрополе (Дашевская, 2014. Табл. 38, 5; 47, 25; 64, 13; 69, 3; 86, 6), причем все перстни встречены в склепах II–I вв. до н. э. Подобные перстни относятся к группе 5, типу 4.1, по А. А. Труфанову, и датируются концом II в. до н. э. — началом I в. н. э. (Труфанов, 2022. С. 145). В насыпи найдена костяная пластинка в виде диска с отверстием в центре (рис. 6, 10). Вероятно, погребение следует датировать рубежом I в. до н. э. — I в. н. э.

Позднескифские погребения за пределами насыпи Беляусского кургана

Погребение 45 — грунтовая яма, перекрытая плитами (рис. 6, 12) (Дашевская, 1989. С. 35, 36). Находилась за пределами насыпи (расстояние от центра кургана — 32 м к востоку, а от погребения 44 — 4,25 м к востоку). Каменное перекрытие могильной ямы обнаружено на глубине 0,07–0,17 м от современной поверхности. Могильная яма в плане бочонкообразная (площадь 1,67 × 0,58 м): длинные стенки несколько дуговидны, а короткие — прямые. Могила ориентирована по оси юго-запад–северо-восток и перекрыта лежащими поперек четырьмя крупными плитами. В могиле были похоронены два человека (оба с ориентировкой на северо-восток). Скелет мужчины 35–45 лет лежал ближе к стенке могилы,

но не был сдвинут, что свидетельствует об одновременности парного захоронения. Он был уложен вытянуто на спине, руки вдоль туловища, едва согнуты в локтях, кисти прижаты к бокам таза, правая кисть отсутствует, ноги вытянуты. На правом плече лежал железный нож с дуговидной спинкой и двумя заклепками (рис. 6, 16). Вместо правой кисти — железное шило, круглое в сечении (рис. 6, 14). На тазовых костях — смятая свинцовая пластинка и кусок мела (рис. 6, 13). Скелет ребенка с молочными зубами плохой сохранности лежал справа от взрослого, головой на правом плече последнего. Он был уложен на левом боку, руки согнуты в локтях и прижаты к груди. Под черепом — кость лошади. Около черепа ребенка на груди взрослого находился лепной горшок (рис. 6, 15), обращенный устьем к ребенку (видимо, относящийся к нему же). Подобные горшки относятся к типу 16А, по В. П. Власову, и датируются широко в пределах III в. до н. э. — I в. н. э. (Власов, 1997. С. 228, 229, табл. II, 8). Аналогия данному горшку известна на Южно-Донузлавском городище (Дашевская, 1991. Табл. 17, 7). Материалы позволяют датировать погребение I в. до н. э. — I в. н. э.

Погребение 46 — земляной склеп (Дашевская, 1989. С. 36). Обнаружено за пределами насыпи, в 1,7 м к северу от погребения 44. Входная яма почти не сохранилась, а камера углублена в материк. От заклада на уровне дна входной ямы сохранились четыре камня. Общее направление заклада широтное. Камера примыкала с запада. В плане она имела форму широкого овала (площадью 1,05 × 0,75 м), ориентированного перпендикулярно направлению входной ямы. Скелета и погребального инвентаря не обнаружено. Судя по расположению погребения в непосредственной близости к погребению 44, время ее сооружения можно отнести к I в. до н. э. — I в. н. э.

Погребение 47 — грунтовая яма, перекрытая плитами (Там же. С. 36, 37). Находилась за пределами кургана. По местоположению и сходству близка погребению 45, от которого отстоит на 3,5 м к югу. Камни перекрытия лежали на слое погребенной почвы, яма вырыта в материке. Ориентация могилы меридиональная, с небольшим отклонением юго-запад–северо-восток. Само перекрытие могилы нарушено и деформировано. Погребение разграблено в древности. На дне могилы оказались ноги подростка, смещенные ребра и нижняя челюсть. Инвентаря не обнаружен. Датировка погребения приходится на II в. до н. э. — I в. н. э.

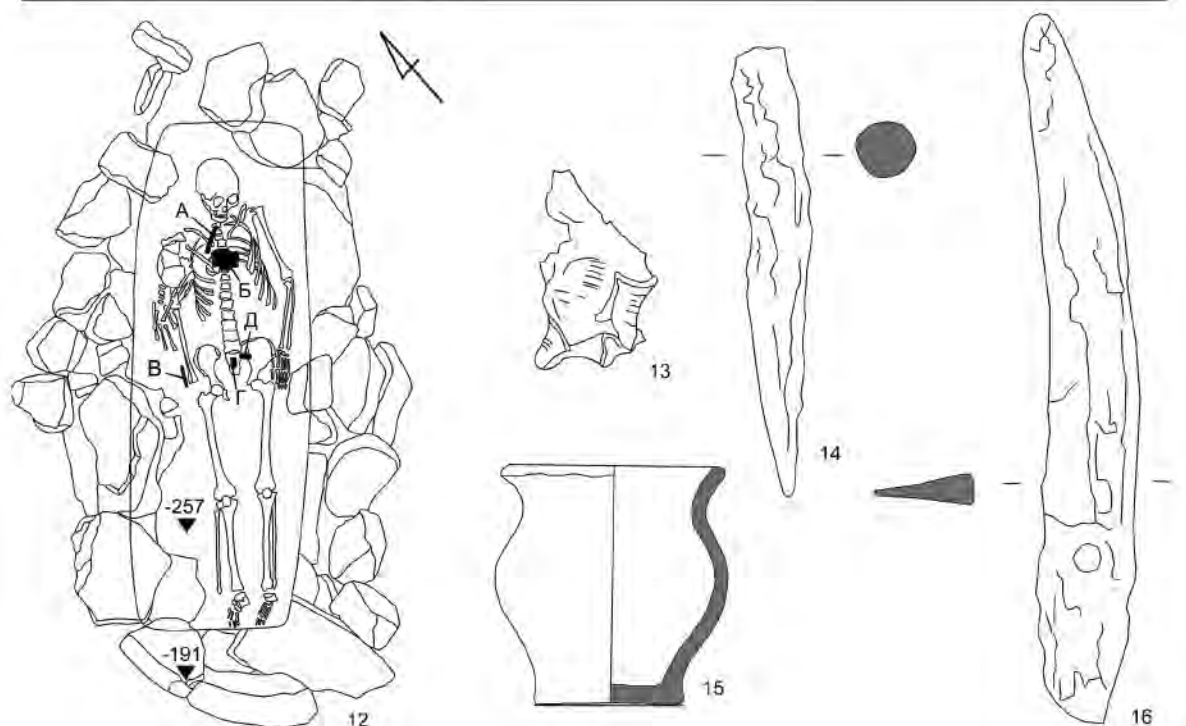
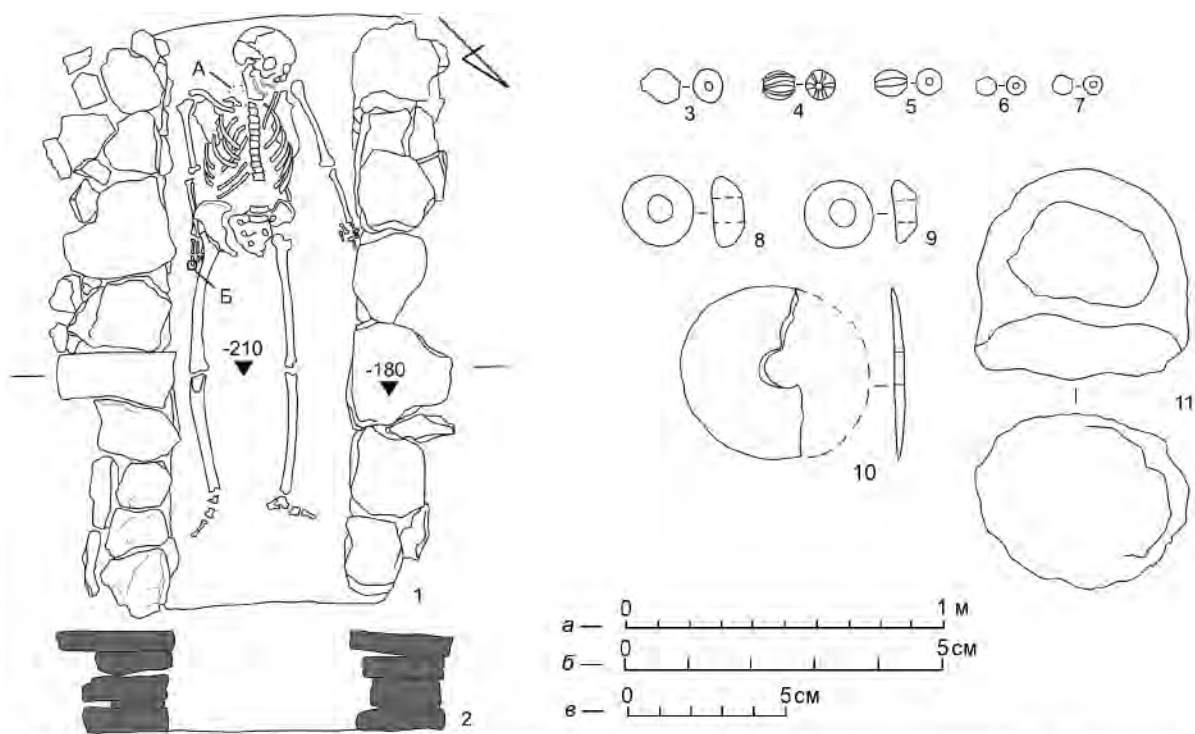

Рис. 6. Беляуский курган, Тарханкут, Северо-Западный Крым: 1-11 — погребение 44 (1 — план (А — бусы, Б — перстень); 2 — разрез; 3-9 — бусы; 10 — пластинка; 11 — перстень); 12-16 — погребение 45 (12 — план (А — нож, Б — горшок, В — шило, Г — пластинка, Д — мел); 13 — смятая пластинка; 14 — шило; 15 — горшок; 16 — нож). 3-9 — стекло; 10 — кость; 11, 14, 16 — железо; 13 — свинец; 15 — обожженная глина. Масштаб: а — для 1, 2, 12; б — для 3-11, 13, 14, 16; в — для 15

Fig. 6. Belyaus barrow, the Tarkhankut Peninsula, North-Western Crimea: 1-11 — the burial 44 (1 — plan (A — beads, B — ring); 2 — cut; 3-9 — beads; 10 — plate; 11 — ring); 12-16 — the burial 45 (12 — plan (A — knife, B — pot, B — awl, Г — plate, Д — chalk); 13 — crumpled plate; 14 — awl; 15 — pot; 16 — knife). 3-9 — glass; 10 — bone; 11, 14, 16 — iron; 13 — lead; 15 — burnt clay. Scale: a — for 1, 2, 12; b — for 3-11, 13, 14, 16; v — for 15

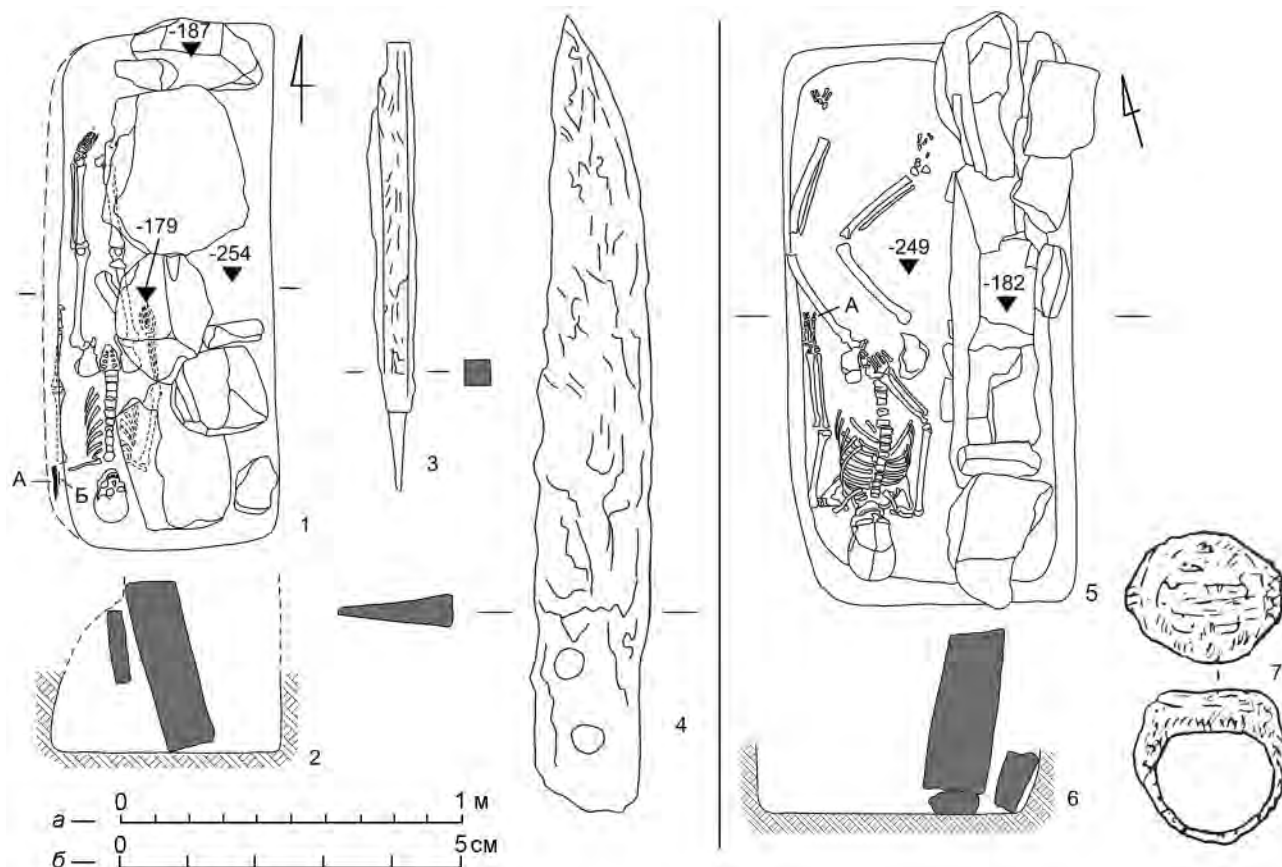

Рис. 7. Беляусский курган, Тарханкут, Северо-Западный Крым: 1–4 — погребение 48 (1 — план (А — нож, Б — шило); 2 — разрез; 3 — шило; 4 — нож); 5–7 — погребение 49 (5 — план (А — перстень); 6 — разрез; 7 — перстень). 3, 4, 7 — железо. Масштаб: а — для 1, 2, 5, 6; б — для 3, 4, 7

Fig. 7. Belyaus barrow, the Tarkhankut Peninsula, North-Western Crimea: 1–4 — the burial 48 (1 — plan (A — knife, B — awl); 2 — cut; 3 — awl; 4 — knife); 5–7 — the burial 49 (5 — plan (A — ring); 6 — cut; 7 — ring). 3, 4, 7 — iron. Scale: a — for 1, 2, 5, 6; б — for 3, 4, 7

Погребение 48 — подбойная могила (рис. 7, 1, 2) (Там же. С. 37). Находилось за пределами восточного края кургана, на расстоянии 3 м к юго-западу от погребения 43. Дно входной ямы и подбоя расположены на одном уровне. Могила подпрямоугольная в плане, длиной 2,28 м и шириной вместе с подбоем 1,03 м, ориентирована меридионально. Подбой сделан во всю длину западной стенки. Высота подбоя — 0,75 м. Скелет принадлежал мужчине 25–30 лет, ориентирован на юг и лежал в вытянутом положении на спине. Под скелетом прослеживаются черно-бурые остатки подстилки. За левым плечом находились железное шило, квадратное в сечении, и железный нож с прямой спинкой, остатками дерева и двумя заклепками (рис. 7, 3, 4). Интересно, что в позднескифских некрополях находки ножей с заклепками довольно редки (Сымонович, 1983. С. 87, табл. XIX, 6; Дашевская, 1991. С. 33; Храпу-

нов, Мульд, 2004. Рис. 8, 43; Пуздровский, Труфанов, 2016. Рис. 111, 7; Труфанов, Стоянова, 2023. Рис. 118, 1). На Беляусском некрополе известен лишь один нож с заклепкой из подбойной могилы 110 (Дашевская, 2014. Табл. 151, 9). Основания для узкого датирования погребения отсутствуют, оно может быть датировано в широких пределах I в. до н. э. — I в. н. э.

Погребение 49 — подбойная могила (рис. 7, 5, 6) (Дашевская, 1989. С. 38, 39). Находилось на расстоянии 1,2 м к юго-востоку от погребения 48 и относится к той же группе. Ориентирована по оси северо-восток–юго-запад. Вероятно, была подбойной, но свод не прослеживался из-за несохранившейся верхней части могилы. Размеры ямы 1,53 × 0,72 м, форма камеры прямоугольная. Погребенная (женщина 20–25 лет) была уложена вдоль западной стенки могилы, головой на юго-запад. Череп стоял вертикально (на груди),

упираясь в южную стенку могилы затылком, левая рука — вдоль туловища, правая — слегка согнута в локте, кисть ее — на тазовых костях. На указательном пальце левой руки находился железный перстень (рис. 7, 7). Он аналогичен перстню из погребения 44. Подобные перстни относятся к группе 5, типу 4.1, по А. А. Труфанову, и датируются концом II в. до н. э. — началом I в. н. э. (Труфанов, 2022. С. 145). Аналогии им имеются в Беляусском могильнике.

Аналогии

В Северо-Западном Крыму немногочисленные аналогичные впускные погребения известны в курганах, примыкающих к позднескифским поселениям. В кургане 1 группы у с. Крыловка известны две небольшие впускные катакомбы, одна из которых датируется I в. до н. э. — I в. н. э., а вторая — более широко, позднескифским временем (Колтухов, 2012. С. 55, 56). Отметим, что курганная группа у с. Крыловка находится в непосредственной близости к существовавшему в позднескифское время Южно-Донузлавскому городищу, некрополь которого на данный момент не выявлен (см.: Дашевская, 1972. С. 69).

Еще одной близкой аналогией являются впускные погребения Кульчукского кургана-кенотафа. В восточных полах кургана находилось пять впускных захоронений в грунтовых ямах, четыре из которых, вероятно, имели обкладку из каменных плит. Погребения датируются концом II — I в. до н. э. (Дашевская, Голенцов, 1982. С. 94, 95), А. Е. Пуздровский относил их к I в. до н. э. — I в. н. э. (Пуздровский, 2007. С. 17).

Впускные захоронения в более ранние курганы встречаются и в курганном некрополе Калос Лимена. Они известны в курганах 4 и 8 (Кутайсов, 2011. С. 14, 15, 36–38). Столь небольшое их количество объясняется тем, что позднескифское население Калос Лимена преимущественно вторично использовало греческие плитовые могилы или сырцовые склепы (Там же. С. 55).

Выводы и обсуждение

Проведенные в 1987–1988 гг. исследования Беляусского кургана, а именно позднескифских его захоронений, дополнили представления о некрополе Беляуса в позднескифский период его существования, о чем свидетельствует сходство погребальных сооружений.

Хронологические рамки существования Беляусского некрополя определяются исследователями II в. до н. э. — началом третьей четверти

I в. н. э. (Дашевская, 2014. С. 93). Несмотря на небольшое количество хроноиндикаторов в погребениях Беляусского кургана, они не противоречат этой датировке.

Не вызывает сомнений принадлежность рассмотренных погребений к Беляусскому городищу. В первом полевом отчете О. Д. Дашевская предполагала, что погребения кургана могли принадлежать жителям поселений Беляус Восточное или «Трактир», которые находятся в 150 и 250 м к юго-востоку от кургана. Однако следует отметить, что проведенные на памятниках раскопки и разведки демонстрируют наличие материалов IV–III вв. до н. э. и отсутствие таковых позднескифского времени (Дашевская, 1965. С. 152; Дашевская, 1981. С. 243; Коршун, 2024). Таким образом, единственным позднескифским городищем вблизи кургана является Беляусское городище.

Позднескифские погребения в полах кургана были расположены тремя группами: южной, западной и восточной. К южной группе относится погребение 4; западную группу составляют погребения 1, 20–22, 26; восточную — погребения 19, 24, 43–49. Не исключено, что последняя представляет собой начало позднескифского грунтового могильника, находящегося к востоку от курганной насыпи. Часть захоронений находилась за пределами насыпи (погребения 45–48). Интересно, что могилы восточной группы по конструкции погребальных сооружений не одинаковы, а группируются попарно по трем типам, при этом пары соседствуют друг с другом. Эти погребения разделяются на три разновидности: погребения 43 и 44 — ямы с каменными стенками (в одном случае это кладка), 45 и 47 — ямы с каменными перекрытиями, 48 и 49 — подбой с закладами из плит. Хронологические различия между ними не улавливаются, инвентарь схожий. Однако следует заметить, что в западной и южной группах погребений были выявлены другие типы погребальных сооружений: подбойные, у которых заклад стоит на дне входной ямы выше дна подбоя (погребения 1, 4, 19, 21, 22, 26), и узкий грунтовый склеп (погребение 20). Вероятно, погребения западной и южной групп являются более ранними — в таком случае можно предполагать последовательное разрастание могильника в восточном направлении, в том числе и за пределы кургана.

Погребальные сооружения в кургане являются типичными для позднескифского населения как Северо-Западного, так Центрального и Юго-Западного Крыма и представлены несколькими типами. Наиболее распространенным типом

позднескифских погребальных сооружений в кургане и за его пределами являлись *подбойные могилы* (1, 4, 19, 21, 22, 26, 48, 49). В четырех случаях погребенными были дети. Для подбойных могил Северо-Западного Крыма характерно преобладание детских погребений над взрослыми (*Дашевская*, 1984; 1991. С. 25; 2014. С. 82; *Дашевская, Голенцов*, 2004; *Кутайсов*, 2011. С. 59; *Ланцов и др.*, 2014; 2015. С. 161–163; *Ланцов, Неневоля*, 2016. С. 358–361). Подбойные могилы были самой распространенной формой для 93 одиночных могил на Беляусском некрополе (*Дашевская*, 2014. С. 82). Широкое распространение данной формы погребального сооружения у поздних скифов часть исследователей связывает с проникновением на территорию Крымского полуострова сарматского населения во второй половине I — II в. н. э. (*Раевский*, 1971. С. 143–149; *Богданова*, 1982. С. 33; *Храпунов*, 2004. С. 114, 115; *Пуздровский*, 2007. С. 109, 110). У других исследователей связь подбойных могил с сарматским населением вызывает сомнения (*Внуков, Лагутин*, 2001. С. 120; *Дашевская*, 2014. С. 82). На наш взгляд, более убедительной выглядит версия Ю. П. Зайцева о «возникновении данной формы погребального сооружения в процессе эволюции позднескифского погребального обряда в позднеэллинистическое и римское время» (*Зайцев*, 2019. С. 96). В качестве дополнительного аргумента к этой версии стоит отметить, что сосуществование в Беляусском кургане подбойных могил с другими типично позднескифскими формами погребальных сооружений не дает основания относить их к отдельной этнокультурной группе.

Грунтовые ямы из раскопок кургана представлены двумя типами: перекрытые плитами (погребения 45, 47) и с каменной обкладкой стен (погребения 24, 43, 44). Аналогии перекрытым плитами грунтовыми ямам хорошо известны на Беляусском некрополе (*Дашевская*, 2014. Табл. 140; 142). Как и в Беляусском кургане, подобные погребальные сооружения отличаются бедностью инвентаря.

Грунтовые ямы с каменной обкладкой крупными плитами (плитовые) встречаются в позднескифских некрополях Северо-Западного Крыма гораздо реже. Подобные формы погребальных сооружений известны только во впускных могилах 5 и 3 Кульчукского кургана-кенотафа (*Дашевская, Голенцов*, 1982. С. 94, 95). Конструктивно схожие могилы широко распространены в позднескифских грунтовых некрополях Юго-Западного Крыма: на Усть-Альминском некрополе (*Высотская*, 1994. С. 57, 58, рис. 23, 5; *Пуздровский*, 2007. С. 109; *Труфанов*, 2021. С. 207–231), некрополях

Заветное, Скалистое III (*Богданова*, 1982. С. 32), Бельбек IV (*Гущина, Журавлев*, 2016. Табл. 116, 9; *Труфанов, Стоянова*, 2023. Рис. 65; 68), Суворово (*Зайцев, Мордвинцева*, 2003. С. 62), Нейзац (*Стоянова*, 2013. С. 77–85) и некоторых других⁴. На всех перечисленных памятниках они датируются в пределах второй половины I в. н. э. — первой половины III в. н. э.

Отдельно следует отметить конструкцию погребения 44. Оно представляет собой грунтовую яму с каменной обкладкой стен. Однако стены эти обложены не плитами, а кладкой из небольших плоских камней на глиняном растворе. Интересно, что типологически близкие грунтовые ямы с каменными обкладками в Северо-Западном Крыму известны на курганном некрополе у пос. Заозерного (некрополь «Чайки»), где их относят к греческому периоду (*Попова, Воронкова*, 2016. С. 9, рис. 26; 28). Однако стоит обратить внимание на то, что между аналогичными могилами из Заозерного и погребением 44 присутствует значительный хронологический разрыв, что исключает возможность заимствования данной формы погребального сооружения.

Последний тип погребального сооружения, представленный в кургане, — это *грунтовые склепы* (погребения 20 и 46). Среди позднескифских некрополей Крыма именно земляные склепы можно считать основным погребальным сооружением для второй половины II в. до н. э. — первой половины I в. н. э. (*Дашевская*, 1991. С. 24–27; *Пуздровский*, 2007. С. 44–48). На Беляусском некрополе было открыто 58 земляных склепов, в которых в основном совершались многократные захоронения. Погребение 20 Беляусского кургана представляет собой так называемый склеп Т-образной планировки, или склеп III типа, по В. С. Ольховскому (*Ольховский*, 1991. С. 136, табл. II). В данном склепе вместо многократных захоронений присутствует одновременное парное — мужчины и женщины. Вполне вероятно, что это могла быть семейная пара. Интересно, что в самом Беляусском некрополе минимальное количество погребенных в одном грунтовом склепе — три индивида (*Дашевская*, 2014. Табл. 48; 49). Обращает на себя внимание крайне скудный инвентарь склепа, что может говорить о невысоком социальном положении погребен-

⁴ Перечень плитовых могил Юго-Западного и Центрального Крыма представлен в работах А. А. Стояновой (*Стоянова*, 2013. С. 85–88) и А. А. Труфанова (*Труфанов*, 2021. С. 195–207).

ных. Погребение 46, к сожалению, не содержало ни погребенных, ни инвентаря, вероятно, в нем могли находиться полностью истлевшие кости ребенка.

Остается открытым вопрос о причине существования группы погребений, расположенных вдали от основного некрополя. Можно предположить, что периферийное расположение позд-

нескифских погребений кургана объясняется принадлежностью его беднейшим слоям жителей Беляусского городища. Кроме удаленности погребений, об этом также свидетельствует скудность погребального инвентаря. Возможно, эта была группа населения, представители которой по той или иной причине должны были быть захоронены отдельно от остальных.

Алексеева, 1975 — Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1975 (САИ; Вып. Г 1-12). 104 с.

Алексеева, 1978 — Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978 (САИ; Вып. Г 1-12). 109 с.

Алексеева, 1982 — Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982 (САИ; Вып. Г 1-12). 106 с.

Амброз, 1966 — Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. — IV в. н. э.). М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Д 1-30). 111 с.

Анохин, 2011 — Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. Киев: Стилос, 2011. 328 с.

Богданова, 1982 — Богданова Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Отв. ред. Д. Л. Талис. М.: Изд-во ГИМ, 1982 (Труды ГИМ; Вып. 54). С. 31–39.

Власов, 1997 — Власов В. П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь: Таврия, 1997. С. 204–303.

Власов и др., 2016 — Власов В. П., Ланцов С. Б., Смекалов С. Л., Шапцев М. С. Неграбленный позднескифский склеп в Северо-Западном Крыму // АВ. 2016. Вып. 22. С. 108–114.

Внуков, Лагутин, 2001 — Внуков С. Ю., Лагутин А. Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма / Ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001 (Труды ГИМ; Вып. 118). С. 96–121.

Высотская, 1994 — Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия евробизнеса, 1994. 208 с.

Голенцов, 1994 — Голенцов А. С. Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993 гг. // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. / Отв. ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: Таврия, 1994. С. 80–84.

Гущина, Журавлев, 2016 — Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. Ч. 2. М.: Исторический музей, 2016 (Труды ГИМ; Вып. 205). 320 с.

Дашевская, 1965 — Дашевская О. Д. Разведки в Северо-Западном Крыму в 1961–1963 // КСИА. 1965. Вып. 103: Древности Северного Причерноморья. С. 148–152.

Дашевская, 1972 — Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966–1969 гг. // КСИА. 1972. Вып. 130: Античные памятники на территории СССР. С. 62–69.

Дашевская, 1981 — Дашевская О. Д. Исследования Донузлавской экспедиции // АО 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 242–243.

Дашевская, 1984 — Дашевская О. Д. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова и др. М.: Наука, 1984. С. 53–62.

Дашевская, 1988 — Дашевская О. Д. Отчет о работе Донузлавской экспедиции Института археологии АН СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1987 год // НОА ИА РАН. Р-1. Ф. 1. № 12474. 65 с.

Дашевская, 1989 — Дашевская О. Д. Отчет о работе Донузлавской экспедиции Института археологии АН СССР и Евпаторийского краеведческого музея за 1988 год // НОА ИА РАН. Р-1. Ф. 1. № 14056. 39 с.

Дашевская, 1991 — Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991 (САИ; Вып. Д 1-7). 141 с.

Дашевская, 1994а — Дашевская О. Д. О разорении греческих и скифских могил в древности // РА. 1994. № 4. С. 79–84.

Дашевская, 1994б — Дашевская О. Д. Работы в Черноморском районе Крыма // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. / Отв. ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: Таврия, 1994. С. 86–90.

Дашевская, 2014 — Дашевская О. Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Феникс, 2014. 284 с.

Дашевская, Голенцов, 1982 — Дашевская О. Д., Голенцов А. С. Кульчукский курган-кенотаф // КСИА. 1982. Вып. 170: Железный век. С. 90–96.

Дашевская, Голенцов, 2004 — Дашевская О. Д., Голенцов А. С. К 40-летию раскопок городища Беляус. Археология Северо-Западного Крыма // Археология Северо-Западного Крыма: по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «Античный мир и археология», посв. 2500-летию Евпатории (27.08.2023) / Ред. совет: Т. Е. Приднева и др. Симферополь: Центр музейных технологий и этнокультурного туризма, 2004. С. 26–41.

- Зайцев*, 2019 — *Зайцев Ю. П.* Некоторые аспекты «сарматизации» Крыма в раннем железном веке // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Вып. V: Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Салта; Наследие тысячелетий; ИА Крыма, 2019. С. 90–102.
- Зайцев, Мордвинцева*, 2003 — *Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // Материалы по истории и этнографии Таврики. 2003. Вып. X. С. 57–77.
- Зубарь*, 1982 — *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. 146 с.
- Колтухов*, 2012 — *Колтухов С. Г.* Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н. э. (погребальные памятники). Донецк: Донбасс, 2012 (Археологический альманах; № 27). 266 с.
- Корпусова*, 1983 — *Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое. Киев: Наукова думка, 1983. 184 с.
- Коршун*, 2024 — *Коршун К. С.* Поселение «Трактир» в Северо-Западном Крыму // Актуальная археология 7: Материалы междунар. науч. конф. молодых ученых (С.-Петербург, 1–4 апреля 2024 г.) / Отв. ред. А. М. Киселёва. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 204–206.
- Кропотов*, 2010 — *Кропотов В. В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Кутайсов*, 2011 — *Кутайсов В. А.* Курганный некрополь Калос Лимена. Киев: Стилос, 2011. 240 с.
- Ланцов, Неневоля*, 2016 — *Ланцов С. Б., Неневоля И. И.* Открытие некрополя поселения Джан-баба конца эры до Р. X. и начала эры от Р. X. в Северо-Западном Крыму и боспорские параллели в нем // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура: Материалы междунар. круглого стола (С.-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.) / Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: Палаццо, 2016. С. 358–365.
- Ланцов и др.*, 2014 — *Ланцов С. Б., Власов В. П., Смекалов С. Л., Шапцев М. С.* Археологические исследования на некрополе городища Джан-Баба // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2014. [№ 26]. С. 191.
- Ланцов и др.*, 2015 — *Ланцов С. Б., Власов В. П., Смекалов С. Л., Шапцев М. С.* Первые исследования могильника «Марьяинское» (Джан-баба) в Северо-Западном Крыму // История и археология Крыма. 2015. Вып. II. С. 155–178.
- Ольховский*, 1991 — *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
- Попова*, 2012 — *Попова Е. А.* «Коллективные» погребения у п. Заозерное в Северо-Западном Крыму // РА. 2012. № 1. С. 57–68.
- Попова, Воронкова*, 2016 — *Попова Е. А., Воронкова А. А.* Некоторые итоги работ на некрополе у пос. Заозерное в Северо-Западном Крыму в 1969–2015 гг. // Очерки по археологии Северо-Западного Крыма «по материалам городища „Чайка“ и некрополя у поселка Заозерное / Отв. ред. Е. А. Попова. М.: [Ист. фак-т МГУ], 2016. С. 5–41.
- Пуздровский*, 2007 — *Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пуздровский, Труфанов*, 2016 — *Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь: ИП Бровка А. А., 2016. 308 с.
- Раевский*, 1971 — *Раевский Д. С.* Скифы и сарматы в Неаполе // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971 (МИА; № 177). С. 143–151.
- Столярова*, 2021 — *Столярова Е. К.* Бусы некрополя у пос. Заозерное в Северо-Западном Крыму: морфотехнологический анализ и хронология (по материалам раскопок 1979–1985) // Археология евразийских степей. 2021. № 2. С. 301–313.
- Стоянова*, 2013 — *Стоянова А. А.* Плитовые могилы из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Вып. I / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С. 77–92.
- Сымонович*, 1983 — *Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя Скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 173 с.
- Троицкая*, 1951 — *Троицкая Т. Н.* Скифские курганы в Крыму // Известия Крымского отделения Географического общества. Симферополь, 1951. Вып. I. С. 85–112.
- Троицкая*, 1954 — *Троицкая Т. Н.* Скифские погребения в курганах Крыма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 1954. 20 с.
- Труфанов*, 2021 — *Труфанов А. А.* О плитовых могилах Усть-Альминского некрополя // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Вып. VII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Салта, 2021. С. 195–234.
- Труфанов*, 2022 — *Труфанов А. А.* Металлические перстни из варварских погребений Крыма II в. до н. э. — IV в. н. э. // История и археология Крыма. 2022. Вып. XVI. С. 121–197.
- Труфанов, Стоянова*, 2023 — *Труфанов А. А., Стоянова А. А.* Некрополь Бельбек IV (исследования 2021 г.). Симферополь: АРИАЛ, 2023 (Археологические памятники Северного Причерноморья; Вып. 5). 260 с.
- Храпунов*, 2004 — *Храпунов И. Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. 2004. Вып. VI. С. 3–239.
- Храпунов, Мульд*, 2004 — *Храпунов И. Н., Мульд С. А.* Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. XIV. С. 239–269.
- Яценко*, 1978 — *Яценко И. В.* Скифские захоронения I в. н. э. в греческом склепе близ Евпатории // Вестник МГУ. Серия «История». М., 1978. № 6. С. 57–73.

**Late Scythian burials from the excavations of the Belyaus barrow
on the Tarkhankut Peninsula (based on the materials of excavations
by O. D. Dashevskaya, 1987–1988)**

K. S. Korshun⁵

Keywords. North-Western Crimea, Tarkhankut Peninsula, antiquity, late Scythians, Crimean Scythia, funeral rites.

The article is the first to publish 15 Late Scythian burials from the excavations of a Bronze Age barrow located 400 m east of the Belyaus settlement on the southern coast of the Tarkhankut Peninsula. The excavations were carried out in 1987–1988 under the direction of O. D. Dashevskaya. 11 burials were located inside the mound, and 4 ones were outside it. The studied funerary structures in the mound are typical for the late Scythian population of both North-Western and Central / South-Western Crimea: these are slab graves, earth pits with slab ceilings, earth pits with stone lining of the walls and earthen crypts. The burial inventory is represented by a large number of beads, molded vessels, bronze (bracelets, earrings and fibulae) and iron items (rings, knives, awls). According to the burial rites and inventory, the complexes are dated within the late 2nd cen. BC — 1st cen. AD, which testifies to the synchrony between the burials of the barrow and the late Scythian Belyaus burial ground. Judging by the scanty inventory and remoteness of the burials, they could belong to the poorest inhabitants of the Belyaus settlement.

---

⁵ Konstantin S. Korshun — Institute of Archaeology of Crimea Russian Academy of Sciences; Simferopol, Republic of Crimea; Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia; e-mail: kostyakorshun1996@mail.ru.

Подвески-«игольницы» из могильника Фронтное 3 (Юго-Западный Крым)¹

А. Н. Свиридов²

Аннотация. В статье рассматриваются находки так называемых подвесок-игольниц, обнаруженных в ряде погребений могильника римского времени Фронтное 3 (Юго-Западный Крым). Подобные предметы имеют аналогии на памятниках Крыма, Северного Причерноморья, степной зоны Восточной Европы, ряда регионов Центральной Европы. В археологической литературе они имеют разные наименования и различную интерпретацию. На основании материалов некрополя Фронтное 3 выдвигается предположение об их использовании отдельной категорией населения региона совместно с особыми ножами в ножнах как предметов не утилитарного назначения.

Ключевые слова: подвеска-«игольница», Фронтное 3, Юго-Западный Крым, некрополь, римский период.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-125-136

На ряде памятников римского времени Юго-Западного Крыма известны находки так называемых подвесок-игольниц. Серия подобных предметов была обнаружена и на могильнике Фронтное 3, материалы которого дают возможность детально рассмотреть ряд вопросов, связанных с изучением этих изделий. Памятник располагается в Нахимовском районе Севастополя, близ одноименного села, на левом берегу р. Бельбек (рис. 1, 1). В полевом сезоне 2018 г. некрополь был полностью раскопан, выявлено 332 погребальных сооружения. Могильник датируется последними десятилетиями I — началом V в. Общая информация о памятнике опубликована (Гавритухин и др., 2020; Свиридов, Язиков, 2023).

Археологический контекст находок

Подвески-«игольницы» обнаружены в восьми могилах — 6, 33, 38, 62, 75, 106, 184, 257 некрополя Фронтное 3 (рис. 1, 2). За исключением потревоженной могилы 6 эти предметы обнаружены в районе грудной клетки погребенных, всегда

в сопровождении небольшого железного ножа в ножнах с металлическими обкладками, в семи случаях рядом находились фибула с кольцом, надетым на иглу, и ряд других предметов. Остановимся более подробно на каждой находке.

Грунтовая могила с заплечиками 6 (с погребением по обряду ингумации) была открыта в центральной части некрополя. Могила ограблена в древности. На дне расчищены потревоженные скелеты двух мужчин в возрасте 25–35 и 30–39 лет³, анатомический порядок костей которых нарушен. Судя по расположению длинных костей ног и черепов, погребенные были ориентированы головами на юго-восток.

Подвеска-«игольница» (рис. 2, 1) обнаружена в смещенном грунте при снятии костей захороненного, в свою очередь фибула с надетым на ее иглу кольцом и нож в ножнах найдены в месте предполагаемого нахождения левых ребер⁴ (рис. 2, 2–4; 3, 1).

³ Здесь и далее антропологические определения выполнены Н. Г. Свиридовой и М. А. Самородовой в лаборатории контекстуальной археологии ИА РАН.

⁴ В связи с ограниченным объемом статьи в описании всех рассматриваемых погребений будут указаны только подвески-«игольницы» и предметы, расположенные в комплексе рядом с ними. Полное описание погребения, а также планы могил и иллюстрации находок представлены в публикации материалов некрополя (см.: Свиридов, Язиков, 2023; 2024).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00396-П «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур»).

² Институт археологии РАН; Москва, Россия; e-mail: a_sviridov@mail.ru.

© Свиридов А. Н., 2024

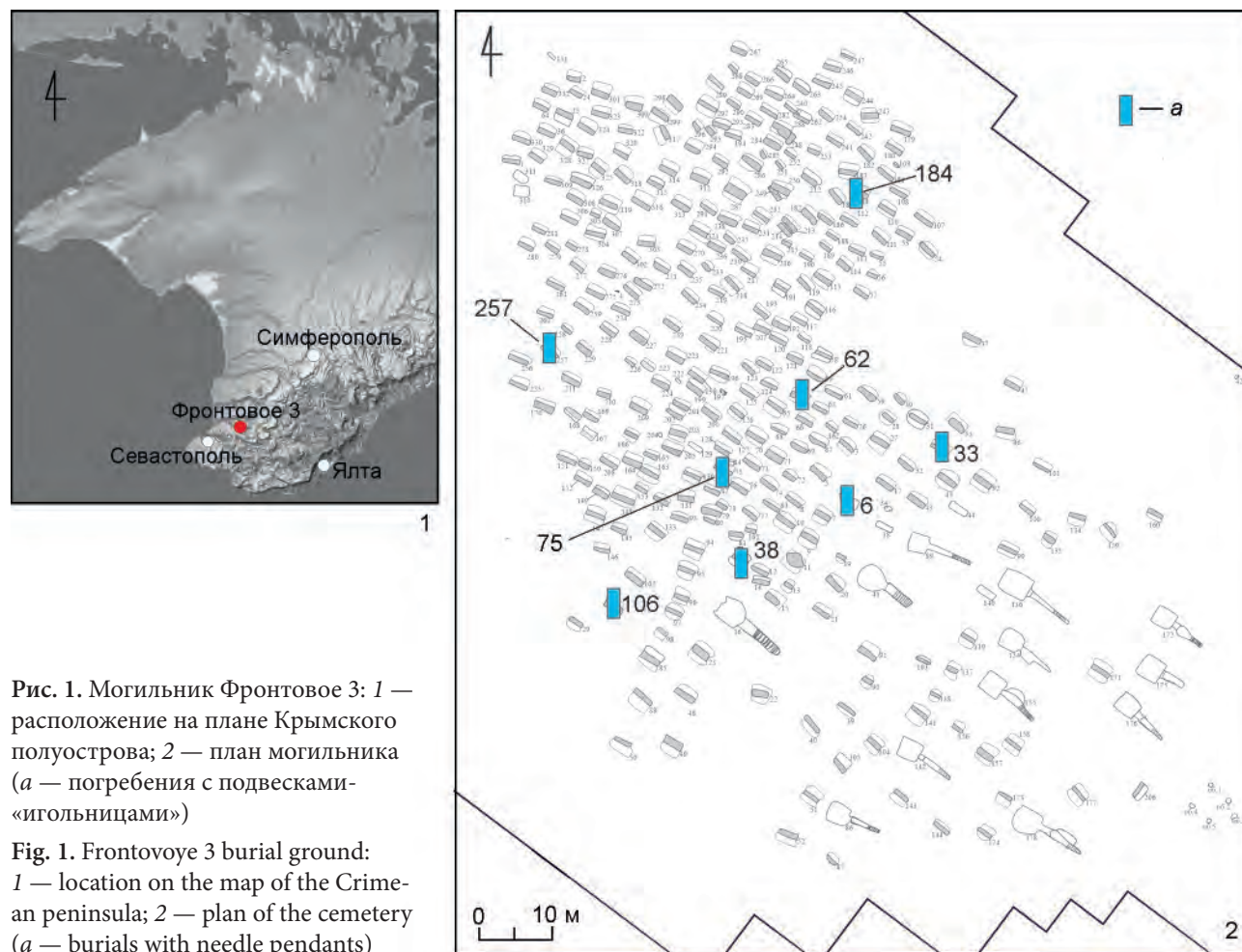

Рис. 1. Могильник Фронтвое 3: 1 — расположение на плане Крымского полуострова; 2 — план могильника (a — погребения с подвесками-«игольницами»)

Fig. 1. Frontovoye 3 burial ground: 1 — location on the map of the Crimean peninsula; 2 — plan of the cemetery (a — burials with needle pendants)

Подвеска-«игольница» серебряная состоит из двух пластин, согнутых полукругом и вставленных одна в другую (рис. 2, 1). В верхней части внешняя пластина раздваивается, оба ее конца загнуты в кольцо, также загнута верхняя часть внутренней пластины. Сквозь загнутые концы обеих пластин пропущено круглое в сечении кольцо. Нижние части пластин загнуты в разные стороны, к ним прикреплены круглые в сечении колечки. Поверхность внешней пластины декорирована точечным давленым изнутри орнаментом. Общая длина изделия 14 см.

Погребение датируется второй половиной III — началом IV в.; *terminus post quem* по монете — III в. (Свиридов, Язиков, 2023. С. 24–26, рис. 34–39).

Подбойная могила 33 (с погребением по обряду ингумации) располагалась в центральной части некрополя. В могиле был захоронен взрослый индивид 35–45 лет (пол не установлен), размещенный вытянуто на спине головой на восток-юго-восток. На левой половине груди находилось

скопление предметов: фибула с надетым на ее иглу кольцом (рис. 2, 13), россыпь бус, обкладки ножен (рис. 2, 8), подвеска-«игольница» и ее отдельные фрагменты (рис. 2, 9–12).

Подвеска-«игольница» сделана из серебра, сохранились две покрытые точечным давленым изнутри орнаментом С-видные в сечении пластины, вставленные одна в другую (рис. 2, 11). Общая длина предмета 9,2 см. Отдельно найдены верхняя часть игольницы в виде кольца из проволоки, концы которой перевиты между собой (рис. 2, 10), а также две детали, вероятно, от нижней части игольницы, представляющие собой фрагменты самих пластин с прикрепленными к ним подвесками, завершающимися парой спиральных завитков (рис. 2, 9, 12).

Погребение датируется серединой III — началом IV в. (Там же. С. 54, 55, рис. 114–116).

Двухподбойная могила 38 (с погребениями по обряду ингумации) располагалась в центральной части некрополя. В южном подбое в деревянной колоде (?) — погребение взрослого индивида

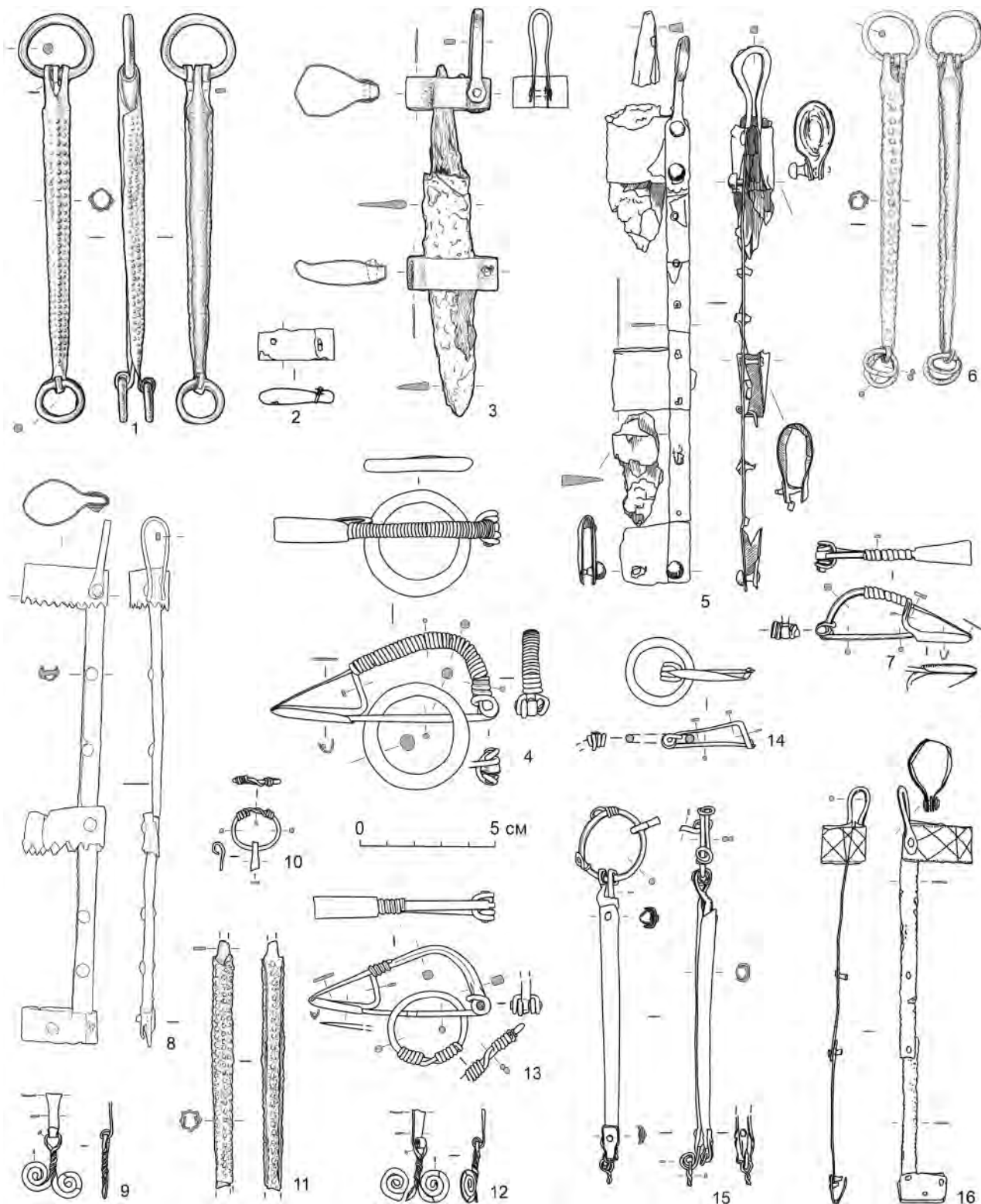

Рис. 2. Могильник Фронтвое 3: 1, 6, 9-12, 15 — подвеска-«игольница»; 2 — обойма; 3, 5 — нож в ножнах; 4, 13, 14 — фибула с кольцом на игле; 7 — фибула; 8, 16 — ножны (1-4 — мог. 6; 5-7 — мог. 38; 8-13 — мог. 33; 14-16 — мог. 62). 1, 2, 4, 7-12 — серебро; 3, 5 — железо, серебро; 6 — медь; 13 — серебро, бронза; 14-16 — бронза
 Fig. 2. Frontovoye 3 burial ground: 1, 6, 9-12, 15 — pendant-needle holder; 2 — clip; 3, 5 — knife in scabbard; 4, 13, 14 — fibula with a ring on the needle; 7 — fibula; 8, 16 — scabbard (1-4 — grave 6; 5-7 — grave 38; 8-13 — grave 33; 14-16 — grave 62). 1, 2, 4, 7-12 — silver; 3, 5 — iron, silver; 6 — copper; 13 — silver, bronze; 14-16 — bronze

(пол и возраст не установлены), лежавшего вытянуто на спине, головой на восток-юго-восток. В районе шеи расчищено скопление предметов: бусина, нож в ножнах (рис. 2, 5), перстень, монета и скопление бус. С левой стороны ребер обнаружена подвеска-«игольница» (рис. 2, 6), под ней бусина, рядом с ними фибула (рис. 2, 7), а в 10 см к западу от них лежало пряслице.

Подвеска-«игольница» медная⁵, состоящая из двух пластин, согнутых полукругом и вставленных одна в другую. Поверхность внешней покрыта точечным давленым изнутри орнаментом (рис. 2, 6). В верхней части внешняя пластина раздваивается, ее концы, а также верхняя часть внутренней пластины загнуты в кольца. Сквозь загнутые концы обеих пластин пропущено круглое в сечении кольцо. Нижние части пластин отогнуты в разные стороны, к ним прикреплены круглые в сечении колечки. Общая длина изделия 13,8 см.

Погребение датируется временем около третьей четверти III в.; *terminus post quem* по монете — 268 г. (Там же. С. 58–60, рис. 125–128).

Подбойная могила 62 (с погребением по обряду кремации) располагалась в центральной части некрополя. В восточной части подбоя зафиксировано овальное скопление (размером 0,4 × 0,2 м) кремированных костей человека старше 25 лет (пол не определен). Поверх кремации в восточной-юго-восточной части скопления располагалась фибула с надетым на иглу кольцом (рис. 2, 14), в 5 см к западу от нее зафиксированы обкладка ножен и подвеска-«игольница» (рис. 2, 15, 16). Предметы, лежавшие на костях, не имели следов термического воздействия (рис. 3, 2).

Подвеска-«игольница» бронзовая, состоящая из двух С-видных в сечении пластин, вставленных одна в другую (рис. 2, 15). В верхней части внешняя пластина сломана, а фрагменты склепаны, чуть выше пластина раздваивается, оба ее конца загнуты в кольцо, также загнута верхняя часть внутренней пластины. Сквозь загнутые концы обеих пластин пропущено кольцо, концы которого перевиты между собой. Нижние части пластин сломаны, а фрагменты склепаны между собой. Конец внешней пластины загнут внутрь, а на получившийся крючок надето колечко. Конец внутренней пластины спиралевидно загнут наружу, на него надето колечко, концы которого

перевиты, образуя стержень. Сохранившаяся длина изделия 12,8 см.

Погребение датируется второй половиной II — первой половиной III в. (вероятнее первая половина III в.) (Там же. С. 80, 81, рис. 190–192).

Подбойная могила 75 (с погребением по обряду ингумации) располагалась в центральной части некрополя. В могиле был захоронен мужчина 30–35 лет, лежавший вытянуто на спине головой на восток-юго-восток. Правая рука вытянута вдоль тела, левая ориентирована по направлению к правому тазобедренному суставу, обе кисти располагались на правой половине таза.

С внешней стороны левой плечевой кости обнаружена фибула с надетым на иглу кольцом (рис. 4, 5, 6). Под ней найдена еще одна фибула (рис. 4, 2). К востоку от фибул расчищены пластинчатые фрагменты ножен, рядом с которыми располагались бусины. К северу от фибул обнаружены детали ножен (рис. 4, 3, 8). Рядом с ними находилась подвеска-«игольница» и ее фрагменты (рис. 4, 1, 4; 5, 1). В 5 см к югу от игольницы зафиксировано зеркало (рис. 4, 7).

Подвеска-«игольница» латунная (сплав CuZnSn) (рис. 4, 1). Состоит из двух С-видных в сечении пластин, вставленных одна в другую. В верхней части внешняя пластина раздваивается, оба ее конца, а также верхняя часть внутренней пластины загнуты в кольцо. Сквозь загнутые концы обеих пластин пропущено кольцо с завязанными концами. Нижние части пластин загнуты в разные стороны, обломаны. С подвеской найдены изделия из проволоки, согнутой в две петли, и спиралевидный завиток (рис. 4, 4), оба бронзовые. Длина игольницы 9,7 см.

Погребение датируется последними десятилетиями II — первой половиной III в. (Там же. С. 98–100, рис. 238–242).

Подбойная могила 106 (с погребениями по обряду ингумации) располагалась в центральной части некрополя. На дне подбоя расчищены два скелета. Первый, женщины 25–35 лет, расположен на спине, головой на восток-юго-восток. Между женским скелетом и каменным закладом, лежа на животе, располагался головой на восток-юго-восток скелет мужчины возрастом 40–49 лет. Руки вытянуты и слегка сведены под туловищем. Весь инвентарь принадлежит только женским останкам.

На левом плече покойной находилась фибула с надетым на иглу кольцом (рис. 4, 9, 11; 5, 2). На костях левого предплечья лежали фрагмент ножа в ножнах (рис. 4, 13), бусы, подвеска-«игольница» (рис. 4, 12) и россыпь из более

⁵ Для ряда предметов методом РФА-анализа И. А. Сапрыкиной был выполнен анализ металла с использованием приборной базы Центра коллективного пользования при ИА РАН (Москва).

Рис. 3. Могильник Фронтвое 3: 1 — могила 6; 2 — могила 62

Fig. 3. Frontovoye 3 burial ground: 1 — grave 6; 2 — grave 62

Рис. 4. Могильник Фронтвое 3: 1, 4, 12, 16, 23 — подвеска-«игольница»; 2, 5, 9, 15, 18, 19, 21 — фибула; 3 — петля; 6, 11, 22 — кольцо; 7, 17 — зеркало; 8 — обойма; 10 — флакон; 13 — нож в ножнах; 14 — подвеска; 20 — ножны (1–8 — могила 75; 9–13 — могила 106; 14–16 — могила 257; 18–23 — могила 184). 1, 4, 6, 8, 22 — латунь; 2, 3, 5, 7, 11, 14–21, 23 — бронза; 9 — серебро, бронза, сердолик; 10, 12 — серебро; 13 — серебро, железо

Fig. 4. Frontovoye 3 burial ground: 1, 4, 12, 16, 23 — pendant-needle holder; 2, 5, 9, 15, 18, 19, 21 — fibula; 3 — loop; 6, 11, 22 — ring; 7, 17 — mirror; 8 — clip; 10 — bottle; 13 — knife in scabbard; 14 — pendant; 20 — scabbard (1–8 — grave 75; 9–13 — grave 106; 14–16 — grave 257; 18–23 — grave 184). 1, 4, 6, 8, 22 — brass; 2, 3, 5–7, 11, 14–21, 23 — bronze; 9 — silver, bronze, carnelian; 10, 12 — silver; 13 — silver, iron

50 заклепок, в том числе фрагментированных. Под ножом найден флакон (рис. 4, 10).

Подвеска-«игольница» серебряная, из двух С-видных в сечении пластин, вставленных одна в другую (рис. 4, 12). В верхней части внешняя пластина раздваивается, оба ее конца, а также верхняя часть внутренней пластины загнуты в колечки, сквозь которые пропущено кольцо. Нижние части пластин загнуты в разные стороны, на них подвешены круглые в сечении колечки. Длина изделия 10 см.

Погребение датируется второй половиной III — первой половиной IV в. (Там же. С. 136, 137, рис. 341–346).

Подбойная могила 184 (с погребениями по обрядам кремации и ингумации) располагалась в северо-восточной части ранней зоны могильника. На дне подбоя расчищены останки двух человек. Скелет взрослого мужчины был представлен скоплением кремированных костей, располагавшихся в центральной части туловища скелета женщины 20–29 лет, похороненной по обряду ингумации.

Кремационные остатки (размеры 0,50 × 0,25 м) ориентированы по линии запад-северо-запад-восток-юго-восток. Женский скелет лежал вытянуто на спине, головой на восток-юго-восток. Правая рука погребенной располагалась вдоль туловища, кисть находилась на тазобедренном суставе; левая рука слегка согнута в локте, кисть перекрывала центральную часть таза.

В области правой половины живота женского скелета обнаружены фибула с надетым на иглу кольцом (рис. 4, 21, 22), под ней еще две фибулы (рис. 4, 18, 19). С северо-востока вплотную к ним располагалось зеркало (рис. 4, 17). На правом предплечье расчищена подвеска-«игольница» (рис. 4, 23), лежавшая в предмете из органического материала, который истлел. К северу от игольницы зафиксированы фрагменты обкладки ножен (рис. 4, 20) и фрагменты двух фибул.

Подвеска-«игольница» бронзовая, состоящая из двух пластин, согнутых полукругом и вставленных одна в другую. Поверхность внешней

стороны покрыта точечным давленым изнутри орнаментом (рис. 4, 23). В верхней части внешняя пластина раздваивается, оба ее конца, а также верхняя часть внутренней пластины загнуты в колечки, сквозь которые пропущено кольцо. Нижние части пластин загнуты в разные стороны и свернуты в колечки. Длина изделия 12,5 см.

Погребение датируется последним десятилетием II — серединой III в. (Свиридов, Языков, 2024. Рис. 211–215).

Подбойная могила 257 (с погребением по обряду ингумации) располагалась в северо-западной части ранней зоны могильника. В могиле захоронен мужчина 25–35 лет, расположенный вытянуто на спине, головой на восток-юго-восток, левая кисть находилась на тазобедренном суставе.

От центральной части груди и до области живота прослеживалось овальное скопление большого количества предметов, включающее фрагменты фибул, фибулу-брошь, фрагменты накладки, подвески (в том числе в виде амфоры и антропоморфные), фрагменты серьги, колокольчики, бусы, ключ, обоймы, фибулу и кольцо, пластины, монету, иглу. Среди описанных предметов была обнаружена подвеска-«игольница» (рис. 4, 16), верхняя отломанная часть которой лежала на фибуле (рис. 4, 15) (была надета на нее?). Сквозь иглу фибулы была продета бронзовая подвеска с двумя перпендикулярными спицами, в одном отверстии которой закреплена петля (рис. 4, 14). Частично под игольницей располагался железный нож с прямой спинкой с остатками кожаных ножен на лезвии.

Подвеска-«игольница» бронзовая, состоящая из двух пластин, согнутых полукругом и вставленных одна в другую (рис. 4, 16). В верхней части внешняя пластина раздваивается, края обломаны. Нижние части обеих пластин загнуты в разные стороны и свернуты в колечки, на одном из них закрученная в спираль проволока. Длина изделия 9,5 см.

Погребение датируется второй четвертью II — серединой III в. (Там же. Рис. 77–84).

Как уже отмечалось, совместно с подвесками-«игольницами» во всех погребениях были обнаружены ножи в ножнах различной сохранности. Ножи небольшие, длиной 12–15 см, имели прямую спинку и остатки фрагментов дерева на рукояти. Ножны различной степени сохранности, включали в себя металлические детали и чехол из органического материала. Во всех случаях (кроме могилы 257) металлические элементы были представлены продольно согнутой пластиной, петлей для подвешивания и тремя обоймами⁶. Металлические детали крепились к органической части заклепками в количестве от 4 до 11. В могиле 62 ножны имеют несколько иную конструкцию. Они состояли из двух клепанных между собой пластин с небольшими врезками по бокам, верхняя обойма имела прочерченный орнамент в виде «косой» сетки (рис. 2, 16). В могиле 75 верхняя обойма декорирована вдавленным изнутри орнаментом из точек (рис. 4, 8). В могиле 33 нижний край из двух верхних обойм был зубчатым (рис. 2, 8).

Аналогии

Подвески-игольницы известны на могильниках Северного Причерноморья, Восточной и Центральной Европы. Подборку аналогий подобным предметам из Украины, Молдавии, Румынии приводит в своей работе И. Н. Храпунов (*Храпунов*, 2002. С. 47, 48). А. В. Гудкова, М. М. Фокеев указывают круг аналогий в Восточной и Центральной Европе (*Гудкова, Фокеев*, 1984. С. 27). В работе А. А. Малышева приводятся данные с территории полуострова Абрау (Аспургиане..., 2008. С. 38, 41, 64–66, 99, рис. 34; 32; 54, 8; 82, 3). Наиболее полно информация о распространении подобных находок на территории от Центральной Европы до Верхнего Подонья собрана в публикации А. Коковски (*Kokowski*, 2003. Abb. 10). Наибольшая концентрация подвесок-игольниц зафиксирована в Юго-Западном Крыму, поэтому на них остановимся более подробно.

Ближайшие аналогии находкам из Фронтального 3 зафиксированы в могильнике Бельбек IV, где они обнаружены в четырех погребениях: две в могилах первой половины II в. (169, 217), две — в захоронениях второй половины II в. (241, 281). В женской могиле 169 игольница найдена вместе с иголкой в районе левой руки (*Гущина, Журавлев*, 2016. С. 155, табл. 108, 8), тогда как в другой жен-

ской могиле 217 она обнаружена на левой руке совместно с зеркалом-подвеской и железным предметом. В этом же погребении в районе левого плеча лежали две бронзовые фибулы (*Там же*. С. 167, табл. 145, 1). В могиле 241 игольница располагалась на груди совместно с зеркалом-подвеской, подвязной фибулой, перстнем и мелкими бляшками. В этом же погребении была найдена бронзовая игла, которая находилась в шкатулке, расположенной в ногах (*Там же*. С. 174, табл. 167, 4). В разрушенной могиле 281 игольница обнаружена среди смещенных костей и инвентаря (*Там же*. С. 184, табл. 192, 4).

В Скалистинском могильнике, в погребениях, датированных I–III вв., известны две игольницы, найденные вероятнее всего в районе пояса (*Богданова и др.*, 1976. С. 136, рис. 5, 14).

По материалам Восточного некрополя Неаполя Скифского находки двух подобных предметов встречены в непогребенных могилах 1 и 56, датированных I–II вв., где они располагались на груди и левой ключице погребенных. Еще один предмет найден в разграбленном земляном склепе-могиле 14, который относится к периоду II–I вв. до н. э. — I в. н. э. (*Сымонович*, 1983. С. 95, 101, табл. XXXVIII, 34–36).

В могильнике Бельбек III игольницы обнаружены не менее чем в двух могилах, при этом в могиле 6 найдено также бронзовое зеркало-подвеска, а в могиле 11 — бронзовый флакон (*Гущина*, 1974. С. 43, рис. IV, 19, 23; V, 14, 15). Известна подвеска-игольница из склепа 1 могильника Чернореченский (*Бабенчиков*, 1963. С. 114, рис. VI, 7). В могильнике «Совхоз-10» зафиксировано несколько плохо сохранившихся предметов, орнаментированных точками вдоль шва (*Стржелецкий и др.*, 2003–2004. С. 145, рис. 24, 16). Один подобный предмет найден в могиле 6, датированной III в., в некрополе Танковое. Здесь игольница обнаружена рядом с зеркальцем у левого локтя женского захоронения, в районе ключиц лежала серебряная фибула с кольцами (*Вдовиченко, Колтухов*, 1994. С. 85, рис. 3, 15). Из Усть-Альминского некрополя происходит серия подобных предметов, представленная не менее чем шестью находками. Они обнаружены в могилах 26, 919, 934 и склепах 734, 830, 859. В грунтовой могиле 934 с каменным перекрытием, содержащей детское погребение, игольница была найдена в районе запястья левой руки. Погребение датируется второй половиной II — началом III в. (*Пуздровский, Труфанов*, 2017а. С. 78, рис. 176, 11). В остальных могилах, датируемых от последней трети I до первой

⁶ В могилах 6, 38, 106 обкладки серебряные, в могиле 62 — латунная (сплав CuZnSn), в могиле 75 обойма латунная (сплав CuZn), а петля бронзовая (сплав CuSn).

Рис. 5. Могильник Фронтвое 3: 1 — могила 75; 2 — могила 106

Fig. 5. Frontovoye 3 burial ground: 1 — grave 75; 2 — grave 106

половины III в., игольницы были обнаружены среди смещенных предметов и костей погребенных (Высотская, 1994. С. 92, табл. 6, 23; Пуздровский, Труфанов, 2017а. С. 9, 30, 67, рис. 14, 18; 71, 2–4; 154, 7; 2017б. С. 8, рис. 4, 24).

Наиболее близкая аналогия комплексу из игольницы и ножа в ножнах была обнаружена в женской могиле 24 некрополя Дружное, где они располагались совместно на костях таза, слева. И. Н. Храпунов, отталкиваясь от небольших размеров лезвия и богатого декора ножа, считает его церемониальным (Храпунов, 2002. С. 46, рис. 110, 1–3).

Обсуждение

Интерпретация подобных изделий различна. В работах 1970–1980-х гг. и более поздних их традиционно обозначали как игольники и определяли в качестве футляров для ношения игл (Богданова и др., 1976. С. 136; Сымонович, 1983. С. 95; Дашевская, 1991. С. 33; Стржелецкий и др., 2003–2004. С. 145). Зачастую при описании инвентаря их рассматривают вместе с иглами. Т. Н. Высотская наличие верхнего кольца объясняет необходимостью крепления к поясу, тогда как нижние кольца, по ее мнению, являются украшениями (Высотская, 1994. С. 92). И. И. Гущина обозначает их как предметы, служащие для подвешивания амулетов, которые могли крепиться за нижние колечки (Гущина, 1974. С. 43). В. П. Бабенчиков обнаруженную в раннем склепе 1 Чернореченского могильника игольницу определял в виде приспособления для развязывания узлов (Бабенчиков, 1963. С. 114). А. В. Гудкова, М. М. Фокеев интерпретировали подобные предметы как застежки-зажимы (Гудкова, Фокеев, 1984. С. 27). А. Е. Пуздровский обозначал такие находки «амулетницами»-«игольниками» (Пуздровский, 2007. Рис. 150). А. А. Труфанов называет их трубчатыми подвесками из двух размыкающихся частей, при этом рассматривает совместно с подвесками и амулетами. Исследователь считает, что их появление относится ко времени 125–150 гг. (Труфанов, 2005–2009. С. 234, рис. 66, 1–5).

Для приведенных выше аналогий из Крыма расположение подвесок-«игольниц» в погребении различно. Они обнаружены в районе шеи, левых ключицы и руки, пояса. По материалам могильника Фронтное 3 было выявлено, что все обнаруженные *in situ* предметы были расположены в районе грудной клетки, в одном случае с правой, во всех остальных — с левой стороны. Совместно с подвесками-«игольницами» всегда находились небольшие железные ножи в ножнах. За исключе-

нием наличия кожаных ножен в могиле 257, все остальные имели петельку для подвешивания. Все подвески-«игольницы» из Фронтного 3 расположены в погребениях так, что их неразмыкающиеся части с одним кольцом направлены в сторону головы погребенного. В шести случаях недалеко от верхнего кольца игольницы и петельки ножен располагались фибулы с продетым кольцом на игле. Их совместное расположение дает возможность предположить, что игольницы и ножи в ножнах подвешивались за счет каких-либо креплений (кожаного ремешка?) к кольцу, закрепленному на фибуле. Ношение подобных крупных наборов в повседневной жизни могло быть проблематичным, так как длина ножа в ножнах в некоторых случаях достигает 20 см. В связи с этим можно выдвинуть две гипотезы: либо они подвешивались на специальную погребальную одежду, либо указанные предметы, скрепленные совместно, помещались поверх тела усопшего. В пользу второй может указывать обнаружение всех трех предметов в той же последовательности — фибула с кольцом, игольница и ножны, расположенные креплениями к фибуле, — в кремационном погребении 62, где они были уложены поверх кальцинированных костей (рис. 3, 2).

Назначение «игольниц», найденных в качестве отдельных предметов, а на могильнике Фронтное 3 и в могиле 24 некрополя Дружное — совместно с ножами в ножнах, однозначно определить затруднительно. Возможно, первоначально, когда подобные предметы только входили в обиход, они действительно могли являться своеобразными футлярами, так как нахождение игл внутри них в единичных случаях известно (Сымонович, 1983. С. 95). Позже, по крайней мере, с конца II и в III в., их назначение меняется. Вероятно, подвески-«игольницы» самостоятельно или совместно с ножами в ножнах являлись определенным маркером отдельной социальной или религиозной группы людей. Подтверждением этому является незначительное количество находок подобных предметов на памятниках региона. Для могильников, на которых изучено более чем 400 могил, таких как Бельбек IV, Усть-Альма, Севастопольский («Совхоз-10»), они не являются массовыми находками. На каждом из перечисленных некрополей открыто не более четырех-шести предметов (по некрополю Усть-Альма мы обладаем неполными данными, но, судя по публикациям, они также не являются часто встречаемыми предметами). Вторым подтверждением не утилитарного, а знакового назначения

«игольниц» является находка в могиле 62 некрополя Фронтное 3. В верхней и нижней частях «игольницы» присутствуют следы ремонта, пластина скреплена заклепками, при этом в нижней части заклепкой зафиксированы обе пластины, что не подразумевает ее открытие и утилитарное употребление, при этом использоваться как символ она может. Дополнительно можно указать на обнаружение бронзовой иглы в могиле 75 Фронтное 3 не в «игольнице», а в районе истлевшей шкатулки за головой погребенной, что еще раз доказывает их неутилитарное значение.

Заключение

Материалы могильника Фронтное 3 позволили вернуться к обсуждению одной из категорий находок, происходящих с погребальных памятников Юго-Западного Крыма, назначение которых до конца не выяснено — так называемых подвесок-игольниц. Размещение их совместно с определенным набором вещей, а также неутилитарное использование могут свидетельствовать о том, что подобные предметы, возможно, являлись маркером определенной социальной или религиозной группы населения.

- Аспургиане..., 2008 — Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К, 2008 (Некрополи Черноморья; Т. II). 302 с.
- Бабенчиков, 1963 — Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ: АН УРСР, 1963. Т. 13. С. 90–122.
- Богданова и др., 1976 — Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое 3 в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121–152.
- Вдовиченко, Колтухов, 1994 — Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма: Сб. науч. трудов БГИКЗ / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 82–88, 325–328.
- Высотская, 1994 — Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 205 с.
- Гавритухин и др., 2020 — Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. 2020. № 2. С. 91–110.
- Гудкова, Фокеев, 1984 — Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1984. 117 с.
- Гущина, 1974 — Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ, 1974. Ч. 1. С. 32–64, 127–145.
- Гущина, Журавлев, 2016 — Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Западном Крыму. В 2 ч. Ч. 1. М.: Исторический музей, 2016. 272 с.
- Дашевская, 1991 — Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991 (САИ; Вып. Д1-7). 144 с.
- Пуздровский, 2007 — Пуздровский А. Е. Крымская Скифия. II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пуздровский, Труфанов, 2017а — Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь: ИП Бровко, 2017. 372 с.
- Пуздровский, Труфанов, 2017б — Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2017. 300 с.
- Свиридов, Язиков, 2023 — Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму. В 3 ч. Ч. 1 / Отв. ред. А. В. Мастыкова, И. О. Гавритухин. М.: ИА РАН, 2023 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 33, ч. 1). 460 с.
- Свиридов, Язиков, 2024 — Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму. В 3 ч. Ч. 2, 3 / Отв. ред. А. В. Мастыкова, И. О. Гавритухин. М.: ИА РАН, 2024 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 33, ч. 2, 3). В печати.
- Стржелецкий и др., 2003–2004 — Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum Plus. 2003–2004. № 4: «Между певкинами и феннами». С. 27–277.
- Сымонович, 1983 — Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 174 с.
- Труфанов, 2005–2009 — Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма в I в. до н. э. — 3 в. н. э. // Stratum plus. 2005–2009. № 4: Полевой дневник: Римское время. С. 117–328.
- Храпунов, 2002 — Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н. э.). Люблин: Ун-т Марии Кюри-Склодовской, 2002. 313 с.
- Kokowski, 2003 — Kokowski A. Zur Geschichte der gotisch-sarmatischen Beziehungen im Licht der Masłomęcz-Gruppe und der Kulturen des Goten-Kreises // Kontakt — Kooperation — Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus: Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12.–16. Februar 1998 / Hrsg. C. v. Carnap-Bornheim. Neumünster: Wachholtz, 2003. S. 275–301.

Pendants-“pincushions” from the Frontovoye 3 burial ground (South-West Crimea)

A. N. Sviridov⁷

Keywords: pendant-“pincushion”, Frontovoye 3, South-West Crimea, necropolis, Roman period.

The Frontovoye 3 burial ground was located in the Nakhimovsky district of Sevastopol, on the left bank of the Belbek River. The site was fully explored in 2018, 332 funerary structures were discovered, most of them belonged to Roman time. The necropolis is dated to the last decades of the 1st — early 5th cen. AD. In eight funerary structures among the set of inventory so-called pendants-“pincushions” were found. These objects were always located in the chest area of female or male burials. They were placed together with small iron knives in scabbards decorated with silver and bronze plates, fibulae with rings, in some cases with other inventory items.

Similar pendants-“pincushions” are known from synchronous sites of the South-Western and Piedmont Crimea (where they were found most of all) and a number of other regions. Researchers have proposed diverse variants of naming and use of such objects. The materials of the Frontovoye 3 burial ground allow us to suggest that they are not utilitarian, and the small number of similar objects from widely studied sites may indicate their use by a small group of the population.

---

⁷ Alexey N. Sviridov — Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; e-mail: a_sviridov@mail.ru.

Усадьба СК-I второй половины IX — первой половины X в. на поселении Вышестеблиевское-16 на Таманском полуострове (по материалам раскопок 2016 г.)¹

Л. Ю. Пономарев, С. Л. Соловьев²

Аннотация. Статья посвящена итогам раскопок одной из пяти усадеб второй половины IX — первой половины X в., раскопанных в 2016 г. на поселении Вышестеблиевское-16 (Таманский полуостров). Все они возведены по единому плану и состояли из двухкамерного дома и примыкающего к нему с юга огороженного двора. Наиболее поздняя находка с усадьбы СК-I представлена фрагментом византийской амфоры второй половины X — XI в. Однако яма, в которой он был обнаружен, могла быть устроена уже после того, как усадьба прекратила функционировать.

Ключевые слова: Таманский полуостров, поселение Вышестеблиевское-16, усадьба, «хазарский» период, салтово-маяцкая керамика.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-137-152

Поселение Вышестеблиевское-16 расположено в 3,50–3,75 км к северо-северо-западу от ст. Вышестеблиевской Темрюкского района Краснодарского края и в 5,4 км к юго-западу от западной окраины пос. Сенной (рис. 1). Обнаружено в 1984 г. разведочным отрядом Таманской экспедиции ИА АН СССР под руководством Я. М. Паромова. На территории поселения, площадь которого была изначально установлена в пределах 3,7 га (250 × 250 м), прослеживались пологие всхолмления аморфных очертаний, выделяющиеся на поверхности светло-желтым грунтом. Предварительно Я. М. Паромов датировал памятник по подъемному материалу IV в. до н. э. — III в. н. э. и X–XIII вв. н. э. (Паромов, 1989. С. 77,

№ 68; 1992. С. 144, № 168). Позднее он включил его в отдельную группу из трех поселений VIII — начала X в. н. э. — Вышестеблиевское-10, 14 и 16, «центром» которой являлось наиболее крупное из них — поселение Вышестеблиевское-10 (Паромов, 2003. С. 162, 166, рис. 9, 181, 186, 188).

В 2008 г. охранные раскопки на нем провел Г. А. Ломтадзе. В 2011 г., по результатам проведенных на поселении Н. И. Сударевым разведок и шурфовок, его площадь была увеличена до 5,73 га. В 2013–2015 гг. экспедициями Южного центра археологических исследований и ОАО «Наследие Кубани» были заложены еще девять шурфов, благодаря которым граница поселения расширилась к югу и юго-востоку, а площадь увеличилась до 15,3 га.

В 2016 г. охранный-спасательные работы на поселении Вышестеблиевское-16 провела Античная новостроечная экспедиция ИИМК РАН совместно с ООО «Артефакт». Работы велись на участке площадью 21 025 кв. м, попавшем в зону строительства автомобильной дороги. В процессе раскопок были выявлены комплексы IV–III вв. до н. э., I–III и VIII–X вв. н. э., в том числе пять усадеб с каменными постройками, 71 хозяйственная яма, два очага и девять грунтовых погребений. Площадь поселения составила 16 га, определена в границах распространения подъемного материала (Соловьев, 2017; Мыц, Соловьев, 2018. С. 97–122).

¹ Соловьев С. Л. выполнил исследование в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (FMZF-2022-0016).

² Пономарев Л. Ю. — Институт археологии Крыма РАН; Симферополь, Республика Крым; e-mail: l_ponomarev@mail.ru. Соловьев С. Л. — Институт истории материальной культуры РАН, Государственный Эрмитаж; С.-Петербург, Россия; e-mail: ssl2610@yandex.ru.
© Пономарев Л. Ю., Соловьев С. Л., 2024

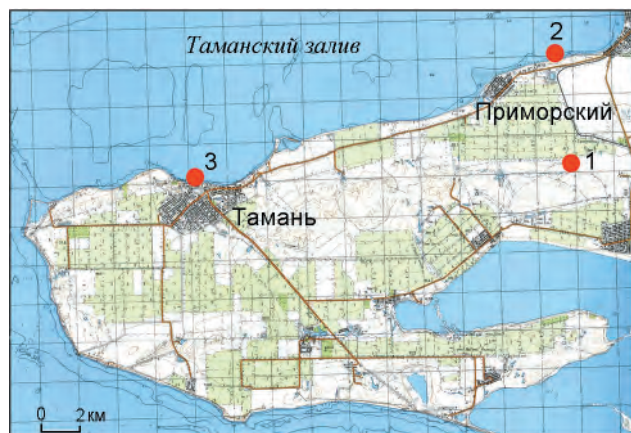

Рис. 1. Юго-западная часть Таманского полуострова (1 — поселение Вышестеблиевское-16; 2 — Фанагория; 3 — Таматарха)

Fig. 1. The south-western part of the Taman Peninsula (1 — Vyshesteblievskoe-16 settlement; 2 — Phanagoria; 3 — Tamarkha)

Мощность изученных напластований в пределах раскопа достигала 1,4 м. Стратиграфическая колонка выглядит следующим образом: под пахотным гумусным слоем толщиной 0,3–0,4 м залегал культурный слой поселения, представленный темно-коричневым суглинком толщиной 0,6 м, который, в свою очередь, перекрывал предматериковый слой светло-коричневого суглинка, сформировавшийся на материковом суглинке с известняковыми включениями, зафиксированном на глубине 1,2–1,4 м. Уровень материка понижался в западном направлении.

В гумусном и культурном слоях обнаружены многочисленные находки античного и средневекового периодов. Керамика VIII–X вв. представлена фрагментами красноглиняных пифосов и «причерноморскими» амфорами вариантов 1 и 2, по А. Л. Якобсону, крымского производства (Якобсон, 1979. С. 29–31); бороздчатыми амфорами, произведенными в малоазийских или средиземноморских центрах (отличающихся от «причерноморских» амфор оттенком и составом формовочной массы); высокогорлыми кувшинами с плоской ручкой; вьючными флягами и ойнохоями «скалинского» («баклинского») типа крымского производства; тарными и кухонными салтово-маяцкими горшками (в том числе с клеймами на дне) и крышками к ним; котлами с внутренними ручками-ушками; мисками; сероглиняными лощеными кувшинами; двуручными корчагами. Были и другие находки: бронзовые украшения и детали ременной гарнитуры, обломки стеклянных рюмок, ротационные жернова и другие бытовые предметы.

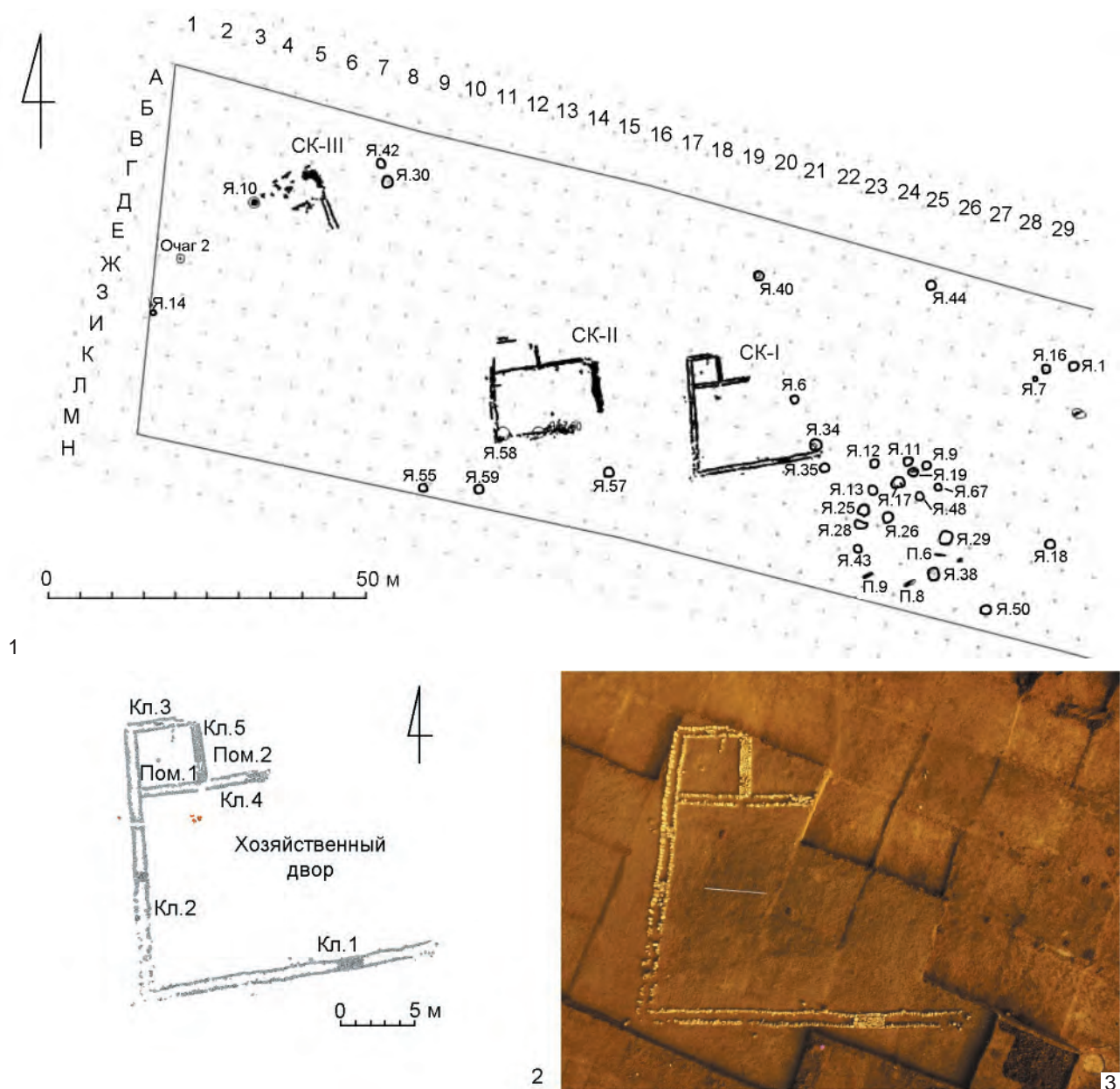
Усадьбы обнаружены в западной и северной частях раскопа. Три из них — СК-I, СК-II и СК-III — составляли западную группу, СК-IV и СК-V — восточную. Расстояние между плохо сохранившейся усадьбой СК-III (крайней с запада) и СК-II достигало 30 м, между хорошо сохранившимися усадьбами СК-II и СК-I — 14 м (рис. 2, 1). Между крайними усадьбами западной и восточной групп СК-I и СК-IV расстояние составляло не более 65 м, между усадьбами СК-IV и СК-V — 32 м.

Усадебные жилищно-хозяйственные комплексы ориентированы по осям в направлении север-северо-запад-юг-юго-восток и запад-юго-запад-восток-северо-восток. Четыре из них, наиболее хорошо сохранившиеся, имеют одинаковую планировочную структуру. В северной их части располагался двухкамерный дом, к югу от него — прямоугольный или трапециевидный в плане двор, огороженный стеной. Усадьба СК-III, от которой уцелела только часть кладок восточного помещения дома и двора, скорее всего, имела такую же планировку (рис. 2, 1).

Усадьба СК-I состояла из прямоугольного или трапециевидного в плане двора, огороженного стеной, к северо-западному углу которого примыкал двухкамерный дом с двумя (жилым и хозяйственным) помещениями (рис. 2, 2). Кладки стен северо-восточной и восточной частей усадьбы были разобраны еще в древности, поэтому размеры дома и двора в направлении запад-юго-запад-восток-северо-восток установить не удалось. В направлении север-северо-запад-юг-юго-восток внешние размеры усадьбы составляли около 21 м (по осям двора и дома) и 16 м (по оси двора), а в направлении запад-юго-запад-восток-северо-восток (по оси двора) — не менее 27 м.

Внутренние размеры двора в направлении север-северо-запад-юг-юго-восток достигали 13 м, а в направлении запад-юго-запад-восток-северо-восток — не менее 26 м. С запада-юго-запада и севера-северо-запада он огражден кладками 2 и 4 толщиной 0,9 и 0,7–0,8 м, служившими также стенами дома с западно-юго-западной и юго-юго-восточной сторон. С юго-юго-востока двор ограничивала кладка 1 толщиной 0,9 м. В кладке 2 в северо-западном углу двора устроен водосток шириной 0,35 м, выводивший дождевую и талую воду за пределы двора (рис. 3, 1, 2)³. Северная его стенка сложена из трех необработанных камней,

³ В западном направлении понижался и уровень материка. Вероятно, в этом же направлении понижалась и дневная поверхность того периода.

Рис. 2. Поселение Вышестеблиевское-16: 1 — западная часть раскопа 2016 г. с усадьбами СК-I, СК-II, СК-III (Я. — яма, П. — погребение); 2, 3 — усадьба СК-I (2 — план, 3 — вид с юга) (Пом. — помещение; Кл. — кладка)
Fig. 2. Settlement Vyshestebliyevskoye-16: 1 — the western part of the 2016 excavation with homesteads СК-I, СК-II, СК-III (Я. — pit, П. — burial); 2, 3 — homestead СК-I (2 — plan, 3 — view from the south) (Пом. — room; Кл. — masonry)

южная — из пяти, часть из них установлена на узкое ребро. В восточной части сохранившегося участка кладки 1 с южной стороны усадьбы устроен входной проем шириной 1,6 м, оформленный в виде порога, вымощенного между панцирными камнями плоскими плитками (рис. 3, 3, 4). Стены сохранились на высоту до 0,20–0,35 м на уровне нижнего ряда камней, уложенных на культурный слой более раннего времени. Кладки трехслой-

ные, двухпанцирные, с сырцово-суглинистым заполнением. Внешние и внутренние фасы сложены в основном из известняковых необработанных камней среднего размера, в большинстве своем уложенных под наклоном до 45°. Помимо известняковых камней в кладке использованы гранитные окатанные валуны, которые могли быть привезены на кораблях в качестве судового балласта в один из портов на восточном берегу Керченского

пролива, скорее всего, в Фанагорию, расположенную ближе всего к поселению⁴.

Внутри двора не было обнаружено следов каких-либо капитальных сооружений или временных облегченных построек (навесов и загоронок из древесно-растительных материалов), включая ямки для опорных столбовых конструкций. Его поверхность представляла собой плотно утрамбованный суглинок. В северо-западном углу двора зафиксирован развал обломков нижней части «причерноморской» амфоры с бороздчатым рифлением. В северо-восточном углу находилась хозяйственная яма 6, а в юго-восточном углу — яма 34. С юго-востока к двору примыкала компактная группа хозяйственных ям⁵.

Прямоугольный в плане дом был вытянут по длинной оси в направлении запад-юго-запад-восток-северо-восток и состоял из двух помещений — западного помещения 1, меньших размеров, и восточного помещения 2 (рис. 2, 2; 3, 6). Помещение 1, квадратное в плане, внутренними размерами 3,6 × 3,6 м, ограничено кладками 2, 3, 4 и 5 (рис. 3, 5). От помещения 2 оно отделено кладкой 5 толщиной 0,7 м (рис. 3, 6). Как и другие кладки, она сохранилась на высоту одного ряда камней, но отличалась характером забутовки. Пространство между ее панцирями было заполнено не только сырцом и суглинком, но и небольшими известняковыми камнями. Как и в других кладках, при ее сооружении использовали гранитные валуны корабельного балласта. Помещение 2 сохранилось частично (рис. 2, 2; 3, 6). Его внутренние размеры в направлении север-северо-запад-юго-юго-восток составляли 3,6 м, а в направлении запад-юго-запад-восток-северо-восток — не менее 4,5 м. В кладке 4, ограничивавшей помещение с юга, был устроен дверной проем, оформленный в виде порога шириной 1,5 м, сложенного из плоских необработанных известняковых камней.

В обоих помещениях не обнаружено отопительных сооружений (печей-«каменок» и очагов), а также других хозяйственно-бытовых приспособлений и сооружений (загородок из плит, зерновых ям и ям для установки пифосов). «Жилая» поверхность в обоих помещениях прослежена в виде одинакового по структуре и плотности утрамбованного суглинка, поэтому определить,

какое из них было жилым, а какое — хозяйственным, не удалось. Можно лишь сослаться на опыт раскопок двухкамерных построек в Крыму, в которых для хозяйственных нужд обычно использовалось помещение больших размеров.

Среди находок из заполнения дома и двора усадьбы, помимо античной керамики (в основном амфор IV–III вв. до н. э.), попавшей в комплекс как примесь «снизу», преобладали фрагменты тарной, столовой и кухонной керамики VIII — первой половины X в. Помимо них найдены немногочисленные предметы быта. Археозоологический материал из СК-I представлен тремя костями лошади, 21 костью коровы, костью козы, двумя костями овцы, тремя костями овцы или козы и 33 неопределенными костями крупных и мелких животных (определение А. К. Каспарова).

В заполнении помещения 1 СК-I обнаружены обломки двух оранжевоглиняных небольших пифосов (рис. 4, 1, 2), 66 фрагментов «причерноморских» амфор с бороздчатым рифлением (рис. 4, 3), фрагментированный, собранный в целую археологическую форму оранжевоглиняный высокогорлый кувшин с плоской ручкой (высота 45,5 см, диаметр дна 12,5 см, диаметр венчика 8 см) (рис. 4, 4), два фрагмента стенок сероглиняных сосудов (кувшинов или двуручных пифосов-корчаг), украшенных полосами лощения, нанесенными в виде косой «сетки» (рис. 4, 5), и 30 фрагментов салтово-маяцких горшков, изготовленных на ручном гончарном круге. Часть их украшена по тулову сплошным или зональным горизонтальным и волнистым рифлением, нанесенным многозубчатым штампом или простым (незубчатым) орнаментом (рис. 4, 6–9, 11–14, 16). Один из горшков можно отнести к разряду тарных. Его венчик диаметром 18 см декорирован вдавлениями, за счет которых приобрел волнообразную форму (рис. 4, 10). Здесь же был найден фрагмент миски диаметром 30 см, изготовленной из такого же теста, что и салтово-маяцкие горшки. Ее тулово украшено одиночной горизонтальной врезной линией, а венчик — «семечковидными» вдавлениями (рис. 4, 15). К числу изделий салтово-маяцкого облика относится небольшой оранжевоглиняный (на изломе сероглиняный) пифос (диаметр венчика около 21 см), украшенный в верхней части тулова врезной «гирляндобразной» волной, заключенной между двух горизонтальных линий. На уровне его шейки и в верхней части тулова видны следы ремонта в виде трех просверленных круглых отверстий (рис. 4, 17). Среди других находок из помещения 1 отметим крышку

⁴ Фанагория находилась на расстоянии около 5 км по прямой линии к северу от поселения, а Таматарха примерно в 21 км к западу.

⁵ Хозяйственные ямы, обнаруженные вне усадеб, будут рассмотрены в отдельной публикации.

Рис. 3. Поселение Вышестеблиевское-16, усадьба СК-I: 1 — вид на двор с запада, на переднем плане водосток в кладке 2; 2 — водосток в кладке 2, вид с севера; 3 — входной проем в кладке 1 двора, вид с юга; 4 — входной проем в кладке 1 двора, вид с запада; 5 — помещение 1 дома, вид с востока; 6 — помещения 1 и 2 дома, вид с запада

Fig. 3. Settlement Vyshesteblievskoe-16, homestead SK-I: 1 — view of the yard from the west, in the foreground — drain in masonry 2; 2 — drain in masonry 2, view from the north; 3 — entrance aperture in masonry 1 of the yard, view from the south; 4 — entrance aperture in masonry 1 of the yard, view from the west; 5 — room 1 of the house, view from the east; 6 — rooms 1 and 2 of the house, view from the west

размерами 3,5 × 3,5 см, изготовленную из стенки «причерноморской» бороздчатой амфоры (рис. 4, 19), и коническое глиняное пряслице высотой 2,0 см и диаметром 3,0 и 1,5 см (рис. 4, 18).

В помещении 2 найдены 26 обломков от не менее чем трех «причерноморских» амфор с бороздчатым рифлением (рис. 4, 21, 22), семь стенок амфор с мелким зональным рифлением и дно высокогорлого кувшина с плоской ручкой.

В пределах двора обнаружен 681 фрагмент «причерноморских» амфор с бороздчатым рифлением, включая нижнюю часть одной из них, найденную в виде компактного скопления в северо-западной части двора (рис. 5, 1–9), два венчика высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 5, 10, 11), обломок венчика ойнохой «скалестинского» («баклинского») типа (рис. 5, 12), фрагмент горла сероглиняного лощеного сосуда, 47 фрагментов салтово-маяцких горшков, часть которых украшена по тулову горизонтальным рифлением (рис. 5, 13–19). На стенке одного из горшков после обжига прочерчены две наклонные полосы (рис. 5, 20). Из других находок отметим крышку, изготовленную из дна античного красноглиняного сосуда диаметром 3,5 см (рис. 5, 21).

В северо-восточном углу двора находилась хозяйственная яма 6, прослеженная на уровне материка. В плане она имела округлую форму, в разрезе — прямоугольную, ее диаметр 1,2 м, сохранилась на глубину 0,3 м (рис. 6, 1а, 1б). Яма заполнена темно-коричневым суглинком. В заполнении помимо античной керамики найдены 16 фрагментов «причерноморских» бороздчатых амфор (рис. 7, 1, 2), 17 фрагментов салтово-маяцких кухонных горшков (рис. 7, 3–6) и кость животного.

В юго-восточном углу, у южной стены двора открыта хозяйственная яма 34, зафиксированная на уровне темно-коричневого суглинистого слоя (рис. 6, 2а, 2б, 3). В плане она имела округлую форму, в разрезе — колоколовидную за счет расширившихся бортов в придонной части. Диаметр ямы на уровне ее прослеженного края — 1,70 м, на уровне дна — 1,86 м, сохранилась она на глубину 0,94 м. На уровне дна в ее юго-западной части зафиксирована еще одна, овальная в плане и сегментовидная в разрезе, яма-подбой размерами 1,0 × 1,1 м и глубиной до 0,15 м. Обе ямы были заполнены темно-серым гумусированным суглинком. В заполнении найдены 30 обломков керамики, в том числе венчик в виде «отложного воротничка» красно-розовоглиняной византийской амфоры с грушевидным туловом (рис. 7, 7), девять стенок «причерноморских» бороздчатых

амфор, венчик сероглиняного лощеного кувшина, семь фрагментов салтово-маяцких горшков (рис. 7, 3–6, 8), а также подставка стеклянной рюмки изумрудно-зеленого оттенка (рис. 7, 9), семь костей животных.

Обнаруженная в заполнении дома и на территории двора усадьбы СК-I керамика позволяет обозначить ее хронологические рамки в пределах второй половины IX — первой половины IX / середины X в. Наиболее поздняя находка с территории усадьбы представлена единственным фрагментом византийской амфоры типа I–III; II, а, b; II–III, по Н. Гюнзенин, с грушевидным туловом и венчиком в виде «отложного воротничка» (*Gunzenin*, 1990. P. 24–28, fig. 11, 13–15), попавшим в заполнение хозяйственной ямы 34 (рис. 7, 7). Относительно центров их производства единого мнения нет, локализуются они в Эгейском бассейне, в окрестностях Nikei и на южном берегу Черного моря, в частности, в Трапезунде. В Крыму они появляются не ранее середины X в., а в комплексах второй половины X — XI / начала XII в. составляют значительную, а порой и преобладающую долю находок амфорной тары (*Мыц*, 1991. С. 87, 88; *Романчук и др.*, 1995. С. 68–70, № 147–149, класс 43; *Майко*, 2012. С. 87–90, рис. 86–90; 2016. С. 20–27, рис. 5–9; 2018. С. 135–137; *Гинькут, Лебединский*, 2018. С. 158, 159). Наиболее поздние экземпляры переходного (к амфорам с высокоподнятыми ручками) типа датируют серединой — второй половиной XII в. (*Майко, Вахонеев*, 2023). На Таманском полуострове «воротничковые» амфоры обнаружены при раскопках прибрежных городищ Таматарха (*Плетнева*, 1963. С. 48, рис. 29; *Чхаидзе*, 2003. С. 48, 49, рис. 2, 3; 2008а. С. 158–161, рис. 87, 88) и Кепы (*Сокольский*, 1963. С. 113, 114, рис. 9; *Чхаидзе*, 2006. С. 493–495, 514, рис. 10, 2–4). В большом количестве (включая 618 фрагментов с граффити) они найдены при раскопках поселения (монастыря?) второй половины X — XI / начала XII в. на горе Зеленской в 6 км к югу от ст. Тамань (*Шишлов и др.*, 2013. С. 153, 158, рис. 3, 1–2; 2014. С. 84, 90, 91, рис. 3; 4, 1, 2). Наиболее многочисленную группу амфорных находок они составляют на поселениях Виноградный-12 и Вышестеблиевское-16а, расположенных в 6,4 и 3,8 км к северо-западу от ст. Вышестеблиевской. На тулово, горло и ручки многих из них были нанесены знаковые и буквенные граффити (*Соловьев*, 2017. С. 199; *Мыц, Соловьев*, 2018. С. 99, 100, 119, рис. 5, 6). Фрагмент «воротничковой» амфоры ранней разновидности найден на поселении Тамань-6 (Суворовское) (*Чхаидзе*, 2008а. С. 315, примеч. 1).

Рис. 4. Поселение Вышестеблиевское-16, усадьба СК-I. Находки из заполнения дома: 1, 2 — пифосы; 3, 20–22 — «причерноморские» амфоры; 4 — высокогорлый кувшин с плоской ручкой; 5 — лощеный сосуд; 6–14, 16 — салтово-маяцкие горшки; 15 — миска; 17 — пифос-корчага; 18 — пряслице; 19 — крышка; 23 — высокогорлый кувшин. Масштаб: а — для 4; б — для 5; в — для 1–3, 6–16, 20–23; г — для 17–19

Fig. 4. Settlement Vyshesteblievskoe-16, farmstead SK-I. Finds from the house filling: 1, 2 — pithos; 3, 20–22 — “Black Sea” amphorae; 4 — high-pitched jug with a flat handle; 5 — glossy vessel; 6–14, 16 — Saltovo-Mayaki pots; 15 — bowl; 17 — pythos-kettle; 18 — spinner; 19 — lid; 23 — high-pitched jug. Scale: a — for 4; b — for 5; v — for 1–3, 6–16, 20–23; g — for 17–19

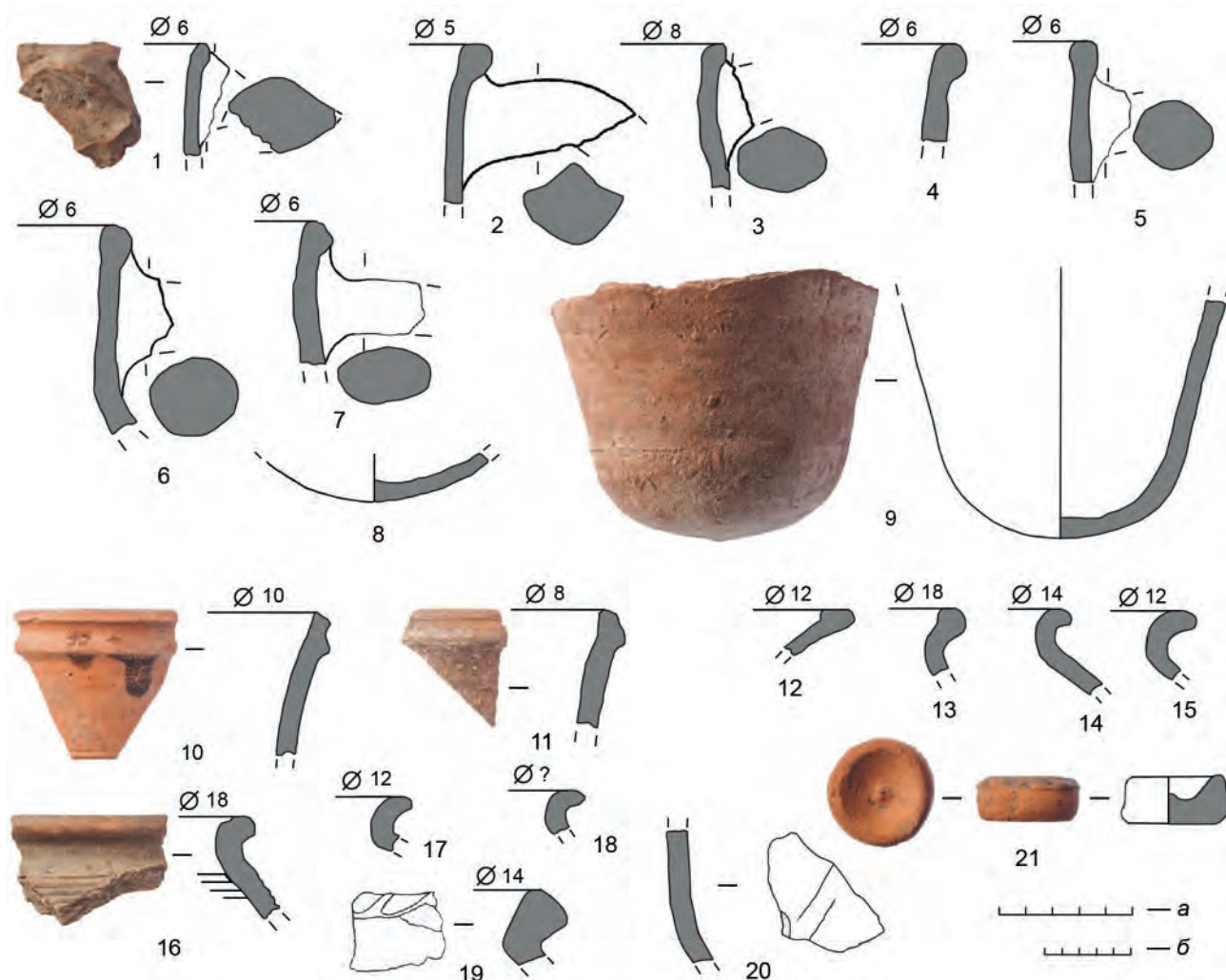

Рис. 5. Поселение Вышестеблиевское-16, усадьба СК-I. Находки с территории двора и разрезы хозяйственных ям: 1-9 — «причерноморские» амфоры; 10-11 — высокогорлые кувшины; 12 — ойнохоя «скалистинского» типа; 13-20 — салтово-маяцкие горшки; 21 — крышка. Масштаб: а — для 1-8, 10-21; б — для 9

Fig. 5. Settlement Vyshesteblyevskoe-16, homestead SK-I. Finds from the territory of the yard and sections of the household pits: 1-9 — “Black Sea” amphorae; 10-11 — high-necked jugs; 12 — oenochoa of the “Scalistinian” type; 13-20 — Saltovo-Mayaki pots; 21 — lid. Scale: a — for 1-8, 10-21; б — for 9

К сожалению, ответить утвердительно на вопрос, относится ли найденный в яме 34 венчик «воротничковой» амфоры к финальному периоду функционирования усадьбы, не представляется возможным. Напомним, что обнаруженные в этой же яме фрагменты «причерноморских» бороздчатых амфор, лощеного сосуда и салтовского горшка датируются не позднее первой половины X в., а обломок ножки рюмки — в пределах VII-XI вв.⁶, и попасть они могли в ее заполнение

⁶ Л. А. Голофаст отнесла эти очень редкие подставки рюмок к особому варианту третьего типа со сплошной высокой ножкой в виде нескольких округлых перехва-

тов. В Херсонесе они найдены в комплексе последней четверти VII в., в Нисе и Константинополе — в слоях IX-X и XI в. (Голофаст, 1998. С. 241, 309, рис. 1, 15, 16; 2001. С. 116, 160, 234, рис. 65, 5; 92). Такая же подставка найдена в Таматархе в слое, датирующемся не ранее VI в. (Сорокина, 1963. С. 152, рис. 5, 13; 7, 22; 9).

тов. В Херсонесе они найдены в комплексе последней четверти VII в., в Нисе и Константинополе — в слоях IX-X и XI в. (Голофаст, 1998. С. 241, 309, рис. 1, 15, 16; 2001. С. 116, 160, 234, рис. 65, 5; 92). Такая же подставка найдена в Таматархе в слое, датирующемся не ранее VI в. (Сорокина, 1963. С. 152, рис. 5, 13; 7, 22; 9).

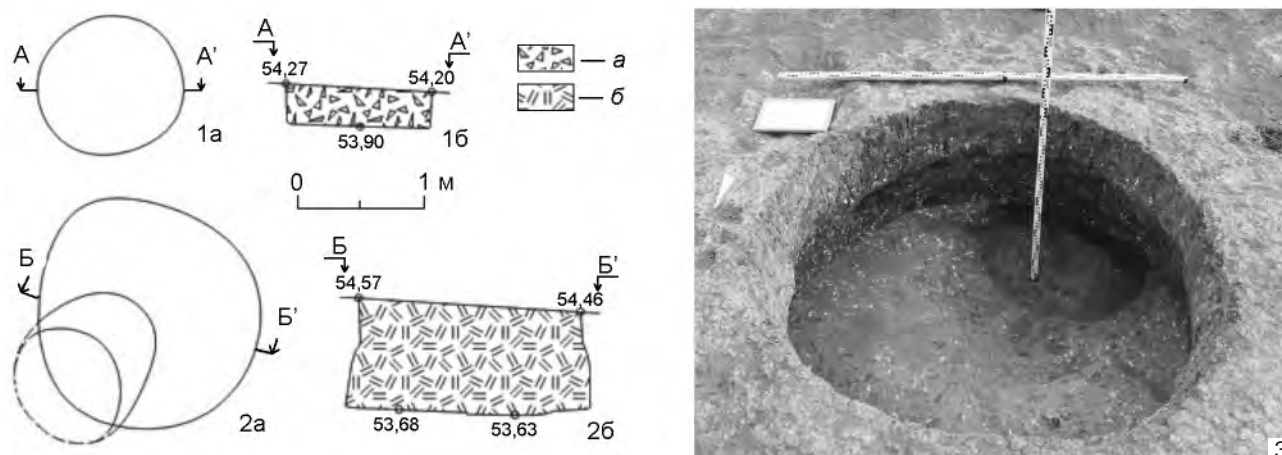

Рис. 6. Поселение Вышестеблиевское-16, усадьба СК-I: 1а, 1б — план и разрез ямы 6; 2а, 2б — план и разрез ямы 34 (а — темно-коричневый суглинок, б — темно-серый гумусированный суглинок); 3 — яма 34, вид с севера
 Fig. 6. Settlement Vyshesteblievskoe-16, homestead СК-I: 1а, 1б — plan and section of the pit 6; 2а, 2б — plan and section of the pit 34 (а — dark brown loam, б — dark gray humus loam); 3 — pit 34, north view

южной стены усадьбы, ее, скорее всего, устроили уже на месте заброшенной усадьбы, и, таким образом, датироваться она может в пределах второй половины X — XI в., как и расположенные вблизи поселения Вышестеблиевское-16а и Виноградный-12. На самом же поселении Вышестеблиевское-16 к этому периоду помимо венчика «воротничковой» амфоры относится только одна находка — медная монета Тмутараканского княжества конца X в. — около 1020-х гг.⁷, пробитая двумя отверстиями. Однако обнаружена она была вне комплекса — в темно-коричневом суглинистом слое (в квадрате АБ25) и использовалась какое-то время как украшение-подвеска (Мыц, Соловьев, 2018. С. 117).

При отсутствии твердой уверенности, что фрагмент «воротничковой» амфоры из ямы 34 относится к финальному периоду функционирования усадьбы, единственной категорией находок, позволяющей сузить ее хронологические рамки, остаются высокогорлые кувшины с плоской ручкой, датруемые не ранее второй поло-

вины (третьей четверти) IX в. (Науменко, 2009а. С. 54–57) и найденные в усадьбе не только в обломках, но и в виде археологически целого экземпляра из помещения 1 дома (рис. 4, 4; 5, 10, 11). На Таманском полуострове высокогорлые кувшины обнаружены при раскопках Таматархи и Фанагории (Кобылина, 1978. Рис. 2, 4; Чхаидзе, 2008а. С. 161–173, рис. 90; 2008б. С. 398–419; 2012. С. 162–166, рис. 95, 96; Кузнецов, Голофаст, 2010. Рис. 31, 1), на поселении Гора Чиркова-1 (Свиридов и др., 2017. С. 176; Супренков и др., 2017. С. 245, рис. 5, 1, 2), на городище Ильич (Чхаидзе, 2018а. С. 84, 86, 88–90, рис. 12, 4–7), поселениях Веселовка-2 и Солёный-II (Горлов, Чхаидзе, 2008. С. 190, рис. 3, 1, 2; Зиливинская и др., 2022. С. 260). На поселении Балка Лисовицкого-1 высокогорлый кувшин обнаружен в хозяйственной яме вместе с «причерноморскими» бороздчатыми амфорами (Шишилов, 2007. С. 16, 17, рис. 4; Шишилов и др., 2016. С. 131, рис. 1, 5). В Таматархе в одном из комплексов вместе с такой же амфорой оказалось восемь кувшинов (Гольдштейн и др., 1973. С. 106). Они также обнаружены в Прикубанье, Закубанье, Карачаево-Черкесии, на Черноморском побережье Кавказа и во внутренних районах Абхазии (Бгажба, 1977. С. 15, табл. XIII, 1–5, 7; Биджиев, 1979. С. 39; Новичихин, 1993. С. 140, рис. 2, 1; Шишилов, 2013. С. 16; Бонин, 2015. С. 323). Гончарные центры, где изготовливались высокогорлые кувшины, пока еще не обнаружены. Ранее предпочтение в этом отношении исследователи отдавали Таматархе и ее округе, поскольку именно при раскопках Таманского городища такие кувшины были обнаружены в большом количестве (Винокуров,

⁷ Тмутараканское княжество, Мстислав Владимирович (990/1010–1036). Подражание милиарсиям Василия II и Константина VIII (977–989 гг.). Конец X в. — около 1020-х гг. АЕ. Ав.: крест с перекрестиями на трех верхних концах, украшенными точками; посредине древка креста нанесена точка, окруженная полукругом снизу; в поле представлена имитация бюстов Василия II и Константина VIII анфас. Рv.: имитация пятистрочной легенды в виде рядов точек (Бабаев, 2009. С. 57–59, тип ШС-3). За определение монеты приносим глубокую благодарность М. Г. Абрамзону.

Пономарев, 2022. С. 146). По структуре формовочной массы они очень напоминают коричневоглиняные амфоры типа 103, по И. Б. Зеест (подварианта Кх ID2, по С. Ю. Внукову), бытовавшие со второй половины IV в. до рубежа VII–VIII вв., может быть, и начала VIII в. (Пономарев, 2003. С. 269, 270; Сазанов, Могаричев, 2006. С. 182, 183; Баранов, Майко, 2012. С. 158, 159, рис. 2, 3; Кононов, Пономарев, 2023а. С. 110, 111). Центры их производства локализируют на территории современной Абхазии, но гончарные мастерские еще не обнаружены, а находок высокогорных кувшинов по сравнению с Крымским и Таманским регионами немного.

Ко второй по количеству фрагментов категории керамических находок в усадьбе СК-I относятся «причерноморские» амфоры с бороздчатым рифлением крымского производства (рис. 5, 3, 20–22; 6, 1–9; 7, 2, 3), датируемые второй половиной VIII — первой половиной X в. и преобладающие в слоях и комплексах, начиная со второй половины IX в. (Майко, 2004. С. 185; Науменко, 2009б. С. 43–47, тип II; Голофаст, Ольховский, 2013. С. 72, 73; Свиридов и др., 2018. С. 12; Голофаст, Евдокимов, 2019. С. 190). На Таманском полуострове они найдены на всех без исключения памятниках «хазарского» периода (Супренков и др., 2019. С. 220). Ареал их распространения также охватывает Закубанье, Прикубанье и Северо-Западный Кавказ, включая Карачаево-Черкесию и Абхазию с Черноморским побережьем, но здесь они встречаются гораздо реже и совершенно исчезают по мере продвижения к районам Центрального Предкавказья (Суханов, 2020. С. 166; Кононов, Пономарев, 2023а. С. 111; 2023б. С. 188). Широкое распространение таких амфор не только в крупных приморских центрах, но и в периферийных районах Таманского региона демонстрируют их массовые находки в отдельных хозяйственных комплексах, в том числе и на рассматриваемом нами памятнике. Так, в одной из ям, раскопанных на поселении Балка Лисовицкого-1, было обнаружено 37 амфор, в основном «причерноморских» бороздчатых (Жупанин и др., 2020. С. 293, рис. 4; Иванов, 2023. С. 75, 77, рис. 1, 4). Пятнадцать однотипных разбитых и целых амфор обнаружены в яме 10 на поселении Вышестеблиевское-1б, но одна из них, по мнению В. Л. Мыца, могла быть произведена в малоазийских гончарных центрах, возможно, в Константинополе. На этом же поселении, в яме, раскопанной во дворе усадьбы СК-V, оказалось пять «причерноморских» бороздчатых амфор (Соловьев, 2017. С. 193, 195, рис. 21; 22; Мыца, Соловьев, 2018. С. 113–116, рис. 38; 39; 43–45).

Как и амфоры, обнаруженная при раскопках усадьбы столовая и кухонная керамика не имеет узких хронологических границ. К этой категории находок относятся ойнохой «скалистинского» («баклинского») типа (рис. 5, 12), сероглиняная лощеная посуда (рис. 5, 5) и салтово-маяцкая керамика, представленная двуручным пифосом-корчагой (рис. 4, 17), тарными (рис. 4, 10) и кухонными горшками (рис. 4, 6–9, 11–14, 16; 5, 13–20; 7, 3–6, 8), миской (рис. 4, 15).

Ойнохой «скалистинского» («баклинского») типа, как и амфоры, производились в крымских гончарных центрах. Ареал их распространения в VIII — первой половине X в. охватил Крым, Приазовье, Подонье, бассейн Северского Донца, Таманский полуостров, Прикубанье, Закубанье, Западное Предкавказье и Черноморское побережье Кавказа (Науменко, 2009в. С. 60–63). На Таманском полуострове и побережье Кавказа они найдены как в крупных приморских центрах, так и на поселениях, и в погребальных комплексах (Сорокина, 1969. Рис. 1, 7; Долгоруков, 1975. С. 57, рис. 1, 2; Кобылина, 1978. С. 32, рис. 2, 1; Марченко и др., 2007. С. 268, рис. 120, 3–5; Чхаидзе, 2008а. С. 194, рис. 108; 2011. С. 124, 125, рис. 10, 1; 2012. С. 173, 174; Кузнецов, Голофаст, 2010. С. 416, 418, рис. 33, 1, 2; Овчинникова, 2011. С. 125, табл. 1, 4; Шишлов и др., 2016. С. 131, рис. 1, 7; Свиридов и др., 2019. С. 258, рис. 3).

Сероглиняная лощеная посуда аланского облика представлена в усадьбе многочисленными и небольшими фрагментами стенок сероглиняных сосудов, скорее всего, кувшинов, кубышек или двуручных корчаг-пифосов, встречающихся практически на всех памятниках VIII — первой половины X в. Таманского полуострова. Возможность существования в этом регионе, как и в Крыму, центров производства лощеной керамики допускается некоторыми исследователями (Красильников, 2009. С. 126; Соловьев, Котеньков, 2022. С. 308), но в целом этот вопрос остается открытым. Пока что ближайшие печи VIII–IX вв., где обжигали лощеную посуду, раскопаны на поселении Марьянское-1 (Красноармейский район Краснодарского края) и на поселении Усатова Балка-4 близ Анапы (Кононов, Пономарев, 2023а). В пользу того, что эта категория столовой посуды попадала в Таврику и на Таманский полуостров с Кубани и Кавказа, свидетельствуют статистические выкладки. Число ее находок в Таманско-Крымском регионе уменьшается в западном направлении, составляя, к примеру, в Фанагории 4–5 % от найденных фрагментов керамики (Атавин, 1992. С. 174;

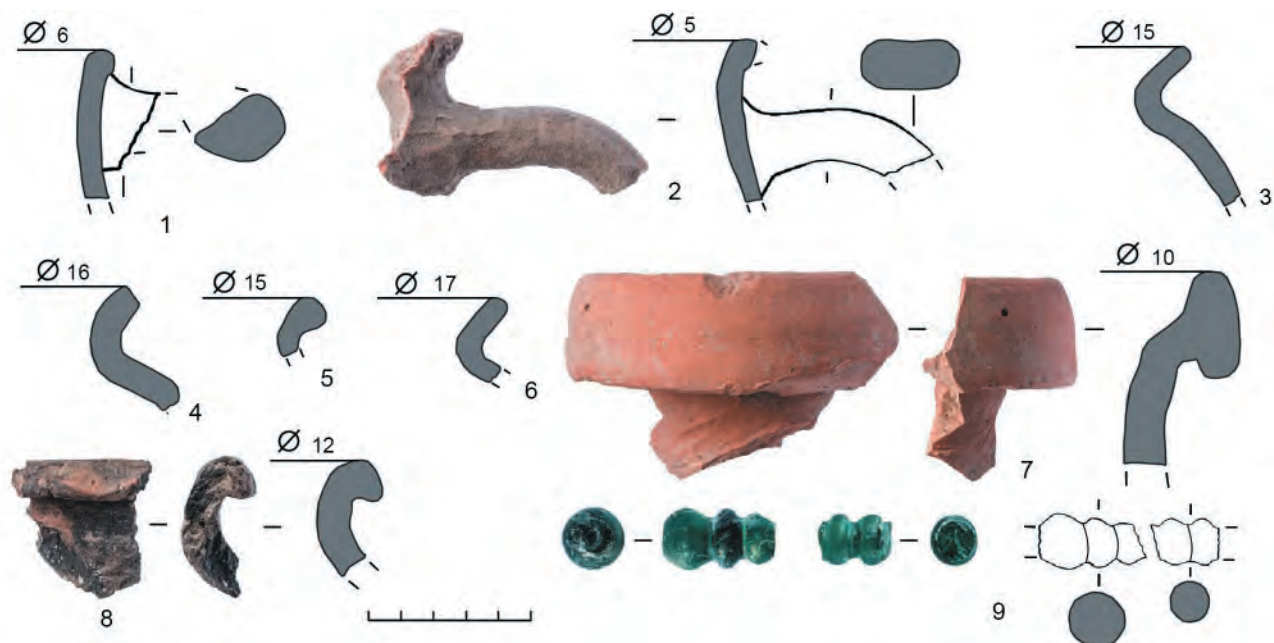

Рис. 7. Поселение Вышестеблиевское-16, усадьба СК-I: 1, 2 — «причерноморские» амфоры; 3–6, 8 — салтово-маяцкие кухонные горшки; 7 — «воротничковая» амфора; 9 — подставка стеклянной рюмки. 1–6 — яма 6; 7–9 — яма 34

Fig. 7. Settlement Vyshesteblievskoe-16, homestead SK-I: 1, 2 — “Black Sea” amphorae; 3–6, 8 — Saltovo-Mayaki kitchen pots; 7 — “collar” amphora; 9 — glass shot stand. 1–6 — the pit 6; 7–9 — the pit 34

Чаудзе, 2012. С. 174–187), а на крымских памятниках — не более 2,4 % в восточных районах полуострова (салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова и городище Тепсень в окрестностях Феодосии) до единичных находок в Херсонесе и его округе (Баранов, 1990. С. 100; Зинько, Пономарев, 2009. С. 64; Майко, 2020).

Самую многочисленную, но, к сожалению, широко датруемую группу керамических находок в усадьбе составляют салтово-маяцкие горшки, изготовленные на ручном гончарном круге из формовочной массы с примесью песка, шамота и толченых раковин морских моллюсков (Пономарев, 2014). Обожжены они в восстановительной и окислительно-восстановительной средах, после чего приобрели черный цвет и темно-серый оттенок, а также различного рода оттенки коричневого, оранжевого и красного цветов. Толстостенные горшки с массивным, иногда ложновитым венчиком диаметром более 20 см использовались в качестве тарных сосудов, но встречаются они гораздо реже; остальные служили для приготовления пищи. Не является исключением и усадьба СК-I, большая часть найденных в ней горшков имела небольшие размеры и была покрыта копотью и сажей. К числу салтово-маяцкой керамики относятся также двуручный пифос-корчага и миска, найденные

в помещении 1 дома усадьбы. Однотипный двуручный пифос-корчага, имитирующий по форме лощеный прототип, обнаружен на Керченском полуострове (поселение Героевка-3) (Зинько, Пономарев, 2001. С. 153, 154, рис. 4, 3). Миски конической формы, изготовленные из такой же формовочной массы, что и горшки, обнаружены при раскопках Таматархи и салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (Плетнева, 1963. Рис. 26, 5; Пономарев, 2003. Рис. 8, 9; Зинько, Пономарев, 2009. С. 67, рис. 197, 1).

На Таманском полуострове гончарные печи, где обжигалась салтово-маяцкая посуда, выявлены на поселениях Гора Чиркова-1 (Свиридов и др., 2017. С. 175, 176, рис. 8), Балка Лисовицкого-2 (Кияшко и др., 2016. С. 172) и Балка Лисовицкого-1 (раскопки 2015 г. Ю. К. Гугуева). Найдены они и в соседнем Кубанском регионе — на поселении Плетнёва балка у хут. Красная Звезда, поселении Хабль-1 в окрестностях ст. Холмской, на территории курганного могильника Общественный-I в окрестностях ст. Мингрельской, в кургане у ст. Рязанской, на территории могильника Ахтырский лиман-I (Кононов, Пономарев, 2023а. С. 106).

Что касается самих усадеб, открытых на поселении Вышестеблиевское-16, своей планировкой,

двухкамерной конструкцией дома и использованными при их сооружении строительными приемами они находят массовые аналогии в провинциально-византийской городской и сельской архитектуре Крыма, а также крупнейших приморских городских центрах Таманского полуострова (Таматархи и Фанагории) (*Кобылина*, 1963. С. 99, рис. 37, II; *Долгоруков*, 1975. С. 56; *Чхаидзе*, 2008а. С. 43–120; 2009. С. 295–297; 2012. С. 13–127; 2018б. С. 297, 298, 307, рис. 2). Благодаря тесным контактам с городским, в основе своей греческо-византийским, населением к IX в. подобного рода сооружения получили массовое распространение на салтово-маяцких поселениях Крыма (*Баранов*, 1990. С. 48–53; *Майко*, 2004. С. 59–84; *Пономарев*, 2012. С. 199–201, рис. 6; 2013), на Таманском полуострове — в меньшей степени, возможно, в связи с отсутствием здесь обширных выходящих на поверхность пластов известняка — основного строительного материала того времени⁸. В классификации салтовских жилищ С. А. Плетневой двухкамерные дома объединены в тип II наземных построек и считаются одним из отличительных признаков крымского и приазовского вариантов салтово-маяцкой культуры (*Плетнева*, 1967. С. 63, 65; 1981. С. 13).

Таким образом строительство на одном из участков поселения Вышестеблиевское-16 сразу пяти однотипных усадеб с двухкамерными домами вполне укладывается в их хронологические рамки — вторая половина IX — первая половина X в. Более ранние жилища и хозяйственные постройки полуземляночного типа, если таковые и были, пока еще не найдены. К числу нерешенных вопросов относится и нижняя граница существования поселения, для этого необходимы дальнейшие раскопки. Что касается его основной этнической составляющей, на нее указывают преобладавшие в керамическом комплексе салтово-

маяцкие горшки и грунтовые могилы 8 и 9, обнаруженные в 18 м к юго-востоку от усадьбы СК-I. Погребения были совершены в ямах овально-вытянутой формы. Покойники уложены на спине с вытянутыми ногами, головой на юго-запад, руки одного из них вытянуты вдоль тела, у другого сложены на тазовых костях. Заупокойная пища или напитки были помещены в лощеные кувшины и кухонный горшок, установленные с правой стороны от головы погребенных. Такие захоронения характерны для праболгар. На Таманском полуострове два таких же погребения раскопаны на Патрейском городище, одно из них с двумя салтовскими горшками в изголовье, второе — с лощеным сосудом, украшенным сетчатым орнаментом, и золотой византийской монетой второй половины VIII в. (*Миллер*, 1932. С. 67, 68, рис. 1; *Сударев*, 1994. С. 114, 115, 126, табл. 7, а). Еще одно погребение с западной ориентировкой и лощеным сосудом в изголовье найдено в Фанагории (*Атавин*, 1986. С. 262, 263).

Археозоологические находки из усадеб и хозяйственных ям (кости домашних животных: коровы, козы, овцы, лошади) наряду с самими ямами, ротационными жерновами и орудиями для обработки земли, свидетельствуют о том, что основными занятиями жителей поселения были пашенное земледелие и приусадебное животноводство. Они также занимались домашними промыслами и ремеслами, базировавшимися на присвоении готовых к использованию биоресурсов или связанными с переработкой сельскохозяйственной продукции нерудного и минерального сырья. К их числу пока что можно отнести охоту, прядение, ткачество и косторезное дело. В торговых же взаимоотношениях с соседними регионами основным вектором, судя по находкам на поселении «причерноморских» амфор, фляг и ойнохой, для жителей поселения являлись прибрежные городские центры Таврики, товарооборот с которыми поддерживался по морским коммуникациям, проходившим через такие крупные портовые города на Таманском полуострове, как Таматарха и Фанагория.

⁸ Именно поэтому при строительстве усадеб на поселении Вышестеблиевское-16 широко использовался привозной материал — гранитные окатанные валуны, вероятнее всего, завезенные в Фанагорию на кораблях в качестве корабельного балласта.

Атавин, 1986 — *Атавин А. Г.* Средневековые погребения из Фанагории // *СА*. 1986. № 1. С. 262–266.

Атавин, 1992 — *Атавин А. Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // *Боспорский сборник*. 1992. Вып. 1. С. 173–211.

Бабаев, 2009 — *Бабаев К. В.* Монеты Тмутараканского княжества. М.: Древлехранилище, 2009. 104 с.

Баранов, 1990 — *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.

Баранов, *Майко*, 2012 — *Баранов В. И., Майко В. В.* Новый производственный комплекс раннесалтовского времени с городища Тепсень // *Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского*

- государства: Материалы междунар. конф., посв. 110-летию со дня рождения И. И. Ляпушкина (3–5 декабря 2012 г., С.-Петербург) / Сост.-ред. О. А. Щеглова. СПб.: СОЛО, 2012. С. 157–162.
- Бгажба*, 1977 — *Бгажба О. Х.* Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми: Алашара, 1977. 80 с.
- Биджиев*, 1979 — *Биджиев Х. Х.* Раскопки городища Хумара в 1977 году (предварительная публикация) // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии: Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Марковин. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1979. С. 34–62.
- Бонин*, 2015 — *Бонин А. В.* Охранно-спасательные работы 2010–2013 гг. в Анапе, Новороссийске и Крымском районе Краснодарского края // АО 2010–2013 гг. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 323–325.
- Винокуров, Пономарев*, 2022 — *Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю.* Городище Артезиан в эпоху Средневековья. М.: ИНФРА-М, 2022. 343 с.
- Гинькут, Лебединский*, 2018 — *Гинькут Н. В., Лебединский В. В.* «Воротничковые амфоры» типа Gunsepın II с затонувшего близ Балаклавы византийского корабля // АДСВ. 2018. Вып. 46. С. 151–165.
- Голофаст*, 1998 — *Голофаст Л. А.* Рюмки из раскопок ранневизантийского Херсонеса // АДСВ. 1998. Вып. 29. С. 228–242, 309, 310.
- Голофаст*, 2001 — *Голофаст Л. А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 97–260.
- Голофаст, Евдокимов*, 2019 — *Голофаст Л. А., Евдокимов П. А.* К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 186–216.
- Голофаст, Ольховский*, 2013 — *Голофаст Л. А., Ольховский С. В.* Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанагорийской гавани // ПИФК. 2013. № 2 (40). С. 55–78.
- Гольдштейн и др.*, 1973 — *Гольдштейн Ф. М., Коровина А. К., Финогенова С. И.* Раскопки Тмутаракани — Гермонассы // АО 1972 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1973. С. 105–106.
- Горлов, Чхаидзе*, 2008 — *Горлов Ю. В., Чхаидзе В. Н.* Средневековое поселение Веселовка-2 на Таманском полуострове // ДБ. 2008. Т. 12, I. С. 187–195.
- Долгоруков*, 1975 — *Долгоруков В. С.* Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА. 1975. Вып. 143: Античная археология. С. 54–59.
- Жупанин и др.*, 2020 — *Жупанин О. Ф., Иванов А. А., Кутуков Д. В.* Исследования поселения «Балка Лисовицкого 1» и «усадьба (хут. Воскресенский, ЮЗ окраина)» в 2018–2019 гг. // МИАСК. 2020. Вып. 18. С. 292–305.
- Зиливинская и др.*, 2022 — *Зиливинская Э. Д., Петров П. А., Соколов П. М.* Исследование поселения и могильника Солёный-II на Тамани // БИ. 2022. № 44. С. 258–277.
- Зинько, Пономарев*, 2001 — *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. 2001. Вып. I. С. 147–158.
- Зинько, Пономарев*, 2009 — *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I: Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Україна, 2009 (БИ; Supplementum 5). 328 с.
- Иванов*, 2023 — *Иванов А. А.* О результатах работ экспедиции НАО «Наследие Кубани» на поселении «Балка Лисовицкого-1» на Тамани в 2018 году // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 2: Сб. материалов VII Всерос. Нижневолжской археол. конф. (Астрахань, 2–4 октября 2023 г.) / Отв. ред. Д. В. Васильев. Астрахань: Волгоградский ГУ, 2023. С. 74–81.
- Кияшко и др.*, 2016 — *Кияшко А. В., Гугуев Ю. К., Ильяшенко С. М., Петров П. А., Коробков П. А.* Предварительные сведения о раскопках поселений балки Лисовицкого на Тамани в 2015–2016 гг. // Проблемы археологии Восточной Европы: Материалы XI Международной археол. конф. (Ростов-на-Дону, 7–9 ноября 2016 г.). Ростов н/Д., 2016. С. 168–178.
- Кобылина*, 1963 — *Кобылина М. М.* Раскопки центральной части Фанагории в 1959–1960 гг. // КСИА. 1963. Вып. 95: Памятники античного времени по исследованиям советских археологов. С. 97–103.
- Кобылина*, 1978 — *Кобылина М. М.* Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы: Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Козенкова и др. М.: Наука, 1978. С. 30–35.
- Кононов, Пономарев*, 2023а — *Кононов В. Ю., Пономарев Л. Ю.* Гончарный комплекс VIII–IX вв. поселения Марьянское-1 в Нижнем Прикубанье (по результатам работ 2013 г.) // Древности Кубани. Краснодар, 2023. Вып. 26. С. 102–126.
- Кононов, Пономарев*, 2023б — *Кононов В. Ю., Пономарев Л. Ю.* Гончарные комплексы раннесредневекового поселения Варнавинское-3 на левобережье Кубани (по итогам работ на раскопе I в 2010–2011 гг.) // БИ. 2023. Вып. XLVII. С. 178–241.
- Красильников*, 2009 — *Красильников К. И.* Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк: Донецкий национальный университет, 2009. Т. 7. С. 99–152.
- Кузнецов, Голофаст*, 2010 — *Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А.* Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 2010. № 1 (27). С. 393–429.

- Майко*, 2004 — *Майко В. В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев: Академперіодика, 2004. 316 с.
- Майко*, 2012 — *Майко В. В.* Восточный Крым во второй половине X — XII в. Киев: Видавець Олег Філюк, 2014. 467 с.
- Майко*, 2016 — *Майко В. В.* Керамика Восточного Крыма второй половины X — XIII вв. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. 212 p.
- Майко*, 2018 — *Майко В. В.* Византийские амфоры Судей середины X — XII в. как исторический источник // АДСВ. 2018. Вып. 46. С. 134–150.
- Майко*, 2020 — *Майко В. В.* Лощеная керамика салтово-маяцких памятников Крыма. Анализ источниковой базы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 6 (72), № 3. С. 44–60.
- Майко, Вахонеев*, 2023 — *Майко В. В., Вахонеев В. В.* К вопросу о хронологических реперах византийских древностей Таврики XII в. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XV Междунар. Византийский семинар (Севастополь — Балаклава, 5–9 июня 2023 г.): Материалы науч. конф. / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. С. 187–194.
- Марченко и др.*, 2007 — *Марченко И. И., Бочковой В. В., Кононов В. Ю.* Раскопки могильника «Виноградный-7» на Тамани в 2005–2006 гг. // МИАСК. 2007. Вып. 7. С. 151–392.
- Миллер*, 1932 — *Миллер А. А.* Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. // Сообщения ГАИМК. 1932. Вып. 7–8. С. 67–68.
- Мыц*, 1991 — *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 164 с.
- Мыц, Соловьев*, 2018 — *Мыц В. Л., Соловьев С. Л.* Население Таманского полуострова в средние века (по материалам раскопок 2016 г.) // Бюллетень ИИМК РАН: охранный археология. 2018. № 8. С. 97–122.
- Науменко*, 2009а — *Науменко В. Е.* Высокогорные кувшины с широкими плоскими ручками // *Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I: Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Україна, 2009 (БИ; Supplementum 5). С. 50–57.
- Науменко*, 2009б — *Науменко В. Е.* Амфоры // Там же. С. 35–50.
- Науменко*, 2009в — *Науменко В. Е.* Столовая посуда // Там же. С. 60–64.
- Новичихин*, 1993 — *Новичихин А. М.* Новые данные о средневековых археологических памятниках в окрестностях станицы Гостагаевской // Древности Кубани и Черноморья / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: Скифская галерея, 1993. С. 138–145, 225–229.
- Овчинникова*, 2011 — *Овчинникова Б. Б.* Сокровища древнего города Сочи (случайные находки и поступления) // Археологические записки. Вып. 7. Ростов н/Д.: Донское археологическое общество, 2011. С. 127–138.
- Паромов*, 1989 — *Паромов Я. М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. 1989. Вып. 196: Археологические исследования на новостройках. С. 172–178.
- Паромов*, 1992 — *Паромов Я. М.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. 1992. Вып. 1. С. 109–146.
- Паромов*, 2003 — *Паромов Я. М.* Поселения и дороги на Таманском полуострове в VIII–XIII веках. Хазарский период (VIII — начало X в.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука, 2003 (Археология). С. 161–167.
- Плетнева*, 1963 — *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–72.
- Плетнева*, 1967 — *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967 (МИА; № 142). 200 с.
- Плетнева*, 1981 — *Плетнева С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска — Преслав. Прабългарската култура: Материали от българосъветската среща, Шумен, 1976. Т. 2. София: Българска академия на науките, 1981. С. 9–19.
- Пономарев*, 2003 — *Пономарев Л. Ю.* Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. 2003. Вып. III. С. 264–282.
- Пономарев*, 2012 — *Пономарев Л. Ю.* Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // Судейский сборник. 2012. Вып. V. С. 186–209.
- Пономарев*, 2013 — *Пономарев Л. Ю.* Двухкамерные жилища (дома-пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Ρωμαιοί: Сб. ст. к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Под ред. С. Б. Сорочана. Харьков: Майдан, 2013 (Нартекс. Byzantine Ukrainensis; Т. 2). С. 440–461.
- Пономарев*, 2014 — *Пономарев Л. Ю.* Салтово-маяцкие горшки с поселений Керченского полуострова // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 12. Донецк: Донецкий национальный университет, 2014. С. 239–276.
- Романчук и др.*, 1995 — *Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1995 (Средневековый Херсон: история, стратиграфия, находки; Ч. 2). 170 с.

- Сазанов, Могаричев, 2006 — Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Крым и Хазария в конце VII — середине VIII вв. // ПИФК. 2006. Вып. XVI/1. С. 179–207.
- Свиридов и др., 2017 — Свиридов А. Н., Язиков С. А., Топоривская М. А. Поселение Гора Чиркова-1 (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2017 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 19). С. 174–177.
- Свиридов и др., 2018 — Свиридов А. Н., Язиков С. В., Суханов Е. В. Раннесредневековые «причерноморские» амфоры поселения Гора Чиркова-1 на Таманском полуострове (по материалам раскопок 2016 года) // Вестник Владикавказского научного центра. 2018. Т. 18, № 4. С. 9–14.
- Свиридов и др., 2019 — Свиридов А. Н., Язиков С. В., Суханов Е. В. Новые средневековые погребения с Таманского полуострова // БИ. 2019. Вып. XXXVIII. С. 256–298.
- Сокольский, 1963 — Сокольский Н. И. Кепы // Античный город / Под ред. А. И. Болтуновой. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 97–114.
- Соловьев, 2017 — Соловьев С. Л. Охранная археология в зоне мостового перехода через Керченский пролив (из опыта работы Античной новостроечной экспедиции ИИМК РАН) // Бюллетень ИИМК РАН: охранная археология. 2017. № 6. С. 185–200.
- Соловьев, Котеньков, 2022 — Соловьев Д. С., Котеньков С. А. Находки раннесредневековых пифосов-кувшинов в дельте Волги // Археология Евразийских степей. Казань, 2022. № 3. С. 304–313.
- Сорокина, 1963 — Сорокина Н. П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 134–174.
- Сорокина, 1969 — Сорокина Н. П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции Государственного Исторического музея: Доклады на сессии ученого совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г. / Под ред. В. П. Левашовой. М.: ГИМ, 1969. С. 124–128.
- Сударев, 1994 — Сударев Н. И. Погребения в районе поселения Гаркуша-1 (Патрей) // Боспорский сборник. 1994. Вып. 4. С. 108–126.
- Супренков и др., 2017 — Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове (краткий обзор по результатам раскопок 2015 г.) // Хазарский альманах. 2017. Т. 15. С. 236–280.
- Супренков и др., 2019 — Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове: хозяйственные комплексы группы 4 (по итогам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. 2019. Вып. X. С. 205–248.
- Суханов, 2020 — Суханов Е. В. Керамика Хумаринского городища (материалы раскопок 2007–2017 годов) // Хумаринское городище. Итоги междисциплинарных исследований / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. М.: ИА РАН, 2020. С. 163–192.
- Чхаидзе, 2003 — Чхаидзе В. Н. Средневековая амфора с граффити из Таманского музея виноградарства и виноделия // КСИА. 2003. Вып. 215. С. 45–50.
- Чхаидзе, 2006 — Чхаидзе В. Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. 2006. Т. 10. С. 487–517.
- Чхаидзе, 2008а — Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 329 с.
- Чхаидзе, 2008б — Чхаидзе В. Н. Высокогорные кувшины с плоскими ручками из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье // Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина / Отв. ред. Г. Е. Афанасьев. М.: ИА РАН-ТАУС, 2008. С. 398–419.
- Чхаидзе, 2009 — Чхаидзе В. Н. Таманское городище. Строительная техника и строительные материалы VIII–X вв. // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2009. Вып. 13. С. 295–297.
- Чхаидзе, 2011 — Чхаидзе В. Н. Раннесредневековые кочевнические погребения из Восточного Приазовья // МИАСК. 2011. Вып. 12. С. 115–140.
- Чхаидзе, 2012 — Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М.: ИД «Триумф принт», 2012. 590 с.
- Чхаидзе, 2018а — Чхаидзе В. Н. Средневековое поселение на городище Ильич // МИАСК. 2018. Вып. 16. С. 81–104.
- Чхаидзе, 2018б — Чхаидзе В. Н. Фанагория: дома и планировка провинциального византийского города // Археология античного и средневекового города: Сб. ст. в честь С. Г. Рыжова / Отв. ред. В. В. Майко. Севастополь; Калининград: Издательский дом РОСТ-ДООАФК, 2018. С. 296–307.
- Шишилов, 2007 — Шишилов А. В. Поселение у балки Лисовицкого // Археологические открытия на Кубани в 2005–2006 гг.: Сб. памяти П. А. Дитлера / Под ред. Е. И. Нарожного. Краснодар: б. и., 2007. С. 16–17.
- Шишилов, 2013 — Шишилов А. В. Археологические исследования Новороссийского исторического музея-заповедника с 1997 по 2012 г. // Исторические записки. Исследования и материалы. Новороссийск, 2013. Вып. 8. С. 4–20.
- Шишилов и др., 2013 — Шишилов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. Христианский монастырь XI в. на Тамани // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы междунар. археол. конф. (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). Краснодар: Вика-Принт, 2013. С. 152–159.

Шишилов и др., 2014 — Шишилов А. В., Колтакова А. В., Федоренко Н. В. Христианский монастырь XI — начала XII в. на Тамани // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории: Сб. науч. трудов к 100-летию со дня рождения А. И. Салова / Под ред. А. М. Новичихина. Краснодар; Анапа: Платонов, 2014. С. 83–93.

Шишилов и др., 2016 — Шишилов А. В., Колтакова А. В., Федоренко Н. В. Исследования поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском районе Краснодарского края // Охрана и сохранение археологического насле-

дия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: Материалы археолог. науч. конф. Краснодар: ЗАО «Таманьнефтегаз», 2016. С. 131–139.

Якобсон, 1979 — Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.

Gunsenin, 1990 — Gunsenin N. Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections turques. Vol. I. Paris: Université Paris I (Panthéon-Sorbonne), 1990. 319 p.

The SC-I homestead of the second half of the 9th — first half of the 10th century at the Vyshesteblievskoye-16 settlement (based on the materials of the 2016 excavations on the Taman Peninsula)

L. Ju. Ponomarev, S. L. Solovyev⁹

Keywords: Taman Peninsula, Vyshesteblievskoye-16 settlement, homestead, “Khazar” period, Saltovo-Mayaki ceramics.

In 2016 The Ancient rescue expedition of the Institute of the History of Material Culture conducted conservation and rescue work at the Vyshesteblievskoye-16 settlement (the Taman Peninsula). The 21.025 m² excavation revealed five homesteads with stone buildings, farm pits and ground burials of the “Khazar” period in addition to ancient household and burial complexes. The homesteads had an equal layout. In their northern part there was a house of two rooms. A courtyard enclosed by a stone wall adjoined it from the south. The homesteads are dated to the second half of the 9th — first half of the 10th cen. The homestead SK-I is partially preserved. During its excavation numerous ceramics of the 8th — first half of the 10th cen. were found, including “Black Sea” amphorae, flat-handled jugs, oenochorae, glossy gray-clay ware and pots of the Saltovo-Mayaki type. The most recent find is a fragment of a Byzantine “collar” amphora from the second half of the 10th–11th cen. However, the pit in which it was found could have been managed after the homestead had ceased to function.

⁹ Leonid Ju. Ponomarev — Institute of Archeology of Crimea of Russian Academy of Sciences; Simferopol, Republic of Crimea; e-mail: l_ponomarev@mail.ru. Sergey L. Solovyev — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, State Hermitage Museum; St. Petersburg, Russia; e-mail: ssl2610@yandex.ru.

Селище Большое Тризново-4: к вопросу о хронологии и топографии неукрепленных поселений Окско-Донского водораздела второй половины X в.

А. М. Колоколов, И. С. Простяков¹

Аннотация. В 2022–2023 гг. на селище Большое Тризново-4 были выявлены древности второй половины X в. На сегодняшний день Большое Тризново-4 является единственным селищем в регионе Окско-Донского водораздела, где была изучена застройка этого времени. Проведенные работы подтверждают закономерность расположения поселений второй половины X в. на мелких притоках основных рек и позволяют наметить вектор для дальнейших исследований памятников этого времени.

Ключевые слова: Окско-Донской водораздел, селище, роменская культура, славянская колонизация, вторая половина X в.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-153-164

К проблеме выделения древностей второй половины X в. на территории Окско-Донского водораздела авторы данной статьи обращались неоднократно (Колоколов, 2022; 2023а; Колоколов, Простяков, 2021). До недавнего времени не были известны памятники с достоверными материалами этого периода, и только благодаря работам последних лет удалось выявить и обследовать комплекс поселений, возникших во второй половине X в. Раскопками были исследованы несколько городищ интересующего нас времени, неукрепленные же поселения выделялись гипотетически, исключительно по материалам разведок. Одним из таких памятников было селище 4 у дер. Большое Тризново (далее Б. Тризново) (Колоколов, 2023а. С. 34).

Поселение было открыто в 2022 г. И. С. Простяковым (Простяков и др., 2023). Оно расположено на территории Щекинского района Тульской области, в 2,5 км к северо-северо-востоку от деревни, в верховьях безымянного ручья (правого притока р. Упы), в 3 км от устья (рис. 1, 1). С поверхности селища был собран подъемный материал — многочисленные фрагменты грубых лепных сосудов роменского типа, распространен-

ных на памятниках региона IX–X вв. (Простяков и др., 2023. Рис. 4, 1, 2). Кроме того, на поврежденных участках культурного слоя были обнаружены несколько металлических находок: пятиугольная поясная накладка; фрагмент ладьевидного браслета; «очковидная» обувная подвеска; накладка, изготовленная из дирхема.

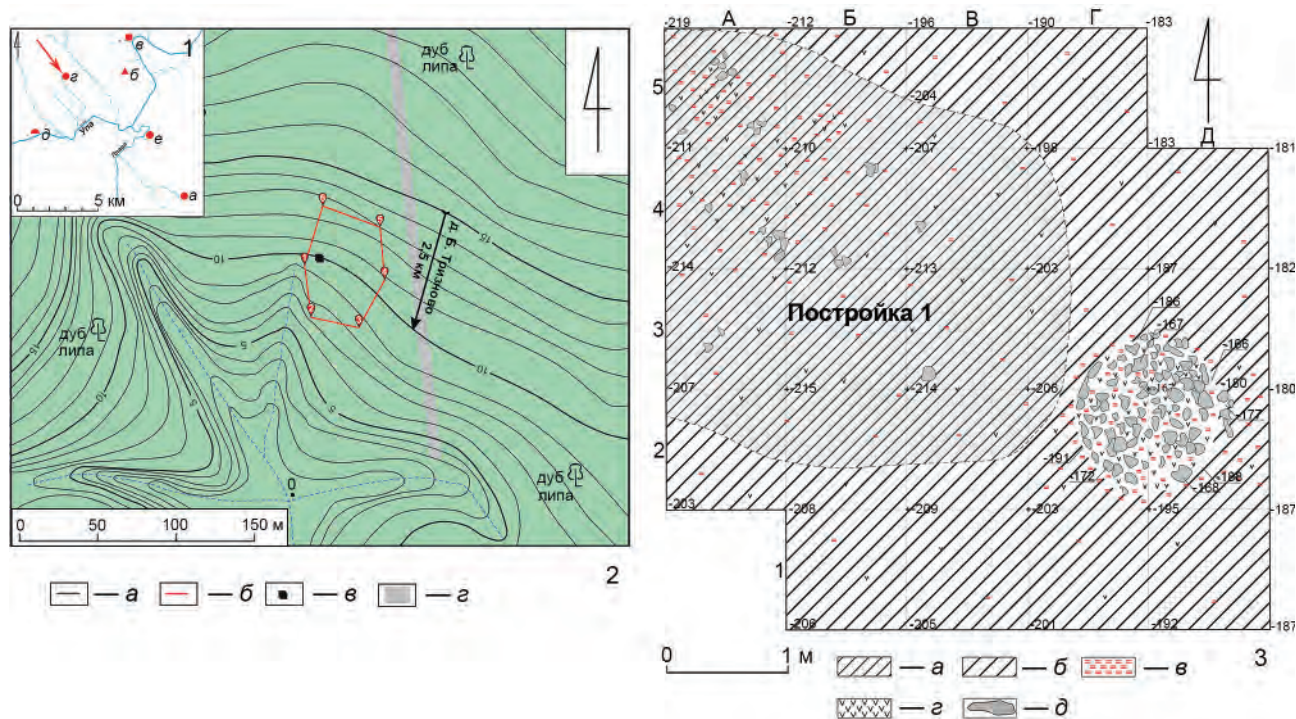
Обувная подвеска и накладка из дирхема имеют достаточно широкие хронологические рамки бытования и в целом характерны для материальной культуры региона конца I — начала II тысячелетия. Очковидные обувные подвески со спиралевидным орнаментом (рис. 2, 2) повсеместно распространены в финно-угорских древностях VIII–XI вв. (Розенфельдт, 1982. С. 91–93). Накладки, сделанные из серебряных дирхемов, с края которых проделаны два отверстия, часто встречаются на территории Окско-Донского водораздела, в основном в составе кладов. Монета, обнаруженная на селище Б. Тризново-4, в результате долгого использования была сильно затерта, и установить дату ее чеканки не представляется возможным (рис. 2, 3).

Наибольший интерес представляют две находки, отлитые из бронзы, — фрагмент браслета и поясная накладка (рис. 2, 1, 4).

От браслета сохранилось около 50 %, поэтому восстановить его облик не составило труда. Он имеет широкую среднюю часть полукруглого сечения и сужающиеся окончания. Реконструируемый

¹ Колоколов А. М., Простяков И. С. — Государственный музей-заповедник «Куликово поле»; г. Тула, Россия; e-mail: kolokoloff.sasha@yandex.ru, retar1988@mail.ru.

© Колоколов А. М., Простяков И. С., 2024

Рис. 1. Селище Большое Тризново-4: 1 — ближайшие памятники IX–X вв. (а — Образцово-2, б — Орлово, в — Супруты, г — Б. Тризново-4, д — Б. Тризново, е — Ярцево-5); 2 — топографический план памятника (сечение горизонталей — 1 м) (а — горизонталы, б — границы памятника, в — раскоп, г — просека); 3 — план раскопа 2023 г. на уровне заглубленной части постройки (а — темно-серый сильногумусированный суглинок, б — темно-серый гумусированный суглинок, в — обожженная глина (печина), г — древесный уголь, д — камень)

Fig. 1. Bolshoye Triznovo-4 settlement: 1 — nearest sites of the 9th–10th cen. (a — Obratsovo-2, б — Orlovo, в — Supruty, г — Bolshoye Triznovo-4, д — Bolshoye Triznovo, е — Yartsevo-5); 2 — topographic plan of the site (horizontal section — 1 m) (a — horizontals, б — borders of the site, в — excavation, г — cross-cut); 3 — plan of the 2023 excavation at the level of the deepened part of the structure (a — dark gray strongly humous loam, б — dark gray humous loam, в — burnt clay (*pechina*), г — charcoal, д — stone)

диаметр изделия — 6 см. В литературе такие браслеты получили название «ладьевидных». Вероятнее всего, украшение изготовлено на месте. О существовании бронзолитейного производства на поселении свидетельствуют находки сырьевого слитка металла, а также литая заготовка изделия неясного назначения (рис. 2, 5, 6). Фрагмент браслета, скорее всего, является ювелирным ломом. Изделие не имеет следов слома в широкой его части — оно было аккуратно разделено пополам и очевидно, приготовлено к переплавке.

Браслет орнаментирован вертикальными валиками на месте сужения дуги и по центру, а также в зоне наибольшего расширения. Кроме того, между рядами валиков читаются три горизонтальные линии плохо различного орнамента, возможно, имитации пуансонных точек. Следов дополнительной проработки орнамента на готовом изделии не наблюдается, очевидно, он возник в результате отливки по оттиску модели.

Браслеты, послужившие прототипом для изделия с селища Б. Тризново-4, имеют скандинавское происхождение (Petersen, 1928. P. 152, fig. 183). Известны экземпляры, орнамент которых близок к декору нашей находке. Один из них происходит из захоронения 83 Бирки, которое из-за плохой сохранности комплекса и скудости погребального инвентаря не имеет узкой датировки (Arbman, 1940. P. 35, 36; 1943. Taf. 109, 5, 6).

Ладьевидные браслеты со схожей орнаментацией широко распространены на памятниках Северо-Запада Древней Руси. Один из них происходит из постройки 1 раскопа 1984–1985 г. на Рюриковом городище, где он был обнаружен в перетолженном виде (Носов, Плохов, 2005. С. 39, 201, табл. 29, 8). Аналогичный предмет связан с горизонтом X в. Белоозера (Голубева, 1973. С. 74, 75, 140, 141, рис. 51, 28). В слое X в. Старой Ладogi была найдена каменная форма для отливки таких браслетов (Давидан, 1980. С. 62, табл. 2, 18).

Рис. 2. Селище Большое Тризново-4. Подъемный материал с поврежденных участков культурного слоя памятника: 1 — фрагмент ладьевидного браслета; 2 — «очковидная» привеска; 3 — накладка, изготовленная из дирхема; 4 — поясная накладка; 5 — сырьевой слиток металла; 6 — литая заготовка изделия. 1, 2, 4–6 — бронза; 3 — серебро

Fig. 2. Bolshoye Trizново-4 settlement. Surface finds from the damaged areas of the site's cultural layer: 1 — fragment of a boat-shaped bracelet; 2 — a “goggle-shaped” pendant; 3 — an overlay made of a dirham; 4 — a belt overlay; 5 — a raw lingot of metal; 6 — a cast blank of a make. 1, 2, 4–6 — bronze; 3 — silver

Множество ладьевидных браслетов обнаружено в комплексах курганов Южного Приладожья (Бранденбург, 1895. Табл. IV). Орнамент двух из них близок находке с селища Б. Тризново-4. Один браслет происходит из кремационного захоронения 2 кургана Урицкое (Костино-95; ХСV, по Н. Е. Бранденбургу) (Там же. Табл. IV, 16). В его составе, помимо браслета, содержатся две скорлупообразные фибулы типа 27 и равноплечая фибула типа 58 (по Я. Петерсену), на основании которых погребение датировано IX в. (Кочкуркина, 2013. С. 62, 63; Богуславский, Яблоник, 1987). При этом фибулы указанных типов встречаются и в комплексах X в. (Горюнова, 2016. С. 18; Седых, Френкель, 2014).

Второй браслет содержался в погребении по обряду трупосожжения из кургана 1 в Ньюбичах, дата которого определяется находкой саманидского дирхема 916–917 гг. (Кочкуркина, Линеvский, 1985. С. 131–133, рис. 58, 7).

Таким образом, браслеты, которые послужили прототипом изделия, обнаруженного на селище Б. Тризново-4, в основном связаны со слоями и комплексами X в. и, судя по находке из Ньюбичей, тяготеют к его середине.

Более точную датировку имеет пятиугольная поясная накладка с растительным орнаментом

(рис. 2, 4). Находка уже введена в научный оборот и всесторонне рассмотрена. Она имеет надежные аналогии в материалах Древней Руси второй половины X — XI в. (Колоколов, 2023а. С. 34; 2023б. С. 274). Отливка изделия низкого качества, с многочисленными усадочными раковинами. Скорее всего, эта поясная накладка, как и браслет, была изготовлена на территории поселения.

Находки пятиугольной поясной накладки и ладьевидного браслета дали основания предполагать, что селище Б. Тризново-4 относится к памятникам второй половины X в. С целью подтверждения этой гипотезы работы на поселении были продолжены.

В том же 2022 г. в шурфе, заложенном на селище, на уровне материка был зафиксирован контур объекта (Простяков и др., 2023. С. 223, рис. 5). В 2023 г. шурф был включен в площадь раскопа 1², и обнаруженный объект был доследован. Он оказался заглубленной частью жилой постройки (рис. 1, 3).

² Выражаем благодарность автору раскопок Т. А. Полукеевой за возможность воспользоваться неопубликованными материалами и Ю. Ю. Петрову за неоценимую помощь в производстве полевых работ.

Изученная постройка имела наземную часть и нежилой котлован, который занимал большую часть сооружения. Границы наземной части жилища установить не удалось, так как они выходили за пределы раскопа. Котлован же исследован почти полностью. Он имел подпрямоугольную форму и был ориентирован по сторонам света, с небольшим отклонением на север. Длина его исследованной части составляла 3,2 м, ширина — около 3,0 м, глубина — 0,3–0,4 м. Котлован был заполнен темно-серым гумусированным суглинком с обильными вкраплениями печины, древесного угля и обожженных камней, происходящих из развала печи-каменки. Основание печи было зафиксировано рядом с котлованом, в 0,1 м к востоку от него, и представляло собой скопление прокаленных камней, печины и древесного угля. Такие печи типичны для славянских древностей региона IX–XI вв. (Григорьев, 2005. С. 35–60).

В заполнении котлована были обнаружены две индивидуальные находки. Первая — роговое острие с V-образным вырезом в широкой торцовой части (рис. 3, 10). Аналогичные орудия происходят из слоев Саркела IX — середины X в., они могли использоваться для свивания веревок или плетения (Флёрова, 2001. С. 217, рис. 4; 280; 281). Вторая — сильно коррозированный железный инструмент прямоугольного сечения, возможно, шило (рис. 3, 11).

Наибольшую ценность для датировки комплекса представляет серия керамической посуды. Всего в заполнении постройки обнаружено 332 фрагмента сосудов. Из них 315 (≈ 95 %) принадлежат грубым лепным сосудам роменского типа — толстостенным, из ожелезненной глины с примесями крупного шамота или шамота и дресвы в тесте (рис. 3, 1–7). Венчики сосудов короткие, слегка отогнутые наружу, часть из них орнаментирована округлыми или вытянутыми вдавлениями по краю (рис. 3, 5–7). На некоторых горшках по плечикам встречается веревочный орнамент (рис. 3, 2).

Оставшиеся 17 фрагментов (≈ 5 %) принадлежат сосудам, изготовленным с использованием гончарного круга (рис. 3, 8, 9; 4). Степень его применения, по А. А. Бобринскому, соответствует стадии РФК-3³ (Бобринский, 1978. С. 49–51).

Из обнаруженных в заполнении постройки фрагментов реконструируются три неполные формы раннегончарных сосудов. Остановимся на них подробнее.

Сосуд 1 (рис. 4, 1) по профилировке и характеру теста близок к лепным сосудам роменского типа. Стенки сосуда толстые (до 11,5 мм), тесто с примесью дресвы и шамота. Он имеет конусовидную форму с резко отклоненным наружу закругленным венчиком и резким изгибом шейки. Венчик изготовлен простейшим способом и соответствует типу 1, по И. Г. Сарачеву (Сарачев, 2000. С. 228, рис. 62). На территории Днепровского левобережья венчики этого типа появляются во второй половине X в. и исчезают в первой половине XI в. (Там же. С. 232). На плечике и тулове сосуда присутствует сложный орнамент, нанесенный во время доводки изделия на гончарном круге: грубая однорядная, местами двух- и трехрядная волна, прочерченная на переходе от шейки к плечику, и несколько уровней многорядной волны, тщательно нанесенной гребенкой на тулове горшка.

Сосуд 2 (рис. 4, 2) имеет S-видный профиль, его венчик оформлен в виде наплыва правильной формы, образованного в результате закругленного косога среза. По классификации И. Г. Сарачева венчик относится к типу 4 (Сарачев, 2000. С. 228, рис. 62). По материалам Днепровского левобережья сосуды с венчиками этого типа датируются второй половиной X — первой половиной XI в. (Там же. С. 232). Стенки сосуда тонкие (не более 7 мм), тесто с примесью дресвы. Шейка и плечики сосуда орнаментированы грубой многорядной волной.

Сосуд 3 (рис. 3, 9) также имеет S-видный профиль, его венчик оформлен по краю прямым срезом. Плечико орнаментировано ломаной многорядной волной, под которой прочерчено несколько рядов горизонтальных линий. Толщина стенок достигает 10 мм, тесто с примесью дресвы. Раннегончарные сосуды аналогичной профилировки и орнаментации широко распространены на Северо-Западе Руси и датируются в пределах второй половины X в. (Горюнова, 2009. С. 133, рис. 2). Типичны они и для памятников смоленского Поднепровья, где они выделяются в вариант 1 типа АII, по Е. В. Каменецкой, и датируются в рамках второй–третьей четвертей X в. (Каменецкая, 2019. С. 38, рис. 17, 2; 148).

Как мы видим, на сопредельных древнерусских территориях раннегончарная керамика, схожая с сосудами из постройки 1, бытует в пределах второй половины X — первой половины XI в. На территории Окско-Донского водораздела находки раннекруговых сосудов в целом характерны для памятников, возникших не ранее

³ РФК — развитие функций гончарного круга.

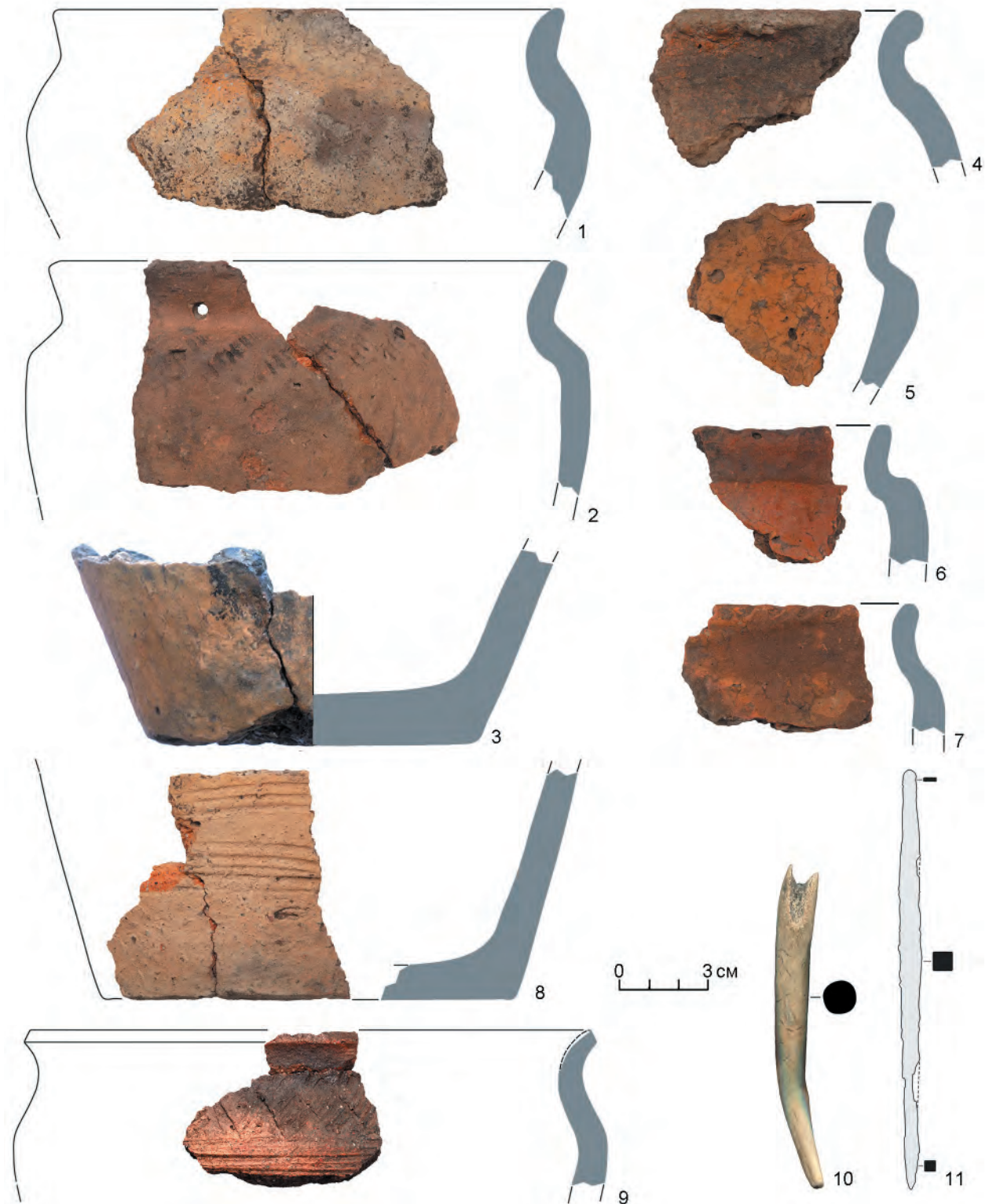

Рис. 3. Материал из заполнения постройки 1: 1-7 — фрагменты груболепных сосудов ромненского типа; 8, 9 — фрагменты раннегончарных сосудов; 10 — острие с V-образным вырезом; 11 — инструмент. 1-9 — керамика; 10 — рог; 11 — железо

Fig. 3. Objects from the structure's filling 1: 1-7 — fragments of roughly molded vessels of Romny type; 8, 9 — fragments of early pottery vessels; 10 — point with V-shaped cut; 11 — tool. 1-9 — ceramics; 10 — horn; 11 — iron

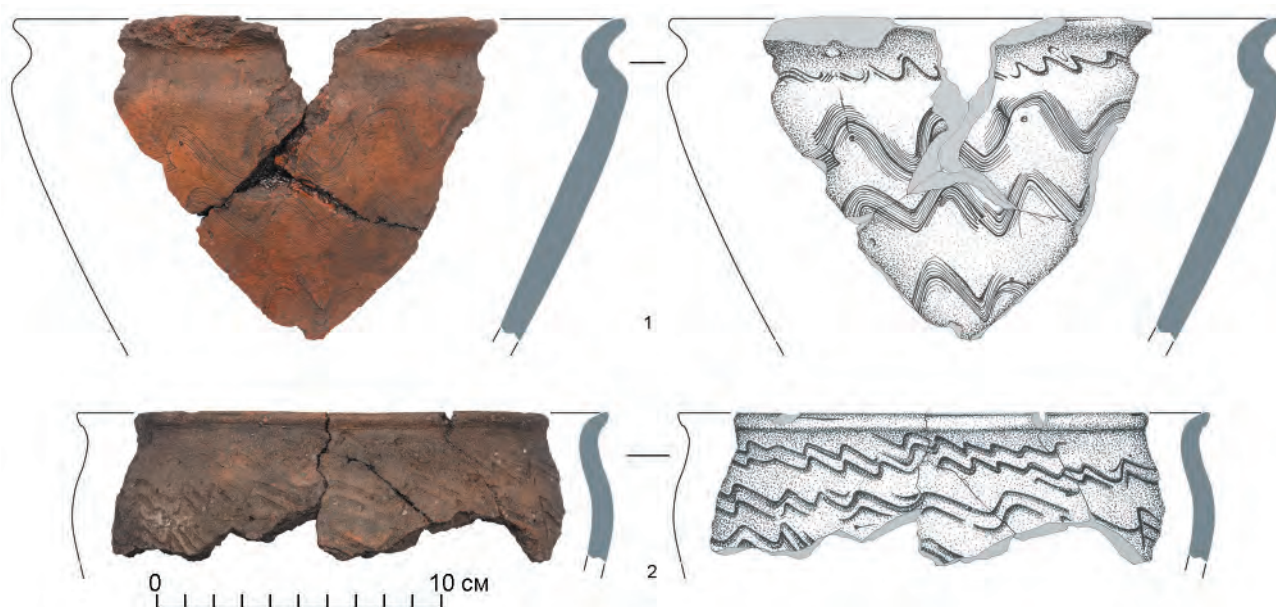

Рис. 4. Раннегончарные сосуды из заполнения постройки 1
 Fig. 4. Early pottery vessels from the filling of the structure 1

середины X в. (Колоколов, 2022. С. 196, 197; 2023а). Аналогичная ситуация наблюдается и в северо-западной части Верхнего Поочья. По мнению О. Л. Прошкина, присутствие на поселениях этого региона раннекруговой керамики в сочетании с лепной является косвенным основанием датировать их второй половиной X — первой половиной XI в. (Прошкин, 2013. С. 88).

Совокупность материалов позволяет ограничить время существования селища Б. Тризново-4 второй половиной X в. На его возникновение не ранее середины столетия указывает находка пятиугольной поясной накладки, а также характер керамического комплекса постройки 1. Скорее всего, поселение прекратило существование не позднее конца X в. Об этом свидетельствует полное отсутствие среди материалов памятника гончарной древнерусской керамики. Ее бытование в комплексе с лепной и раннекруговой керамикой является основным маркером памятников первой половины XI в. на территории региона (Колоколов, 2022. С. 196, 197).

Таким образом, мы можем точно определить место поселения на хронологической шкале славянских древностей региона. Согласно существующей хронологии, бытование памятников конца I — II тыс. н. э. на территории Окско-Донского водораздела делится на три периода: ранний (IX — первая половина X в.), средний (середина — вторая половина X в.) и поздний (конец X —

XI в.) (Григорьев, 2005; Колоколов, 2023а). Селище Б. Тризново-4 относится к среднему периоду. На сегодняшний день оно является единственным неукрепленным поселением в регионе, принадлежность которого к этому периоду достоверно подтверждается материалами раскопок. Помимо хорошо датированных находок и яркого керамического комплекса от поселений предыдущего, раннего, периода его отличает особенность расположения относительно речной системы региона. Так, поселения раннего периода непосредственно связаны с Верхнеокским участком Донского торгового пути. Они расположены на берегах Оки и ее крупных притоков, которые связывают бассейны Оки и Дона (Упа, Шат, Зуша) или позволяют значительно сократить путь внутри Окского бассейна (Осетр, Вашана, Тулица), а также в местах предполагаемых волоков. Небольшое их количество известно на притоках Дона — Мокрой Табале и Красивой Мече. В комплексах находок с этих памятников присутствуют принадлежности для малых взвешиваний, фрагменты тарных сосудов-амфор причерноморского происхождения, гончарной посуды салтовского типа. На связь этих поселений с участком речного торгового пути указывают также скопления житных ям большого объема, предназначенных для хранения товарного зерна, и следы смолокурного производства.

Селище Б. Тризново-4, напротив, расположено на значительном удалении от крупных водных

Рис. 5. Находки фрагментов раннекруговых и лепных сосудов с селищ Окско-Донского водораздела: 1 — Сотино-1; 2, 3 — Образцово-2; 4-9 — Денисово-1; 10-16 — Денисово-2; 17, 18, 20 — Лужки-1; 19, 21-23 — Лужки-5

Fig. 5. Finds of fragments of early round and molded vessels from settlements of the Oka-Don watershed: 1 — Sotino-1; 2, 3 — Obratsovo-2; 4-9 — Denisovo-1; 10-16 — Denisovo-2; 17, 18, 20 — Luzhki-1; 19, 21-23 — Luzhki-5

артерий региона. Оно находится на водораздельном участке, в верховьях ручья, в 3 км от впадения в Упу, что исключает его участие в функционировании торгового пути. Такая топография характерна и для городищ, на которых выявлены материалы второй половины X в. (Колоколов, 2023а. С. 30).

По аналогии с Б. Тризново-4 к памятникам среднего периода можно уверенно отнести еще два неукрепленных поселения, известных по разведочным данным, — селища Сотино-1 и Образцово-2.

Селище Сотино-1 выявлено в 2014 г., на его территории был заложен шурф площадью 2 кв. м (Столяров, 2014. С. 48–53). Памятник расположен на правом берегу оврага, в 3 км от впадения в р. Вашану. В IX — первой половине X в. по р. Вашане (правому притоку Оки) проходил один из участков Окско-Донского торгового пути, узловым пунктом которого было городище Никулино (Колоколов, 2022. С. 201, рис. 2). Из верхней части заполнения заглубленного в материк объекта, зафиксированного на дне шурфа, помимо грубой лепной керамики роменского типа происходил крупный фрагмент раннекругового сосуда. Он имел S-видный профиль с желобком по краю венчика, плечико и тулово были орнаментированы вертикальными и горизонтальными ломаными линиями (рис. 5, 1). Раннегончарные сосуды аналогичной профилировки были широко распространены на Северо-Западе Руси и датируются в пределах второй половины X в. (Горюнова, 2009. С. 133, рис. 2).

В том же году было обследовано селище 2 у дер. Образцово (Столярова, 2014. С. 20). Памятник расположен на правом берегу оврага (правого притока р. Плавы (левого притока р. Упы)), в 4,2 км от левого берега р. Упы по прямой, в 7,9 км по руслу безымянного оврага и р. Плавы до устья. Подъемный материал содержал фрагменты лепных роменских и раннегончарных сосудов с линейным орнаментом. Среди них примечательны два венчика раннегончарных горшков. Один имеет ровный срез по краю, шейка украшена четырьмя рядами линейного орнамента (рис. 5, 2), второй имеет желобок по краю (рис. 5, 3). Венчики близки к вариантам 1 и 2 типа II, по Е. В. Каменецкой, и по материалам Смоленского Поднепровья датируются второй–третьей четвертями X в. (Каменецкая, 2019. С. 38, рис. 17, 2; 148).

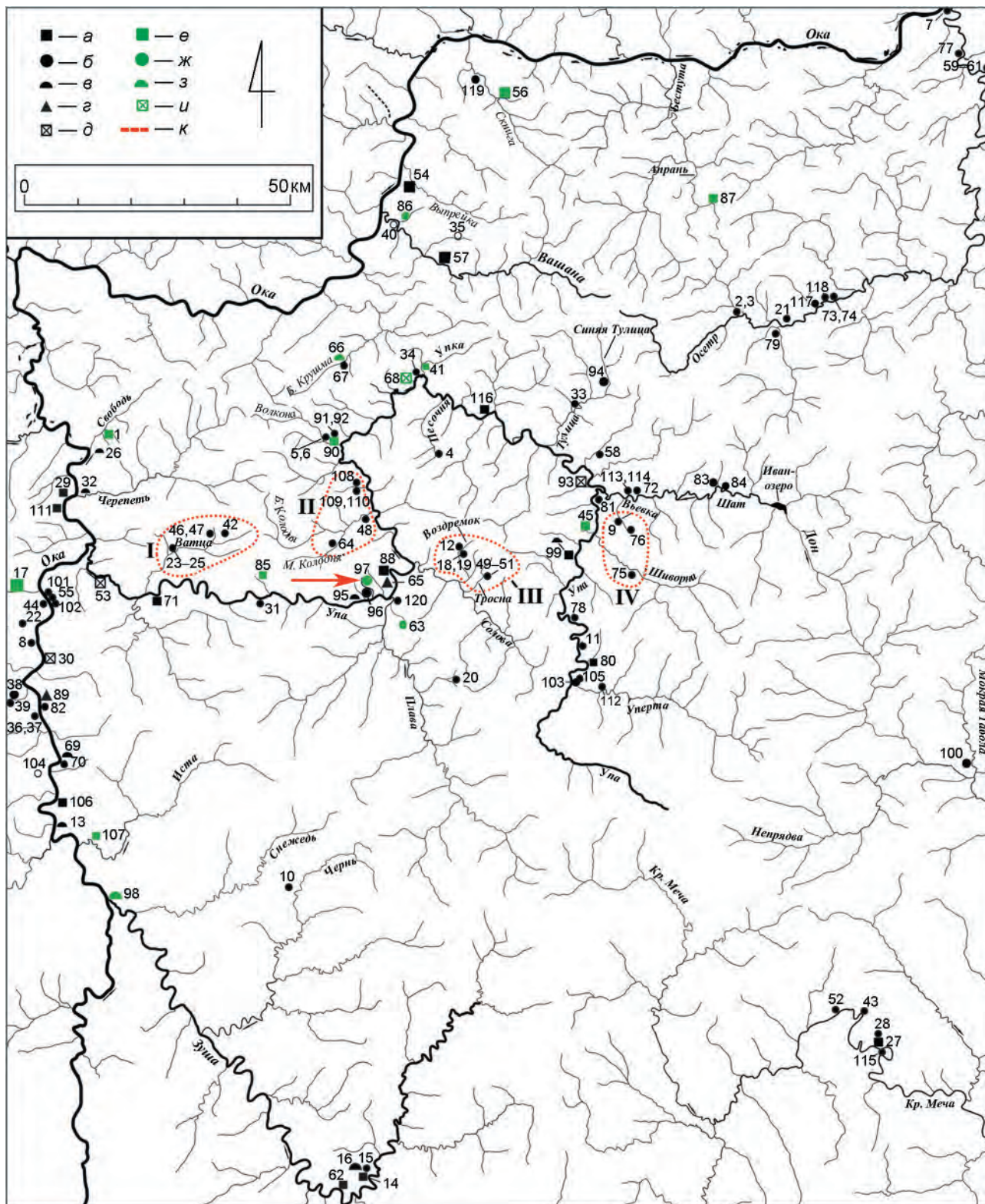
Таким образом, исследования на селище Б. Тризново-4 (рис. 6, 97) в совокупности с разведочными данными поселений Сотино-1 (рис. 6, 86)

и Образцово-2 (рис. 6, 63), а также материалами городищ среднего периода достоверно подтверждают схему расселения во второй половине X в. на территории Окско-Донского водораздела.

Согласно этой схеме (рис. 6), поселения среднего периода располагались на мелких тупиковых притоках крупных рек региона, которые на предыдущем этапе являлись магистралями Верхнеокского участка Донского торгового пути. На берегах этих рек (Оки, Упы, Вашаны, Осетра и др.) обнаружено множество селищ и городищ с материалами IX — первой половины X в. Во второй половине X в. население региона перемещается вглубь территории. Это связано с военным нашествием середины столетия, последствия которого ярко отражены в материалах Супрутского городища (рис. 6, 88), являвшегося, по-видимому, административным и военным центром региона. После его гибели контроль над крупными водными артериями был утрачен, и из источника дохода они превратились в источник потенциальной опасности.

Схожий процесс происходил на этой же территории на финальном этапе бытования носителей мощинской археологической культуры. Изначально, в III–V вв., их поселения располагались в основном по руслу Оки и ее крупных притоков. В последующий период (VI–VII вв.) количество мощинских памятников в регионе резко сокращается, они обнаруживаются на мелких притоках Оки, в глубине лесной зоны. При этом материалы наиболее полно изученного памятника финального периода мощинской культуры Акиншинского городища (рис. 6, 1) свидетельствуют о военном характере прекращения жизни на нем (Воронцов, 2014. С. 323). На площадке этого городища впоследствии во второй половине X в. возникло поселение (Колоколов, 2023а. С. 31, 32).

Исходя из предложенной схемы расселения, можно наметить вектор дальнейшего поиска и обследования памятников второй половины X в. Для выявления ранее неизвестных поселений этого времени требуется проведение разведочных исследований в бассейнах мелких ручьев и оврагов, впадающих в основные реки региона. При этом особое внимание стоит уделять верховьям этих водоемов. Кроме этого, необходимо повторное, более тщательное, обследование уже обнаруженных памятников с материалами конца I — начала II тыс. н. э., расположение которых характерно для поселений среднего периода (второй половины X в.). На сегодняшний день можно выделить несколько микрорегионов

Рис. 6. Памятники конца I — начала II тыс. н. э. на территории Окско-Донского водораздела: 1 — Акиньишино; 2 — Андреевка-1; 3 — Андреевка-2; 4 — Батищево-4; 5 — Березово-1; 6 — Березово-2; 7 — Берхино-1; 8 — Болтенки; 9 — Болхово-1; 10 — Бунаково; 11 — Бутырки; 12 — Воздремо-7; 13 — Воронеж; 14 — Воротынцево; 15 — Воротынцево-8; 16 — Воротынцево; 17 — Вырск; 18 — Головеньки-1; 19 — Головеньки-3; 20 — Голощапово-3; 21 — Грабовново-1; 22 — Давыдово; 23 — Денисово-1; 24 — Денисово-2; 25 — Денисово-3; 26 — Доброе; 27 — Дубики; 28 — Дубики-1; 29 — Дуна; 30 — Жабынь; 31 — Жемчужниково; 32 — Западное; 33 — Ивановка-2; 34 — Изволь-1; 35 — Калединовка-4; 36 — Кализна-1; 37 — Кализна-2; 38 — Каменка-1; 39 — Каменка-2; 40 — Карташово-1; 41 — Кетри; 42 — Кирилловка-3; 43 — Козье; 44 — Кондратово; 45 — Лобынское; 46 — Лужки-1; 47 — Лужки-5; 48 — Лужное-8; 49 — Майский-1; 50 — Майский-4; 51 — Майский-5; 52 — Маслово; 53 — Мишнево; 54 — Мосолово; 55 — Мощены; 56 — Нижняя Городня; 57 — Никулино; 58 — Новоселки-2; 59 — Новоселки-1; 60 — Новоселки-2; 61 — Новоселки-3; 62 — Новосиль; 63 — Образцово-2; 64 — Озерки-1; 65 — Орлово; 66 — Панское; 67 — Панское-1; 68 — Першино; 69 — Песковатое-1; 70 — Песковатое-4; 71 — Петровское; 72 — Победа; 73 — Причаль-1; 74 — Причаль-2; 75 — Пушкарские выселки-1; 76 — Пятницкое-1; 77 — Ратькино-2; 78 — Сатинка-1; 79 — Свиридовский-1; 80 — Свисталовка; 81 — Сергиевское; 82 — Сестринский; 83 — Слободка-1; 84 — Слободка-2; 85 — Снедка; 86 — Сотино-1; 87 — Спицино; 88 — Супруты; 89 — Темрянь; 90 — Тимофеевка; 91 — Тимофеевка-1; 92 — Тимофеевка-2, 3; 93 — Таптыково; 94 — Торхово-3; 95 — Б. Тризново; 96 — Б. Тризново-3; 97 — Б. Тризново-4; 98 — Тшлыково; 99 — Услань Гора; 100 — Устье-2; 101 — Устье Гастунки; 102 — Устье Усты; 103 — Уткино-1; 104 — Уткино-3; 105 — Уткино-4; 106 — Федяшево; 107 — Фурсово; 108 — Хотетово-2; 109 — Хотетово-5; 110 — Хотетово-7; 111 — Чекалин; 112 — Чифировка; 113 — Шатск-17; 114 — Шатск-18; 115 — Шилово; 116 — Щепилово; 117 — Щучье-1; 118 — Щучье-2; 119 — Яковлево-1; 120 — Ярцево-5. Условные обозначения: *a* — городища; *b* — селища; *v* — курганные могильники; *z* — местонахождение; *d* — утраченные памятники; памятники второй половины X в. (зеленый цвет) (*e* — городища, *ж* — селища, *з* — курганные могильники, *и* — утраченные памятники); *к* — группы памятников, наиболее перспективные для выделения на них горизонта второй половины X в. (I–IV)

Fig. 6. Sites of the late 1st – early 2nd mill. AD on the territory of the Oka-Don watershed: 1 — Akinshino; 2 — Andreevka-1; 3 — Andreevka-2; 4 — Batishchevo-4; 5 — Berezovo-1; 6 — Berezovo-2; 7 — Berkhino-1; 8 — Boltlenki; 9 — Bolkhovo-1; 10 — Bunakovo; 11 — Butyrki; 12 — Vozdremo-7; 13 — Voronets; 14 — Vorotintsevo; 15 — Vorotintsevo-8; 16 — Vorotintsevo; 17 — Vyrsk; 18 — Golovenki-1; 19 — Golovenki-3; 20 — Goloshchapovo-3; 21 — Grabonovo-1; 22 — Davydovo; 23 — Denisovo-1; 24 — Denisovo-2; 25 — Denisovo-3; 26 — Dobroye; 27 — Dubiki; 28 — Dubiki-1; 29 — Duna; 30 — Zhabyn; 31 — Zhemchuzhnikovo; 32 — Zapadnoye; 33 — Ivanovka-2; 34 — Izvol-1; 35 — Kaledinovka-4; 36 — Kalizna-1; 37 — Kalizna-2; 38 — Kamenka-1; 39 — Kamenka-2; 40 — Kartashovo-1; 41 — Ketri; 42 — Kirillovka-3; 43 — Kozye; 44 — Kondratovo; 45 — Lobynskoye; 46 — Luzhki-1; 47 — Luzhki-5; 48 — Luzhnoye-8; 49 — Maysky-1; 50 — Maysky-4; 51 — Maysky-5; 52 — Maslovo; 53 — Mishnevo; 54 — Mosolovo; 55 — Moshcheny; 56 — Nizhnyaya Gorodnya; 57 — Nikulino; 58 — Novoselki-2; 59 — Novoselki-1; 60 — Novoselki-2; 61 — Novoselki-3; 62 — Novosil; 63 — Obratsovo-2; 64 — Ozerki-1; 65 — Orlovo; 66 — Panskoe; 67 — Panskoe-1; 68 — Pershino; 69 — Peskovatoye-1; 70 — Peskovatoye-4; 71 — Petrovskoye; 72 — Pobeda; 73 — Prichal-1; 74 — Prichal-2; 75 — Pushkarskie vyselki-1; 76 — Pyatnitskoye-1; 77 — Ratkinno-2; 78 — Satinka-1; 79 — Sviridovsky-1; 80 — Svistalovka; 81 — Sergievskone; 82 — Sestrinsky; 83 — Slobodka-1; 84 — Slobodka-2; 85 — Snedka; 86 — Sotino-1; 87 — Spitsino; 88 — Supruty; 89 — Temryan; 90 — Timofeevka; 91 — Timofeevka-1; 92 — Timofeevka-2, 3; 93 — Tapytkovo; 94 — Torkhovo-3; 95 — Bolshoye Trizново; 96 — Bolshoye Trizново-3; 97 — Bolshoye Trizново-4; 98 — Tshlykovo; 99 — Uslan Gora; 100 — Ustye-2; 101 — the mouth of the Gastunka; 102 — the mouth of the Usta; 103 — Utkino-1; 104 — Utkino-3; 105 — Utkino-4; 106 — Fedyashevo; 107 — Fursovo; 108 — Khotetovo-2; 109 — Khotetovo-5; 110 — Khotetovo-7; 111 — Chekalin; 112 — Chifirovka; 113 — Shatsk-17; 114 — Shatsk-18; 115 — Shilovo; 116 — Shchepilovo; 117 — Shchuchye-1; 118 — Shchuchye-2; 119 — Yakovlevo-1; 120 — Yartsevo-5. Symbols: *a* — fortified settlements; *b* — unfortified settlements; *v* — burial mounds; *z* — location; *d* — lost sites; sites of the second half of the 10th cen. (green color) (*e* — fortified settlements, *ж* — unfortified settlements, *з* — burial mounds, *и* — lost sites); *к* — the groups of sites, the most promising to identify the horizon of the second half of the 10th cen. (I–IV)

на территории Окско-Донского водораздела, где можно предположить наличие таких памятников. Наиболее перспективным из них является бассейн р. Ватцы (правого притока р. Упы), в верхнем и среднем течении которой зафиксированы селища Денисово-1–3, Лужки-1 и 5, Кирилловка-3 (рис. 6, I). На селищах Денисово-1 и 2 (рис. 6, 23, 24), Лужки-1 и 5 (рис. 6, 46, 47), в ходе разведок 1996 г. (Шеков, 1996. С. 171–173, 183, 184) собрана небольшая коллекция лепной и раннегончарной керамики (рис. 5, 4–23), что косвенно подтверждает их принадлежность к памятникам среднего периода (второй половины X в.). Ближайшее схожее по топографии скопление памятников выявлено в бассейнах рек Колодня и Вера

(правые притоки р. Упы). В него входят селища Хотетово 2, 5, 7, Озерки-1, Лужное-8 (рис. 6, II). Еще два таких микрорегиона находятся в верховьях ручьев Воздремок, Малаховка и р. Тросны (правых притоков р. Соловы), где обнаружены селища Головеньки-1, 3, Воздремо-10, Майский-1, 4, 5 (рис. 6, III), а также в районе слияния рек Упы и Шат — в бассейнах рек Вьевка (левого притока р. Шат) и Шиворона (левого притока р. Упы), где выявлены селища Болохово-1, Пятницкое-1, Пушкарские выселки-1 (рис. 6, IV). Помимо перечисленных скоплений отдельные памятники, перспективные для поиска на них горизонта второй половины X в., расположены в бассейнах рек Крушмы, Выпрейки, Скниги, Песочни, Нериски.

Бобринский, 1978 — Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Богуславский, Яблоник, 1987 — Богуславский О. И., Яблоник Д. Л. Ранние скандинавские находки в юго-восточном Приладожье в контексте синхронных скандинавских импортов // История и археология Новгородской земли: Тезисы науч.-практ. конф. Новгород: Новгородская правда, 1987. С. 25–26.

Бранденбург, 1895 — Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1895 (МАР; № 18). 156 с.

Воронцов, 2014 — Воронцов А. М. Поздний период существования мощинской культуры // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 311–327.

Голубева, 1973 — Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 216 с.

Горюнова, 2009 — Горюнова В. М. Датирующие возможности раннегончарной керамики X — начала XI в. // РА. 2009. № 4. С. 132–141.

Горюнова, 2016 — Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016 (Труды ИИМК РАН; Т. XLVII). 328 с.

Григорьев, 2005 — Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2005. 207 с.

Давидан, 1980 — Давидан О. И. Бронзолитейное дело в Ладоге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Искусство, 1980. Вып. 21: Материалы и исследования по археологии СССР. С. 59–67.

Каменецкая, 2019 — Каменецкая Е. В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.; Смоленск: КДУ; Университетская книга, 2019. 244 с.

Колоколов, 2022 — Колоколов А. М. Эпоха формирования Древнерусского государства // Археология

Окско-Донского водораздела. Кн. 1: С древнейших времен до Средневековья / Под ред. А. М. Воронцова. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2022. С. 184–202.

Колоколов, 2023а — Колоколов А. М. Хронология памятников X века на территории Окско-Донского водораздела // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2, № 1. С. 24–43.

Колоколов, 2023б — Колоколов А. М. Элементы поясной гарнитуры с памятников VIII–X веков Окско-Донского водораздела // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 268–281.

Колоколов, Простяков, 2021 — Колоколов А. М., Простяков И. С. Материальная культура горизонта X в. на городище у д. Спицино // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 50–66.

Кочкуркина, 2013 — Кочкуркина С. И. Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками. Каталог. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 160 с.

Кочкуркина, Линевский, 1985 — Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси X — начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.

Носов, Плохов, 2005 — Носов Е. Н., Плохов А. В. Исследование центральной части Рюрикова городища в 1984–1989 гг. // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб.: ИИМК РАН, 2005 (Труды ИИМК РАН; Т. XVIII). С. 33–66.

Простяков и др., 2023 — Простяков И. С., Воронцов А. М., Колоколов А. М. Разведочные исследования на территории МО г. Тулы и Щекинского района Тульской области // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2022: Сб. ст. / Отв. ред.-сост. М. В. Ивашов. Липецк; Воронеж: Новый взгляд, 2023. С. 232–234.

- Прошкин*, 2013 — *Прошкин О. Л.* Лепная и раннекруговая керамика как культурно-хронологический индикатор археологических памятников IX–XI веков северо-западной части Верхнего Поочья // *Археология Подмосквья: Материалы научного семинара*. М.: ИА РАН, 2013. Вып. 9. С. 69–90.
- Розенфельдт*, 1982 — *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982. 177 с.
- Сарачев*, 2000 — *Сарачев И. Г.* Типология венчиков древнерусских горшков днепровского левобережья // *Григорьев А. В.* Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Приложение 1. Тула: Гриф и К°, 2000. С. 225–236.
- Седых, Френкель*, 2014 — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* О времени и обряде основного погребения кургана 95 Тимеревского могильника // *Археология: история и перспективы*. VI межрегион. конф.: Сб. ст. / Под. ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2014. С. 165–198.
- Столяров*, 2014 — *Столяров Е. В.* Отчет об археологических разведках в г. Тула, Ленинском, Алексинском и Одоевском районах Тульской области в 2014 г. // *НОА РАН*. Р-1. № 48611. 395 л.
- Столярова*, 2014 — *Столярова К. А.* Отчет об археологических разведках в Ленинском, Алексинском и Щекинском районах Тульской области в 2014 г. // *НОА ИА РАН*. Р-1. № 48641. 65 л.
- Флёрова*, 2001 — *Флёрова В. Е.* Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло (по материалам Саркела — Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). СПб.: Алетейя, 2001. 256 с.
- Шеков*, 1996 — *Шеков А. В.* Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1996. Т. 1 // *НОА ИА РАН*. Р-1. № 20271. 285 л.
- Arbman*, 1940 — *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Text. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1940. 560 p.
- Arbman*, 1943 — *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1943. 282 taf.
- Petersen*, 1928 — *Petersen J.* Vikingetidens Smykker. Stavanger: Dreyers grafiske anstalt, 1928. 222 p.

The settlement of Bolshoe Triznovo-4: to the question of chronology and topography of unfortified settlements of the second half of the 10th century Oka-Don watershed

A. M. Kolokolov, I. S. Prostyakov⁴

Keywords: Oka-Don watershed, settlement, Romny culture, Slavic colonization, second half of the 10th cen.

The settlement is located in the Shchekino District of the Tula Region, in the upper reaches of an unnamed brook (right tributary of the Upa River), 3 km from the mouth (Fig. 1, 1). The site was discovered in 2022. The excavated material from the settlement is represented by fragments of molded vessels of the Romny type (9th–10th cen.), as well as some metalware. The most interesting are a fragment of a boat-shaped bracelet and a belt overlay (Fig. 2, 1, 4). The items are cast from bronze and were probably made locally. This is evidenced by traces of bronze foundry production found at the site (Fig. 2, 5, 6). The jewelry that served as prototypes for these finds is represented in Old Rus' materials. Similar bracelets come from the complexes of the 10th cen., belt plates — from the complexes of the second half of the 10th–11th cen. In 2023 excavations were carried out at the settlement. The remains of a dwelling with a pit and a stove were studied (Fig. 1, 3). The ceramic complex of the structure included 95 % of molded ware of the Romny type (Fig. 3, 1–7) and 5% of early pottery (Fig. 3, 8, 9; 4), which, according to the Old Rus' materials, date from the second half of the 10th — first half of the 11th cen. Apparently, the settlement appeared in the second half of the 10th cen. and ceased to exist no later than the end of the century. To date, Bolshoye Triznovo-4 is the only excavated settlement of this period in the region. Besides it, there are two other settlements with similar topography and materials, known from reconnaissance data — Sotino-1 and Obratstvo-2 (Fig. 6, 86, 63). Together with them, as well as with the materials of synchronous settlements, the results of excavations of Bolshoye Triznovo-4 confirm the settlement pattern in the second half of the 10th cen. in the territory of the Oka-Don watershed. According to it, settlements of this period were located on small, dead-end tributaries of the major rivers. Basing on the proposed scheme, it is possible to identify several clusters of sites of the late 1st — early 2nd mill. AD, which are the most promising for the indication of the horizon of the second half of the 10th cen. (Fig. 6, I–IV).

⁴ Alexander M. Kolokolov, Ivan S. Prostyakov — State Museum-Reserve “Kulikovo Pole”; Tula, Russia; e-mail: kolokoloff.sasha@yandex.ru, retar1988@mail.ru.

Об одной надписи из собрания Русского археологического института в Константинополе в коллекции Эрмитажа¹

С. Р. Тимир-Булатова²

Аннотация. Статья посвящена лапидарной надписи из собрания Государственного Эрмитажа. Рассматривается история ее происхождения и поступления, а также признаки, по которым ее можно считать поддельной. Эта надпись сравнивается с другими известными поддельными надписями, на основании чего разбирается способ фальсификации лапидарных эпиграфических памятников. Делается вывод о том, что эти подделки создавались в Южной России одной группой фальсификаторов в начале 1890-х гг.

Ключевые слова: эпиграфика, лапидарные надписи, подделки, Гохманы, РАИК, Ольвия.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-165-175

В собрании отдела античного мира Государственного Эрмитажа находится плита с поддельной греческой надписью. Она сделана из мелкозернистого мрамора и по всей поверхности покрыта черным налетом копоти. Ее высота 24,5 см, ширина 14,6 см, толщина 3,8 см. Плита обтесана сзади и по боковым сторонам, ранее была расколота на две части, ныне склеена. На лицевой поверхности надпись в 15 строк (рис. 1).

Историю поступления этой надписи в Эрмитаж можно восстановить следующим образом. Судя по тому, что в выпуске ЗООИД за 1894 г. Э. Р. Штерн упоминает, что «Ф. И. Успенский получил недавно поддельную ольвийскую надпись», примерно в 1892–1893 гг. она оказалась у Ф. И. Успенского (*Штерн*, 1894а. С. 22, примеч. 2). Вопрос о том, как это произошло, остается открытым. С 1874 г. Ф. И. Успенский работал в Новороссийском университете и, несомненно, знал о торговле и древностями, и подделками в Одессе, и перед покупкой надписи, скорее всего,

проконсультировался бы с эпиграфистами; кроме того, как известно, он не занимался коллекционированием. В связи с этим маловероятно, что он ее приобрел самостоятельно — вполне возможно, что ее могли преподнести в качестве подарка. Это подтверждается также формулировкой, что Ф. И. Успенский «получил надпись», а не приобрел. Статья Э. Р. Штерна датирована ноябрем 1893 г., когда Ф. И. Успенский находился в Одессе; с апреля 1894 г. он был назначен директором Русского археологического института в Константинополе (РАИК), поэтому через некоторое время надпись, вероятно, вошла в коллекцию музея института. Очевидно, что, будучи подделкой, она не считалась ценной в собрании музея и в публикациях «Известий» РАИК не встречается. После начала Первой мировой войны, когда институт перестал функционировать, экспонаты и архив не удалось вывезти сразу. Сохранившаяся часть вещей, в том числе и эта надпись, была перевезена в Оттоманский музей, откуда в 1929–1930 гг. поступила в БАН в Ленинграде, а в 1931 г. все экспонаты было решено передать в Эрмитаж (*Басаргина*, 1999. С. 144, 145). В том же 1931 г. она была записана в инвентарную книгу поступлений под номером А.1181 как происходящая «из коллекции Константинопольского Института» и вошла в коллекцию греческой скульптуры (современный инв. № ГР-16141).

Можно предположить, что надпись была создана на так называемой южнорусской фабрике

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-18-00202, <https://rscf.ru/project/24-18-00202/> «Эпиграфические памятники Греции и Малой Азии в коллекции эстампажей Научного архива ИИМК РАН») в ИИМК РАН.

² Государственный Эрмитаж; С.-Петербург, Россия; e-mail: sof.timir-bulatova@yandex.ru.

© Тимир-Булатова С. Р., 2024

Рис. 1. Мраморная плита с надписью, Государственный Эрмитаж (инв. № GR-16141). Фото автора

Fig. 1. A marble slab with an inscription, State Hermitage Museum (Inv. no. GR-16141). Photo by the author

подделок, которая действовала, прежде всего, в Очакове и Одессе и занималась фальсификацией различных античных предметов — керамики, эпитафики, скульптуры, ювелирных украшений. К сожалению, за исключением ювелира И. Х. Рухомовского (Иванов, 2002. С. 19–28), до сих пор остается в тени история группы мастеров, изготовлявших подделки; более известны братья Л. и Ш. Гохманы, которые занимались продажей как подлинных древностей, так и их фальсификаций, сотрудничая при этом с известными коллекционерами и институтами (Иванчик, 2015; Кузьмищев, 2016; Горская, Медведева, 2022). Как писал В. В. Латышев, сами братья Гохманы «надписей не подделывают, но, без сомнения, являются инициаторами этого рода индустрии» (Переписка А. В. Орешникова..., 2023. С. 80, № 66).

Активная фальсификация эпитафических памятников началась после 1885 г., когда вышел первый том *Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae* (IOSPE) В. В. Латышева. До 1885 г. подделки надписей также встречались, но легко распознавались из-за плохого уровня древнегреческого языка у их составителей. Теперь же фальсификаторы получили доступ к большому количеству подлинных текстов, что позволяло им усовершенствовать свою методику: как правило, компилировались фрагменты из разных надписей, и таким образом получался более или менее связный текст. Образцы букв брались из фотографий, текстов, напечатанных условным эпитафическим шрифтом, и подлинных надписей, которые проходили через руки торговцев древностями и которые можно было посмотреть в музее Одесского общества. Для большей достоверности они могли продавать подделки вместе с оригиналами, а также договариваться с местными жителями, которые рассказывали, где они якобы нашли эту вещь.

Историки и археологи знали о поддельных предметах и занимались их разоблачением. Этому посвятили статьи А. Л. Бертье-Делагард и В. В. Латышев, который разделил деятельность фальсификаторов на периоды, указав основные подделки и разобрав их методику (Латышев, 1895б; Бертье-Делагард, 1896; Переписка А. В. Орешникова..., 2023. С. 82–85, № 69). Много этим занимался и Э. Р. Штерн, описавший фальсификации в разных сферах искусства (Штерн, 1897; 1906а; 1906б), а в 1896 г. на X Археологическом съезде в Риге им был прочитан доклад о подделке древностей (Штерн, 1896). В приложении к IV тому IOSPE В. В. Латышев выделил известные ему на тот момент подделки: список содержит 32 надписи (IOSPE IV. P. 315–324).

Некоторые работы фальсификаторов были сделаны качественно и не сразу были распознаны, например, послание ольвиополитов Сайтафарну (рис. 2, 1) (Штерн, 1894а. С. 18–29; 1894б; Латышев, 1895б. С. 1–7; IOSPE IV. P. 322, 323, № XXV; Иванчик, 2015. С. 150, рис. 4; Переписка А. В. Орешникова..., 2023. С. 83.), посвящение Зевсу Спасителю (рис. 2, 2) (Штерн, 1894а. С. 1–18; 1895. С. 69–81; Латышев, 1895б. С. 7–13; IOSPE IV. P. 322, № XXIV; Переписка А. В. Орешникова..., 2023. С. 83, 84) или декрет в честь Ахемена (рис. 2, 3) (Штерн, 1893; 1895. С. 79, 80; Латышев, 1895а. С. 73, 82, № 11; IOSPE IV. P. 321, № XX; Иванчик, 2015. С. 151, рис. 5). Наибольшую же известность получила тиара царя Сайтафарна (рис. 3),

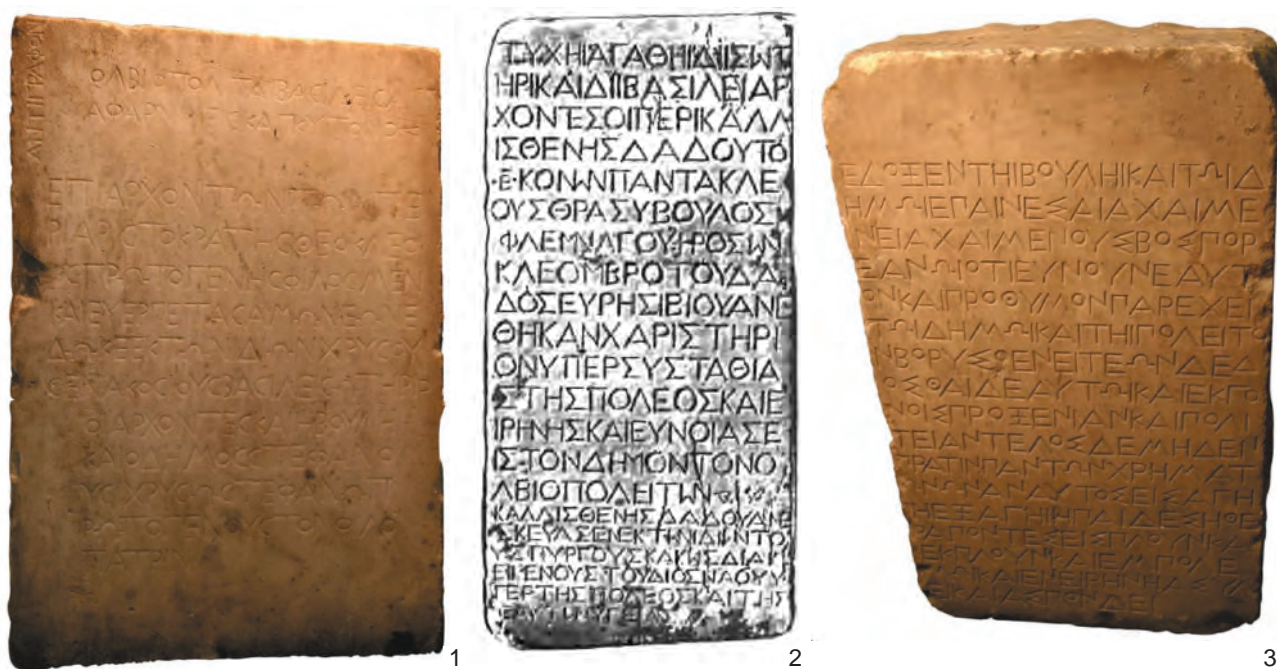

Рис. 2. 1 — «Послание ольвиополитов Сайтафарну», Одесский археологический музей (№ 50419 (IIa-133)); 2 — «Посвящение Зевсу Спасителю», мрамор; 3 — «Декрет в честь Ахемена», Одесский археологический музей (№ 50517 (IIa-131))

Fig. 2. 1 — “The Olbiopolites’ message to Saitapharnes”, Odessa Archaeological Museum (No. 50419 (IIa-133)); 2 — “The Dedication to Zeus the Saviour”, marble; 3 — “The Decree in honour of Achaemenes”, Odessa Archaeological Museum (No. 50517 (IIa-131))

[1, 3 — *Иванчик*, 2015. С. 150, рис. 4; 151, рис. 5; 2 — *Штерн*, 1894а. Табл. № 1, 1]

которая была продана Лувру (*Schlitz*, 2010). В определенный момент дело дошло до суда, где Л. и Ш. Гохманы признались в изготовлении поддельных предметов, однако строгих санкций не последовало (*Орешиников*, 1897; *Колтовский*, 1903. С. 20–22).

Надпись Ф. И. Успенского упоминается в публикациях трижды. Впервые о ней пишет Э. Р. Штерн в 1894 г., приводя ее как пример того, «на какой низкой ступени знания и умения стоят фабриканты поддельных ольвийских надписей». Далее он дает ее текст маюскулами, отмечает несколько прочитанных им слов и отсутствие связи между ними, вследствие чего называет ее «довольно грубой подделкой» (*Штерн*, 1894а. С. 22, примеч. 2).

Позже о ней писал В. В. Латышев в обширной статье, посвященной проблеме фальсификации надписей в Южной России. Он проследил историю развития этой «эпиграфической фабрики», разделив ее на периоды: 1-й — до момента выхода в свет I тома IOSPE в 1885 г.; 2-й — между 1885 и началом 1890-х гг., когда тексты сочинялись людьми, которые некоторым образом знали греческий

Рис. 3. «Тиара Сайтафарна», Лувр (MNC 2135)

Fig. 3. “Tiara of Saitafarnes,” the Louvre (MNC 2135)

[URL: <https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010256592#>]

и в чьем распоряжении был IOSPE, в результате чего они могли компоновать отрывки из разных надписей в одну; 3-й — с начала 1890-х гг., когда фальсификаторы «стали заботиться об их [текстов] усовершенствовании» (Латышев, 1895б. С. 13–18). Ко 2-му периоду он отнес надпись Ф. И. Успенского, которую назвал «наиболее усовершенствованным образчиком подделок рассматриваемой категории, так как в ней уже ясно заметно стремление составить связный греческий текст». В. В. Латышев также приводит текст, но уже с диакритикой, разделением текста на слова, исправлением ошибок и дополнениями опущенных окончаний (Там же. С. 15, примеч. 1).

Кроме того, она включена В. В. Латышевым в список «spuriorum et dubiorum» (IOSPE IV. P. 232, № XXVI). Приводится лишь ее местонахождение, две предыдущие публикации и емкая характеристика: «На камне, который, как сообщается, был найден в Ольвии, читаемы слова греческие, но избилующие грубейшими ошибками»³.

Хотя надпись считается В. В. Латышевым образцом 2-го этапа фальсификаций в эпиграфике, ее новая публикация представляется полезной по нескольким причинам. Э. Р. Штерн и В. В. Латышев упоминают ее лишь мельком, в обоих случаях в примечаниях, и, в отличие от некоторых других подделок, они не делают ее подробный разбор и не приводят ее изображения. Кроме того, она является частью собрания отдела античного мира Эрмитажа, и ее происхождение и создание важно для изучения истории музейной коллекции. Ведь ошибочное определение происхождения памятника может ввести в заблуждение даже опытных специалистов; так, например, выдающийся эпиграфист А. Аврам опубликовал надпись из Тире как подлинную, хотя она была признана поддельной еще в 1890-е гг. (Аврам, 1997; Иванчик, 2015. С. 152, 153). Это произошло из-за того, что не было аутопсии, и он не знал о ее публикациях в ЗООИД. В связи с этим публикация изображения надписи, анализ методики ее создания, сопоставление с другими поддельными изделиями позволят в дальнейшем распознавать другие подобные памятники, которые хранятся в разных музеях⁴.

³ В оригинале: «In lapide, qui fertur Olbiae repertus esse, voces graecae leguntur, sed erroribus foedissimis scatentes».

⁴ Из списка подделок в IOSPE IV большая часть надписей хранится в Одесском археологическом музее (точно: № XX, XXII, XXV, предположительно: № VII,

Текст надписи выглядит следующим образом (с нашими дополнениями в круглых скобках):

1 Πόλεως ὀλβιοῖπ(ολιτῶν) ἐφιλοτειμ-
ησάμ(ην) τὰ ἐκ τῆς ἐξόδο-
υ πόλεως αἱ στρατηγ(οἰ) Π-
απίαν Πραξιάνακτ(ος) οἱ χ-
5 ρυσοῦς ἑκατ(ὸν) Θεόδωρος
Τουμβάγ(ου) ξε΄ Τρύφ(ων) Τρ-
ήφω(ος) νε΄ Ἴσταῖο(ς) Σαδα-
ί(ου) λε΄ Ἰοφα...ηδευ ε
μρ΄ Ἄβραγ(ος) Δημητρ(ίου)
10 εἰ΄ χρυσοῦς στρατηγ(η)-
σάντ(ων) καλῶς καὶ τὸ
ἀντίγραφον ἀποτεθῆ(ν)-
αι εἰς τὰ δημόσια ἐγέν-
ετο ἐν Ὀλβίῳ μην-
15 ὄς Βονδρομινῶος ι΄.

В. В. Латышев самой надписи не видел, из-за чего ошибочно пропустил присутствующие на камне артикли οἱ (стк. 4) и τὸ (стк. 11), повторил неверное чтение, воспроизведенное у Э. Р. Штерна, в 8 стк. Β (камень — Ε) и в 15 стк. Γ (камень — Ι). Кроме того, он рассматривает этот текст несколько менее подробно, не разбирая ΑΙ (стк. 3), ΞΕ (стк. 6), ΡΗΦΩΝΝΕ (стк. 6–7), ΑΕΙΟΦΑ...ΗΔΕΥ (стк. 8), Β/ΜΡ (стк. 8–9), ΕΙ (стк. 10), в слове же Βονδρομινῶνος (стк. 15) исправляет ошибки. Некоторые его дополнения отличаются от наших: (στρατηγ(οῦ)), Σαδαί(ον), στρατηγῆσάντ(ι), что, впрочем, не представляется принципиальным. Рассмотрим подробнее, что указывает на поддельный характер надписи.

Как и в ряде других подделок — надписи на тиаре Сайтафарна и послание ольвиополитов ему же (рис. 2, 1) (Штерн, 1894а. С. 17–29) — палеография этой надписи явно подражает шрифту декрета в честь Протогена (IOSPE I¹ 16 = I² 32): широкое *μ*ю, маленький *ο*микрон, лунарная *σ*игма, характерная *ω*мега с продолговатой дугой. Думается, что шрифт декрета копировался с издания В. В. Латышева, а не с оригинала, который

IX–XI, XXI, XXIII, XXIV, XXX–XXXII), также в ГИМ (№ XIII, XIV), Эрмитаже (№ XXVI), Музее истории Молдавии в Яссах (№ XXVII). Местонахождение части надписей из коллекции И. К. Суручана не установлено (№ I–VI, VIII, XII, XV–XIX, XXVIII, XXIX) (Власова, 1996). А. И. Иванчик опубликовал еще несколько поддельных, не упомянутых В. В. Латышевым, надписей из Эрмитажа, ГИМ, Одесского и Херсонского музеев, Национального музея в Кракове и частных коллекций (Иванчик, 2015. С. 148–150, рис. 1–3; 151, рис. 6; 153, 154, рис. 8, 9; НСП, 2021. С. 205, № 118; 207, № 120).

фальсификаторы, скорее всего, не видели, так как до 1880 г. он находился в частной коллекции графа А. Г. Кушелева-Безбородко в Черниговской губернии. Его дочь Л. А. Мусина-Пушкина передала этот памятник Императорской Публичной библиотеке в Петербурге (Письмена на камне..., 2014. С. 12). В IOSPE I¹ текст этого декрета приводится маюскулами и минускулами, а в одной из таблиц в конце этого тома он дан условным эпиграфическим шрифтом в виде алфавита, что, естественно, облегчало работу фальсификаторам (рис. 4, 1). Впрочем, источником вдохновения мог служить не только декрет Протогена — также шрифт напоминает IOSPE I¹ 100 (= I² 180) из музея Одесского общества (рис. 4, 2).

Как и в других поддельных надписях, здесь много лигатур — 12 на 15 строк текста (IOSPE IV. P. 318, 319, № XVI–XIX; 322, № XXIV). В лапидарных надписях Ольвии они зафиксированы, но это не было широко распространено (IOSPE I² 62, 158, 173, 174, 246, 248), так что большое количество лигатур, а также необычное расположение букв (например, одна над другой), скорее всего, будет указывать на поддельность; к тому же в подлинных памятниках отсутствуют соединения букв, аналогичные нашей надписи. Зато их стиль и шрифт очень схожи с табличками, которые были приобретены И. К. Суручаном в 1885 г.⁵, поэтому можно предположить, что они были выполнены одним мастером. При создании последних в качестве примера использовались монограммы на монетах: так, в IOSPE I¹ 166⁶ без изменений была заимствована «А», объединенная с «Р» (рис. 5, 1) (Анохин, 2011. № 534, 535). Монеты фальсификаторы могли видеть вживую у торговцев древностями, а также в различных изданиях, например, в каталоге П. О. Бурачкова, вышедшем в 1884 г. в Одессе (Бурачков, 1884. С. 49, № 61, 63, 65; табл. VII, № 164; 165, 169; табл. IX, № 208–212; XXIV, № 14; XXIX, № 202; схожие монограммы см.: Анохин, 1986. Кат. 256–258, 370; табл. 40). Вероятно, взяв за основу стиль этих монограмм, они создавали новые варианты соединения букв, как видно в некоторых подделках (IOSPE IV. P. 321, № XIV (Латышев, 1892. С. 364, № 96²) и XV

⁵ В. В. Латышев не был уверен в их поддельности, так как не видел их сам, поэтому они были изданы в I томе IOSPE I¹ 166 и 167; также: Латышев, 1889. С. 132, 133, № 166¹⁻⁶; 1892. С. 383–384. Э. Р. Штерн и А. Л. Бертье-Делагард были уверены в их поддельности (Штерн, 1894а. С. 22, примеч. 2; Бертье-Делагард, 1896. С. 37; IOSPE IV. P. 316, № I–VI. Также см.: Надель, 1960).

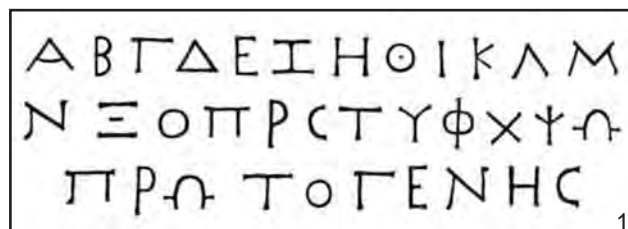

Рис. 4. 1 — шрифт декрета в честь Протогена; 2 — посвящение Клеомброта

Fig. 4. 1 — font of the decree in honour of Protogenes; 2 — dedication by Cleombrotus

[1 — IOSPE I¹, Tab. II; 2 — IOSPE I² 180; Яйленко, 2016. С. 415]

(Штерн, 1895. С. 83, примеч. 1), а также в нашей надписи, особенно в 3-й, 4-й, 8-й строках. Такое количество лигатур и нетипично расположенных букв, как кажется, делалось в надписях исключительно из эстетических соображений, так как с ними надпись могла выглядеть более оригинально и привлекательно для покупателей.

Текст был составлен излюбленным для фальсификаторов способом — компоновался из нескольких частей, взятых из IOSPE I¹:

- ἐφιλοτειμ/ησάμ(ην) τὰ ἐκ τῆς ἐξόδο/υ — IOSPE I¹ 203 (= I² 440);
- Π/πίαν Πραξιάνακ(ος) — IOSPE I¹ 61 (= I² 98);
- χρυσοῦς ἑκατ(όν) — IOSPE I¹ 16 (= I² 32);
- Θεόδωρος / Τουμβάγ(ου) Τρύφ(ων) Τρύφων(ος) — IOSPE I¹ 57 (= I² 94);
- Ἄβραγ(ος) Δημητρ(ίου) — IOSPE I¹ 61 (= I² 98);
- στρατηγ(η)σάντ(ων) καλῶς — IOSPE I¹ 57 (= I² 94);
- ἀντίγραφον ἀποτεθῆ(ν)/αι εἰς τὰ δημόσια ἐγέν/ετο ἐν ... — IOSPE I¹ 2 (= I² 2);
- μὴν/ὸς Βονδρομινῶος — IOSPE I¹ 22 (= I² 40).

Числа, обозначающие, какую сумму пожертвовал каждый стратег, совпадают с обозначением года в некоторых надписях: ξε´ — IOSPE I¹ 215 (= I² 453), λε´ — 214 (= I² 476), εμρ´ — 3 (= I² 4), εἰ´ — 22 (= I² 40).

Станным кажется то, что автор, копируя целые фразы, отбрасывал у слов их окончания и

Рис. 5. 1 — медная монета из Ольвии, 69/70 г. н. э.; 2 — мраморная плитка из коллекции И. К. Суручана; 3 — серебряная тетрадрахма, около 315–310 гг. до н. э.

Fig. 5. 1 — the copper coin from Olbia, 69/70 AD; 2 — marble tile from the collection of I. K. Suruchan; 3 — silver tetradrachm, ca. 315–310 BC

[1, 3 — Анохин, 2011. № 535, 292; 2 — Латышев, 1889. С. 286, табл. XIII, № 166⁶]

пропускал некоторые буквы. Сокращение слов вообще нехарактерно для греческой эпиграфики (в отличие от латинской), и, хотя это иногда встречается, у нас очень мало подобных примеров. О том, что составитель действительно плохо разбирался в падежах, говорит и то, что он брал имена из разных списков имен, не задумываясь об изменении формы. В большей части случаев автору удалось найти правильный вариант, взяв формы в Nom. Sg., но в надписи IOSPE I¹ 61 в сочетании в предлоге περὶ имя Παλίαν стоит в Acc. Sg., в каком виде оно и было перенесено в нашу надпись, а без предлога эта форма не имеет смысла. В. В. Латышев отмечал, что «падежи собственных имен представляют собою камень преткновения для нашего фальсификатора» (Латышев, 1895б. С. 8), так что, возможно, испытывая с этим затруднение, составитель текста просто решил отбросить окончания; однако в других поддельных надписях имена даются полностью, так что объяснить эту особенность затруднительно.

Заключительная фраза заимствована из IOSPE I¹ 2 (ἐγένετο ἐν Τύρα), но с заменой названия города и без соблюдения падежной формы. Можно предположить, что форма Ὀλβιο казалась фальсификаторам вполне естественной, так как в этом, действительно усеченном, виде она предстает на монетах Ольвии (рис. 5, 3) (Виноградов, 1989. С. 25, 26; Анохин, 2011. С. 45–91), которые они, несомненно, видели, а также на некоторых фрагментированных надписях (IOSPE I¹ 172). О том, что Ὀλβιο воспринималось как полноценное название города, свидетельствует письмо Ш. Гохмана в Императорскую археологическую

комиссию, где он так его и называет — «OLBIO» (Горская, Медведева, 2022. С. 31). Э. Р. Штерн также отмечал, что форма OLBIO является характерной особенностью подделки (Штерн, 1896. С. 140, 141). Форма πόλεως в Gen. Sg. могла быть взята из стандартной формулы ὑπὲρ τῆς πόλεως в посвящениях стратегов Аполлону Простату, которые являлись источником для аналогичных поддельных надписей и представленных в IOSPE I¹ в большом количестве (они же по нумерации IOSPE I² 80, 82, 83, 85, 86, 88–109, 111, 113, 117, 136–138, 147, 148, 175, 686).

Можно предположить, что этникон Ὀλβιολῖται, который они, разумеется, видели на других надписях и монетах, переводился ими примерно как «город Ольвия», а поэтому они легкомысленно переставили в самом начале слова местами и получилось бессмысленное Πόλεως ὀλβιοίη (стк. 1), по аналогии с перестановкой στρατηγ(η)σάντ(ων) καλῶς (в IOSPE I¹ 57, откуда это было скопировано — καλῶς στρατηγῆσαντας). Далее, взяв за основу фразу ἐν Τύρα из IOSPE I¹ 2, автор поменял название города в той же известной форме, так что получилось несогласованное ἐν Ὀλβιο (стк. 14). Стоит отметить, что схожая ошибка встречается и в другой поддельной надписи, где также присутствует несогласованное словосочетание τῆς πόλεως Τύρα (IOSPE IV. P. 321, № XXII).

Две ошибки были допущены в слове Βουδρομῖνος (стк. 15). Название этого месяца нечасто встречается в ольвийских надписях, так что составители также могли взять его из какой-нибудь статьи. Можно предположить, что замена η на ν произошла в результате ошибки в русском языке —

Рис. 6. «Декрет в честь Геросонта», фрагмент

Fig. 6. "Decree in honour of Gerosontes", fragment

[IOSPE IV. P. 319, № XVIII]

и при плохой печати можно перепутать с и, что и встречается в одной статье В. В. Латышева, в которой по незнанию «Боидромион» можно прочитать как «Бондромион» (Латышев, 1884. С. 61).

На примере других подделок видно, что из подлинных надписей копировались целые слова и фразы без изменений, из-за чего возникали трудности с согласованием форм; имена с патронимиками иногда брались целиком, а иногда комбинировались; для большей внушительности могли добавить топоним или этникон. В нашей надписи видно, что составитель шел по пути механической склейки фраз, не заботясь о тонкостях грамматики, с легкостью отбрасывая окончания слов.

В целом видно, что ориентировались, скорее, на положение слов и фраз в тексте (начало/середина/конец), чем на смысл, поэтому получились довольно бессвязные фразы, не соответствующие формулам, принятым в ольвийской эпиграфике для посвящений от лица стратегов (IOSPE I² 80, 82, 83, 85, 86, 88–109, 111, 113, 117, 136–138, 147, 148, 175, 686).

Мы можем указать несколько поддельных памятников, схожих с нашей надписью по шрифту, способу копирования фраз и источникам:

— таблички из коллекции И. К. Суручана, приобретенные в 1885 г.: схожий стиль написания букв и лигатур, примером для которых явно служили монограммы на монетах (рис. 5, 2) (Орешников, 1890. Табл. II, № 8);

— декрет в честь Геросонта, отца Протогена, приобретенный И. К. Суручаном у братьев Гохманов в 1892 г.: среди его источников также IOSPE I¹ 16 (= I² 32), 22 (= 40), и в ней также есть большое количество лигатур и необычных расположений букв, например, ω помещена над υ (стк. 3, 4)

или находится между двумя τ, которые почти соприкасаются горизонтальными гастами (стк. 9) (рис. 6) (Латышев, 1895б. С. 5, 6, 15; IOSPE IV. P. 319, № XVIII)⁶;

— Тирская надпись, купленная А. Л. Бертье-Делагардом у братьев Гохманов в начале 1893 г.: среди ее источников IOSPE I¹ 22 (= I² 40), а также сокращаются слова (рис. 7) (Юргевич, 1894; Заседания обществ..., 1894. С. 63–65; IOSPE IV. P. 323, № XXVII; SEG 47; Иванчик, 2015. С. 152, 153, рис. 7; Переписка А. В. Орешникова..., 2023. С. 82, 83, № 69)⁷;

— надпись о строительстве стены храма, приобретенная И. К. Суручаном в марте 1893 г.: среди ее источников также IOSPE I¹ 16 (= I² 32), 22 (= 40), 61 (= 98), 203 (= 440), повторяются слова ἐφιλοτεμῆσάμην, χρυσοῦς ἑκατόν, μηνὸς Βοηδρομιῶνος; отметим, что Βοηδρομιῶνος здесь с грамотным написанием (Inscriptiones..., 1894. P. 7, № 8; IOSPE IV. P. 323, № XXVIII)⁸;

— посвящение Зевсу Спасителю и Зевсу Царю, подаренное Одесскому обществу А. Л. Бертье-Делагардом в мае 1893 г.: аналогично расположен текст на лицевой стороне, присутствует большое количество лигатур (рис. 2, 2)⁹;

⁶ Вероятные источники текста: IOSPE I¹ 15 (= I² 27), 16 (= 32), 22 (= 40), 24 (= 42), 27 (= 46), 28 (= 47), 26 (= 51), 33 (= 54), 195 (= 418), 199 (= 423).

⁷ Вероятные источники текста: IOSPE I¹ 2 (= I² 2), 8 (= 20), 15 (= 27), 22 (= 40), 78 (= 134), 109 (= 199), 102 (= 181), 199 (= 423), 200 (= 425).

⁸ Вероятные источники текста: IOSPE I¹ 16 (= I² 32), 22 (= 40), 50 (= 80), 61 (= 98), 101 (= 64), 114 (= 201), 172 (= 326), 203 (= 440).

⁹ Вероятные источники текста: IOSPE I¹ 15 (= I² 27), 16 (= 32), 24 (= 42), 35 (= 57), 57 (= 94), 58 (= 175),

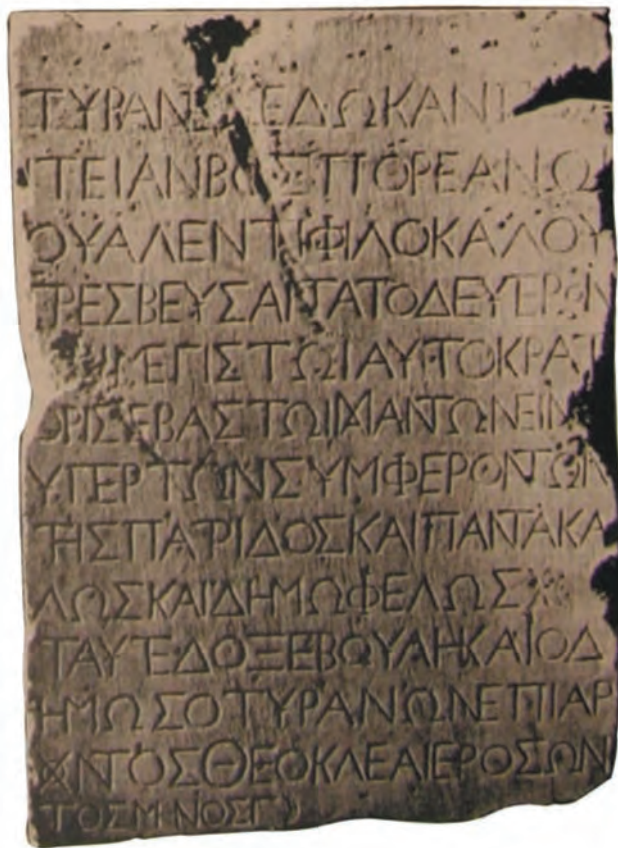

Рис. 7. «Тирская надпись», Музей истории Молдавии в Яссах

Fig. 7. "The Tyre inscription", Museum of the History of Moldavia in Iași

[Иванчик, 2015. С. 152, рис. 7]

— послание ольвиополитов к Сайтафарну, подаренное Одесскому обществу А. Л. Бертье-Делагардом в мае 1893 г.: также воспроизводится шрифт декрета в честь Протогена и среди его источников есть IOSPE I¹ 16 (рис. 2, 1)¹⁰;

— декрет в честь Ахемена, подаренный Одесскому обществу А. Л. Бертье-Делагардом в мае 1893 г.¹¹: схожа манера исполнения некоторых букв, аналогично расположен текст на лицевой стороне, хотя этот камень значительно больше по размеру (рис. 2, 3).

64 (= 101), 72 (= 110), 104 (= 185), 105 (= 187), 114 (= 201), 202 (= 438); здесь не указаны источники нескольких мест в тексте, которые представляют собой формулы и имена, встречающиеся во многих посвячительных надписях в IOSPE.

¹⁰ Вероятные источники текста: IOSPE I¹ 15 (= I2 27), 16 (= 32), 114 (= 201), 185 (= 352), 199 (= 423).

¹¹ Вероятные источники текста: IOSPE I¹ 8 (= I2 20), 9 (= 23), 11 (= 24), 14 (= 30), 15 (= 27), 115 (= 202).

За исключением первых двух, купленных в 1885 и 1892 гг., все эти надписи были получены в начале года, в частности, в марте и мае 1893 г., так что, учитывая одно и то же время их приобретения и указанные схожие черты, можно предположить, что они были созданы в один период времени одной группой людей. Однако по сравнению с ними текст надписи Ф. И. Успенского составлен хуже, в нем больше механических склеек и других черт, нехарактерных для подлинников, так что, возможно, что у нее и остальных подделок были разные составители либо один, для которого эта надпись стала своеобразной пробой пера. Что касается использованных источников, то особенно много совпадений у надписи Ф. И. Успенского и надписи о строительстве стены храма, так что у них мог быть один автор.

Совпадение источников для поддельных надписей может говорить о том, что у фальсификаторов существовала база, выборка текстов, из которой брались нужные фразы. Сравнение текстов подделок, приводимых В. В. Латышевым, показывает, что принцип отбора надписей из IOSPE довольно прост. Судя по всему, главным критерием был большой объем надписи, так как из нее можно было взять много информации. В поддельных текстах можно найти фрагменты каждой из таких крупных надписей (I¹ 2, 11, 12, 16, 17, 21, 22, 24, 26, 47, 48, 114, 185). Происхождение памятников, как кажется, не играло первостепенной роли: использовались ольвийские, херсонесские надписи, а также по одной из Тире и с Левки. Наиболее часто использовались декреты из Ольвии, но, скорее, в силу того, что их в издании много больше, чем из Херсонеса. Отметим, что части из херсонесских памятников с высокой сохранностью текста также неоднократно заимствовались (I¹ 185, 199). Единственный тирский декрет был также взят из-за большого количества строк. Малое же по объему посвящение с Левки Ахиллу Владыке, было выбрано, видимо, в силу редкости такого эпитета. Из остальных мест надписи довольно фрагментарны, что не помогало фальсификаторам составить качественный текст. Небольшие по объему надписи могли использоваться из-за того, что в них содержалось что-нибудь редкое: имя (I¹ 102, 172), топоним (I¹ 23, 115), термин (I¹ 195, 199), форма слова (I¹ 104), число (I¹ 2, 214, 215). Стоит отметить, что числа нехарактерны для подделок, так что в этом отношении нашу надпись можно считать исключением. Из различных видов надписей, приводимых в IOSPE I¹, чаще всего использовались декреты, несколько реже — посвящения,

а разделы с текстами на надгробиях и *varia* фактически не задействованы; маловероятно даже, что оттуда брались имена, так как те, что они использовали, хоть и встречаются на надгробиях, но содержатся также в декретах и посвящениях, откуда их взять было проще вместе с другими формулами.

Несмотря на невысокий уровень текста, обработка камня выполнена качественно: буквы вырезаны аккуратно, в одном стиле, мрамор обтесан со всех сторон, сама плита толщиной 3,8 см — не тонкая, в отличие от ранних подделок. Камень явно имеет античное происхождение, так как в Причерноморье нет месторождений мрамора, а в древнюю Ольвию его привозили из Эгейды. Вероятно, изначально эта плита представляла собой архитектурную деталь и являлась частью постройки. В XIX в. в Ольвии не проводилось систематических раскопок, и сам памятник никак не охранялся, что приводило к его разрушению и разграблению. Уже Е. Е. Кёлер отмечал, что местные жители выкопали камни, из которых были сложены стены города (Тункина, 2002. С. 445, 446). Хищническими раскопками занимались крестьяне, владельцы этих земель и даже путешественники, прежде всего, с целью продажи древностей (Крыжицкий и др., 1999. С. 11). Фальсификаторы вполне могли приобретать у них камни с подлинными, но плохо сохранившимися надписями, сбивать их и вырезать новый текст; либо могли брать архитектурную деталь, обрабатывать должным способом, после чего наносить свою надпись (Латышев, 1895б. С. 16). В случае с нашим памятником в силу размера и формы камня второй вариант кажется более предпочтительным.

Отдельно надо отметить, что мрамор со всех сторон закопчен; судя по всему, сначала камень был обработан и заглажена лицевая поверхность, затем он был обожжен, вследствие чего по всей поверхности появился налет копоти, после чего вырезана надпись: это заметно по тому, что в самих буквах следов обжига нет. Использование копоти для придания старинного вида заметно также на послании ольвиополитов к Сайтафарну (Там же. С. 4).

Такое исполнение свойственно и для других надписей этого периода, а сходство шрифта позволяет говорить об одном резчике, по крайней

мере, для табличек И. К. Суручана, надписи Ф. И. Успенского и послания ольвиополитов; форма камня и расположение строк схожи с Тирской надписью, декретом в честь Ахемена, надписью о строительстве стены храма и посвящением Зевсу Спасителю. Все эти надписи сделаны на мраморе. Декрет в честь Протогена был главной опорой фальсификаторов, что объяснимо: его текст предоставляет большое количество информации, а шрифт понятно и удобно выведен в графическом виде в приложении к IOSPE I¹.

Вероятно, надпись Ф. И. Успенского была создана раньше перечисленных, о чем говорит более низкий уровень компоновки ее текста. Можно было бы выдвинуть предположение, что она создавалась, скорее, как сувенир, нежели как настоящая надпись, что объясняется ее небольшим размером и необычным внешним видом с эффектными затемнениями и интересной стилизацией букв. Торговля такими предметами под старину также велась (Букина, 2020. С. 239–251). Известен Е. Р. Запорожский, который владел «частным археологическим музеем» в Керчи, и давал такое объявление: «В музее продаются: различные археологические находки. Имеется также большой подбор фальсифицированных древностей для сличения с настоящими» (Москвич, 1904; о Е. Р. Запорожском см.: Боровкова, 1999. С. 120–125; Виноградов, 2019. С. 442, 464). Однако представляется маловероятным, что эта надпись создавалась как сувенир, хотя бы потому, что нет свидетельств о такой сфере деятельности братьев Гохманов. Сувениры, как правило, воспроизводят оригинал, что действительно востребовано среди покупателей, поэтому было бы проще механически скопировать один из настоящих памятников, как это делал Е. Р. Запорожский. Здесь же автор приложил усилия и создал новый текст, так как ему важна была оригинальность.

Так или иначе, сходство методов — обработки камня, компоновки текста, воспроизведения шрифта — свидетельствует о том, что эти надписи, очевидно, создавались в Южной России одним или несколькими связанными между собой мастерами в Одессе, Очакове и их округе в начале 1890-х гг.

Анохин, 1986 — Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 178 с.

Анохин, 2011 — Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев: СтилоС, 2011. 328 с.

Басаргина, 1999 — Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе: очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 243 с.

Бертъе-Делагард, 1896 — Бертъе-Делагард А. Л. Подделка греческих древностей на юге России // ЗООИД. 1896. Т. XIX. С. 27–68.

- Боровкова*, 1999 — *Боровкова В. Н.* Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: Деметра, 1999. 160 с.
- Букина*, 2020 — *Букина А. Г.* Любые античные вазы из Северного Причерноморья: путешествие к трансцендентальному // АВ. 2020. Вып. 29. С. 239–251.
- Бурачков*, 1884 — *Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Ч. 1. Одесса: Тип. А. Шульце, 1884. 289 с.
- Виноградов*, 1989 — *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. VII–I вв. до н. э. М.: Наука, 1989. 288 с.
- Виноградов*, 2019 — *Виноградов Ю. А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 1 / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. М. В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 354–536.
- Власова*, 1996 — *Власова Е. В.* Эрмитаж и судьба коллекции И. К. Суручана // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга. Краткое содержание докладов. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. С. 53–56.
- Горская*, *Медведева*, 2022 — *Горская О. В., Медведева М. В.* Братья Гохманы, Императорская археологическая комиссия, Императорский Эрмитаж: начало истории // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья: Материалы IV науч.-практ. конф. / Отв. ред. С. Б. Ланцов, Н. В. Куклева. Симферополь: Ариал, 2022. С. 27–35.
- Заседания обществ...*, 1894 — *Заседания обществ // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом.* М.: Тов. тип. А. И. Мамонтова, 1894. Т. II. С. 53–71.
- Иванов*, 2002 — *Иванов А. Н.* Мастера золотого и серебряного дела в России (1600–1926). Т. 1. М.: Русский национальный музей, 2002. 464 с.
- Иванчик*, 2015 — *Иванчик А. И.* О некоторых поддельных надписях Ольвии и Тиры // *Olbio. In memoriam V. V. Kharivina.* Київ: Олег Филук, 2015 (Археология і і давня історія України; Вип. 1 (14)). С. 147–157.
- Колтовский*, 1903 — *Колтовский Е. Е.* Самодельная Калифорния. Фабриканты и сбытчики фальшивых денег и вещей и их враги: сыщики и «аферисты». Из записок следователя Е. Колтовского. Кишинев: Тип. А. Б. Гольденштейна, 1903. 92 с.
- Крыжицкий и др.*, 1999 — *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В. и др.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев: Изд-во ИА НАНУ, 1999. 478 с.
- Кузьмищев*, 2016 — *Кузьмищев А. Г.* Э. Р. фон Штерн и борьба с фальсификациями археологических материалов в конце XIX — начале XX века // *EMINAK.* 2016. № 4. С. 320–326.
- Латышев*, 1884 — *Латышев В. В.* О календарях Ольвии, Тиры и Херсонеса Таврического // *Труды VI Археологического съезда в Одессе.* Одесса: Тип. А. Шульце, 1884. Т. 2. С. 56–71.
- Латышев*, 1889 — *Латышев В. В.* Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря (*Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*) // *ЗИРАО.* 1889. Т. IV. С. 120–153, табл. X–XIII.
- Латышев*, 1892 — *Латышев В. В.* Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря. II // *ЗИРАО.* 1892. Т. V. С. 361–384.
- Латышев*, 1895а — *Латышев В. В.* Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря (*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*). III // *ЗИРАО.* 1895. Т. VII. С. 73–93.
- Латышев*, 1895б — *Латышев В. В.* О поддельных надписях из Южной России // *ЗООИД.* 1895. Т. XVIII. С. 1–18.
- Москвич*, 1904 — *Москвич Г. Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1904. 62 с.
- Надэль*, 1960 — *Надэль Б. И.* О поддельных надписях с «загадочными знаками» из Ольвии // *Listy filologické / Folia philologica.* Roč. 83, Čís. 1960. P. 1–8.
- НСП*, 2021 — *Надписи Северного Причерноморья: лапидарные надписи.* Т. 1: Греческие и латинские надписи Тиры и окрестностей / Ред. А. И. Иванчик и др. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 232 с.
- Орешников*, 1890 — *Орешников А. В.* О монетах скифских царей с именем города Ольвии // *ЗИРАО.* 1889. Т. IV. С. 14–24.
- Орешников*, 1897 — *Орешников А. В.* Судебное дело в Кишиневе о подделке древностей // *Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом.* М.: Тов. тип. А. И. Мамонтова, 1897. Т. V. С. 235.
- Переписка А. В. Орешникова...*, 2023 — *Переписка А. В. Орешникова и В. В. Латышева. 1866–1920 /* Изд. подг. П. Г. Гайдуков, Н. А. Павличенко. М.: ИА РАН, 2023. 298 с.
- Письмена на камне...*, 2014 — *Письмена на камне: иллюстрированный каталог /* Авт.-сост. О. В. Васильева, Е. А. Стрельникова. СПб.: РНБ, 2014. 88 с.
- Тункина*, 2002 — *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Штерн*, 1893 — *Штерн Э. Р.* Новооткрытая ольвийская надпись // *ЗООИД.* 1893. Т. XVI. С. 1–10.

- Штерн*, 1894а — *Штерн Э. Р.* Вновь найденные ольвийские надписи // ЗООИД. 1894. Т. XVII. С. 1–28.
- Штерн*, 1894б — *Штерн Э. Р.* Поправки и дополнения к статье «Вновь найденные ольвийские надписи» // ЗООИД. 1894. Т. XVII. С. 29–30.
- Штерн*, 1895 — *Штерн Э. Р.* Несколько заметок по поводу статьи В. В. Лагышева «О поддельных греческих надписях из южной России» // ЗООИД. 1895. Т. XVIII. С. 65–86.
- Штерн*, 1896 — *Штерн Э. Р.* О подделке предметов классической древности на юге России (реферат, читанный на X Археологическом съезде в Риге 2 августа 1896 г.) // Журнал Министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Ч. CCCVIII. 1896, декабрь. СПб.: Тип. В. С. Балашева и К^о, 1896. С. 129–159.
- Штерн*, 1897 — *Штерн Э. Р.* О новейших подделках в области керамики на юге России. Протокол 301 заседания 23 декабря 1896 г. // ЗООИД. 1897. Т. XX. С. 37–41.
- Штерн*, 1906а — *Штерн Э. Р.* О новом способе подделки античных vaz Ольвии. Протокол 357 заседания 13 февраля 1904 г. // ЗООИД. 1906. Т. XXVI. С. 5–15.
- Штерн*, 1906б — *Штерн Э. Р.* О новом способе фальсификации в мраморе и серебре Ольвии. Протокол 362 заседания 21 октября 1904 г. // ЗООИД. 1906. Т. XXVI. С. 55–59.
- Юргевич*, 1894 — *Юргевич В. Н.* Тирасская надпись, найденная, по словам продавца, в 1893 году в Аккермане // ЗООИД. 1894. Т. XVII. С. 33–36.
- Яйленко*, 2016 — *Яйленко В. П.* История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2016. 980 с.
- Avram*, 1997 — *Avram A.* Décret inédit de Tyras // *Studia Antiqua et Archaeologica* (Iași). 1997. № 3-4. P. 115–126.
- Inscriptiones...*, 1894 — *Inscriptiones Graecae et Latinae novissimis annis (1889–1894) Museo Surutschaniano quod est Kischinevi inlatae* / Ed. I. Surutchan, B. Latyshev. Petropoli: Typis Academiae Caesariae scientiarum, 1894. 20 p.
- Schlitz*, 2010 — *Schlitz V.* Du bonnet d'Ulysse à la tiare de Saïtapharnès // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии: Сб. ст. в честь Поля Бернара / Отв. ред. К. Абдуллаев. Самарканд: Зарафшан, 2010. С. 217–233.

On an inscription from the collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople kept in the State Hermitage museum

C. R. Timir-Bulatova¹²

Keywords: epigraphic, lapidary inscriptions, forgery, Gokhman brothers, РАИК, Olbia.

The collection of the State Hermitage Museum contains a marble slab with a Greek inscription obtained from the collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople (RAIC) in 1931 (Fig. 1) The director of the RAIC, F. I. Uspensky, received it in the early 1890s while working in Odessa. The text informs of the money dedicated by the *strategoï*. A number of features indicate that the inscription is forged: the text contains grammatical and syntactic errors and is composed of fragments taken from authentic inscriptions; in addition, the paleographic traits of imitation are also traced. By the same features, this inscription is similar to other forgeries fabricated in the early 1890s in the area of Odessa and Ochakov. We know almost nothing about the forgers, except for the antiquities' dealers Gokhman brothers. However, based on the study of known forgeries, it is possible to understand the method of its makers. The marble came from the robber excavations of Olbia, was elaborated and inscribed. The text was pieced together from fragments of authentic texts taken from IOSPE I¹. The coincidence of sources for the forged inscriptions shows that the compilers used a certain selection of texts for the necessary phrases. The principal criterion for choosing the source was the size of the inscription: as larger it was, as more information could be taken from it. The most used source was the decree in honour of Protogenes (IOSPE I² 32), which fragments are found in at least six forgeries. The paleographic features of this inscription were also imitated, because V. V. Latyshev in IOSPE I¹ cites its text in a conventional epigraphic script in the form of an alphabet, which facilitated the work of forgers. Letters of a similar form are found in two known lapidary forgeries (Fig. 2, 1), as well as on the tiara of Saitafarnes (Fig. 3), bought by the Louvre. The similarity of methods — stone working, text layout, and font reproduction— suggests that these forgeries were obviously created in Southern Russia by the same group of people in the early 1890s.

¹² Sofia R. Timir-Bulatova — State Hermitage Museum; St. Petersburg, Russia; e-mail: sof.timir-bulatova@yandex.ru.

История и археология северной части псковского Завеличья в свете нумизматических находок¹

Е. В. Салмина, С. А. Салмин, К. В. Горлов²

Аннотация. Полученный в результате работ в г. Пскове на Завеличье (Ольгинские I–III, V–VI, IX раскопы) комплекс нумизматических находок X–XV вв., имеющих конкретную стратиграфическую и планиграфическую привязку, предоставил значительный объем информации, не отраженной в письменных источниках.

Ключевые слова: Псков, Древняя Русь, межэтнические контакты, монеты, дирхамы, денарии, пфенниги.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-176-189

Завеличье — район средневекового и современного Пскова, расположенный на левом (западном) берегу р. Великой. Свидетельства псковских летописей, связанные с ним, крайне скудны, а сообщения источников, происходящих из других регионов (Великого Новгорода и Ливонии), часто только гипотетически позволяют связать упомянутые в них события с историей псковского Завеличья. В то же время археологические данные демонстрируют выразительную картину активного освоения завеличенской прибрежной полосы не позднее чем с VIII в.

Наиболее яркие свидетельства были получены при исследованиях начала XXI в. на северном участке Завеличья от летописной Поромяни до Ивановского монастыря (рис. 1). Подчеркнем,

что археологические изыскания в Пскове уже на протяжении многих десятилетий проходят в формате спасательных, охранных работ, и местоположение и площади раскопов, как правило, не связаны с научными интересами и задачами исследователей. Кроме того, интерпретация результатов завеличенских раскопок осложняется еще и характеристиками культурных отложений: на большей части раскопов древние отложения не сохранили образцов для дендрохронологического датирования. Культурный слой спрессован под тяжестью техногенных отложений XX в., и сухой глинистый грунт нередко обуславливает нахождение артефактов одновременно в нескольких стратиграфически различных прослойках.

Тем более важное значение приобретают нумизматические находки, происходящие из закрытых и полузакрытых комплексов, позволяющие достаточно уверенно обозначать нижнюю хронологическую границу исследуемых объектов.

Следы антропогенной активности VIII в. зафиксированы на Пароменском I раскопе (рук. А. В. Михайлов), в нескольких сотнях метров к западу от местоположения летописной переправы Паромени, в районе существующего Ольгинского моста. Здесь, на пологом склоне надпойменной террасы, обнаружены несколько находок, датируемых VIII в., близких к древностям типа Рыуге и находкам с городища Камно, имеющих также аналогии в материалах раскопок в Псковском кремле. Найдены литейная форма для отливки небольших прямоугольных бляшек,

¹ Горлов К. В. провел исследование в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Развитие методики учета, хранения, научно-го описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017).

² Салмина Е. В. — Археологический центр Псковской области, Псковский государственный университет; Псков, Россия; e-mail: muntrik102@yandex.ru. Салмин С. А. — Археологический центр Псковской области; Псков, Россия; e-mail: solvarg@yandex.ru. Горлов К. В. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru.

© Салмина Е. В., Салмин С. А., Горлов К. В., 2024

глиняное биконическое пряслице с широким отверстием, фрагменты лепных керамических «баночных» сосудов со слегка отогнутым наружу венчиком (такие формы могли бытовать в Пскове вплоть до последней четверти X в.) (Салмина и др., 2013). Перечисленные находки встречены в разрозненном состоянии, не образуя какого-либо хорошо локализуемого комплекса, и происходят из своеобразного предматерикового плотного слабогумусированного суглинка.

Несколько севернее Поромяни, на участке напротив Кремля, практически напротив впадения р. Псковы в р. Великую (Ольгинские V и VI раскопы, рук. Е. В. Салмина, С. А. Салмин), зафиксирован культовый комплекс, связанный с языческой религией, бытование которого датируется не позднее VIII — последней четверти X в. (Салмин, Салмина, 2011б; 2017; Салмин и др., 2010).

Активность X–XI вв. в северной части Завеличья отражена в селитебных комплексах, сохранившихся в предматериковых отложениях. В коллекции Ольгинских I, II, III раскопов (рук. Е. В. Салмина) широко представлены предметы этого периода (фрагменты керамических сосудов, серия подвесок-топориков и др.) (Салмина, Салмин, 2010. С. 257, 260–262; Салмин, Салмина, 2011а). Показательны находки на Ольгинских и Пароменских раскопах керамики с валиком, датируемой X–XI вв. и типологически сходной с керамикой Псковского городища, представляющих собой довольно характерные для X–XI вв. формы (Белецкий, 1996; Королева и др., 2003).

На Ольгинском IX раскопе (2019–2020 гг., рук. С. А. Салмин) сохранился участок застройки X–XI вв.: остатки постройки и примыкающей к ней каменной вымостки (рис. 2). Постройка 2 (IX)³ зафиксирована по котловану, заглубленному в известняковую скалу на глубину около 0,5–0,6 м. В придонной части котлована сохранились остатки деревянного пола и развалы двух печей-каменок (очагов?). Максимальный размер постройки по оси запад–восток составляет 12 м, поперечный неясен, поскольку работы велись в траншее шириной 3 м и стены котлована постройки уходят в оба борта траншеи. В то же время реконструируемая общая площадь постройки и одновременное существование двух крупных печей-каменок говорят о неординарном назначении здания. Заполнение постройки 2 (IX) — темно-коричневый грунт, насыщенный углем и дресвой. Остатки

³ Здесь и далее цифра в скобках после номера постройки обозначает номер раскопа.

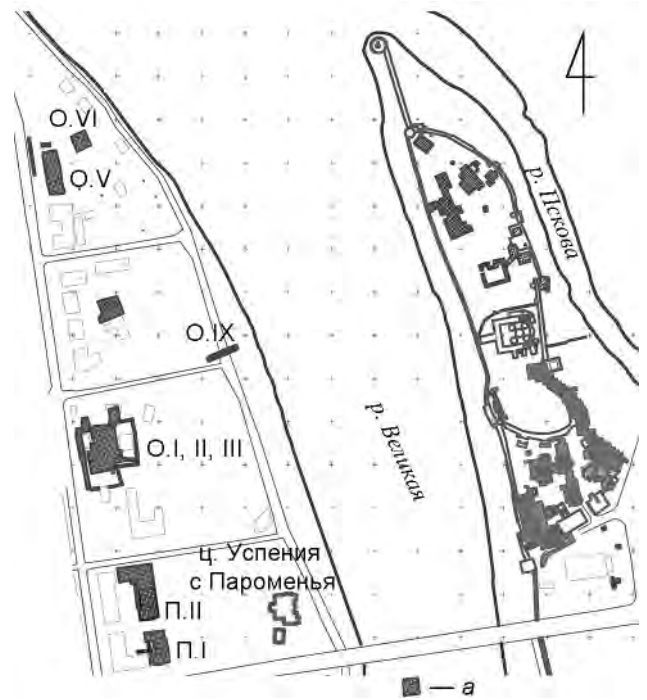

Рис. 1. Псков. Завеличье, северная часть. Схема расположения раскопов (а): О. — Ольгинских; П. — Пароменских

Fig. 1. Pskov. Zavelichye, the northern part. Scheme of excavations (а): O. — Olginskiy; P. — Paromensky

полов сохранились в виде перпендикулярно расположенных прослоек древесного тлена на материковом основании (рис. 2, 1). Остатки дерева, ориентированные по оси север–юг, составляли верхний слой настила и сохранились несколько лучше, чем нижние, ориентированные перпендикулярно. На дереве отмечаются следы пожара. В заполнении постройки 2 (IX) присутствовало большое количество фрагментов керамических сосудов, датируемых концом X — XI в., а также ряд индивидуальных находок, в числе которых железные удила с псалями (рис. 3, 1), деталь крупной составной остроги, наконечник копья, стеклянные бусины, фрагмент одностороннего орнаментированного наборного гребня и другие костяные изделия.

К северной стене постройки 2 (IX) примыкала плитняковая вымостка (рис. 2, 2), при расчистке которой обнаружены бронзовый посеребренный браслет с концами, завязанными двойным узлом, и орнаментом в виде двух рядов «волчьего зуба», два фрагмента дротовой железной гривны (рис. 3, 2, 3) и два дирхама (рис. 4, 1, 2). Размеры и многоочажность данной постройки, возможно, могут быть соотнесены с фрагментом «Саги

Рис. 2. Псков. Завеличье. Ольгинский IX раскоп: 1 — остатки деревянного пола в восточной части постройки 2; 2 — каменная вымостка у западной стены постройки 2 после разборки конструкций постройки 1.
Фото С. А. Салмина

Fig. 2. Pskov. Zavelichye. Olginsky IX excavation: 1 — remains of a wooden floor in the eastern part of the building 2; 2 — stone paving near the western wall of the building 2 after dismantling the structures of the building 1.
Photo by S. A. Salmin

Рис. 3. Псков. Завеличье. Ольгинский IX раскоп. Находки 2019–2020 гг.: 1 — удила с псалиями; 2 — браслет с концами, завязанными двойным узлом; 3 — гривна шейная составная, две детали; 4 — подвеска со «знаком Рюриковичей». 1, 3 — железо; 2 — медный сплав, серебрение; 4 — медный сплав. Фото Е. В. Салминой и Р. Г. Подгорной

Fig. 3. Pskov. Zavelichye. Olginsky IX excavation. Finds of 2019–2020: 1 — bridles with psalia; 2 — bracelet with ends tied with a double knot; 3 — composite neck torque, two parts; 4 — pendant with the “sign of the Rurikids”. 1, 3 — iron; 2 — copper alloy, silvering; 4 — copper alloy. Photo by E. V. Salmina and R. G. Podgornaya

об Эймунде»: «Прежде всего, ты должен дать нам дом и всей нашей дружине... Ярицлейв конунг велел выстроить им каменный дом...» (Джаксон, 1994. С. 107, 108).

Древнейшие нумизматические находки рассматриваемого участка Завеличья представлены двумя дирхамами Нуха ибн Насра 342 г. х. (953/954 гг.) и Рукн ад-Даула и ‘Адуд ад-Даула, Арраджана, 358 г. х. (968–969 гг.)⁴ (табл., 1, 2; рис. 4, 1, 2). Оба экземпляра не имеют признаков внеэкономического использования. По систематизации Р. Р. Фасмера и В. Л. Янина монеты могли принадлежать к третьему и четвертому периодам обращения куфического серебра в Восточной Европе или к ступени F по периодизации Вяч. С. Кулешова 945/955–969/979 гг. (Фасмер, 1933. С. 478; Янин, 1956. С. 128–140; Бауер, 2014. С. 115–135; Кулешов, 2015. С. 74). Необходимо отметить, что представленные выше периодизации обращения дирхамов базируются в основном на материалах кладов. Обращение к единичным находкам арабских монет, связанных с погребальными памятниками и культурным слоем поселений, может показывать отличия продолжительности обращения денежных знаков⁵ (Горлов, Седых, 2020; Шев-

цов и др., 2023; Шевцов, Мурашева, 2023). Значительно увеличившаяся база единичных монетных находок за счет развития охранной археологии в последние два десятилетия дает основания для сравнительного анализа монет, происходящих из структуры кладов, с единичными экземплярами, зарегистрированными в четко стратифицированных культурных напластованиях.

В верхней части заполнения постройки 2 (IX) был сформирован массив из известняковых плит — род забутовки котлована. С опорой на эту забутовку была возведена постройка 1 (IX) — здание несколько больших в плане габаритов (протяженность внутри траншеи — около 15 м), северная граница ее смещена относительно постройки 2 (IX) на 5 м к северу, перекрывая плитняковую вымостку. На открытом участке постройки 1 (IX) были выявлены развалы трех печей-каменок (очагов?), расположенных по линии север–юг, и, судя по стратиграфии и содержащемуся в них керамическому материалу, использовавшихся единовременно. Из заполнения происходит значительная коллекция шиферных пряслиц, бусины, предметы, связанные с обработкой рога (в том числе целая лопатка, отпиленная от лосиной рога).

⁴ Определение Вяч. С. Кулешова.

⁵ При этом денежные знаки не обязательно могут иметь признаки внеэкономического использования,

на которые традиционно ссылаются как на возможную причину увеличенной длительности бытования монет.

Таблица. Псков, Ольгинские раскопы. Описание нумизматических находок
Table. Pskov, Olginsky excavations. Description of numismatic finds

№	Определение	Тип*	Металл	Вес, г	№ по полевой описи	Участок / квадрат	Пласт / комплекс	Глубина, см
1	Дирхам. Саманиды, Нух ибн Наср, Самарканд, 342 г. х. (953–954 гг.)	–	Серебро	–	–	–	–	–
2	Дирхам. Бувайхиды, Рукн ад-Даула и 'Адуд ад-Даула, Арраджан, 358 г. х. (968–969 гг.)	–	Серебро	–	–	–	–	–
3	Германия. Нижняя Лотарингия, Эмден. Эмитент Герман. Денарий, конец 1040-х — 1050-е гг.	<i>Dbg. 772/773</i>	Серебро	0,595	1	4	15	-255
4	Германия. Нижняя Лотарингия, Фризия, Лезварден. Граф Бруно III. Денарий, 1050-е гг.	<i>Dbg. 502; Ilis. 21.14</i>	Серебро	0,470	5	10	18	-350
5	Германия. Нижняя Лотарингия, Евер. Герцоги Ордюльф/Отто и Герман. Денарий, 1060–1070-е гг.	<i>Dbg. 595–597</i>	Серебро	0,665	3а	27	20	-390
6	Германия. Нижняя Лотарингия, Евер. Герцоги Ордюльф/Отто и Герман. Денарий, 1060–1070-е гг.	<i>Dbg. 595–597</i>	Серебро	0,440	36	27	20	-390
7	Германия. Бавария, Регенсбург. Король Генрих IV. Денарий, вторая половина XI в.	<i>Dbg. 1711 / 1101</i>	Серебро	0,535	2	9	19	275
8	Германия. Нижняя Лотарингия, Евер. Герцог Бернард II. Денарий, 1011–1059 гг.	<i>Dbg. 591/593</i>	Серебро	0,660	745	Л / 340	6 / Я 9	-107
9	Фризия. Утрехт. Анонимный выпуск. Подражание чеканке епископа Вильгельма. Денарий 1058–1066 гг.	–	Серебро	0,380	617	В / 123	6	-104
10	Германия. Епископство Базель, Базель. Епископ Беренгар фон Веттерау. Денарий, 1052–1072 гг. (?)	<i>Dbg. 975 ?</i>	Серебро	0,305	723	В / 78	7/Я 141	-122
11	Ливонский орден. Ревель. Магистр Конрад фон Фитингхоф. Пфенниг, 1406/7–1415 гг.	<i>Hal. 53</i>	Биллон	0,195	6	6	17	-340
12	Дерптское епископство. Дерпт. Магистр Генрих II Врангель. Пфенниг, 1408–1410 гг.	<i>Hal. 512</i>	Биллон	0,205	6а	–	–	–
13	Новгородская республика. Денга, 1420–1447 гг.	–	Серебро	0,580	50	Д / 139	10	-190
14	Псковская республика. Денга, 1460–1510 гг.	<i>Мел. табл. V6 №252</i>	Серебро	0,565	12	12	Я 2	–

* *Мел.* — Мельникова, 1963; *Dbg.* — Dannenberg, 1876; *Ilis.* — Pisch, 2000; *Hal.* — Haljak, 2010.

Рис. 4. Псков. Завеличье. Ольгинские раскопки. Нумизматические находки: 1, 2 — дирхамы, Самарканд, Арраджан; 3–10 — денарии, Эмден, Леэварден, Евер (3 экз.), Регенсбург, Утрехт, Базель; 11, 12 — пфенниги, Ревель, Дерпт; 13, 14 — денги, Новгород, Псков. Серебро. Фото К. В. Горлова

Fig. 4. Pskov. Zavelichye. Olginsky excavations. Numismatic finds: 1, 2 — dirhams, Samarkand, Arrajan; 3–10 — denarii, Emden, Leeuwarden, Ewer (3 sp.), Regensburg, Utrecht, Basel; 11, 12 — pfennigs, Revel, Derpt; 13, 14 — dengas, Novgorod, Pskov. Silver. Photo by K. V. Gorlov

Здесь же, в заполнении постройки 1 (IX), зарегистрированы пять денариев (табл., 3–7; рис. 4, 3–7). Чеканке графа Германа принадлежит экземпляр, выпущенный в Эмдене в конце 1040-х — 1050-х гг. С эмиссией графа Бруно III связан денарий, изготовленный в Леэвардене в 1050-е гг. К выпуску герцогов Ордольфа или Германа относятся две монеты г. Евера, датированные 1060–1070-ми гг. Последняя находка принадлежит регенсбургской эмиссии короля Генриха IV второй половины XI в.⁶

Еще один незаурядный предмет из заполнения постройки 1 (IX) — подвеска из цветного металла с изображением двузубца подквадратной формы, с отогнутыми наружу концами (рис. 3, 4).

⁶ Авторы публикации выражают глубокую признательность А. Р. Михельсону за помощь в определении данной серии монет.

Если исходить из принципов построения родовых знаков, то знак такого облика, имеющий родовое сходство с тамгами одновременно Мстислава Великого и Юрия Долгорукого, должен атрибутироваться Владимиру Мономаху или даже Всеволоду Ярославичу (Михеев, 2017). На этом же раскопе четырьмя пластами выше найден еще один предмет со знаками Рюриковичей (Салмин, Салмина, 2021a). На нем присутствуют три изображения, и одно из них сопоставимо со знаком на предмете из постройки 1 (IX). В сочетании с нанесенными на роговой предмет знаками, соотносимыми с личными знаками полоцких Изяславичей не ранее третьего поколения, двузубец достаточно надежно позволяет определить период существования постройки 1 (IX) 1060–1212 гг. Можно предполагать, что постройка 1 (IX) возникает после 1060 г., когда восставшие после похода Изяслава Ярославича сосолы «пришедше, повоеваша села

о Юрьевѣ, и город и хоромы пожгоша, и много зло створиша, и Плескова доидоша воююще. И изидоша противу имъ плесковицѣ и новгородци на сѣчю, и паде Руси 1000, а Сосоль бещисла» (НПЛ, 1950. С. 183). Именно с этим событием можно связать гибель более ранней постройки 2 (IX). Забутовка котлована постройки 2 (IX), перед возведением на этом же месте многоочажной постройки 1 (IX), содержащей в заполнении серебряные монеты и предметы с княжескими знаками второй половины XI в., позволяет предположить «наследование» новым сооружением функций, присущих предыдущему. Временной промежуток между разрушением первого здания и возведением второго представляется небольшим.

Заманчиво было бы связать находки предметов со знаками Изяславичей с событиями 1065 г., когда «Князь полотьскыи Всеславъ, събравъ силы своя многыя, прииде ко Пскову, и много тружався съ многыми замыслени и пороками шибавъ, отъиде ничто же оуспѣвъ» (ПЛ, 1955. С. 18), однако это бездоказательно.

Постройка 1 (IX) прекращает свое существование в результате пожара. Отметим отсутствие следов термического воздействия на монетах и на предметах со «знаками Рюриковичей», указывающее на то, что выпадение их в культурный слой произошло заметно раньше, чем постройка погибла в пожаре, и монеты не датируют это событие.

Нарративные же источники предлагают две возможные даты. Под 1176 г. упоминается очередное нападение чуди на Псков: «Того же лета, зиме, приходиша вся Чюдская земля къ Пскову, и бишася с ними, и убиша Вячеслава и Михиту Захарьиница, и Станимира и Иванца и инѣхъ, а Чюди множество избиша» (НПЛ, 1950. С. 35). Возможно, постройка 1 (IX) была уничтожена именно тогда. Также возможно разрушение данной постройки в 1212 г. в результате набега Лембиту, вождя Саккалы (*Генрих Латвийский*, 2009. С. 138).

Южнее, на Ольгинских I–III раскопах, комплексы XI–XII вв. представлены достаточно выразительно, хотя и разделены на участки многочисленными поздними нарушениями. Каменное мощение дороги-улицы, раскрытой на Ольгинских I–III раскопах, датируется XI–XII вв., но сама трасса, безусловно, использовалась еще до устройства вымостки: вещи X–XI вв. найдены непосредственно рядом с мостовой и отчасти в ее составе (*Салмина*, 2007; *Салмина*, *Салмин*, 2010. С. 256–258). Обращает на себя внимание тот факт, что мощенная камнем дорога Ольгинских раскопов векторно направлена на южную часть псков-

ского городища (на противоположном берегу р. Великой) — это, возможно, маркирует место переправы раннего периода, затем перенесенной вверх по течению, к Паромени. Здесь зафиксированы две довольно большие по площади усадьбы, с территории которых происходит достаточно большое количество находок, хорошо датированных по классическим аналогиям и относящихся к временным диапазонам XI–XII или XI — начала XIII в. (*Салмина*, *Салмин*, 2010. С. 258–263). В западной части Пароменского I раскопа в отложениях этого же периода также зафиксированы следы значительной по размеру усадьбы, основная часть которой оказалась за пределами раскопа. Следы планировки в виде частокольных траншей — вместе с трассами улиц — указывают на развитую структуру участка.

Здесь, на Ольгинском I раскопе, найдены еще три западноевропейских денария XI в. (табл., 8–10; рис. 4, 8–10) (*Салмина*, *Салмин*, 2008; 2010).

Ранний экземпляр принадлежит еверской чеканке герцога Бернарда II 1011–1059 гг. Следующий денарий атрибутируется как утрехтское подражание эмиссии епископа Вильгельма 1058–1066 гг. Определение третьей монеты оказалось затруднительным из-за ее плохой сохранности: утрачена часть монетного поля, рельефы лицевой и оборотной сторон распознаются слабо. Вероятно, еще в период бытования поверхность денежного знака подверглась механическому воздействию. На одной стороне удалось распознать две стоящие рядом крупные башни с остrokонечными крышами, между которыми поставлен знак, напоминающий ромб с точкой в центре. На другой — читаются элементы крупных букв легенды. Установленные в качестве ближайшего аналога рассматриваемому экземпляру рельефы в каталоге Г. Данненберга позволяют под вопросом идентифицировать пфенниг епископа Беренгара фон Веттерау, выпущенный в Базеле в 1052–1072 гг. (*Dannenberg*, 1876. P. 367, 368; tabl. 43, № 975).

Первый денарий из раскопа Ольгинский I обнаружен в его юго-восточной части, где исследовались остатки двух построек древнерусского времени, возможно, составляющих единый комплекс, получивший условное название «южный двор». Монета связана с заполнением постройки 1 (I), представляющей в плане не вполне правильный прямоугольник с остатками отопительного устройства. Предполагаемый денарий епископа Беренгара фон Веттерау найден в заполнении небольшой ямы, связанной с хозяйственным освоением центральной или северной части

участка. Возможно, в этой зоне раскопа определяются следы еще одного «двора», на что указывает наличие здесь элементов отопительного устройства и сетка частокольных канавок (Салмина, Салмин, 2010. С. 258–260). Денарий-подражание чеканке епископа Вильгельма найден в предметриковом культурном слое участка В (пласт 6) вне связи с какими-либо объектами.

Средневековые нумизматические находки с Ольгинских раскопов представлены целыми экземплярами без признаков внеэкономического использования. На их поверхности отсутствуют так называемые тестовые надрезы, интерпретируемые как следы проверки качества серебра, получившие широкое распространение в Балтийском регионе (Илиш, 2019. С. 157).

Следует уточнить, что выпуск денариев с Ольгинских раскопов осуществлялся в течение относительно узкого временного интервала, приходящегося в основном на третью четверть XI в. Только пфенниг герцога Берхарда II мог быть выпущен в более ранний период, однако широкая датировка, предложенная для таких монет с верхней датой, приходящейся на 1059 г., не противоречит возможности бытования экземпляра во второй половине XI в. Монеты Берхарда II известны в составе древнерусских кладов, тезаврированных в середине — второй половине XI в.

Большинство рассматриваемых денариев отчеканены на монетных дворах Нижней Лотарингии в пределах компактной территории в основном фрисландского побережья Северного моря. Только два пфеннига Регенсбурга и Базеля имеют иную региональную принадлежность, хотя также выпущены в пределах Священной Римской империи.

Для констатации времени бытования рассматриваемой серии денариев обратим внимание на то, что при исследовании объектов вместе с ними не были обнаружены дирхамы и западноевропейские монеты конца X — первой половины XI в., в частности, английской чеканки, находки которых редки в депозитах, сформированных в 60-е гг. XI в.⁷ (Бауер, 2014. С. 197; Тростьянский, 2020. С. 113–115).

⁷ Проникновение английских монет на территорию Древнерусского государства в массовом порядке наблюдается в первом десятилетии XI в. (Воронцов и др., 2020. С. 148). К середине XI в. они заметно утрачивают свои позиции, однако в первой четверти XII в. снова становятся значимым элементом кладовых комплексов (Михельсон, Тростьянский, 2016. С. 260).

В структуре депозитов конца XI — начала XII в., зарегистрированных на северо-западе русских земель, наблюдается уже почти полное отсутствие «фрисландских» монет, доминировавших в депозитах 1050–1070-х гг. Это обстоятельство стало следствием быстрой смены состава денежной массы. Материалы кладов указывают, что денарии, выпущенные в 1050–1070-х гг., почти полностью исчезли из оборота через 10–20 лет⁸ (Янин, 1956. С. 157; Михельсон, Тростьянский, 2016. С. 261; Ушанков, 2021).

В Новгороде большинство находок еверских денариев с именами Ордульфа/Отто и Германа происходит из напластований второй половины XI — рубежа XI–XII вв. Как и в Пскове, новгородские находки таких монет представлены единичными экземплярами, а не кладовыми комплексами, что может быть связано с их относительной низкопробностью (Ушанков, 2023. С. 260).

Представленные обстоятельства позволяют соотнести зарегистрированные на Ольгинских раскопах серии денариев с монетным обращением на северо-западе древнерусских земель в 50–70-х гг. XI в.⁹ Материалы кладов позволяют говорить, что с середины XI в. основной объем денежных знаков поступал в этот регион из пределов Нижней Лотарингии, прежде всего Фрисландии, по Балтийскому морю. При этом в отличие от первой половины XI в. ввоз чеканного серебра происходил уже без посредничества скандинавских стран, Польши и Готланда (Янин, 1956. С. 152–157; Потин, 1968. С. 167, 168; Михельсон, Тростьянский, 2019. С. 357, 358; Тростьянский, 2020. С. 116; Вауер, 1935. С. 238, 239).

Следует подчеркнуть относительно большое количество западноевропейских средневековых монет, найденных на Завеличье в 2006 и 2020 гг. Три денария с Ольгинского I раскопа, встреченные при исследовании объектов, принадлежащих, возможно, к различным хозяйствам, могут быть

⁸ Известно, что скорость выхода из оборота тех или иных групп иностранных монет зависит от интенсивности потоков их поступлений (Потин, 1981. С. 86, 87).

⁹ Не следует полностью исключать и более позднюю утрату этих монет. На это указывает, например, материал клада денариев, обнаруженного в Новгороде в 2010 г., состав которого включал большинство монет, аналогичных найденным на Ольгинских раскопах. Время тезаврации депозита на основании «археологических» данных надежно определяется первой половиной 1120-х гг. Младшие монеты из его состава были выпущены в более раннее время (Гайдуков, Фараджева, 2015).

связаны со случайными потерями. Нумизматические находки с аналогичной интерпретацией неоднократно были зафиксированы в ходе исследования усадеб Новгорода. Однако обнаружение пяти денариев на Ольгинском IX раскопе в заполнении постройки предположительно общественного назначения требует особого внимания. Не исключено, что такое большое количество монет было не просто случайно потеряно в процессе повседневной жизни, а утрачено в связи с какими-либо неординарными событиями — например, военными набегами. Особенно ярко выражены следы подобного набега в материалах южной части Ольгинского комплекса раскопов, где среди находок присутствуют дорогие вещи, оставленные их обладателями, вероятно, в спешке, а также прослежены следы разграбления и сожжения деревянных конструкций (Салмин, Салмина, 2021а. С. 130, 131).

В северной части Завеличья известна еще одна находка денариев — в погребении, обнаруженном в начале XX в. при ремонтных работах близ Ивановского собора. В публикациях сообщается, что «женский костяк» обнаружен у Ивановского монастыря «против дома священника, на глубине около 1 аршина, при починке мостовой» (Каталог..., 1914. С. 12; Труды ПАО, 1914. С. 249). В составе погребения были найдены серебряные украшения и два денария. В первой публикации этих двух монет в Каталоге Псковского археологического общества (ПАО) 1914 г. для одного денария Этельреда II даются широкие хронологические рамки (979–1016 гг.), а для второго — ошибочное определение «датская Канута (XI век)». В Трудах ПАО 1914 г. эмитенты приведены верно, но без дат чеканки (есть справка, что вещи атрибуировал А. А. Спицын). В последующих публикациях артефакты определяются как «Денарий. Англия. Этельред II. 997–1016 гг.» и «Денарий. Англия. Кнут Великий. 1016–1035 гг.» (Фасмер, 1926. С. 293, № 5; Bauer, 1929. С. 133, № 49; Потин, 1967. С. 133, № 167; Равдина, 1988. С. 106, № 173). К сожалению, находки утрачены, и конкретнее интерпретировать данный комплекс не представляется возможным. Ближайший погребальный комплекс X–XI вв. на Завеличье расположен значительно южнее, на Изборских IX–XI раскопах, и вряд ли может быть связан с упомянутым объектом у Ивановского монастыря (Закурина, Степанов, 2008).

Функционирование жилищных зон на Завеличье претерпевает серьезные изменения с первой четверти XIII в., когда хозяйства в существен-

ной части разрушены, сожжены и разграблены, скорее всего, в результате упоминавшихся столкновений. Нарастание угрозы с запада и затянувшиеся на многие десятилетия конфликты с западными соседями приводят к тому, что жизнь псковского Завеличья сосредотачивается вокруг монастырей. Нумизматические находки этого периода малочисленны, однако позволяют обратить внимание на некоторые топографические особенности местности. Монеты XV в., происходящие с территории северной части Завеличья, концентрируются в двух раскопах, прилегающих к устьям старицы р. Великой, в позднее Средневековье использовавшихся как места стоянки для озерных судов. Впервые этот факт фиксируется в 1480 г. в связи с августовским походом Берндта фон дер Борха на Псков (Салмин, Салмина, 2021б. С. 95). В дальнейшем именно у южного устья указанной старицы был устроен Немецкий гостиный двор. Представляется, что эти места использовались в качестве локусов торговли с иноземцами и в XIV–XV вв. Поскольку данное место было удобно для стоянки судов, неслучайно именно здесь были размещены постройки 1 и 2 (IX).

Возобновление денежного обращения в Пскове после завершения «безмонетного» периода в составе рассматриваемой коллекции представлено двумя пфеннигами Дерптского епископства 1408–1410 гг. и Ливонского ордена 1406–1415 гг. (табл., 11, 12; рис. 4, 11, 12). Оба «любекских» найдены на Ольгинском IX раскопе в слоях XVI–XVII вв.

Об использовании в Псковской республике с 1409 по 1425 г. ливонских монет в качестве официального средства внутреннего обращения сообщает летописный текст¹⁰, традиционно использовавшийся исследователями в качестве единственного источника, освещающего это событие (Молвыгин, 1963. С. 383–387; Мельникова, 1963. С. 230; Бауер, 2014. С. 376, 391, 392, 397; Бектинеев, 2014. С. 184–188). Изучение в последние годы данной темы на основании анализа нумизматического материала позволило подтвердить и уточнить данные летописи. Можно говорить о широком распространении в землях Пскова денежных знаков Дерпта и Ревеля конца XIV — первой четверти XV в. (Горлов, 2022; Горлов и др., 2022). Отметим, что среди известных находок

¹⁰ «Тоя же зиме въ Пскове отложиша коунами торговати и начаша пенязми торговати» и «Того же лета псковичи отложиша пенязми, артугы торговати, и приставиша мастеров денги ковати в чистом серебре» (ПЛ, 1955. С. 35, 39).

отсутствуют монеты Ливонии, выпущенные после денежной реформы середины 20-х гг. XV в., что коррелирует с летописными свидетельствами о продаже «Немцом» артигов после прекращения их использования в качестве внутреннего средства расчета и при переходе к собственной монетной чеканке.

Известное по письменным источникам и подтвержденное конкретными нумизматическими находками время выхода из обращения в Псковской республике ливонских монет превращает их массовое присутствие в источник, узко датирующий культурный слой и маркирующий время не позже середины 1420-х гг.

Русская чеканка XV в. среди находок с Ольгинских раскопов представлена двумя денгами Псковской и Новгородской республик (табл., 13, 14; рис. 4, 13, 14). Новгородка была зарегистрирована в ходе исследования Ольгинского V раскопа в относительно аморфном слое конца XIV — XVI в., связанном с периодом существования на этой территории Ильинского девичьего монастыря (Лабутина, 2011. С. 227, 246, 248; Салмин, Салмина, 2011б; 2017). Обнаруженный экземпляр принадлежит к группе так называемых малоформатных денег, выпускавшихся с 1420 по 1447 г. (Львов, 1971. С. 41, 42; 1974. С. 135, 139, 140; Сотникова, 1995). Левая фигура на лицевой стороне рассматриваемой монеты изображена стоя, за ее спиной как будто читается рельеф в виде кружка. Поверхность денежного знака несет следы термического воздействия.

Подобные «малоформатные» денги обладают высоким потенциалом для уточнения датировки археологических комплексов, из состава которых они происходят. Текст летописи указывает, что в Новгороде в 1447 г. проводилась реформа, в результате которой происходило административное изъятие малоформатных монет из обращения (ПСРЛ, 1925. С. 442, 443).

Состав кладов второй половины XV в. обнаруживает весьма быстрый выход из оборота до-реформенных экземпляров (Львов, 1979. С. 46; Сотникова, 1995. С. 12). Вероятнее всего, найденная в Пскове новгородка выпала из обращения не позже конца 1440-х гг., однако следует учитывать, что монета была зарегистрирована за пределами земель ее эмиссионного центра.

Денга Псковской республики была обнаружена на Ольгинском IX раскопе в слое XV — начала XVI в. Лицевая сторона монеты несет традиционное для республиканской эмиссии оплечное изображение человека в короне с мечом в левой руке.

В центре оборотной стороны присутствует схематичное изображение четвероногого животного (барса?), вправо, по краю монетного поля читается круговая легенда.

Начало помещения на псковках изображения «барса» А. С. Мельникова отнесла к 1460-м гг., интерпретировав этот символ в качестве республиканской эмблемы (Мельникова, 1963. С. 236). С такой датировкой согласился С. В. Белецкий, указав в качестве причины появления на псковских монетах и печатях четвероногого зверя значительно расширившиеся полномочия великого князя Московского в республике с конца 60-х гг. XV в. (Белецкий, 2003). Таким образом, датировка найденной на Ольгинском раскопе денги псковской на сегодняшний день может быть определена рамками 1460-х — 1510 г.¹¹

Теоретически в обращении такие монеты могли сохраняться вплоть до денежной «реформы» Елены Глинской 1533–1535 гг., когда они были «заповеданы» вместе с другими типами старых монет. Их изъятие из обращения происходило в короткий срок, о чем свидетельствует состав кладов, укрытых в период правления Ивана IV, где монеты его предшественников на троне присутствуют очень редко и, как правило, в количестве одного-двух экземпляров (Спасский, 1955. С. 354; Волков и др., 2016. С. 112, 113).

Обратим внимание, что найденная на Ольгинском раскопе денга не имеет следов обрезки по краю. Обрезание монет всех номиналов практиковалось населением уже в середине последнего десятилетия XV в. и к началу 1520-х гг. приняло угрожающие масштабы. В составе кладов, сокрытых в конце 20-х — начале 30-х гг. XVI в., «неполноценные» денежные знаки являются основными (Волков, 2012. С. 171–173; Спасский, 1970. С. 109, 110; Зайцев, 2006. С. 28, 76). Отсутствие следов «денежного воровства» такого рода на рассматриваемом экземпляре косвенно указывает на его ранний выход из оборота.

Находки в целом синхронных по времени новгородок и псковок в границах одних археологических комплексов являются результатами

¹¹ Наиболее основательным и многогранным исследованием денег независимого Пскова на сегодняшний день остается работа А. С. Мельниковой, опубликованная в начале 1960-х гг. (Мельникова, 1963. С. 222–244). Однако значительно увеличившаяся источниковая база псковских монет за прошедшие 60 лет требует серьезной верификации выводов Аллы Сергеевны (Гайдуков, 2006. С. 105, 112–114).

пограничного положения республик, но, главным образом, их тесного экономического и политического взаимодействия. Весовая норма обеих валют была очень близка или тождественна, что создавало благоприятную возможность для их взаимопроникновения в эмиссионные центры. В составе кладов новгородско-псковского ареала второй–третьей четвертей XV в. полностью отсутствуют монеты, чеканенные в «низовских» землях, с чем также коррелирует материал рассматриваемой коллекции (Калинин, 1974. С. 234; Волков, 2000; 2001. С. 133; 2012. С. 173; Горлов, Гордилов, 2021).

Подводя итоги, можно заключить, что полученная в ходе исследования Ольгинских раскопов коллекция монет оптимально отражает особенности развития этой части Завеличья с X по XVII в. Находка двух целых дирхамов вместе с украшениями североевропейского облика иллюстрирует ситуацию второй половины X в., возможно, до начала попадания в Псков западноевропейских монет.

Время существования богатых усадеб к северу от места переправы (Пароменья) маркируется представительной серией денариев, отражающих вместе с высоким имущественным статусом проживавшего здесь населения состав местного денежного обращения третьей четверти XI в.

Отметим, что данные монеты могут выступать в качестве надежного хронологического индикатора для уточнения времени формирования культурного слоя.

Регистрация на Завеличье ливонских монет первой четверти XV в. позволяет дополнить картину их распространения в пределах Пскова. Можно заключить, что на сегодняшний день единичные находки пфеннигов и артигов Дерпта и Ревеля известны во всех районах города. Это обстоятельство указывает на широкое распространение у населения «пенязей», подтверждая летописные строки об их участии в местном денежном обращении до начала собственной чеканки в «чистом серебре».

В целом регулярное выпадение монет в культурный слой позволяет предположить, что мы имеем дело с участком, на котором на протяжении длительного периода (хотя, возможно, с некоторыми перерывами, вызванными политическими обстоятельствами) останавливались приезжие иностранцы еще до устройства здесь Гостиных дворов.

Таким образом, комплекс нумизматических находок, имеющих четкую стратиграфическую и планиграфическую привязку, позволяет извлечь значительный объем информации, не получившей непосредственного отражения в письменных источниках.

Бауер, 2014 — Бауер Н. П. История древнерусских денежных систем IX — 1535 г. / Под ред. П. Г. Гайдукова. М.: Русское слово, 2014. 692 с.

Бектинеев, 2014 — Бектинеев Ш. И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках. Минск: Беларуская навука, 2014. 509 с.

Белецкий, 1996 — Белецкий С. В. Начало Пскова. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 110 с.

Белецкий, 2003 — Белецкий С. В. «Герб» Пскова // Сообщения Ростовского музея. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 2003. Вып. XIII: Россия и проблемы европейской истории: средневековье, новое и новейшее время. С. 215–228.

Волков, 2000 — Волков И. В. Монеты независимого Новгорода в денежном обращении русских земель в XV — начале XVI в. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья / Отв. ред. А. В. Трусов. М.: Музей истории города Москвы, 2000. Вып. 3. С. 132–147.

Волков, 2001 — Волков И. В. Некоторые итоги составления сводки кладов русских серебряных монет конца XIV — первой трети XVI в. // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докл. и сообщ. (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.) / Отв. ред. В. А. Калинин. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2001. С. 131–133.

Волков, 2012 — Волков И. В. Новый клад монет конца XV в. из Рязанской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы / Отв. ред. В. В. Зайцев. М.: Репроцентр, 2012. Вып. 4. С. 171–181.

Волков и др., 2016 — Волков И. В., Воронин К. В., Малых С. В. Нумизматические находки из раскопок 2011–2012 гг. на Красной площади // Материалы науч.-практ. конф. по сохранению объектов археологического наследия памяти А. Г. Векслера / Отв. ред. Л. В. Кондрашев. М.: Департамент культурного наследия г. Москвы, 2016. С. 111–134.

Воронцов и др., 2020 — Воронцов М. В., Михельсон А. Р., Тростянский О. В. Монетный клад конца X века из Кингисеппского района Ленинградской области // Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.: V междунар. нумизматическая конф.: Сб. ст. / Отв. ред. А. Р. Михельсон. СПб.: НП-Принт, 2020. С. 113–167.

Гайдуков, 2006 — Гайдуков П. Г. Русские полуденги, четвертцы и полушки XIV–XVII вв. М.: Палеограф, 2006. 408 с.

Гайдуков, Фараджева, 2015 — Гайдуков П. Г., Фараджева Н. Н. Новый новгородский клад западноевропейских монет XI в. // Города и веси средневековой Руси:

- археология, история, культура: Сб. ст. / Отв. ред. Л. А. Беляев, П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 521–530.
- Генрих Латвийский, 2009 — *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии / Подг. к изд. А. И. Цепковым. Рязань: Александрия, 2009. 384 с.
- Горлов, 2022 — Горлов К. В. О находках монет Дерптского епископства в Псковской области // Актуальная археология-6: Материалы междунар. науч. конф. молодых ученых (С.-Петербург, 4–7 апреля 2022 г.) / Отв. ред. А. М. Киселева. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 207–210.
- Горлов, Городилов, 2021 — Горлов К. В., Городилов А. Ю. Нумизматический материал XV–XVI вв. из погребений у деревни Коваши Ленинградской области // *Stratum plus*. 2021. № 6: Из жизни некоторых царств. С. 146–167.
- Горлов, Седых, 2020 — Горлов К. В., Седых В. Н. Хронология погребений с монетами ярославских могильников. Вновь о датирующих возможностях нумизматического материала // АВ. 2020. Вып. 28. С. 309–316.
- Горлов и др., 2022 — Горлов К. В., Салмина Е. В., Салмин С. А. «...и начаса пенязи торговати»: о находках ливонских монет конца XIV — начала XV в. в Пскове (по материалам Мстиславских раскопов) // *Saurus*. 2022. Т. 1, № 1. С. 11–25.
- Джаксон, 1994 — Джаксон Т. И. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.: Ладомир, 1994. Т. 2. 256 с.
- Зайцев, 2006 — Зайцев В. В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: ЮНОНА-монета, 2006. 204 с.
- Закурина, Степанов, 2008 — Закурина Т. Ю., Степанов С. В. Археологические раскопки на Завеличье (Изборские IX–XI раскопы) // АИППЗ. Псков: ИА РАН, 2008. Вып. 23. С. 14–20.
- Илиш, 2019 — Илиш П. Фризское влияние на импорт монет в регион Балтийского моря и на Русь // Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв. IV междунар. нумизматическая конф. (С.-Петербург, Старая Ладога, 14–16 апреля 2017 г.): Сб. ст. / Отв. ред. Н. С. Моисеенко. СПб.: НП-Принт, 2019. С. 155–160.
- Калинин, 1974 — Калинин В. А. Два Новгородских клада монет XV в. в собрании Эрмитажа // Нумизматика и эпиграфика. 1974. Вып. XI. С. 231–239.
- Каталог..., 1914 — Каталог музея Псковского археологического общества. Псков: б. и., 1914. 89 с.
- Королева и др., 2003 — Королева Э. В., Кулакова М. И., Степанов С. В. Керамика средневекового Пскова X–XVII вв. // АИППЗ. Материалы науч. семинаров за 2001–2002 гг. Псков: ИА РАН, 2003. С. 73–79.
- Кулешов, 2015 — Кулешов Вяч. С. Хронология обращения исламских монет в Восточной Европе (конец IX–XI в.) // Нумизматические чтения ГИМ 2015 года: Материалы докл. и сообщ. (Москва, 30 ноября — 1 декабря 2015 г.) / Отв. ред. Е. В. Захаров. М.: ГИМ, 2015. С. 73–76.
- Лабутина, 2011 — Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М.: Наука, 2011. 342 с.
- Львов, 1971 — Львов М. А. К методике изучения монет Великого Новгорода // Нумизматический сборник. Ч. IV, вып. I / Ред. В. Л. Янин. М.: ГИМ, 1971. С. 28–42. Табл. IV–V.
- Львов, 1974 — Львов М. А. К вопросу о методике метрологического исследования русских монет XV в. // Нумизматический сборник. Ч. 3: Материалы к сводному каталогу / Ред. В. Л. Янин. М.: ГИМ, 1974. С. 127–141.
- Львов, 1979 — Львов М. А. «Великокняжеские» новгородки (опыт поштемпельного анализа русских монет XV в.) // Русская нумизматика XI–XX веков / Отв. ред. В. М. Потин. Л.: Аврора, 1979. С. 29–47.
- Мельникова, 1963 — Мельникова А. С. Псковские монеты XV в. // Нумизматика и эпиграфика. 1963. Вып. IV. С. 222–244. Табл. I–V6.
- Михеев, 2017 — Михеев С. М. Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII вв. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2017. Вып. 4 (70). С. 17–41.
- Михельсон, Тростьянский, 2016 — Михельсон А. Р., Тростьянский О. В. Клад первой половины XII в. из Приозерского района Ленинградской области // Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв. III междунар. нумизматическая конф. (С.-Петербург, Старая Ладога, 22–24 апреля 2016 г.): Материалы докл. и сообщ. / Отв. ред. Н. С. Моисеенко. СПб.: Знакъ, 2016. С. 229–290.
- Михельсон, Тростьянский, 2019 — Михельсон А. Р., Тростьянский О. В. Европейские денарии на Руси в X–XII веках. Ч. I: Южная и юго-западная Русь. СПб.: НП-Принт, 2019. 396 с.
- Молвыгин, 1963 — Молвыгин А. Н. Номиналы мелких монет Ливонии с середины XIII до второй половины XVI вв. и некоторые вопросы денежного дела Новгорода и Пскова // Известия АН Эстонской ССР. Таллин: АН Эстонской ССР, 1963. Вып. 4. С. 379–388.
- НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Ред. А. Н. Насонов. М.; Л.: АН СССР, 1950. 640 с.
- ПЛ, 1955 — Псковские летописи. М.: АН СССР, 1955. Вып. 2 / Ред. А. Н. Насонов. 364 с.
- Потин, 1967 — Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Культура и искусство народов Востока. Ч. 8. Л.: Аврора, 1967 (Труды Гос. Эрмитажа; Т. XIX). С. 106–184.
- Потин, 1968 — Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л.: Советский художник, 1968. 240 с.

- Потин, 1981 — Потин В. М. Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // Нумизматика. Ч. 5. Л.: Искусство, 1981 (Труды Гос. Эрмитажа; Вып. XXI). С. 78–89.
- ПСРЛ, 1925 — Полное собрание русских летописей. Л.: ИА СССР, 1925. Т. IV, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. 536 с.
- Равдина, 1988 — Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории древней Руси. М.: Наука, 1988. 152 с.
- Салмин, Салмина, 2011а — Салмин С. А., Салмина Е. В. Завеличье средневекового Пскова X–XIII вв. по материалам Ольгинских раскопок // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 182–183.
- Салмин, Салмина, 2011б — Салмин С. А., Салмина Е. В. Исследования Ильинского девичьего монастыря на Завеличье средневекового Пскова // Древности Пскова. История, археология, архитектура. Вып. 2 / Отв. ред. В. Л. Янин. Псков: Печатный Двор Стерх, 2011. С. 58–81.
- Салмин, Салмина, 2017 — Салмин С. А., Салмина Е. В. Реликвии из раскопок Ильинского девичьего монастыря в Пскове в 2008 г. // В камне и бронзе: Сб. ст. / Отв. ред. Е. А. Мусин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017 (Труды ИИМК РАН; Т. XLVIII). С. 525–535.
- Салмин, Салмина, 2021а — Салмин С. А., Салмина Е. В. Находка рогового изделия со знаками Рюриковичей из раскопок на Завеличье средневекового Пскова в 2019 году // Записки ИИМК РАН. 2021. № 19. С. 130–134.
- Салмин, Салмина, 2021б — Салмин С. А., Салмина Е. В. «...Отложить поход до зимы»: влияние природных факторов на военные действия XIV–XV вв. на псковских границах // Stratum plus. 2021. № 5: Закон природы и прихоти Средневековья. С. 85–98.
- Салмин и др., 2010 — Салмин С. А., Салмина Е. В., Прибурова Т. Ф. Находка каменного изваяния на Завеличье в Пскове (предварительная публикация) // АИППЗ. Псков: ИА РАН, 2010. Вып. 25. С. 29–32.
- Салмина, 2007 — Салмина Е. В. Открытие мощеной улицы XII–XIII вв. на Завеличье средневекового Пскова (Ольгинские раскопы 2006 г.) // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2007. Вып. 21. С. 179–190.
- Салмина, Салмин, 2008 — Салмина Е. В., Салмин С. А. Ольгинские I–III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова // АИППЗ. Псков: ИА РАН, 2008. Вып. 23. С. 29–52.
- Салмина, Салмин, 2010 — Салмина Е. В., Салмин С. А. Новые открытия на Завеличье средневекового Пскова: поселение или город? // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Сб. ст. Т. II / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. СПб.: Ломоносовъ, 2010. С. 253–265.
- Салмина и др., 2013 — Салмина Е. В., Салмин С. А., Михайлов А. В. Древнейший период освоения Завеличья: новые археологические данные // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2013. Вып. 2. С. 124–134.
- Сотникова, 1995 — Сотникова М. П. Начальный период (1420–1447) суверенной чеканки Великого Новгорода // Междунар. нумизматический альманах «Монета» / Отв. ред. А. В. Быков. Вологда: Ардвисура, 1995. Вып. 3. С. 4–21.
- Спасский, 1955 — Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. III. М.: АН СССР, 1955 (МИА; № 44). С. 214–354. Табл. I–IV.
- Спасский, 1970 — Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 4-е изд., доп. Л.: Аврора, 1970. 256 с.
- Тростянский, 2020 — Тростянский О. В. Клад западно-европейских монет X–XI вв. из деревни Обращиха // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 8 / Отв. ред. В. В. Зайцев. СПб.: Контраст, 2020. С. 77–128.
- Труды ПАО, 1914 — Труды Псковского Археологического общества. Вып. 10. Псков: Электрич. типо-лит. Псковского губернского земства, 1914. 338 с.
- Ушанков, 2021 — Ушанков Е. М. Серебро князя Мстислава: на что строился Георгиевский собор? // КСИА. 2021. № 265. С. 270–280.
- Ушанков, 2023 — Ушанков Е. М. Еверские денарии из раскопок Великого Новгорода // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования (С.-Петербург, 18–20 октября 2023 г.): Сб. материалов Шестой междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. А. Богданов. СПб.: Гознак, 2023. С. 259–260.
- Фасмер, 1926 — Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры // Сообщения ГАИМК. Л.: ГАИМК, 1926. Т. 1, ч. 1. С. 287–308.
- Фасмер, 1933 — Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия Академии наук СССР. Серия VII: Отделение общественных наук. Л.: АН СССР, 1933. № 6–7. С. 473–484.
- Шевцов, Мурашева, 2023 — Шевцов А. О., Мурашева В. В. Периодизация монетного обращения Гнёздова по материалам раскопок пойменного селища // Там же. С. 157–158.
- Шевцов и др., 2023 — Шевцов А. О., Каинов А. Ю., Гомзин А. А. Серии монет из погребений Гнёздовского могильника // XXII Всероссийская нумизматическая конференция (Смоленск, 22–26 мая 2023 г.): Тезисы докл. и сообщ. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. Смоленск: б. и., 2023. С. 154–156.

- Янин*, 1956 — Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.: Московский ун-т, 1956. 207 с.
- Bauer*, 1929 — Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. Berlin, 1929 (*Zeitschrift für Numismatik*; Bd. 39). 188 S.
- Bauer*, 1935 — Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts, *Zeitschrift für Numismatik* (Berlin). Bd. 39 (1929) u. 40 (1930): Автореф. // Проблемы истории докапиталистических обществ / Отв. ред. Ф. В. Кипарисов. 1935. № 9–10. С. 235–242.
- Dannenberg*, 1876 — Dannenberg H. Die deutschen Münzen der sächsischen und fränkischen Kaiserzeit. Berlin: Weidmann, 1876. 98 S.
- Ilisch*, 2000 — Ilisch P. Die Münzprägung im Herzogtum Niederlothringen. Bd. I: Die Münzprägung in den Räumen Utrecht und Friesland im 10. und 11. Jahrhundert // *Jaarboek voor munt- en penningkunde*. 84–85 (1997/1998). Amsterdam, 2000. S. 1–272.
- Haljak*, 2010 — Haljak G. Livonia coins XIII–XVIII century. P. I: Feudal states. Livonian coins from XIII–XVI century. Tallinn: Printing house Tallinna Raamatutrükikoja OÜ, 2010. 399 S.

History and archaeology of the northern part of the Pskov Zavelichye district in the light of numismatic finds

E. V. Salmina, S. A. Salmin, K. V. Gorlov¹²

Keywords: Pskov, Old Rus', interethnic contacts, coins, dirhams, denarii, pfennigs.

The Zavelichye district of medieval and modern Pskov occupies the western bank of the Velikaya River opposite the walls of the Pskov Kremlin. In 2006–2008 and 2020 a large-scale study of the cultural layer was carried out here on the sites of nine Olginsky excavations. The collection of coins, belonging mainly to the Middle Ages, stands out among the finds (Table; Fig. 4).

The early group of coins is represented by two dirhams of Nuh ibn Nasr, 342 AD, and Rukn al-Dawla and 'Adud al-Dawla, 358 AH. The finds come from the pavement to the north of a larger building presumably destroyed during the attack of Pskov in 1060/61 undertaken by the Sosols (Sakkala). The building was erected anew on the former site and was destroyed no later than the first quarter of the 13th cen. Five Western European denarii of the 11th cen. and a pendant with a princely sign-bident were found in the fill of this building. Three more denarii were found during the study of objects belonging to different homesteads. Most of the denarii in question were minted at the mints of Lower Lorraine within the compact territory of the mainly Friesland coast of the North Sea. The issue of these coins was realized during a relatively narrow time span, falling mainly in the third quarter of the 11th cen.

Numismatic finds of the 15th cen. are few in number, but allow us to pay attention to some topographical features of the area: two pfennigs of the Bishopric of Dorpat and the Livonian Order of the first quarter of the 15th cen. and two *dengas* of the Pskov and Novgorod Republics were found in two excavations adjacent to the mouth of the old river Velikaya, used in the late Middle Ages as mooring places for lakeside ships (later it was near the southern mouth of the river that the German Gostiny Dvor was built). It seems that these places were used for trade with foreigners in the period of 14th–15th cen. as well.

¹² Elena V. Salmina — Archaeological center of the Pskov region, Pskov State University; Pskov, Russia; e-mail: muntrik102@yandex.ru. Sergey A. Salmin — Archaeological center of the Pskov region; Pskov, Russia; e-mail: solvarg@yandex.ru. Konstantin V. Gorlov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru.

Монеты Великого княжества Московского из Фёдоровского клада¹

П. Г. Гайдуков, И. В. Гришин²

Аннотация. В рамках подготовки каталога монет Великого княжества Московского периода правления Василия Дмитриевича (1389–1425) авторами настоящей статьи собран значительный нумизматический материал, хранящийся в музейных собраниях, частных коллекциях, а также размещенный на различных сайтах в сети Интернет. В статье публикуются монеты Василия I из Фёдоровского клада, найденного в Юрьев-Польском районе Владимирской области в 2016 г. и ныне хранящегося во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике.

Ключевые слова: средневековая Русь, Московское княжество, монетная чеканка, монетный тип и вариант, денга, монетный клад.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-190-201

В рамках подготовки каталога монет Великого княжества Московского периода правления Василия Дмитриевича (1389–1425) авторами статьи собран значительный нумизматический материал, хранящийся в музейных собраниях, частных коллекциях, а также размещенный на различных сайтах в сети Интернет. В этот период в Москве и других городах княжества выпускалось большое количество различных типов денег. Трудями отечественных нумизматов установлено, что вес московских монет при Василии I не был одинаков и постепенно снижался от 0,98 до 0,70 г (Гайдуков, 2006. С. 51, 52; Гайдуков, Гришин, 2009).

Существенным рубежом в монетном деле Москвы считается денежная реформа начала 1410-х гг. (около 1412–1413 гг.), в результате которой сменились все изготовленные ранее типы монет, а уставный вес новых монет значительно понизили (Волков, 2003. С. 144; Гайдуков, 2006. С. 59). Кроме того, изменился и облик денег: они стали меньшими по размеру и более плотными. В связи с этим нумизматы разделяют монеты

Василия Дмитриевича на две основные группы: ранние и поздние.

К настоящему времени в исследование включено более 12 000 серебряных монет (денег и полуденег, в том числе и фальшивых), разделяющихся на более чем 150 типов. К раннему периоду относится более 8600 монет. По заключению авторов они изготовлены в Москве (центральная чеканка; 22 типа денег и четыре типа полуденег; более 5700 экз.) и в региональных центрах Московского княжества (периферийная чеканка; 36 типов денег и девять типов полуденег; более 2900 экз.) (рис. 1; 2).

Настоящая статья посвящена изданию монет Василия Дмитриевича из Фёдоровского клада — одного из самых крупных денежных депозитов начала XV в. Его можно сравнить лишь с двумя кладами русских монет начала XV в.: Саранским (около 3500 монет; см.: Федоров-Давыдов, 1981; 1989; Гайдуков, Гришин, 2004) и Коломенским (около 2300 монет; Самошин, 2003).

Клад русских монет и денежных слитков конца XIV — начала XV в. найден в октябре 2016 г. частным лицом на распаханном ежегодно поле близ с. Фёдоровского Юрьев-Польского района Владимирской области при проведении незаконного поиска с применением специальных технических средств. В ноябре того же года 1479 монет и пять слитков-полтин были конфискованы правоохранительными органами у находчика, успевшего к тому времени продать около

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Монеты Великого княжества Московского времени правления Василия Дмитриевича (1389–1425)» (№ 24-18-00269).

² Гайдуков П. Г., Гришин И. В. — Институт археологии РАН; Москва, Россия; e-mail: russianchange@yandex.ru, robert2t@yandex.ru.

© Гайдуков П. Г., Гришин И. В., 2024

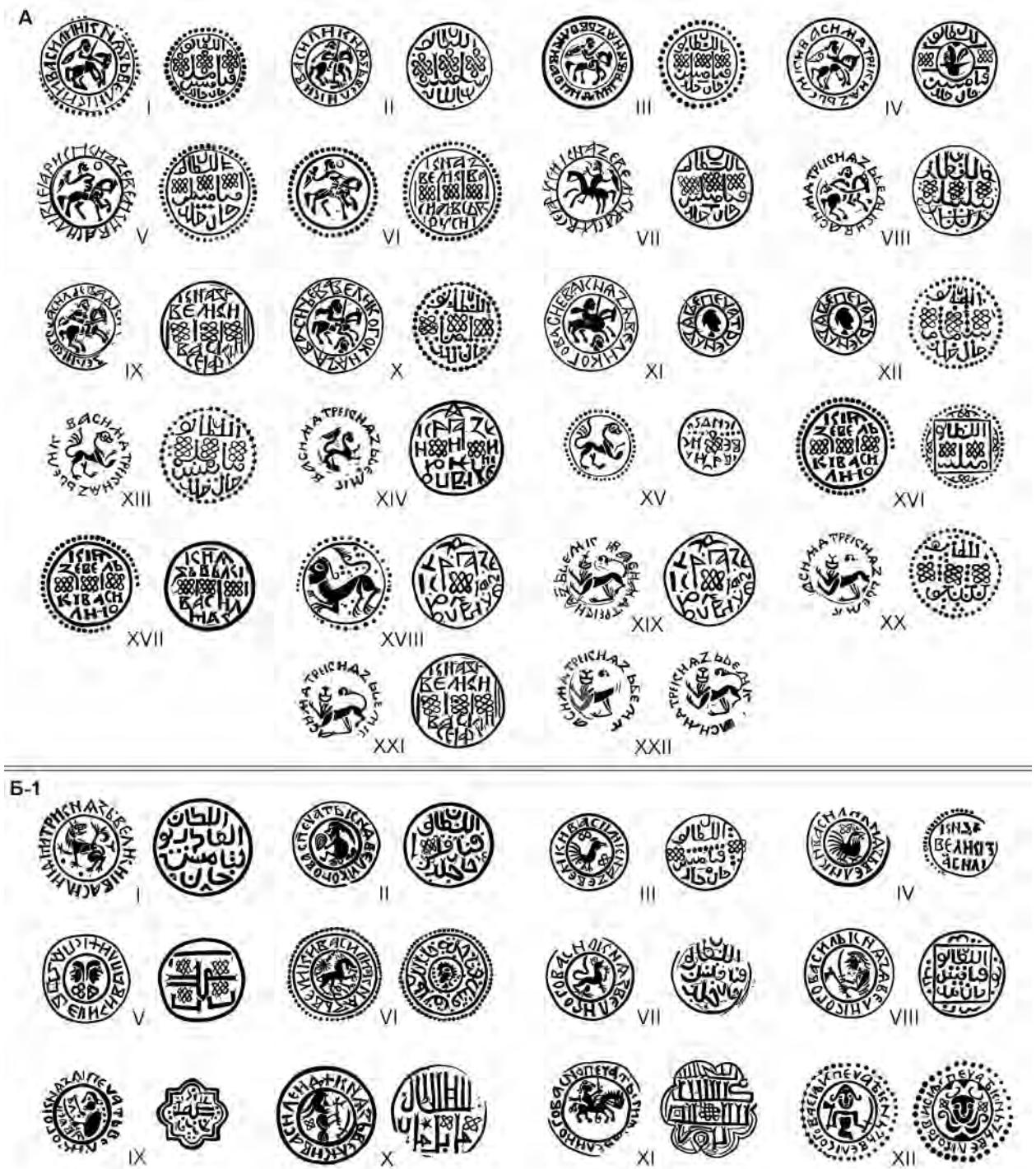

Рис. 1. Типология денег Великого княжества Московского периода правления Василия Дмитриевича: А — центральная чеканка, типы I–XXII; Б-1 — периферийная чеканка, денги с именем князя, типы I–XII. Прориси И. В. Гришина. Натуральная величина

Fig. 1. Typology of money of the principality of Moscow in the reign of Vasily Dmitrievich: A — central coinage, types I–XXII; B-1 — peripheral coinage, *dengas* with the name of the prince, types I–XII. Drawing by I. V. Grishin. Natural size

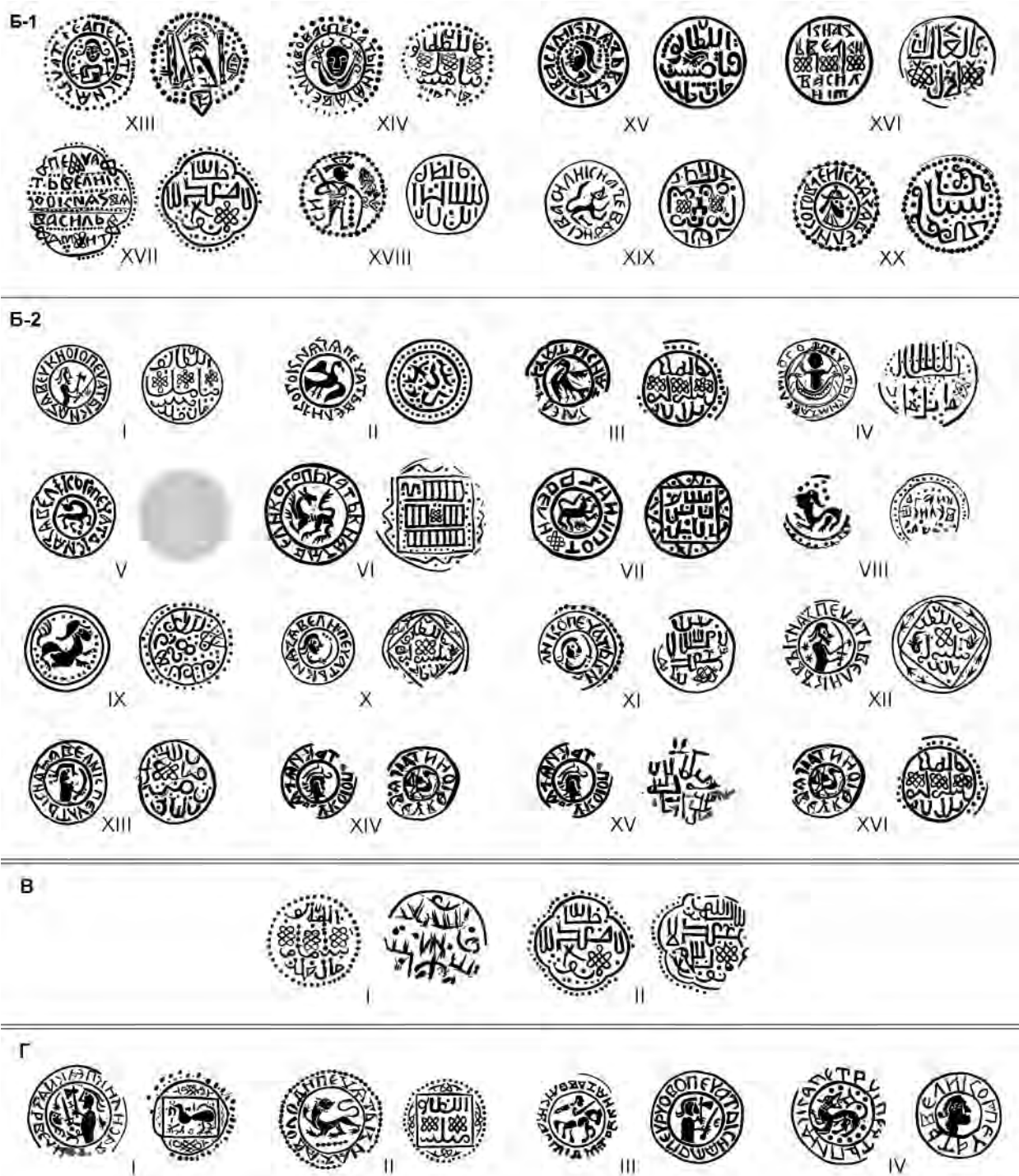

Рис. 2. Типология денег Великого княжества Московского периода правления Василия Дмитриевича: Б-1 — периферийная чеканка, деньги с именем князя (продолжение), типы XIII–XX; Б-2 — периферийная чеканка, анонимные денги, типы I–XVI; Б — двусторонние подражания золотоордынским монетам, типы I, II; Г — гибридные денги, типы I–IV. Прорисы И. В. Гришина. Натуральная величина

Fig. 2. Typology of money of the Principality of Moscow in the reign of Vasily Dmitrievich: Б-1 — peripheral coinage, *dengas* with the name of the prince (continued), types XIII–XX; Б-2 — peripheral coinage, anonymous *dengas*, types I–XVI; Б — bilateral imitations of Golden Horde coins, types I, II; Г — hybrid *dengas*, types I–IV. Drawing by I. V. Grishin. Natural size

200–300 монет, и переданы для изучения в Институт археологии РАН. В апреле–мае 2017 г. место находки клада обследовано Суздальской археологической экспедицией ИА РАН (начальник Н. А. Макаров). Благодаря проведенным археологическим сборам и раскопкам на поле обнаружено 523 монеты (Макаров, 2017а. Л. 3, 4, 93–113; 2017б. Л. 99–181). Еще 72 монеты, проданные находчиком, удалось осмотреть в феврале 2018 г. В первой предварительной публикации клада отмечено, что он состоит из 2074 монет и пяти полтин — разрубленных пополам новгородских слитков XIV в. (Гайдуков, Гришин, 2019).

В 2019–2021 гг. на месте находки клада собрано и передано для изучения в ИА РАН еще 30 монет³. В итоге авторами задокументированы 2104 монеты и пять полтин из Фёдоровского клада.

Монетная часть клада состоит из денег Великого княжества Московского (120 экз.), его уделов (всего 83 экз.; Серпухов и Малоярославец — 18 экз., Можайск — 3 экз., Дмитров — 62 экз.), Великого княжества Нижегородско-Суздальского (830 экз.; включая монеты, изготавливавшиеся на территории княжества после его подчинения Москве в 1392 г.), Ростовского (82 экз.) и Ярославского (1 экз.) княжеств. Кроме этого, в составе клада оказалось 948 двусторонних русских подражаний золотоордынским дирхамам, 19 неизвестных ранее монет с изображением четвероногого животного и символа веры, две гладкие монетные заготовки и 18 монет, не поддающихся определению из-за плохой сохранности.

Датировка захоронения Фёдоровского клада устанавливается благодаря двум двусторонним подражаниям (Гайдуков, Гришин, 2019. С. 148, рис. 2, 40). Штемпель одной стороны этих монет стилистически очень близок к типу поздних денег Василия I с изображением всадника с человеческой головой под конем, датируемому 1413–1416 гг. (Волков, Титов, 2015. С. 178, рис. 2). Рубежом в изготовлении ранних и поздних монет в Москве, как упоминалось выше, является реформа, время проведения которой — ориентировочно 1412–1413 гг. (Волков, 2003. С. 144). Состав монетного комплекса свидетельствует, что его сокрытие следует относить примерно к 1413 г. (Гайдуков, Гришин, 2019). Значительное преобладание нижегородских и суздальских денег над монетами других центров чеканки объясняется местом

формирования и захоронения этого комплекса — территорией центральной части Суздальского княжества.

Монет Василия Дмитриевича в Фёдоровском кладе насчитывается немного — 120 экз. (5,75 %). Они разделяются на денги центральной (36 экз.; см. приложение, № 1–36; рис. 3, 1–31) и периферийной чеканки (82 экз.; см. приложение, № 37–118; рис. 4, 32–58). Кроме них в клад попали две фальшивые денги (см. приложение, № 119–120; рис. 4, 59, 60).

Наиболее массовые монеты центральной чеканки — это денги с изображением различных всадников (11 типов, семь из которых насчитывают от 30 до 240 вариантов; рис. 1, А, I–XI), а также четвероногого животного (три типа, насчитывают более 180, 50 и 150 вариантов; рис. 1, А, XIII, XX, XXI). Денги с всадниками изготавливались, в основном, в 1390-х гг., с животными — в первом десятилетии XV в. (Гайдуков, Гришин, 2009. С. 137, 138, рис. 1).

Монеты центральной чеканки именно этих типов представлены в кладе. Денег с изображением всадников насчитывается 16 экз. Они относятся к пяти типам: II (1 экз.; рис. 3, 1), IV (3 экз., три варианта; рис. 3, 2–4), V (2 экз., два варианта; рис. 3, 7, 8), VIII (1 экз.; рис. 3, 9) и X (9 экз., четыре варианта; рис. 3, 10–13). Необходимо отметить две перечеканенные монеты с изображением всадников, которые не входят в общее количество монет Василия I из клада. Одна монета (тип IV) перечеканена в можайскую денгу Андрея Дмитриевича, вторая (тип V) — в денгу типа IV (см. приложение, № 2–4 и 5–6, примеч. 4 и 5).

Денег с изображением четвероногого животного насчитывается 19 экз. Они относятся к трем типам: XIII (животное вправо, 7 экз., семь вариантов; рис. 3, 15–21), XX (животное влево — подражание арабской надписи, 3 экз., два варианта; рис. 3, 22, 23), XXI (животное влево — русская надпись, 9 экз., восемь вариантов; рис. 3, 24–31).

К монетам центральной чеканки отнесена также анонимная денга с изображением головы человека и арабской надписью (тип XII). В ее круговой надписи нет имени князя (ПЕЧАТЬКЕНЯЗЯВЕ), но штемпелем оборотной стороны она тесно связана с одним из вариантов именных денег типа X с изображением всадника (1 экз.; рис. 3, 14).

Монеты Василия Дмитриевича периферийной чеканки разделяются на 20 типов именных (рис. 1, Б-1, I–XII; 2, Б-1, XIII–XX) и 16 типов анонимных денег (рис. 2, Б-2, I–XIV). В Фёдоровском кладе насчитывается 82 денги периферийной чеканки: 68 именных и 14 анонимных.

³ Все монеты из Фёдоровского клада, хранившиеся в Институте археологии РАН, в апреле 2022 г. переданы в фонды Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

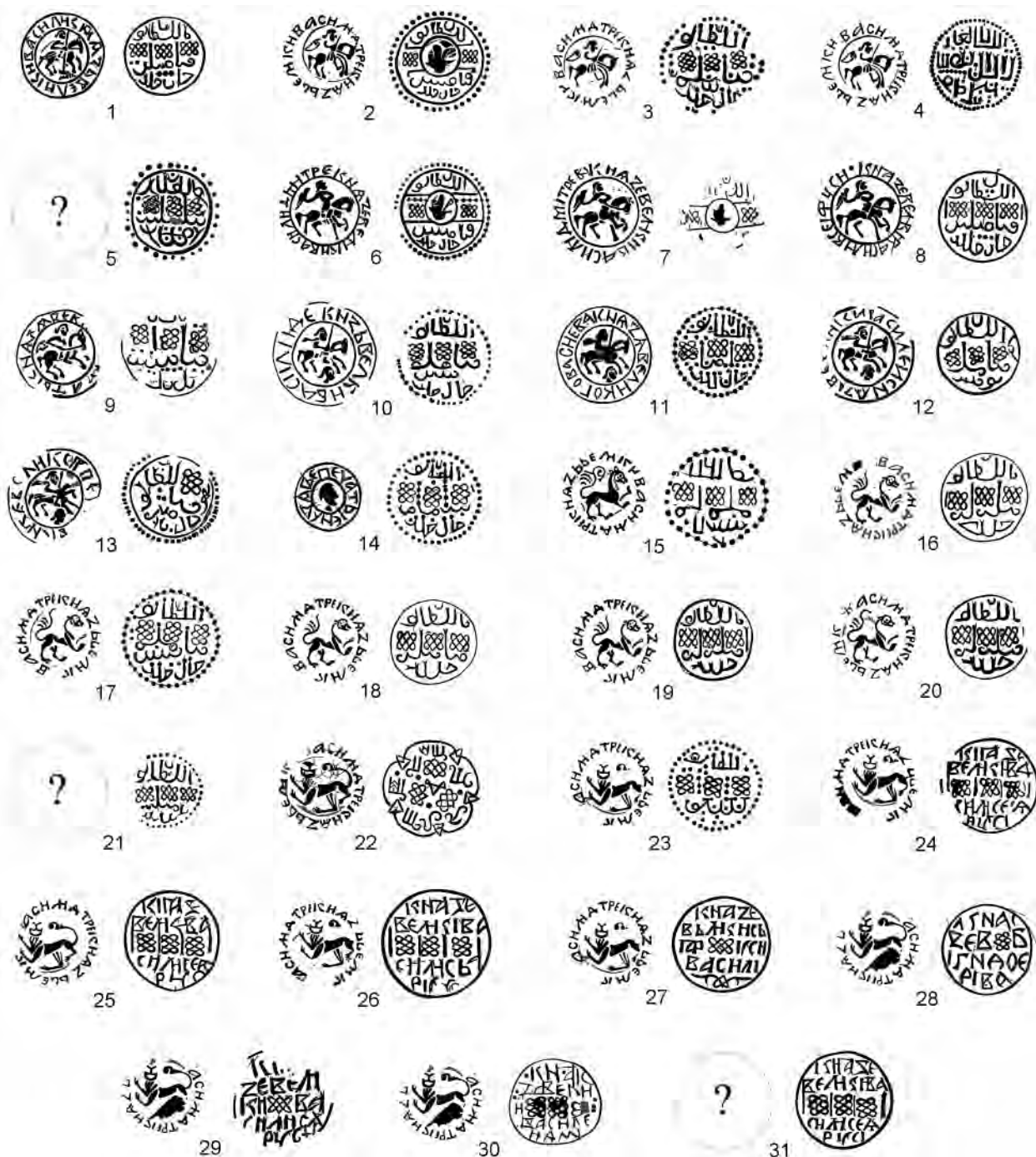

Рис. 3. Монеты великого князя Василия Дмитриевича из Фёдоровского клада. Денги центральной чеканки: типы II (1); IV (2–5); V (6–8); VIII (9); X (10–13); XII (14); XIII (15–21); XX (22, 23); XXI (24–31).

Прорисы И. В. Гришина. Натуральная величина

Fig. 3. Coins of Great Prince Vasily Dmitrievich from the Fedorovskoye hoard. Central coinage: types II (1); IV (2–5); V (6–8); VIII (9); X (10–13); XII (14); XIII (15–21); XX (22, 23); XXI (24–31). Drawing by I. V. Grishin. Natural size

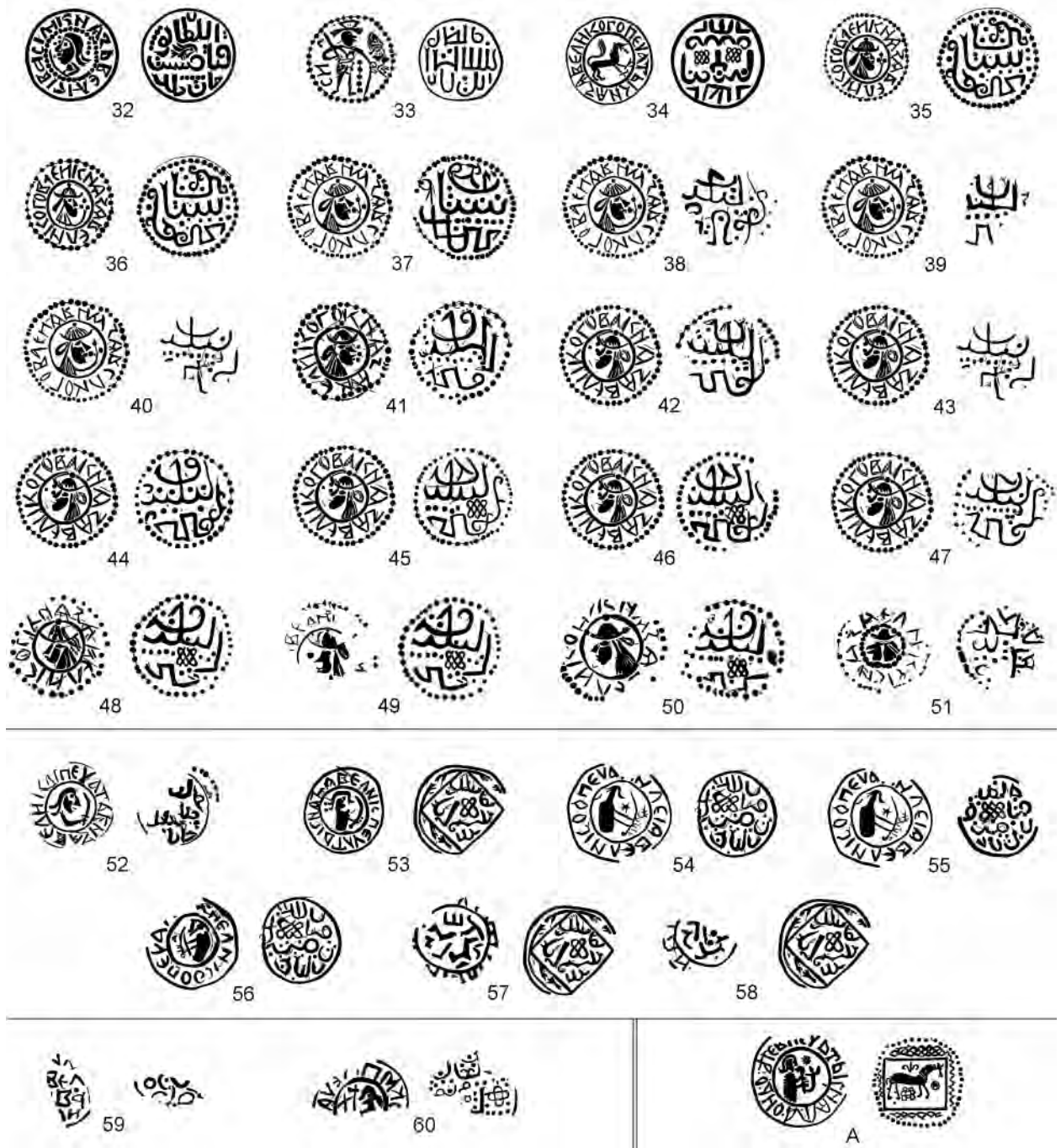

Рис. 4. Монеты великого князя Василия Дмитриевича из Фёдоровского клада. Периферийная чеканка: денги с именем князя, типы XV (32); XVIII (33); XIX (34); XX (35–51); анонимные денги, типы XI (52); XIII (53–58). Фальшивые монеты, копирующие денги Василия Дмитриевича: центральная чеканка, тип XVI (59), периферийная чеканка, анонимные денги, тип I (60). Можайская денга Андрея Дмитриевича, перечеканенная из денги типа IV центральной чеканки — А. Прориси И. В. Гришина. Натуральная величина

Fig. 4. Coins of Great Prince Vasily Dmitrievich from the Fedorovskoye hoard. Peripheral minting: *dengas* with the prince's name, types XV (32); XVIII (33); XIX (34); XX (35–51); anonymous *dengas*, types XI (52); XIII (53–58). Counterfeit coins copying *dengas* of Vasily Dmitrievich: central minting, type XVI (59), peripheral minting, anonymous *dengas*, type I (60). Mozhaysk *denga* of Andrey Dmitrievich, minted from a *denga* of type IV of central minting — A. Drawing by I. V. Grishin. Natural size

Именные денги распределяются на четыре типа. Подавляющее большинство монет (63 экз.) относится к наиболее позднему типу XX с изображением головы человека в шапке, повернутой в правую или левую сторону (63 экз., 17 вариантов; рис. 4, 35–51). Несмотря на положение головы, все монеты объединены в один тип благодаря общей стилистике изображения на лицевой стороне и связи различных вариантов одинаковыми штемпелями оборотной стороны. Тип XX насчитывает более 200 экз. и разделяется на 25 вариантов, средний вес монет 0,83 г. Около трети всех монет этого типа, практически не бывших в обращении, происходят из Фёдоровского клада. Это позволяет сделать заключение, что монеты типа XX изготавливались в Суздале или неподалеку от него незадолго до проведения денежной реформы начала 1410-х гг. Они являются, вероятно, одними из самых поздних по времени чеканки монет клада.

Еще пять именных денег периферийной чеканки относятся к трем типам: с изображением головы человека (XV, 1 экз.; рис. 4, 32); с изображением человека в рост (XVIII, 3 экз., один вариант; рис. 4, 33) и с изображением четвероногого животного (XIX, 1 экз.; рис. 4, 34). Последняя монета анонимная, но по общему стилю оформления очень близка денгам с именем князя типа XIX периферийной чеканки (рис. 2, Б-1, XIX).

Анонимные денги периферийной чеканки представлены типами XI и XIII: с оплечным изображением человека с саблей (1 экз.; рис. 4, 52) и с поясным изображением человека с саблей. В типе XIII объединены монеты с воином вправо и влево, как и в типе XX именных денег с изображением головы человека в шапке (7 экз., четыре варианта; рис. 4, 53–56). К этому типу условно отнесены денги с изображением геометрических и буквенных знаков на лицевой стороне, которые имеют общий штемпель оборотной стороны с монетами других вариантов (6 экз., два варианта; рис. 4, 57, 58).

Как указывалось выше, в Фёдоровском кладе выявлены две фальшивые монеты. Неофициаль-

ная чеканка известна в денежном деле Московского княжества конца XIV — начала XV в., такие монеты являются довольно редкими. При систематизации денег и полуденег Василия Дмитриевича выделена особая группа монет в количестве около 130 экз., определенная авторами по особенностям оформления монетных штемпелей, качеству металла и весу как фальшивые. В этой группе представлены оба монетных номинала, но подделывались, в основном, денги. Одна из групп фальшивых монет, изготовленных с помощью подлинных штемпелей, уже опубликована (Гайдук, Гришин, 2021).

Фальшивые монеты из Фёдоровского клада изготовлены из качественного серебра и грубо копируют денги Василия I. На одной монете видны остатки надписей: русской строчной и подражания арабской (рис. 4, 59). Образцом для копирования послужили, вероятно, именные денги типа XVI центральной чеканки (см. рис. 1, А, XVI). Вторая монета, с поясным изображением воина влево с круговой надписью и подражанием арабской надписи (рис. 4, 60), копирует, видимо, анонимные денги типа I периферийной чеканки (см. рис. 2, Б-2, I).

Фёдоровский клад дал важные дополнения к изучению монетной чеканки Великого княжества Московского в период правления Василия Дмитриевича. Он сохранил в своем составе неизвестные ранее варианты денег Василия I центральной (по одному варианту в типах II и V; рис. 3, I, 7) и периферийной чеканки (три варианта в типе XX именных, по одному варианту в типах XI и XIII анонимных денег; рис. 4, 39, 40, 49, 52, 58), а также новые разновидности фальшивых монет (рис. 4, 59, 60). Наличие в кладе большого количества монет периферийной чеканки с изображением головы человека в шапке (тип XX) дает возможность отнести чеканку этих денег к Суздальскому княжеству. Кроме того, денги из клада позволили уточнить ряд прорисей монетных штемпелей и дополнить общую базу данных для готовящегося каталога монет Василия I.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧЕКАНКА

1. Тип II, один вариант. Ав.: изображение всадника с развевающимся плащом, вправо; в руке всадника копье, которым он колет в голову змея под ногами коня; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: КНЯЗЬВЕЛИКИВАСИЛИ. Rev.: трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша. 1 экз. Вес 0,90 г (рис. 3, I; 5, I).
- 2–4. Тип IV, три варианта. Ав.: изображение всадника с мечом в руке и развевающимся плащом, впра-

во; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: КНЯЗЬВЕЛИКИВАСИЛИДТРЕ. Rev.: трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша (или подражание ей). 3 экз. Вес 0,93, 0,83, 0,81 г (перечеканена из денги типа V; см. рис. 3, 3; 5, 3) (рис. 3, 2–4; 5, 2–4)⁴.

⁴ Еще одна денга типа IV перечеканена в можайскую денгу Андрея Дмитриевича, ее лицевая сторона неопределима из-за плохой сохранности (вес 0,89 г;

5, 6. Тип V, два варианта. Ав.: изображение всадника с соколом, вправо; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: КНЯЗЕВЕЛИКИВАСИЛИДМИТРЕВЧ или КНЯЗЕВЕЛИКИВАСИЛИВСЕЯРУСИ. Rev.: трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша. 2 экз. Вес 0,94, 0,89 г (рис. 3, 7, 8; 5, 7, 8)⁵.

7. Тип VIII, один вариант. Ав.: изображение всадника с развевающимся плащом, вправо; вокруг линейный ободок и круговая надпись: [ЕЧ] АТЬКНЯЗЯВЕЛ... . Rev.: трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша. 1 экз. Вес 0,87 г (рис. 3, 9; 5, 9).

8–16. Тип X, четыре варианта. Ав.: изображение всадника с развевающимся плащом и мечом в руке, вправо; под конем человеческая голова; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: КНЯЗЯВЕЛИКОГОВАСИЕВА (или подобная). Rev.: трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша. 9 экз. Вес 0,94, 0,90, 0,87, 0,85 (2), 0,84, 0,83 (3, два слегка обломаны) г (рис. 3, 10–13; 5, 10–13).

17. Тип XII, один вариант. Ав.: голова человека, вправо; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: ПЕЧАТЬКЕНЯЗЯВЕ. Rev.: трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша. 1 экз. Вес 0,82 г (рис. 3, 14; 5, 14).

18–24. Тип XIII, семь вариантов. Ав.: изображение четвероногого животного, вправо, передние лапы подняты, хвост загнут над спиной и заканчивается кисточкой; вокруг круговая надпись: КНЯЗЬВЕЛИКИВАСИЛИДТРЕ. Rev.: трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша. 7 экз. Вес 0,91 (3), 0,89, 0,88 (2), 0,83 г (рис. 3, 15–21; 5, 15–21). У одной монеты лицевая сторона неопределима из-за плохой сохранности (рис. 3, 21; 5, 21).

25–27. Тип XX, два варианта. Ав.: изображение четвероногого животного, влево, голова повернута, передние лапы подняты, задние — поджаты, хвост загнут над спиной и заканчивается утолщением; вокруг круговая надпись: КНЯЗЬВЕЛИК АСИЛИДТРЕ. Rev.: трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша (или подражание ей). 3 экз. Вес 0,93, 0,87 (обл.), 0,84 г (рис. 3, 22, 23; 6, 22, 23).

28–36. Тип XXI, восемь вариантов. Ав.: изображение четвероногого животного, влево, голова повернута, передние лапы подняты, задние — поджаты, хвост загнут над спиной и заканчивается утолщением; вокруг круговая надпись: КНЯЗЬВЕЛИК АСИЛИДТРЕ (как в типе XX). Rev.: четырехстроч-

ная надпись: КНЯЗЕ || ВЕЛИКИВА || СИЛИСИЯ || РУСИ (или подобная). 9 экз. Вес 0,90, 0,89 (2), 0,88, 0,87 (3), 0,86, 0,82 г (рис. 3, 24–31; 6, 24–31). У одной монеты лицевая сторона неопределима из-за плохой сохранности (рис. 3, 31; 6, 31).

II. ПЕРИФЕРИЙНАЯ ЧЕКАНКА

1. Денги с именем князя

37. Тип XV, один вариант. Ав.: оплечное изображение человека с саблей в руке, влево; вокруг между точно-линейным и линейным ободками круговая надпись: КНЯЗЬВЕЛИКИВАСИЛ. Rev.: трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша. 1 экз. Вес 0,78 г (рис. 4, 32; 6, 32).

38–40. Тип XVIII, один вариант. Ав.: изображение человека в шапке с полями в рост, с поднятым на плечо мечом и тростью (?), у левой ноги столбик из точек; справа человеческая голова в высокой меховой шапке, слева окончание имени князя: [ВА]СИЛ; вокруг точно-линейный ободок. Rev.: подражание трехстрочной арабской надписи; вокруг линейный ободок. 3 экз. Вес 0,84, 0,85, 0,87 г (рис. 4, 33; 6, 33).

41. Тип XIX, один вариант. Ав.: изображение четвероногого животного, вправо, передняя лапа поднята, хвост загнут над спиной, пасть открыта; вокруг круговая надпись: ПЕЧАТЬКНЯЗЯВЕЛИКОГО; вокруг линейный ободок. Rev.: подражание четырехстрочной (?) арабской надписи. 1 экз. Вес 0,89 г (рис. 4, 34; 6, 34). Монета анонимная, но по общему стилю оформления очень близка денгам с именем князя типа XIX.

42–66. Тип XXa, семь вариантов. Ав.: изображение человеческой головы в округлой шапке с полями, вправо; перед лицом ветвь с тремя плодами; вокруг между линейным и точно-линейным ободками круговая надпись: КНЯЗЯВЕЛИКОГОВАСИ (или подобная). Rev.: подражание трехстрочной арабской надписи; вокруг точно-линейный ободок. 25 экз. Вес 0,77, 0,78, 0,79 (4), 0,80, 0,81 (3), 0,82, 0,83 (2), 0,84 (3), 0,85 (3, 2 сл. обл.), 0,86 (2), 0,87, 0,88 (3) г (рис. 4, 35–41; 6, 35–41).

67–104. Тип XXb, 10 вариантов. Ав.: изображение человеческой головы в округлой шапке с полями, влево; вокруг между линейным и точно-линейным ободками круговая надпись: КНЯЗЯВЕЛИКОГОВА (или подобная). Rev.: подражание трехстрочной арабской надписи; вокруг точно-линейный ободок. 38 экз. Вес 0,78 (3), 0,79 (5), 0,80, 0,81 (3), 0,82 (5), 0,83 (8), 0,84 (4, 2 слегка обломаны), 0,85 (3), 0,86, 0,87 (3), 0,89, 0,91 г (рис. 4, 42–51; 6, 42; 7, 43–51).

Отдельные варианты монет типа XX анонимные (см. рис. 4, 41, 48, 50, 51), но по общему стилю оформления очень близки денгам этого типа с именем князя.

рис. 3, 5; 4, А; 5, 5); в общее количество монет из клада она не входит.

⁵ Еще одна денга типа V перечеканена в денгу типа IV (см. рис. 3, 6; 5, 6); в общее количество монет Василия I из клада она не входит.

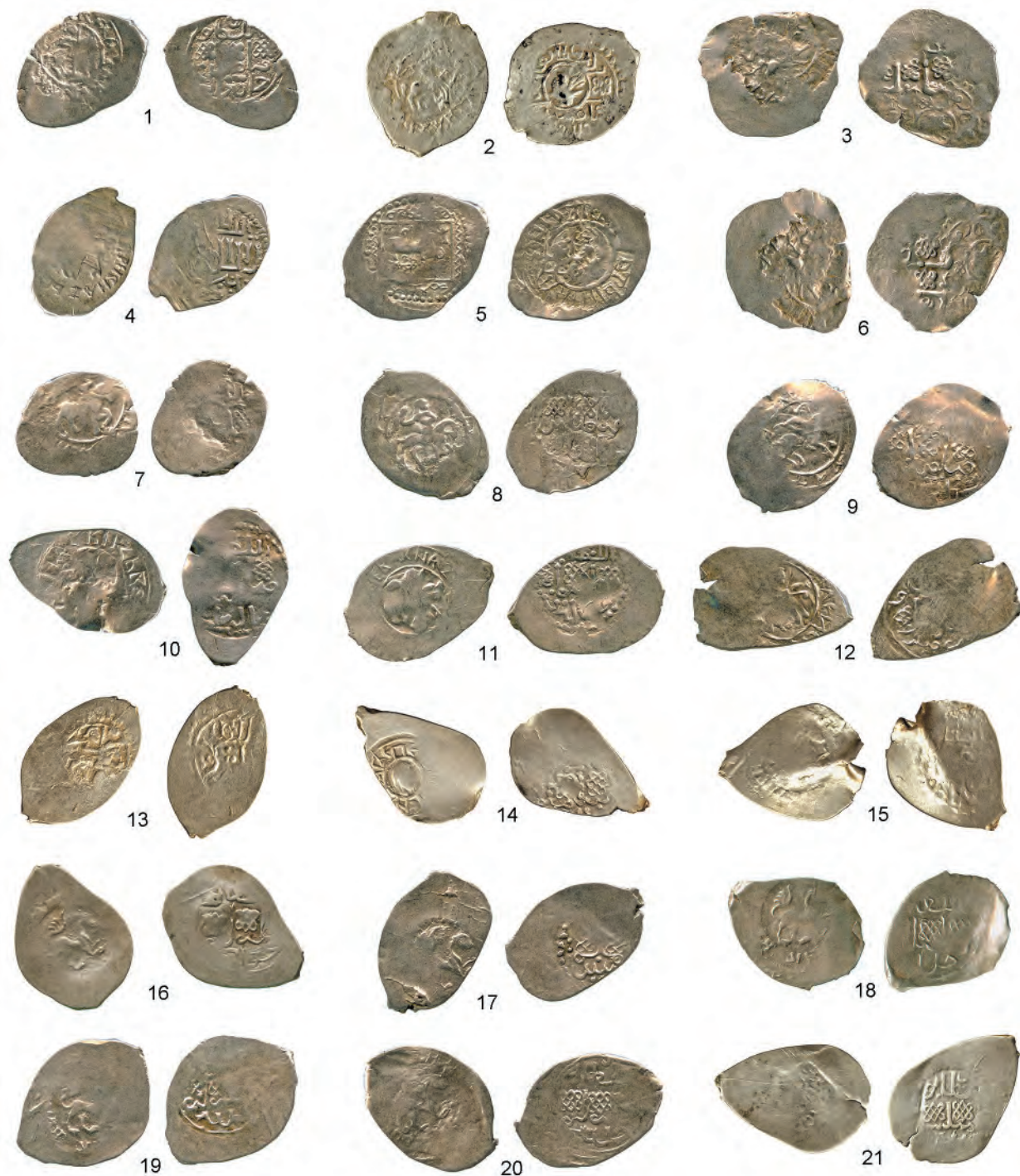

Рис. 5. Фото монет великого князя Василия Дмитриевича из Фёдоровского клада. Номера соответствуют номерам на рис. 3. Масштаб 1,5 : 1

Fig. 5. Photo of coins of Great Prince Vasily Dmitrievich from the Fedorovskoye hoard. The numbers correspond to the numbers in Fig. 3. Scale 1.5 : 1

2. Анонимные денги

105. Тип XI, один вариант. Ав.: оплечное изображение человека с саблей в руке, вправо; вокруг между двумя линейными ободками круговая надпись: ПЕЧАТЬКНЯЗВЕЛИК[ОГ]. Rev.: подражание

трехстрочной арабской надписи; вокруг линейный и точечно-линейный ободки. 1 экз. Вес 0,78 г (рис. 4, 52; 7, 52).

106–111. Тип XIIIa, три варианта. Ав.: поясное изображение человека с длинными волосами,

Рис. 6. Фото монет великого князя Василия Дмитриевича из Фёдоровского клада. Номера соответствуют номерам на рис. 3 и 4. Масштаб 1,5 : 1

Fig. 6. Photo of coins of Great Prince Vasily Dmitrievich from the Fedorovskoye hoard. The numbers correspond to the numbers in Fig. 3 и 4. Scale 1.5 : 1

с саблей в руке, вправо; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: ПЕЧАТЬКНЯЗЯ-ВЕЛИК (или подобная). *Rev.*: подражание трехстрочной арабской надписи с именем Токтамышша. 6 экз. Вес 0,74 (3, 2 обломаны), 0,76 (2), 0,77 г (рис. 4, 53–55; 7, 53–55).

112. Тип XIIIб, один вариант. *Av.*: поясное изображение человека с саблей в руках, влево; вокруг между двух линейных ободков круговая надпись: ПЕЧА...ИЕЛИКОО. *Rev.*: подражание трехстрочной арабской надписи с именем Токтамышша. 1 экз. Вес 0,81 г (рис. 4, 56; 7, 56).

Рис. 7. Фото монет великого князя Василия Дмитриевича из Фёдоровского клада. Номера соответствуют номерам на рис. 4. Масштаб 1,5 : 1

Fig. 7. Photo of coins of Great Prince Vasily Dmitrievich from the Fedorovskoye hoard. The numbers correspond to the numbers in Fig. 4. Scale 1.5 : 1

113–118. Тип XIIIв, два варианта. Ав.: геометрические и буквенные знаки; вокруг линейный ободок и остатки неразборчивой круговой надписи (?). Rev.: подражание трехстрочной надписи с именем Токтамышша (тот же штампель, что и в № 107; рис. 4, 53). 6 экз. Вес 0,62 (сл. обл.), 0,70, 0,73, 0,75 (сл. обл.), 0,76, 0,77 г (рис. 4, 57, 58;

7, 57, 58). Монеты № 114–118 отнесены к типу XIII условно, благодаря общему штампелю оборотной стороны с отдельными вариантами этого типа.

III. Фальшивые монеты

119. Ав.: четырехстрочная надпись: [НЯ]|| ..ВЕЛ || ...В•А || ..[Л]И; вокруг линейный ободок.

- Rev.: грубое подражание арабской надписи (?); вокруг линейный ободок (?). 1 экз. Вес: 0,55 (обл.) г (рис. 4, 59; 7, 59). Образец для копирования: денги центральной чеканки, тип XVI (см. рис. 1, А, XVI).
120. Ав.: поясное изображение человека с длинными волосами, влево, с саблей и топором в руках; вокруг между двух линейных ободков остатки неразборчивой (?) круговой надписи (справа на лево?): [П]ЕЧА... КМП. Rev.: подражание арабской надписи; вокруг линейный ободок. 1 экз. Вес: 0,84 г (рис. 4, 60; 7, 60). Образец для копирования: анонимные денги периферийной чеканки, тип I (см. рис. 2, Б-2, I).
-
- Волков, 2003 — Волков И. В. О хронологии монетного чекана Москвы и Серпухова начала XV в. // Нумизматический сборник ГИМ. М.: Изд-во ГИМ, 2003. Т. XVI. С. 134–146: ил.
- Волков, Титов, 2015 — Волков И. В., Титов Г. А. Две группы пореформенных монет Василия Дмитриевича с изображением всадника // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М.: РИА «Внешторгиздат», 2015. Вып. 5. С. 174–194.
- Гайдуков, 2006 — Гайдуков П. Г. Русские полуденги, четвертцы и полушки XIV–XVII вв. М.: Палеограф, 2006. 408 с.
- Гайдуков, Гришин, 2004 — Гайдуков П. Г., Гришин И. В. Саранский клад русских монет конца XIV — начала XV в. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.): Тезисы докладов и сообщений. М.: Изд-во ГИМ, 2004. С. 138–140.
- Гайдуков, Гришин, 2009 — Гайдуков П. Г., Гришин И. В. О метрологии денег Москвы времени правления Василия Дмитриевича // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009 г.): Тезисы докладов и сообщений. М.: Изд-во ГИМ, 2009. С. 136–139.
- Гайдуков, Гришин, 2019 — Гайдуков П. Г., Гришин И. В. Фёдоровский клад // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г.): Тезисы докладов и сообщений. М.: Изд-во ГИМ, 2019. С. 145–149.
- Гайдуков, Гришин, 2021 — Гайдуков П. Г., Гришин И. В. Об одной группе фальшивых монет времени правления великого князя Василия Дмитриевича Московского // Нумизматические чтения ГИМ 2021 г. Памяти Г. К. Мельник (Москва, 23, 24 ноября 2021 г.): Материалы докладов и сообщений. М.: Изд-во ГИМ, 2021. С. 132–136.
- Макаров, 2017а — Макаров Н. А. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области, Гаврилово-Посадского района Ивановской области, Переславского района Ярославской области в 2017 г. Т. 1. М., 2018 // НОА ИА РАН. Р-1. № 56154. 183 л.
- Макаров, 2017б — Макаров Н. А. Отчет о результатах разведочных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на территории Суздальского и Юрьев-Польского районов Владимирской области, Гаврилово-Посадского района Ивановской области, Переславского района Ярославской области в 2017 г. Т. 3. М., 2018 // НОА ИА РАН. Р-1. № 56156. 180 л.
- Самошин, 2003 — Самошин С. И. Клад русских монет конца XIV — начала XV в. из окрестностей Коломны (предварительный анализ) // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания: Тезисы докладов областной науч.-практ. конф. (Коломна, 17 апреля 2003 г.). Коломна: Изд-во Коломенского гос. пед. ин-та, 2003. С. 83–84.
- Федоров-Давыдов, 1981 — Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 224 с.
- Федоров-Давыдов, 1989 — Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Нижегородского княжества. М.: Изд-во Московского ун-та, 1989. 254 с.

Coins of the Principality of Moscow from the Fedorovskoye hoard

P. G. Gaydukov, I. V. Grishin⁶

Keywords: Medieval Russia, the Principality of Moscow, coinage, coin type and variant, denга, coin hoard, coin catalogue.

Preparing the catalogue of coins of the Principality of Moscow in the reign of Vasily Dmitrievich (1389–1425), the authors of this article collected significant numismatic material stored in museum collections, private collections, as well as posted on various Internet sites. In this paper they publish coins of Vasily I from the Fedorovskoye hoard, found in Yuryev-Polsky district of Vladimir region in 2016 and now stored in the Vladimir and Suzdal Reserve Museum.

⁶ Peter G. Gaydukov, Igor V. Grishin— Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; e-mail: russianchange@yandex.ru, robert2t@yandex.ru.

«Крылатые» всадники на зеркале печи. Изразцы с изображениями гусар Речи Посполитой из городов Северо-Запада Московского государства и сопредельных территорий¹

П. А. Миляев, К. А. Чистякова²

Аннотация. Публикация посвящена редким изразцам XVII в. с изображением «крылатого» гусара Речи Посполитой, обнаруженным в Новгороде Великом и Пскове. Подробно рассмотрены вооружение, снаряжение коня и всадника, представленные на данных находках, уточнена их датировка. Прямые аналогии этим изразцам происходят из Полоцка — крупного города Великого княжества Литовского. Выделены две группы изделий, отличающиеся стилистикой изображения и размерами. Прослежены истоки сюжета, а также высказаны предположения о путях появления данных изразцов в городах русского Северо-Запада.

Ключевые слова: XVI–XVII вв., изразцы, Новгород, Псков, «крылатые» гусары, Речь Посполитая, Московское государство.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-202-230

Среди большого количества разнообразных изразцов раннего Нового времени, выявленных при раскопках на территории России, обращает на себя внимание серия редких и выразительных изделий, почти не введенных в научный оборот, на которых в центре помещено крупное изображение так называемого крылатого всадника. В отечественной историографии, посвященной печному декору XVI–XVII вв., отсутствует подробное описание данных находок, в иностранной литературе сведений о них также немного³. Важным

обстоятельством является то, что подавляющее большинство таких изделий представляют собой фрагменты, на которых фигура самого всадника отсутствует или сохранилась лишь частично. Долгое время облик, внешний вид и подробности изображения персонажа не были ясны в полной мере, что не позволяло правильно понять и интерпретировать сюжет, помещенный на изразцах. Однако недавние находки с территории Великого Новгорода позволили получить исчерпывающее представление об этих редких элементах печного декора и детально их исследовать⁴.

Летом 2022 г., во время проведения археологических работ на Торговой стороне города,

¹ Миляев П. А. выполнил исследование в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Миляев П. А. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: miyaev.paul@yandex.ru. Чистякова К. А. — Санкт-Петербургский государственный университет; С.-Петербург, Россия; e-mail: ksiuhoromi@gmail.com.

© Миляев П. А., Чистякова К. А., 2024

³ Имеются описания терракотовых широкорамочных изразцов начала XVII в. из Москвы и Рязани с батальными сценами, где есть изображения всадников,

предположительно, с крыльями на спинах. Однако сюжет на этих изделиях иной, многофигурный, где конные воины не являются его основой и центральными персонажами. Р. Л. Розенфельдт считал, что у воинов изображены не крылья, а плащи. Данная тема нуждается в дополнительном исследовании (Яхонтов, 1927. С. 7–10; Розенфельдт, 1968. С. 61).

⁴ Авторы выражают сердечную благодарность научному сотруднику отдела археологии Московской Руси ИА РАН, кандидату исторических наук О. Н. Глазуновой за помощь в работе с данными находками.

в квартале 38 на Иоанновском раскопе («Немецкий двор»), сотрудникам Новгородской археологической экспедиции ИА РАН одним из местных жителей было передано более 20 фрагментов различных изразцов. Предположительно они были найдены в подвале одного из домов на ул. Большой Московской напротив Ярослава дворища (рис. 1, А). Общую датировку указанных предметов можно предварительно очертить в рамках XVII — начала XVIII в.

В составе этой коллекции были выявлены части нескольких изразцов с изображением фигуры всадника с крылом за спиной, сидящего верхом на коне. Примечательно, что среди них были как терракотовые без глазури, так и поливные муравленые фрагменты, отличавшиеся друг от друга по стилю и художественной проработке изображений. В числе данных находок имелись два крупных обломка, принадлежащих к одному изразцу, из которых удалось собрать целый экземпляр и подробно изучить его. Кроме того, были выделены еще три отдельных обломка аналогичных изделий. Оказалось, что фигуры всадников на этих элементах печного декора показаны очень подробно, со множеством деталей и довольно высокой степенью реализма. Весьма достоверно и точно отображены вооружение, защитное снаряжение, элементы одежды, а также убранство коня. Все это позволило сопоставить данные элементы материальной культуры с аналогичными предметами из музейных собраний и археологическими находками, подобрать соответствующие изобразительные источники. В итоге удалось однозначно интерпретировать сюжет, помещенный на изразцах, выяснить его происхождение и истоки, а также уточнить датировку этих редких элементов печного декора раннего Нового времени.

Обратимся к целому экземпляру для его детального рассмотрения. Это крупный стеной коробчатый изразец, изготовленный из красножгущейся глины с включениями крупного песка в тесто и покрытый поливой темно-зеленого оттенка — муравленый. Глазурь положена непосредственно на поверхность изделия без ангобного покрытия. Его лицевая пластина квадратных очертаний, размерами 233 × 226 мм, в нижней части расширяется до 253 мм (рис. 2). На внутренней стороне изразца почти полностью, с незначительными утратами, сохранилась коробчатая румпа, плавно отступающая на углах лицевой пластины, с прямыми стенками высотой от 80 до 90 мм, толщиной около 15 мм, с закругленной верхней

Рис. 1. Места находок фрагментов изразцов с изображением «крылатого» гусара:

А — квартал 38 напротив Ярослава дворища;
 Б — Рогатицкий раскоп 2014 г.; В — Духов монастырь

Fig. 1. Finds of fragments of ceramic tiles with the image of the “winged” hussar: A — the quarter 38 opposite Yaroslav’s Court; B — Rogatitsky excavation of 2014; B — the St. Spirit Monastery

кромкой. Она была присоединена с отступом около 30 мм от краев изделия. Важно отметить, что данный изразец, несомненно, использовался в составе печного набора, поскольку его внутренняя полость закопчена, а на ее поверхности имеется нагар (рис. 2). Сама лицевая пластина тонкая — около 5–7 мм. С внешней стороны по периметру изделия имеется двойная ступенчатая рамка высотой 20 мм, состоящая из прямоугольных уступов, расположенных друг над другом. Причем с тыльной стороны ее верхняя часть прямая, а нижняя идет на скос до соединения с основной частью лицевой пластины. В центре пространства внутри рамки помещена рельефная композиция, основой которой является фигура воина в доспехе и головном уборе, сидящего на коне, направленном влево. Непосредственно на спине всадника изображено довольно крупное крыло, схожее с птичьим, в поднятой правой руке он держит ударно-дробящее оружие, а в опущенной левой зажаты поводья. Данная фигура занимает почти все свободное пространство внутри рамки, примыкая к ее краям. Рядом показаны и другие небольшие объекты, такие как животное, бегущее под брюхом коня, невысокая растительность

Рис. 2. Муравлений изразец с изображением «крылатого» гусара. Великий Новгород, квартал 38
Fig. 2. Glazed tile with the image of a “winged” hussar. Veliky Novgorod, the quarter 38

перед всадником, а также многолучевая звезда(?) за крылом с правой стороны.

Значимость описанной выше находки заключается в том, что на данный момент это единственный целый подобный образец на территории России; в сопредельных землях более-менее полные детали печного декора с аналогичным сюжетом также редки, они имеют значительные утраты и реконструируются в основном по фрагментам (Соловьев, 2013. С. 28). Теперь можно точно определить, к какому именно роду войск относится всадник, изображенный на изразце из Новгорода и аналогичных изделиях. Несомненно, что это «крылатый» гусар Речи Посполитой XVII в. с типичным комплексом вооружения и снаряжения (рис. 2). Стоит отметить, что подобный сюжет крайне необычен и совсем нехарактерен для русских изразцов раннего Нового времени. «Крылатые» гусары являлись элитным родом войск Польско-Литовского государства, символом его мощи, и в XVII в. были одними из сильнейших противников русской армии, не раз играя ключевую роль в сражениях, обеспечивая победу. Таким образом, фигура, помещенная на изразце из Новгорода и аналогичных находках с территории России, является довольно противоречивой, выбивающейся из системы культурных образов Московского царства XVI–XVII вв. Тем интереснее выяснить происхождение подобных элементов печного декора, предположительное место их изготовления, выделить стилистические особенности и варианты сюжета, а также время и возможные предпосылки его появления в русских землях. Необходимо рассмотреть аналогии, происходящие с территории России и сопредельных государств, которые помогут найти вероятные прототипы данной композиции в синхронных европейских изобразительных источниках.

Для определения времени изготовления описанной выше находки с территории квартала 38 в Новгороде целесообразно провести перекрестное датирование по конструктивным особенностям изделия, а также хронологии предметов вооружения, снаряжения всадника и коня, представленных на нем. Известно, что одни из наиболее ранних муравленых печных изразцов, произведенных в Московском царстве, относятся к 1630-м гг., однако период их наибольшего распространения приходится на вторую половину XVII в. (Маслих, 1983. С. 15, 16; Баранова, 2011. С. 91, 94; Векслер и др., 2016. С. 124). Техника прикрепления румпы с отступом от краев лицевых пластин стала применяться русскими мастерами под европейским

влиянием в середине XVII в. (со второй половины 1640-х гг.) и продолжала использоваться в последующее время (Маслих, 1983. С. 15; Розенфельдт, 1968. С. 65; Яковлева, Жегурова, 2006. С. 10). Однако, принимая во внимание изображение «крылатого» гусара на изразце, а также некоторые особенности его конструкции, более актуальным является обращение к хронологии элементов печного декора Польши и Великого княжества Литовского. Важным датирующим признаком является ступенчатая рамка по периметру лицевой пластины, которая была наиболее распространена с конца XVI до середины XVII в. (Беларуская кафля, 1989. С. 8–10, 41, рис. 39, 63–66, 69, 71, 73–75; Дук, 2007. С. 65, 82; Niedźwiadek, 2007. S. 98, гус. 18; Соловьев, 2013. С. 11–15). Высота румпы 80–90 мм обычно характерна для изделий, производимых с 1630-х гг. до конца XVII в. (Дук, 2001. С. 44). По указанным признакам данный изразец с изображением «крылатого» гусара изготовлен, вероятнее всего, в период от начала 1630-х гг. до середины XVII в.

Стоит подробнее изучить комплекс вооружения и снаряжения «крылатого» гусара с лицевой пластины целого новгородского изразца. Привлечение для такого анализа синхронных музейных предметов и археологических находок позволит подтвердить датировку находки. Одним из наиболее важных элементов является защитное снаряжение всадника. Грудь его прикрыта доспехом, нижний край которого расположен в районе поясицы, а на воротах обозначен небольшой валик. На поверхности нагрудника изображены три горизонтальные линии, находящиеся ближе к животу воина (рис. 3, 1). Тип данного доспеха определяется абсолютно точно — это характерная для гусар Речи Посполитой кираса, собранная из горизонтальных железных сегментов на «скользящих» заклепках. В конце XVI в., со времени реформ короля Стефана Батория, такие элементы защитного снаряжения широко распространились в тяжелой коннице Польско-Литовского государства и стали стандартными (de Latour, 1984. S. 198, rys. 1; Żygulski, 2003. S. 43, 44; Brzezinski, Vuksic, 2006. S. 6)⁵. В XVII столетии они обычно состояли из крупной выкованной целиком нагрудной детали, к которой ниже

⁵ Первыми такие кирасы стали использовать венгерские гусары с 1520-х гг., а позже и польские. Ранние образцы XVI в. собирались полностью из узких горизонтальных полос (Kovács, 2010. O. 58, 221, 237, 238, kép. 18, 127–129; Plewczyński, 2017. S. 166, 168).

Рис. 3. 1 — изображение доспеха гусара на изразце, Новгород; 2 — кираса, первая половина XVII в., тип «старый»; 3 — нагрудник кирасы, вторая половина XVII в., тип «новый»; 4 — нагрудник кирасы, XVII в., Москва, Биржевая площадь, раскопки «Столичного археологического бюро» 2017 г.

Fig. 3. 1 — image of a hussar's armor on the ceramic tile, Novgorod; 2 — cuirass, first half of the 17th cen., the type "old"; 3 — breastplate of a cuirass, second half of the 17th cen., the type "new"; 4 — breastplate of a cuirass, 17th cen., Moscow, Birzhevaya Square, Metropolitan Archaeological Bureau excavations, 2017

[2, 3 — Żygulski, 2003. S. 55, 63]

присоединялось от трех до пяти узких полос-сегментов (рис. 3, 2, 3). Замечательным примером может служить такая кираса, обнаруженная в ходе раскопок 2017 г. на Биржевой площади в Москве. Вероятнее всего, она связана с событиями Смутного времени и наглядно демонстрирует все конструктивные особенности подобных изделий (рис. 3, 4)⁶.

В своем классическом виде комплекс защитного снаряжения гусар Речи Посполитой окончательно оформился в 30–40-е гг. XVII в. (время правления короля Владислава IV Ваза) (*Bocheński*, 1960. S. 12, 13; *Żygulski*, 1975. S. 265; 2003. S. 55, 56). С этого времени бытовали доспехи (полудо-

спехи) двух типов: «старого» (ок. 1640–1675 гг.) и «нового» (ок. 1675–1730 гг.), для которых были характерны многочисленные фигурные детали отделки, вырезанные из листа медного сплава и дополнительно украшенные орнаментом (*Bocheński*, 1960. S. 15–17, 20, 38–43, rys. 3–6, 10–11, 15, 20, 22; *Żygulski*, 1975. S. 266, 267; 2000. Rys. 76, 77) (рис. 3, 2, 3)⁷. Конечно, небольшие и тонкие декоративные элементы не показаны на кирасе всадника с новгородской находки.

Теперь обратимся к наиболее интересной и выразительной детали экипировки гусара, изображенного на изразце из Новгорода Великого, а именно — крылу на спине (рис. 2). Насчет функций данных элементов снаряжения велись

⁶ Авторы благодарят руководителя работ, генерального директора ООО «Столичное археологическое бюро» К. В. Воронина и заведующую его камеральной лабораторией Л. А. Рукавишникову за предоставленные материалы.

⁷ Изготавливалось много более простых и даже грубоватых кирас, по достатку их владельцев (*de Latour*, 1984. Rys. 3, 5).

дискуссии, но в настоящее время превалирует мнение, что они имели преимущественно декоративный характер, подчеркивали пышность и богатство воинского убранства, производя сильное впечатление на противника и других очевидцев (Алексинский и др., 2005. С. 482). Способ и место крепления крыльев имеют важное хронологическое значение и помогут уточнить время производства новгородского изразца и аналогичных изделий. Данная традиция стала распространяться у гусар Речи Посполитой в конце XVI в., когда после реформ короля Стефана Батория они стали прикреплять к задней луке седла слева одно высокое прямое крыло, а несколько позже — два по обеим сторонам (Brzezinski, McBride, 1987a. S. 11; Żygulski, 2000. Rys. 27; 2003. S. 49–51; Brzezinski, Vuksic, 2006. S. 12, 20) (рис. 4, 1)⁸. Немногие сохранившиеся образцы и изобразительные источники свидетельствуют, что основой таких элементов воинского убранства были деревянные планки, между которыми плотно друг к другу зажимались птичьи перья, вся конструкция обтягивалась тканью и дополнительно усиливалась металлическими накладками (рис. 4, 2). Имеются свидетельства и о креплении крыльев непосредственно на спине всадника. Считается, что такой способ появился только после первой четверти XVII в. и относится ко времени формирования облика классического гусарского доспеха в 1630–1640-е гг. (Brzezinski, McBride, 1987a. S. 20, 44; Brzezinski, Vuksic, 2006. S. 20; Wimmer, 2006. S. 43). На это указывают некоторые письменные источники, а также рисунки художника Стефано делла Белла, на которых изображен полковник Крыштоф Щодровский верхом на коне во время торжественного въезда польского посольства в Париж в 1645 г. На спине всадника, облаченного в парадную одежду, вероятнее всего при помощи ремней закреплено высокое пышное декоративное крыло из множества птичьих перьев (рис. 4, 4). Имеется еще пара подобных изображений, связанных с указанным польским посольством 1645 г., на которых идентифи-

⁸ В XVI в. польские гусары, как и венгерские, могли нести на своих щитах изображения птичьих крыльев, а также их объемные фигуры, выполненные из перьев (Kovács, 2010. O. 259, 261, kép. 115, 153; Brzezinski, McBride, 1987a. S. 9). Считается, что данная традиция была заимствована у турецких всадников-дели и балканских конников, но в то время она еще не была широко распространена в Польше и Великом княжестве Литовском (Żygulski, 2000. Rys. 2, 3, 10; 2003. S. 37, 38; Plewczyński, 2017. S. 163).

кация персонажа спорна. В обоих случаях аналогичное высокое крыло также размещено на спине наездника (Brzezinski, Vuksic, 2006. S. 21–23). Что касается их ношения с доспехами, то к некоторым наспинникам кирас как «старого», так и «нового» типов приклепаны вертикальные трубчатые втулки, а на деревянных каркасах крыльев есть специальные штифты, которые в них вставлялись (Bocheński, 1960. S. 49; Żygulski, 1975. Rys. 166–169) (рис. 4, 3). Однако указанные детали могут быть не синхронны самому защитному снаряжению, а установлены значительно позднее⁹. Следует отметить, что описанный выше способ был не так широко распространен, как крепление у задней луки седла. Традиция ношения крыльев тяжелой конницей Речи Посполитой продолжалась в течение всего XVII до начала XVIII в., когда гусарские полки уже утратили военное значение¹⁰. Исследователи не раз справедливо отмечали, что подобные декоративные элементы преимущественно использовались не в бою, а при торжественных выездах и парадах (Bocheński, 1960. S. 49; Żygulski, 2003. S. 56; Brzezinski, Vuksic, 2006. S. 21, 22). Таким образом, муравлений изразец, обнаруженный на территории квартала 38 в Великом Новгороде, был изготовлен вряд ли ранее начала 1630-х гг., когда появился и стал использоваться способ крепления крыльев непосредственно на спине всадника. Обозначенная верхняя дата находки — середина XVII в. — не противоречит общему времени бытования данной традиции.

Крыло гусара с новгородского изразца имеет натуралистичную форму и напоминает птичье, а на его поверхности показаны контуры перьев (рис. 2). Известен рисунок начала XVIII в., где элементы снаряжения аналогичных очертаний изображены на спинах гусар роты князей Радзивиллов, к более раннему времени относятся свидетельства их использования в легкой коннице Речи Посполитой (Żygulski, 2000. Rys. 27; Brzezinski, Vuksic, 2006. S. 8, 23, 62) (рис. 4, 5, 6). Декоративные крылья, напоминающие птичьи, использовались

⁹ Известно, что многие крылья из музейных собраний были изготовлены в XIX–XX вв. и являются реконструкциями (Żygulski, 2003. S. 56). Соответственно их крепления в данных случаях не синхронны самим доспехам и установлены значительно позднее.

¹⁰ Во время «Шведского потопа» (1655–1660) традиция ношения гусарией крыльев почти прекратилась, однако заново возродилась при короле Яне III Собеском в конце XVII в.

1

2

3

4

5

6

7

8

Рис. 4. 1 — гусары Придворной роты, «Стокгольмский свиток», начало XVII в., фрагмент; 2 — крыло, вторая половина XVII — начало XVIII в.; 3 — способ крепления крыльев к наспиннику гусарского доспеха; 4 — полковник Крыштоф Щодровский, участник польского посольства в Париж 1645 г., гравюра по рисунку Стефано делла Белла; 5 — польский легкий конный воин, акварель из дневника Абрахама Бута, 1632 г.; 6 — гусарская рота князей Радзивиллов на параде, рисунок начала XVIII в., фрагмент; 7 — ударно-дробящее оружие в руке гусара на изразце, Новгород; 8 — буздыган С. Чарнецкого, вторая половина XVII в.

Fig. 4. 1 — Hussars of the Court Squadron, "Stockholm Scroll", the early 17th cen., fragment; 2 — wing, second half of the 17th — early 18th cen.; 3 — method of attaching wings to the spine of the hussar armor; 4 — colonel Krzysztof Szczodrowski, participant of the Polish embassy to Paris in 1645, engraving based on a drawing by Stefano della Bella; 5 — Polish light mounted warrior, watercolor from the diary of Abraham Booth, 1632; 6 — hussar squadron of Princes Radziwill on parade, drawing of the early 18th cen., fragment; 7 — stab and crush weapon in the hand of a hussar on a tile, Veliky Novgorod; 8 — S. Czarniecki's buzdugan, the second half of the 17th cen.

[1 — *Żygulski*, 2003. S. 50; 3 — *Brzezinski, McBride*, 1987a. S. 20; 2, 4–6 — *Brzezinski, Vuksic*, 2006. S. 17, 8, 22, 62; 8 — *Żygulski*, 1975. Rys. 148]

довольно редко и, вероятно, обычно в качестве парадного убранства. Стоит отметить, что у гусара на изразце из Новгорода данный элемент снаряжения показан стилизованно и явно гипертрофированно, что, видимо, должно было придать пафос и общую торжественность всей фигуре воина.

В правой руке, согнутой под прямым углом, всадник держит ударно-дробящее оружие с прямой рукоятью и небольшим округлым навершием (рис. 4, 7). Вероятно, это буздыган, боевая часть которого, обычно выполненная из железа, имела схожую форму и пропорции. В отличие от богато украшенных польских булав турецкого и венгерского типов с крупными шаровидными навершиями, которые являлись инсигниями гетманов, данные предметы вооружения обычно имели более скромные размеры и декор (рис. 4, 8). В XVII в. буздыганы были символами власти офицеров высокого ранга — полковников и ротмистров, при этом вполне могли использоваться и в бою (*Żygulski*, 1975. S. 282, 283, rys. 148). Возможно, к вооружению гусара относится и вытянутый предмет, немного расширяющийся кверху, расположенный на изображении от пояса воина до колена передней ноги коня. Так условно мог быть показан седельный меч-кончар в ножнах, подвешенный к передней луке седла. Его рукоять, вероятно, скрыта опущенной левой рукой наездника, держащей поводья. Данное колющее оружие с длинным граненым клинком было широко распространено в среде польско-литовской тяжелой конницы XVII — начала XVIII в. (*Żygulski*, 1975. S. 222, 272, 273, rys. 89; *Brzezinski, Vuksic*, 2006. S. 17, 18). Не исключено, впрочем, что таким довольно условным способом показан пистолет в седельном чехле — ольстре. В XVII в. такое огнестрельное оружие массово использовалось гусарией Речи Посполитой (*Żygulski*, 2003. S. 56;

Алексинский и др., 2005. С. 483, 484; *Gembarzewski*, 2017. S. 15).

Ниже кирасы «крылатого» всадника с изразца из Новгорода изображена довольно широкая пола одежды длиной до колен, расправленная и уложенная полукругом по бокам и на спине коня (рис. 2). По ее нижнему краю показаны параллельные складки. Возможно, это характерная польская плечевая распашная одежда XVII в. — жупан или кунтуш, которые у шляхты кроились из дорогого сукна, шелка или хлопчатобумажных тканей (*Bartkiewicz*, 1979. S. 85, 87–89, rys. 106, 109; *Drążkowska*, 2008. S. 44–46; *Шаменков*, 2010. С. 95, 96, 100–103). Для придания ширины полам по бокам дополнительно вшивались клинья, что обеспечивало удобство, в том числе при верховой езде. Судя по изобразительным источникам, гусары Речи Посполитой чаще всего надевали доспех именно поверх этих предметов одежды (*Żygulski*, 2000. Rys. 26; 2003. S. 53; *Brzezinski, Vuksic*, 2006. S. 11, 63). Жупан и кунтуш синхронно бытовали в период, которым датируется изразец, обнаруженный в Великом Новгороде¹¹. На ногах всадника четко различима обувь с высоким каблуком, это могут быть сапоги с высоким голенищем или же более низкие ботинки, также характерные для польско-литовской шляхты, в том числе гусар. Их каблуки жесткой наборной конструкции часто подбивались железными подковками, а иногда укреплялись снаружи цельной изогнутой металлической пластиной, огибающей их с пяточной части и по бокам (*Bartkiewicz*, 1979. S. 91, rys. 114; *Дук, Соловьев*, 2004. С. 249; *Brzezinski, Vuksic*, 2006. S. 51).

На голове «крылатого» всадника с муравленого изразца из Новгорода изображен убор

¹¹ Кунтуш получил распространение на территории Речи Посполитой с 1640-х гг.

необычной, несколько аморфной формы, который не соотносится ни с одним из шлемов, использовавшихся гусарами в XVII в. (рис. 5, 1). Его основная часть имеет очертания вытянутого овала с несколько опущенными на лоб и затылок воина краями и продольным углублением по центру. Возможно, на персонаже изображен не шлем, а гражданский головной убор — шапка с меховой опушкой. Странная форма, отображенная на изразце, может быть объяснена одним из способов ношения, когда ее надевали тканевой тульей на голову, а околыш при этом располагался на одну сторону, немного свешиваясь набок или назад к затылку. Или же шапка могла быть вывернута и надета меховой опушкой вверх. Подобные необычные манеры ношения головных уборов были характерны для военной одежды шляхты Речи Посполитой, а также были распространены среди украинского казачества в XVII в. (*Zygluski*, 1987. Pl. 23; *Шаменков*, 2010. С. 25, 51, 53, 57; *Шаменков*, 2020. С. 20) (рис. 5, 2, 3). Тем не менее нельзя полностью исключить того, что странный облик головного убора гусара с изразца, найденного в Новгороде, является следствием неудачной попытки мастера изобразить шлем. Необходимо отметить, что голова и черты лица всадника проработаны плохо, возможно, часть их скрыта под слоем глазури.

Конь воина, направленный влево, явно идет в спокойном ритме, о чем свидетельствуют его ноги, поднятые невысоко, немного согнутые в коленях. Это может быть обычный шаг или же медленная, укороченная рысь — трот (*Гуревич*, *Рогалев*, 1991. С. 213, 226). Данный аллюр использовался для медленной езды, в частности на парадах и торжественных выездах. Грива животного коротко подстрижена, что часто практиковалось для боевых лошадей. Спину коня закрывает большой чепрак прямоугольной формы, на котором имеется декор, показанный в виде двух параллельных полос вдоль его поперечного края за спиной всадника (рис. 2). Форму седла определить невозможно, поскольку оно скрыто самой фигурой воина и расправленной полкой его одежды. Однако четко видна манера посадки конника — с распрямленными ногами, немного согнутыми в коленях, что было характерно для тяжелой конницы и позволяло наносить таранный удар копьём на большой скорости, которым славились гусарские полки (*Алексинский и др.*, 2005. С. 480; *Brzezinski, Vuksic*, 2006. С. 44–46). Довольно подробно показана узда коня, а именно нащечный и подбородный ремни, а также поводья, ко-

торые наездник держит в опущенной левой руке. Голову животного украшает плюмаж довольно необычной формы, представляющий собой высокую тонкую трубку с дисковидным навершием, в которую вставлен пучок перьев. К узде в районе удил подвешена декоративная кисть — помпон на длинном шнуре (рис. 4, 4). Аналогичный комплекс польского парадного снаряжения коня подробно изображен на гравюре Г. К. Эйммарта, посвященной «карусели» 1672 г. в Стокгольме (*Brzezinski, Vuksic*, 2006. С. 12; *Gembarzewski*, 2017. С. 56, 57). На ней хорошо видны богато украшенный чепрак, пистолет в ольстре сбоку, а также плюмаж из перьев на тонкой высокой трубке, как у гусара на новгородском изразце. Крылья в данном случае закреплены у задней луки седла (рис. 5, 5). Конское снаряжение, включавшее в себя подобные элементы, однозначно возникло в более раннее время и имеет восточное, вероятно, турецкое происхождение. В качестве аналогии можно привести гравюры конца XVI в. Абрахама де Брюйна с изображениями польских, венгерских и турецких всадников (*de Bruyn*, 1577. Taf. 28, 29, 34, 35) (рис. 5, 6).

Под брюхом гусарского коня изображено бегущее животное с небольшой головой, вытянутым телом и длинными лапами (рис. 2). Несмотря на всю условность данной фигуры, по многочисленным аналогиям можно уверенно утверждать, что это собака. Данный персонаж редко изображался на изразцах русского производства, но часто встречается на европейских элементах печного декора XV–XVII вв. именно с изображениями всадников (*Зданович*, 1997. Мал. 8, 2; *Археологія Беларусі...*, 2001. Мал. 224, 11; *Brych*, 2004. С. 110, cat. 231; *Дук, Соловьев*, 2004. Рис. 8, 1, 2; *Киселева*, 2022. Рис. 11). В нижнем левом углу лицевой пластины новгородской находки, у ног коня, показан участок растительности — трава или невысокий кустарник. За крылом всадника, с правой стороны композиции, как бы выступая из рамки, изображена небольшая фигура с пятью заостренными лучами и округлым центром. Можно предположить, что это солнце или, что более вероятно, звезда. Похожий символ имеется на изразце середины — второй половины XVI в. из замка Диошдьёр в Венгрии, также с изображением гусара, где он расположен за спиной всадника под полумесяцем (*Boldizsár és más.*, 2010. O. 58, kép. 57, rajz. 146).

Итак, на муравленом изразце, обнаруженном на Торговой стороне Великого Новгорода, в квартале 38, предположительно в подвале одного из домов напротив Ярославова дворища,

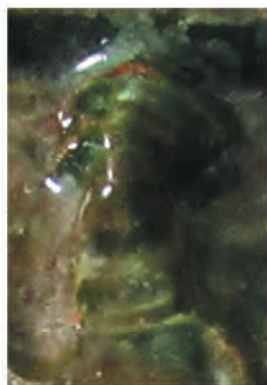
изображен «крылатый» гусар Речи Посполитой XVII в. Это, несомненно, офицер высокого ранга — полковник или ротмистр, показанный не в бою, а в момент торжественного выезда, процессии, возможно, на параде. Его снаряжение и вооружение характерны для польско-литовской гусарии в указанном столетии и синхронно датировке изразца по технологии изготовления и конструктивным особенностям. Никаких анахронизмов среди изображенных предметов не выявлено, более того, по расположению крыла непосредственно на спине всадника удалось уточнить нижнюю дату производства изделия — не ранее начала 1630-х гг. О высоком статусе воина свидетельствует, в частности, буздыган в его руке, который в то время уже был чаще символом власти, чем боевым оружием. Однако стоит отметить, что, несмотря на подробности и детализацию, фигура гусара на описанном изразце выполнена несколько упрощенно, с наличием резких прямых линий и без должной проработки головы. Особенно выделяется непропорционально вытянутое тело коня, что можно объяснить желанием мастера занять все свободное пространство внутри рамки на лицевой пластине.

Кроме описанного выше целого изразца среди фрагментов печного декора, переданных в Новгородскую археологическую экспедицию ИА РАН, имеется еще один обломок полностью аналогичного изделия, а именно его нижний левый угол (рис. 5, 7). Размеры находки 193 × 118 мм, на ее внутренней стороне сохранилась часть прямой румпы высотой 78–90 мм и толщиной 11–15 мм, с плавно закругленной верхней кромкой и присоединенной к лицевой пластине с отступом около 30 мм от ее краев. Данный фрагмент изразца, изготовленный из красножгущейся глины с включениями крупного песка в тесто, также покрыт поливой темно-зеленого цвета с коричневым оттенком. Внутренняя поверхность изделия покрыта нагаром, соответственно, этот элемент печного декора, как и целый, описанный выше, использовался в составе печного набора. Внешняя сторона лицевой пластины фрагмента ограничена двухступенчатой рамкой, внутри которой сохранилась часть сюжетного изображения всадника. Хорошо видны передние ноги коня, также направленного влево, рядом с которыми в углу изразца расположена трава или низкий кустарник, а выше, у линии слома, различим округлый помпон — нижняя часть декоративной кисти, подвешенной к узде. В правой части фрагмента четко различимы вытянутые лапы собаки и, выше,

носок сапога наездника. Тщательное сравнение данного обломка с целым муравленным изразцом, на котором изображен «крылатый» гусар, показало их абсолютную идентичность даже в мелких деталях. Несомненно, это часть полностью аналогичного изделия с таким же сюжетом. Два описанных выше одинаковых изразца — полной формы и фрагмент, предположительно найденные в подвале одного из домов по ул. Большой Московской напротив Ярославова дворища, вероятно, принадлежали к одному печному набору.

В Новгороде имеется всего одна абсолютно аналогичная находка муравленного элемента печного декора с изображением «крылатого» гусара Речи Посполитой. Крупный фрагмент такого же изразца происходит с территории Духова монастыря, который располагался вблизи вала Окольного города на Софийской стороне (рис. 1, В). Обломок был обнаружен у фундамента северного фасада церкви Св. Троицы Живоначальной, возведенной в 1557 г. (Макарий, 1860. С. 121, 130, 131; Секретарь, 2011. С. 318, 325–329). Этот храм не имеет изразцового декора, поэтому можно предположить, что указанная находка была в составе набора печи одной из построек, располагавшихся на территории обители. Не исключено, впрочем, что она случайно попала сюда в результате подсыпок или перемещения грунта.

На фрагменте размерами 182 × 125 мм имеется единственный вертикальный скол в центральной части, таким образом, сохранилась чуть более половины изделия, покрытого глазурью темно-зеленого оттенка (Яковлева, Жегурова, 2006. С. 33, кат. 7). Всадник также облачен в сегментную кирасу, на его спине имеется большое крыло, похожее на птичье, голову венчает убор необычной формы, черты лица сглажены, в левой руке персонажа зажаты поводья. Заметно выделяется удлиненная спина коня, покрытая большим чепраком, поверх которого полукругом уложена складчатая пола верхней одежды, внизу видна вытянутая фигура собаки, а за спиной воина находится небольшая звездообразная фигура. Аналогичен и стиль изображения — несколько упрощенный, с нарушением пропорций, резкостью в отдельных линиях и с заметной непроработанностью головы персонажа. Отсутствующая левая часть изделия не позволила сначала верно интерпретировать сюжет, однако благодаря недавним находкам в квартале 38 на Торговой стороне Новгорода можно однозначно утверждать, что это абсолютно такой же «крылатый» гусар Речи Посполитой. Отличиями фрагмента изразца из Духова монастыря являются

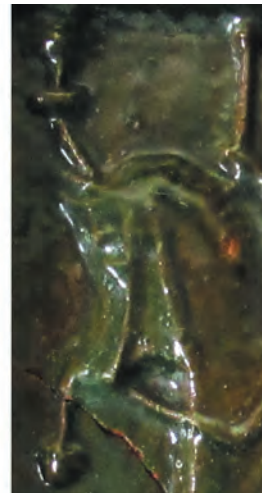
1

2

3

4

5

6

7

Рис. 5. 1 — головной убор гусара с изразца, Новгород; 2, 3 — шляхтичи в шапках, надетых околышем вверх, «Стокгольмский свиток», начало XVII в., фрагмент; 4 — узда и плюмаж коня гусара с изразца, Новгород; 5 — польское парадное снаряжение коня, «Стокгольмская карусель», 1672 г., копия с гравюры Г. К. Эйммарта, 1685 г.; 6 — ага турецких янычар (гравюра Абрахама де Брюйна, 1575 г.); 7 — фрагмент муравленого изразца, Новгород, квартал 38

Fig. 5. 1 — headdress of a hussar from a tile, Veliky Novgorod; 2, 3 — noblemen in hats worn with the brim upwards, “Stockholm Scroll”, the beginning of the 17th cen., fragment; 4 — bridle and plume of a hussar’s horse from a ceramic tile, Novgorod; 5 — Polish parade equipage of a horse, “Stockholm Carousel”, 1672, copy from the engraving by G. K. Eimmart, 1685; 6 — *aga* of Turkish janissaries (engraving by Abraham de Bruyn, 1575); 7 — fragment of a glazed, Veliky Novgorod, the quarter 38

[2, 3 — *Żygulski*, 1987. Pl. 23; 2003. S. 49; 5 — *Brzezinski, Vuksic*, 2006. S. 12; 6 — *de Bruyn*, 1577. Taf. 34]

несколько меньшие размеры и рамка, обрамляющая его лицевую пластину, — она простая, одноступенчатая, довольно широкая. Несомненно, что все муравленные новгородские детали печного декора с изображением гусара в упрощенном стиле были изготовлены в одном производственном центре. При этом отличия в размерах лицевых пластин и форме рамок говорят о разных партиях изделий и об использовании мастерами нескольких форм. Фрагмент изразца из Духова монастыря был отнесен исследователями ко второй четверти — середине XVII в., что коррелируется с предложенной датировкой изделий, обнаруженных на Торговой стороне (*Яковлева, Жегурова*, 2006. С. 33). Теперь удалось несколько уточнить время изготовления этих изразцов согласно представленным выше данным. Находки с территории квартала 38 и Духова монастыря свидетельствуют о том, что печи, декорированные муравлеными изразцами с данным сюжетом, могли находиться в жилых постройках не только в самом Новгороде, но и в его ближайшей округе.

Среди элементов печного декора, найденных, предположительно, в подвале дома на территории квартала 38, имеются два терракотовых фрагмента, не покрытых глазурью, на которых есть рельефные изображения коней, ориентированных вправо (рис. 6, 3, 4). Они выполнены в стиле, заметно отличном от стиля рассмотренных выше муравленных изразцов. Размеры этих обломков лицевых пластин 107 × 79 и 125 × 118 мм, румпы у них не сохранились, однако, судя по основаниям, они были прикреплены на расстоянии около 20–25 мм от краев изделий. На внешних сторонах обоих фрагментов по периметру имеются двухступенчатые рамки, расположенные с небольшим уклоном наружу. Наиболее крупная находка представляет собой левый нижний угол изразца, на котором виден круп коня, часть его спины, покрытая чепраком, поверх которого полукругом уложена пола длинной одежды всадника с обозначенными на ней складками. По центру фрагмента,

под наездником, находится фигура бегущей собаки с длинным телом и тонким загнутым хвостом, у копыт задних ног коня помещен небольшой участок растительности — трава с цветком (рис. 6, 4). На внутренней стороне данной находки имеются следы нагара. На втором, меньшем, фрагменте имеется изображение головы коня, украшенной плюмажем в виде тонкой трубки с уплощенным, вероятно, дисковидным завершением и вставленным в него пучком перьев. Показаны элементы узды — нащечный и подбородный ремни, а также поводья (рис. 6, 3). Важно отметить, что сюжетная композиция этих терракотовых изразцов выполнена на гораздо более высоком художественном уровне, чем изображения на описанных выше муравленных изделиях. Все линии плавные, детали хорошо проработаны, фигуры более пропорциональны и правдоподобны, заметна высокая квалификация мастера — резчика формы. Данные фрагменты могли принадлежать как к одному изразцу, так и к разным. Все составные элементы сюжета, несмотря на стилистические различия, полностью повторяют композицию на муравленных изразцах, и это позволило выдвинуть версию о том, что на терракотовых неполивных изделиях также мог быть изображен «крылатый» гусар Речи Посполитой. Обращение к материалам близлежащих к кварталу 38 новгородских раскопов полностью подтвердило данное предположение.

В ходе археологических работ 2014 г. на Рогатицком раскопе, находившемся по адресу ул. Большая Московская, д. 30, был исследован колодец XVIII в. глубиной более 4,7 м, который прорезал всю толщу культурных напластований и верхнюю часть материка (*Гайдуков*, 2014. С. 232). В его заполнении было обнаружено немало обломков изразцов предшествующего XVII в., среди которых имелись восемь фрагментов с изображением «крылатого» гусара верхом на коне (рис. 1, Б). Из данных находок только одна была покрыта глазурью темно-зеленого

Рис. 6. Терракотовые и муравленные изразцы с изображением «крылатого» гусара, Великий Новгород: 1 — Духов монастырь; 2–5 — Рогатицкий раскоп 2014 г., заполнение колодца XVIII в.

Fig. 6. Terracotta and glazed tiles depicting a “winged” hussar, Veliky Novgorod: 1 — the St. Spirit Monastery; 2–5 — Rogatitsky excavation of 2014, filling of an 18th cen. well

оттенка, остальные неполивные — терракотовые (рис. 6, 2, 5; 7, 1–4). Фигуры и сюжетные элементы на них выполнены плавными линиями, без стилистических упрощений, с хорошей проработкой деталей и черт лица всадника. Конь воина на данных изразцах ориентирован только в правую сторону. Конструктивные особенности обломков деталей печного декора из заполнения колодца в Рогатицком раскопе 2014 г. также аналогичны описанным ранее терракотовым фрагментам с территории квартала 38, но несколько отличаются от целого муравленого экземпляра. Румпы на большинстве находок обломаны, но, судя по сохранившимся участкам, они были небольшой толщины, всего 12 мм, высотой около 60 мм, с уплощенной верхней кромкой, одним или двумя валиками по краю, прикреплены с отступом от 20 до 40 мм от краев изделий (рис. 7, 1, 3). На одном муравленом экземпляре в них имеются сквозные отверстия диаметром около 20 мм (рис. 7, 3). Лицевые пластины данных изразцов с внешней стороны были обрамлены по периметру наклонными трехступенчатыми рамками. Среди находок из заполнения колодца четыре наиболее выразительных фрагмента размерами 143 × 137 и 120 × 76 мм стыкуются, образуя довольно крупные участки двух изделий, на которых изображены почти все основные фигуры сюжета (рис. 6, 5; 7, 4). Остальные обломки небольшие, разрозненные и явно принадлежат к нескольким экземплярам таких же изразцов. На одном из них размерами 90 × 88 мм явно различимы передние ноги коня и растительность перед ними — трава и цветы, на втором (134 × 125 мм) видны собака, бегущая под брюхом коня, нога всадника в стремени и обуви с высоким каблуком, нижняя складчатая пола его одежды и другие детали сюжета, на третьем (104 × 88 мм) сохранились конский плюмаж и рука воина с зажатым в ней ударнодробящим оружием (рис. 6, 2; 7, 1–3). На внутренней стороне большей части всех описанных фрагментов имеется нагар, что подтверждает их использование в составе печного убранства (рис. 6, 5; 7, 3). Принадлежали они к одному комплекту или нет, сказать затруднительно, хотя это очень вероятно.

Еще одним городом на территории России, где были выявлены полностью аналогичные находки, является Псков. В 1992 г. во время раскопок на территории двора купцов Подзноевых, расположенном на ул. Некрасова, было обнаружено немногим более 20 фрагментов рамочных изразцов с изображением «крылатого» гусара (Плоткин,

1994. С. 24)¹². Все они изготовлены из красножгущейся глины с включениями крупного песка в тесто, большинство покрыто глазурью темно-зеленого цвета, иногда с коричневым оттенком, но есть и два терракотовых неполивных обломка (рис. 7, 5, 6; 8, 1–5). Указанные находки происходят с раскопа IV, более того, 15 фрагментов из них были обнаружены в яме 7, остальные — в пределах смежных квадратов (Плоткин, 1992а. С. 62, 66, 67, 70; 1992б. Рис. 256, 281, 315, 316). Вероятнее всего, эти изразцы относятся к одному набору печного убранства и, по мнению автора раскопок, принадлежат к отопительным сооружениям Первого дома купцов Подзноевых. Ю. П. Спегальский датирует строительство данных палат временем 1620-х — 1650–1660-х гг. — первым периодом псковской жилой каменной архитектуры XVII в. (Спегальский, 1963. С. 57, 156). К. М. Плоткин относит возведение здания к середине XVII в. на месте более ранних посадских дворов (Плоткин, 1994. С. 24). Многие фрагменты указанных изразцов носят следы пребывания в пожаре, они ошлакованы и повреждены, есть потеки и вздутие глазури. Только два наиболее крупных терракотовых обломка стыкуются и явно принадлежат одному изделию, более того, это угловые части, по которым можно определить изначальные параметры изразца. На них сохранились часть изображения коня, спина которого покрыта чепраком, и крыло за спиной гусара (рис. 8, 5). Эти находки происходят из верхнего слоя пожара внутри пристройки к южной стене Первого дома Подзноевых¹³.

Остальные муравленые фрагменты небольшие, разрозненные, принадлежащие нескольким изразцам, на которых различимы отдельные элементы сюжетной композиции, такие как верхняя часть фигуры гусара и его оружие, ноги и голова коня, крыло (рис. 7, 5, 6; 8, 1–4). Недостаточно представлена нижняя часть изделий, изображение бегущей собаки имеется в единичном экземпляре (рис. 8, 1). Внутренняя часть псковских изразцов покрыта нагаром, румпы на фрагментах не сохранились, однако есть их отдельные обломки толщиной 7–8 мм с уплощенной кромкой и одним-двумя валиками на внешней стороне,

¹² В публикации автор указывает, что на данных изразцах изображена сцена охоты. Однако в свете новых находок из Новгорода, в частности, целого изделия, стало возможным верно интерпретировать сюжет.

¹³ Три яруса сгоревших полов в пристройке к южной стене Первого дома Подзноевых К. М. Плоткин датирует XVII–XVIII вв. (Плоткин, 1992а. С. 68).

Рис. 7. Терракотовые и муравленые изразцы с изображением «крылатого» гусара: 1–4 — Рогатицкий раскоп 2014 г., заполнение колодца XVIII в., Великий Новгород; 5, 6 — двор купцов Подзноевых, Псков

Fig. 7. Terracotta and glazed tiles with the image of a “winged” hussar: 1–4 — Rogatitsky excavation of 2014, filling of the well of the 18th cen., Veliky Novgorod; 5, 6 — the residence of the Podznoyev merchant family, Pskov

Рис. 8. 1–5 — терракотовые и муравленые изразцы с изображением «крылатого» гусара, двор купцов Подзноевых, Псков; 6, 7 — шлемы-капелины, XVII в., Польша. Масштаб: а — для 1–3, 5; б — для 4

Fig. 8. 1–5 — terracotta and glazed tiles with the image of a “winged” hussar, the residence of the Podznoyev merchant family, Pskov; 6, 7 — capelin helmets, 17th cen., Poland. Scale: а — for 1–3, 5; б — for 4

[6, 7 — Żygulski, 1975. Rys. 106; Brzezinski, Vuksic, 2006. S. 14]

заметно, что они были прикреплены с отступом 20–30 мм от краев изделий. Лицевые пластины данных изразцов на внешней стороне ограничены по периметру двух- или трехступенчатой наклонной рамкой. Изображение гусара Речи Посполитой с крылом на спине выполнено в реалистичной манере, плавными линиями, с хорошей проработкой деталей. Конь всадника изображен в спокойном шаге или скачущим медленной рысью с поднятой левой передней ногой. На всех находках из раскопа IV на дворе Подзновых он ориентирован только в правую сторону.

Очевидно, что описанные изразцы, происходящие из Пскова, по своему сюжету аналогичны описанным выше новгородским элементам печного декора. Более того, они полностью идентичны группе высокохудожественных изделий, обнаруженных в заполнении колодца на Рогатицком раскопе 2014 г. и на территории квартала 38. Одинакова стилистика изображений, выполненных с тщательной проработкой деталей и правильными пропорциями. Полностью в мелочах совпадают вооружение, доспехи гусара, а также снаряжение коня. Изразцы данной группы из Новгорода и Пскова явно синхронны по датировке и, вероятно, изготовлены в одном производственном центре. Благодаря тому, что на обломках, обнаруженных в заполнении колодца в Рогатицком раскопе 2014 г., на территории квартала 38 и во дворе купцов Подзновых, имеются все основные фигуры и детали сюжета, а также есть угловые части, стало возможным провести реконструкцию изначального вида изделий, на которых «крылатый» гусар выполнен на высоком художественном уровне¹⁴. Важным ориентиром здесь выступает единственный целый муравленный элемент печного декора с аналогичным упрощенным изображением.

Размеры коробчатых стенных изразцов данной группы были около 180 × 180 мм, в центре их квадратной лицевой пластины, обрамленной наклонной двухступенчатой рамкой, располагалось рельефное изображение «крылатого» гусара Речи Посполитой верхом на коне, направленном в правую сторону (рис. 9, 1). Основное защитное снаряжение всадника — кираса сегментной конструкции с более крупной нагрудной частью

и несколькими узкими горизонтальными пластинами, прикрепленными в районе живота. В верхней части правой руки и у шеи изображен характерный для гусарских доспехов наплечник. Голова воина защищена шлемом с невысокой полусферической тульей, полями по периметру и крупным назатыльником из горизонтальных элементов, выделенных тремя линиями. Сбоку боевого наголовья изображена нащечная пластина подтреугольных очертаний, в его налобной части закреплен плюмаж из перьев. Подобные шлемы хорошо известны и хранятся во многих музейных собраниях Польши и других государств. Это капелины с неширокими, немного наклонными полями, которые могли снабжаться подвижным наносником, а в затылочной части имели дополнительный удлиненный защитный элемент, собранный на скользящих заклепках обычно из пяти-шести горизонтальных полос — так называемый «рачий хвост» (рис. 8, 6, 7). Они также могли дополнительно комплектоваться наушниками, подвешенными в височных частях, спереди тульи или на затылке обычно приклепывалась трубочка для плюмажа. Подобные шлемы получили широкое распространение у гусар Речи Посполитой с конца XVI в. и использовались вплоть до середины XVII в. Часто их носили небогатые воины, но известны и экземпляры высокого качества с декором (Żygulski, 1975. S. 89, rys. 106–108; Brzezinski, McBride, 1987a. S. 14; Żygulski, 2003. S. 43; Алексинский и др., 2005. С. 484; Brzezinski, Vuksic, 2006. S. 14, 15; Gembarzewski, 2017. S. 20, 67). Примечательно, что на новгородских и псковских изразцах данной группы изделий черты лица персонажа более тщательно проработаны: видны глаз, нос и даже длинные усы, которые часто носили представители шляхты.

На спине гусара закреплено крыло, по своим очертаниям напоминающее птичье. Его форма и размеры более гармоничны, чем на целом изразце с территории квартала 38: нет вытянутых очертаний, хорошо проработаны два ряда перьев с окантовкой и дополнительными штрихами. В поднятой левой руке воин держит ударно-дробящее оружие с овальной, несколько вытянутой боевой частью, в основании и наверху которой имеются сферические декоративные элементы. Контурсы навершия выделены невысокими валиками, а по центральной оси оно разделено на сегменты вертикальной линией (рис. 9, 5). Вероятно, это шестопер-пернач, который имел широкое распространение у офицеров армии Речи Посполитой XVII в., в том числе гусар (Żygulski, 1975. Rys. 150;

¹⁴ Графическая реконструкция изразца с «крылатым» гусаром выполнена художником отдела археологии Московской Руси ИА РАН С. В. Борзовой. Авторы благодарят ее за помощь в работе с находками из Новгорода и Пскова.

2003. S. 56). Не исключено также, что это может быть буздыган, на боевой части которого нередко имелись вертикальные канавки, каннелюры или невысокие ребра (*Brzezinski, McBride*, 1987b. S. 41; *Żygulski*, 1975. Rys. 148; *Kovács*, 2010. Kép. 109). Поводья коня всадник держит в опущенной правой руке. Подробно показана широкая пола верхней одежды гусара — жупана или кунтуша, доходящая до колен, с хорошо проработанными крупными плавными складками. На ногах персонажа обувь с высоким каблуком — сапоги или ботинки, верхний край которых не обозначен.

Состав и облик снаряжения коня похож на тот, что изображен на целом новгородском поливном изразце с упрощенной стилистикой. Спина животного укрыта большим чепраком, на котором линиями по периметру показан декор и, возможно, складки. Ниже правой руки воина, у шеи коня, видна высокая изогнутая передняя лука седла, остальная его часть скрыта полкой одежды, уложенной полукругом. Посадка гусара с почти прямыми, немного согнутыми в коленях ногами, носок его обуви опирается на стремя с тонкой дужкой, закрепленное на длинном ремне. В составе узды изображены нащечный и подбородный ремни, а также мундштук, показанный в виде плавно изогнутой линии непосредственно у морды животного. Подобные элементы снаряжения коня широко применялись в европейской коннице XVII в. (*Wagner*, 1979. S. 63, a, b; 65; 66). В отличие от изразцов с упрощенным изображением гусара, на высокохудожественных изделиях в составе снаряжения коня отсутствует декоративная кисть, свисающая от узды вниз. Поводья в руке воина чуть опущены, их нижний край декорирован фестонами подтреугольных очертаний. Голова коня украшена плюмажем из перьев, вставленных в слегка коническую трубку с расширенной дисковидной верхней частью. Его грива коротко подстрижена, а на хвосте завязан узел, что практиковалось в европейских армиях, в частности, у гусар Речи Посполитой (*Brzezinski, Vuksic*, 2006. S. 46).

Под всадником довольно правдоподобно изображена бегущая собака, возможно, охотничьей породы, с грацильным телосложением, тонким поднятым хвостом и высунутым языком. На ней надет ошейник с округлой петлей в верхней части. Перед конем гусара и позади него показана растительность — трава, а также четыре цветка с листьями и соцветиями. Небольшие отличия в размерах и оформлении некоторых деталей сюжета свидетельствуют о том, что для изготовле-

ния изразцов данной группы мастера использовали разные формы.

Подробно рассмотрев изразцы с изображением «крылатого» гусара Речи Посполитой, происходящие с территории Великого Новгорода и Пскова, можно констатировать, что имеется две группы изделий, заметно различающиеся по стилистике. Для первой, представленной большинством находок, формы были выполнены опытным мастером на высоком художественном уровне в академичной манере, с плавными четкими линиями, тщательно проработанными деталями и чертами лица главного персонажа, пропорции фигур правильные и гармоничные. В противоположность им изображение гусара на целом муравленом изразце и фрагменте такого же изделия с территории квартала 38 в Новгороде выполнено в упрощенной манере, с искажением пропорций, гипертрофированностью некоторых элементов и без мелкой детализации. Впрочем, не исключено, что некоторые черты исчезли под слоем глазури. Изделия этих двух групп отличаются и по размерам. Изразцы, на которых «крылатый» гусар выполнен в академичной манере, меньше поливных, и в их рамки на лицевых пластинах было легче вписать фигуры сюжета без нарушения пропорций. На более крупных муравленых элементах печного декора с упрощенной стилистикой, видимо, мастеру пришлось «растягивать» изображения. Касаясь небольших деталей, стоит отметить, что на изразцах первой группы, изготовленных на более высоком уровне, отсутствует многолучевое изображение звезды или солнца за крылом всадника. В России подобных изделий или их фрагментов на данный момент больше неизвестно.

Несомненно, что элементы печного декора с изображением «крылатого» гусара, абсолютно нехарактерные для культуры Московского царства XVII в., имеют европейские корни. Специфика исследуемого сюжета предопределила поиск соответствующих аналогий на территориях, входивших в состав Речи Посполитой. Однако оказалось, что они не были широко распространены. Фрагменты аналогичных изразцов с изображением «крылатого» гусара были выявлены при раскопках в Полоцке — одном из важнейших и крупнейших городов Великого княжества Литовского. Обломки изделий, покрытых темно-зеленой глазурью, с таким сюжетом происходят из материалов раскопок Иезуитского колледжума, а также найдены на территории Великого посада (*Соловьев*, 2013. С. 28–30; *Дук, Соловьев*, 2004. С. 249). Целые экземпляры отсутствуют,

но по имеющимся фрагментам была проведена реконструкция подобного изразца, обстоятельно описанного А. А. Соловьевым. Они были крупными, квадратных очертаний, со сторонами длиной чуть более 200 мм, румпа высотой около 120 мм была прикреплена с отступом примерно 30 мм от края. На внешней стороне лицевая пластина обрамлена двухступенчатой рамкой. Помещенная в центре фигура «крылатого» гусара по стилистическим особенностям полностью аналогична изображениям на терракотовых и поливных изразцах из Новгорода и Пскова, выполненных на высоком уровне, с подробной проработкой деталей (рис. 8, 3). Однако имеется и ряд небольших отличий в деталях. Конь всадника на полоцком изразце также ориентирован в правую сторону, доспех гусара — кираса, собранная из сегментов, горизонтальными линиями выделены узкие полосы в ее брюшной части. Крыло закреплено непосредственно на спине воина, показано гипертрофировано и по форме напоминает птичье с подробной проработкой трех рядов перьев. По мнению автора, это обусловлено желанием мастера заполнить место на лицевой пластине или же возможным непониманием им конструкции и функционального назначения данного элемента снаряжения (Соловьев, 2013. С. 29). Второе предположение сомнительно, поскольку у современника явно было немало возможностей видеть гусар воочию и получить представление об их вооружении, снаряжении, в частности, подлинной форме крыльев. На голову воина с полоцкого изразца надет шлем — шишак с полукруглой тульей, козырьком с подвижным наносником и назатыльником, собранным из горизонтальных полос-сегментов. Эта деталь отличает его от изображений на изделиях из Новгорода и Пскова. Стоит отметить и подробную проработку черт лица всадника. В поднятой левой руке гусара зажато ударно-дробящее оружие — булава или буздыган, округлое навершие которого разделено на сегменты вертикальными линиями. Верхняя одежда персонажа длиннополая, до колен, по мнению А. А. Соловьева, надета поверх доспеха, но нет никаких признаков, подтверждающих это заключение. Вероятно, это также жупан или кунтуш с расположенной поверх него кирасой. На ногах гусара изображена обувь на высоком каблуке, возможно, сапоги или ботинки (Дук, Соловьев, 2004. С. 249). В опущенной правой руке воин держит поводья, нижний край которых украшен треугольными фестонами.

Снаряжение коня также похоже на то, что изображено на изразцах с аналогичным сюжетом

из Новгорода и Пскова. Спина коня покрыта широким прямоугольным чепраком, седла не видно, посадка всадника с выпрямленными ногами, немного согнутыми в коленях, носок обуви вставлен в стремя, закрепленное на конце ремня. Главное отличие — это плюмаж, который на полоцкой находке состоит из трех перьев, вставленных в тонкую высокую трубку, в верхней части которой есть два крупных завитка. На месте глаз животного помещены две короткие горизонтальные линии, поэтому было высказано предположение, что голова коня покрыта цельным железным налобником (Соловьев, 2013. С. 29). Однако подобных защитных элементов нет ни на изображениях гусар Речи Посполитой XVII в., ни в музейных коллекциях. Данную деталь сложно интерпретировать, возможно, таким образом были показаны шоры. Грива коня короткая, на хвосте завязан узел, поперек его груди расположен ремень, нижний край которого декорирован фестонами.

Непосредственно под гусаром, так же, как и на изразцах, обнаруженных в Новгороде и Пскове, изображена бегущая собака в ошейнике с округлой петлей в верхней части. По мнению А. А. Соловьева, это пинчер, хотя вряд ли можно точно определить ее породу, скорее, только констатировать, что она охотничья. У ног коня помещены два цветка: впереди — высокий с листьями и круглым крупным соцветием, позади — небольшой, с несколькими лепестками. Муравленный изразец с «крылатым» гусаром Речи Посполитой, обнаруженный при раскопках Иезуитского коллегиума, был приблизительно датирован первыми десятилетиями XVII в., при этом он помещен автором в раздел, где описываются элементы печного декора, бытовавшие не ранее второй трети данного столетия (Там же. С. 23, 28, 29).

Фрагменты изразцов, происходящие с территории Великого посада Полоцка, также могут относиться к изделиям с несколько иным сюжетом (Дук, Соловьев, 2004. Рис. 8, 2). В раскопе на ул. Карла Маркса в развале печи было найдено много муравленных элементов печного декора, на которых изображен всадник, вероятно, тоже гусар, на коне, ориентированном вправо, под которым бежит собака в ошейнике (Зданович, 1997. С. 107)¹⁵. Это изразцы размерами 182 × 180 мм, лицевая пластина которых обрамлена двухступенчатой рамкой. Структура сюжетной композиции и ее элементы почти полностью повторяют

¹⁵ В публикации указано, что на данных изразцах изображена сцена охоты.

находки из Новгорода, Пскова, а также Иезуитского коллегия, только не совсем очевидно, есть ли у персонажа на данных изделиях крыло на спине (рис. 9, 2). Видимо, имеющиеся в наличии фрагменты не позволяют его реконструировать или предположить его наличие. По той же причине мы не можем охарактеризовать шлем или головной убор воина. Есть отличия в вооружении и снаряжении. Поверхность доспеха гусара покрыта горизонтальными линиями не только в брюшной части, а от верха до низа. Видимо, это кираса, целиком собранная из узких горизонтальных полос. Хорошо просматривается защита руки — наплечник и налокотник, чего нет на других находках. В левой руке всадника зажато оружие, которое, судя по характерному шаровидному упору, расположенному прямо над кистью, может быть гусарским копьём. В составе снаряжения коня отсутствует плюмаж. Предположительно указанные изразцы могли быть изготовлены не позднее 20–30-х гг. XVII в. (Зданович, 1997. С. 105, 107). Несомненно, эти изделия также следует рассматривать в качестве аналогий находкам из Новгорода и Пскова, однако более далеких. В других городах на территориях, входивших в состав Речи Посполитой, элементов печного декора с изображением «крылатого» гусара пока не удалось выявить, но они могут быть обнаружены в дальнейшем при археологических раскопках или работе с музейными коллекциями.

Итак, следует констатировать, что находки с интересующим нас сюжетом являются очень редкими. В нашем распоряжении имеются в основном их немногочисленные фрагменты, а целое изделие, по-видимому, собрано только одно. Стенные изразцы с изображением «крылатого» гусара происходят из крупных городов Северо-Запада России — Великого Новгорода и Пскова, а также Полоцка на территории Великого княжества Литовского.

Можно выделить две группы данных изделий. Первая — изразцы, выполненные на высоком художественном уровне, с хорошей проработкой мелких деталей и элементов сюжета, формы для них резались мастерами высокой квалификации. Среди данной группы изделий есть как терракотовые, так и муравленные, покрытые темно-зеленой глазурью. При этом гусар на коне ориентирован только в правую сторону. Они найдены во всех трех указанных городах. Вторая — изразцы, изготовленные в более упрощенном стиле, с несоблюдением некоторых пропорций, без тщательной художественной проработки деталей и мелких эле-

ментов изображения. Они все муравленные, конь гусара направлен в левую сторону. Обнаружены такие изразцы пока только в Новгороде, аналогии из других городов на данный момент неизвестны.

Время изготовления данных изделий можно ограничить периодом от начала 1630-х гг. до середины XVII в., вероятнее всего, включая и первую половину 1650-х гг. Разница в стилистике может указывать на производство элементов печного декора в разных мастерских или на то, что формы выполнялись резчиками более высокой и низкой квалификации. Печи, облицованные изразцами с изображением «крылатого» гусара, могли существовать довольно длительное время. Известно, что в Первом доме Подзноевых, к которому они относятся, отопительные сооружения с муравленным декором могли быть заменены на ценные только в ходе ремонта конца XVII в. (Плоткин, 1994. С. 24). Кроме того, после пожаров и разрушения печей целые изразцы могли собираться и использоваться в составе более поздних наборов (Соловьев, 2013. С. 11).

Дискуссионным является вопрос о производстве этих изделий в русских землях или их импортном происхождении. Известно, что в Пскове с конца XV в. существовало развитое производство элементов архитектурно-строительного и печного декора, покрытых глазурью (Баранова, 2011. С. 93, 94). Европейское влияние на русское изразцовое производство XVII в. было очень сильным, мастерами Московского царства воспринимались многие орнаментальные композиции и символы эпохи барокко, но они не противоречили общим принципам, облику и системе образов русской культуры раннего Нового времени (Баранова, 2013. С. 205). По своим техническим возможностям, несомненно, ремесленники в Пскове или Новгороде могли изготавливать изделия с изображением «крылатого» гусара по иноземным образцам. Однако производство изразцов является массовым, а количество подобных фрагментов, происходящих с территории России, крайне мало и никак не соответствует указанному критерию. На данный момент это 14 обломков из Новгорода (из двух собран целый экземпляр) и чуть более 20 — из Пскова. Если бы они изготавливались на Северо-Западе Московского государства или в других регионах страны, то число таких находок было бы значительно большим, что видно по изразцам с другими заимствованными европейскими изображениями, символами и орнаментами. В данном случае следует обратить внимание и на сам сюжет, абсолютно нехарактерный

1

2

0 10 cm

3

4

5

6

7

8

Рис. 9. 1 — реконструкция изразца с изображением «крылатого» гусара по находкам из Новгорода и Пскова, художник С. В. Борзова; 2, 3 — муравленные изразцы с изображением гусар, Полоцк, Беларусь; 4 — эрцгерцог Фердинанд II в костюме и снаряжении гусара, «Свадебный кодекс эрцгерцога Фердинанда II», 1582 г.; 5 — изображение ударно-дробящего оружия на изразце, Псков; 6 — шестопер, XVII в.; 7 — офицер верхом на коне, «Стокгольмский свиток», начало XVII в.; 8 — конюший Гамоцкий в снаряжении панцерного офицера, 1672 г., гравюра Г. К. Эйммарта. Масштаб для 1–3

Fig. 9. 1 — reconstruction of a tile with the image of a “winged” hussar based on finds from Veliky Novgorod and Pskov, artist S. V. Borzova; 2, 3 — glazed tiles with the image of hussars, Polotsk, Belarus; 4 — Archduke Ferdinand II in the costume and equipment of a hussar, “The Wedding Codex of Archduke Ferdinand II”, 1582; 5 — depiction of a stab and crush weapon on a tile, Pskov; 6 — a flanged mace, 17th cen.; 7 — an officer on horseback, “Stockholm Scroll”, the beginning of the 17th cen.; 8 — stableman Gamocki in the outfit of a pancerni officer, 1672, engraving by G. K. Eimmart. Scale for 1–3

[2, 3 — *Зданович*, 1997. Мал. 8, 2; *Дук, Соловьев*, 2004. Рис. 8, 1; 4 — URL: <https://www.schlossambras.innsbruck.at/object/91277?cHash=ea17d916ed0d21cf4988638a867eeb8d> (дата обращения 11.03.2024); 6 — *Żygulski*, 1975. Rys. 150; 7 — URL: <https://i.pining.com/originals/26/6c/d3/266cd32e8309d2e20a8f3aa9ce904c27> (дата обращения 11.03.2024); 8 — *Brzezinski, McBride*, 1987a. S. 36]

для русской культуры XVII в., который мог иметь даже негативную окраску после Смутного времени и русско-польской войны 1632–1634 гг. Конечно, можно предположить, что данный образ, помещенный на изразцы, потерял свое первоначальное значение на территории Московского царства и воспринимался в другом ключе, например, как один из ангелов Небесного воинства. Однако для подобных утверждений у нас нет никаких веских оснований. Опять же этому противоречит малая распространенность таких элементов печного декора в русских городах и, соответственно, непопулярность данного сюжета. Возможно, ограниченную серию изделий мог сделать приезжий мастер из Великого княжества Литовского, но для подтверждения этого недостаточно доказательств. Хотя для начала 1630-х гг. известен факт участия таких приглашенных ремесленников в организации производства муравленных элементов печного декора в Москве (*Баранова*, 2011. С. 94). Близко к Новгороду и Пскову, где были найдены фрагменты изразцов с «крылатым» гусаром, находилась мастерская Валдайского Иверского монастыря, где при помощи выходцев из Великого княжества Литовского с 1655 г. наладили производство глазурованных элементов печного и архитектурного декора по европейским образцам. Но продукция ее хорошо изучена, изделия с подобным сюжетом там не изготавливались (*Яковлева, Жегурова*, 2006. С. 10–12, 34, 35, 39–41; *Шуньгина*, 2009. С. 290–301; 2023. С. 246–251). Не производили их определенно и в центральных регионах Московского царства, где подобные находки отсутствуют.

В свете указанных выше обстоятельств более убедительно выглядит версия о том, что изразцы с изображением «крылатого» гусара Речи По-

сполитой, обнаруженные в Новгороде и Пскове, являются импортными. Неслучайно на территории Московского царства они обнаружены в двух крупнейших городах Северо-Запада, расположенных вблизи границ с Речью Посполитой. Данные изделия могли быть привезены из Великого княжества Литовского, вероятнее всего, из Полоцка, где существовало на указанный период развитое производство муравленных элементов печного декора. Вполне возможно, что комплекты убранства печей с таким сюжетом покупались частными лицами согласно их вкусам и предпочтениям. Известно, что в Полоцке, как и во многих других городах Речи Посполитой, после русско-польской войны 1654–1667 гг. и «Шведского потопа» 1655–1660 гг. изразцовое ремесло пришло в упадок и восстановилось только ближе к концу XVII в. (*Dąbrowska*, 2007. С. 143, 144; *Соловьев*, 2013. С. 30). Вероятно, элементы печного декора с изображением «крылатого» гусара Речи Посполитой были изготовлены и попали в пределы Московского царства до начала этих военных событий. В пользу данной версии свидетельствует и контекст находок с таким сюжетом в городах русского Северо-Запада. В Новгороде целый изразец и почти все фрагменты, за исключением одного, были обнаружены на Торговой стороне, в пределах квартала 38, находящегося напротив Ярославова дворища, и в непосредственной близости от него на раскопе по адресу: ул. Большая Московская, д. 30. По письменным источникам известно, что именно на участке, где сейчас располагается квартал 38, в конце XII — XVI в. находился Немецкий двор — торговое представительство ганзейских купцов (*Рыбина*, 1986. С. 21, 22). Это подтвердилось недавними планомерными

раскопками Новгородской археологической экспедиции ИА РАН, в ходе которых была исследована его восточная часть (Гайдуков М. и др., 2022. С. 41–43; Гайдуков П. и др., 2023. С. 64–71). В XVII в. территория бывшего Немецкого двора находилась в пользовании купцов из Любека, а рядом со второй половиной 1620-х гг. до 1655 г. существовал Шведский двор (Рыбина, 1986. С. 87–89, 129–134). Данные фактории служили местами для пребывания торговцев и хранения товаров, на их участках располагались различные жилые и хозяйственные постройки. Возможно, изразцы с изображением «крылатого» гусара были в составе отопительных сооружений этих домов, следовательно, подобные находки можно связать с иноземцами, находившимися в Новгороде. Интересно, что как раз в период 1630-х — начала 1650-х гг., когда производились данные элементы печного декора, коммерция велась довольно активно, а купцы из Любека получили новые привилегии от русского правительства (Рыбина, 1986. С. 88). Что касается находок из Пскова, то там изразцы с гусаром Речи Посполитой относятся к печам, которые располагались в каменных палатах богатой купеческой семьи, явно тесно связанной с европейской торговлей. В этих случаях контекст находок имеет ряд схожих черт. Особняком стоит только единственный фрагмент из Новгорода, с Софийской стороны, возможно, украшавший печь одной из построек на территории Духова монастыря. Для подтверждения высказанных гипотез необходимо дальнейшее существенное пополнение базы вещественных источников с точными датировками.

Что касается происхождения сюжета интересующих нас изразцов, то подобная композиция и сочетание образов отсылают к иконографическому типу вооруженного всадника на торжественном выезде, широко распространенному в европейском искусстве раннего Нового времени. Для него характерно изображение богато экипированного наездника верхом на коне, который показан в спокойном парадном шаге или медленной рыси с высоко поднятой передней ногой, короткой гривой и плюмажем с перьями на голове. Посадка всадника обычно прямая, в поднятой руке перед собой он держит ударно-дробящее оружие — булаву, шестопер или боевой молот-клевец в качестве инсигнии своей власти, а также знака воинского и дворянского статуса. Этот образ каноничен и регулярно встречается в изображениях конца XVI — XVII в., в частности, на рисунках и гравюрах, посвященных парадом, праздникам,

шествованиям. Именно они послужили источниками для фигуры «крылатого» гусара Речи Посполитой на печных изразцах. Несомненное влияние здесь оказали широко известные работы Абрахама де Брюйна, опубликованные в конце XVI в., с большим количеством образов восточноевропейских, в том числе польских, всадников в парадных уборах (*de Bruyn*, 1577. Taf. 27–31). Примером такого мотива может послужить иллюстрация Зигмунда Эльзессера из «Свадебного кодекса эрцгерцога Фердинанда II» 1582 г.¹⁶ На ней Фердинанд II показан в образе гусара, держащим в руке топорик-чекан с богатой отделкой, восседающим на спокойно шагающем коне, украшенном парадной сбруей и плюмажем (рис. 9, 4). Данный иконографический тип характерен и для изображений шляхты Речи Посполитой XVII в. на парадах и торжественных мероприятиях. Одним из наиболее ярких произведений является «Стокгольмский свиток», созданный в начале XVII в. Образ практически каждого из командиров военных отрядов в составе процессии, показанной на этом выдающемся произведении искусства, представляет собой описанный выше классический типаж (*Brzezinski, McBride*, 1987a. S. 41; *Żygulski*, 1987. Pl. 23) (рис. 9, 7). Несомненно, перед нами сложившаяся традиция изображения военных предводителей. В числе примеров широко известных произведений XVII в., которые могли быть прототипами сюжетов на интересующих нас изразцах, следует назвать серию гравюр и рисунков, посвященных въезду польского посольства 1645 г. в Париж. На работах Стефано делла Белла и других художников в классическом образе запечатлен гусарский полковник Крыштов Щодровский с крылом на спине, клевцом в руке, также верхом на коне в парадном убранстве (рис. 4, 4)¹⁷. Из более поздних работ характерной является гравюра 1672 г., на которой показан конюший Гамоцкий в снаряжении панцерного офицера (*Brzezinski, McBride*, 1987a. S. 36; *Brzezinski, Vuksic*, 2006. S. 21–23) (рис. 9, 8). Несомненно, большое влияние

¹⁶ Sigmund Elsässer. Hochzeitskodex Erzherzog Ferdinands II. 1582. Kunsthistorisches Museum Wien, Kunstkammer [Электронный ресурс.] // URL: <https://www.schlossambbras.innsbruck.at/object/91277?cHash=ea17d916ed0d21cf4988638a867eeb8d> (дата обращения 11.03.2024).

¹⁷ Возможно, кроме него были изображены и другие участники этого торжественного события, отождествление некоторых рисунков с конкретными историческими личностями не всегда возможно в точности.

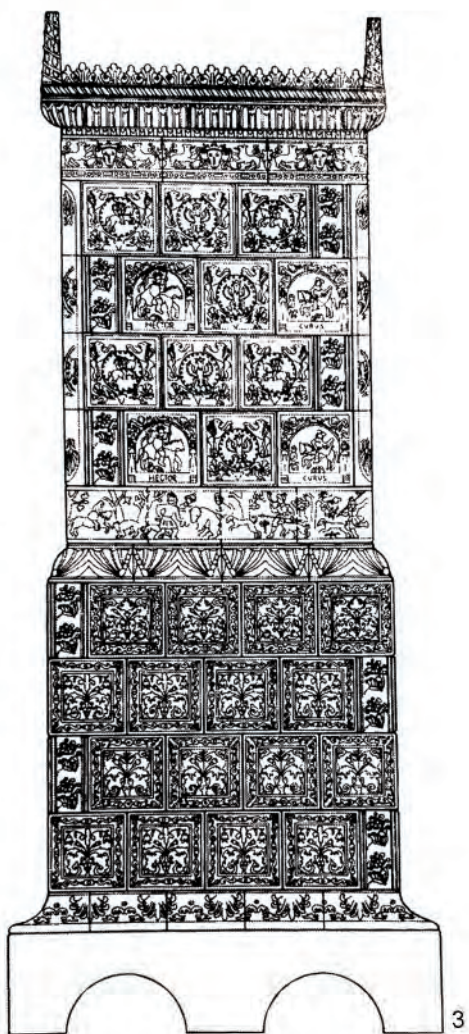
на прикладное искусство и ремесло оказали изображения самих «крылатых» гусар Речи Посполитой в доспехах и с оружием. Однако часто их кони не идут парадным шагом, а скачут в галопе, как во время атаки (*Żygulski*, 2000. Rys. 27; 2003. S. 51; *Brzezinski, Vuksic*, 2006. S. 46).

Существует предположение, что пафосный облик гусара на полоцком изразце с гипертрофированным птичьим или ангельским крылом за спиной может быть связан с победоносным для Речи Посполитой окончанием Ливонской войны (*Соловьев*, 2013. С. 29). Но стоит отметить, что между периодом, когда стали производиться элементы печного декора с подобным сюжетом, и завершением указанного масштабного военного конфликта прошло довольно много времени. Возможно, что основное влияние на сложение и распространение данного образа оказали победы гусар в известных сражениях начала XVII в. — при Кокенгаузене (1601), Вайссенштайне (1604), Кирхольме (1605), Клушино (1610). Возможно также, что в данном случае повлияли успехи польско-литовской армии в Смоленской войне 1632–1634 гг. Не стоит исключать роль в этом процессе и сугубо мирных, пышно обставленных событий, таких как въезд в Краков невесты короля Сигизмунда III Вазы Констанции Австрийской в 1605 г., в честь которого был создан «Стокгольмский свиток», или упомянутое уже польское посольство 1645 г. в Париж. В целом стоит отметить, что торжественный образ «крылатого» гусара — яркого представителя военной и дворянской элиты, победителя врагов государства, защитника страны — полностью соответствовал той атмосфере и духу, что господствовали в обществе Речи Посполитой во время правления Владислава IV Ваза (*Żygulski*, 2003. S. 54, 55; *Dąbrowska*, 2007. S. 156). Видимо, именно в этот относительно стабильный период, 1530–1550-е гг., и производились печные изразцы с подобным популярным сюжетом.

В свете исследуемой тематики интересно, что на территории Московского царства известны отдельные эпизоды использования всадниками крыльев, впрочем, обстоятельства их были довольно специфичными. С 1630-х гг. в русской армии стали создаваться гусарские подразделения (*Малов*, 2006. С. 45, 46; *Курбатов*, 2017. С. 95–98). В начале 1650-х гг. был сформирован полк под командованием служилого иноземца Христофора (Крыштофа) Рыльского. Во время выезда 1654 г. в Москве сам полковник и гусары под его началом были в снаряжении польского образца, в том

числе с крыльями, закрепленными у седел (*Шаменков*, 2014. С. 84, 92, 93). Отмечается, что конь командира имел плюмаж на голове и богато украшенный чепрак, то есть полностью соответствовал классическому комплексу, представленному на изразцах, найденных в Новгороде, Пскове и Полоцке. При торжественном въезде посольства Речи Посполитой 1678 г. в Москву его встречал отряд русских всадников, на спинах у которых были закреплены крылья, подобные птичьим. По словам участника процессии Бернгарда Таннера, они «...казались ангельским легионом» (*Таннер*, 1981. С. 44; *Brzezinski, Vuksic*, 2006. S. 42). Однако какое влияние могли оказать данные события на восприятие обществом Московского царства XVII в. образа «крылатого» гусара/всадника, оценить довольно сложно. Если и был подъем интереса к этому сюжету, то на русских элементах печного декора он не нашел широкого отражения. Вероятно, одной из реминисценций данного типажа является муравлений изразец середины XVII в. из раскопок в Новодевичьем монастыре в Москве. Изображение на нем сильно упрощено и носит заметные лубочные черты, тем не менее хорошо различимо гипертрофированное крыло с проработанными перьями на спине наездника (рис. 10, 1). Началом XVII в. датируются терракотовые широкорамочные изразцы из Москвы и Рязани с батальными сценами, где всадники похожего облика показаны в составе группы воинов (*Яхонтов*, 1927. С. 7–10; *Розенфельдт*, 1968. С. 61, табл. 20, 5). К более позднему времени, 1690-м гг., относится полихромный безрамочный изразец с изображением конного лучника, находящийся в составе декора звонницы Борисоглебского монастыря в Ростове Великом (рис. 10, 2). За его спиной имеется невысокое крыло из перьев на вертикальной планке, видимо, закрепленное у задней луки седла (*Маслих*, 1976. Рис. 144). Данная тема, несомненно, требует отдельного подробного изучения.

Каков был состав печных наборов, куда входили изразцы с изображением «крылатого» гусара, сказать сложно. В Новгороде Великом и на территории квартала 38, и в колодце на Рога-тицком раскопе 2014 г. вместе с ними найдены муравленные и терракотовые элементы печного декора с различным растительным орнаментом. Однако уверенно утверждать, что они использовались вместе, на данный момент нельзя. В Пскове, на территории двора Подзноевых, в яме 7 кроме изразцов с «крылатым» гусаром были обнаружены фрагмент дугового кирпича и небольшие

а — 0 10 см

б — 0 5 см

Рис. 10. 1 — муравленный изразец с изображением «крылатого» всадника, Москва, Новодевичий монастырь; 2 — полихромный изразец с изображением конного лучника, Ростов Великий, Борисоглебский монастырь; 3 — реконструкция изразцового набора печи, первая половина XVII в., Нове-Място, Варшава, Польша; 4 — реконструкция изразцового набора печи, последняя четверть XVII в., замок Диошдьёр, Венгрия. Масштаб: а — для 1, 2; б — для 3, 4

Fig. 10. 1 — glazed tiles with the image of a “winged” horseman, Moscow, Novodevichy Monastery; 2 — polychrome tile with the image of an equestrian archer, Rostov Veliky, Boris and Gleb Monastery; 3 — reconstruction of a tile set of a stove, the first half of the 17th cen., Nowe Miasto, Warsaw, Poland; 4 — reconstruction of a tile set of a stove, the last quarter of the 17th cen., Diósgyőr Castle, Hungary. Scale: a — for 1, 2; b — for 3, 4

[2 — Маслих, 1976. Рис. 144; 3 — Dąbrowska, 2007. Рис. 14; 4 — Boldizsár és más., 2010. Kép. 88]

обломки элементов печного декора с геометрическим и, вероятно, растительным орнаментом (Плоткин, 1992а. С. 70; 1992б. Рис. 312, 317, 319, 321). Их принадлежность к одному с ними набору также неочевидна. В Полоцке в развале отопительного сооружения, где были обнаружены изразцы с вооруженным всадником и бегущей под ним собакой, находились муравленные изделия с изображением герба Великого княжества Литовского — «Погоня» (Зданович, 1997. С. 107). Необходимо больше данных для достоверной реконструкции внешнего вида этих отопительных сооружений, что является задачей дальнейших исследований.

Тем не менее общее представление о них мы можем получить, опираясь на состав комплектов печного декора XVII в., в которые входили изразцы с изображением конных воинов, происходящих из других европейских государств. В качестве примера можно привести реконструкцию убранства муравленной печи, выполненную на основе находок из замка Диошдьёр в Венгрии (Boldizsár és más., 2010. О. 84, 85, кёр. 88). К нему принадлежат два варианта стенных и угловых изразцов с вооруженными всадниками, по мнению исследователей, тоже гусарами, выполненные в разной стилистике — с хорошей проработкой деталей и упрощенные (рис. 10, 4). В комплект входили также поясковые детали убранства и городки с расти-

тельным и геометрическим орнаментом, а также головами херувимов с крыльями по бокам (*Ibid.*, 2010. О. 82–85, кёр. 84–87, rajz. 206–211). Данный печной набор был изготовлен в последней четверти XVII в. Имеются аналогии и на территории Польши. В качестве примера можно привести набор убранства печи первой половины XVII в., глазурованные детали которого были найдены на территории шляхетской резиденции в Нове-Място. В этом случае стенные изразцы с конными фигурами Гектора и св. Мартина не образуют сплошных рядов, а установлены разреженно, перемежаясь с элементами, на которых изображены геральдические орлы и герб «Погоня» (рис. 10, 3). В составе набора имеются квадратные, поясковые и угловые изразцы с растительным, а также геометрическим орнаментом. Кроме них есть детали со сценами охоты, головами херувимов и гербами Калишского воеводства, верхняя часть отопительного сооружения была украшена городками (Dąbrowska, 2007. S. 149, 150, рис. 14).

Изразцы с изображением «крылатого» гусара Речи Посполитой являются редкими, яркими, интересными элементами в материальной культуре раннего Нового времени Великого Новгорода, Пскова, Полоцка, отражая разносторонние связи и контакты северо-западных городов Московского царства с Речью Посполитой, в частности, Великим княжеством Литовским.

Алексинский и др., 2005 — Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С. Всадники войны. Кавалерия Европы. Кн. 1. СПб.: Полигон, 2005. 488 с.

Археалогія Беларусі..., 2001 — Ляўко В. М., Гурын М. Ф., Заяц Ю. А. і інш. Археалогія Беларусі. Помнікі XIV–XVIII стст. У 4 т. Т. 4. Мінск: Беларуская навука, 2001. 597 с.

Баранова, 2011 — Баранова С. И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М: МГОМЗ, 2011. 432 с.

Баранова, 2013 — Баранова С. И. Источники инноваций в московское изразцовое искусство XVII века // Вестник РГГУ. М.: РГГУ, 2013 (Серия: Культурология. Искусствоведение. Музеология). № 7 (108). С. 200–207.

Беларуская кафля, 1989 — Собаль В. Я., Ткачоў М. А., Трусаў В. А., Угрыновіч В. В. Беларуская кафля. Мінск: Беларусь, 1989. 159 с.

Векслер и др., 2016 — Векслер А. Г., Кондрашев Л. В., Беркович В. А., Гусаков М. Г., Генниг В. В. Москва. Раскопки на Великом посаде. Московская керамика по материалам исследований. М: Департамент культурного наследия города Москвы, 2016. 496 с.

Гайдуков М. и др., 2022 — Гайдуков М. П., Гайдуков П. Г., Олейников О. М., Волков И. В. Исследования в квартале 38 Великого Новгорода // АО. 2020 год. М.: ИА РАН, 2022. С. 41–43.

- Гайдуков, 2014 — Гайдуков П. Г. Отчет о проведении археологических исследований на месте строительства жилого дома по адресу: г. Великий Новгород, ул. Бол. Московская, д. 30 в 2014 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Оп. 1. Д. 49461. 309 л.
- Гайдуков П. и др., 2023 — Гайдуков П. Г., Волков И. В., Олейников О. М., Кудрявцев А. А., Гайдукова Л. П., Тарабардина О. А., Торопов С. Е. Археологические исследования в квартале 38 Великого Новгорода в 2021 г. (Иоанновский раскоп) // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2023. Вып. 36. С. 64–71.
- Гуревич, Рогалев, 1991 — Гуревич Д. Я., Рогалев Г. Т. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. М.: Росагропромиздат, 1991. 240 с.
- Дук, 2001 — Дук Д. Цеплыня ад цеплыні: дэкор полацкай кафлі XVII ст. // Мастацтва. Мінск: Культура і мастацтва, 2001. № 5. С. 42–46.
- Дук, 2007 — Дук Д. У. Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада. Наваполацк: ПДУ, 2007. 268 с.
- Дук, Соловьев, 2004 — Дук Д., Соловьев А. Кожевенно-сапожное ремесло Полоцка в XVI–XVIII вв. (по итогам археологического надзора на территории Велико-го посада в 2000–2002 гг.) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2004. № 19. С. 241–250.
- Здановіч, 1997 — Здановіч Н. І. Полацкая кафля канца XVI — XVII стст. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 1997. № 12. С. 103–125.
- Киселева, 2022 — Киселева Н. А. Сюжеты изразцов средневековых псковских храмов в восприятии современников // Обсерватория культуры. М.: РГБ, 2022. Т. 19, № 4. С. 428–438.
- Курбатов, 2017 — Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII века: Конница. М.: Квадрига, 2017. 304 с.
- Макарий, 1860 — Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М.: Тип. В. Готье, 1860. 654 с.
- Малов, 2006 — Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.
- Маслих, 1976 — Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. Альбом. М.: Изобразительное искусство, 1976. 208 с.
- Маслих, 1983 — Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство, 1983. 260 с.
- Плоткин, 1992а — Плоткин К. М. Археологическое изучение двора Подзноевых XVII в. в г. Пскове, в 1992 г. Текст // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 17267. 1992. 110 л.
- Плоткин, 1992б — Плоткин К. М. Археологическое изучение двора Подзноевых XVII в. в г. Пскове, в 1992 г. Альбом иллюстраций (Ч. 2: раскопы 4, 5, 6) // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1 Д. 17272. 1992. 46 л.
- Плоткин, 1994 — Плоткин К. М. Археологическое изучение двора Подзноевых в Пскове в 1992 г. // АИППЗ. Псков, 1994 (Материалы семинара 1993 г.). С. 23–26.
- Розенфельдт, 1968 — Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М: Наука, 1968 (САИ; Е 1-39). 121 с.
- Рыбина, 1986 — Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1986. 174 с.
- Секретарь, 2011 — Секретарь А. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный паломник, 2011. 656 с.
- Соловьев, 2013 — Соловьев А. А. Изразцы и печи полоцкого иезуитского коллегиума (конец XVI — первая треть XIX в.): архитектурно-археологический очерк. Полоцк: Полоцкое книжное изд-во, 2013. 95 с.
- Спегальский, 1963 — Спегальский Ю. П. Псковские каменные жилые здания XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (МИА; № 119). 172 с.
- Таннер, 1981 — Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Пер., примеч. и прилож. И. Ивакина. М.: Университетская типография, 1891. 203 с.
- Шаменков, 2010 — Шаменков С. Піхота українських гетьманів XVII — поч. XVIII ст. Одяг, спорядження, зброя та клейноди. Київ: Темпора, 2010. 146 с.
- Шаменков, 2014 — Шаменков С. И. Доспех русских гусар времен царя Алексея Михайловича: опыт реконструкции // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. V. С. 84–95 [Электронный ресурс.] // URL: http://www.milhist.info/2014/06/16/shamenkov_7 (16.06.2014) (дата обращения 13.03.2024).
- Шаменков, 2020 — Шаменков С. Одяг, військове спорядження та зовнішній вигляд козацької старшини середини — другої половини XVII ст. // Стрій. Дослідження з історії одягу. Херсон: Гельветика, 2020. № 2 (ч. 2). С. 9–42.
- Шуньгина, 2009 — Шуньгина С. Е. Изразцовое производство Иверского Валдайского монастыря по данным последних археологических исследований // АИППЗ. Псков: ИА РАН, 2009. Вып. 24 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 54-го заседания). С. 285–302.
- Шуньгина, 2023 — Шуньгина С. Е. Коллекция изразцов второй половины XVII в. Большого Успенского монастыря в Тихвине // Московская Русь: археология,

- история, архитектура. К 75-летию Л. А. Беляева / Отв. ред. И. И. Елкина, сост. О. Н. Глазунова, Д. Г. Давиденко. М.: ИА РАН, 2023. С. 241–252.
- Яковлева, Жезурова, 2006 — Яковлева Л. П., Жезурова О. В. Изразцы в собрании Новгородского музея: Каталог выставки. Великий Новгород: Моби Дик, 2006. 136 с.
- Яхонтов, 1927 — Яхонтов С. Д. Красные изразцы в собраниях Рязанского областного музея. Исследования и материалы. Вып. I. Рязань: Рязанский государственный областной музей, 1927. 11 с.
- Bartkiewicz, 1979 — Bartkiewicz M. Polski ubiór do 1864 roku. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy imienia Osolińskich Wydawnictwo, 1979. 165 s.
- Bocheński, 1960 — Bocheński Z. Ze studiów nad polską zbroją husarską // Rozprawy i Sprawozdania Muzeum Narodowego w Krakowie. Krakow: Muzeum Narodowe w Krakowie, 1960. T. VI. S. 12–52.
- Boldizsár és más., 2010 — Boldizsár P., Kocsis E., Sabján T. A diósgyőri vár 16–17. századi kályhacsempéi. Miskolc: Herman Ottó Múzeum, 2010. 232 o.
- Brych, 2004 — Brych V. Kachle doby gotické, renesanční, a raně barokní. Výběrový katalog Národního muzea v Praze. Praha: Národní museum, 2004. 228 s.
- de Bruyn, 1577 — de Bruyn Abraham. Diversarum gentium armatura equestris. Ubi fere Europae, Asiae atque Africae equitandi ratio propria expressa est. Cologne: Abrahamus Bruynus excude (cum praefatione H. Dammani et A. de Bruyno), 1577. 125 s.
- Brzezinski, McBride, 1987a — Brzezinski R., McBride A. Polish armies 1569–1696. London: Osprey Publishing Ltd., 1987 (Men-At-Arms Series; № 184). Vol. 1. 47 p.
- Brzezinski, McBride, 1987b — Brzezinski R., McBride A. Polish armies 1569–1696. Vol. 2. London: Osprey Publishing Ltd., 1987 (Men-At-Arms Series; № 188). 47 p.
- Brzezinski, Vuksic, 2006 — Brzezinski R., Vuksic V. Polish Winged Hussar 1576–1775. Oxford: Osprey Publishing Ltd., 2006 (Warrior; 94). 64 p.
- Dąbrowska, 2007 — Dąbrowska M. O siedemnastowiecznych kaflach i piecach z terenu ziem polskich // Średniowieczne I Nowożytnie Kafle. Regionalizmy–Podobieństwa–Różnice / Red. M. Dąbrowska, H. Karwowska. Białystok: MPB, 2007. S. 143–159.
- Drązkowska, 2008 — Drązkowska A. Odzież grobowa w Rzeczypospolitej w XVII i XVIII wieku. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2008. 332 s.
- Gembarzewski, 2017 — Gembarzewski B. Husarze. Ubiór, oporządzenie i uzbrojenie 1500–1775. Grojec: Wydawnictwo Napoleon V, 2017. 82 s.
- Kovács, 2010 — Kovács Tibor S. Huszárfelegyverek a 15–17. században. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 2010. 288 o.
- de Latour, 1984 — de Latour R. Ochronne uzbrojenie husarii w zbiorach Muzeum Narodowego w Kielcach i Muzeum Regionalnego w Szydłowie na tle dotychczasowych badań nad zbroją husarską // Rocznik Muzeum Narodowego w Kielcach. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1984. T. XIII. S. 197–208.
- Niedźwiadek, 2007 — Niedźwiadek R. Cztery zespoły kafil lubelskich z okresu od początku XVI do połowy XVII w. // Średniowieczne I Nowożytnie Kafle. Regionalizmy–Podobieństwa–Różnice / Red. M. Dąbrowska, H. Karwowska. Białystok: MPB, 2007. S. 87–100.
- Plewczyński, 2017 — Plewczyński M. Napierśniki husarii obrony potocznej w połowie XVI w. // Studia z dziejów wojskowości. Białystok: Ośrodek Badań Europy Środkowo-Wschodniej w Białymstoku, 2017. T. VI. S. 161–178.
- Wagner, 1979 — Wagner E. European Weapons and Warfare 1618–1648. London: Octopus Books Limited, 1979. 297 s.
- Wimmer, 2006 — Wimmer J. Dawne Wojsko Polskie XVII–XVIII w. Warszawa: Bellona, 2006. 133 s.
- Żygulski, 1975 — Żygulski Z. jun. Broń w dawnej Polsce. Na tle uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1975. 334 s.
- Żygulski, 1987 — Żygulski Z. jun. An Outline History of Polish applied art. Warszawa: Interpress Publishers, 1987. 263 p.
- Żygulski, 2000 — Żygulski Z. jun. Husaria polska. Warszawa: Pagina, 2000. 177 s.
- Żygulski, 2003 — Żygulski Z. jun. Polska broń wódzów i żołnierzy. Kraków: Kluszczyński, 2003. 112 s.

**“Winged” horsemen on the stove mirror.
Ceramic tiles with images of Rzeczpospolita hussars
from cities of the Northwest of the Moscow State and adjacent territories**

P. A. Milyaev, K. A. Chistyakova¹⁸

Keywords: 16th–17th cen., tiles, Novgorod, Pskov, “winged” Hussars, Polish-Lithuanian Commonwealth, Moscow State.

Among the many Early Modern tiles from Russia, rare pieces depicting a “winged” horseman stand out. Most of the finds are small fragments and for a long time the plot was not clear. In 2022 in Veliky Novgorod was found such a whole glazed ceramic tile and it became obvious that it depicts a “winged” hussar of the Polish-Lithuanian Commonwealth on horseback. The warrior is dressed in a cuirass of segmental construction, a large wing similar to a bird’s wing is attached to his back, in his raised right hand he holds a buzdugan, and the reins in his left hand. The warrior has a hat or helmet on his head, high-heeled shoes on his feet, and the floor of his outer garment is visible below the armor. A horse in rich equipment is walking with a calm step, a hunting dog is running under the rider. The tile depicts a Hussar officer of high rank — a colonel or a captain on parade. The figure is pictured in a simplified style, without detailed elaboration. Earlier in Novgorod several fragments of glazed and terracotta tiles with the same plot were discovered, but the image on them is of higher quality. Fully similar in style fragments of stove decor with the image of a “winged” hussar were also found in Pskov, in the residence of the merchants Podznoyevs. The only analogies of such tiles in the adjacent territories come from Polotsk. There are two groups of items: 1 — terracotta and glazed tiles made at a high level, the horse of the hussar is oriented to the right; 2 — only glazed tiles in a simplified style, the horse is oriented to the left. According to the peculiarities of the design, the chronology of the items of armament and equipment, the tiles were made in the 1630s–1650s. Such an image of a horseman is characteristic of European art and is often found in drawings and engravings. For the Moscow kingdom of the 17th cen. this plot is not characteristic, such artifacts were hardly produced on the territory of Russia. Perhaps, the tiles with the image of the “winged” hussar are imports from the Grand Duchy of Lithuania and could have been brought from Polotsk. The sites of the finds were the courtyards of foreign and Russian merchants who traded with Europe.

---

¹⁸ Pavel A. Milyaev — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: milyaev.paul@yandex.ru. Ksenia A. Chistyakova — Saint Petersburg State University; St. Petersburg, Russia; e-mail: ksiuhoromi@gmail.com.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Концепция российско-китайской лаборатории доказательной интерпретации археологических источников¹

Е. Ю. Гиря, А. А. Малютина, К. Н. Степанова,
Цюань Цянькунь, Фан Чи²

Аннотация. Формальная типология и археологическая трасология на современном этапе в одинаковой мере нуждаются в конкретизации границ применения, решении проблем объективности и доказательности. В статье авторы указывают основные ориентиры избранного ими направления развития науки о следах и формах в археологии — доказательной интерпретации, главная цель которой состоит в определении типов как совокупностей аналогичных «гештальтов» — целостных образов археологических источников.

Ключевые слова: археологические источники, доказательная интерпретация, типология, археологическая трасология, формы артефактов, следы использования, следы обработки, общий неутилитарный износ, функция, эксперимент в археологии, морфология, морфономия, ном, гештальт.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-231-251

Информационный повод

По инициативе директора Школы археологии Цзилиньского университета профессора Джао Бинфу и при поддержке директора ИИМК РАН профессора А. В. Полякова 9 сентября 2023 г. между ИИМК РАН (С.-Петербург, Россия) и Школой археологии Цзилиньского университета (г. Чанчунь, КНР) было подписано соглашение о соз-

дании совместной международной лаборатории доказательной интерпретации археологических источников. Основными задачами лаборатории являются разработка и реализация научно-исследовательских проектов, преподавательская и научно-информационная деятельность.

В качестве приборной базы для успешного функционирования совместной российско-китайской лаборатории предполагается использовать уже имеющееся в ИИМК РАН и Цзилиньском университете оборудование в виде простых бинокулярных (OLYMPUS SZX10) и металлографических микроскопов (модульные металлографические микроскопы Olympus BXFM с объективами серии MXPLFLN), а также оборудование для макро- и микросъемки. Кроме того, Цзилиньский университет предоставил для совместных исследований оптико-цифровой микро-макроскоп Olympus DSX1000, особенностью которого является возможность исследовать объекты в макро- и микрорежиме на одном приборе. Эта возможность обеспечена линейкой объективов серий XLOB и SXLOB с увеличенной рабочей дистанцией и числовой апертурой. Для облегчения графика работы студентов и аспирантов планируется закупка второго микроскопа Olympus DSX1000, а также настольного сканирующего электронного микроскопа (СЭМ) Jeol JCM 7000 NeoScore.

¹ Все теоретические, методические, аналитические и экспериментальные исследования, упомянутые в статье, произведены в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0019), программы Лаборатории доказательной интерпретации ООО НАЦ «АВ КОМ-Наследие» (Екатеринбург), а также в ходе разработки учебного пособия к курсу лекций «Доказательная интерпретация и археологическая трасология» в Школе археологии Цзилиньского университета (КНР).

² Гиря Е. Ю., Малютина А. А. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: kostionki@yandex.ru, kostylanya@yandex.ru. Степанова К. Н. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: k.n.stepanova@spbu.ru. Цюань Цянькунь, Фан Чи — Школа археологии, Цзилиньский университет; Чанчунь, КНР; e-mail: quanqiankun@jlu.edu.cn, fangqi@vip.sina.com.

© Гиря Е. Ю., Малютина А. А., Степанова К. Н., Цюань Цянькунь, Фан Чи, 2024

В помещениях Школы археологии Цзилиньского университета предполагается оборудовать специально оснащенные мастерские по обработке органических материалов — дерева, кости, рога, раковин, а также помещения для изготовления реплик каменных орудий, включая расщепление, пикетаж, пиление, шлифовку твердых каменных пород и их тепловую обработку.

В работе лаборатории примут участие как дипломированные сотрудники, так и студенты, магистранты и аспиранты ИИМК РАН, кафедры археологии СПбГУ, Школы археологии Цзилиньского университета. Лаборатория предполагает как научно-исследовательскую, так и образовательную деятельность: чтение курсов лекций и проведение школ-семинаров, разработку учебно-методических пособий и исследование археологических материалов, полученных в результате раскопок памятников различных исторических эпох и географического положения. Мы также не исключаем возможности организации силами лаборатории специальных совместных экспедиций, предполагающих полный цикл исследования памятников, от раскопок до полной лабораторной обработки, равно как и специальных экспериментально-трасологических экспедиций, посвященных решению проблем доказательной интерпретации.

Следы в археологических исследованиях

Следы на поверхностях твердых тел — изучаемый более 200 лет вид археологических источников (*Hayden, Kamminga*, 1979. P. 2, 3). При этом в процессе развития общепринятой формально-типологической методики они всегда оставались в тени на фоне преимущественного изучения форм артефактов.

По мере становления и развития археологии как специальной научной дисциплины исследованию следов уделялось все большее внимание. Практически с самого начала XIX в. и вплоть до 30-х гг. XX в. многие европейские исследователи прилагали усилия для того, чтобы показать и доказать значимость изучения следов при решении археологических задач (*Ibid.*).

Принципиально новым этапом исследования следов в археологии стало их привлечение для определения «технологии орудий труда» — способов и результатов их использования (*Семёнов*, 1957. С. 7).

В качестве специального направления — «микроскопической археологии» (*Рогачёв*, 1983. С. 191) — данный подход был предложен в конце 1930-х гг. Сергеем Аристарховичем Семёновым

(рис. 1) — учеником и продолжателем исследований патриарха российского палеолитоведения Петра Петровича Ефименко (рис. 2), одного из первых отечественных археологов, уделивших особое внимание исследованию следов на верхнепалеолитических орудиях из Костёнок I (*Семёнов*, 1940; 1950; 1957; *Ефименко*, 1958).

Следуя за П. П. Ефименко, С. А. Семёнов стремился внедрить в практику археологических исследований определение функции орудий как неперемного компонента процесса интерпретации. Он категорически отрицал правомерность применения формально-типологического подхода при исследовании древнейших артефактов. Для верификации полученных результатов С. А. Семёнов использовал этнографические аналогии и частично данные экспериментов. Результаты своих наблюдений и приемы работы он обобщил в книге «Первобытная техника», опубликованной в 1957 г. (*Семёнов*, 1957). В 1964 г. эта книга была издана на английском языке в Лондоне и Нью-Йорке (*Semenov*, 1964). Впоследствии ее еще дважды издавали на английском, а также на испанском языках (*Semenov*, 1981a; 1981b).

Изначально С. А. Семёнов называл свой подход «новым методом», методом «исследования функций каменных орудий», методом «изучения следов изнашивания и обработки» (*Семёнов*, 1940. С. 21; 1957. С. 13). В книге 1968 г. он впервые использовал иное название — «трасологический и экспериментальный методы» (*Семёнов*, 1968. С. 4). В 1978 г. он также упоминал отдельно «трасологический» и «экспериментальный (физического моделирования)» методы (*Семёнов*, 1978. С. 48). Впоследствии, после ухода С. А. Семёнова, в науке стали бытовать и успешно закрепились термины «метод функционального анализа», «трасологический метод», «экспериментально-трасологический метод» (*Семёнов*, 1983. С. 3; *Рогачёв*, 1983. С. 192).

Рассматривая наследие С. А. Семёнова с позиции сегодняшнего дня, наряду с впечатляющими результатами трудно не отметить недостаточность теоретических обоснований основных положений предложенного им метода. В очень осторожной и деликатной форме это обстоятельство уже отмечалось в литературе: «С. А. Семенов не стал подробно объяснять методический подход к экспериментальной реконструкции, а акцентировал внимание на описании следов микроизноса археологических орудий, результатах и интерпретативном потенциале своих исследований» (*Anderson et al.*, 2005. С. 12). Определить место работ С. А. Семёнова в ряду «методология —

Рис. 1. С. А. Семёнов. 1936 г.

Fig. 1. S. A. Semenov. 1936

метод — алгоритм — план — средства исследования» непросто. Методологические и методические представления автора в его трудах приходится выискивать, читая между строк.

В главе «Методика» его основополагающей монографии «Первобытная техника» первые четыре параграфа посвящены описаниям следов на уровне конкретики — как объекта исследования, остальные — техническим средствам наблюдения, приемам подготовки поверхностей и способам фиксации (фотографированию) (Семёнов, 1957. С. 15–43). Большая часть общеметодологической информации находится во «Введении», где следы характеризуются как предмет изучения (Там же. С. 5–13). Определение понятия «следы» и раскрытие его смысла не представлены ни в одной из известных нам работ С. А. Семёнова. Иными словами, семёновская методика как таковая, в виде теоретической основы и совокупности конкретных алгоритмов, формально не была ни изложена, ни публично представлена в каком-либо ином виде. Исходя из опубликованных работ, то, что он делал, известно нам лучше, чем то, как он объяснял алгоритмы своих исследований. Причины этого неясны. Возможно, что, идя в целом эмпирическим путем, С. А. Семёнов полагал подобные рассуждения очевидными и не требующими специальных

Рис. 2. П. П. Ефименко. 1930-е гг.

Fig. 2. P. P. Efimenko. 1930s

пояснений. Для истории науки было бы полезно проследить это по архивным источникам³.

Описания экспериментов в работах С. А. Семёнова также не могут удовлетворить запросам взыскательного читателя. Упрекая предшественников в том, что «любительский характер экспериментов и сомнительность результатов являются причиной того, что большинство археологов оставили свои работы неопубликованными» (Семёнов, 1957. С. 6), результаты своих опытов С. А. Семёнов публиковал крайне скупно. Особенно это касалось описания и иллюстрации

³ Известно, что С. А. Семёнов исключил «из окончательного текста книги „Первобытная техника“ вторую главу, посвященную разбору типологического метода и обоснованию трасологии как самостоятельного способа исследования. Эта операция, призванная облегчить „Первобытной технике“ путь к печати, в будущем существенно затруднила восприятие работы. Правда, позднее пропущенная глава была переделана автором и включена им в собрание статей теоретического плана под общим названием „Некоторые методологические проблемы археологии“ (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 90. Д. 56). Увы, и эта объемистая рукопись (более 400 машинописных страниц), подготовленная к публикации уже в начале 1970-х гг., не увидела свет» (Васильев, 2006. С. 365).

Рис. 3. М. Н. Гернет

Fig. 3. M. N. Gernet

экспериментальных следов обработки и/или износа. Отчасти это можно объяснить не столько желанием или нежеланием автора, сколько ограниченностью доступных технических средств наблюдения и трудоемкостью фотофиксации (на изготовление одной микрофотографии могло уходить от нескольких часов до одного или нескольких дней работы), а также полиграфическими возможностями академических изданий СССР того времени.

С одной стороны, С. А. Семёнов вполне однозначно указывал на необходимость трасологических наблюдений для постановки экспериментов: «Можно с уверенностью сказать, что изучение древней техники невозможно без экспериментов. Однако вне той документации, какую нам дает изучение следов обработки и использования, сохранившихся на древних орудиях и изделиях, эксперимент имеет ограниченное значение — он не делает в полной мере древнюю технику отраслью исторической науки. Лишь при участии обоих методов в исследовании древней техники может быть достигнут научный результат» (Семёнов, 1968. С. 7).

С другой стороны, в семёновской системе доказательств не менее важная роль отводилась этнографическим параллелям: «Различные виды древних производств, способы охоты и рыбной ловли, добывание огня... и многое другое раскрывается

во всей конкретности технических деталей только этнографическими свидетельствами» (Там же).

С. А. Семёнов никогда не именовал свой подход ни «экспериментально-этнографическим», ни «этнографо-трасологическим». Не углубляясь в детальный анализ приоритета этнографии и/или эксперимента в логике семёновской системы доказательств, необходимо отметить, что привлечение этнографических данных он полагал особо необходимым для объяснения сложных древних технических процессов и целых производств.

В тех случаях, когда привлечение этнографических параллелей было невозможным (к примеру, при исследовании древнейших артефактов), он полагал допустимым и достаточным опираться на результаты экспериментов, основанных на трасологических наблюдениях. Однако, как уже упоминалось, этот аспект логики исследования в развернутом виде также не представлен в публикациях С. А. Семёнова, что позволяет предполагать в них преобладание наследованных от учителя, П. П. Ефименко, взаимно дополняющих друг друга рационально-аналитического и интуитивного подходов. Показательным примером этого является ошибочная интерпретация знаменитого «топора из Костёнок I». Исходя из анализа формы и наличия следов заполировки, этот артефакт был рационально-аналитически интерпретирован П. П. Ефименко и впоследствии С. А. Семёновым как топор для рубки дерева. С. А. Семёнов усиливал свою аргументацию более детальным описанием следов и указанием на аналогичную кинематику этнографического орудия — топора-колуна. Несомненно, что в данном случае именно выразительность износа и магия этнографических параллелей полностью заместили собою необходимость экспериментов для обоих исследователей (Гиря, Ресино, 2002. С. 178, 179).

Несмотря на все несовершенства (вполне простительные «детскому возрасту» метода), появление направления, специально посвященного исследованиям следов, стало одним из наиболее ярких явлений мировой археологии XX в. В наши дни семёновский подход все чаще именуют «археологической трасологией», актуальность его применения и, как следствие, востребованность в науке только возрастают.

Сам термин «трасология» происходит не из археологии, а из российской криминологии (от французского *tracé* — след и греческого *logos* — учение, дословно — учение о следах). Его ввел в науку выдающийся российский и советский криминолог и историк права Михаил Николаевич Гернет (рис. 3)

для обозначения одного из разделов библиографического указателя литературы по криминалистике, изданного в Минске в 1936 г. (*Гернет*, 1936).

Археологическая трасология после С. А. Семёнова

В течение всей своей научной карьеры С. А. Семёнов работал в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР, где при нем к концу 1960-х гг. сформировалась неформальная группа «Первобытная техника», объединившая его учеников. Как отдельное структурное подразделение ЛОИА АН СССР эта группа была утверждена в виде экспериментально-трасологической лаборатории в 1973 г.

Начиная с конца 1970-х гг. количество практикующих трасологию археологов непрерывно росло и в СССР, и за рубежом.

Во главу угла трасологических исследований тех лет ставилось определение функции. С. А. Семёнов даже полагал целесообразным присвоение типам артефактов двойных наименований, первое из которых должно быть функциональным, а второе — морфологическим (*Семёнов*, 1970. Р. 6). Его первая ученица Г. Ф. Коробкова, наследовавшая заведование лабораторией, составляла функциональные тип-листы: «В зависимости от процентных соотношений тех или иных функциональных типов, групп, классов следует различать основные, характерные, значимые, малозначимые и случайные типы, группы, классы» (*Коробкова*, 1987. С. 26, 27). В англоязычной литературе за методом закрепился термин «use-wear analysis» — анализ следов использования, поскольку в первой монографии С. А. Семёнова (*Семёнов*, 1957) понятие «трасология» еще не использовалось и, следовательно, не попало в последующие переводы. Вероятно, поэтому в статье *Use-wear analysis* англоязычной Wikipedia слово «трасология» (traseology) до сих пор упоминается как неологизм (https://en.wikipedia.org/wiki/Use-wear_analysis).

И советские (российские), и зарубежные последователи семёновского метода в одинаковой мере придерживались его традиционных целей: «Цель археологической трасологии заключается, прежде всего, в изучении самих следов изготовления и использования на первобытных орудиях <...> Приемами научного исследования трасологического метода являются изучение орудий труда под микроскопом и установление их функций по следам износа» (*Коробкова, Щелинский*, 1996. С. 2, 3).

И при С. А. Семёнове, и в наши дни большинство археологов воспринимают и используют

термины «трасологический» и «функциональный» как синонимы, как обозначение единого «трасологического (или функционального) метода» (*Там же*. С. 3). Однако, следуя семёновской традиции, следы обработки (включая следы расщепления) также должны входить в зону компетенции археологической трасологии, что, учитывая смысл приведенной цитаты, порождает некоторый диссонанс, нарушающий целостность и логичность общей концепции. Вероятно, поэтому по отношению к следам обработки расщеплением в отечественной литературе нередко используется иной термин — «технологический анализ», который, по нашему мнению, на современном этапе развития археологии уже пора признать избыточным.

Не вызывает сомнения, что за полвека, прошедшие после организации экспериментально-трасологической лаборатории в ЛОИА АН СССР и ухода С. А. Семёнова, трасологические исследования показали свою высокую эффективность. «Сегодня трасологический метод в археологии приобрел синтетическое содержание и является довольно эффективным методом в функциональных исследованиях первобытных орудий труда» (*Щелинский*, 2001. С. 225).

Он активно внедряется в археологическую практику, расширяя временные и географические рамки исследований. Археологическая трасология вскрыла новые пласты источников о техниках и технологиях в древнейшем прошлом. Получены принципиально новые данные для реконструкции древнейших этапов развития материальной культуры. Проведены многочисленные экспериментальные работы, направленные на выявление основных закономерностей в образовании следов, созданы внушительные коллекции экспериментальных орудий — «эталонов» — из камня и органических материалов.

Помимо экстенсивного развития нельзя не отметить, что за те же 50 лет в развитии археологической трасологии было сделано немало важных шагов, качественно изменивших и усовершенствовавших сам метод. К таковым, безусловно, следует отнести работы В. Е. Щелинского и Л. Кили, показавших перспективность специальных исследований заполировок как сложных комплексов следов износа, морфология которых отражает и кинематику движения, и вид контактного материала. По сути в середине 1970-х гг. этими двумя работавшими порознь исследователями были представлены принципиально новые диагностические возможности уже описанного ранее С. А. Семёновым

типа следов — заполировок на каменных артефактах (Щелинский, 1974; Keeley, 1980).

Важнейшим вкладом наших зарубежных коллег в методику трасологических исследований стало введение в практику трасологии «слепого тестирования» не только как способа верификации результатов, но и как мощного инструмента совершенствования метода (Evans, 2014).

Особо значительными и перспективными следует признать работы, направленные на выяснение соотношения формы и функции древнейших орудий (Щелинский, 2001). Выяснение именно такого рода корреляций мы полагаем наиболее продуктивным для развития археологической трасологии и повышения доказательности результатов исследований. Близкий подход был предложен также в работах Э. Бойды (Voëda, 2001).

Следы изучались археологами и до С. А. Семёнова, и после него. Начиная с 1930-х гг. семёновская археологическая трасология создавалась именно как некий вызов, альтернатива формально-типологическому методу исследования древнейших артефактов. Уже к концу 1970-х гг. и типологам стала ясна недостаточность «формального» подхода для определения и содержательного объяснения древнейших типов археологических источников: «Совсем неважно, в каком виде выступает типологический метод, оперирует он ведущими формами или комплексом вещей, используется математический аппарат или акцент делается на субъективном восприятии исследователя. Важно, что полученные данные не имеют нужного для интерпретации уровня. Причина этого состоит в том, что сравниваются не сущности, а явления, не содержания, а формы, что лишает почти все известные археологические культуры содержательных определений» (Синицын, 1977. С. 161).

Трезво оценивая современное состояние науки о следах, мы полагаем необходимым также признать, что надежность и доказательность трасологических заключений всегда зависела и все еще во многом зависит от авторитета исследователя, а порою, к сожалению, и целиком определяется только им. Последнее обстоятельство — зависимость от авторитетности личности исследователя — особенно неприемлемо и недопустимо. Оно не только вносит угрозу чрезмерного влияния субъективного фактора на определения и, следовательно, на результаты и выводы, но и, безусловно, дискредитирует сам метод. Мы полагаем, что причины этого лежат именно в недостатках методологии — в отсутствии прошедшей апробацию общепринятой строгой и выверенной

системы принципов, правил и норм. Большая часть зарубежных методических разработок в последние десятилетия концентрируется прежде всего на осмыслении познавательных возможностей экспериментального подхода как такового (Marreiros et al., 2020).

Наряду с этим необходимо подчеркнуть, что отсутствие общей методологии и конкретных инструкций-методик ее практического исполнения невозможно заменить совершенствованием технических средств наблюдения, анализа и фиксации следов. Безусловно, развитие современных технологий постоянно открывает перед археологической трасологией новые горизонты, оказывая влияние и на возможность решения сложных задач наблюдения и фиксации следов, и на качество их выполнения. Однако без конкретизации алгоритмов, логических основ экспериментально-трасологических исследований совершенствование технического оснащения само по себе не отменяет и не заменяет необходимость развития методики. К примеру, напрасные споры о преимуществах применения большого или малого увеличения, на наш взгляд, следует отнести к тем же болезням роста археологической трасологии. На самом деле, все зависит не столько от личных возможностей или привычек исследователей, сколько от характеристик и, главное, размеров изучаемых следов. Следы очень разнообразны. Многие из них действительно могут быть вполне доказательно определены без каких-либо увеличительных приборов путем простого наблюдения невооруженным глазом. Иные следы можно исследовать лишь с помощью микроскопа, а для исследования кратеров на Луне — следов падения астероидов — необходим мощный телескоп. Напомним, что около 10 лет Г. Ф. Коробкова посвятила разработке методики макротрасологии «для массового функционального определения индустрий прошлого без специального исследования их под микроскопом» (Коробкова, 1987. С. 34).

Исходя из сказанного выше, мы полагаем, что доказательная интерпретация может стать одним из перспективных направлений развития археологической трасологии и формальной типологии как двух неразрывных частей археологии первобытности, которое обеспечит возможность анализа не явлений, а сущностей в материальной культуре прошлого на основе более полного раскрытия тех возможностей, которые предоставляет нам исследование следов как особого и все еще не в полной мере востребованного вида археологических источников.

Концепция доказательной интерпретации археологических источников

В данной статье мы представляем концепцию доказательной интерпретации в общем виде. Сама концепция — это декларация намерений, она не предлагается и не рассматривается нами в качестве непреложной истины. Все изложенные здесь положения находятся в стадии разработки и являются предметом давно идущих открытых дискуссий. Избыточность или недостаточность предлагаемых нами положений, обоснованность введения новых терминов и связанных с ними понятий будут определяться на практике, в ходе работы с археологическими материалами и постановки экспериментов.

Концепция не нова, она разрабатывалась около 20 лет. Основные ее положения были изложены и обсуждены в ходе лекций и семинаров в университетах Бордо III, Хоккайдо, а также в Московском, Санкт-Петербургском, Цзилиньском и Пекинском объединенном университетах, в докладах на заседаниях и конференциях ИИМК РАН, ИА РАН, международной ассоциации трасологов (AWRANA) в Барселоне и Ницце.

Основное различие между предлагаемой концепцией и археологической трасологией состоит в том, мы не намерены концентрировать усилия только на исследовании функции и/или технологии производства орудий путем изучения следов. Наряду с этим, в полной мере следуя в русле семейной традиции, мы также полагаем недостаточным рассматривать в качестве «основных типов» древнейших артефактов лишь изделия «с вторичной обработкой». Для нас, как и для С. А. Семёнова, видимые невооруженным глазом макроследы (оббивки, ретуши, шлифовки и пр.) в такой же степени определяют артефакты, как и видимые лишь под микроскопом следы использования или транспортировки. Более того, мы уверены в том, что без исследования всех видов изменений поверхностей артефактов на макро- и микроуровнях возможности интерпретации как самой «вторичной обработки», так и общей формы артефактов в целом оказываются априори ограниченными.

Вся история развития археологии первобытности свидетельствует о том, что ограничение задач исследований рассмотрением только форм или только следов в равной степени непродуктивно и пагубно. Поэтому вместо создания тип-листов — списков форм или альтернативных им функционально-трасологических тип-листов — мы полагаем возможным и необходимым построение типологии древнейших

археологических источников на основе аналогий и их интерпретаций.

Исходя из этого, исследования российско-китайской лаборатории доказательной интерпретации ориентированы на определение и толкование любых материальных свидетельств поведения людей в доисторические и исторические эпохи на основе анализа различных видов материальных источников — артефактов, природных форм (натурфактов), следов и конструкций. Доказательная интерпретация в нашем понимании должна представлять собой органическое продолжение и синтез основных достижений экспериментально-трасологического и формально-типологического подходов современных отечественной и зарубежных археологических школ. Целью разрабатываемой методики является определение древнейших типов артефактов как результатов аналогичных видов поведения людей.

Внешнее подобие форм в различных археологических контекстах не гарантирует действительного подобия связанных с этими формами видов деятельности людей в древности. Простое сопоставление, комбинация результатов морфологического описания и анализа следов использования и/или обработки, выполненное, к примеру, в форме функциональных тип-листов, также не имеет обнадеживающих перспектив. Необходимо сначала достичь понимания морфологии артефактов (равно как и других видов археологических источников), определить действительные причины ее формирования и лишь потом приступать к типологии (типологии сущностей — интерпретаций, а не типологии явлений — следов или форм без значений).

С одной стороны, мы полагаем необходимым стремиться к достижению максимально содержательных определений как всех форм артефактов, так и природных объектов, происходящих из археологических контекстов.

С другой — не ограничиваясь вопросами «соотношения формы и функции», по выражению В. Е. Щелинского, мы намерены расширять круг исследуемых феноменов через доказательную интерпретацию всех видов следов в контексте форм предметов искусственного и/или природного происхождения.

Поскольку все археологические источники представляют собой материальные объекты, в задачи археологии входит поиск и получение гуманитарных по сути данных о далеком прошлом человечества из вещественных источников. «Человек в процессе производства может

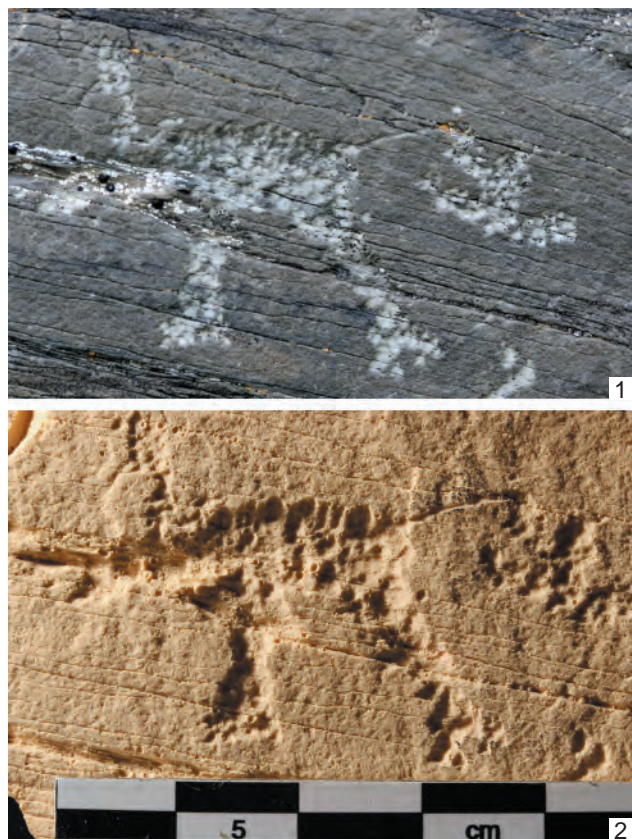

Рис. 4. Следы обработки (изображение плывущего оленя и охотника в байдарке, бросившего гарпун, выполненное микропикетажем). Река Пегтымель, Чукотка, Россия. Изображение выполнено стальным инструментом в виде иглы или шила. До доказательной интерпретации это изображение относили к неолиту. Фото Е. Гири (1) и Е. Девлет (2)

Fig. 4. Traces of processing (image of a swimming deer and a hunter in a kayak throwing a harpoon, made by micro picketing). Pegtymel River, Chukotka, Russia. The image is made with a steel tool in the form of a needle or awl. Before the evidentiary interpretation this image was attributed to the Neolithic. Photo by E. Girya (1) and E. Devlet (2)

действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы» (Маркс, 1952. Т. 1. С. 49, 50). Таким образом, исходя из того, что все процессы материального взаимодействия подчинены единым естественным закономерностям, опираясь на знание результатов природных процессов, принципиально возможно определить «надприродное» в формировании материальных объектов.

Знание законов образования и видоизменения форм в технологических и/или природных

процессах мы предлагаем называть *морфономией*. Морфономия как понятие выводится из постулата: в ходе аналогичных процессов взаимодействия твердых тел форма и/или рельеф их поверхностей видоизменяются аналогичным образом (Гири, 2017. С. 43; Girya, 2022. Р. 45). Любые процессы взаимодействия твердых тел оставляют следы. Аналогичные процессы приводят к возникновению аналогичных следов и/или изменений исходных форм рельефа поверхности. Другими словами, изменения исходных форм и/или рельефов поверхностей могут рассматриваться как индикаторы сходства или различия породивших их процессов, что верно как для естественных (природных) видов взаимодействий, так и для искусственных — технологических. И те, и другие в одинаковой степени являются проявлением единых и неизменных свойств материального мира.

Исходя из неизменности свойств веществ, морфономия каждого конкретного технологического процесса принципиально познаваема через эксперимент, многократно воспроизводима и проверяема. Составляя программу эксперимента, исследователь прогнозирует его возможные результаты, исходя из своих представлений о закономерностях моделируемого процесса взаимодействия — морфономии. В ходе контролируемых археологических экспериментов мы проверяем соответствие или несоответствие таких прогнозов действительным свойствам веществ — естественным, не зависящим от нашей воли причинно-следственным связям между моделируемыми процессами и их результатами. Самые простые эксперименты такого рода — проверка естественных пределов возможного в тех или иных технологических процессах. К примеру, при исследовании петроглифов Пегтымеля (Чукотка, Россия) была экспериментально доказана невозможность выполнения большинства изображений каменными орудиями, хотя ранее все изображения относили к каменному веку (Диков, 1971). Судя по морфологии следов, отдельные уникальные «мини-петроглифы» Пегтымеля были сделаны с помощью стального шила (рис. 4).

Кроме того, из сказанного также следует, что археологический эксперимент может быть признан доказательным лишь тогда, когда он нацелен на выявление или верификацию проявлений морфономии конкретного процесса взаимодействия. Для того чтобы быть по-настоящему научными, доказательными, археологические эксперименты не должны сводиться к реплицированию, воспроизведению форм артефактов, следов или

конструкций. Они должны быть нацелены на определение морфономии — естественных закономерностей возникновения конкретного типа изменений состояний веществ, форм предметов, следов на их поверхностях и их контекстов в результате моделируемых в эксперименте процессов.

Формы твердых тел (предметов) в природе и рельефы их поверхностей целиком и полностью определяются природой их образования (возникновения). Знание этой природы позволяет нам, судя по облику предметов, понять причины их происхождения. Именно таким образом мы определяем предметы и объекты как кристаллы, гальки, сколы, ледниковые шрамы, вулканические «бомбы», обломки костей и зубов животных, фрагменты скорлупы и т. д.

Древнейшие предметы из минералов или органических материалов определяются нами как изделия не благодаря их очертаниям или повторяемости форм, а благодаря следам или хотя бы их остаткам в контекстах форм. Именно доказательство наличия следов неприродного происхождения является решающим аргументом при определении артефактов. Обретая на своих поверхностях следы, нехарактерные для природных процессов (технологические), камни, кости, раковины и т. д. становятся для нас артефактами (рис. 5). Все виды археологических источников, включая артефакты, не вечны. После выпадения из человеческого обихода они неминуемо вновь превратятся в природные объекты, когда признаки человеческого воздействия окончательно будут уничтожены иными следами — следами естественных процессов.

Следы представляют собой определенный вид изменения рельефа естественной или искусственной поверхности (Гиря, 2015). Они опознаются, анализируются и интерпретируются путем сравнения характера исходной (невидоизмененной) поверхности с изучаемой. Без знаний исходного рельефа любые формы его изменений не могут быть ни опознаны, ни интерпретированы, то есть «исходная поверхность» — это одно из базовых понятий трасологических исследований любого вида (археологических, геологических, биологических или криминалистических).

В русском языке слово «следы» очень многозначно, причем далеко не все его определения приемлемы в уже существующей археологической лексике. К примеру, микроостатки (micro-remains, residues) органических или минеральных веществ не должны именоваться «следами» в узком (археологическом) понимании этого термина.

Они являются объектами естественных наук, определяются и изучаются по иным методикам.

Следы различных видов человеческой деятельности различаются по степени контроля, намеренности их создания и/или возникновения. Следы обработки создаются намеренно; следы использования возникают не случайно, но не специально; следы общего неутилитарного износа возникают и случайно, и не намеренно, но благодаря деятельности человека.

Следы обработки — результат намеренного контролируемого воздействия на предмет с целью изменения его формы. К следам такого рода относятся следы расщепления (негативы и позитивы сколов), следы пикетажа, шлифовки, пиления-резания, сверления, рубки и т. д. Форма и размеры следов обработки определяются мастером, поскольку создание этих следов является желаемым результатом в изменении формы предмета или объекта, иными словами, целью его работы (рис. 6).

Следы использования — следы износа рабочих участков орудий в ходе их применения. Возникновение данного типа следов происходит независимо от воли человека. Эти следы формируются естественным образом в ходе процесса использования орудия. Конечный или полный износ рабочего края определяется возникновением таких его качеств, из-за которых орудие уже невозможно или почти невозможно использовать по назначению. В каждом конкретном процессе использования износ рабочих участков орудия происходит по особому сценарию.

Общий недифференцированный неутилитарный износ поверхностей любых артефактов не связан с каким-либо технологическим процессом. Он возникает на поверхностях вещей в процессе их пребывания в человеческом обиходе, во время манипуляций предметами различного вида. Форма и размеры следов общего, не связанного с определенной функцией (неутилитарного), износа не контролируются человеком, но определяются характером его деятельности. Такие следы возникают естественным образом в процессе рутинного обращения с вещами, точнее — благодаря контактам между предметами, причиной возникновения которых является человек (Гиря, Ресино, 2002; Гиря, 2015). Следы совместной транспортировки предметов — частный случай, особый вид общего неутилитарного износа (рис. 7). К такому же, особому, типу следов общего неутилитарного износа следует относить и следы вытаптывания на предметах из культурного слоя. В некоторых случаях

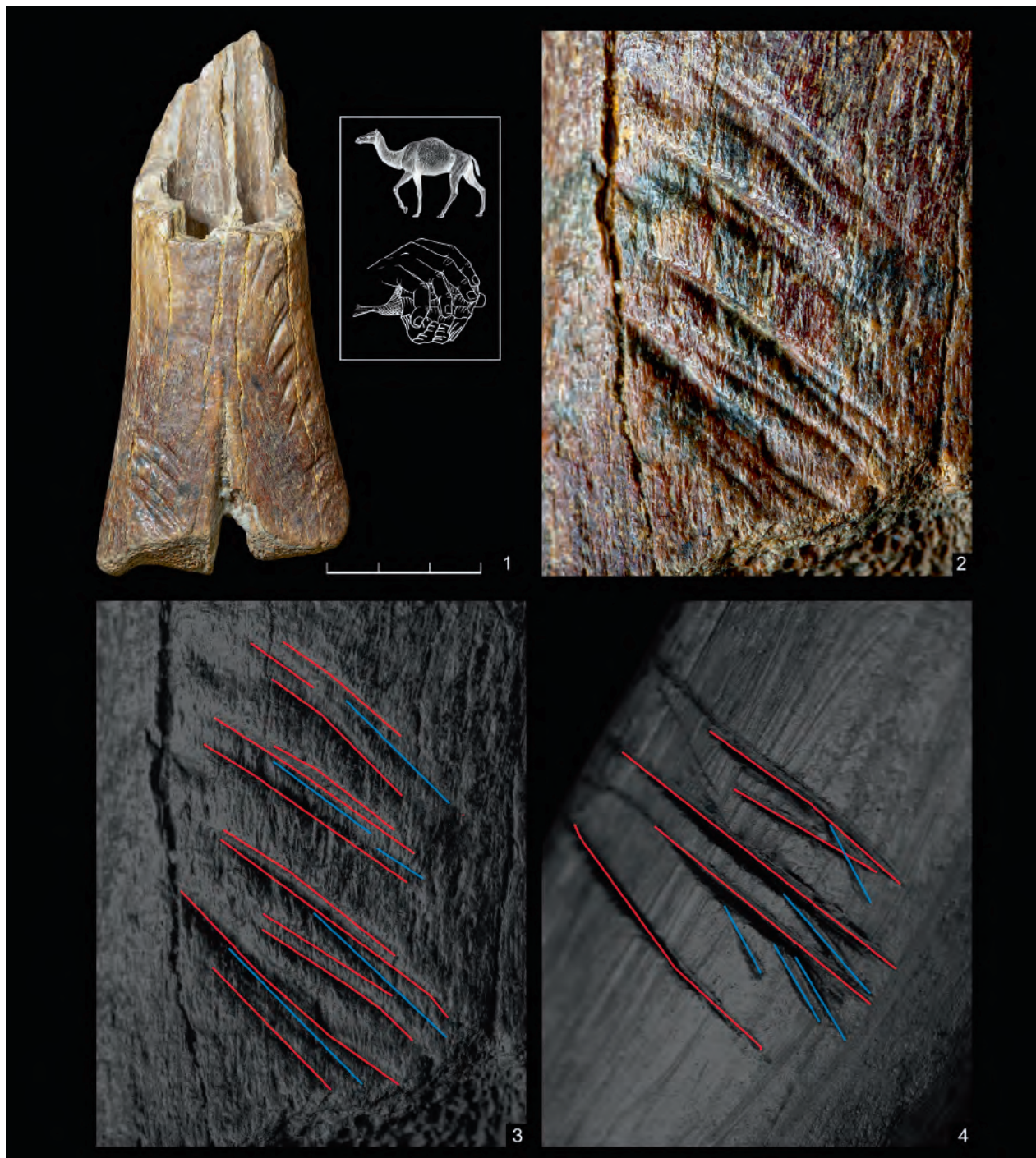

Рис. 5. Древнейший артефакт Евразии — дистальный фрагмент задней правой метаподии древнего верблюда *Paracamelus alutensis* (ЗИН № 35676), возраст 2,1 млн лет, Ливенцовский карьер (Ростов-на-Дону), открытие М. В. Саблина (Саблин, Гиря, 2010): 1 — следы резания-пиления (с левой стороны) и рубки (с правой); 2 — следы резания-пиления вильчатой формы, свидетельствующие об использовании орудия с изогнутым или зигзагообразным лезвием; 3 — прорисовка следов вильчатого типа на кости из Ливенцовского карьера; 4 — вильчатые следы резания-пиления свежей кости каменным чоппером с изогнутым лезвием, эксперимент. Фото Е. Гиря, рисунок А. Тришкиной

Fig. 5. The oldest artifact of Eurasia — distal fragment of the back right metapodia of the ancient camel *Paracamelus alutensis* (ЗИН № 35676), age 2.1 million years, Liventsovsky quarry (Rostov-on-Don) discovered by M. V. Sablin (Саблин, Гиря, 2010): 1 — traces of cutting-sawing (on the left side) and chopping (on the right side); 2 — fork-shaped cutting-sawing traces indicating the use of a tool with a curved or zigzag blade; 3 — drawing of fork-type traces on bone from the Liventsovsky quarry; 4 — fork-shaped traces of cutting-sawing of fresh bone with a stone chopper with a curved blade, experiment. Photo by E. Girya, drawing by A. Trishkina

Рис. 6. Костяная подвеска с биконическим отверстием, следами резания-развёртывания и абразивной обработки, стоянка Рожок I, культурный горизонт VI, средний палеолит, раскопки Н. Д. Праслова, открытие А. В. Колесника (*Колесник и др.*, 2023): 1 — общий вид изделия с остатками кальцитового натека; 2 — прорисовка изделия, красной линией показаны плоскости абразивной обработки. Фото Е. Гиря, рисунок А. Тришкиной

Fig. 6. Bone pendant with a biconical hole, traces of cutting and abrasive processing, Rozhok I site, cultural horizon VI, Middle Paleolithic, excavations by N. D. Praslov, discovery of A. V. Kolesnik (*Колесник и др.*, 2023): 1 — general view of the item with the remains of calcite patina; 2 — drawing of the item, red line shows the planes of abrasive processing. Photo by E. Girya, drawing by A. Trishkina

следы этого типа износа могут имитировать даже следы вторичной обработки (рис. 8).

Для обозначения результатов воздействия — последствий естественных или искусственных (технологических) процессов взаимодействия — мы предлагаем использовать термин «ном». В рамках предлагаемой концепции ном (от греч. *nomos* — закон, административная единица) — это определенный вид изменения формы и/или рельефа поверхности, возникший в результате

естественного или искусственного воздействия или ряда однородных воздействий. По сути это следы, рассматриваемые в контексте формы предмета, то есть это не исключительно изменение исходной формы рельефа поверхности. В зависимости от вида процесса взаимодействия и свойств участвующих в нем материалов ном может выражаться не только в появлении следов (царапин, заполировки и т. д.), но и в изменении общей формы предметов: фрагментации, снятии сколов,

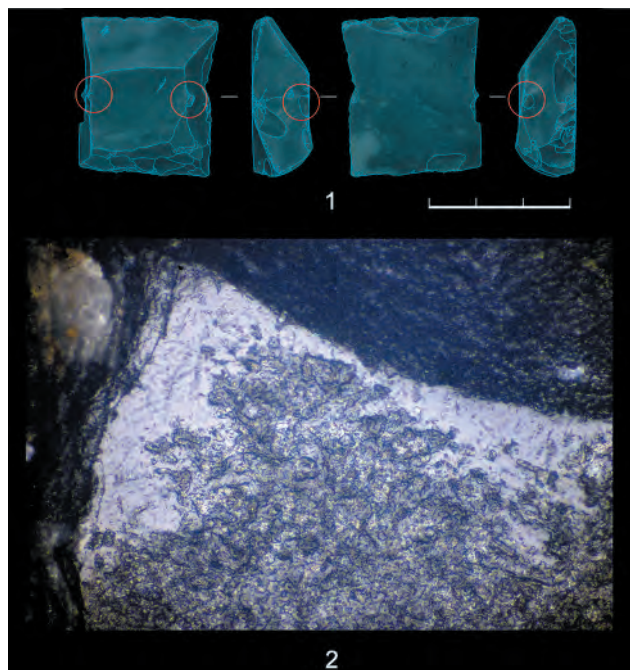

Рис. 7. Следы производства и совместной транспортировки на ружейном кремне английского производства XIX в., Гижигинск, Магаданская область, раскопки И. Понкратовой: 1 — синим цветом указаны места распространения износа, красным — следы обработки — конусы контролируемой контрударной фрагментации кремневых пластин стальным орудием; 2 — облик следов от транспортировки кремней в плотной упаковке, $\times 200$: абразивное истирание и скругление межфасеточного ребра; слабая общая заполировка поверхности; крупное пятно плоской сплошной заполировки (твёрдого кремнезоля) типа «G» с разнонаправленными линейными следами в виде царапин различных форм и размеров. Фото Е. Гири, рисунок А. Тришкиной

Fig. 7. Traces of production and joint transportation on a gun flint of English production of the 19th cen., Gizhiginsk, Magadan region, excavations by I. Ponkratova: 1 — blue color indicates places of wear distribution, red — traces of processing—cones of controlled counter-impact fragmentation of flint plates with a steel tool; 2 — appearance of traces from transportation of flints in a dense package, $\times 200$: abrasive attrition and rounding of the interfacet rib; weak general polishing of the surface; large spot of flat solid polishing (hard flint) of type “G” with multidirectional linear traces in the form of scratches of various shapes and sizes. Photo by E. Girya, drawing by A. Trishkina

появлении плоскостей истирания и т. д. Номы — это целостные системы взаимосвязанных признаков изменений формы предмета и рельефов его поверхностей, объединенные единой морфономией — единой природой происхождения.

Номы следов на рабочих участках орудий всегда физически взаимосвязаны с формами этих участков, поскольку каждый конкретный тип

Рис. 8. Псевдоорудие из пещеры Ахштырь, Северный Кавказ, средний палеолит, раскопки С. Кулакова. Естественный обломок кремня с крутой ретушью ортогональных краев и микроследами, соответствующими гешталту предметов, сформированных в процессе вытаптывания. Фото (1) и макроснимок (2) Е. Гири

Fig. 8. Pseudo-tool from the Akhshtyr cave, North Caucasus, Middle Paleolithic, excavations by S. Kulakov. Natural flint fragment with steep retouch of orthogonal edges and microtraces corresponding to the gestalt of objects formed during trampling. Photo (1) and macro view (2) by E. Girya

взаимодействия предметов внутри технологических процессов требует наличия определенной формы орудия — нож должен иметь лезвие, а шило — острие. Такие естественно обусловленные требования к формам предметов взаимодействия являются неотъемлемой составляющей любых технологических процессов и представляют собой «технологическую необходимость».

Любые номы распознаются путем сравнения с исходными формами и/или характером рельефа поверхности предметов и объектов. Далек не всегда номы могут быть определены путем простого наблюдения и/или сравнения форм. Номы

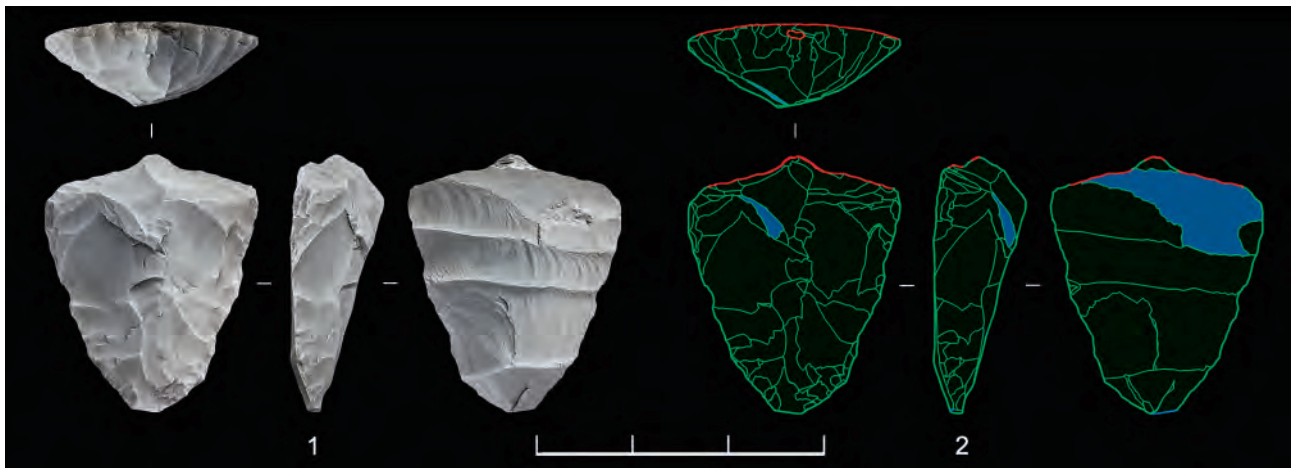

Рис. 9. Скребок с шипом, Северо-Западная Сибирь, бронзовый век, раскопки Н. Алексашенко. Стратиграфия и топография номов различного происхождения, представляющих сложный гештальт артефакта: стратиграфически первые следы транспортировки преформы (показаны голубым), следы обработки отжимной ретушью (показаны зеленым), стратиграфически последние следы скобления-резания кости (показаны красным). Фото Е. Гири (1), рисунок А. Тришкиной (2)

Fig. 9. Scraper with a spike, North-Western Siberia, Bronze Age, excavations by N. Aleksashenko. Stratigraphy and topography of nomos of different origins, representing the complex gestalt of the artifact: stratigraphically the first traces of preform transportation (shown in blue), traces of processing by squeezing retouch (shown in green), stratigraphically the last traces of bone scraping-cutting (shown in red). Photo by E. Girya (1), drawing by A. Trishkina (2)

износа лезвий ножей или скребков (формирование следов резания или скобления) обычно невооруженным глазом не видны, поскольку не изменяют общей формы орудия, этим они отличаются от номов срабатывания каменного или рогового отбойника в процессе расщепления.

Поскольку номы формируются по естественным законам, в основном логике их возникновения (морфологию) можно понять, воспроизвести и верифицировать экспериментально. Это едва ли не самое главное качество, обуславливающее необходимость введения термина «ном». От правильности определения нома зависят достоверность и доказательность его интерпретации.

Для описания одиночного нома (или определенного множества номов) в контексте общей формы предмета (артефакта или предмета естественного происхождения) мы используем термин «гештальт». Гештальт происходит из немецкого философского лексикона и употребляется нами в одном из его значений — это целостный образ объекта, создаваемый нашим восприятием. В приложении к нашим целям под гештальтом предмета мы понимаем его форму и все номы естественного и/или искусственного происхождения, их топографию и стратиграфию, отражающие различные периоды формирования пред-

мета — его «жизнеописание» (рис. 9). Отдельные элементы гештальта (номы), возникшие в результате процессов с различными морфономиями, могут быть не связаны друг с другом естественными причинно-следственными связями.

Определение и объяснение конкретного гештальта представляет собой интерпретацию природного объекта или археологического источника. К примеру, морская галька может быть определена простым обывателем по форме. Геолог-специалист сможет отличить речную гальку от морской. Специалист-трасолог по форме, следам окатывания и выветривания сможет определить окатанную в ледниковом потоке морскую гальку, долго лежавшую на открытой поверхности в пустыне. По форме артефакта, следам общего износа, обработки и использования, а также их стратиграфии и расположению на предмете археолог сможет определить обломок ножа, переделанный в скребок для дерева после долгой транспортировки в кожаном мешке.

Анализ гештальта артефакта в контексте его обнаружения в культурном слое может служить дополнительным источником информации для его доказательной интерпретации. Например, обнаруженный на стоянке Зарайск Е предмет с абсолютно нехарактерной для костёнковской культуры

Рис. 10. Бифас из ямы с охрой со стоянки Зарайск Е, верхний палеолит, костёнковская культура, раскопки С. Ю. Льва: 1 — общий вид бифаса; 2 — прорисовка негативов сколов оформления (штриховкой указаны остатки поверхности исходного отщепа-заготовки, синим цветом — сколы основного, зеленым — сколы завершающего этапа обработки); 3а, 3б — следы длительной транспортировки на плоской стороне: крупное пятно плоской сплошной заполировки (твёрдого кремнезёла) типа «G» с разнонаправленными линейными следами в виде царапин различных форм и размеров; 4а, 4б — следы длительной транспортировки на продольных краях бифаса. Фото Е. Гири, рисунок А. Тришкиной. Масштаб: 1, 2 — исходный размер; 3а, 3б — увеличение ×3; 4а, 4б — увеличение ×5

Fig. 10. Biface from a pit with ochre, Zaraisk E site, Upper Paleolithic, Kostyonki culture, excavations by S. Yu. Lev: 1 — general view of the biface; 2 — drawing of the negatives of chipped decoration (hatching indicates the remains of the surface of the initial chip-billet, blue — chipping of the main and green — chipping of the final stage of processing); 3a, 3b — traces of prolonged transportation on the flat side: large spot of flat continuous polishing (hard silica) of type “G” with multidirectional linear traces in the form of scratches of different shapes and sizes; 4a, 4b — traces of long-term transportation on the longitudinal edges of the biface. Photo by E. Girya, drawing by A. Trishkina. Scale: 1, 2 — original size; 3a, 3b — magnification ×3; 4a, 4b — magnification ×5

бифасиальной обработкой (рис. 10) представлял собой «не копье и не дротик, поскольку его кончик даже не пытались сделать по-настоящему острым, это не кинжал и не нож, так как продольные края его абсолютно тупы... не сверло и не скребок... Судя по следам износа, этот артефакт отнюдь не все время лежал в яме, где его обнаружили. Он участвовал в каких-то весьма активных действиях, им манипулировали, его долгие годы хранили и переносили совместно с какими-то иными каменными предметами. Скорее всего — это символ, скульптура орудия, сделанная из обычного для орудий материала несколько необычным образом и имеющая необычную для костёнковской культуры форму. Этот артефакт был найден в месте, где древние зарайцы, представители костёнковской культуры, очевидно, оставляли значимые предметы-символы; именно в таких контекстах были обнаружены и знаменитые костёнковские венеры и не менее знаменитая статуэтка зарайского бизона» (Лев, Гиря, 2022. С. 35).

Если отдельные номы, составляющие гештальт, неясны, интерпретация строится на основании причинно-следственных связей, установленных экспериментально или при наблюдении результатов природных процессов.

При отсутствии затруднений в идентификации номов их представление, описание и аргументация выводов все равно необходимы, поскольку только такую интерпретацию будет правомерно называть доказательной. Доказательная (благодаря контролируемым наблюдениям или модельным экспериментам) интерпретация номов обеспечивает возможность выявления аналогичных гештальтов предметов или объектов.

Гештальты природных объектов (натурфактов) как совокупности номов полностью определяются природой и потенциально проверяемы

либо экспериментально, либо контролируемые наблюдениями результатов природных процессов. В данном случае, поскольку и сами номы, и их организация имеют природное происхождение, их можно изучать так же, как и любые иные естественные явления.

Гештальты предметов и объектов, появившихся в результате действий человека (артефактов), не во всем определяются природными законами и как таковые экспериментальной проверке не подлежат. Номы, составляющие такой гештальт, имеют природное происхождение и подлежат экспериментальной проверке, а их организация — не в полной мере, потому что значительная ее часть зависит от фантазии и воли человека: его знаний, эстетических потребностей, способностей, мастерства, творчества и т. д. Человек изменяет формы природных объектов по своей воле, но лишь в пределах возможного в природе. И, по уже процитированному выражению К. Маркса, в этом «труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы».

Выявление комплекса предметов с морфологически однородными гештальтами может служить основой для выделения типичного природного или культурно-нормированного формообразования, то есть для выделения типа определенного археологического или природного феномена.

Таким образом, типы артефактов или натурфактов, выделенные предлагаемым образом, определяются не только по аналогии форм предметов или следов на их поверхностях, а на основе аналогии их интерпретаций — аналогичных гештальтов. Такие типы, безусловно, имеют достоверное смысловое наполнение, что, с нашей точки зрения, должно удовлетворить требованиям и трасологов, и приверженцев типологии форм как таковых.

В качестве примера приведем широко известные ножи костёнковского типа из многочисленных стоянок верхнепалеолитической костёнковской культуры Восточной Европы. Заготовками для этих изделий служили крупные пластины, которые сами по себе, в их исходном виде, являлись уже готовыми ножами. По мере надобности лезвия этих ножей либо притупляли ретушью, либо приостряли снятием плоского резового скола. В результате мы имеем различные (формально) изделия со следами использования в разных функциях. Такой нож на разных этапах использования-переоформления мог представлять некое множество форм, объединенных специфическим, характерным именно для данной культуры, способом подправки лезвия исходной ножевидной пластины. Дошедшие до нас конечные формы и следы использования этих орудий разные, а тип орудия — один (рис. 11).

Предметы или объекты без номов, гешталты которых невозможно определить, не существуют. Любые материальные предметы, представляющие «объективную реальность, данную нам в ощущениях» (Ленин, 1968. С. 149), имеют принципиально познаваемые форму и рельеф поверхностей. Последнее не означает, что все номы легко узнаваемы и без труда определимы — вовсе нет. Далеко не всегда удается определить следы с желаемой точностью. Иногда на поиски правильной интерпретации уходят годы (рис. 12).

Кроме того, номы различного происхождения могут перекрывать друг друга, частично видоизменяя или полностью уничтожая предшествующие. Лишь в редчайших случаях археологам удается находить палеолитические артефакты без следов повреждений. Следы «от залегания в слое» нередко имитируют следы использования и/или перекрывают их. Следы длительной транспортировки каменных или костяных изделий могут видоизменить или даже уничтожить следы их использования, а иногда и следы их обработки. Результаты наложения различных следов — последовательного формирования номов с различной морфологией на одном и том же участке предмета — представляют собой особый круг проблем, к изучению которых мы только начинаем приступать (рис. 13).

Несомненно, доказательной интерпретации должны подлежать все виды археологических источников: культурные слои, предметы, следы и конструкции. Именно доказательная интерпретация культурного слоя и отдельных его элементов, а не размеры раскопа, представляла

собой новаторскую суть методики «раскопок широкими площадями» П. П. Ефименко в конце 1920-х — 1930-х гг. (Ефименко, 1958). К сожалению, даже при удовлетворительной сохранности археологических источников археологи далеко не всегда уделяют внимание исследованию всех их разновидностей. Для археологии древнейших эпох особую важность представляет вопрос отличия предметов, следов и конструкций природного происхождения от искусственно созданных. Поверхности костей, зубов и бивней мамонта на палеолитических стоянках необходимо изучать специально как с целью выявления прижизненного износа, так и в поисках любых иных следов, появившихся после гибели животных до попадания в культурный слой.

Единственный объективный способ верификации правильности интерпретации номов — это контролируемое наблюдение естественных явлений и/или археологический эксперимент. Любые этнографические аналогии сами по себе не имеют доказательного значения. Они подлежат обязательному анализу и рассматриваются как результаты «чьих-то» экспериментов. Пределы «чувствительности» метода доказательной интерпретации определяются в ходе «слепого тестирования», а также личным уровнем подготовки каждого исследователя.

Заключение

Археология — единственная дисциплина, предназначение которой состоит в поиске, выявлении и объяснении достоверных фактов деятельности человека в далеком прошлом и их толковании для современного общества. В этом смысле это фундаментальная гуманитарная наука, работающая исключительно с материальными остатками прошлого. Для того чтобы выполнять свою познавательную функцию, она должна быть объективной, строго научной и экспериментально проверяемой, способной достоверно и доказательно интерпретировать свои источники.

В целом развитие археологической трасологии в России и Китае происходит в русле общих мировых тенденций. Наши достижения и проблемы во многом близки. Значительным шагом к достижению такого уровня стало внедрение в археологическую практику экспериментально-трасологического метода, начавшееся в СССР с работ П. П. Ефименко и С. А. Семёнова в конце 1930-х гг. Издание книги С. А. Семёнова «Первобытная техника» за рубежом, а также интенсификация международного научного обмена в «период

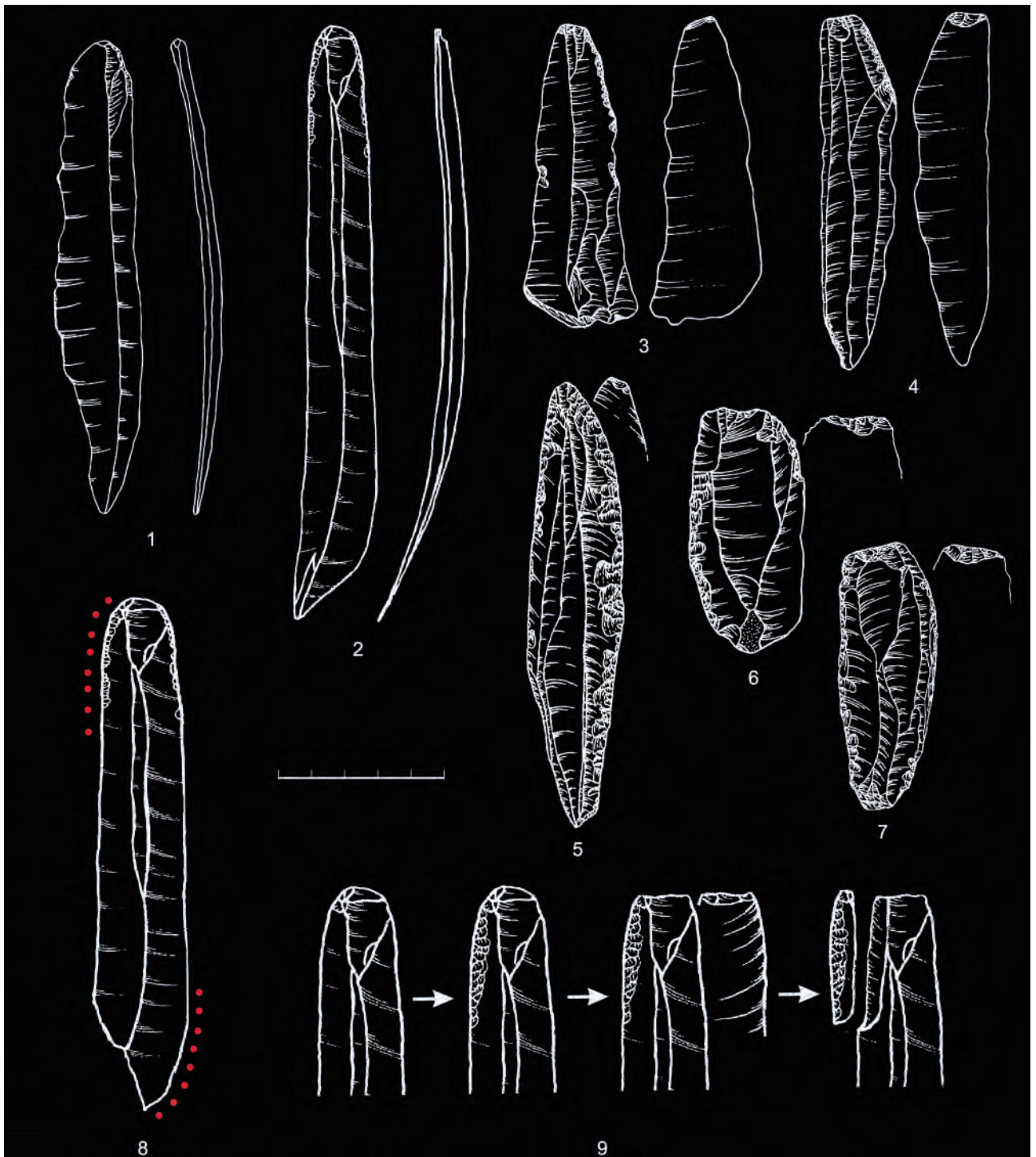
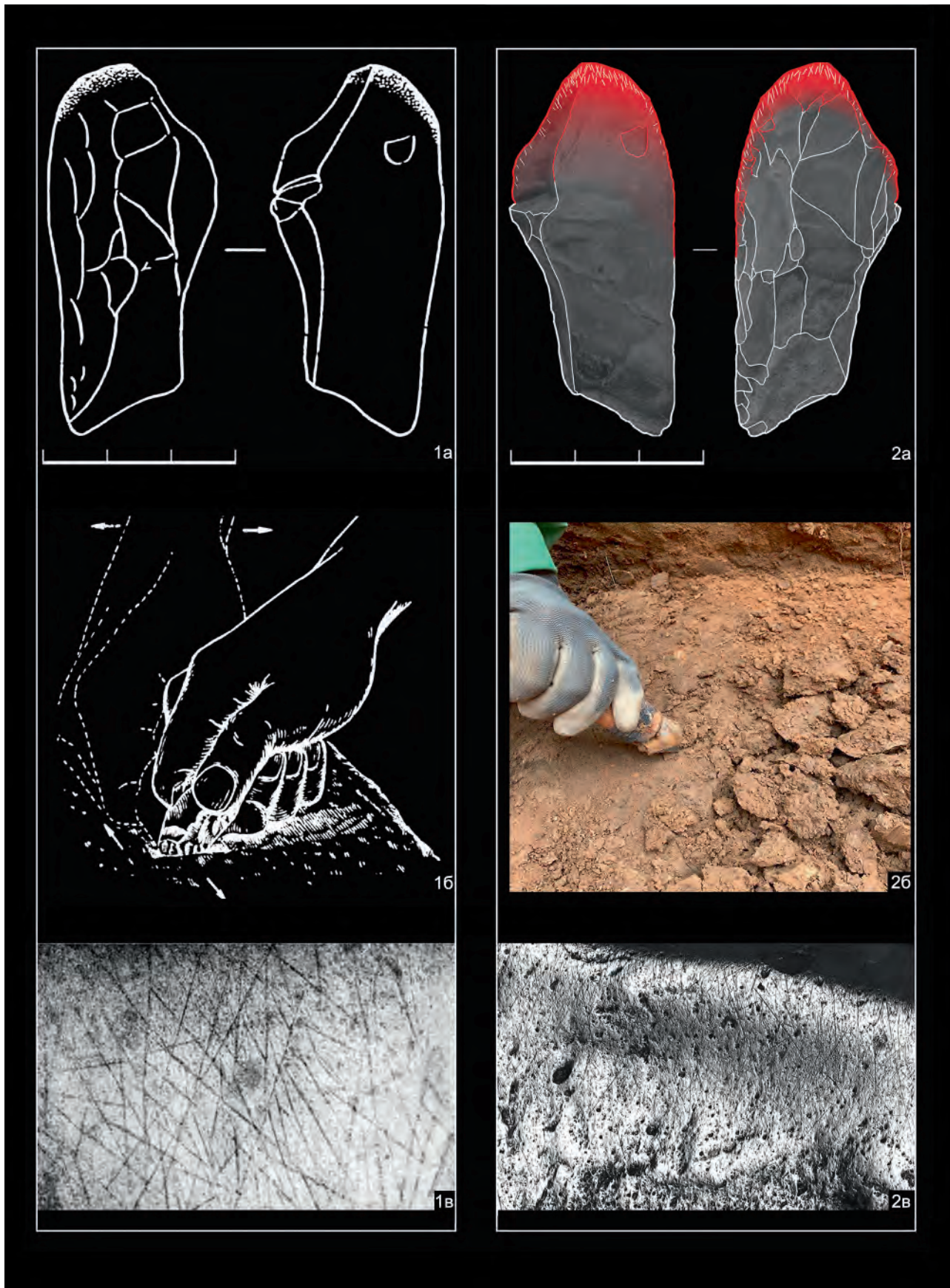

Рис. 11. Ножи костёнковского типа, стоянка Костёнки I (I слой), среднее течение р. Дон, верхний палеолит, раскопки П. П. Ефименко, А. Н. Рогачёва, Н. Д. Праслова: 1-7 — ножи с разными функциями на различных стадиях подправки лезвия; 8 — расположение следов износа на большинстве ножей костёнковского типа; 9 — схема одного из сценариев подправки орудия. Рисунок А. Тришкиной

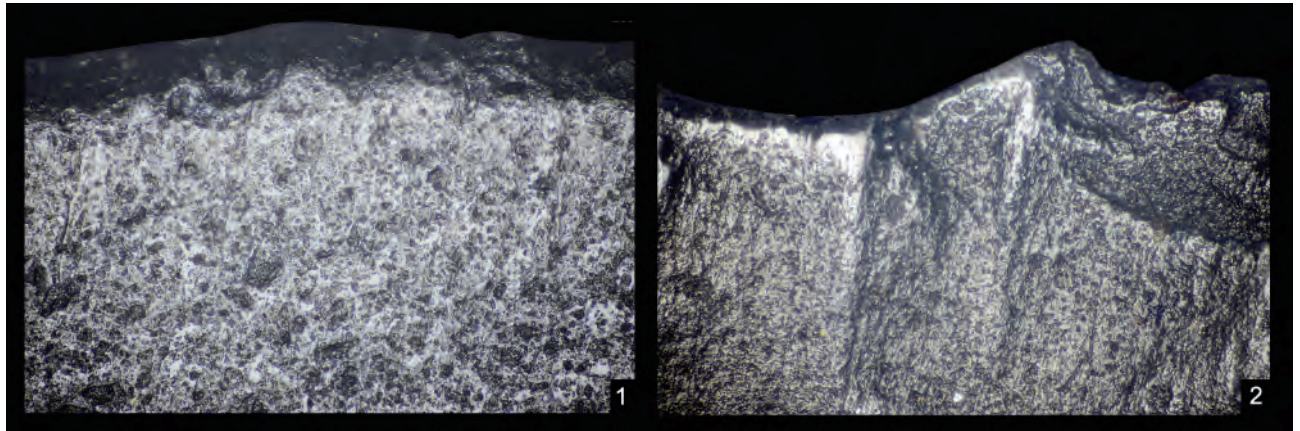
Fig. 11. Kostyonki-type knives, Kostyonki I site (the layer I), middle reaches of the Don River, Upper Paleolithic, excavations by P. P. Efimenko, A. N. Rogachev, N. D. Praslov: 1-7 — knives with different functions at different stages of blade dressing; 8 — location of wear marks on the majority of knives of the Kostyonki type; 9 — scheme of one of the scenarios of tool dressing. Drawing by A. Trishkina

Рис. 12. Орудие со стоянки Сухая Мечётка, средний палеолит, раскопки С. Н. Замятнина: *1a, 1б* — интерпретация С. А. Семёнова (Семёнов, 1957. С. 106), скребло для обработки шкур, орудие удерживается в руке; *1в* — макрофото следов работы; *2a-2в* — современная интерпретация (2021 г.) — орудие для копания грунта (суглинка) (*2a* — локализация следов износа на изделии, *2б* — орудие в рукоятке, *2в* — макрофото следов работы). Фото Е. Гири и Я. Иванова, рисунок А. Тришкиной. Масштаб: *1a, 2a* — исходный размер; *1в, 2в* — увеличение $\times 3$

Fig. 12. Tool from the Sukhaya Mechetka site, Middle Paleolithic, excavations by S. N. Zamyatnin: *1a, 1b* — interpretation by S. A. Semyonov (Semyonov, 1957. С. 106), scraper for processing hides, the tool is held in the hand; *1в* — macro-photograph of work marks; *2a-2в* — modern interpretation (2021 г.) — a tool for digging soil (loam) (*2a* — localization of wear marks on the item, *2б* — tool in the handle, *2в* — macrophotograph of work marks). Photo by E. Girya and Ya. Ivanov, drawing by A. Trishkina. Scale: *1a, 2a* — original size; *1в, 2в* — magnification $\times 3$

Рис. 13. Наложение различных номов следов использования на одном рабочем участке орудия: *1* — результат последовательного образования следов от строгания шкуры (три часа чистого времени работы) и следов от строгания дерева (три часа чистого времени работы), эксперимент, увеличение $\times 200$; *2* — результат последовательного образования следов от строгания дерева (два часа чистого времени работы) и следов от строгания бивня мамонта (четыре часа чистого времени работы), эксперимент, увеличение $\times 200$. Фото Е. Гири

Fig. 13. Superimposition of different nomes of use traces on one working area of a tool: *1* — result of successive formation of traces from skin planing (3 h of net work time) and traces from wood planing (3 h of net work time), experiment, magnification $\times 200$; *2* — result of successive formation of traces from wood planing (2 hours of net work time) and traces from mammoth tusk planing (4 hours of net work time), experiment, magnification $\times 200$. Photo by E. Girya

разрядки напряженности» способствовали распространению археологической трасологии во многих странах мира, где постепенно стали появляться не только исследователи-одиночки, но и целые коллективы специалистов-трасологов. Этот процесс неуклонно идет вперед. С внушающим оптимизмом постоянством, начиная с конференции в Ванкувере в 1977 г. (Hayden, 1979), в наши дни проводятся съезды специалистов, в организации которых важнейшую роль играет уже практически всемирное сообщество трасологии и анализа остатков AWRANA.

Благодаря техническому прогрессу в области приборостроения за последнее десятилетие преодолен барьер между микро- и макроуровнями наблюдения. С помощью Olympus DSX1000

уже сейчас мы можем наблюдать и фиксировать предметы в виде микропанорам на макро- и микроуровнях одновременно. Совсем недалек день, когда то же самое можно будет делать и с 3D-моделями. Первые образцы 3D микро-макросканеров уже присутствуют на рынке. За ними будущее.

Не отрицая несомненных достижений традиционных методов, мы полагаем, что методика доказательной интерпретации является одним из путей преодоления ограничений, которые характерны как для господствующего в археологии первобытности формально-типологического метода, так и для экспериментально-трасологического подхода в его традиционном, направленном на определение функции, понимании.

Благодарности

Мы выражаем глубокую благодарность и признательность всем коллегам и учреждениям, способствовавшим выходу этой статьи в печать: Д. Бинфу, Е. М. Беспрозванному, Н. И. Гиджрати, Е. Г. Девлет (+), А. А. Василевскому, Я. Д. Иванову, А. В. Колеснику, Е. М. Колпакову, С. А. Кулакову, С. Ю. Льву, А. К. Оче-

редному, Х. А. Плиссону, А. А. Погодину, И. Ю. Понкратовой, М. В. Саблину, И. Л. Тихонову, А. Н. Тришкиной, Д. Н. Федоровой, Г. А. Хлопачеву; коллективу редакции журнала «Археологические вести», коллективам Археологической школы Цзилиньского университета, предприятия «АВ КОМ-Наследие», а также работникам библиотеки и архивов ИИМК РАН.

- Васильев, 2006 — Васильев С. А. С. А. Семенов как теоретик археологии // Археологический вестник. 2006. № 13. С. 363–368.
- Гернет, 1936 — Гернет М. Н. (составитель). Систематический библиографический указатель литературы по криминалистике. Минск: б. и., 1936. 59 с.
- Гиря, 2015 — Гиря Е. Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию В. Е. Щелинского: Сб. ст. / Под ред. О. В. Лозовской, В. М. Лозовского, Е. Ю. Гири. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232–268.
- Гиря, 2017 — Гиря Е. Ю. Доказательная интерпретация каменных индустрий: морфономия, морфология, контекст // Древний человек и камень: технология, форма, функция: Сб. докладов конф. / Отв. ред. С. А. Васильев, В. Е. Щелинский. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017 (Archaeologica Petropolitana). С. 34–45.
- Гиря, Ресино, 2002 — Гиря Е. Ю., Ресино Л. А. С. А. Семёнов, Костёнки, палеолитоведение // АВ. 2002. Вып. 9. С. 173–190.
- Диков, 1971 — Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М.: Наука, 1971. 132 с.
- Ефименко, 1958 — Ефименко П. П. Костёнки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 483 с.
- Колесник и др., 2023 — Колесник А. В., Гиря Е. Ю., Данильченко А. Ю., Титов В. В., Олих О. Г., Очередной А. К. Костяные изделия со стоянки среднего палеолита Рожок I (культурный горизонт VI) в Северо-Восточном Приазовье // Stratum plus. 2023. № 1: Время детства. С. 101–125.
- Коробкова, 1987 — Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л.: Наука, 1987. С. 320.
- Коробкова, Щелинский, 1996 — Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996 (Археологические изыскания; Вып. 36). 80 с.
- Лев, Гиря, 2022 — Лев С. Ю., Гиря Е. Ю. Бифасиальный листовидный наконечник из раскопок стоянки Зарайск Е // КСИА. 2022. Вып. 269. С. 22–37.
- Ленин, 1968 — Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Глава III. Теория познания диалектического материализма и эмпириокритицизма // Полное собрание сочинений. Т. 18. М.: Изд-во политической литературы, 1968. С. 147–201.
- Маркс, 1952 — Маркс К. Капитал. Критика политической экономии [Предисл. Ф. Энгельса] / Пер. И. И. Степанова-Скворцова, провер. и испр. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. VI, 794 с.
- Рогачёв, 1983 — Рогачёв А. Н. Вместо послесловия // Технология производства в эпоху палеолита / Под ред. А. Н. Рогачева. Л.: Наука, 1983. С. 208.
- Саблин, Гиря, 2010 — Саблин М. В., Гиря Е. Ю. К вопросу о древнейших следах появления человека на Юге Восточной Европы (Россия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 7–13.
- Семёнов, 1940 — Семёнов С. А. Изучение следов работы на каменных орудиях // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 21–26.
- Семёнов, 1957 — Семёнов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957 (МИА; № 54). 240 с.
- Семёнов, 1968 — Семёнов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 363 с.
- Семёнов, 1978 — Семёнов С. А. Системный подход и «Аналитическая археология» Д. Кларка // КСИА. 1978. Вып. 152: Вопросы теории и методологии археологической науки. С. 43–48.
- Семёнов, 1983 — Семёнов С. А. Введение // Технология производства в эпоху палеолита / Под ред. А. Н. Рогачева. Л.: Наука, 1983. С. 3–8.
- Синицын, 1977 — Синицын А. А. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977. С. 158–166.
- Щелинский, 1974 — Щелинский В. Е. Производственные функции мустьерских орудий (по данным экспериментального и трасологического изучения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 06 / ЛОИА АН СССР. Л.: б. и., 1996. 18 с.
- Щелинский, 2001 — Щелинский В. Е. О соотношении формы и функции орудий труда нижнего и среднего палеолита // АВ. 2001. № 8. С. 223–237.
- Anderson et al., 2005 — Anderson P., Korobkova G. F., Longo L., Plisson H., Skakun N. Various viewpoints on the work of S. A. Semenov // Memorie del Museo civico di storia naturale di Verona. Serie 2: Sezione scienze dell'uomo. The Roots of use-wear analysis: selected papers of S. A. Semenov Eds. L. Longo, N. Skakun, with the assistance of P. C. Anderson, H. Plisson. Verona, 2005. P. 11–18.

- Boëda*, 2001 — *Boëda É.* Détermination des unités techno-fonctionnelles de pièces bifaciales provenant de la couche acheuléenne C3 base du site de Barbas I // Les industries à outils bifaciaux du Paléolithique moyen d'Europe occidentale: Actes de la Table Ronde internationale (Caen, 14–15 octobre 1999) / Ed. D. Cliquet. Liège: ERAUL 98, 2001. P. 51–75.
- Evans*, 2014 — *Evans A. A.* On the importance of blind testing in archaeological science: the example from lithic functional studies // *Journal of Archaeological Science*. 2014. Vol. 48. P. 5–14.
- Girya*, 2022 — *Girya E.* On the concept of “morphonomy” as a keystone of the evidence based interpretation of artifacts // *Tracing social dynamics. AWRANA 2022.* (Barcelona, April 4–7): Book of abstracts. Barcelona, 2022. P. 45.
- Hayden*, 1979 — *Hayden B.* *Lithic Use-Wear Analysis* / Ed. B. Hayden. New York; San-Francisco; London: Academic Press, 1979. P. 413.
- Hayden, Kamminga*, 1979 — *Hayden B., Kamminga J.* An Introduction to Use-Wear: The First CLUW // *Lithic Use-Wear Analysis* / Ed. B. Hayden. New York; San-Francisco; London: Academic Press, 1979. P. 413.
- Keeley*, 1980 — *Keeley Lawrence H.* *Experimental Determination of Stone Tool Uses. A Microwear Analysis.* Chicago: University of Chicago Press, 1980. 212 p.
- Marreiros et al.*, 2020 — *Marreiros J., Calandra I., Gneisinger W. et al.* Rethinking Use-Wear Analysis and Experimentation as Applied to the Study of Past Hominin Tool Use // *Journal of Paleolithic Archaeology*. 2020. № 3. P. 475–502. <https://doi.org/10.1007/s41982-020-00058-1>.
- Semenov*, 1964 — *Semenov S. A.* *Prehistoric Technology: an Experimental Study of the oldest Tools and Artefacts from traces of Manufacture and Wear* / Translated, and with a preface by M. W. Thompson. London: Cory, Adams & Mackay, 1964. 212 p., il.
- Semenov*, 1970 — *Semenov S. A.* The forms and Function of the Oldest Tools (A reply to Prof. F. Bordes) // *QUARTAR*. 1970. Bd. 21. P. 20–21.
- Semenov*, 1981a — *Semenov S. A.* *Prehistoric technology (an experimental study of the oldest tools and artefacts from traces of manufacture and wear).* London: Barnes & Noble, 1981. 212 p., il.
- Semenov*, 1981b — *Semenov S. A.* *Technologia prehistorica: Estudio de las herramientas y objetos antiguos a traves de las huellas de uso.* Madrid: Akal, 1981. 376 p., il.

Conception of the Russian-Chinese Laboratory of Evidential Interpretation of Archaeological Sources

E. Yu. Girya, A. A. Malyutina, K. N. Stepanova, Quan Qiankun, Fang Qi⁴

Keywords: archaeological sources, evidential interpretation, typology, archaeological traceology, forms of artifacts, use-wear traces, traces of processing, non-utilitarian wear traces, function, experiment in archaeology, morphology, morphonomy, nom, gestalt.

The main difference between our proposed conception and archaeological traceology is that we do not intend to focus only on the investigation of the function and/or technology of tool production through the study of traces. We believe that without investigating all kinds of changes in artifact surfaces at the macro- and microlevels, the possibilities of interpreting both the “secondary processing” itself and the overall form of artifacts as a whole are *a priori* limited.

Assessing the current state of the traces’ research, it is necessary to recognize that the reliability and evidentiality of trace conclusions has always depended and still largely depends on the authority of the researcher, and sometimes, unfortunately, and entirely determined only by it.

The whole history of development of primitive archaeology testifies that limitation of research tasks by consideration of only forms or only traces is equally unproductive and harmful. Therefore, instead of creating type-lists of forms or alternative to them functional-trasological type-lists, we believe it is possible and necessary to build a typology of the research of the oldest archaeological sources on the basis of analogies of their interpretations.

The researches of the Russian-Chinese Laboratory of Evidential Interpretation will be focused on the determination and interpretation of any evidence of material behavior in prehistoric and historical epochs on the basis of case-based, experimentally verifiable interpretation of various types of material sources — artifacts, natural forms (non-artifactual material), traces and structures. Evidential interpretation, in our understanding, should represent an organic continuation and synthesis of the main achievements of the experimental-trasological and formal-typological approaches of modern domestic and foreign archaeological schools.

⁴ Evgeniy Yu. Girya, Anna A. Malyutina, Kseniya N. Stepanova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: kostionki@yandex.ru, kostylanya@yandex.ru, st3pxen@yandex.ru. Quan Qiankun, Fang Qi — School of Archaeology, Jilin University; Changchun, People’s Republic of China; e-mail: quanqiankun@jlu.edu.cn, fangqi@vip.sina.com.

Технология изготовления керамической посуды раннего неолита на Кольском Севере по данным петрографии¹

А. М. Киселёва, М. А. Кулькова²

Аннотация. В статье представлены результаты петрографического анализа керамики раннего неолита с территории Кольского Севера. Данная керамика относится к двум вариантам, Варзина и Чаваньга, типа Сяр 1. Всего было изучено 52 фрагмента разных сосудов. Целью исследования является характеристика особенностей отбора глин и отошителей для изготовления посуды, а также установление наличия или отсутствия различий в технологии изготовления керамики разных вариантов.

Ключевые слова: неолит, керамика, петрография, Северная Фенноскандия, Кольский Север.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-252-260

Введение

Территория Кольского Севера занимает крайнюю северо-восточную часть Фенноскандии и административно приурочена к границам современной Мурманской области. С севера, юга и востока регион ограничен водами Баренцева и Белого морей, а его центральная часть связана с прибрежными районами сетью многочисленных озер и рек. Начало неолита на этой территории маркируется появлением керамической посуды и, судя по радиоуглеродным датировкам, относится к последней трети VI тыс. до н. э. Традиционно первая керамика имеет название тип Сярайсьниemi 1 (Сяр 1), к которому также относят материалы из Северо-Восточной Норвегии, Северной Финляндии и Северной Карелии. Верхняя граница существования посуды этого типа проходит примерно по середине V тыс. до н. э. (Skandfer, 2005; Nordqvist, Mökkönen, 2017).

В результате недавних исследований для керамики Кольского Севера было обосновано выделе-

ние внутри типа Сяр 1 двух вариантов — Варзина и Чаваньга (Киселёва, Колпаков, 2023; Киселёва, 2024). Сосуды первого варианта — округлодонные с прямым или скошенным внутрь венчиком, второго — плоскодонные с прямо срезанным венчиком. При этом с формой сосудов коррелируют орнаментальные и некоторые технологические признаки.

Имеющиеся радиоуглеродные даты по нагару пока не позволяют уверенно говорить о хронологической разнице существования этих двух вариантов. Однако самые ранние датировки (последняя треть VI тыс. до н. э.) получены на данный период только для сосудов варианта Варзина (Киселёва, Колпаков, 2023; Киселёва, 2024).

Первые петрографические исследования керамики Кольского полуострова были проведены Н. Б. Селивановой (Селиванова, 1997). Анализу подверглись 23 фрагмента керамики неолита из коллекций восьми памятников. По примеси (отошителю) в керамическом тесте было выделено четыре петрографические группы: I — тесто без искусственных примесей; II — отошителем служит дресва гранита и минералов, входящих в состав гранита; III — в примеси присутствуют обломки «экзотических» минералов (антофиллита, хризотил-асбеста, серпентина, сиенита, амфибола, пироксена и др.); IV — в отошителе присутствует шамот. Все неолитические сосуды относятся к группам I и II, в группу III и IV попали сосуды эпохи раннего металла. Однако

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0019).

² Киселёва А. М. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: aliakiseleva@mail.ru. Кулькова М. А. — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; С.-Петербург, Россия; e-mail: kulkova@mail.ru.

© Киселёва А. М., Кулькова М. А., 2024

в опубликованных данных содержится информация только о принадлежности образцов тем или иным памятникам, и установить принадлежность конкретному сосуду или фрагменту, к сожалению, невозможно.

В целом, во всех работах по керамике Кольского Севера на основе визуального осмотра исследователями определялось наличие минеральных примесей: дресвы, песка, иногда шамота (*Песонен*, 1980; *Антилогов*, 1981; *Шумкин*, 2003; и др.).

Для сходных материалов из Северной Финляндии и Северо-Восточной Норвегии петрографических исследований не проводилось. Визуально исследователями определялись примеси в виде дресвы и песка (*Skandfer*, 2005; *Torvinen*, 2000), реже шамота и охры (*Piezonka*, 2015. S. 203, 205). Некоторыми авторами в качестве отличительной черты керамики Сяр 1 отмечался желтый или светло-коричневый цвет черепков, что, по-видимому, было связано с особенностями используемых глин и режима обжига. Но специальных работ по изучению этого аспекта пока нет. Можно отметить норвежские исследования по определению диатомовых водорослей в глине сосудов, которые установили, что гончарами отбиралась глина из пресноводных водоемов, а морская глина не использовалась (*Foged*, 1968). Также в одном ранне-неолитическом сосуде был определен довольно специфический отощитель в виде дробленной пемзы (*Michelsen, Landmark*, 1968).

В последние годы активные исследования керамики с помощью петрографии ведутся для ранне-неолитических материалов Карелии и Вологодской области (*Герман, Кулькова*, 2024; *Недомолкина и др.*, 2024; *Косорукова, Кулькова*, 2016; *Иванищева и др.*, 2016). Эти материалы, относимые учеными к типам Сперрингс, ямочно-гребенчатой, ранней гребенчатой керамики, во многом сходны с посудой Северо-Востока Фенноскандии и, очевидно, близки ей не только хронологически, но и культурно. Сравнение изученных нами сосудов с посудой окружающих регионов в дальнейшем позволит наметить векторы распространения технологии изготовления керамики и приблизиться к пониманию происхождения гончарства на Кольском Севере.

Целями настоящего исследования являются характеристика исходного сырья и примесей, используемых для изготовления керамики, попытка выявить различия в составлении формовочных масс разных вариантов посуды (Чаваньга и Варзина), а также сопоставление полученных данных с результатами петрографии по материалам с других территорий.

Источники

Всего на настоящий момент на Кольском Севере известно 46 памятников с керамикой раннего неолита. По орнаменту и морфологии на них выделено более 500 условных сосудов. К варианту Варзина отнесено 292 сосуда, к варианту Чаваньга — 142, остальные сосуды ввиду их плохой сохранности не распределены по вариантам (*Киселёва*, 2024).

Для петрографического исследования были отобраны фрагменты 52 сосудов с 14 памятников региона (рис. 1). Данные памятники расположены в разных районах полуострова — на побережьях Баренцева и Белого морей и внутренних озерах. Но более половины фрагментов (28 экз.) происходят из поселений в Дроздовской губе Баренцева моря.

Исследования проводились только для тех сосудов, для которых можно уверенно определить принадлежность к одному из двух вариантов типа Сяр 1. Для посуды варианта Чаваньга изучено 17 образцов (12 % от всех сосудов региона, отнесенных к данному варианту), варианта Варзина — 35 образцов (также 12 % от всех сосудов варианта).

Результаты петрографических исследований

Анализ керамических фрагментов проводился в шлифованных образцах с использованием бинокуляра МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое изучение керамики выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом Leica (×65,7).

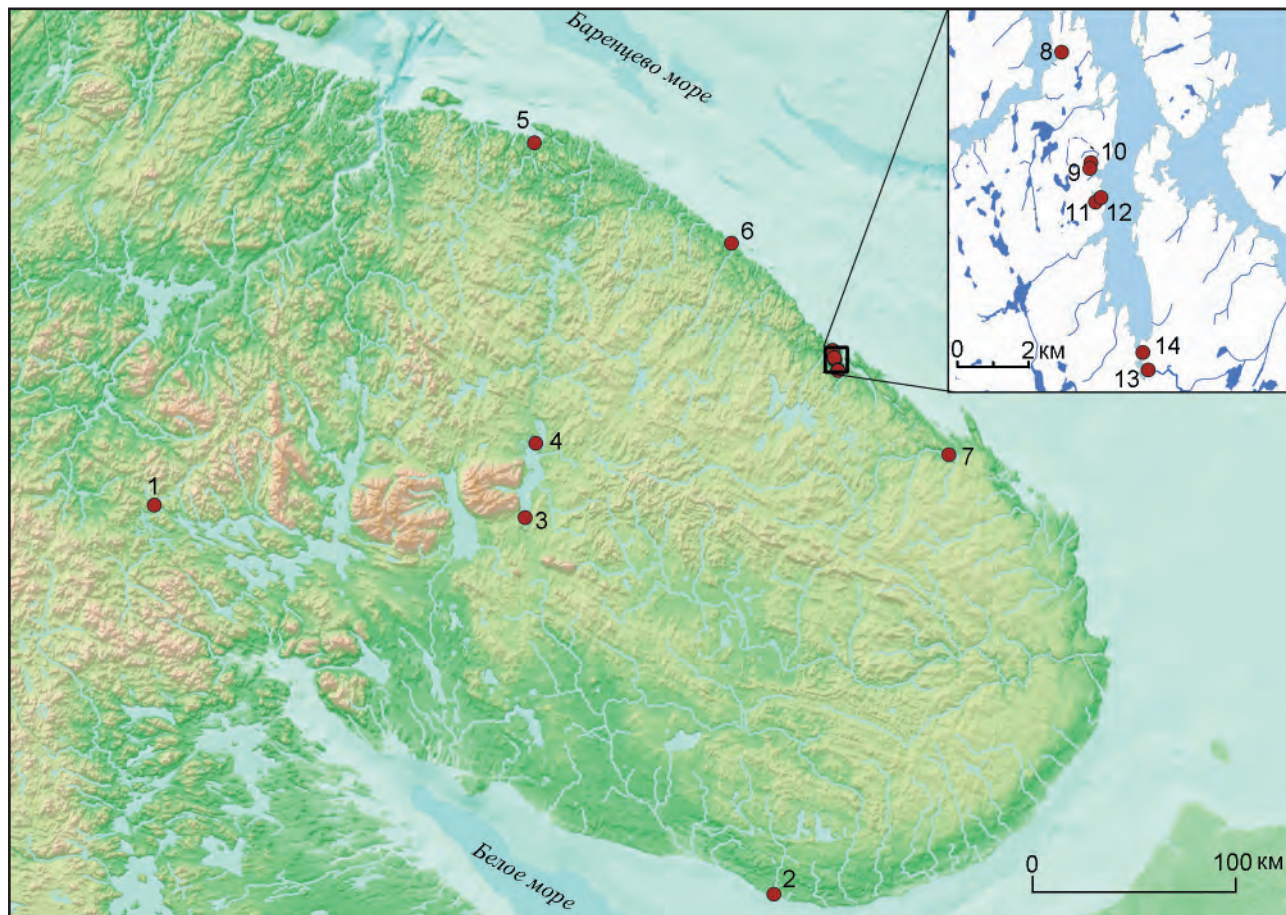
По композиционному составу глин и отощителей выделено шесть групп керамики (табл. 1).

Группа 1

Отощитель: дресва магматических/ метаморфических пород (15 экз.)

1.1. Тощие глины смектитового, гидрослюдистого, смектит-гидрослюдистого состава (20–65 % обломочного материала) с примесью дресвы магматических пород (плагиогранита, пироксенита, сиенита, габбро, диорида, лабродорита, андезита). Шесть сосудов варианта Варзина — из памятников Варзина 6 (рис. 2, 4), Йоканьга (*Киселёва*, 2022. Рис. 5, 1), Маяк 2, Нерпичья Губа 1 (*Киселёва*, 2024. Рис. 2, 1), Лива 8 (*Колтаков и др.*, 2022. Рис. 3), Усть-Дроздовка 1 (рис. 2, 6; *Киселёва, Колтаков*, 2023. Рис. 3, 1); три сосуда варианта Чаваньга — из памятников Северная Салма, Кривун (рис. 3, 9), Чаваньга 1 (*Киселёва*, 2024. Рис. 3, 2).

1.2. Тощие глины смектитового и гидрослюдисто-смектитового состава (25–65 % обломочного

Рис. 1. Памятники с керамикой раннего неолита на Кольском Севере, материалы которых были изучены с помощью петрографии (в скобках указано количество изученных фрагментов): 1 — Лива 8 (1 экз.); 2 — Чаваньга 1 (10 экз.); 3 — Цага 1 (2 экз.); 4 — Северная Салма (1 экз.); 5 — Завалишенская 3 (1 экз.); 6 — Харловка 18 (1 экз.); 7 — Йоканьга (4 экз.); 8 — Варзина 6 (4 экз.); 9 — Нерпичья Губа (8 экз.); 10 — Нерпичья Губа 1 (3 экз.); 11 — Маяк 2 (8 экз.); 12 — Маяк 3 (2 экз.); 13 — Усть-Дроздовка 1 (6 экз.); 14 — Кривун (1 экз.) (топооснова — GEBCO Web Map Service)

Fig. 1. Sites with Early Neolithic pottery in the Kola North, the materials of which were studied using petrography (the number of fragments studied is given in brackets): 1 — Liva 8 (1 pce.); 2 — Chavanga 1 (10 pcs.); 3 — Tsaga 1 (2 pcs.); 4 — Severnaya Salma (1 pce.); 5 — Zavalishenskaya 3 (1 pce.); 6 — Kharlovka 18 (1 pce.); 7 — Yokanga (4 pcs.); 8 — Varzina 6 (4 pcs.); 9 — Nerpichya Guba (8 pcs.); 10 — Nerpichya Guba 1 (3 pcs.); 11 — Mayak 2 (8 pcs.); 12 — Mayak 3 (2 pcs.); 13 — Ust-Drozdovka 1 (6 pcs.); 14 — Krivun (1 pcs.) (topographic base — GEBCO Web Map Service)

материала) с примесью *дресвы магматических и метаморфических пород* (гнейса, гранитогнейса, плагиогранита, амфиболита, сланца). Три сосуда варианта Варзина — из памятников Варзина 6 (Там же. Рис. 2, 2), Харловка 18 (рис. 3, 1); три сосуда варианта Чаваньга — из памятников Чаваньга 1 (рис. 3, 8), Усть-Дроздовка 1, Нерпичья Губа (Там же. Рис. 3, 3).

Группа 2

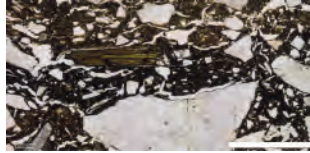
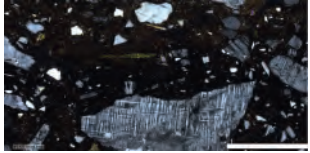
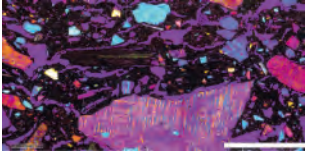

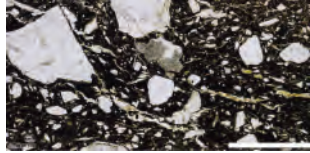
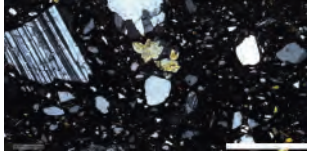
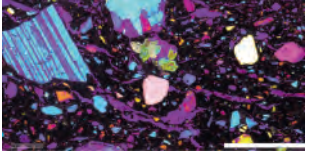

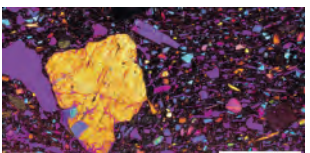
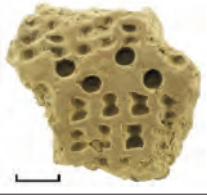
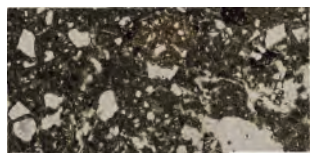
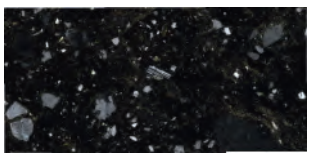
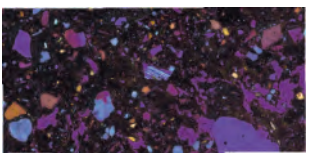

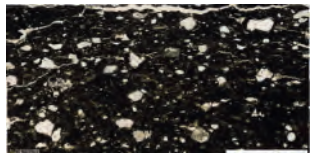
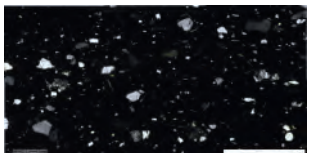
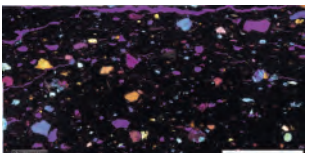

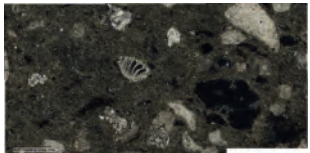
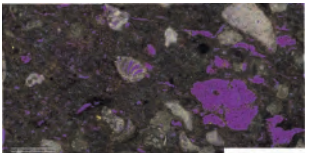
Отощитель: дресва магматических/ метаморфических пород + песок (27 экз.)

2.1. Тощие глины смектитового, гидрослюдисто-смектитового, смектит-гидрослюдистого и в одном случае хлоритового состава (11–32 % об-

ломочного материала) с примесью *песка и дресвы магматических пород* (нефелинового сиенита, плагиогранита, габбро, пироксенита, лабродорита). 14 сосудов варианта Варзина — из памятников Чаваньга 1 (Киселёва, 2023. Рис. 4, 2), Нерпичья Губа (рис. 3, 4), Маяк 2 (Там же. Рис. 4, 4; 5, 2), Усть-Дроздовка 1 (рис. 2, 6; Киселёва, 2023. Рис. 4, 3; Киселёва, Колтаков, 2023. Рис. 3, 2), Варзина 6, Цага 1; пять сосудов варианта Чаваньга — из памятников Завалишенская 3 (Киселёва, 2024. Рис. 3, 1), Чаваньга 1 (рис. 2, 2), Усть-Дроздовка 1.

2.2. Тощие глины гидрослюдисто-смектитового состава (30–45 % обломочного материала) с примесью *песка и дресвы магматических*

Таблица 1. Результаты петрографического изучения раннеолитической керамики Кольского Севера
Table 1. Results of petrographic analysis of Early Neolithic pottery of the Kola North

Группа		Микрофото (линейка 1000 мкм)		
		Без анализаторов	В поляризационном свете	В поляризационном свете с кварцевой пластинкой
1				
2				
3				
4				
5				
6				

и метаморфических пород (плаггиогранита, гнейса, гранита, амфиболита с гранитом, андезита). Шесть сосудов варианта Варзина — из памятников Нерпичья Губа (рис. 3, 5), Нерпичья Губа 1 (Киселёва, 2024. Рис. 2, 3), Йоканьга (Киселёва, 2022. Рис. 4; 6, 1), Цага 1 (Киселёва, Колпаков, 2023. Рис. 3, 6).

2.3. Два сосуда изготовлены из жирных глин смектитового или хлорит-смектитового состава, имеют примесь песка и дресвы магматических

пород (габбро, плаггиогранитов). Один из них относится к варианту Варзина (рис. 3, 3), другой — к варианту Чаваньга, оба найдены на поселении Чаваньга 1.

Группа 3

Оттощитель: дресва магматических/ метаморфических пород + шамот (2 экз.)

Сосуд из поселения Нерпичья Губа (рис. 3, 6) изготовлен из тощих глин смектитового состава,

Рис. 2. Керамические сосуды, изученные с помощью петрографии: 1, 2 — вариант Чаванга; 3-7 — вариант Варзина (1 — Маяк 3; 2, 7 — Чаванга 1; 3 — Нерпичья Губа 1; 4 — Варзина 6; 5 — Нерпичья Губа; 6 — Усть-Дроздовка 1)
 Fig. 2. Vessels studied by petrography: 1, 2 — Chavanga variant; 3-7 — Varzina variant (1 — Mayak 3; 2, 7 — Chavanga 1; 3 — Nerpichya Guba 1; 4 — Varzina 6; 5 — Nerpichya Guba; 6 — Ust-Drozdovka 1)

имеет примесь *дресвы из амфиболита, плагиогранита и шамота*. Сосуд из поселения Усть-Дроздовка 1 (рис. 3, 7) изготовлен из тощих глин гидрослюдисто-хлоритового состава, имеет примесь *дресвы из пироксенита, лабродорита и шамота*. Оба сосуда относятся к варианту Чаваньга.

Группа 4

Отощитель: дресва магматических/ метаморфических пород + песок + шамот (6 экз.)

4.1. Пять сосудов изготовлены из тощих глин гидрослюдисто-сметитового или сметитового состава (18–65 % обломочного материала) с примесью *песка, шамота и дресвы магматических и метаморфических пород* (плагиогранита, габбро, амфиболита). Три сосуда варианта Варзина — из памятников Маяк 2 (рис. 3, 2), Йоканьга (Киселёва, 2022. Рис. 7, 1–6); два сосуда варианта Чаваньга — из памятников Маяк 2 и 3 (Киселёва, Колпаков, 2023. Рис. 3, 2).

4.2. Еще один сосуд из поселения Маяк 3 (рис. 2, 1) сделан из жирных глин сметитового состава (8 % обломочного материала), для дресвы использованы амфиболит, нефелиновый сиенит и пироксенит. Относится к варианту Чаваньга.

Группа 5

Отощитель: песок (1 экз.)

Небольшой сосуд из поселения Нерпичья Губа 1 (рис. 2, 3) изготовлен из тощих глин сметитового состава (25 % обломочного материала) с примесью *песка*. Относится к варианту Варзина.

Группа 6

Отощитель: дресва карбонатных пород (1 экз.)

Сосуд из поселения Чаваньга 1 (рис. 2, 7) изготовлен из жирных глин карбонат-гидрослюдистого состава с примесью *дресвы карбонатных биогенных пород* (с фораминиферами). Относится к варианту Варзина. Визуально дресва этой группы практически не отличается от дресвы остальных групп. Отнесение к данной группе только одного образца, вероятно, обусловлено ограниченностью общей выборки.

Все сосуды были подвергнуты костровому обжигу при температуре 600–700 °С.

Обсуждение полученных результатов

Проведенный анализ показал, что в изученных образцах преобладают тощие глины: гидрослюдисто-сметитовые (23 экз.), сметитовые (17 экз.), гидрослюдистые (3 экз.), сметит-гидрослюдистые (3 экз.), гидрослюдисто-хлоритовые (1 экз.), хлоритовые (1 экз.). Только четыре сосуда были сделаны из жирных глин: карбонат-

гидрослюдистых (1 экз.), сметитовых (2 экз.), хлорит-сметитовых (1 экз.), при этом три из них найдены на одном поселении — Чаваньга 1. Но в целом региональной специфики по составу используемого сырья не прослеживается, а преимущественное использование тощих глин, по видимому, является следствием особенностей четвертичной геологии Кольского полуострова.

По характеру примеси большая часть образцов оказалась сходной — 42 сосуда (81 % от изученных) распределилось всего по двум группам (1 и 2). При этом процентное содержание дресвы и песка в тесте почти всех сосудов достаточно высокое — не менее 20–30 %. Состав пород, использовавшихся для дресвы, чрезвычайно разнообразен, что, очевидно, обусловлено сложной геологией региона.

Шамот отмечен лишь в восьми случаях и только вместе с дресвой или дресвой и песком. Концентрация этой примеси во всех образцах не превышает 10 %. По нашему мнению, пока нет оснований рассматривать добавление шамота в керамическую массу в качестве устойчивой традиции.

Сопоставление выделенных по петрографии групп с типологической принадлежностью сосудов не позволило проследить устойчивые различия по видам используемых глин и отощителей среди двух вариантов керамики (табл. 2). Можно отметить, что добавление шамота чаще фиксируется в сосудах варианта Чаваньга, но не исключено, что при увеличении выборки этот вывод изменится. На данном этапе исследования можно заключить, что оба варианта посуды, несмотря на целый набор существенных внешних различий, обнаруживают близкое сходство по технологии составления керамических масс.

Таблица 2. Количественное распределение изученных образцов по петрографическим группам и вариантам типа Сяр 1

Table 2. Quantitative distribution of the studied samples into petrographic groups and variants of Sär 1 Ware

Группа	Вариант, экз.	
	Варзина	Чаваньга
1	9	6
2	21	6
3	–	2
4	3	3
5	1	–
6	1	–

Полученные результаты можно сопоставить с данными по петрографии других неолитических

Рис. 3. Керамические сосуды, изученные с помощью петрографии: 1-5 — вариант Варзина; 6-9 — вариант Чаванга (1 — Харловка 18; 2 — Маяк 2; 3, 8 — Чаванга 1; 4-6 — Нерпичья Губа; 7 — Усть-Дроздовка 1; 9 — Кривун)

Fig. 3. Vessels studied by petrography: 1-5 — Varzina variant; 6-9 — Chavanga variant (1 — Kharlovka 18; 2 — Mayak 2; 3, 8 — Chavanga 1; 4-6 — Nerpichya Guba; 7 — Ust-Drozдовka 1; 9 — Krivun)

материалов Северо-Западного региона России. Для керамики типа Сперрингс в Карелии также характерна минеральная примесь в виде дресвы или дресвы и песка (Герман, Кулькова, 2024). Хотя в отличие от керамики Кольского полуострова в сосудах из Карелии дресва вместе с песком встречается редко (52 % против 10 % соответственно). По мнению авторов, примесь песка является особенностью сосудов позднего этапа керамики Сперрингс. Но на материалах Кольского Севера подобные хронологические изменения в составе формовочной массы не прослеживаются. Шамот в сосудах типа Сперрингс также встречен единично и в малой концентрации.

Петрографические исследования проводились и для неолитических сосудов Вологодской области. На памятнике Векса 3 отмечено два вида отощителя: дресва и дресва + песок (Недомолкина и др., 2024). Керамика со стоянки Каравайха 4 преимущественно изготавливалась с примесью дресвы, дресвы и песка, единично шамота (Косорукова, Кулькова, 2016). На стоянках Юго-Восточного Прионежья (Тудозеро V, Кемское III, Ундозеро I) неолитическая посуда в большинстве случаев имеет примесь дресвы, реже отмечены шамот, песок и органика (Иванищева и др., 2016).

Таким образом, керамика с территории Кольского Севера по составу формовочных масс обнаруживает близкое сходство с другими неолитическими материалами Северо-Западного региона России и хорошо встраивается в широкий ареал культур севера лесной полосы Европы.

Заключение

Проведенный петрографический анализ керамики позволил охарактеризовать ее технологические особенности: в качестве исходного сырья в основном использовались тощие глины, а среди примесей в большинстве образцов зафиксированы дресва и песок. На данном этапе исследования не удалось выявить существенные различия в рецептуре формовочной массы посуды разных вариантов, хотя по морфологии и орнаменту эти варианты сильно отличаются. Возможно, при увеличении выборки сосудов данный вывод будет скорректирован. Сопоставление наших результатов с петрографическими исследованиями керамики окружающих территорий показало, что изученные материалы по рассмотренным технологическим особенностям обнаруживают близкое сходство с большим кругом неолитических культур на севере Восточной Европы.

Антилогов, 1981 — Антилогов А. В. Классификация керамики поселений бассейна р. Воронья в Центральной части Кольского полуострова // СА. 1981. № 1. С. 266–274.

Герман, Кулькова, 2024 — Герман К. Э., Кулькова М. А. Петрографические исследования раннеолитической керамики сперрингс Карелии: итоги и перспективы // АВ. 2024. Вып. 42. С. 44–56.

Иванищева и др., 2016 — Иванищева М. В., Кулькова М. А., Иванищева Е. А. Результаты микроморфологического анализа раннеолитической керамики юго-восточного Прионежья // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Материалы междунар. науч. конф. / Ред. О. В. Лозовская, А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 88–99.

Киселёва, 2022 — Киселёва А. М. Керамическая посуда неолитической стоянки Йоканьга на Кольском Севере // Кольский сборник. Вып. 3 / Отв. ред. Е. М. Колпаков. СПб.: ООО «ЛЕМА», 2022. С. 110–121.

Киселёва, 2023 — Киселёва А. М. Технологические традиции декорирования раннеолитической керамики Кольского Севера // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 233–243.

Киселёва, 2024 — Киселёва А. М. Керамическая посуда раннего неолита на Кольском Севере: типология

и новые данные по хронологии // Stratum plus. 2024. № 2: Интеграции в преисторию. С. 107–120.

Киселёва, Колпаков, 2023 — Киселева А. М., Колпаков Е. М. Керамика Сярайсьниemi 1 на Кольском Севере? // АВ. 2023. Вып. 40. С. 44–56.

Колпаков и др., 2022 — Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Киселева А. М., Мурашкин А. М. Кольская археологическая экспедиция // АО. 2020 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2022. С. 10–13.

Косорукова, Кулькова, 2016 — Косорукова Н. В., Кулькова М. А. Керамика раннеолитической стоянки Каравайха 4 в бассейне озера Воже: типология и петрография // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Материалы междунар. науч. конф. / Ред. О. В. Лозовская, А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 100–103.

Недомолкина и др., 2024 — Недомолкина Н. Г., Кулькова М. А., Пьецонка Х. Петрографические исследования неолитической керамики поселения Векса 3 // Древняя керамика Евразии: от сосуда к культуре: Материалы конф. / Ред. А. А. Выборнов, Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 49–51.

Песонен, 1980 — Песонен П. Э. Неолитические стоянки Кандалакшского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова / Отв. ред. Ю. А. Савватеев. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1980. С. 37–79.

- Селиванова, 1997 — Селиванова Н. Б. Результаты петрографического анализа керамики Кольского полуострова // Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. Приложение № 4. С. 141.
- Шумкин, 2003 — Шумкин В. Я. Керамика древнего населения Кольского полуострова (к вопросу о неолитизации в Северной Европе) // Неолит–энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов) / Отв. ред. В. И. Тимофеев. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 92–94.
- Foged, 1968 — Foged N. Diatomeerne i nogle pottesker fra Varanger // Varanger-funnene. VI: Analyseresultater og mindre rapporter / Red. P. Simonsen. Tromsø, 1968 (Tromsø museums skrifter; Vol. VII(6)). S. 47–54.
- Michelsen, Landmark, 1968 — Michelsen Kr., Landmark K. Pimpstein som magringsmiddel i leirkar // Varanger-funnene. VI: Analyseresultater og mindre rapporter / Red. P. Simonsen. Tromsø, 1968 (Tromsø museums skrifter; Vol. VII(6)). S. 71.
- Nordqvist, Mökkönen, 2017 — Nordqvist K., Mökkönen T. Periodisation of the Neolithic and radiocarbon chronology of the Early Neolithic and the beginning of the Middle Neolithic in Finland // Documenta Praehistorica. 2017. Vol. XLIV. P. 78–86.
- Piezonka, 2015 — Piezonka H. Jäger, Fischer, Töpfer: Wildbeutegruppen mit früher Keramik in Nordosteuropa im 6. und 5. Jahrtausend v. Chr. Bonn: Habelt-Verlag, 2015 (Archäologie in Eurasien; Vol. 30). 438 s.
- Skandfer, 2005 — Skandfer M. Early, Northern Comb Ware in Finnmark: the concept of Säräisniemi 1 reconsidered // Fennoscandia Archaeologica. 2005. XXII. P. 3–27.
- Torvinen, 2000 — Torvinen M. Säräisniemi 1 Ware // Fennoscandia Archaeologica. 2000. Vol. XXVII. P. 3–35.

Technology of Early Neolithic pottery production on the Kola North according to petrographic analysis

A. M. Kiseleva, M. A. Kulkova³

Keywords: Neolithic, pottery, petrography, Northern Fennoscandia, Kola North.

The earliest pottery on the Kola North traditionally refers to the Säräisniemi 1 (Sär 1) type, which spread in Northern Fennoscandia in the last third of the 6th millennium BC. Two variants of this type of ware have been identified within the Kola North: Varzina and Chavanga. The vessels of the first variant are round-bottomed with a straight or oblique list, while the second — flat-bottomed with a straight list. Furthermore, ornamental and some technological features correlate with the shape of vessels (Киселёва, 2024).

Fragments from 52 vessels from 14 sites of the region were selected for petrographic analysis (Fig. 1). A total of 12 % of all vessels attributed to the Chavanga variant were studied (17 samples), while 12 % of all vessels attributed to the Varzina variant were studied (35 samples).

Six groups of pottery were identified based on the composition of the raw material and temper (Table 1). Lean clays were the predominant raw material, and sand and coarse stone were the most common temper. Grog was also observed in a few samples. At this stage of the study, no significant differences were identified in the paste recipes of pottery from different variants (Table 2), despite the notable morphological and ornamental differences between these variants. A comparison of our results with petrographic analysis of pottery from surrounding territories revealed a close similarity between the studied materials and a diverse range of Neolithic cultures in the north of Eastern Europe.

³ Alevtina M. Kiseleva — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: aliakiseleva@mail.ru. Marianna A. Kulkova — Herzen State Pedagogical University; St. Petersburg, Russia; e-mail: kulkova@mail.ru.

Клад бронзовых топоров из с. Лыхны: современный взгляд¹

А. Л. Пелих, А. И. Джопуа², А. Ю. Скаков (†)

Аннотация. В статье рассматривается клад проушных топоров, найденный в 1952 г. в Абхазии. Охарактеризованы обстоятельства обнаружения комплекса и его ввода в научный оборот. Впервые опубликованы качественные фотографии и рисунки предметовклада, а также их полное описание. Сделан вывод, что большая часть топоров не использовалась по прямому назначению. Судя по результатам анализа металла, топоры изготовлены из мышьяковистой бронзы. Особенность комплекса — сочетание в нем топоров архаичных (старых) и новых форм. Новые формы в дальнейшем развиваются не только в Западном Закавказье: одна из них стала характерной для изделий прикубанского очага металлопроизводства позднего бронзового века.

Ключевые слова: Западный Кавказ, поздний бронзовый век, проушные топоры, колхидская общность, прикубанский очаг металлопроизводства.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-261-276

Обнаруженный в 1952 г. в Гудаутском районе Абхазии клад бронзовых топоров стал известен широкому кругу специалистов с конца 1960-х гг. Он был со схематичными рисунками опубликован Д. Л. Коридзе (*Коридзе*, 1968), и с более обширным иллюстративным материалом, но (по объективным причинам) с фотографиями плохого качества и рисунками только части топоров — в посмертном издании трудов М. М. Трапш (*Трапш*, 1970. С. 174–183). Первостепенное значение данного комплекса для анализа культурогенеза Западного Кавказа позднего бронзового века, а также важное место в хронологических схемах Кавказа и Восточной Европы этого периода в целом определили необходимость полной публикации комплекса на современном научном уровне.

¹ Статья представляет собой расширенный, переработанный и исправленный вариант доклада, прочитанного на конференции, посвященной памяти выдающегося кавказоведа А. Ю. Скакова (Москва, ИА РАН, 1 декабря 2023 г.).

² Пелих А. Л. — Армавирский государственный педагогический университет; г. Армавир, Краснодарский край, Россия; e-mail: pelich1976@mail.ru. Джопуа А. И. — Абхазский государственный музей; г. Сухум, Республика Абхазия; e-mail: arkadi100@rambler.ru.
© Пелих А. Л., Джопуа А. И., 2024

Обстоятельства обнаружения клада и ввода его в научный оборот

Обстоятельства обнаружения клада описаны в одной из его первых публикаций (*Трапш*, 1970. С. 175; *Пелих и др.*, 2023. С. 101). Клад найден на южной окраине с. Лыхны, в поселке Адзлагарахук, местным жителем при обработке приусадебного участка. По М. М. Трапш, непосредственно выезжавшему на место находки, топоры, в количестве до 40 экземпляров (из которых сохранилось 35 экз.), лежали одним скоплением в выкопанной в каменистой почве яме глубиной 70 см. Кроме топоров, других археологических материалов на месте обнаружения клада и в заложенных рядом шурфах не было (*Трапш*, 1970. С. 175). О кладае также узнал известный абхазский археолог А. Л. Лукин, передавший сведения о нем А. А. Иессену. Согласно им, Лыхненский клад изначально составляли 42 топора, из которых 36 были переданы в Сухумский музей, а три находились в коллекции А. Л. Лукина³.

³ Сведения по выпискам из личного архива А. А. Иессена. Благодарим В. С. Бочкарёва за ознакомление с материалами из архива А. А. Иессена, а также с материалами своего личного архива, и за ряд важных замечаний о хронологии и культурно-историческом значении Лыхненского клада, ставших основной причиной написания этой статьи.

М. М. Трапш в своей рукописи 1964 г., опубликованной посмертно в 1970 г., обозначил четыре основных типа топоров Лыхненского клада, выделив при этом в IV типе дополнительный подтип IV-а (*Там же*. С. 177–183). Топоры каждого из выделенных типов исследователь сближал с определенными группами более ранних изделий, прежде всего местных, колхидских (колхидо-кобанских), а также найденных на Северном Кавказе. В целом М. М. Трапш определял изделия из Лыхненского клада как наиболее ранние образцы бронзовых топоров кобанско-колхидского круга, бытовавших в середине — третьей четверти II тыс. до н. э. (*Там же*. С. 183).

Еще до выхода в свет этой работы М. М. Трапш данные о Лыхненском клада со схематичными рисунками его 35 топоров опубликовал Д. Л. Коридзе (*Коридзе*, 1968. Табл. I–III). Клад послужил для него основой выделения начальных этапов генезиса колхидо-кобанских топоров. По его мнению, в Лыхненский клад входили как прототипы I вида колхидских топоров (1-я группа топоров из Лыхны), так I и II виды (3-я и 2-я группы топоров из Лыхны соответственно) собственно колхидо-кобанских топоров. Датируется Лыхненский клад по этой схеме XVII–XV вв. до н. э. (*Там же*. С. 29–30, табл. V; VI).

Примерно тогда же увидела свет сводная работа по памятникам археологии Абхазии Ю. Н. Воронова. В ней также обозначены 35 топоров из этого комплекса, семь из которых представлены схематичными рисунками. Топоры клада исследователь разбил на девять типов (*Воронов*, 1969. С. 21, 22, табл. XXXIV, 9, 14, 16, 17, 20; XXXV, 12, 13).

Завершают список ранее известных материалов по Лыхненскому кладу черно-белые фотографии плохого качества, переданные В. С. Бочкарёву в 1970-е гг. На фотографиях — 36 топоров, из них 11 — «колхидского» типа (а не 10, как в публикациях М. М. Трапш и Д. Л. Коридзе). Напомним, что о 36 топорах клада, переданных в Сухумский музей, в свое время поведал А. А. Иессену и А. Л. Лукин.

В Абхазском государственном музее (г. Сухум) в настоящее время под сквозным шифром «ЛК-1–ЛК-35» хранятся 35 топоров. Топоры клада зашифрованы по порядку в соответствии с распределением по форме: топоры так называемого верхнекубанского типа имеют шифры от ЛК-1 до ЛК-10; «пиленковские» топоры представлены в нем под шифрами от ЛК-11 до ЛК-23; топоры «колхидского» типа находятся под шифрами

от ЛК-24 до ЛК-33 (то есть их 10 экз., как обозначено в работах М. М. Трапш и Д. Л. Коридзе); укороченный топор особой формы — под шифром ЛК-34; топор, близкий изделиям типа «в», по П. С. Уваровой, — под шифром ЛК-35. Какой-либо топор под шифром ЛК-36 в настоящее время в собрании музея отсутствует. Логично думать, что если бы в собрании музея был еще один топор, например, «колхидского» типа, то он бы шифровался по порядку — до представленных в единичных экземплярах топоров особых форм, с шифрами ЛК-34 и ЛК-35.

Таким образом, данные о 36 топорах, входящих непосредственно в клад и находящихся в фондах Абхазского государственного музея, в настоящее время не подтверждаются. При этом для анализа клада, думается, это непринципиально, так как «спорный» топор мог иметь форму, которая представлена серией.

Описание предметов клада

(рис. 1–6, нумерация топоров на рисунках сквозная)

1. Топор ЛК-1 (рис. 1, 1; 4, 1). Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом; обух с выделенной пяткой; лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости; проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора в поперечном сечении подпрямоугольное. На боковых гранях втулки три продольных ребра. Длина топора 20,9 см, ширина лезвия 6,1 см, размеры проуха: верх 3,6 × 3,0 см, низ 3,5 × 2,9 см. Вес 707 г.

2. Топор ЛК-2 (рис. 1, 2; 4, 2). Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом; обух с выделенной пяткой; лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости; проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора в поперечном сечении подпрямоугольное. На боковых гранях втулки три продольных ребра. Длина топора 20,7 см, ширина лезвия 5,7 см, размеры проуха: верх 3,7 × 3,4 см, низ 3,5 × 3,2 см. Вес 753 г.

3. Топор ЛК-3 (рис. 1, 3; 4, 3). Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом; обух с выделенной пяткой; лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости; проушина округлая, расположена почти у края обуха. Тело топора в поперечном сечении подпрямоугольное. На боковых гранях втулки три продольных ребра. Длина топора 21,1 см, ширина лезвия 6,3 см, размеры проуха: верх 3,5 × 3,4 см, низ 3,4 × 3,3 см. Вес 731 г.

4. Топор ЛК-4 (рис. 1, 4; 4, 4). Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом; обух с выделенной пяткой; лезвие слегка

расширено вниз, слабой округлости; проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора в поперечном сечении подпрямоугольное. На боковых гранях втулки три продольных ребра. Длина топора 21,3 см, ширина лезвия 6 см, размеры проуха: верх 3,5 × 3,2 см, низ 3,5 × 3,2 см. Вес 740 г.

5. Топор ЛК-5 (рис. 1, 5; 4, 5). Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом; обух с выделенной пяткой; лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости; проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора в поперечном сечении подпрямоугольное. На боковых гранях втулки три продольных ребра. Длина топора 20,4 см, ширина лезвия 6,1 см, размеры проуха: верх 3,4 × 2,9 см, низ 3,2 × 2,9 см. Вес 746 г.

6. Топор ЛК-6 (рис. 1, 6; 4, 6). Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом; обух с выделенной пяткой; лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости; проушина округлая, расположена почти у края обуха. Тело топора в поперечном сечении подпрямоугольное. На боковых гранях втулки три продольных ребра. Длина топора 20,8 см, ширина лезвия 6,3 см, размеры проуха: верх 3,5 × 3,3 см, низ 3,1 × 3,1 см. Вес 780 г.

7. Топор ЛК-7 (рис. 1, 7; 4, 7). Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом; обух с выделенной пяткой; лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости; проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора в поперечном сечении подпрямоугольное. На боковых гранях втулки три продольных ребра. Длина топора 20,2 см, ширина лезвия 5,7 см, размеры проуха: верх 3,9 × 3,1 см, низ 3,2 × 3,0 см. Вес 728 г.

8. Топор ЛК-8 (рис. 1, 8; 4, 8). Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом; обух с выделенной пяткой; лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости; проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора в поперечном сечении подпрямоугольное. На боковых гранях втулки три продольных ребра. Длина топора 20,2 см, моделируемая ширина лезвия 6,1 см, размеры проуха: верх 3,7 × 3,2 см, низ 3,5 × 3,0 см. Вес 711 г.

9. Топор ЛК-9 (рис. 1, 9; 4, 9). Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом; обух с выделенной пяткой; лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости; проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора в поперечном сечении подпрямоугольное. На боковых гранях втулки три продольных ребра. Моделируемая длина топора 20,4 см, моделируе-

мая ширина лезвия 5,8 см, размеры проуха: верх 3,4 × 2,8 см, низ 3,3 × 2,7 см. Вес 681 г.

10. Топор ЛК-10 (рис. 1, 10; 4, 10). Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом; обух с выделенной неровной пяткой; лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости; проушина округлая, расположена почти у края обуха. Тело топора в поперечном сечении подпрямоугольное. На боковых гранях втулки три продольных ребра. Длина топора 20,2 см, моделируемая ширина лезвия 6,2 см, размеры проуха: верх 3,2 × 3,2 см, низ 3,0 × 2,9 см. Вес 718 г.

11. Топор ЛК-11 (рис. 1, 11; 4, 11). С двускатным остросереберным низким обухом, имеющим выраженный скос; круглой проушиной; небольшими упорами для рукояти со стороны спинки и брюшка; прямым коротким туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении четырехугольное, ближе по форме к выпуклому дельтоиду. Длина топора 18,1 см, ширина лезвия 8,9 см, размеры проуха: верх 3,2 × 3,2 см, низ 3,1 × 3,1 см. Вес 724 г.

12. Топор ЛК-12 (рис. 1, 12; 4, 12). С двускатным остросереберным низким обухом, имеющим выраженный скос; округлой проушиной; большим упором для рукояти со стороны спинки и маленьким — со стороны брюшка; прямым коротким туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении четырехугольное, ближе по форме к выпуклому дельтоиду. Длина топора 16,4 см, ширина лезвия 8,5 см, размеры проуха: верх 3,1 × 2,7 см, низ 2,7 × 2,5 см. Вес 615 г.

13. Топор ЛК-13 (рис. 2, 13; 5, 13). С двускатным остросереберным низким обухом, имеющим выраженный скос; округлой проушиной; большим упором для рукояти со стороны спинки и маленьким — со стороны брюшка; прямым коротким туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении четырехугольное, ближе по форме к выпуклому дельтоиду. Длина топора 16,8 см, ширина лезвия 8,2 см, размеры проуха: верх 3,0 × 2,9 см, низ 2,9 × 2,8 см. Вес 610 г.

14. Топор ЛК-14 (рис. 2, 14; 5, 14). С двускатным остросереберным низким обухом, имеющим выраженный скос; округлой проушиной; небольшими упорами для рукояти со стороны спинки и брюшка; прямым коротким туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении четырехугольное, ближе по форме к выпуклому дельтоиду.

На одной из боковых граней втулки посередине продольное ребро. Длина топора 16,8 см, ширина лезвия 8,2 см, размеры проуха: верх 3,2 × 2,8 см, низ 3,0 × 2,8 см. Вес 670 г.

15. Топор ЛК-15 (рис. 2, 15; 5, 15). С двускатным остросереберным низким обухом, имеющим выраженный скос; округлой проушиной; большим упором для рукояти со стороны спинки и маленьким — со стороны брюшка; прямым коротким туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении четырехугольное, ближе по форме к выпуклому дельтоиду. Длина топора 17,4 см, ширина лезвия 8,5 см, размеры проуха: верх 3,2 × 2,9 см, низ 2,8 × 2,7 см. Вес 679 г.

16. Топор ЛК-16 (рис. 2, 16; 5, 16). С двускатным остросереберным низким обухом, имеющим выраженный скос; округлой проушиной; упорами для рукояти со стороны спинки (больше) и брюшка; прямым коротким туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении четырехугольное, ближе по форме к выпуклому дельтоиду. На одной из боковых граней втулки посередине продольное ребро. Длина топора 17,2 см, ширина лезвия 8,3 см, размеры проуха: верх 3,2 × 3,2 см, низ 3,0 × 3,1 см. Вес 638 г.

17. Топор ЛК-17 (рис. 2, 17; 5, 17). С двускатным остросереберным низким обухом, имеющим выраженный скос; округлой проушиной, небольшими упорами для рукояти со стороны спинки и брюшка; прямым коротким туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении четырехугольное, ближе по форме к выпуклому дельтоиду. На боковых гранях втулки посередине по одному продольному ребру, причем одно из них слабо выражено и плохо заметно из-за плотной патины. Длина топора 17,2 см, ширина лезвия 8,5 см, размеры проуха: верх 3,3 × 2,8 см, низ 3,1 × 2,7 см. Вес 615 г.

18. Топор ЛК-18 (рис. 2, 18; 5, 18). С двускатным остросереберным низким обухом, имеющим выраженный скос; округлой проушиной; небольшими упорами для рукояти со стороны спинки и брюшка; прямым коротким туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении четырехугольное, ближе по форме к выпуклому дельтоиду. Длина топора 16,2 см, ширина лезвия 8,2 см, размеры проуха: верх 3,2 × 2,9 см, низ 3,2 × 2,7 см. Вес 575 г.

19. Топор ЛК-19 (рис. 2, 19; 5, 19). С двускатным остросереберным низким обухом, имеющим

выраженный скос; округлой проушиной; большим упором для рукояти со стороны спинки и маленьким — со стороны брюшка; прямым коротким туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении четырехугольное, ближе по форме к выпуклому дельтоиду. Длина топора 16,6 см, ширина лезвия 8,1 см, размеры проуха: верх 3,1 × 2,6 см, низ 3,1 × 2,6 см. Вес 627 г.

20. Топор ЛК-20 (рис. 2, 20; 5, 20). С двускатным остросереберным низким обухом, имеющим выраженный скос; округлой проушиной; упорами для рукояти со стороны спинки (больше) и брюшка; прямым коротким туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении четырехугольное, ближе по форме к выпуклому дельтоиду. Длина топора 16,4 см, ширина лезвия 8,6 см, размеры проуха: верх 3,3 × 2,9 см, низ 3,0 × 2,8 см. Вес 670 г.

21. Топор ЛК-21 (рис. 2, 21; 5, 21). С двускатным остросереберным низким обухом, имеющим выраженный скос; овальной проушиной; упорами для рукояти со стороны спинки (больше) и брюшка; прямым коротким туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении четырехугольное, ближе по форме к выпуклому дельтоиду. Длина топора 16,8 см, ширина лезвия 8,3 см, размеры проуха: верх 3,2 × 2,4 см, низ 3,2 × 2,4 см. Вес 561 г.

22. Топор ЛК-22 (рис. 2, 22; 5, 22). С двускатным остросереберным низким обухом, имеющим выраженный скос; округлой проушиной; небольшими упорами для рукояти со стороны спинки и брюшка; прямым коротким туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении четырехугольное, ближе по форме к выпуклому дельтоиду. Длина топора 16,5 см, ширина лезвия 7,7 см, размеры проуха: верх 3,0 × 2,9 см, низ 3,2 × 2,9 см. Вес 609 г.

23. Топор ЛК-23 (рис. 2, 23; 5, 23). С двускатным остросереберным низким обухом, имеющим выраженный скос; округлой проушиной; небольшими упорами для рукояти со стороны спинки и брюшка; прямым коротким туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении четырехугольное, ближе по форме к выпуклому дельтоиду. На одной из боковых граней втулки посередине продольное ребро. Длина топора 17,4 см, ширина лезвия 8,8 см, размеры проуха: верх 3,0 × 2,9 см, низ 3,0 × 2,7 см. Вес 625 г.

24. Топор ЛК-24 (рис. 2, 24; 5, 24). С двускатным остросереберным обухом, имеющим выраженный скос; овально-линзовидной проушиной; выступающим вниз проухом; прямым туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении шестигранное. Длина топора 18,6 см, ширина лезвия 7,8 см, размеры проуха: верх 4,0 × 2,2 см, низ 3,8 × 2,2 см. Вес 654 г.

25. Топор ЛК-25 (рис. 3, 25; 6, 25). С двускатным остросереберным обухом, имеющим выраженный скос; овально-линзовидной проушиной; выступающим вниз проухом; прямым туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении шестигранное. Длина топора 19,2 см, ширина лезвия 8,2 см, размеры проуха: верх 4,7 × 2,5 см, низ 4,3 × 2,5 см. Вес 683 г.

26. Топор ЛК-26 (рис. 3, 26; 6, 26). С двускатным закругленным неровным по ребру обухом, имеющим выраженный скос; овально-линзовидной проушиной; выступающим вниз проухом; прямым туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении шестигранное. Длина топора 17,8 см, ширина лезвия 8,8 см, размеры проуха: верх 4,5 × 2,5 см, низ 4,4 × 2,5 см. Вес 740 г.

27. Топор ЛК-27 (рис. 3, 27; 6, 27). С двускатным остросереберным обухом, имеющим выраженный скос; овально-линзовидной проушиной; выступающим вниз проухом; прямым туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении шестигранное. Длина топора 17,8 см, ширина лезвия 7,6 см, размеры проуха: верх 4,3 × 2,5 см, низ 4,0 × 2,5 см. Вес 608 г.

28. Топор ЛК-28 (рис. 3, 28; 6, 28). С двускатным остросереберным обухом, имеющим выраженный скос; овально-линзовидной проушиной; выступающим вниз проухом; прямым туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении шестигранное. Длина топора 18,4 см, ширина лезвия 7,6 см, размеры проуха: верх 4,2 × 2,3 см, низ 4,0 × 2,3 см. Вес 640 г.

29. Топор ЛК-29 (рис. 3, 29; 6, 29). С двускатным остросереберным обухом, имеющим выраженный скос; овально-линзовидной проушиной; выступающим вниз проухом; прямым туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении шестигранное. Длина топора 18,4 см, ширина

лезвия 7,8 см, размеры проуха: верх 4,1 × 2,4 см, низ 3,8 × 2,3 см. Вес 623 г.

30. Топор ЛК-30 (рис. 3, 30; 6, 30). С двускатным остросереберным обухом, имеющим выраженный скос; овально-линзовидной проушиной; выступающим вниз проухом; прямым туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении шестигранное. Длина топора 18,1 см, ширина лезвия 8 см, размеры проуха: верх 4,2 × 2,5 см, низ 3,9 × 2,5 см. Вес 605 г.

31. Топор ЛК-31 (рис. 3, 31; 6, 31). С двускатным остросереберным обухом, имеющим выраженный скос; овально-линзовидной проушиной; выступающим вниз проухом; прямым туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении шестигранное. Длина топора 18,7 см, ширина лезвия 7,5 см, размеры проуха: верх 4,5 × 2,7 см, низ 3,8 × 2,6 см. Вес 507 г.

32. Топор ЛК-32 (рис. 3, 32; 6, 32). С двускатным остросереберным обухом, имеющим выраженный скос; овально-линзовидной проушиной; выступающим вниз проухом; прямым туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении шестигранное. Длина топора 19 см, ширина лезвия 7,6 см, размеры проуха: верх 4,5 × 2,8 см, низ 4,3 × 2,7 см. Вес 622 г.

33. Топор ЛК-33 (рис. 3, 33; 6, 33). С двускатным остросереберным обухом, имеющим выраженный скос; овально-линзовидной проушиной; выступающим вниз проухом; прямым туловом; лезвие асимметрично округлое, расширено вверх и вниз. Тело топора в поперечном сечении шестигранное. Длина топора 21 см, ширина лезвия 8,9 см, размеры проуха: верх 4,7 × 3,2 см, низ 4,3 × 2,9 см. Вес 761 г.

34. Топор ЛК-34 (рис. 3, 34; 6, 34). Короткий, массивный, с закругленным сверху обухом; с прямой спинкой; лезвие закругленное, расширяющееся вниз; проушина круглая, расположена почти у края обуха. Тело топора в сечении клиновидное. Длина топора 13,1 см, ширина лезвия 7,1 см, диаметр проуха: верх 2,9 см, низ 2,7 см. Вес 560 г.

35. Топор ЛК-35 (рис. 3, 35; 6, 35). С коротким, с выделенной уплощенной пяткой, обухом; с прямой спинкой; лезвие симметричное, округлое, сильно расширяющееся вниз; проушина круглая, расположена почти у края обуха. Есть маленькие упоры для рукояти со стороны спинки и брюшка. Тело топора шестигранное в сечении. Длина топора 19,2 см, ширина лезвия 7,6 см, диаметр проуха 2,9 см. Вес 781 г.

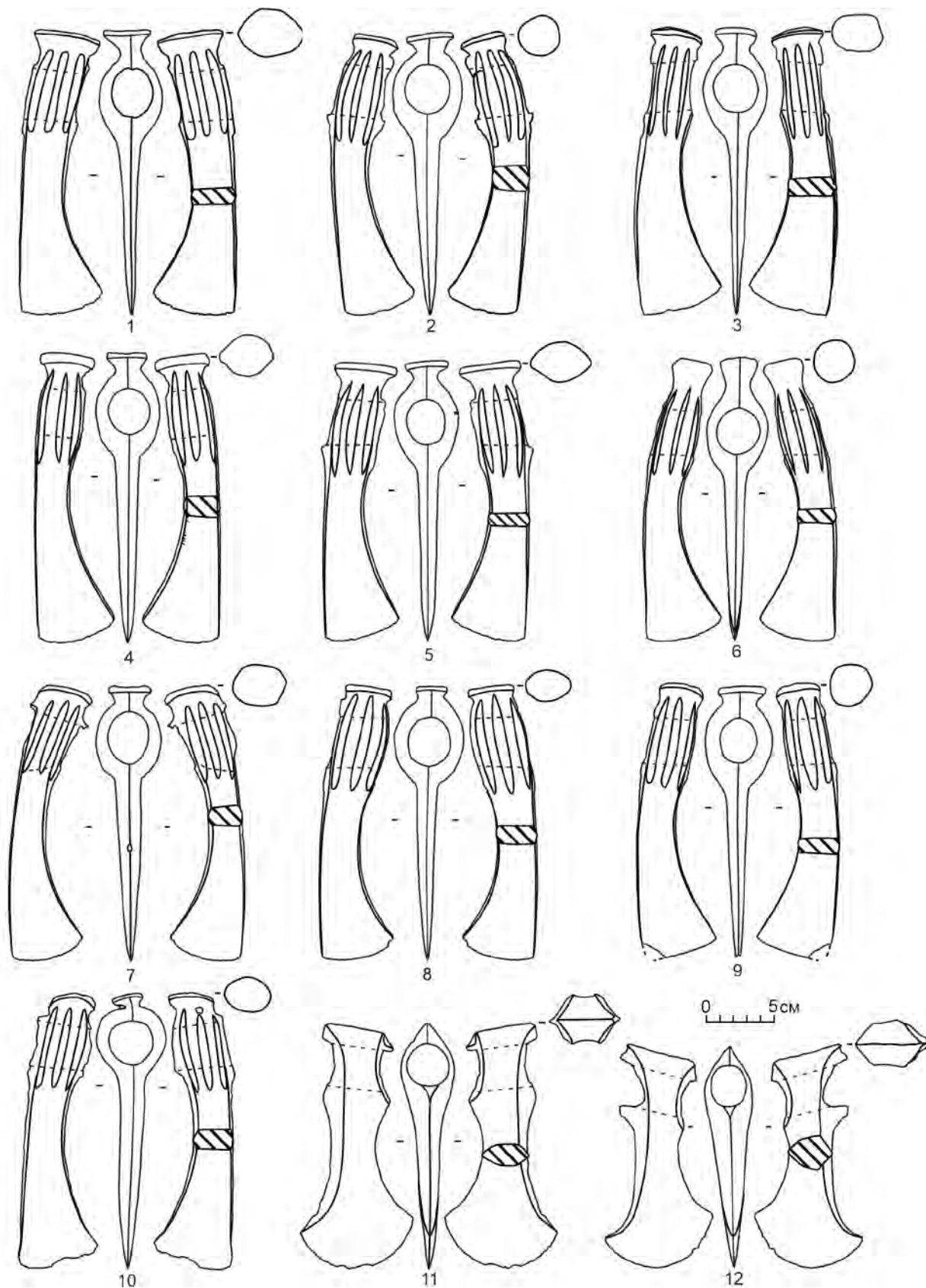

Рис. 1. Лыхненский клад. Топоры 1–12 (номера соответствуют тексту). Рисунки А. Долговой
 Fig. 1. The Lykhny hoard. Axes 1–12 (numbers correspond to text). Drawings by A. Dolgova

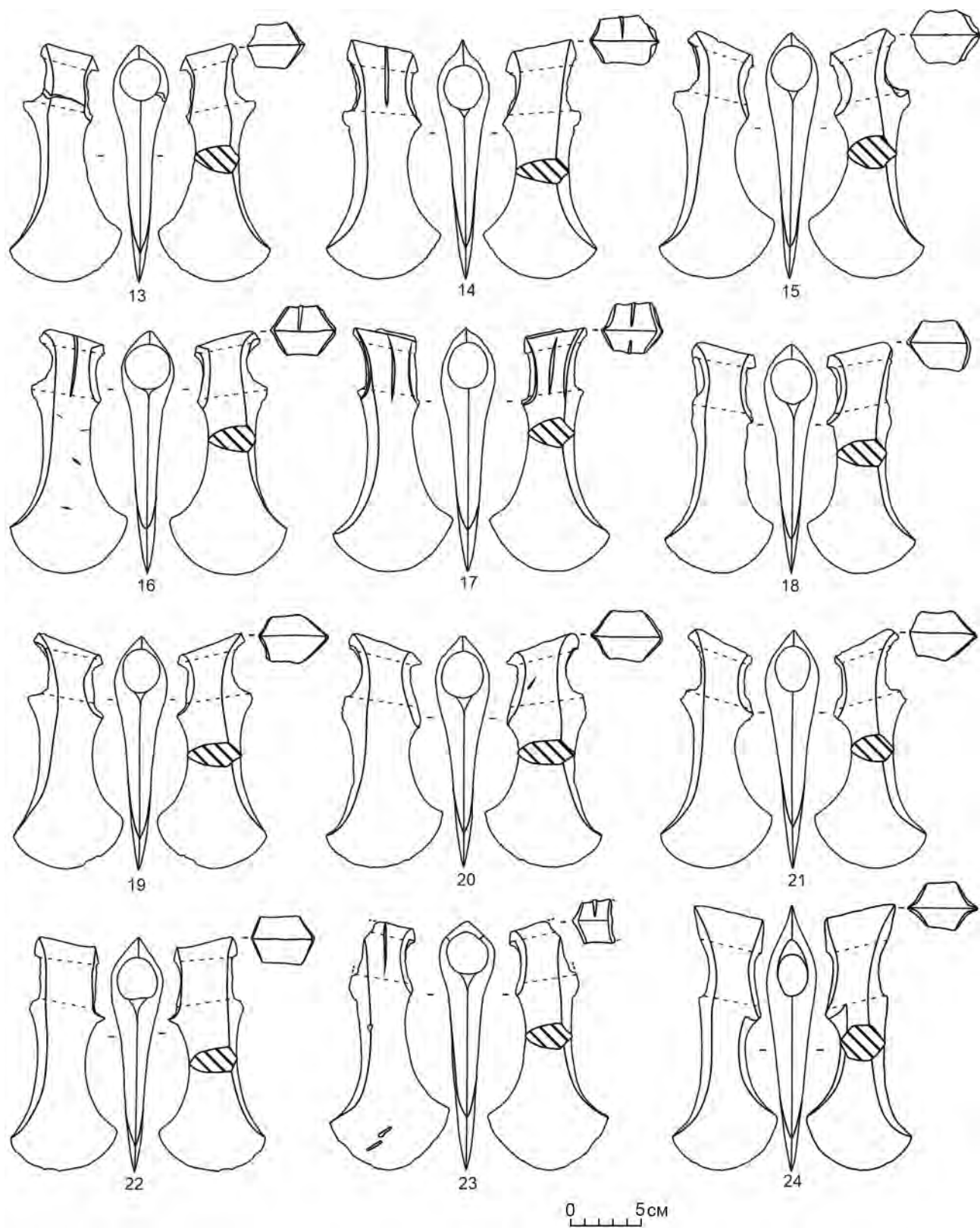

Рис. 2. Лыхненский клад. Топоры 13–24 (номера соответствуют тексту). Рисунки А. Долговой
Fig. 2. The Lykhnynskiy hoard. Axes 13–24 (numbers correspond to text). Drawings by A. Dolgova

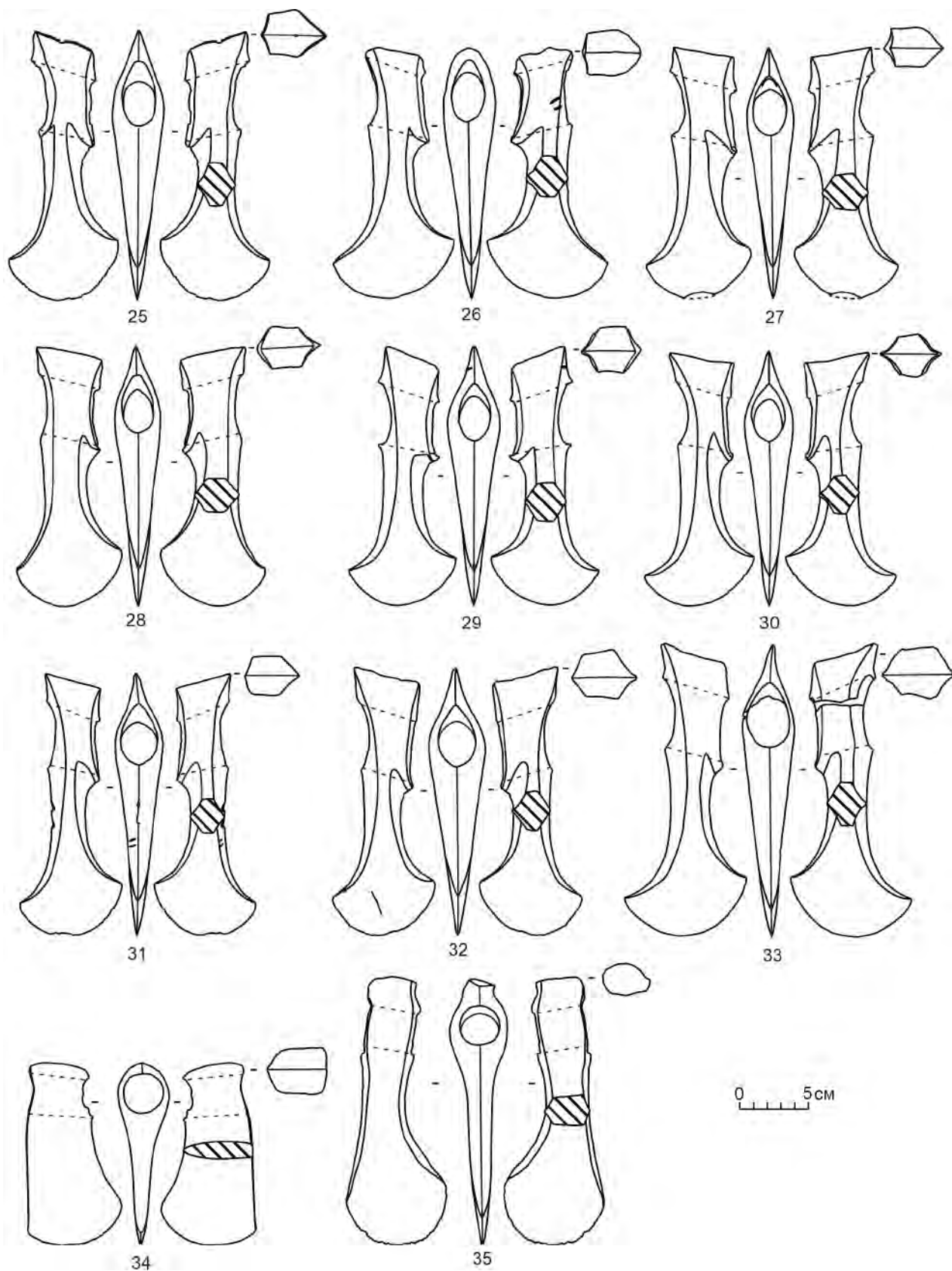

Рис. 3. Лыхненский клад. Топоры 25–35 (номера соответствуют тексту). Рисунки А. Долговой
 Fig. 3. The Lykhny hoard. Axes 25–35 (numbers correspond to text). Drawings by A. Dolgova

Рис. 4. Лыхненский клад. Топоры 1–12 (номера соответствуют тексту). Фотографии авторов
Fig. 4. The Lykhnay hoard. Axes 1–12 (numbers correspond to text). Photos by the authors

Рис. 5. Лыхненский клад. Топоры 13–24 (номера соответствуют тексту). Фотографии авторов
Fig. 5. The Lykhny hoard. Axes 13–24 (numbers correspond to text). Photos by the authors

Рис. 6. Лыхненский клад. Топоры 25–35 (номера соответствуют тексту). Фотографии авторов
Fig. 6. The Lykhny hoard. Axes 25–35 (numbers correspond to text). Photos by the authors

Таблица. Состав сплава предметов из Лыхненского клада.
Измерения с помощью РФА-спектрометра ArtTAX (Brüker) (массовая доля, %)
Table. The composition of the alloy of objects from the Lykhny treasure.
Measurements using an ArtTAX XRF spectrometer (Brüker) (mass, %)

Инвентарный № топора	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Ni	Fe	Прочие
ЛК-4	Основа	6,0–7,0	–	Следы	–	Следы	–	Следы	–
ЛК-5	Основа	4,5–5,0	–	–	Следы	?	–	Следы	–
ЛК-20	Основа	4,0–5,0	–	Следы	–	–	–	Следы	–
ЛК-31	Основа	2,5–3,0	–	–	–	?	Следы	<0,2	–
ЛК-34	Основа	2,5–3,0	–	?	–	Следы	Следы	–	–
ЛК-35	Основа	1,5–2,0	–	–	–	Следы	<1	<0,2	Со

Особенности технического состояния топоров и их химического состава

Хранящаяся в музее часть клада состоит из 35 топоров общим весом 23,3 кг. Вес топоров — от 507 до 781 г, средний вес — 666 г.

Все топоры покрыты зеленой патиной разной толщины и сохранности. На пятой части топоров — вмятины от ударов по корпусу (с патиной и без нее), на одном из топоров имеется глубокая царапина с патиной.

Многие предметы (16 экз.) — с газовыми раковинами, в основном небольшими, но иногда с весьма крупными, что может говорить о низком качестве металла либо технологии заливки. Газовые раковины — у топоров «верхнекубанского» (см. далее), «пиленковского» и сочинского типов.

Также дефектом, образовавшимся после литья (включая особенности остывания отливок), можно считать сколы и выщерблины разного масштаба, со следами патины, на кромках лезвий топоров (14 экз.). Наличие таких сколов ставит под сомнение дальнейшую эксплуатацию некоторых топоров (не менее 5 экз.) по их прямому назначению.

У шести предметов имеются различные дефекты обушной части, делавшие топоры непригодными к эксплуатации: патинированные разрывы металла, крупные газовые раковины, сильные недоливы металла.

На ряде изделий видны не полностью защищенные (или незащищенные) отеки металла, особенно вокруг втулки и по линии соединения половинок литейной формы — это топоры «верхнекубанского» (9 из 10 экз.), колхидского (1 экз.) и особого (1 экз.), по А. А. Иессену, типов.

Часть топоров, очевидно, отливалась в одних и тех же литейных формах, о чем свидетельствуют схожие размеры этих топоров и их схожие дефекты.

Исходя из анализа внешних особенностей топоров можно сделать вывод, что как минимум большая их часть (если не все) не использовалась по прямому назначению. Кроме перечисленных фактов брака об этом свидетельствует отсутствие на кромках лезвий вмятин от ударов, часто являющихся характерными для находившихся в эксплуатации топоров (см.: *Трапиш*, 1970. С. 176).

В отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным на спектрометре ArtTAX (Brüker) был проведен рентгенофлуоресцентный анализ металла нескольких топоров Лыхненского клада⁴. Выборочно проанализированы топоры всех основных форм.

Согласно проведенным анализам топоры Лыхненского клада отлиты из бронзы с легирующими добавками к меди 1,5–7,0 % мышьяка (табл.). Применительно к восточноевропейским находкам такие показатели характерны для II технологического этапа бронзового века (см.: *Бочкарев*, 2019. С. 168).

Особенности классификации топоров Лыхненского клада

10 топоров клада (ЛК-1–ЛК-10) относятся к выделенному А. А. Иессеном верхнекубанскому типу, характерному для прикубанского очага металлургии и металлообработки (*Иессен*, 1951. С. 102–105), а именно к варианту А топоров верхнекубанского типа (*Пелих*, 2021. С. 46, 49). Лыхненский клад — второй по численности зафиксированных документально в одном комплексе топоров этого типа после Боргустанского клада (см.: *Егоров*, 1951).

Для определения места топоров «верхнекубанского» типа из с. Лыхны на схеме развития

⁴ Благодарим С. В. Хаврина и И. Ж. Тутаеву (Гос. Эрмитаж, С.-Петербург) за помощь и проведение анализов.

подобных изделий важны их морфологические особенности, в частности, сечение тулова и форма проушины.

Анализируемые топоры из Лыхны — четырехгранные в сечении. Этим они близки подобным топорам из Пицундского клада (*Иессен*, 1951. Рис. 32, 2, 3) и одному топору (второй — шестигранный) из Упорненского клада (*Аптекарев*, *Козенкова*, 1986. Рис. 1, 7), отличаясь от шестигранных в сечении однотипных топоров из других местонахождений. Четырехгранное сечение характерно для многих топоров среднего бронзового века и начала перехода к позднему бронзовому веку, что было следствием изготовления литьем в спинку.

Проушины у лыхненских топоров «верхнекубанского» типа округлые и овальные, с индексом диаметров (соотношение высоты отверстия к ширине) 1,00–1,26. Для сравнения индекс диаметров подобных топоров из Боргустанского клада — 1,25–2,00, индекс у четырехгранного топора из Упорной — 1,25/1,23. Круглая (а не овальная) проушина обычно считается признаком более ранних кавказских топоров (см.: *Иессен*, 1951. С. 103, 104; *Трапш*, 1970. С. 179, 180; *Корневский*, 1981. С. 20, 36). Однако круглая форма проушины топоров «верхнекубанского» и «протоколхидских» типов могла быть распространена в определенный период одновременно с овальной (овально-заостренной) и поэтому являться не хронологическим, а локальным признаком, показывающим различия в технических навыках в разных производственных очагах (*Коридзе*, 1968. С. 17; *Рамишвили*, 1974. С. 119; *Скаков*, 2005а. С. 265).

13 топоров из клада (ЛК-11–ЛК-23) можно отнести к «пиленковскому» типу изделий (*Иессен*, 1951. С. 81; *Бочкарев*, 1996. С. 97). На основе асимметрично расширенного лезвия и упора для рукояти исследователи выводят их происхождение из топоров «урекского» типа, а далее их форма получает развитие в непосредственно колхидских формах изделий этой категории (см.: *Бочкарев*, *Пелих*, 2022. С. 108).

10 предметов из клада (ЛК-24–ЛК-33) относятся к 1-му подтипу I типа колхидских топоров, по О. М. Джапаридзе (*Джапаридзе*, 1953. С. 284, 285). Согласно Л. С. Сахаровой, это древнейшие формы I типа колхидских топоров (*Сахарова*, 1998. С. 35–37, табл. IV).

Топор ЛК-34 относится к типу, который А. А. Иессен обозначил как топоры короткие сочинские (*Иессен*, 1951. С. 100–102, 106, 107). По своим пропорциям форма этого изделия

уходит в средний бронзовый век и близка топору из Келермесского кургана 5 (ОИАК, 1907. С. 96, рис. 164), а расширяющееся вниз закругленное лезвие сближает его с топорами кобано-колхидских форм.

Топор ЛК-35, по мнению А. А. Иессена (данные из личного архива исследователя), принадлежит особому типу топоров. В пользу этого имеется ряд характеристик: литье со стороны обуха, круглая проушина, закругленная опущенная лезвийная лопасть, почти прямая спинка. Такие топоры могли быть предшественниками кобано-колхидских топоров типа II с прямым асимметричным корпусом, широким лезвием и молоточковидным обухом (см.: *Скаков*, 2005а. С. 266).

По типам входящих в него топоров Лыхненский клад очень близок Пицундскому кладу (*Иессен*, 1951. С. 81, рис. 4, 1, 2; 32, 1–3; *Бочкарев*, 1996. С. 97), что свидетельствует об их синхронности.

Культурная и хронологическая интерпретация

Наш анализ подтвердил, что топоры Лыхненского клада относятся к западно-кавказским формам, в абсолютном большинстве — к колхидским.

Предметы комплекса со времени первых публикаций Д. Л. Коридзе и М. М. Трапш входят в схемы большинства исследователей, занимающихся изучением конца среднего — позднего бронзового века Колхиды, в частности бронзовыми кладами и генезисом топоров Западного Кавказа этого периода.

Так, ряд основных проблем культуругенеза, включая спорные вопросы хронологии поздне-бронзовых древностей Абхазии, обозначил в своих работах А. Ю. Скаков (*Скаков*, 2005б; 2009). Насыщенная карта находок западно-закавказских кладов в пределах от XVIII–XVI до VIII–VII вв. до н. э. представлена О. Д. Лордкипанидзе (*Lordkipanidze*, 2001. P. 185, fig. 1).

Краткая история классификаций колхидских топоров представлена в работе Л. С. Сахаровой (*Сахарова*, 1998. С. 34, 35, табл. I–III). Исследовательница вслед за предшественниками указала лыхненские топоры (наряду с другими) в числе непосредственных прототипов колхидских топоров I типа, датируя эти прототипы и их древнейшие формы XV–XIV вв. до н. э. (*Там же*. С. 35, 37, табл. IV).

В. С. Бочкарев заметил, что благодаря присутствующим в кладе из Лыхны топорам «пиленковского» типа Лыхненский клад связывается с Урекским кладом и тем самым — с ахметовской группой выделенного А. А. Иессеном (*Иессен*, 1951)

прикубанского очага металлургии и металлообработки позднего бронзового века (далее — ПОММ ПБВ). С другой стороны, в составе анализируемогоклада имеются топоры раннего варианта «верхнекубанского» типа, что связывает его с бекешевской группой ПОММ ПБВ. Исходя из этого, Лыхненский клад наряду с Пицундским был помещен на стыке ахметовской и бекешевской хронологических групп ПОММ ПБВ, датируемых соответственно XV–XIII и XII–X вв. до н. э. (Бочкарев, 1996. С. 97, табл.). В настоящее время выделен особый, промежуточный между ахметовским и бекешевским, этап развития ПОММ ПБВ — удобненский (Бочкарев, Пелих, 2008. С. 65).

Верхняя граница существования Лыхненскогоклада нами определяется, исходя из наличия в нем серии топоров «верхнекубанского» типа. Вкладе имеются наиболее ранние топоры этого типа — четырехгранные в сечении, с круглыми и овальными с низким индексом диаметров проушинами. Наиболее близок таким топорам один из топоров Упорненскогоклада с четырехграннымлезвием и овальным проухом с низким индексом, обнаруженный совместно с шестигранным топором с овальной проушиной. Клад из ст. Упорной по присутствующим в нем предметам степных типов относится к VI периоду металлопроизводства позднего бронзового века Восточной Европы, синхронизируемому с раннебелозерским временем (см.: Бочкарев, 2017. С. 176). Синхронны упорненским топорам (или появляются одновременно, но распространены и позднее) шестигранные топоры с овальными с высоким индексом диаметров проушинами типа изделий из Боргустанскогоклада — также бекешевского этапа ПОММ ПБВ.

Нижняя граница датыклада из с. Лыхны определяется находящимися в нем топорами архаичных типов. Особенно важно, на наш взгляд, наличие топоров типа Пиленково, только более «грубых», чем лыхненские, в Урекскомкладе (Бочкарев,

Пелих, 2022. С. 108). Так называемый урекский тип топоров (по своим параметрам еще среднебронзовый) — это распространенная форма ахметовского этапа ПОММ ПБВ, который в абсолютных датах определяется не позднее XV–XIV вв. до н. э. (Бочкарев, Пелих, 2008. С. 64, 65), с возможностью удревнения. В комплексах, которые датируются позднее этого этапа, урекские топоры отсутствуют.

Дата Лыхненскогоклада, с одной стороны, не должна быть заметно ниже «верхнекубанских» топоров типа боргустанских и, особенно, упорненских, а с другой, не должна далеко отрываться от времени самых поздних урекских топоров. Иными словами, как и предполагалось ранее (Бочкарев, 1996. С. 97), наиболее вероятно помещениеклада из Лыхны в период, синхронный удобненскому этапу ПОММ ПБВ (но с возможностью как небольшого омоложения, так и, что более вероятно, удревнения в конец ахметовского этапа). В абсолютных датах Лыхненскийклад должен попадать в промежуток времени XIV — начала XII в. до н. э.

В структурном отношении Лыхненскийклад является так называемым чистымкладом — он состоит из изделий одной категории (Бочкарев, Климушина, 2023. С. 115). Исходя из наличия вкладе серий недавно отлитых (и не всегда обработанных после литья) предметов, включая изготовленные в одной литейной форме, а также наличия у топоровклада дефектов, в том числе делавших некоторые из них непригодными для эксплуатации, комплекс можно считать кладом, депонированным литейщиком либо группой людей, в которую он входил.

Лыхненскийклад, как и подобный ему Пицундскийклад, происходит с территории, которая обозначается как зона бзыбской культуры (этапа ее формирования), входившей в кобано-колхидскую историко-культурную общность (Скаков, 2009. С. 149–155).

Аптекарев, Козенкова, 1986 — Аптекарев А. З., Козенкова В. И. Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной // СА. 1986. № 3. С. 121–135.

Бочкарев, 1996 — Бочкарев В. С. Новые данные о прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посв. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. С. 96–97.

Бочкарев, 2017 — Бочкарев В. С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге

Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень... С. 159–204.

Бочкарев, 2019 — Бочкарев В. С. К вопросу о периодизации памятников бронзового века Юга Восточной Европы // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии): Сб. ст. / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 166–170.

- Бочкарёв, Климушина, 2023* — Бочкарёв В. С., Климушина А. И. К вопросу о классификации и культурно-исторической интерпретации кладов металлических изделий эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа // АВ. 2023. № 38. С. 107–125.
- Бочкарев, Пелих, 2008* — Бочкарев В. С., Пелих А. Л. К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Владикавказ, 21–25 апреля 2008 г.): Тезисы докладов Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2008. С. 64–66.
- Бочкарёв, Пелих, 2022* — Бочкарёв В. С., Пелих А. Л. Связи прикубанского очага металлопроизводства периода поздней бронзы с Центральным и Западным Закавказьем // Записки ИИМК РАН. 2022. № 27. С. 105–116.
- Воронов, 1969* — Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969. 94 с. + 25 л. ил.
- Джапаридзе, 1953* — Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии (к вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры) // СА. 1953. Вып. XVIII. С. 281–300.
- Егоров, 1951* — Егоров Н. М. Боргустанский клад 1941 г. // СА. 1951. Вып. XV. С. 292–295.
- Иессен, 1951* — Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Под ред. Е. И. Крупнова. М.; Л.: Наука, 1951 (МИА; № 23). С. 75–124.
- Кореневский, 1981* — Кореневский С. Н. Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1981. С. 20–41.
- Коридзе, 1968* — Коридзе Д. Л. Клад из сел. Лыхни и вопрос о генезисе колхидско-кобанских топоров // Вестник Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. 1968. Т. XXV–В. С. 16–30 (на груз. яз.).
- ОИАК, 1907* — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1904 год. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1907. 186 с.
- Пелих, 2021* — Пелих А. Л. Бронзовые топоры верхнекубанского типа: хронология и география // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа. Памяти доктора исторических наук В. И. Козенковой / Отв. ред. А. А. Малышев, А. Ю. Скаков. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 44–54.
- Пелих и др., 2023* — Пелих А. Л., Джопуа А. И., Скаков А. Ю. Лыхненский клад бронзовых топоров: старые и новые данные // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: Материалы конф., посв. памяти А. Ю. Скакова / Отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН, 2023. С. 101–110.
- Рашишвили, 1974* — Рашишвили А. Т. Из истории материальной культуры Колхиды. Батуми: Сабчота Аджара, 1974. 137 с. (на груз. яз.).
- Сахарова, 1998* — Сахарова Л. С. Еще раз о типологии колхидского топора // Дзиебани. 1998. № 1. С. 34–42 (на груз. яз.).
- Скаков, 2005а* — Скаков А. Ю. Два бронзовых топора из Бзыбской Абхазии // Четвертая Кубанская археологическая конференция: тезисы и доклады (Геленджик, 05–08 октября 2005 г.) / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: б. и., 2005. С. 264–265.
- Скаков, 2005б* — Скаков А. Ю. К изучению хронологии колхидской культуры // РА. 2005. № 3. С. 16–24.
- Скаков, 2009* — Скаков А. Ю. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы — раннего железа // КСИА. 2009. Вып. 223. С. 143–172.
- Трапи, 1970* — Трап М. М. Труды. Т. 1. Сухуми: Алашара, 1970. 210 с.
- Lordkipanidze, 2001* — Lordkipanidze O. “Gandzebi” kolxuri brinjaos kulturashi (funqciis, definiciisa da kulturul-sociologiuri interpreteciis cda) [“Hoards” in Colchian Bronze Culture (An attempt at functional definition and sociological and ethnocultural interpretation)] // Caucasus essays on the archaeology of the Neolithic-Bronze Age. Dedicated to the 80th birthday of Prof. Otar Japaridze. Tbilisi, 2001 (Dziebani: Center for Archaeological Studies of the Georgian Academy of Sciences; Supplement VI). P. 178–194.

The bronze axes hoard from the village of Lykhny: a modern view

A. L. Pelikh, A. I. Jopua⁵, A. Yu. Skakov (†)

Keywords: Western Caucasus, Late Bronze Age, socketed axes, Colchis unity, Kuban center of metal production.

The article considers a hoard of socketed axes found in 1952 in the village of Lykhny, Abkhazia. The circumstances of this discovery and its introduction into scientific turnover are characterized. High quality photographs and drawings as well as full description of the hoard items are provided for the first time. The characteristics of the axes allow concluding that most of these tools were not used for their intended purpose. X-ray fluorescence analysis of the axes' metal showed that they were made of arsenic bronze. The interpretation of the hoard on the actual research level is proposed, and the hoard's place among the Late Bronze Age sites of the Caucasus is outlined. The peculiarity of this complex consists of the combination of archaic (old) and new forms of axes. The latter then developed not only in the Western Transcaucasia: one form finds continuation and development in the materials of the Kuban center of Late Bronze Age metallurgy and metalworking. The Lykhny hoard is most probably attributed to the period synchronized with the Udobnaya stage of the Kuban center of metal production or to the 14th — early 12th cen. BC in absolute dates.

---

⁵ Alexey L. Pelikh — Armavir State Pedagogical University; Armavir, Krasnodar region, Russia; e-mail: pelich1976@mail.ru. Arkadiy I. Jopua — Abkhazian State Museum; Sukhum, Republic of Abkhazia; e-mail: arkadi100@rambler.ru.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Юго-Восточное Приладожье, Онежско-Ладожский водораздел — ареал курганной культуры (от поиска памятников к синтезу знаний)

С. И. Кочкуркина¹

Аннотация. Курганы Юго-Восточного Приладожья и Прионежья, изучавшиеся несколькими поколениями археологов около 150 лет, являются классическими погребальными памятниками раннего Средневековья с оригинальной источниковой базой по многим актуальным проблемам археологии и истории Северо-Запада России. Использование современных методов естественно-научных дисциплин скорректировало наши знания о прибалтийско-финской культуре X — начала XIII в.

Ключевые слова: Приладожье, Карелия, ареал, материальная культура, комплексные исследования, топонимика, этнос.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-277-282

История открытий и раскопок

Ареал приладожской курганной культуры на рубеже I–II тысячелетий включал Юго-Восточное Приладожье и район Прионежья с бассейнами рек Сяси, Тихвинки, Воронежки, Паши, Капши, Ояти, Свири, Олонки, Тулоксы, Видлицы и северное побережье Онежского озера.

Курганы начали изучаться в 70-х гг. XIX в. финским исследователем Д. Европеусом. Из публикаций известно, что им было раскопано 15 курганов, но эта цифра явно занижена. Его материалы обрабатывались А. М. Талльгреном в 1916 г. и Х. Салоненом в 1929 г. (*Salonen*, 1929).

Из русских ученых курганами интересовался Е. В. Барсов (1879). В период своей службы в Петрозаводске он вел большую краеведческую работу в областях археологии, истории, этнографии и фольклора Олонецкого края. Добытый им из курганов материал хранился в Петрозаводском краеведческом музее, но во время Второй мировой войны, к сожалению, был утрачен.

В 1878–1884 гг. исследования в Приладожье проводил Н. Е. Бранденбург — генерал артиллерии, основатель Артиллерийского исторического музея в Петербурге. Его увлечение археологией

было продиктовано желанием пополнить музей новыми экспонатами. Н. Е. Бранденбург вел раскопки не только в Приладожье, но и на Киевщине, в Молдавии. Широкая образованность, точность и ответственность военного человека сказались на качестве раскопок, которые были выполнены на высоком для того времени уровне. Он опубликовал материалы своих исследований курганов Приладожья, включавшие подробный дневник раскопок (*Бранденбург*, 1895). Большая часть вещей, добытых им, хранится в Государственном историческом музее (Москва) и Эрмитаже.

В предреволюционные годы изучением погребальных памятников занимался А. И. Колмогоров (1914). По далеко неполным данным он раскопал 69 насыпей и 22 сопки, но информация о них либо скудна, либо отсутствует вовсе.

В 1920-е гг. исследование курганов в бассейне р. Ояти проводил В. И. Равдоникас. Интерес к приладожским древностям возник у него еще в 1915 г., когда он обследовал памятники в районе Тихвина. Работы были продолжены и в 1919 г., а с 1926 г. стали систематическими. Они охватили Юго-Восточное Приладожье, южную часть Карелии и северное побережье Онежского озера. В итоге В. И. Равдоникас исследовал 114 памятников, нанес на карту ранее неизвестные курганы, решил некоторые кардинальные проблемы раннесредневековой истории (*Равдоникас*, 1930; 1934; *Ravdonikas*, 1930). Его многолетний помощник

---

¹ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; Петрозаводск, Республика Карелия; e-mail: svetlana.kochkurkina@mail.ru.

© Кочкуркина С. И., 2024

Г. П. Гроздилов — талантливый археолог, обладавший к тому же редкой научной интуицией, внес большой вклад в практическое осуществление почти всех полевых изысканий, проводившихся под руководством В. И. Равдоникаса. Г. П. Гроздиловым также были изучены курганы у с. Чёлмужи (Гроздилов, 1934; 1941; 1947). Кроме коллекций из чёлмужских курганов, хранящихся в Гос. Эрмитаже, остальные материалы, полученные во время работ экспедиций В. И. Равдоникаса в Карелии, к сожалению, во время Второй мировой войны утеряны.

Большая заслуга в исследовании курганов р. Ояти принадлежит А. М. Линевскому — археологу, историку, этнографу, известному карельскому писателю. В течение 1947–1949 гг. он раскопал 158 погребальных памятников. Однако обстоятельства сложились так, что издание результатов раскопок задержалось на несколько десятков лет. Лишь в 1985 г. богатейшие материалы, хранящиеся в фондах Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, были опубликованы (Кочкуркина, Линевский, 1985).

В 1940-х гг. известный финский археолог Э. Кивикоски обследовала две насыпи на р. Видлице (Карелия) (Kivikoski, 1944).

В 1960–1970-х гг. курганы Приладожья и Прионежья изучались С. И. Кочкуркиной, В. А. Назаренко, Г. С. Лебедевым, В. А. Кольчатовым, Т. Л. Верхорубовой и В. Я. Конецким. В это же время научным сотрудником Тихвинского краеведческого музея И. П. Крупейченко произведены раскопки в Тихвинском и частично Бокситогорском районах Ленинградской области. В 1987–1990 гг. О. И. Богуславским и А. Д. Мачинской (1993) исследовался археологический комплекс (курганы, городище и селище) у дер. Городище; в 1989 г. А. М. Спиридоновым раскапывалась разрушенная группа курганов у дер. Кокорино в Уницкой губе Онежского озера (Спиридонов, 1992) (список отчетной документации опубликован в: Кочкуркина, 2013).

В целом вскрыто более 700 насыпей. Примерно в полусотне географических точек имеются еще около 750 неисследованных курганов, сопок и некоторых других памятников. Много насыпей уничтожено в процессе хозяйственной деятельности. Кроме того, найдено несколько кладов восточных и западноевропейских монет XI–XII вв.: на р. Паше — два, р. Ояти — один, р. Свири — шесть. Одновременны приладожской курганной культуре выявленные на территории Карелии три клада монет X–XI вв.

В настоящее время подтверждено, что хронологически курганным древностям синхронны Сясьское городище и селище Чёлмужи. Существует предположение, что Сясьское городище являлось одним из торгово-ремесленных поселений, возникших в VIII–X вв. на международных торговых путях Северной и Восточной Европы (Богуславский, 2007. С. 95–118). В свою очередь не вызывает сомнений связь между поселением Чёлмужи и могильником (Кочкуркина, Спиридонов, 1988. С. 135, 136).

Погребальная обрядность и материальная культура

Курганы Юго-Восточного Приладожья являются классическими погребальными памятниками эпохи раннего Средневековья. Они представляют собой солидную источниковедческую базу, обладающую значительной информативностью по многим аспектам археологии и истории (Кочкуркина, Сумманен, 2021). Топография курганной группы, общность погребальных обрядов с некоторыми синхронными памятниками и в то же время их яркое своеобразие, большие возможности для разработки хронологии как сопровождающего инвентаря, так и памятников в целом — все это вызывает неугасающий интерес к ним. Более того, курганы Юго-Восточного Приладожья, как и подобает образцовым памятникам, служат прекрасным пособием для разработки и совершенствования методики работы с археологическими источниками (Кочкуркина, 2013; 2017).

Несколькими поколениями отечественных и зарубежных археологов успешно осуществлен анализ материальной культуры, определены даты функционирования отдельных категорий предметов (ювелирных изделий, бус, монет, оружия, керамики и др.), что позволило довольно убедительно датировать приладожскую курганную культуру X–XIII вв. (подробнее см.: Кочкуркина, 1973; 1989).

Погребальная обрядность, зафиксированная при раскопках памятников, представляет собой сложное и многообразное явление. Она характеризуется, с одной стороны, комплексом общих черт, что дало основание для определения курганной приладожской культуры как целостного явления, а с другой — множеством вариаций, особенно в конструкции насыпей, в деталях погребальных ритуалов и составе сопровождающего инвентаря. Эту тему детально исследовал В. А. Назаренко в 1970-е гг. (Назаренко, 1974; 1990). Им разрабатывались такие вопросы, как

классификация курганных могильников и погребальных обрядов, разнообразие которых вполне справедливо он связывал с разнообразностью населения: южную часть — с приладожской чудью, восточную — с карелами-ливвиками. Эту точку зрения поддержал А. Н. Кирпичников (1987). Однако понятие «чудь», имеющее собирательный смысл, распространялось и на приладожскую весь. Напомним, что до революции официально и в быту вепсов называли чудью. Этноним «вепсы» утвердился лишь на рубеже 20–30-х гг. XX в., вытеснив существовавшее в прошлом наименование вепсов «чудь» (Пименов, Строгальщикова, 1989. С. 7).

Современные топонимические исследования несколько уточнили ситуацию. Дело в том, что собственно вепские топонимные модели появляются в Белозерье поздно (можно с осторожностью говорить о XIV–XV вв.); они представлены микротопонимами и сосредоточены главным образом в его северо-западной части. В контексте слабого представительства этнонима *vepsä* в прибалтийско-финских языках, а также в вепских говорах есть основания полагать, что весь рубеж I–II тысячелетий — это довепское население, растворившееся позднее в составе прибалтийско-финского вепского населения Межозерья и передавшее ему свой этноним (Макарова и др., 2016). При этом топонимический материал убедительным образом подтверждает прибалтийско-финскую принадлежность создателей культуры курганов. Оказалось, что ареал топонимов так называемой *-L*-овой модели, которые зафиксированы уже в приписке к Уставу Святослава XIII в., накладывается на ареал курганной культуры Юго-Восточного Приладожья; совпадение отмечено как в Южном Присвирье, так и на северных рубежах ареала — в Северном Обонежье (Mullonen, 2017).

Комплексные исследования материальной культуры

Профессиональный научный интерес к материальной культуре — изделиям из цветного металла, железа, серебряным монетам, керамике — на протяжении более ста лет был огромен. На рубеже XX и XXI вв. исследователями былработан современный комплексный подход к интерпретации археологических источников, что существенно расширило возможности археологов и позволило выйти на более высокий уровень понимания исторических процессов.

Металлографическому исследованию были подвергнуты ножи из раскопок А. М. Линевского

на р. Ояти (Хомутова, 1985). Оказалось, что по примененным технологиям кузнечные изделия из курганов не отличаются от аналогичных древнерусских изделий X–XIII вв.

В 2022 г. на кафедре археологии МГУ успешно защищена магистерская диссертация А. Ю. Щедриной «Предметы вооружения из курганов Юго-Восточного Приладожья (IX–XII вв.)», в которой рассмотрены хронология погребений, видовой состав и взаимовстречаемость предметов вооружения в разновременных комплексах, а также их географическое распределение. Сравнительный анализ приладожского военного снаряжения и материалов памятников соседних регионов — Древней Руси, Скандинавии и территорий, заселенных прибалтийско-финскими народами, — позволил выделить два этапа развития вооружения. Первый — X — начало XI в. — характеризуется тесной связью воинской прослойки приладожского общества с элитой формирующегося в это время Древнерусского государства, второй — XI–XII вв. — прекращением поступления на территорию Приладожья древнерусского оружия и близостью набора вооружения с комплексом, характерным для прибалтийско-финского мира. Произошедшие изменения связываются с конфронтацией элит Древней Руси и Юго-Восточного Приладожья из-за желания этого региона сохранить свою политическую независимость (Щедрина, 2021).

Цветной металл. Меднолитейное дело развивалось в русле передовых традиций своего времени. Тщательному анализу подверглись ювелирные изделия из курганов р. Ояти и селища Чёлмужи (Ениосова, 2017). По мнению Н. В. Ениосовой, изделия X — начала XI в. представлены скандинавскими фибулами и местными прибалтийско-финскими украшениями и отражают абсолютное доминирование медно-цинковых сплавов, характерное для эпохи викингов в Скандинавии, Прибалтике, Северо-Западной и Западной Руси.

Монеты и клады. Не остались без внимания нумизматов монеты из погребальных комплексов и клады монет. Атрибуции западноевропейских монет принадлежат А. А. Марковой и В. М. Потину (Потин, 1967; 1968. С. 106–184; 1971; 1993), некоторые уточнения — Т. В. Равдиной (Равдина, 1988), восточных — А. А. Быкову, не определенных по состоянию на 2007 г. восточных монет и единственной византийской — В. С. Кулешову.

В 91 погребении найдены 192 монеты: английские (25), немецкие (96), чешские (7), византийские (6) и восточные (58), а также неопределенные

западноевропейские монеты и их обломки. Монеты с приклепанными ушками вместе с бусами использовались в качестве шейных украшений, монеты с отверстиями могли нашиваться на одежду. Гирьки, весы найдены в мужских погребениях в сопровождении мечей, копий, боевых топоров, что свидетельствует о высоком статусе погребенных и об атрибутах торговца-воина. В большинстве случаев монеты являются надежным временным определителем погребения, но прежде всего необходимо использовать археологический метод датирования по ведущим категориям предметов (Кочкуркина, 2021; 2022).

Текстиль. В курганах обнаружены фрагменты шелковых, шерстяных и льняных тканей, золотных лент, шерстяной и полушерстяной тесьмы, а также нити из шерсти и шелка, которые использовались для шитья и декорирования текстиля. Для определения структуры тканей и природы текстильных волокон применялись методы оптической микроскопии; определялся качественный и количественный состав золотных нитей. Выяснилось, что «металл изготовлен из серебра с примесью золота и меди и позолочен с лицевой стороны металлической полосою нити» (Кочкуркина, Орфинская, 2014. С. 78).

Однако следует отметить слабую источниковую базу сохранившегося текстиля: только из 11 курганов во всем ареале приладожской курганной культуры удалось получить остатки шерстяных, льняных, шелковых тканей, меха, кожи и бересты.

Глиняная посуда. Разработанные в конце 1980-х — 1990-е гг. типологические классификации керамики курганных погребений Приладожья (Спиридонов, 1985; 1989) в 2000-е гг. были дополнены новыми результатами технико-технологического анализа изделий, осуществленного с применением современных методик геохимических исследований (Сумманен, 2019).

Антропология. Напомним, что изучение черепов из курганов Юго-Восточного Приладожья

привело к выводу о неоднородности погребенных в курганах. Одни из них в наибольшей чистоте сохранили черты протоевропейского типа, который, с одной стороны, близок славянам Верхнего Поволжья и Беларуси, а с другой — обнаруживает сходство со скандинавами (Дебец, 1948. С. 240). Отмечена антропологическая близость ильменцев с жителями Северной Европы (Витов, 1964. С. 59, 97). Это объясняет весьма вероятную варяжско-скандинавскую примесь у русских Северо-Запада России. По мнению С. Л. Санкиной (2012. С. 21), известная к настоящему времени серия черепов из приладожских курганов представляет собой местное славянизированное финское население, но вполне возможна и скандинавская примесь, поскольку Приладожье в раннем Средневековье было зоной интенсивных контактов со скандинавами (Там же. С. 151). Что касается антропологического исследования вепсов, то специалисты пришли к заключению, что вепсы представляют собой однородную группу северных светло пигментированных европеоидов с легкой примесью монголоидности. Тип северных вепсов ближе к собственно вепскому антропологическому типу эпохи Средневековья. Он не подвергся ни карельскому, ни русскому влиянию. Облик же южных вепсов, в том числе и средних, несет следы контактов с соседними народами, в первую очередь с русскими (Цветкова, 1993).

Заключение

Примененные археологическим исследовательским сообществом методы естественно-научных дисциплин существенно дополнили и скорректировали наши представления о средневековой материальной культуре приладожских курганов. Обращение к топонимическим свидетельствам убедительно подтверждает прибалтийско-финскую принадлежность создателей курганной культуры.

Барсов, 1879 — Барсов Е. В. Отчет о раскопках в Приоляской Чуди // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. XXXI: Антропологическая выставка. Т. 2. М.: Комитет выставки, 1879. С. 117–122.

Богуславский, 2007 — Богуславский О. И. Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в системе синхронных североевропейских древностей // Северная Русь и народы Балтики: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Труды ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 90–122.

Богуславский, Мачинская, 1993 — Богуславский О. И., Мачинская А. Д. Сясьское городище и поселения Нижнего Поволжья (опыт сопоставления) // Петербургский археологический вестник. СПб.: Фарн, 1993. № 6: Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. С. 117–121.

Бранденбург, 1895 — Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1895 (МАР; Т. 18). 156 с.

Витов, 1964 — Витов М. В. Антропологические данные как источник по колонизации русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 81–109.

- Гроздилов*, 1934 — *Гроздилов Г. П.* Отчет о раскопках курганов близ с. Чёлмужи // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 342. 16 л.
- Гроздилов*, 1941 — *Гроздилов Г. П.* С. Чёлмужи // Археологические исследования в РСФСР (1934–1936 гг.). Краткие отчеты и сведения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 13–14.
- Гроздилов*, 1947 — *Гроздилов Г. П.* Курганы у деревни Чёлмужи: Археологический сб. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1947. С. 111–114.
- Дебец*, 1948 — *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Т. 4. М.; Л.: АН СССР, 1948 (Новая серия). 392 с.
- Ениосова*, 2017 — *Ениосова Н. В.* Техника изготовления и химический состав металла украшений из памятников Юго-Восточного Приладожья и бассейна Онежского озера // *Кочкуркина С. И.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. С. 117–138.
- Кирпичников*, 1987 — *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Труды V междунар. конгресса славянской археологии. М.: Наука, 1987. С. 101–111.
- Колмогоров*, 1914 — *Колмогоров А. И.* Тихвинские курганы. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1914. 26 с.
- Кочкуркина*, 1973 — *Кочкуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 150 с.
- Кочкуркина*, 1989 — *Кочкуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. 345 с.
- Кочкуркина*, 2013 — *Кочкуркина С. И.* Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 160 с.
- Кочкуркина*, 2017 — *Кочкуркина С. И.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 280 с.
- Кочкуркина*, 2021 — *Кочкуркина С. И.* Приладожской курганной культуры: роль естественно-научных методов в интерпретации археологических источников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3 (85). С. 111–118.
- Кочкуркина*, 2022 — *Кочкуркина С. И.* Монеты как хронологический индикатор // *Stratum plus*. 2022. Вып. 6: Мистика повседневности. С. 161–167.
- Кочкуркина*, *Линевский*, 1985 — *Кочкуркина С. И.*, *Линевский А. М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.
- Кочкуркина*, *Орфинская*, 2014 — *Кочкуркина С. И.*, *Орфинская О. В.* Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. 140 с.
- Кочкуркина*, *Спиридонов*, 1988 — *Кочкуркина С. И.*, *Спиридонов А. М.* Поселения эпохи Средневековья // Поселения древней Карелии (от мезолита до эпохи Средневековья). Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1988. С. 121–142.
- Кочкуркина*, *Сумманен*, 2021 — *Кочкуркина С. И.*, *Сумманен И. М.* Средневековые древности. Каталог археологических коллекций ИЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2021. 296 с.
- Макарова и др.*, 2016 — *Макарова А. А.*, *Захарова Е. В.*, *Муллонен И. И.* В поисках топонимических границ в Белозерье // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13, № 1. С. 7–29.
- Назаренко*, 1974 — *Назаренко В. А.* О погребальном ритуале приладожских курганов с очагами // КСИА. 1974. Вып. 140: Восточная Европа в I–II тысячелетиях н. э. С. 39–45.
- Назаренко*, 1990 — *Назаренко В. А.* Приладожская чужь // Финны в Европе. VI–XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 2: Русь, финны, саамы, верования / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин. М.: ИА РАН, 1990. С. 82–93.
- Пименов*, *Строгальщикова*, 1989 — *Пименов В. В.*, *Строгальщикова З. И.* Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности: Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Пименов. Петрозаводск: Карельский фил-л АН СССР, 1989. С. 4–26.
- Потин*, 1967 — *Потин В. М.* Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории древней Руси // Труды Гос. Эрмитажа. Л.: Советский художник, 1967. Т. IX; Нумизматика, 3. С. 106–184.
- Потин*, 1968 — *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л.: Наука, 1968. 239 с.
- Потин*, 1971 — *Потин В. М.* Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Труды Гос. Эрмитажа. Л.: Аврора, 1971. Т. XII; Нумизматика, 4. С. 49–75.
- Потин*, 1993 — *Потин В. М.* Монеты. Клады. Коллекции. Очерки нумизматики. СПб.: Искусство-СПб, 1993. 304 с.
- Равдина*, 1988 — *Равдина Т. В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.: Наука. 1988. 152 с.
- Равдоникас*, 1930 — *Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры. Л.: Тип. им. И. Е. Котлякова, 1930 (Известия ГАИМК; Т. VII, вып. 3/4). 94 с.
- Равдоникас*, 1934 — *Равдоникас В. И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и в Юго-Восточном Приладожье. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934 (Известия ГАИМК; Вып. 94). 51 с.
- Санкина*, 2012 — *Санкина С. Л.* Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2012. 207 с.

- Спиридонов*, 1985 — *Спиридонов А. М.* Керамический материал из оятских курганов (по материалам раскопок А. М. Линецкого) // *Кочкуркина С. И., Линецкий А. М.* Курганы летописной веси X — начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 196–204.
- Спиридонов*, 1989 — *Спиридонов А. М.* Керамика приладожской курганной культуры // *Кочкуркина С. И.* Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 303–315.
- Спиридонов*, 1992 — *Спиридонов А. М.* Раннесредневековые памятники Кокорино // *Заонежский сборник.* Петрозаводск: КИЦ РАН, 1992. С. 29–48.
- Сумманен*, 2019 — *Сумманен И. М.* Керамика средневековой Карелии (по материалам археологических памятников X–XV вв.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 265 с.
- Хомутова*, 1985 — *Хомутова Л. С.* Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов Юго-Восточного Приладожья // *Кочкуркина С. И., Линецкий А. М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 207–217.
- Цветкова*, 1993 — *Цветкова Н. Н.* Антропология вепсов (обзор и новые данные) // *Историческая этнография.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. Вып. 4. С. 26–48.
- Щедрина*, 2021 — *Щедрина А. Ю.* Предметы вооружения Юго-Восточного Приладожья и Прионежья (из коллекции курганных древностей) // *Средневековые древности.* Каталог археологических коллекций ИЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск, КарНЦ РАН, 2021. С. 251–292.
- Kivikoski*, 1944 — *Kivikoski E.* Zur Herkunft der Karelier und ihrer Kultur // *Acta Archaeologicae.* Kshbenhavn, 1944. Vol. 15, fasc. 1–2. S. 1–28.
- Mullonen*, 2017 — *Mullonen I.* The heritage of the Veps non-Christian onomasticon in southern Svir settlement names // *Personal name systems in Finnic and beyond /* Eds. T. Ainiala, J. Saarikivi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2017 (*Uralica Helsingiensia*; Vol. 12). P. 185–218.
- Ravdonikas*, 1930 — *Ravdonikas W. J.* Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm: Akademiens forlag, 1930. 151 с.
- Salonen*, 1929 — *Salonen H.* Grdberfunde aus dem Ladogagebiet // *Eurasia septentrionalis antiaua.* Helsingfors: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1929. Bd. 4. S. 229–249.

South-Eastern Ladoga Region and Onega-Ladoga Watershed as the Area of the Kurgan Culture (from the search for sites to the synthesis of knowledge)

S. I. Kochkurkina²

Keywords: Ladoga region, Karelia, researchers, material culture, comprehensive research, toponymy, ethnic group.

The burial mounds of the South-Eastern Ladoga and Onega regions studied by several generations of archaeologists for about 150 years are classic funerary sites of the Early Middle Ages, that provide original source base on many pressing problems of archaeology and history of North-West Russia. The use of modern methods of natural sciences has adjusted our knowledge about the Baltic-Finnish culture of the 10th — early 13th cen.

² Svetlana I. Kochkurkina — Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre Russian Academy of Sciences; Petrozavodsk, Republic of Karelia; e-mail: svetlana.kochkurkina@mail.ru.

Раскопки Центрального городища в Гнёздове в 1940 г.

А. А. Гиблова, Н. А. Кренке¹

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот материалы из научного архива ИИМК РАН о раскопках 1940 г. на Центральном гнёздовском городище. Впервые представлена керамика, обнаруженная в ходе этих работ, а также анализируется разрез культурного слоя городища. В итоге сделано предположение, что, вероятно, авторы первой публикации — Н. В. Андреев и Н. П. Милонов — были ближе к истине, отстаивая «длинную хронологию» городища, нежели последующие исследователи, ограничивавшие период его основного существования X в.

Ключевые слова: городище, лепная керамика, стратиграфия, Гнёздово.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-283-297

Центральное городище является важнейшим археологическим памятником в составе Гнёздовского комплекса, к сожалению, фактически не введенным в научный оборот. В настоящее время почти вся его поверхность перекопана выемкой железной дороги, траншеями военного времени и археологическими раскопами разных лет (рис. 1). Однако материалы раскопок почти не опубликованы. Существуют лишь три кратких текста, основанных на докладах, прочитанных на пленуме ИИМК в марте 1941 г. (Андреев, Милонов, 1945; Тиханова, 1945; Андреев, 1948), и одна предварительная статья и тезисы Т. А. Пушкиной, которая проводила исследования рядом с раскопом 1940 г., частично даже перекрывая его (Пушкина, 2003; Пушкина и др., 2015)².

Авторы публикации хорошо осознают, что дискуссия о хронологии Гнёздовского комплекса

имеет достаточно длительную историю и значительную литературу (Каинов, 2014; 2015; Ляпушкин, 1971; Мурашева и др., 2020; Пушкина и др., 2012; и т. д.). Спор в перечисленных публикациях велся в основном о наличии/отсутствии на памятнике горизонта IX в. Появление серии радиоуглеродных дат заставило расширить временные рамки до VIII в. Однако материалы раскопок 1940 г. и их опубликованная хронологическая атрибуция авторами раскопок, которая допускала удревнение главного поселения комплекса до V в. н. э., оставалась почти без комментариев. Настоящая публикация не претендует на решение вышеуказанной проблемы хронологии Гнёздовского комплекса, так как для этого требуется привлечение обширного круга источников, накопленных в последние десятилетия. Наша задача более локальна — постараться осветить лишь один из источников, важных для изучения Гнёздова, а именно материалы раскопок Центрального городища 1940 г.

Документация по работам 1940 г., хранящаяся в архиве ИИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 1940. Оп. 1. Д. 170, 172), позволяет существенно дополнить ранее опубликованные данные, а в некоторых моментах скорректировать их. Цель настоящей публикации заключалась во введении в научный оборот чертежной документации и, главное, находок керамики, которую можно атрибутировать по хорошим фототаблицам (сам материал утрачен).

¹ Гиблова А. А. — Государственный Эрмитаж; С.-Петербург, Россия; e-mail: giblovaaa@yandex.ru. Кренке Н. А. — Институт истории материальной культуры РАН, Институт географии РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: nkrenke@mail.ru.

© Гиблова А. А., Кренке Н. А., 2024

² В тезисах Т. А. Пушкина отмечает (Пушкина, 2012. С. 208), что ей удалось трассировать южную, северную и восточную стороны раскопа 1940 г. Однако она неправильно ставила под сомнение достоверность отчета 1940 г. относительно площади раскопа и его формы. Чертежи раскопа показывают, что первоначальный квадрат со сторонами 10 × 10 м был затем уменьшен и форма раскопа изменена.

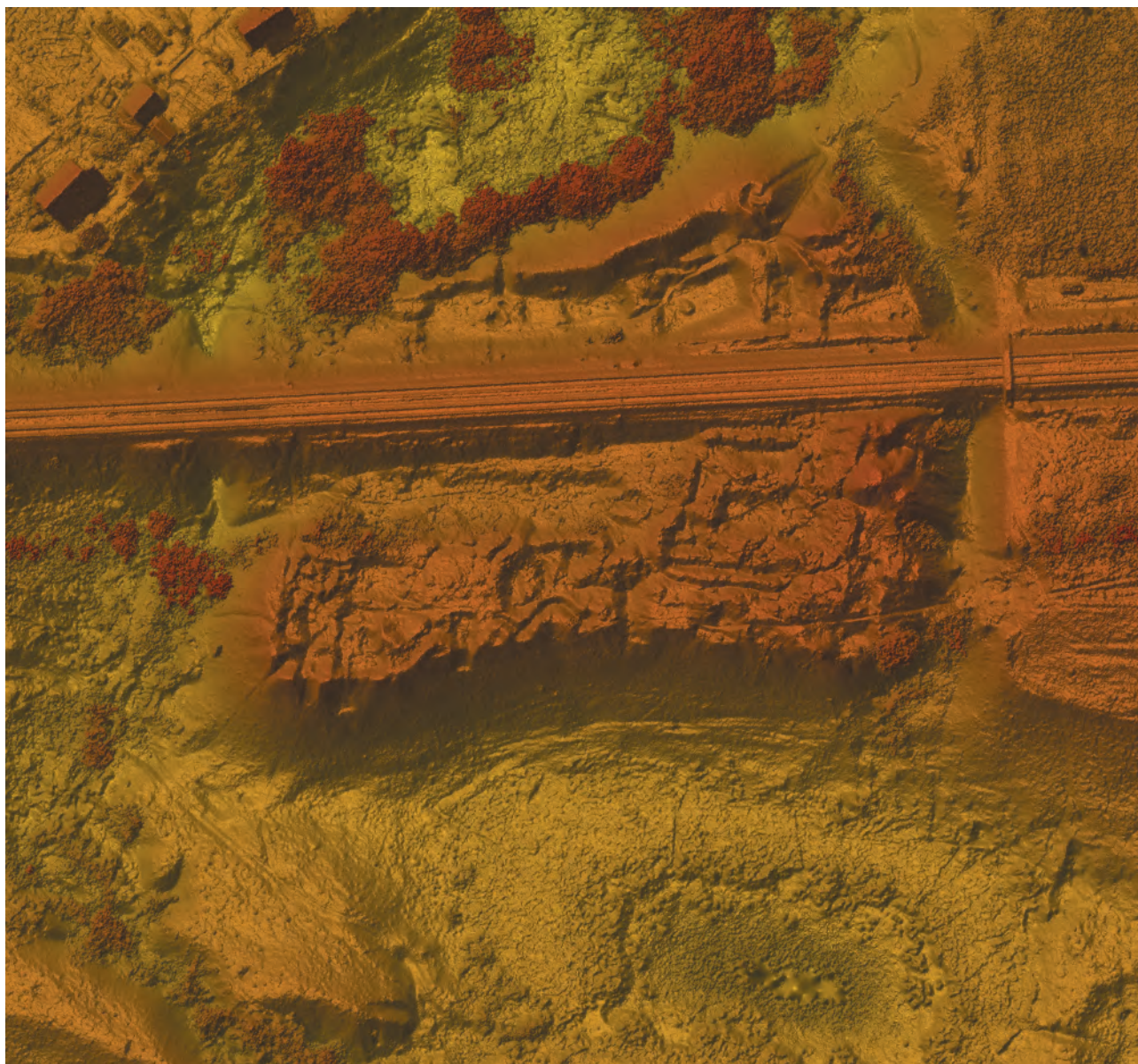

Рис. 1. Центральное гнёздовское городище, снятое с квадрокоптера в 2020 г. (автор — К. А. Ганичев)

Fig. 1. The Central settlement of Gnezdovo, filmed from a quadcopter in 2020 (photo by K. A. Ganichev)

Организация работ 1940 г.

Руководителями раскопок являлись три человека: Н. В. Андреев (1907–1970), доцент исторического факультета Смоленского государственного педагогического института (ныне Смоленский ГУ); Е. А. Калитина (1894–1982), старший научный сотрудник Смоленского областного государственного музея³; Н. П. Милонов (1896–1975), научный

сотрудник московского НИИ краеведческой и музейной работы. В раскопках принимали участие семь нанятых рабочих, а также студенты третьего–четвертого курсов Смоленского и Калининского педагогических институтов. Смоленские студенты прошли через археологический кружок, который вели в институте Е. А. Калитина и Н. В. Андреев. Важно отметить, что удалось проследить дальнейшие судьбы двух участников тогдашних раскопок. Они, вернувшись с фронта, стали ключевыми фигурами в развитии народного образования и краеведения на Смоленщине. Это Абрам Григорьевич Норштейн (1920–2002) —

³ С 1929 по 1937 г. Смоленск и его область были включены в Западную область РСФСР, и Смоленский областной музей был переименован в Западный; это название просуществовало до 1950-х гг.

директор школы в Кардымовском районе, затем преподаватель истории в Смоленске, и Георгий Трофимович Рябков (1919–1993) — работник РОНО в Монастырщине, комсомольский секретарь, заведующий кафедрой истории СССР и, наконец, декан исторического факультета Смоленского государственного университета.

Из переписки, связанной с заявкой на получение открытого листа, следует, что первоначально в ИИМК план раскопок в Гнёздове был воспринят с настороженностью. Первая заявка была отклонена из-за недостаточной квалификации Н. В. Андреева, хотя участница проекта Е. А. Калитина ранее уже получала открытые листы и успешно за них отчитывалась (Калитина, 2001). В личном письме, обращенном к заведующей полевым комитетом В. В. Гольмстен, подтвержденным официальным письмом за подписью ректора Смоленского пединститута, Н. В. Андреев доказывал свою компетентность, сообщая, что им недавно была защищена кандидатская диссертация на тему «Великий Гнёздовский могильник». Эта информация не находит подтверждения, о существовании такой работы нам неизвестно.

Предыдущие раскопки Центрального городища в Гнёздове осуществлялись Западным областным музеем, очевидно, под руководством Е. А. Калитиной, в 1935 г. Сведений об этих работах очень мало, только указание на них в книге Н. В. Андреева (Андреев, 1951. С. 22, 23), а также информация на плане городища из отчета 1940 г., который публикуется в настоящей статье (рис. 2). Судя по этому плану, одна из траншей 1935 г. прорезала вал, а две другие «провидчески» прошли по южной кромке площадки городища, поврежденной затем траншеями военного времени.

Раскопки 1940 г. были на редкость удачными: была выявлена сложная стратиграфия памятника, зафиксирован неизвестный ранее в Гнёздове тип погребения, обнаружено много золотых и серебряных украшений. Эти вещи удалось спасти во время войны (ныне хранятся в Смоленском музее-заповеднике, коллекция СОМ 5488), и именно они были опубликованы в статье М. А. Тихановой. За рамками публикации осталась вся чертежная документация (фотодокументацию по работам 1940 г., которая существовала, судя по тексту отчета, пока обнаружить не удалось) и коллекции остальных вещественных находок, включая керамику. Подавляющая часть этих «недрагоценных» вещей была утрачена. В результате оказались под вопросом такие утверждения авторов публикации 1945 г., как, например, «открытое

нами в нижнем слое жилище, судя по лепной керамике, позднедьяковского типа относится, вероятно, к середине первого тысячелетия н. э.» (Андреев, Милонов, 1945. С. 28).

Нужно отметить также, что в тексте докладной записки Н. П. Милонова (приложение 1) имеются некоторые разночтения. Так, с одной стороны, древнейший нижний слой городища он датирует VI–VIII вв., с другой — «землянку» в основании этого слоя относит к середине I тыс. н. э. Непонятно, являлись ли для автора эти датировки синонимичными.

Обращение к архивной документации позволяет внести ясность в вопрос о керамике, так как в отчете имеются профессионально выполненные фототаблицы находок, нашитых на планшеты. Также, несмотря на некоторую примитивность, ценную информацию несут чертежи, особенно учитывая, что пока не было опубликовано ни одного разреза культурного слоя Центрального гнёздовского городища.

Текст отчета позволяет в общих чертах реконструировать методику работ. Раскопки велись пластами толщиной 30 см. Раскоп размером 10 × 10 м был разделен на квадраты площадью 1 кв. м с буквенно-цифровой нумерацией. Участки разделяла бровка, которая постепенно снималась. Вдоль бортов делались контрольные прокопы. При обнаружении ценных находок предпринималось просеивание культурного слоя. Собирался весь массовый материал, включая остеологический. В ходе работ было установлено, что западная часть раскопа прорезана поздней ямой, из-за чего итоговый раскоп стал меньше в размерах. Отсчет глубин велся от поверхности раскопа, при этом указывалось, от какого именно борта. Чертежная документация в отчете очень неполная, в основном упор делался на словесные описания в дневнике, который насчитывает 22 машинописные страницы (извлечения из этого дневника см. в приложении 2). Возможно, не все чертежи были перебелены, так как в докладной записке Н. П. Милонова, отправленной в ИИМК уже 14 июля (приложение 1), когда раскопки близились к концу, указывается, что чертежи выполняются на миллиметровке. Эти полевые чертежи не обнаружены. Раскопки велись очень интенсивно, работа начиналась в семь часов утра, и за девять дней (с 8 по 16 июля) раскоп с более чем двухметровым культурным слоем был доведен до материка и затем засыпан.

Важно отметить, что Н. П. Милонов и Е. А. Калитина в 1939 г. проводили археологические

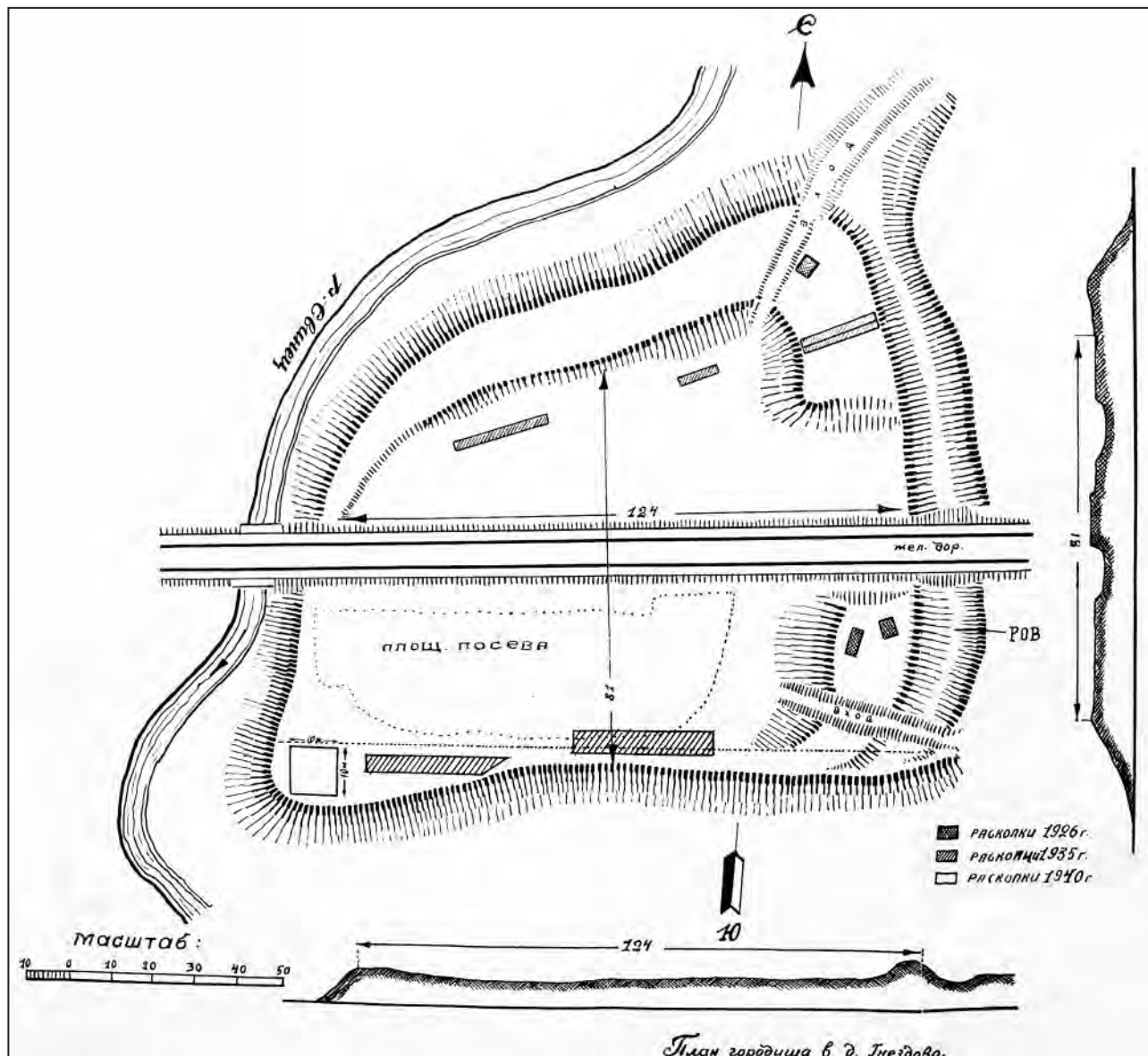

Рис. 2. План Центрального гнездовского городища с раскопом 1940 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 172. Л. 1). План, очевидно, является скорректированной копией с плана, опубликованного в работе А. Н. Лявданского (Лявданский, 1924. Табл. XXXIV). Указание на раскопы 1926 г. является ошибочным, это раскопы более раннего времени, отмеченные уже в публикации 1924 г.

Fig. 2. Plan of the Central settlement of Gnezdovo with the 1940 excavation (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1940. F. 172. Sh. 1). The plan is obviously a corrected copy of the previous one published in the work of A. N. Lyavdanskyy (Лявданский, 1924. Табл. XXXIV). The reference to the excavations of 1926 is erroneous; these excavations were conducted earlier and noted already in the publication of 1924

наблюдения на Соборной горе Смоленска, в ходе которых обнаружили лепную керамику, которую авторы работ вполне справедливо датировали VI–IX вв. (Тихомирова, 1948. С. 211). Однако применительно к Гнездову они опирались на более общие распространенные в то время соображения, а именно, что лепная керамика примитивной баночной формы с немного отогнутым наружу

венчиком, несущим пальцевые вдавления по краю, может быть сопоставлена с материалами середины I тыс. н. э. Банцеровского городища в Белоруссии и Дьякова городища в Москве. Вторым стереотипом, оказавшим влияние на интерпретацию выявленного при раскопках, было обнаружение «землянок», о чем многократно заявлялось в работах В. А. Городцова и других относительно раскопок

поселений. Этот стереотип довлел над исследователями Гнёздова, которые также увидели «землянки» в своем раскопе.

Архивные документы (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 1940. Оп. 1. Д. 170. Л. 13) свидетельствуют, что раскопки Гнёздовского городища той же командой планировалось продолжить в 1941 г. Заявка датирована 10 июня 1941 г. Экспедицию намечали начать в июле. По очевидным причинам этого не произошло.

Стратиграфия и находки

Итак, обратимся к чертежной документации по стратиграфии раскопа. Общая мощность напластований составила 1,6 м, что измерено по левому (северному) краю профиля восточного борта. Эта цифра расходится с указанием в докладной записке Н. П. Милонова, что достигнута глубина раскопа 2,75 м, а также с данными дневника, где отмечается, что по восточной стороне раскопа «подстилающий» (то есть материковый) слой обнаружен на глубине 2,25 м (дневниковая запись от 16 июля). Вероятно, чертеж профиля был сделан ранее окончания работ, тем не менее на нем отражены наиболее важные особенности стратиграфии памятника.

Верхнюю часть напластований представляет горизонт, содержащий находки XVII в., в том числе кирпичи, то есть этот пласт сформировался в период функционирования резиденции польского епископа Петра Парчевского. Мощность верхнего слоя не превышает 40 см, его нижняя граница относительно ровная и залегает горизонтально. Подстилающий второй горизонт, по словам Н. П. Милонова, отличался опесчаненностью и содержал керамику XII в. Нужно отметить, что у Н. П. Милонова, несомненно, был опыт определения подобной керамики, так как он производил ранее раскопки в нескольких древнерусских городах, в том числе в Коломне, Дмитрове, Радонеже, Торопце. Сомнение вызывает тот факт, что один из раскопанных в Гнёздове курганов исследователи также отнесли к XII в. (видимо, актуализируя свой «подмосковный опыт»). В данном случае это очевидная ошибка. В представленных на таблице из отчета фрагментах керамики из кургана 6 материал более ранний — конца X — начала XI в. Теоретически можно допустить, что исследователи не различали четко керамику X–XI и XII вв. Однако на фототаблицах в отчете о раскопках мы находим подтверждение тому, что в верхнем горизонте памятника встречалась керамика XII в. Так, на одном листе альбома представлены венчики эсвидной формы с округлым окончанием (№ 6–8), найденные на глубине 30 см (НА ИИМК

РАН. РО. Ф. 35. 1940. Оп. 1. Д. 172. Л. 63). На другом листе также отображен венчик XII в. с характерным орнаментом в виде «ожерелья» коротких радиально расположенных насечек по верхней части плечика (Там же. Л. 61). К сожалению, отсутствуют профили венчиков, но, тем не менее, атрибуция по фото представляется весьма вероятной (рис. 3, 1–4). Мощность горизонта с находками XII в. в северной части профиля достигает 80 см; очевидно, что с этого уровня были спущены ямы, прорезающие нижележащие слои. Видимо, этот второй слой имел отличие по цвету (был более светлым) по сравнению с подстилающим его горизонтом, насыщенным угольками. Важно отметить, что авторы позднейших раскопок пришли к тем же выводам о датировке верхнего слоя (Пушкина и др., 2015. С. 189).

Вплоть до настоящего времени период XII в. остается для Гнёздова очень малоизученным. Пока нет ответов на вопросы, где именно располагались кладбище и церковь, которые использовали жители Центрального городища того времени.

Ниже залегал третий слой, который сейчас называют «гнёздовским», датированный Н. В. Андреевым и Н. П. Милоновым IX–X вв. Он отличался от вышележащего более темным (темно-серым) цветом из-за насыщенности угольками. Мощность этого горизонта в центральной части разреза составляет около 60 см, в левой части он тоньше из-за впущенных сверху ям, в правой, наоборот, толще, так как расположение здесь склона способствовало более интенсивному накоплению культурного слоя. Датировка горизонта X в. сомнений не вызывает. Авторы были знакомы с материалами раскопок гнёздовских курганов и сопоставили находки из них с аналогичными из третьего слоя. IX в. был заимствован, очевидно, из публикации В. И. Сизова (Сизов, 1902. С. 35).

Главным открытием, связанным с третьим слоем, было погребение, изобиловавшее дорожками украшениями. Погребальная яма хорошо читалась в разрезе восточного борта раскопа. Судя по чертежу, захоронение относилось к начальной фазе формирования третьего слоя. Раскопки этого ценного погребения довольно подробно описаны в публикации (Андреев, Милонов, 1945) и дневнике (см. приложение 2). Разбор заполнения погребальной ямы (камеры) производился достаточно аккуратно, на разрезе отмечены четыре уровня фиксации (обозначены буквами *a*, *b*, *v*, *z*). В чертежной документации к отчету прилагаются три послойных плана и один дополнительный рисунок, показывающий характер залегания серебряной цепочки (рис. 4). Сама эта цепочка опубликована М. А. Тихановой (Тиханова, 1945. Рис. 21, 1).

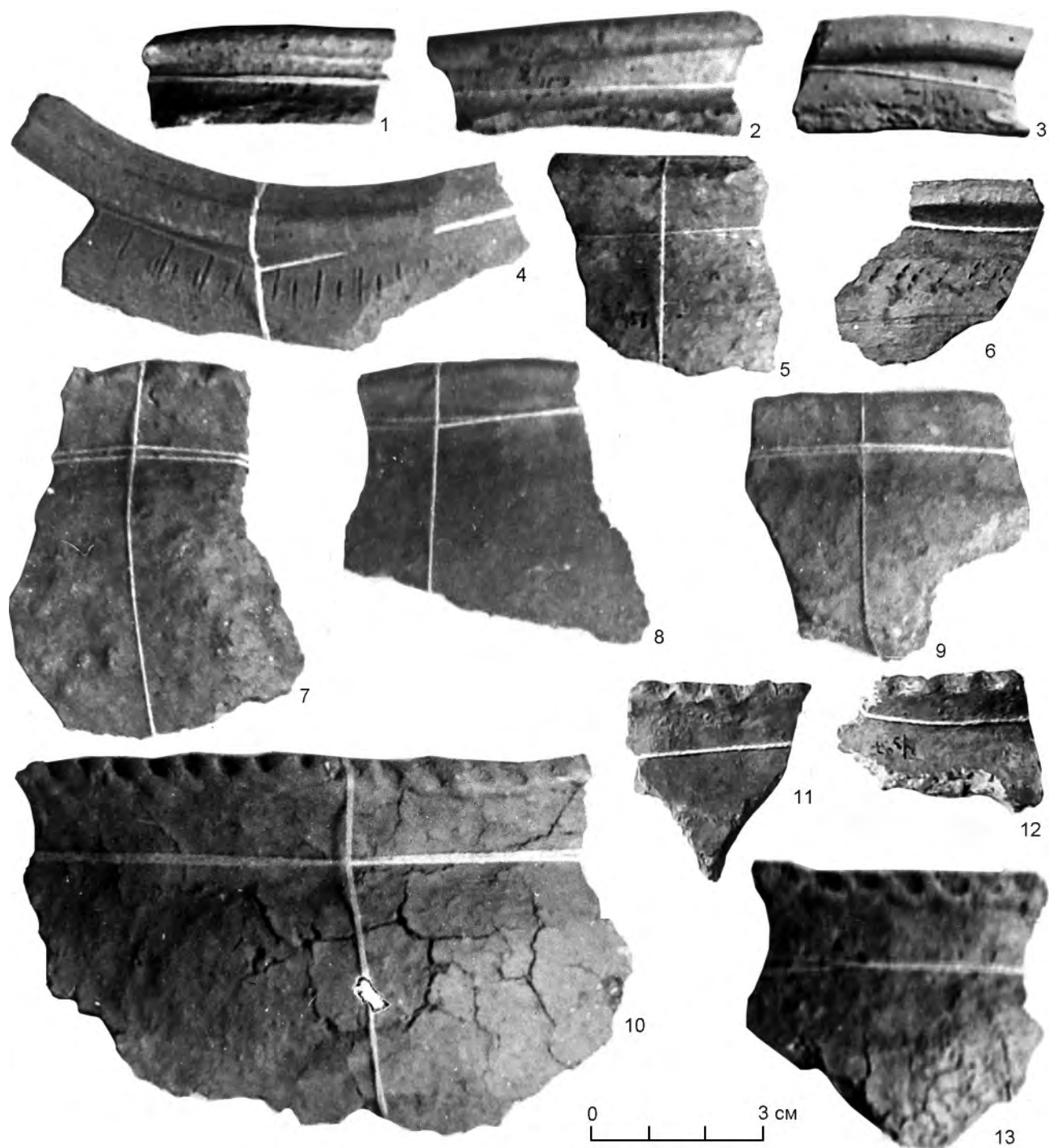

Рис. 3. Керамика из раскопа 1940 г. на Центральном гнездовском городище. Составлено по фототаблицам из отчета 1940 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 172. Л. 53, 59, 60, 63): 1-4 — древнерусская керамика XII-XIII вв.; 5, 6 — раннекюлевая керамика X — начала XI в.; 7-13 — лепная керамика последней четверти I тыс. н. э. Глубина залегания: 1, 3 — 0,30 м; 2 — 0,50 м; 4, 11 — 1,30 м; 5, 10, 12 — 1,20 м; 6 — 1,75 м; 7 — 1,45 м; 8, 9 — 1,40 м; 13 — 2,0 м

Fig. 3. Ceramics from the 1940 excavation at the Central settlement of Gnezdovo. Compiled from the photo tables from the 1940 report (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1940. F. 172. Sh. 53, 59, 60, 63): 1-4 — Old Rus' ceramics of the 12th-13th cen.; 5, 6 — early wheeled ceramics 10th — early 11th cen.; 7-13 — molded ceramics of the last quarter of the 1st mill. AD. Depth of occurrence: 1, 3 — 0.30 m; 2 — 0.50 m; 4, 11 — 1.30 m; 5, 10, 12 — 1.20 m; 6 — 1.75 m; 7 — 1.45 m; 8, 9 — 1.40 m; 13 — 2.0 m

Среди находок, вероятно, связанных с данным слоем, но не вошедших в публикацию, нужно отметить сильно коррозированную скандинавскую равноплечую фибулу; бронзовую трапециевидную привеску (сохранилась в коллекции Смоленского музея, инв. № СОМ 5488/15), типичную для древностей круга смоленско-полоцких длинных курганов; гирьку от весов; поясную бляшку; лунницу; подвеску с плетеным орнаментом; железную пряжку; серию бус (рис. 5). Все это находки весьма типичны для Гнёздова.

Наконец, в основании разреза залегал нижний (четвертый) культурный слой, который отличался еще более высокой насыщенностью угольками и почти черным цветом. По находкам он выделялся преобладанием лепной керамики (это проходит рефреном по страницам дневника). Из дневника сложно понять, встречалась ли в нижнем слое круговая керамика. Это трудно определить еще из-за того, что он был прорезан ямой погребения X в. Мощность данного напластования довольно значительна — до 80 см, причем слой сохранял равную толщину на протяжении всего разреза. Линия материка практически горизонтальна, нет никаких углублений, которые могли бы указывать на наличие землянок. Постройка, обнаруженная в основании нижнего слоя, имела очаг из камней с некоей столбовой конструкцией вокруг него. Стены были сооружены из горизонтально лежащих бревен. Возможно, это сруб, однако нам неизвестно, насколько с методической точки зрения был качественно зачищен материк и не были ли пропущены столбовые ямы (рис. 6).

Нужно отметить, что неясности, возникающие при интерпретации материалов 1940 г., могут быть проверены при анализе раскопов 2008–2012 гг., которые непосредственно примыкали к раскопу 1940 г. Но это будет уже задача следующей работы. Пока же можно отметить, что нижние слои, по подсчетам Т. А. Пушкиной, содержали до 85 % лепной керамики, а некоторые ямы — до 100 % (Пушкина, 2012. С. 207).

Актуален и вопрос культурно-хронологического определения лепной керамики из нижнего, четвертого, слоя. Сравнение керамического комплекса, представленного на фототаблицах, позволяет найти ответ. Сразу можно отвергнуть параллели с позднедьяковской керамикой, которая хорошо известна одному из авторов данной статьи (Кренке, 2011). Для позднедьяковской керамики характерен орнамент на плечиках и тулове горшков. Здесь же мы этого не видим. Сопоставление с керамикой Банцеровского городища в Белоруссии, которую приводили в качестве аналогии авторы отчета 1940 г., также не

позволяет с ними согласиться. Банцеровская керамика другая, для нее нехарактерны пальцевые вдавления на венчике, имеются ребристые и биконические формы (Лопатин, 1993; Ляшкевич, Касюк, 2019)⁴.

Лепная керамика из раскопа 1940 г. имеет прямые аналогии среди находок из гнёздовских курганов и поселения (Каменецкая, 2019; Пушкина, 1973). Основной же массив аналогий происходит с памятников, входящих в ареал культуры смоленско-полоцких длинных курганов, которые датируются в пределах VIII–X вв. Ближайший комплекс — это керамика с Соборной горы Смоленска, имеющая верхний хронологический предел не позднее начала X в. (Кренке и др., 2023. Рис. 5). Учитывая мощность нижнего слоя, можно предполагать, что в нем представлен IX в., а возможно, и VIII. Однако следует отметить, что комплекс вещей (скандинавских или кривичских), характерных для этого времени, в раскопе не найден. Т. А. Пушкина датировала нижний слой памятника на смежном участке «не ранее второй четверти — середины X в.» (Пушкина, 2012. С. 209). Ее главный аргумент — находки в слое единичных фрагментов круговой керамики — не представляется убедительным. «Загрязнение» нижележащих слоев при интенсивной жизни в X в. неизбежно.

Теперь следует обратить внимание на еще одну важнейшую особенность разреза восточного борта. В правой части, то есть у кромки берега, мы видим валообразную песчаную насыпь, которую перекрывает, обтекая ее, нижний слой (рис. 6). Эту насыпь Н. П. Милонов в своей докладной описал как вал (см. приложение 2). Можно с ним согласиться⁵. Действительно, именно так выглядят верхние части валов. Но из этого следует, что вал относится к более раннему этапу, чем формирование четвертого слоя!

Действительно, на Центральном гнёздовском городище и поблизости от него были обнаружены находки второй четверти I тыс. н. э. Укажем на шпору с эмалью с городища, датированную V в. н. э. (Радюш, 2021. С. 312), фрагменты керамики с расчесами, горшки с биконической формой тулова с примыкающего к городищу селища (Шмидт, 1974. Рис. 4).

Очень важная находка, видимо, из того же вала, была сделана в 1990 г. В насыпи была

⁴ Авторы приносят искреннюю благодарность Н. В. Лопатину за консультации относительно банцеровской керамики.

⁵ Т. А. Пушкина и коллеги в предварительной публикации вал не описывают, и неясно, был ли он в их раскопе. Они описывают эскарп чуть ниже на склоне (Пушкина и др., 2015. С. 193).

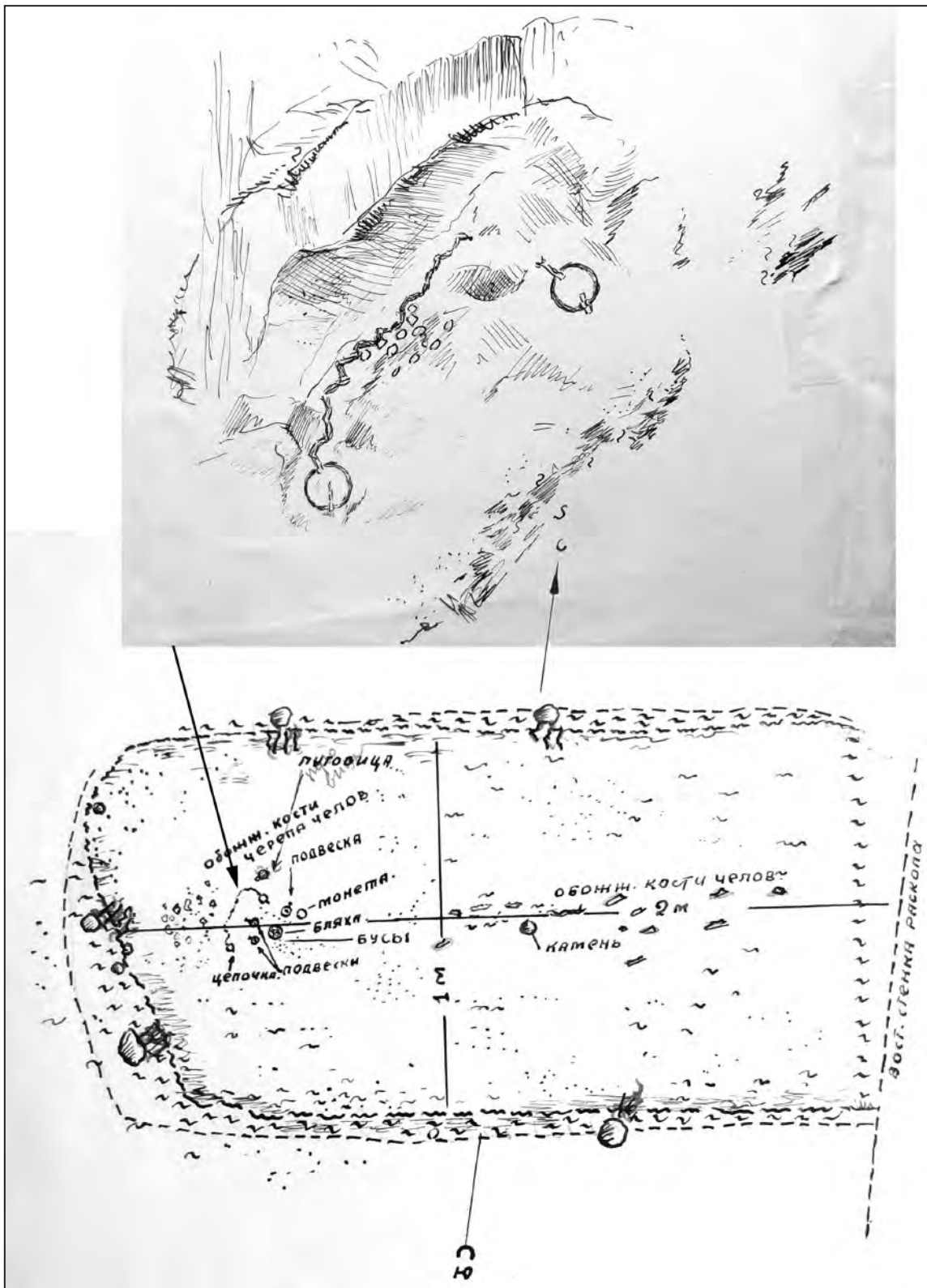

Рис. 4. Чертеж нижнего уровня расчистки погребения на глубине 1,4 м, квадраты 9–10/в и эскиз с цепочкой *in situ* (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 172. Л. 12, 13)

Fig. 4. Drawing of the lower level of the burial's unearthing at a depth of 1.4 m, squares 9–10/v and sketch with the chain *in situ* (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1940. F. 172. Sh. 12, 13)

Рис. 5. Находки из раскопа 1940 г. на Центральном гнёздовском городище (составлено по фототаблицам из отчета 1940 г. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 172. Л. 66, 69): 1 — скандинавская фибула; 2 — трапециевидная привеска; 3 — поясная бляшка; 4 — спиральное кольцо; 5 — кольцевая фибула; 6 — привеска-лунница; 7 — гирька от весов; 8 — пряжка; 9, 13 — подвески; 10–12 — бусы. 1–4, 6, 7, 9, 13 — бронза; 5 — серебро; 8 — железо; 10–12 — стекло

Fig. 5. Finds from the 1940 excavation at the Central settlement of Gnezdovo (compiled from photographic tables from the 1940 report of the SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1940. F. 172. Sh. 66, 69): 1 — Scandinavian fibula; 2 — trapezoidal pendant; 3 — belt plaque; 4 — spiral ring; 5 — ring fibula; 6 — moon-shaped pendant; 7 — weight from scales; 8 — buckle; 9, 13 — pendants; 10–12 — beads. 1–4, 6, 7, 9, 13 — bronze; 5 — silver; 8 — iron; 10–12 — glass

обнаружена бронзовая малая равноплечая фибула, которую Т. А. Пушкина датировала VI–VII вв., не исключая и VIII в. (Пушкина, 2003. С. 113), а С. Ю. Каинов отнес к VI–VIII вв. (Каинов, 2014. С. 43). В настоящее время количество подобных находок возросло, и все они происходят с Карельского перешейка. Исследователи карельских находок предлагают более позднюю датировку — VIII–IX вв. (Сокровища земли..., 2022. С. 65–67). Непосредственно рядом с раскопом 1940 г. в 2012 г. была найдена височная серьга второй половины IX в. (Каинов, 2014. С. 43, рис. 10, 2). Таким образом, явно отмечается концентрация находок, датируемых ранее X в., в западной части городища.

Выводы

В результате проведенной работы вводятся в научный оборот материалы, которые незаслуженно долго пролежали под спудом. Впервые представлена керамика с Центрального городища в Гнёздове. Стало понятно, что авторы раскопок 1940 г. ошибались в круге аналогий, который они приводили для лепной керамики из нижнего слоя городища. Однако их итоговое заключение о том, что на городище могло быть поселение в середине I тыс. н. э., остается возможным.

По материалам раскопа 1940 г. вывод о том, что на Центральном гнёздовском городище представлены слои, датируемые последней четвертью

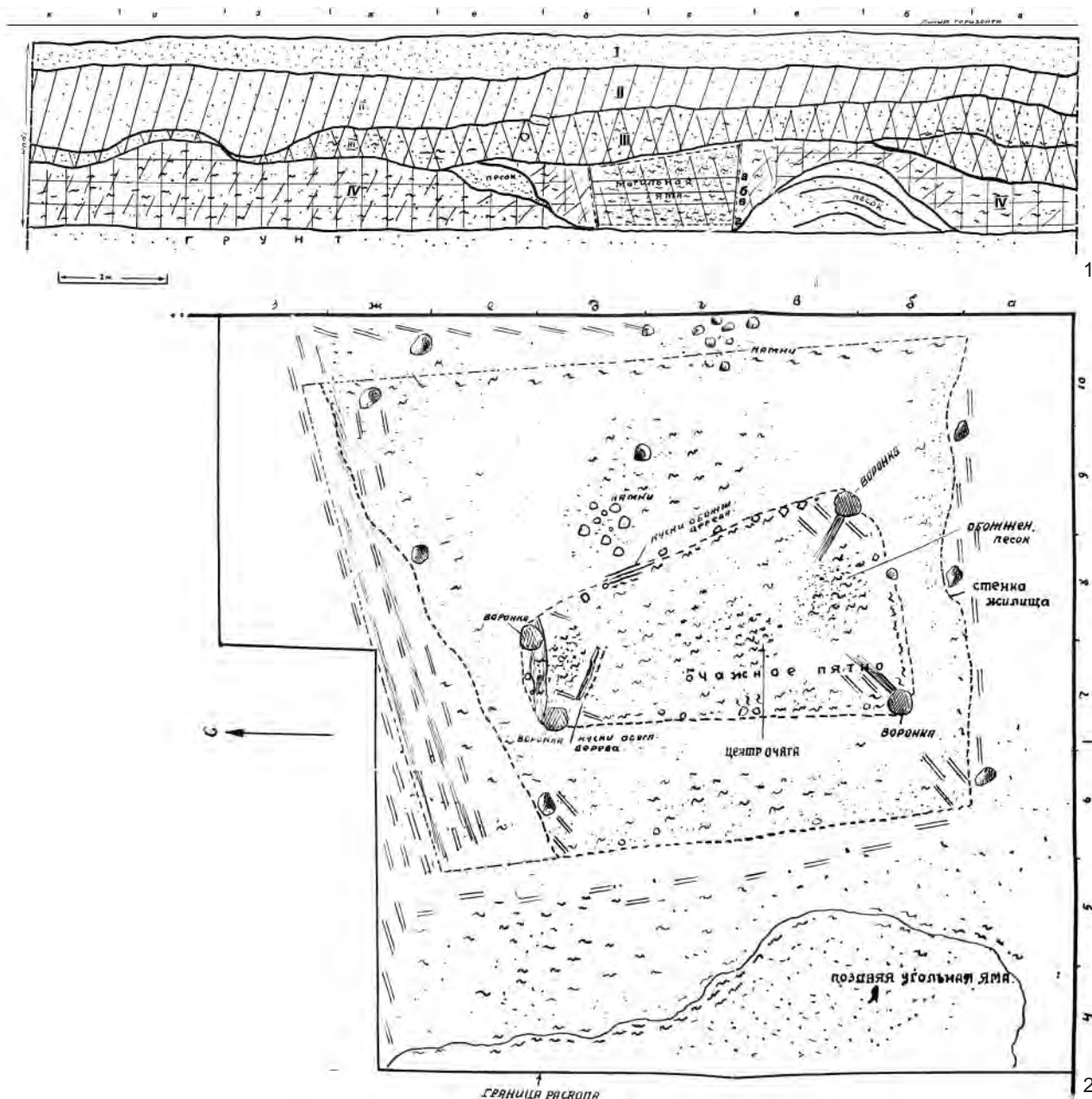

Рис. 6. План раскопа 1940 г. по нижнему уровню (2) и профиль восточного борта (1) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 172. Л. 3, 15). I — верхний почвенный песчаный слой, содержащий отдельные находки XVII в.; II — песчаный культурный слой, содержащий изредка обломки керамики XII в.; III — темно-серый, содержащий значительные примеси угля культурный слой IX–X вв.; IV — нижний углистой окраски культурный слой более раннего, чем IX–X вв., времени (a–г — уровни графической фиксации остатков погребения)

Fig. 6. Plan of the 1940 excavation along the lower level (2) and the profile of the eastern side (1) (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1940. F. 172. Sh. 3, 15). I — upper sandy soil layer, containing separate finds of the 17th cen.; II — sandy cultural layer, containing occasional fragments of 12th cen. pottery; III — dark gray cultural layer, containing significant admixtures of coal, 9th–10th cen.; IV — lower coal-colored cultural layer earlier than 9th–10th cen. (a–g — levels of graphic recording of burial remains)

1 тыс. н. э., включая VIII и IX вв., а не только X в., кажется более вероятным, чем гипотеза о «короткой хронологии». Все эти умозаключения могут

быть проверены путем обработки материалов последующих раскопок городища, авторы которых, к великому сожалению, уже не с нами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Докладная записка Н. П. Милонова М. И. Артамонову и В. В. Гольмстен

Директору института истории материальной культуры АН СССР М. И. Артамонову и председателю полевого комитета В. В. Гольмстен

От замначальника экспедиции и консультанта по археологической экспедиции в Гнёздове (Смоленская обл.) Н. П. Милонова

Докладная записка

В течение 12 дней идет работа по раскопкам центрального гнёздовского городища. В составе научных работников экспедиции: Н. В. Андреев, Е. А. Калитина и Н. П. Милонов. Не приехал пока на раскопку А. П. Смирнов.

Общее научное руководство взято по приказу дирекции Смоленского пединститута, обл. музея. Мною была избрана площадка в 100 кв. м в ЮЗ углу городища. Она была разбита на четырехметровые квадраты. В настоящее время раскоп площадью 100 кв. м доведен до глубины 2,75 м.

По профилю стенок по прослойкам на дне раскопа и по вещевым материалам наблюдаются три площадки.

1) От края (борта городища) ярко выраженные следы укреплений вала (каменная кладка), средняя часть распластована отложением землянки с вещами типа городищ т. н. панцеровского (так в оригинале. — *Примеч. Н. К.*) типа, крайняя к середине городища занята большой обугленной ямой, обложенной крупными камнями, на дне этой ямы обнаружены редчайшие находки, открыто полусожженное женское погребение с исключительными предметами[:] близ останков черепа [—] ожерелье синих, зеленых, хрустальных и красных бус, три золотые подвески (две круглые и одна квадратная 2 × 2 см) с зернью и филигранью, одна большая византийская монета с изображением на одной стороне спасителя Христа, сидящего на троне, на другой стороне [—] изображение двух святых, по ободкам надписи на греческом языке, подвески прекрасно орнаментированы (зернью) в виде

определенного узора. Две серебряные подвески того же облика по оформлению и орнаменту[,] две серебряные лунницы, серебряная цепь, остатки ткани[,] в ногах погребения, ориентированного головой на С[еверо]-запад, ногами на юго-восток[,] обнаружены кучки гороха. Найден еще дирхем при том же... Дата погребения — X век н. э.

Не исключена возможность, что в пределах одной ямы — жертвенного места[,] напоминающего жертвенник в Киеве[, —] будут обнаружены и другие погребения. Как находка этого погребения, исключительно богатого по инвентарю, по ритуалу единственного пока во всем Гнёздовском похоронном комплексе, так и по совершенно заново изученной стратиграфии Гнёздовского городища (три культурных слоя: XII в., X–XI вв., VI–VIII вв.) проводимые раскопки в Гнёздове дали исключительно ценный и редкостный материал.

В центральном Гнёздовском могильнике был раскопан курган XII в. с труположением с ярко выраженным инвентарем. Большой интерес представляет землянка с инвентарем в ней, относящимся к середине I тыс. н. э.

Подробно ведется дневник; в большом масштабе на миллиметровке ведутся чертежи, систематическое фотографирование и зарисовка.

Землекопные работы ведутся 15 студентами при наличии еще 7 наемных рабочих.

Сообщая о всем вышеизложенном, прошу дирекцию ИИМК ответить по вопросу о возможности сделать доклад об итогах работ не позднее, как в сентябре м-це 1940 г. и поместить в бюллетене ИИМК сообщение об открытиях, сделанных экспедицией на Гнёздовском городище. К докладу может быть приложен ряд вещей, иллюстраций и чертежей.

Зам. нач. экспедиции в Гнёздове

Н. Милонов

14/VII-40 г.

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 170. Л. 10, 11)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Выдержки из дневника раскопок (вел Н. П. Милонов)

Л. 27 (13)

13/VII-40 г. Раскопки начались в 7 ч. утра. Расчищали на 0,30 м слой на площади в Ю.В. углу по уч. 8-10/а-д и снимали бровку, сравнивая с уровнем раскопа по уч. 6-7/в-и. При зачистке

бровки по уч. 6-7/в-и на очаге обнаружено скопление грубой ручной керамики (банцеровской), обожженных и необожженных камней. Очаг этот охватывает уч. 6/г-д, был прослежен еще в верхних слоях и отнесен нами к ранней землянке.

Рядом с очагом встречаются вещи — ранние находки (банцир.) вместе с вещами XII в., что говорит о перемещении К.С.⁶ На уч. 6б на гл. 1,50 м был найден шлак. На уч. 7ж на гл. 1,70 м было найдено бронзовое ушко подвески.

Л. 28 (14)

При зачистке всего дна раскопа установлено, что ширина с С. на Ю. землянки = 5,90 м на глубине 1,60 м (от поверхности раскопа). Границы землянки имеют уже прямолинейное строение, при этом в профиле Сев. стенки видно слегка ямообразное строение дна в направлении от Зап. к Вост. стороне раскопа. На уч. 4/е на гл. 1,80 м был найден рог плохой сохранности. Согласно ранее отмеченным промерам дна землянки зачищен был профиль северной стенки для фотографирования (по уч. 3-4/е).

На уч. 5а на гл. 1,80 м был найден железный нож с длинным черенком. На уч. 5е на гл. 1,80 [м] был найден брусок. При разработке К.С. на уч. 8-10/а-г проводилось просеивание К.С. На месте могильной ямы при дальнейшей зачистке (уч. 7в) на гл. 1,45 [м] была найдена золотая подвеска, круглая, ушко оттянуто, орнамент из 3 витков из скани и зерни. На уч. 7а на гл. 1,50 [м] найдена подвеска серебряная круглая с орнаментом[,] перевитым зернью и сканью, ушко оттянуто. В северной половине раскопа на месте ранее прослеженного неправильной формы темного пятна по уч. 7-9/г-д на гл. 1,30–1,45 м выделилось четырехугольное пятно, напоминающее могильную яму, ориентировочно (так в тексте. — *Примеч. Н. К.*) по линии с ЮЗ на СВ. В яме оказались полуобожженные кости, отдельные необожженные кости человека, остатки черепа.

Все они расположены были по линии с Запада на Восток. На этом же уровне в пределах пятна обнаружен целый ряд вещей, несомненно, связанных с человеческим погребением. Погребение ориентировалось головой на ЮЗ, ногами на СВ, погребение женское и по характеру находок принадлежит представителю знати.

Л. 29 (15)

На уч. 7/г на гл. 1,45 м найдена серебряная цепь, нагрудная, звенья и кольца позолоченные, скрепленные спиралью с завитыми концами; один конец цепи имел гвоздь, другой [—] скобку. На уч. 7г в пределах ямы на гл. 1,45 м найдена золотая подвеска четырехугольная, орнамент витками скани и зерни. На уч. 7г на гл. 1,45 [м] была найдена золотая круглая подвеска, диржем рубле-

ный; на уч. 6-7/г на гл. 1,45 м найдена серебряная круглая малая подвеска. Исследование данного погребения заставляет сопоставить горизонт его залегания с контурами той значительной по размеру обугленной ямы с неровными краями, которая была прослежена в Вост[очной] половине раскопа еще на гл. 0,40 м. Глубина верхнего горизонта могильной ямы — 0,60 м, глубина залегания погребения в пределах ямы от поверхности раскопа = 1,50–1,60 м. В данном случае бросается в глаза одна интересная деталь: открытое погребение лежит в неглубокой яме, окаймленной с краев камнями, перекрытыми в отдельных местах крупными кусками угля. Яма вырыта в нижнем К.С., содержащем более древнюю керамику.

В ногах погребения были обнаружены камни круглой формы, кроме того в ногах нашли керамику толстостенную с полосатым орнаментом и красную керамику, зерна пшеницы (каша?). Длина ямы в 2,45 м; ширина в головной части = 1,50 м. Ширина в Ю.З. части = 1 м. Ширина ямы в ножной ее части равна 1,40 м.

На уч. 7г на гл. 1,50 м найдена бляха серебряная круглая $D = 35$ миллиграмм, орнамент из скани и зерни. На уч. 8г на гл. 1,50 м была найдена золотая подвеска, круглая[,] с витым орнаментом.

При дальнейшей зачистке обнаруженного пятна ямы, в которой залегали остатки погребения, установлено, что по краям ямы идет [Л. 30 (16)] лента обугленной древесины, может быть[,] представляющей остатки гроба, который был сожжен вместе с положенным в него покойником. У С.З. угла ямы видны концы обгорелых плах дерева, перекрывающего угол этой ямы. Это говорит о наличии костра, на котором сжигали умершего.

14/VII-40 г. Раскопки начаты в 7 ч. утра при 7-ми рабочих с участием всех сотрудников.

Первоначально проведена зачистка дна раскопа по уч. 6-10/г-в на гл. 1,5 м. Одновременно шло просеивание вынутого К.С. Из просеянного К.С. был найден железный наконечник стрелы и диржем рубленый. Начали углубление раскопа по уч. 4-5/а-б на гл. 0,3 м. При зачистке дна раскопа на месте обнаруженного погребения прослежена в ножной части погребения (у Вост. стенки) полоса сильно обожженного песка, шириной вдоль стенки (Вост.) = 0,75 м, а попереч. = 0,4 м. Диаметр круглого обугленного пятна = 0,25 м и находится на гл. 1,2 м, захватывая участок 10д. Сфотографированы профиль Сев. стенки, пятно обожженного песка, расположение камней вдоль погребения; расположение плах на углу могильной ямы.

⁶ К. С. — культурный слой.

На уч. 10/е был найден железный предмет в виде лоточка, оказавшийся личиной замка. Профиль Сев. стенки, примыкающий к погребению в яме, имеет следующее напластование слоев.

1. Верхний дерново-почвенный слой = 0,3 м.
2. Серовато-желтый = 0,5 м.
3. Песчаная прослойка = 0,3 м.

Культурный слой неравномерно расположен.

У вост. угла = 0,5 м, у зап. = 0,7 м.

4. Слой темный, связанный с напластованием могильной ямы — 0,8 м. За ним и около него может быть еще нижний слой.

Л. 31 (17)

Описанный профиль охватывает уч. 7-10/е. При просеивании найдены бусы стеклянные и из пасты.

На уч. 8/д на гл. 1,40 м обнаружены обломки сосуда грубо-лепного. При просеве почвы было найдено украшение для пояса в виде медной бляшки. Производилось углубление дна раскопа на уч. 7-10/а-в до уровня дна могильной ямы. Необходимо обратить внимание на обломки глиняного сосуда грубой ручной техники, найденного на площади, непосредственно примыкавшей к вскрытому погребению X в. (на одном и том же уровне). Возможно, что эта урна связана с участками, прилегающими к погребению; здесь нижний К.С. не тронут. Это говорит о том, что яма для погребения была частично углублена в нижний культурный слой. На уч. 10/г в ногах погребения около круглого пятна обнаружен сильно окрашенный в красный цвет песок. Зольный слой могильной ямы перемешан с песком и обожженными камнями. Сильно окрашенный песок в красный цвет переходит в коричневый цвет ближе к угольному пятну. На уч. 6-7/к производилось углубление раскопа до уровня дна могильной ямы. На уч. 10/д в СВ части ямы попадают обожженные человеческие кости. На уч. 10/ж на гл. 0,25 м было найдено спиральное золотое кольцо с рубчатым орнаментом и серебряная буса. На месте обломков урны на уч. 8/д на гл. 1,40 м выявлено круглой формы пятно, светлое в центре и темное с краев, Д = 0,35 м. При зачистке дна раскопа на уч. 9/в найдены два железных предмета: часть стремени и железный предмет в виде крючка. На площади, охватывающей уч. 8-9/в-г[,] около открытого погребения прослежена обугленная полоса, отделяющаяся от прилегающих слоев более темной окраской. На уч. 9-10/в на той же глубине попадают обожженные кости. Прослежена яма в Зап. части (уч. 9/в) [Л. 32 (18)] [глубиной] 1,10 [м] (голов-

ная часть). При тщательной зачистке ярко обозначились границы ее не только в головной части, обращенной к Зап., но и боковые, очерченные по краю темной угольной полосой и отделенные от смежной, светлой песчаной прослойки. Края ямы окаймлены прокладкой камней. Яма имеет 1 м ширины и 2 м длины. На уч. 9/г на месте могильного пятна был найден обломок диргема. При просеве здесь же зачищенного слоя были найдены — металлическая пломба и гирька. На уч. 9-10/б-в выявлено темное пятно квадратной формы, но при зачистке оказалось разделенным на две части, по уч. 7/б и 7/в. На уч. 7/а найдена железная пряжка. На уч. 8/в найден обломок точильного камня, бронзовый браслет (на гл. 1,50 [м]). Края ямы перекрываются деревом. В СВ углу на уч. 9-10/ж-з прослеживается круглой формы углистое пятно, окаймленное по краям лентой сырой глины и камнями (на месте найденного железного замочка). Раскоп квадратов у восточной стенки доведен по всей площади до уровня дна ямы открытого погребения. На уч. 9/б на гл. 1,50 м найдена рыба чешуя.

15/VII-40 г. Работы начались в 7 ч. утра при наличии 6-ти рабочих и всех студентов.

Проводилось углубление дна кв. 8-10/а-е и 3-5/а-е до глубины 1,50–1,80 м. По уч. 8-10/а-е — угольно-зольные слои, на уч. 8/а на гл. 1,75 м найдены шлак, обожженные камни, отмечены пятна на песке, куски обожженной глины и на уч. 10/г на гл. 1,75 [м] [—] грубо-лепная керамика. На гл. 1,80 м по уч. 5/г найдены обломки посуды красного цвета. На уч. 9/в на гл. 1,70 м найден кремневый скребок; на уч. 10/б на гл. 1,70 м [—] медный бубенчик. При зачистке дна раскопа по кв. 10/в на гл. 1,75 [м] найдена [Л. 33 (19)] грубо-лепная керамика. Проводилась зачистка по всему дну раскопа на гл. 1,70 м с целью окончательного выявления всех прослоек, ранее обнаруженных по дну раскопа. На профиле восточной стенки прослеживается ямообразное строение культурного слоя. Длина ямообразного слоя, идущего по стенке раскопа[,] = 1,70 м. Дальше на том же уровне идет нарушение указанной прослойки перерывом на месте могильной ямы. За могильной ямой по Вост. стенке снова восстанавливается угольно-зольная прослойка, аналогичная прослойке, отмеченной до ямы[,] и идущая за яму на расстояние 3,20 м, ограниченная с края камнями. Нижний К.С. содержит грубую керамику, обожженные кости, рыбу чешую. Максимальная толщина этого слоя = 0,70 м. Минимальная толщина = 0,55 [м] (см. чертеж профиля стенки). Данный К.С. только в одном

месте перерыт неглубокой ямой, где он перемешан, но на всем протяжении по другим квадратам он не нарушен и прикрыт вышележащим слоем X в. (рис. 13). Последний имеет толщину максимальную = 0,50, минимальную — 0,30 м и содержит керамику[,] аналогичную керамике из курганов погребения центрального Гнёздовского могильника. Этому слою одновременно соответствует ранее открытое погребение. Выше второго слоя лежит ровно напластованный 3[-й] верхний слой[,] песчаный, ровно окрашенный, изредка содержит обломки посуды XI–XII вв. Самый верхний слой, лежащий под дерново-почвенным слоем, содержит материалы XVII в.

Центр кострища, относящийся к нижнему К.С., сосредоточен по кв. 10/г-д и обозначен ярко обожженным слоем песка и обожженными камнями. Ширина распространения кострища равна 2–2,20 м. Необходимо провести окончательную полную зачистку всего дна раскопа на одном и том же уровне с тем, чтобы выяснить сочетание линий, прослоек, идущих как [Л. 34 (20)] от Восточной стенки, так и по середине раскопа. В частности[,] необходимо установить границы прослоек, определенных по профилю Вост. стенки. В основном работы доведены до гл. 1,70–2 м по всему дну раскопа. На угольно-зольном пятне обнаружены железные предметы. При зачистке кострища (очага) на уч. 8-7/а-е обнаружены кости, керамика, дерево. При зачистке кострища на уч. 6-7/в-д найдена грубо-лепная керамика. Контуры обугленного нижнего, связанного с землянкой, имеют длину с В на З = 5,10 м. Промеры

от Вост. стенки по уч. 10/г до кострища = 1,70 м[,] от 3[ападной] стенки по уч. 10/г до кострища = 1,70 м[,] от 3[ападной] стенки до уч. 4/д = 1,20 [м]. Длина очага по 3[ападной] стенке = 2,50 [м]. На уч. 7/ж в очажном слое найдено большое скопление золы на толщину в 0,10 м. Ширина очажного пятна по уч. 6-7/д = 1,37 м, по уч. 6-7/б-в = 1,76 м. Диамет[етр] воронок = 0,20 м. Воронки находятся на углах очага. По краю идет дерево, кроме того, в отдельных пунктах обгоревшее дерево перекрывает поперек яму очага. Глубина пятна очага от поверхности нижнего К.С. = 0,60 м, а от поверхности раскопа (примерно по Вост. стенке) = 1,70 м, а от поверхности раскопа по Зап. [стенке] — 2 м. Края ямы очага ограничиваются лентами горелого дерева и камнями. В С.З. углу очажного пятна обожженный песок красного цвета переходит в коричневый цвет. В центре очага попадает сырая глина. На уч. 6/а на гл. 1,90 м найден обломок керамики с линейно волнистым орнаментом.

К концу рабочего дня закончилась полностью зачистка всего дна раскопа, по которому выделено две основные детали: а) к Вост. стенке — землянка с очертаниями границ ранее выявленных, к Зап. стороне раскопа нижний к[ультурный] слой нарушен вырытой позднейшей угольной ямой. Снят общий [Л. 35 (21)] план дна раскопа и сфотографирован профиль Восточной стенки.

(Ф. 35. 1940. Оп. 1. Д. 170. Дневник раскопок на центральном Гнёздовском городище в 1940 г. Л. 27–35)

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 170: *Андреев Н. В.* Дневник раскопок на центральном Гнёздовском городище в 1940 г. 41 л.; Д. 172: *Андреев Н. В.* Чертежи раскопок Центрального Гнёздовского городища в 1940 г. Фото и рисунки находок. 33 л.

Андреев, 1948 — *Андреев Н. В.* Доисторические памятники Смоленска и его окрестностей // *Андреев Н. В., Маковский Д. П.* Доисторические и исторические памятники города Смоленска и его окрестностей. Смоленск: Тип. им. Смирнова, 1948. С. 7–30.

Андреев, 1951 — *Андреев Н. В.* О чем рассказывают курганы. Смоленск: СмолГИЗ, 1951. 126 с.

Андреев, Милонов, 1945 — *Андреев Н. А.* [В.], *Милонов Н. П.* Раскопки на Гнёздовском городище в 1940 г. // КСИИМК. М.; Л., 1945. № 11. С. 26–28.

Каинов, 2014 — *Каинов С. Ю.* Находки деталей мечей ранних типов на территории Гнёздова // *Русь в IX–XII вв. Общество, государство, культура: Сб. ст. /*

Под ред. Н. А. Макарова, А. Е. Леонтьева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 34–46.

Каинов, 2015 — *Каинов С. Ю.* К вопросу о времени возникновения торгово-ремесленного поселения у дер. Гнёздово // *Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза: XXVII Чтения памяти чл.-кор. В. Т. Пашуто (Москва, 15–17 апреля 2015 г.): Материалы конф.* М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН, 2015. С. 121–123.

Калитина, 2001 — *Калитина Е. А.* Отчет по исследованию некоторых археологических памятников Навлинского района Западной области на основании открытого листа за № 31/103 от 13 июня 1936 г. // *Смоленские древности.* Смоленск: б. и., 2001. Вып. 1. С. 225–237.

Каменецакая, 2019 — *Каменецакая Е. В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.; Смоленск: Книжный дом Университет; Университетская книга, 2019. 244 с.

- Кренке, 2011 — Кренке Н. А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
- Кренке и др., 2023 — Кренке Н. А., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Кованцев А. В., Крылович О. А., Лопатина О. А., Моисеенков Г. О., Раева В. А., Савинецкий А. Б. Дискуссия о Смоленске — граде кривичей // КСИА. 2023. Вып. 271. С. 281–302.
- Лопатин, 1993 — Лопатин Н. В. Керамический комплекс верхнего слоя городища Банцеровщина // *Archaeoslavica*. Kraków, 1993. Vol. 2. S. 87–97.
- Лявданский, 1924 — Лявданский А. Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды Смоленских государственных музеев. Смоленск: Смоленские гос. музеи и Губоно, 1924. Вып. 1. С. 127–184.
- Ляпушкин, 1971 — Ляпушкин И. И. Гнёздово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 33–37.
- Ляшкевич, Касюк, 2019 — Ляшкевич Э. А., Касюк Е. Ф. Городище Банцеровщина: история исследования и предварительные итоги // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. 2-е изд. Кн. 2. Минск: Беларуская навука, 2019. С. 189–220.
- Мурашева и др., 2020 — Мурашева В. В., Панин А. В., Шевцов А. О., Малышева Н. Н., Заовская Э. П., Зарецкая Н. Е. Время возникновения поселения Гнёздовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования // РА. 2020. № 4. С. 70–86.
- Пушкина, 1973 — Пушкина Т. А. Лепная керамика Гнёздовского селища // Вестник МГУ. 1973 (Серия «История»). № 3. С. 87–92.
- Пушкина, 2003 — Пушкина Т. А. Находка редкой фибулы из Гнёздова // Ладога и история российской государственности и культуры: Материалы междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Вести, 2003. С. 112–114.
- Пушкина, 2012 — Пушкина Т. А. Центральное Гнёздовское городище (предварительные итоги изучения 2008–2012 гг.) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы Междунар. конф. СПб.: СОЛЮ, 2012. С. 206–209.
- Пушкина и др., 2012 — Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 243–273.
- Пушкина и др., 2015 — Пушкина Т. А., Ениосова Н. В., Мурашева В. В. Изучение Гнёздовского комплекса археологических памятников // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М.: РГНФ, 2015. № 3. С. 181–194.
- Радюш, 2021 — Радюш О. А. Шпора эпохи Великого переселения народов из Гнёздова // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. М.: ГИМ, 2021. Вып. 2. С. 299–314.
- Сизов, 1902 — Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1902 (МАР; № 28). 162 с.
- Сокровища земли..., 2022 — Сокровища земли Карельской. Каталог выставки / Сост. С. В. Бельский. СПб.; Выборг: ИИМК РАН; Выборгский объединенный музей-заповедник, 2022. 240 с.
- Тиханова, 1945 — Тиханова М. А. Золотая византийская подвеска-монета из женского погребения в Гнёздове // КСИИМК. 1945. № 11. С. 28–30.
- Тихомирова, 1948 — Тихомирова В. А. Краткий обзор докладов, заслушанных археологической секцией НИИ краеведческой и музейной работ // Историко-археологический сборник. М.: Тип. «Кр. печатник», 1948. С. 210–213.
- Шмидт, 1974 — Шмидт Е. А. К вопросу о древних поселениях в Гнёздове // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск: Смолгиз, 1974. Вып. VIII. С. 150–164.

Excavations of the Central settlement of Gnezdovo in 1940

A. A. Giblova, N. A. Krenke⁷

Keywords: fortified site, molded ceramics, stratigraphy, Gnezdovo.

The article introduces materials from the Scientific Archive of the IHMC RAS relating the 1940 excavations at the Central settlement of Gnezdovo. For the first time ceramics discovered during these works are presented and the section of the cultural layer of the settlement is analyzed. As a result, it is suggested that probably the authors of the first publication — N. V. Andreev and N. P. Milonov — were right in advocating a “long chronology” of the settlement, rather than later researchers who limited the main period of its existence to the 10th cen.

⁷ Anastasia A. Giblova — The State Hermitage Museum; St. Petersburg, Russia; e-mail: giblovaaa@yandex.ru. Nikolay A. Krenke — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: nkrenke@mail.ru.

К истории исследования и топографии Подазовского городища¹

Б. А. Раев²

Аннотация. На юго-западной окраине г. Азова в 1911–1912 гг. при прокладке железной дороги была уничтожена центральная часть Подазовского городища. План городища восстанавливается по картам конца XIX — начала XX в. На них на краю террасы р. Дон видна редких формы и размера прямоугольная «цитадель», окруженная рвом. Сохранившиеся участки территории памятника соответствуют зафиксированной картами планировке.

Ключевые слова: Нижнее Подонье, меоты, исторические карты, реконструкция топографии городища.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-298-306

Подазовское городище расположено на юго-западной окраине современного г. Азова, на краю надпойменной террасы левого берега дельты р. Дон (рис. 1). Памятник входит в группу меотских поселений, появившихся на коренных берегах дельты и на правом берегу в нижнем течении р. Дон в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. и существовавших до рубежа II–III вв. н. э. (Книпович, 1949. С. 128–149; Шелов, 1972. С. 187, 188; Каменецкий, 2011. С. 8–16).

В течение осени 1911 г. и первой половины 1912 г., при строительстве Портовой ветки железной дороги от ст. Азов до речного порта в обход города, городище было разрушено более чем наполовину. Можно предположить, что песчаный карьер, упомянутый Д. Б. Шеловым и использовавшийся для нужд местного населения, возник если не раньше, то одновременно со строительством железной дороги (Шелов, 1962. С. 1).

Первые сведения о городище появляются в материалах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в середине 1920-х гг., до начала работ ленинградских археологов достоверных сведений о поселении нет (Миллер, 1929. С. 69).

А. А. Миллер ошибся, указав, что городище было открыто ставропольским краеведом Г. Н. Прозрителевым в 1911 г. (Там же. С. 69, сн. 1), что продолжает повторяться исследователями вплоть до настоящего времени (Каменецкий, 2011. С. 61; Якиев, 2020. Л. 4; 2022. Пункт VIII). На самом деле Г. Н. Прозрителев описал разрушения культурного слоя средневекового Азака, выявленные им при осмотре канавы водопровода, прокладываемого от р. Дон к строящемуся вокзалу (Прозрителев, 1911. С. 2). Не исключено, что в части канавы, примыкающей к строящейся на берегу водокачке, автор осмотрел и собрал коллекцию находок, относящихся также к Крепостному городищу первых веков новой эры, расположенному в 3,2 км выше по течению р. Дон в центре современного г. Азова.

До 1939 г. на городище велись только разведывательные работы. В 1926 г. экспедиция ГАИМК под руководством А. А. Миллера произвела сбор подъемного материала и составила краткое описание сохранившихся частей памятника (Миллер, 1929. С. 69). В 1929 г. работы экспедиции на городище были продолжены, они ограничились сбором подъемного материала и составлением глазомерного плана сохранившихся частей памятника, прорезанного веткой железной дороги³. Тогда же А. А. Миллер снимает глазомерный план Подазовского городища и графически восстанавливает

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2022 г. (00-22-15, № госрегистрации АААА-А20-120122990111-9, направления ПФНИ 2021–2030 гг.: 6.1.3. «Археология»).

² Южный научный центр РАН; Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: boris_raev@mail.ru.

© Раев Б. А., 2024

³ Далее для удобства эти участки территории городища, выраженные в рельефе, именуются юго-западным и северо-восточным останцами (рис. 1).

его топографию (Миллер, 1931. С. 47), которая, по справедливому замечанию И. С. Каменецкого, была сделана «вероятно, под влиянием знакомства с городищами Прикубанья» (Каменецкий, 1993. С. 11) (рис. 2).

В монографии 1972 г. Д. Б. Шелов ссылается на реконструкцию А. А. Миллера 1929 г., не подвергая ее сомнению, и описывает окружающую глубоким рвом центральную часть поселения («цитадель») круглой формы. По мнению Д. Б. Шелова, «занятая поселком площадь простиралась главным образом в западную сторону от этого укрепления» (Шелов, 1972. С. 187). Отмечу, что схема А. А. Миллера напечатана перевернутой, север на ней расположен внизу. Таким образом, можно говорить о расположении жилой части городища к востоку от «цитадели».

В 1926 г. С. А. Вязигин, заведующий Донским областным музеем с 1923 по 1927 г. (Бойко, 2015. С. 151, 154), впервые осматривает городище, а в следующем, 1927, году вновь его посещает (Вязигин, 1939. Л. 4об.). Эти работы отражены в кратких обзорах, напечатанных в донской периодике (Вязигин, 1926; 1927а; 1927б).

Регулярные работы проводились С. А. Вязигиным на городище в 1938–1940 гг. В 1938 г. городище осмотрели и собрали подъемный материал (Вязигин, 1938. Л. 14об.–16об.). В 1939–1940 гг. для выяснения характера и мощности культурных слоев на южном склоне северо-восточного холма и за пределами рва на юго-западном останце были заложены разведывательные раскопы (Вязигин, 1939. Л. 3–6, 10–14, 16, 18; 1940а. Л. 4об., 5, 11, 12). Эти работы велись по приглашению и на средства Азовского районного краеведческого музея (Вязигин, 1940а. Л. 4), и объем финансирования обусловил их достаточно скромные результаты. С. А. Вязигин снял глазомерный план северо-восточного останца городища с линиями нивелировки, приложенный к отчету 1939 г., а в 1940 г. в статье с кратким изложением результатов своих исследований на городище в 1938–1940 гг. опубликовал более подробный общий план, тоже, впрочем, глазомерный, где очертания его сохранившихся частей близки плану А. А. Миллера (Вязигин, 1940б. С. 38, рис. 1). Этот же план воспроизведен в обработанном виде в отчете о работах в рукописном архиве ИИМК РАН (Вязигин, 1940а. Л. 12). Общие очертания сохранившихся частей городища и границы разрушивших его карьеров на этих планах совпадают. Как и на плане А. А. Миллера, остатки «цитадели» на них имеют четкую округлую форму (рис. 3).

Рис. 1. Местоположение сохранившихся участков культурного слоя Подозовского городища: А — северо-восточный; Б — юго-западный останцы

Fig. 1. Location of preserved areas of the cultural layer the Podazovskoe settlement: А — northeastern; Б — southwestern remnants

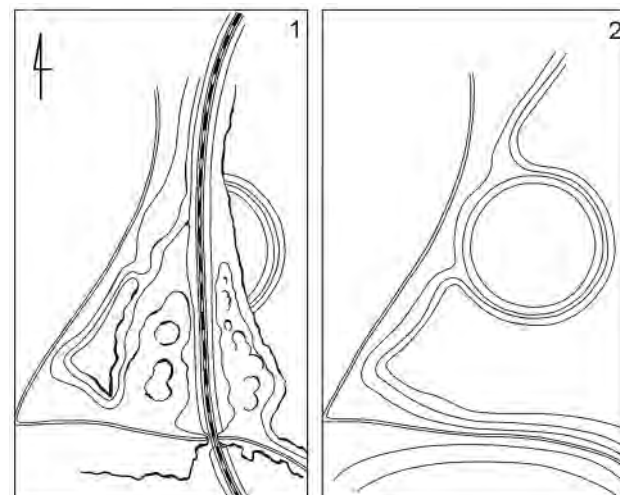

Рис. 2. План Подозовского городища, глазомерная съемка 1929 г.

Fig. 2. Plan of the Podazovskoe settlement, visual scheme of 1929 [Миллер, 1931. С. 47]

В 1950 г. экспедицией Д. Б. Шелова был осуществлен осмотр Подозовского городища и сбор подъемного материала на сохранившихся участках территории памятника (Шелов, 1950). В 1956 и 1958 гг. сбор подъемного материала, описание городища и слоев в обнажениях культурного слоя произвел И. С. Каменецкий, в то время сотрудник Таганрогского краеведческого музея (Каменецкий, 1956; 1958). Он же составил два глазомерных плана: один — в 1956 г., второй — уже в процессе раскопок, в 1964 г. Их сравнение показывает катастрофические изменения очертаний юго-западного останца, интенсивно разрушаемого песчаными карьерами. Схема И. С. Каменецкого 1956 г.

Рис. 3. План Подазовского городища, глазомерная съемка 1940 г.

Fig. 3. Plan of the Podazovskoe settlement, visual scheme of 1940

[Вязигин, 1940а. Л. 12]

фиксирует форму обоих холмов (рис. 4, 1). На ней видно, что они разрушены в примыкающих к полотну железной дороги частях; здесь полотно проложено по высокой насыпи, которая потребовала изъятия большого количества грунта на соседних возвышенных участках края террасы. В дальнейшем северо-восточная выборка грунта использовалась в качестве карьера для добычи глины, что привело к образованию котлована, заполненного водой. К югу и юго-западу от сохранившегося северо-восточного останца между ним и полотном железной дороги на плане 1956 г. обозначен «Пруд», а на съемке 1962 г. — «Водоем» (см. далее).

Юго-западный останец постигла еще более плачевная участь. Поскольку расположен он ниже по склону балки и соседствует с ее устьевой глубокой частью (рис. 4, 2), это позволило заложить вокруг останца карьеры для добычи песка, который здесь находится на небольшой глубине. В 1964 г., уже ведя раскопки на северо-восточном холме, И. С. Каменецкий составил еще один глазомерный план, на который нанес только юго-западный холм и примыкающие к нему территории, где отметил несколько поселений, на которых был собран подъемный материал. Интенсивность

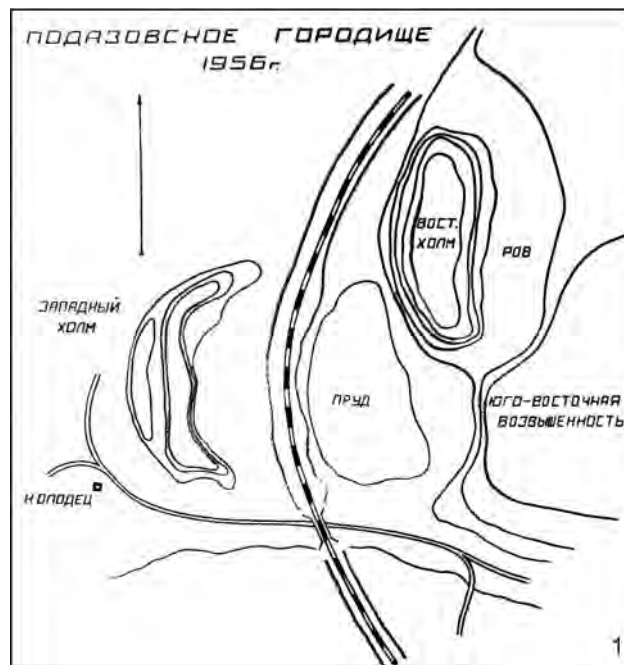

Рис. 4. План Подазовского городища. Глазомерная съемка: 1 — 1956 г.; 2 — юго-западный останец, 1964 г.

Fig. 4. Plan of the Podazovskoe settlement, visual scheme: 1 — 1956; 2 — southwestern remnant

[1 — Каменецкий, 1956. Рис. 66; 2 — Каменецкий, 1964. Рис. 182]

выборки песка и расширение площади карьеров отчетливо видны при сопоставлении глазомерных планов 1956 и 1964 гг. и инструментального плана Д. Б. Шелова 1962 г. (рис. 5). На первом останец в плане имеет серповидную форму, развернутую окончаниями к железной дороге, на планах начала 1960-х гг. с востока и юга останец разрушен котлованами с отвесными стенками. Таким образом, форма юго-западного останца кардинально изменилась за эти 6–8 лет, приблизившись к существующей в настоящее время.

Планомерное археологическое исследование городища началось в 1962 г. и велось с перерывами

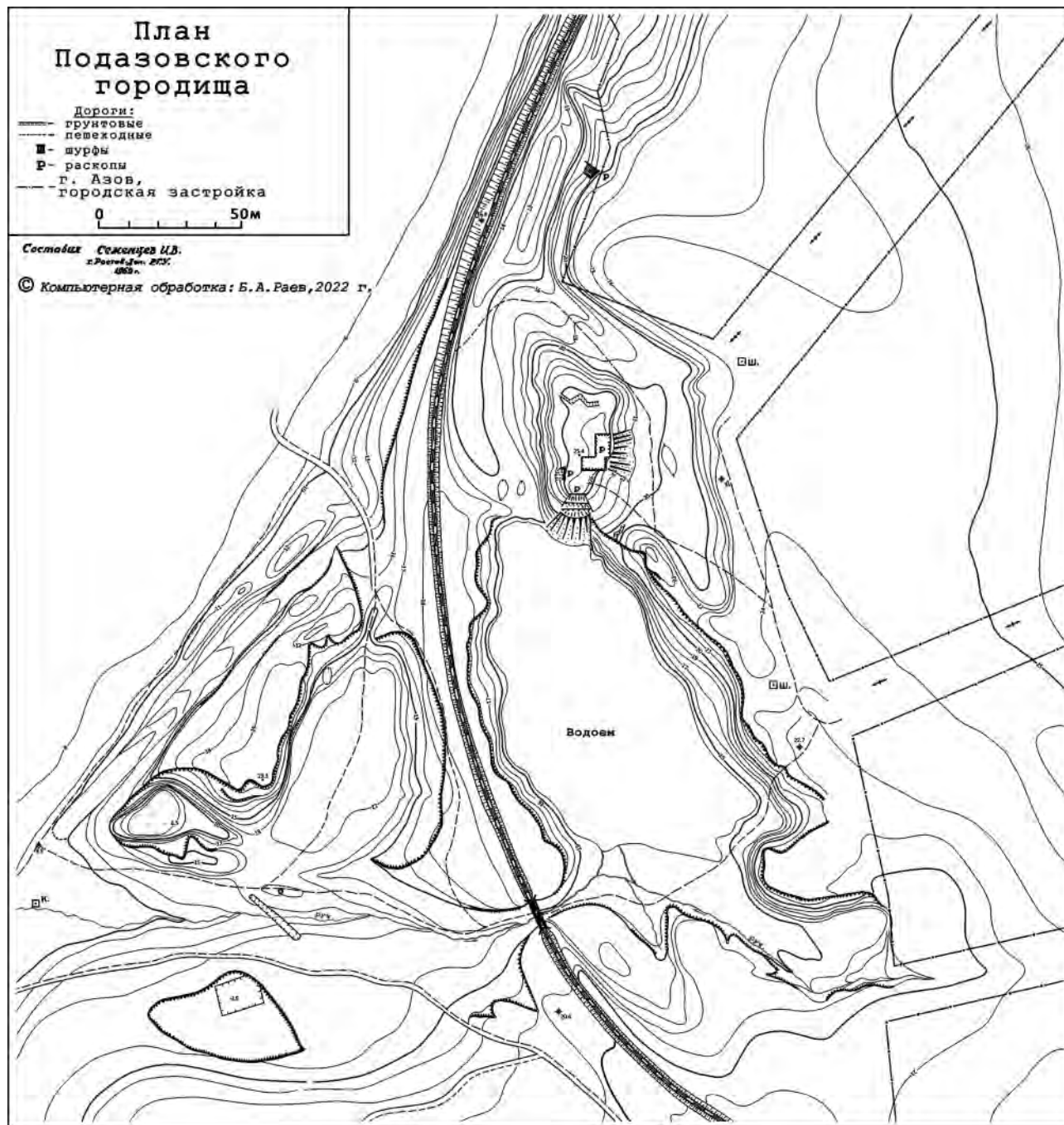

Рис. 5. План Подазовского городища, геодезическая съемка 1962 г.

Fig. 5. Plan of the Podazovskoe settlement, instrument survey of 1962

[Шелов, 1962. Рис. 1]

до 1970 г. Нижне-Донской экспедицией Института археологии АН СССР совместно с Азовским историко-краеведческим музеем (Каменецкий, 1974. С. 212)⁴.

⁴ Ныне Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник им. А. А. Горбенко. В статье И. С. Каменецкого отмечено, что раскопки на городище велись им и в 1971 г., однако ни в архиве

На первом инструментальном плане, снятом в 1962 г., юго-западный останец с юга и юго-востока окружен глубокими карьерами, обслуживавшими расположенный рядом кирпичный завод. Видно, что часть карьеров уже начала забо-

ИА РАН, ни в архиве музея никаких документов, подтверждающих сведения о работах этого года, обнаружить не удалось.

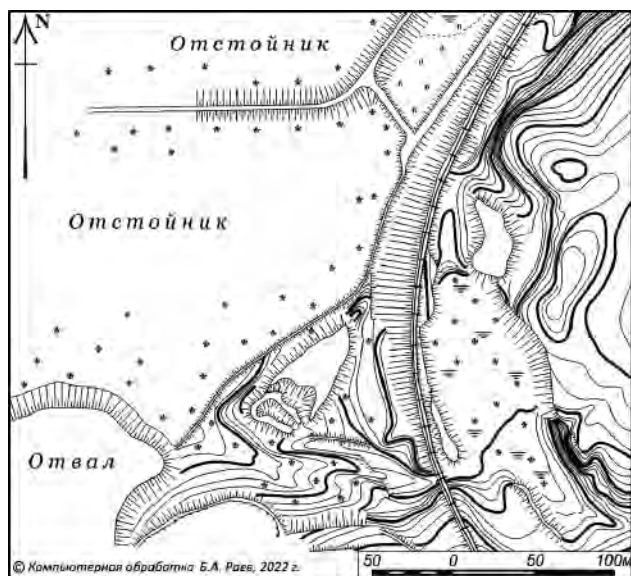

Рис. 6. Юго-западная окраина г. Азова. План, фрагмент (предоставлен автору Отделом по строительству и архитектуре города Азова)

Fig. 6. Southwestern outskirts of the city of Azov. Plan, fragment (obtained by the author from the Department of Constructing and Architecture of the city of Azov)

Рис. 7. Южная часть дельты Дона. Выделен мыс террасы, соответствующий «цитадели» Подазовского городища (карта: Бобровский, 1892, вклейка между с. 88 и 89, выкопировка)

Fig. 7. Southern part of the Don Delta. The highlighted is the cape of the terrace corresponding to the "citadel" of the Podazovsky settlement (a fragment: Бобровский, 1892, the tipped-in map between p. 88 and 89)

лачиваться, а с северо-запада останец подрезан траншеей, которая образовалась при сооружении дамбы, ограничивающей отстойники⁵. Сохранив-

⁵ В отчете о работах 1956 г. ров был описан И. С. Каменецким как «противотанковый ров», прорытый во время войны (Каменецкий, 1956. Л. 14). С точки зрения организации обороны устройство рва со стороны заболоченной дельты, откуда вряд ли можно было ожидать танковых атак, представляется лишённым смысла.

шийся лучше северо-восточный останец на плане имеет неправильную подтреугольную форму. С северо-востока и востока он окружен рвом, образующим выраженный угол около 120°. Угол площадки останца в этом месте близок к прямому. Чаша водоема, как и расположенный к западу от нее за веткой железной дороги карьер, образовалась, вероятно, при сооружении насыпи, достигающей местами высоты 4–6 м. На плане также показаны раскоп, шурфы и места зачисток, произведенных экспедицией под руководством Д. Б. Шелова в 1962 г.

На современной съемке юго-западный останец сильно искажен карьерами, его площадь значительно уменьшилась, а северо-восточный приобрел форму, повторяющую линию рва, причем последний образует в северо-восточной части угол, близкий к прямому (рис. 6).

Попытка восстановить топографию городища, позволяющую сравнить ее с аналогичными поселениями Прикубанья, заставила обратиться к фонду Владикавказской (ныне — Северо-Кавказской) железной дороги в РГИА (Санкт-Петербург), где сохранились документы о строительстве ветки железнодорожных путей к Азовскому порту, а также к доступным для изучения картам, показывающим состояние местности до 1911 г., то есть до разрушений на территории городища.

На карте конца XVII в. к юго-западу от крепости Азов на краю террасы отмечен мыс, ограниченный двумя глубокими балками (рис. 7). Он расположен на расстоянии 3,7 версты от устья р. Скопинки (Азовки). Промер линии от устья р. Азовки до цитадели городища, обозначенной на карте Шуберта (см. далее), дает расстояние 3,85 версты, что, при условности масштабов обеих карт и наших промеров, можно считать равнозначным.

На карте Генерального плана Черкасского и Ростовского округов 1888 г. к юго-западу от хут. Подазовского видны две безымянные балки, прорезающие коренной берег Дона в северо-западном направлении и впадающие в пойму реки (рис. 8). Их взаиморасположение и разветвленные верховья северо-восточной балки, ближней к хутору, не оставляют сомнения в том, что у устья последней было расположено Подазовское городище. К сожалению, рельеф участка, хотя на нем

Тем более, как отмечает автор, рытье рва «на склоне». Есть основания предполагать, что этот ров возник при создании дамбы, защищающей существующие карьеры от весенних паводков.

и различаются какие-то неровности края террасы, читается на карте очень плохо из-за напечатанного в этом месте названия хутора.

Наиболее информативной является Военно-топографическая трехверстная карта 1860–1890 гг. (Карта Шуберта, б/г. Л. XXVIII/18) (рис. 9). При увеличении масштаба выкопировки участка местности к юго-западу от хут. Подазовского (современная юго-западная окраина г. Азова) к северу от устья широкой балки с разветвленными верховьями на краю террасы хорошо виден останец прямоугольной формы размером около 70 × 50 м (рис. 10, цветом выделена «цитадель» и примыкающая к ней территория городища). С трех сторон останец окружен рвом, концы которого обрываются в пойму. Далее к северо-востоку от описанного объекта, который выглядит как искусственно сооруженная «цитадель» городища, обозначена короткая балочка, вероятно, являющаяся частью внешнего рва этого поселения, такие обычно устраивались с использованием естественных промоин на краях высоких речных террас.

О разрушении городища в 1911–1912 гг. можно судить по сохранившимся проектам прокладки линии железной дороги от ст. Азов до ст. Азов-Порт. Помимо документов, отражающих процесс утверждения проекта, инженерных подсчетов объемов перемещения грунта и пр., в фондах РГИА имеется нанесенная на карту Шуберта линия прокладки полотна, которая при увеличении этого фрагмента карты достаточно точно укладывается в рельеф местности. При снятии боковых линий полотно четко отрезает западную и юго-западную части «цитадели» и значительную часть территории городища, расположенную к юго-западу от рва (рис. 11).

Попробуем предположительно определить, какие части городища могли сохраниться до настоящего времени.

Расстояние между сохранившимися хорошо выраженными в рельефе юго-западным и северо-восточным останцами примерно соответствует расстоянию между северо-восточным и юго-западными участками его территории. На них обозначены: место раскопок 1962–1970 гг. на сохранившемся участке «цитадели» и сохранившийся участок слоя к западу от железной дороги, совпадающий с юго-западной частью поселения (рис. 12). Косвенным подтверждением того, что сохранившиеся части городища относятся к разным его участкам, является отмеченная еще С. А. Вязигиным по результатам его раскопок 1939–1940 гг. на юго-западном и северо-восточном останцах разница в характере и мощности культурного слоя (Вязигин, 1940а. Л. 4об., 5; 1940б. С. 42). Позже это наблюдение было

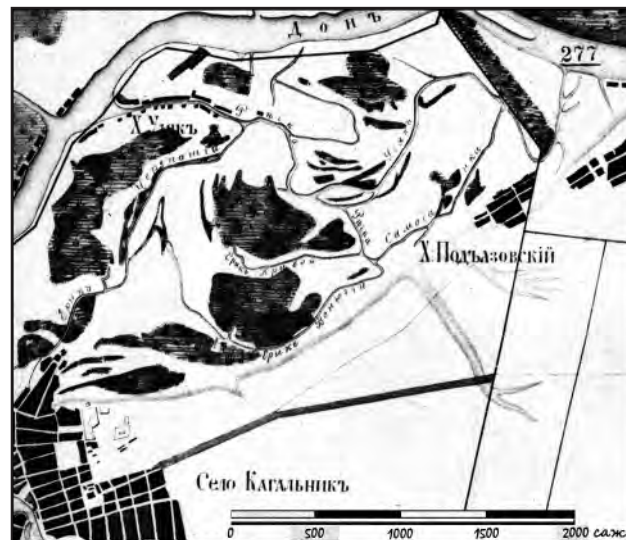

Рис. 8. Южная часть дельты Дона (Генеральный план..., 1888. Л. Р.О.I.XVI, выкопировка)

Fig. 8. Southern part of the Don Delta (Генеральный план..., 1888. Leaf P.O.I.XVI, a fragment)

подтверждено раскопками И. С. Каменецкого на северо-восточном (основной раскоп 1962–1970 гг.) и юго-западном (раскоп «Н» 1963 г.) останцах. Автор отмечал отсутствие в раскопе «Н» ранних материалов, относящихся к периоду возникновения городища (Каменецкий, 1993. С. 11).

Городище находится к северу от безымянной балки, впадающей в пойму р. Дон и ограничивающей территорию городища с юга. Устье этой балки могло использоваться как юго-западная часть рва, окружающего городище с напольной стороны. О существовании такого рва свидетельствует не только небольшая балка, заметная на карте Шуберта и описанная выше, но и примыкающий к ней безусловно искусственный ров, ограничивающий с юго-востока северо-восточный останец, на котором располагался раскоп Д. Б. Шелова / И. С. Каменецкого (рис. 5). Направление рва с северо-востока на юго-запад подразумевает его соединение с устьем балки.

Сопоставление современной инструментальной съемки деталей территории городища и старых топографических карт убеждает в том, что в планировке Подазовского городища была соблюдена обычная для меотских городищ схема: ограниченная рвом «цитадель» на краю высокой береговой террасы с трех сторон окружена жилой зоной, в свою очередь ограниченной напольным рвом. Отличала городище редкой формы и размера прямоугольная «цитадель», характерная для крупных поселений.

Рис. 9. Окрестности г. Азова (Карта Шуберта. Л. XXVIII/18, выкопировка)

Fig. 9. Suburbs of the city of Azov (Schubert's map. Leaf XXVIII/18, a fragment)

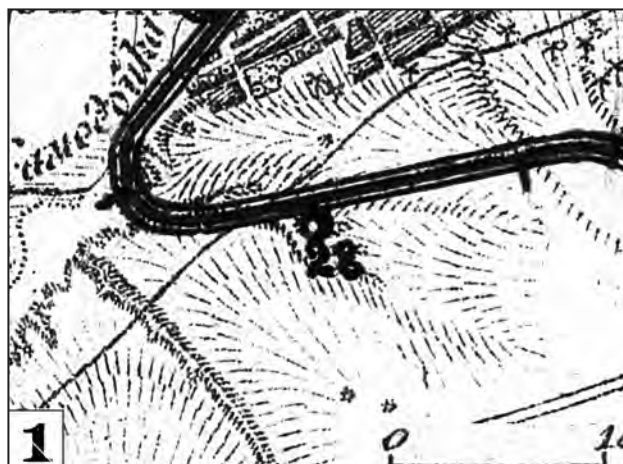

Рис. 11. Проект линии портовой ветви от ст. Азов до ст. Азов-Порт (Проектные и исполнительный планы..., 1911. Л. 8. Выкопировка)

Fig. 11. Project of the port railway line from the Azov station to the Azov-Port station (Проектные и исполнительный планы..., 1911. Sh. 8, a fragment)

Рис. 10. Юго-западная окраина г. Азова. Увеличенный фрагмент карты рис. 9

Fig. 10. Southwestern outskirts of the city of Azov. An enlarged fragment of the map on fig. 9

Рис. 12. Юго-западная окраина г. Азова, увеличенный фрагмент карты рис. 9 с наложением линии железной дороги, участка раскопок 1962–1970 гг. и сохранившихся участков культурного слоя городища, рассчитанным по историческим картам и схемам современной застройки (без масштаба) (а — полотно железной дороги; б — юго-западный холм; в — северо-восточный холм, место раскопок 1962–1970 гг.)

Fig. 12. Southwestern outskirts of the city of Azov, an enlarged fragment of the map on fig. 9, with an overlay of the railway line, parts excavated in 1962–1970, and the preserved parts of the settlement (calculated according to historical maps and modern built-up area, no scale) (а — railway track; б — southwest hill; в — northeast hill, excavation site 1962–1970)

- Бобровский*, 1892 — *Бобровский П. О.* История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет. 1642–1892. Ч. 1: Выборный Московский полк солдатского строя, известный под названием «Бутырского». СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1892. 112, 54 с.
- Бойко*, 2015 — *Бойко А. Л.* Изломы судьбы Сергея Вязигина // *Донской временник*. Год 2016-й. Ростов н/Д., 2015. Вып. 24. С. 149–154.
- Вязигин*, 1926 — [*Вязигин С. А.*] Развалины римского города близ Азова // *Молот*. 1926. 4 июля, № 11473.
- Вязигин*, 1927а — [*Вязигин С. А.*] Азовские древности будут охраняться // *Молот*. 1927. 4 июня, № 1750.
- Вязигин*, 1927б — [*Вязигин С. А.*] Донская Атлантида // *Молот*. 1927. 18 июня, № 1761.
- Вязигин*, 1938 — *Вязигин С. А.* Отчет об археологической разведке (городища у хут. Подазовье, хут. Задонье, Азовского Привокзального городища, валов крепости г. Азова) // *НА ИИМК РАН*. РО. Ф. 35. 1938. Д. 231. 16 л.
- Вязигин*, 1939 — *Вязигин С. А.* Отчет об археологических разведках в г. Азове (городское кладбище, Подазовское городище) // *НА ИИМК РАН*. РО. Ф. 35. 1939. Д. 78. 24 л.
- Вязигин*, 1940а — *Вязигин С. А.* Отчет об археологических разведках в г. Азове в 1940 году // *НА ИИМК РАН*. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 52. 13 л.
- Вязигин*, 1940б — *Вязигин С. А.* Древнее поселение у хутора Подазовского // *Памятники древности на Дону*. Ростов н/Д.: Ростовское областное ведомственное издательство, 1940. С. 35–43.
- Генеральный план..., 1888 — Генеральный план Области Войска Донского Черкасского и Ростовского округов. В 4 т. Т. 4: Ростовский и Черкасский округа. М.: Фототипия Шерер, Набгольц и К°, 1888. 33 л.
- Каменецкий*, 1956 — *Каменецкий И. С.* Отчет о работах археологической экспедиции Таганрогского музея в 1956 г. // *НОА ИА РАН*. Ф. 1. Р-1. № 1520. 21 л. Альбом № 1521. 23 л.
- Каменецкий*, 1958 — *Каменецкий И. С.* Отчет о работах экспедиции Таганрогского краеведческого музея в 1958 году // *НОА ИА РАН*. Ф. 1. Р-1. № 2494. 27 л. Альбом № 2494а. 19 л.
- Каменецкий*, 1964 — *Каменецкий И. С.* Отчет об археологических раскопках Подазовского городища на территории Ростовской области в 1963–1964 гг. // *НОА ИА РАН*. Ф-1. Р-1. № 3324. 85 л. Альбом № 3324а. 31 л.
- Каменецкий*, 1974 — *Каменецкий И. С.* Итоги исследования Подазовского городища // *СА*. 1974. № 4. С. 212–221.
- Каменецкий*, 1993 — *Каменецкий И. С.* Городища донских меотв: вопросы датировки. М.: Авто, 1993. 176 с.
- Каменецкий*, 2011 — *Каменецкий И. С.* История изучения меотв. М.: ТАУС, 2011. 384 с.
- Карта Шуберта, б/г — Военно-топографическая карта Российской империи. Съёмка 1860–1890-е гг. Масштаб 3 версты в дюйме. Карта снята под руководством генерал-лейтенанта Шуберта и гравирована при Военно-топографическом депо. Л. XXVIII-18 // URL: <http://www.etomesto.ru/shubert-map/28-18/> (дата обращения 28.06.2024).
- Книпович*, 1949 — *Книпович Т. Н.* Танаис. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 г. 179 с.
- Миллер*, 1929 — *Миллер А. А.* Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Гос. академии истории материальной культуры в 1926 и 1927 гг. // *Сообщения ГАИМК*. 1929. Т. 2. С. 60–122.
- Миллер*, 1931 — *Миллер А. А.* К вопросу об охране памятников старины // *Сообщения ГАИМК*. 1931. Т. 4–5. С. 22–51.
- Проектные и исполнительный планы..., 1911 — Проектные и исполнительный планы направления [Азовской] ветви. Масштаб 3 версты в дециметрах // *РГИА*. Ф. 350. Оп. 9. Д. 541. 8 л.
- Прозрителев*, 1911 — *Прозрителев Г. Н.* Археологическим обществам и ученым архивным комиссиям // *Труды Ставропольской ученой архивной комиссии*. 1911. Вып. 1, отд. 5. С. 1–6.
- Шелов*, 1950 — *Шелов Д. Б.* Отчет об археологических разведках в низовьях р. Дон в 1950 г. // *НОА ИА РАН*. Ф. 1. Р-1. № 446. 45 л. Альбомы: № 447. 8 л.; 448. 8 л.; 449. 8 л.; 450. 8 л.; 451. 8 л.; 452. 8 л.; 453. 8 л.
- Шелов*, 1962 — *Шелов Д. Б.* Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции в 1962 году // *НОА ИА РАН*. Ф. 1. Р-1. № 2810. 82 л. Альбом 2810а. 26 л.
- Шелов*, 1972 — *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М.: Наука, 1972. 351 с.
- Якиев*, 2020 — *Якиев Б. А.* Отчет о проведении работ по определению границ территории объекта археологического наследия федерального значения «Подазовское городище». Ростов-на-Дону, 2020. 34 с., 137 с. ил. // *Архив комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области* [Не обр.].
- Якиев*, 2022 — *Якиев Б. А.* Подазовское городище. Учетная карта объекта. Азов, 2022. 2 л. // *Архив комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области* [Не обр.].

To the research history and topography of the Podazovskoe settlement

В. А. Раев⁶

Keywords: Lower Don region, Meotians, historical maps, reconstruction of the settlement topography

The Podazovskoe settlement is located on the southwestern outskirts of the city of Azov, on an elevated part of the prime left bank of the Don River. In 1911–1912, a railway line was laid through the territory of the settlement; this railway line and sand quarries emerged on its sides, practically entirely destroying a substantial territory of the settlement and dividing it into the northeastern part, with remains of a partially preserved “citadel,” and the southwestern part, which survived as undisturbed remnants.

The first information on the ancient settlement appears in the reports of the North Caucasian expedition of the GAIMK in the mid-1920s. At the same time, A. A. Miller makes a graphic reconstruction of the settlement’s plan. The remains of the “citadel” on it have a well-defined round shape (Fig. 2). Systematic excavations at the settlement were carried out by S. A. Vyazigin in 1938–1940 and by D. B. Shelov and I. S. Kamenetskiy in 1962–1970 mainly on the “citadel” in the northeastern part. Small-scale excavations in the southwestern part of the settlement, to find out the nature of the cultural layer and its thickness were carried out in 1938 and 1963.

Now, the southwestern remnant is substantially distorted by sand quarries, and its size has significantly decreased; the shape of the “citadel” in the northeastern part became close to the triangular one that repeats the line of the ditch with the preserved turning angle, which is close to the right one.

An attempt to restore the original plan of the settlement prompted the study old maps that recorded the topography of the site before the railway line was laid. On the map of the 1860–1890s (so-called “Map of Shubert”), to the southwest of the Podazovski farm, on the edge of the terrace of the Don River, a rectangular remnant of about 70 × 50 m is clearly recognizable; it is surrounded by a ditch on three sides, with the ends of the ditch break off into the floodplain (Fig. 9; 10).

Currently, the remnants in the southwestern and northeastern parts are clearly visible in the relief; the spots of excavations of 1962–1970 are marked on the preserved part of the “citadel” and on the preserved part of the cultural layer to the west of the railway. Indirect proof that the survived parts of the settlement belong to its different parts is the difference in the character and thickness of the cultural layers on the northeastern and southwestern remnants noted by I. S. Kamenetskiy, as well as the absence of early-dated artifacts in the square “N” excavated in 1963.

A comparison of modern topographical surveys of the details of the settlement with old topographic maps convinces us that the planning of the Podazovskoe settlement followed a scheme typical for Meotian settlements. However, its fortification was distinguished by the rare rectangular shape and size of the “citadel,” typical for large settlements.

---

⁶ Boris A. Raev — Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Rostov-on-Don, Russia; e-mail: boris_raev@mail.ru.

В. П. Петренко (†). «Камень-картина из г. Гробиня»¹

Подготовка к публикации и вступительная заметка А. В. Курбатова²

Аннотация. Впервые публикуется текст на русском языке статьи В. П. Петренко, посвященной камню-картине, обнаруженному при раскопках одного из курганов могильника Приедиенс II (Пасторат), расположенного у восточной границы г. Гробиня (Латвия).

Ключевые слова: В. П. Петренко, Юго-Западная Курземе (Латвия), скандинавский курганный могильник, г. Гробиня, намогильная стела, камень-картина, VI–VII вв., о-в Готланд.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-307-315

В личном архиве Валерия Петровича Петренко, хранящемся в отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН, находятся рабочие материалы, проливающие свет на работу по подготовке этой публикации. Предлагаемый вариант включает наиболее подробное описание места обнаружения стелы в 1987 г. при раскопках кургана 10. В архиве имеется переписка 1989 г. В. П. Петренко с редакциями журналов *Das Altertum* (Берлин) и *Fornvännen* (Стокгольм) и тексты с пометками автора о времени посылки статей в эти издания. Также есть вариант статьи, подготовленной для планируемого советского издания под условным названием «Культурное наследие Древней Руси», которое задумывал А. Н. Кирпичников, и время передачи статьи редактору — 5 марта 1990 г. Эта интересная задумка Анатолия Николаевича тогда не осуществилась по финансовым причинам, ему не удалось найти спонсоров. Но через несколько лет она воплотилась в серию выпусков «Культурное наследие Российского государства». Первый выпуск увидел свет в 1998 г., а последний, VII, — в 2018 г.

Сохранилось пояснение Валерия Петровича при передаче статьи в «Культурное наследие...»:

¹ Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: alkurba@rambler.ru.
© Курбатов А. В., 2024

«Дело не только в том, что такого рода камень-картина впервые обнаружен к востоку от Балтийского моря. Вообще за пределами Готланда такие образцы древней культуры встречаются чрезвычайно редко. До 1987 г. вне этого острова было известно всего два камня готландского типа — один на о. Эланд, а другой — в Упланде. К тому же, обе находки относятся к более позднему времени (XI в.).»

Примерно в те же месяцы, в конце 1989 — начале 1990 г., Валерий Петрович отправил свою рукопись о стеле на английском языке Яну Педеру Ламму из Государственного исторического музея Швеции в Стокгольме, письменный ответ которого датирован 13 марта 1990 г. (рис. I, 1). Сохранился перевод этого письма, написанный от руки его получателем.

Дорогой др. Петренко.

Я имел время подробно посмотреть Вашу рукопись и уже отправил ее нашему официальному переводчику для проверки корректности английского языка. Также я пишу Вам свои соображения. Камень является очень важной находкой, но его интерпретация требует большой осторожности. Это не очень легко, так как материал камня сильно стерт. Когда я посмотрел на превосходное фото, то абсолютно полностью убедился, что сцена в верхней секции камня представляет не корабль, а двух противостоящих птиц. Мы предпочитаем называть их утками, хотя они могут представлять и лебедей. Эта интерпретация будет также более уместна хронологически, поскольку изображение паруса не доказано на готландских камнях до середины VIII столетия. К этому замечанию я присоединяю несколько ксероксов из монографии Линдквиста. Поэтому, было

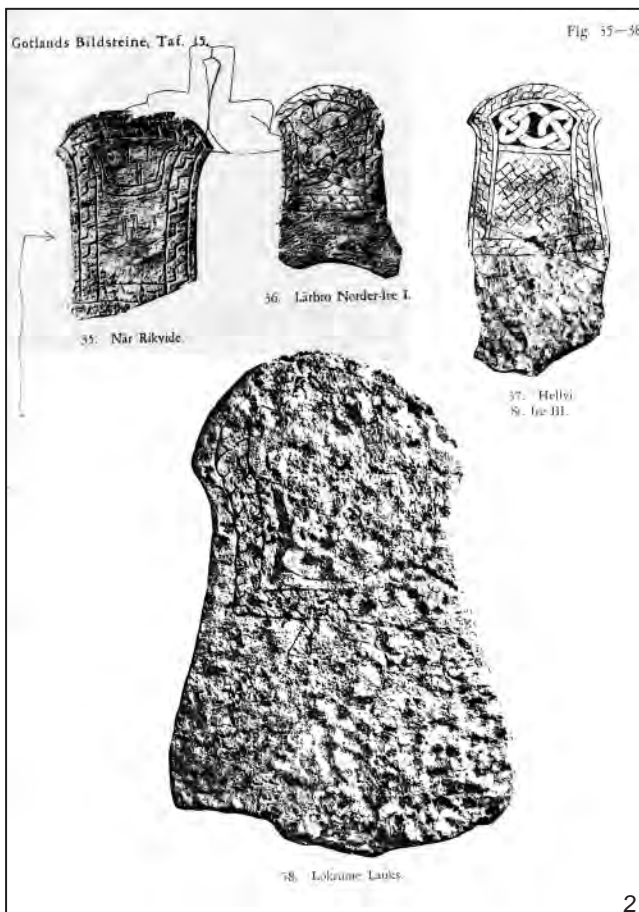
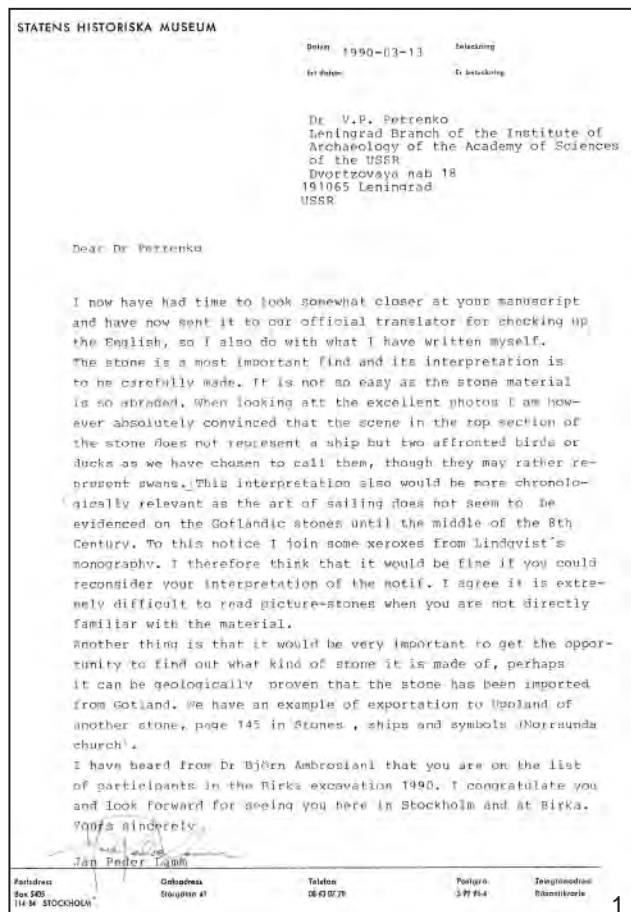

Рис. I. Письмо Я. П. Ламма В. П. Петренко от 13 марта 1990 г. (1 — текст, 2 — прилагаемая копия с. 145 из работы (Nylén, Lamm, 1988) с пометками)

Fig. I. Letter from Ya. P. Lamm to V. P. Petrenko dated 13 March 1990 (1 — text, 2 — attached copy of p. 145 of the work (Nylén, Lamm, 1988) with notes)

бы прекрасно, если бы Вы смогли пересмотреть Вашу интерпретацию изображения. Но я согласен, что очень трудно читать камни-картины, если Вы не имели непосредственного знакомства с материалом.

С другой стороны было бы очень важно выяснить вид использованного материала камня, что может дать геологическое доказательство, что камень был привезен с Готланда. Мы имеем пример экспорта в Упсланд другого камня (стр. 145 в «Камни, корабли и символы» (церковь Norrsunda)) (Здесь отсылка к работе: Nylén, Lamm, 1988. — Примеч. А. К.).

Я слышал от др. Бьёрна Амброзиани, что Вы включены в список участников раскопок Бирки в 1990 г. Я поздравляю Вас и ожидаю увидеть Вас в Стокгольме и Бирке. Искренне Ваш [Я. П. Ламм].

Высказанная Я. П. Ламмом точка зрения подкреплена отдельными рисунками стел (рис. I, 2), взятыми из работы Э. Найлена (E. Nylén) и Дж. П. Ламма (J. P. Lamm) *Stones, ships and symbols. The picture stones of Gotland from the Viking Age and before* (Stockholm:

Gidlunds, 1988. 209 p.), и отражена в его приложении к публикации В. П. Петренко в *Fornvännen* (Fornvännen. Stockholm, 1991. Årg. 86. P. 9, 10).

Также в архиве находятся рукописная и машинописная версии краткой информации на русском и шведском языках о стеле «Находка из г. Гробиня (Юго-Западная Латвия)», отправленная для *Newsletter* Шведского археологического общества Gjallarhornet. Судя по отметке В. П. Петренко, она была составлена 1 марта и отправлена 7 марта 1990 г.

Настоящей публикацией я хотел бы исправить научную несправедливость, связанную с безвременной кончиной Валерия Петровича Петренко, после которой уникальная находка Курземской экспедиции была надолго забыта. Ниже приведен оригинальный полный русскоязычный текст работы В. П. Петренко с прилагаемыми рисунками и авторскими подписями. Я позволил себе вставить один дополнительный рисунок к описанию ситуации обнаружения стелы (рис. II).

Камень-картина из г. Гробиня¹

В. П. Петренко (†)

Отдельные находки, связанные с комплексом памятников на побережье Курземе в районе г. Гробиня (Юго-Западная Латвия) привлекли внимание исследователей уже в XIX в. Тогда же здесь были проведены небольшие раскопки (Kruse, 1842. P. 22, 23, tab. 35; Сизов, 1896. С. 8; Марков, 1910. С. 14, 15). Но как свидетельство существования в VII–IX вв. на берегах р. Аланды скандинавских поселений этот комплекс приобрел известность после работ шведского ученого Б. Нермана (Nerman, 1931; 1934; 1958). Предложенная им историко-культурная атрибуция древностей прочно вошла в научную литературу. С дополнениями (Šturms, 1949. P. 205–217) и коррективами она использовалась в течение XX в. (Stenberger, 1977. P. 414, 415; Lundström, 1983. P. 323–328). Однако не стоит забывать, что сформулированные Б. Нерманом положения основаны только на его раскопках 1929–1930 гг. Между тем исследования комплекса памятников продолжались и позднее (Urtans, 1970. 79.–81. Lpp.; Štepiņš, 1970. P. 36, 37). Особенно много новых данных получено в ходе работ Курземской экспедиции (1984–1988 гг.), организованной совместно Ленинградским отделением Института археологии АН СССР и Институтом истории АН Латвийской ССР (Озере, 1985. С. 53–55; Петренко, Озере, 1985. С. 86–89; 1988. С. 415, 416; 1989. С. 163, 164; Petrenko, 1988. 113.–117. lpp.).

В послевоенные годы наряду с ранее известными могильниками Рудзукалнс I (старое название Смукуми) и Приедиенс II (Пасторат) были открыты и новые грунтовые могильники Приедиенс I, Аткални I и II, Рудзукалнс II, а также исследовались новые участки поселений. В итоге этих работ источниковедческая база расширилась практически вдвое и, главное, это существенно изменило представления обо всем комплексе. Были уточнены топография, а также качественный и количественный состав некрополей. Например, было установлено, что могильник Приедиенс II (Пасторат) насчитывал не менее 2 тысяч курганов, большая часть которых уже утратила наземные ориентиры к моменту составления К. Густавсоном плана 1929–1930 гг. (Nerman, 1958. P. 7).

¹ Иллюстрации и подписи к ним приведены так, как они представлены у В. П. Петренко.

Разнообразнее оказались наборы сопровождающего инвентаря и типы погребальных обрядов. Наряду с различными видами трупосожжений были открыты грунтовые и подкурганые ингумации. Иным теперь виделось и соотношение между памятниками, оставленными различными группами населения данного региона.

Собрание древностей, найденных в последние годы в г. Гробиня, благодаря своей значимости, заслуживает отдельного обсуждения. Одной из таких находок — каменной стеле, обнаруженной в кургане № 10 могильника Приедиенс II в 1987 г., и посвящена предлагаемая статья (рис. 1, С).

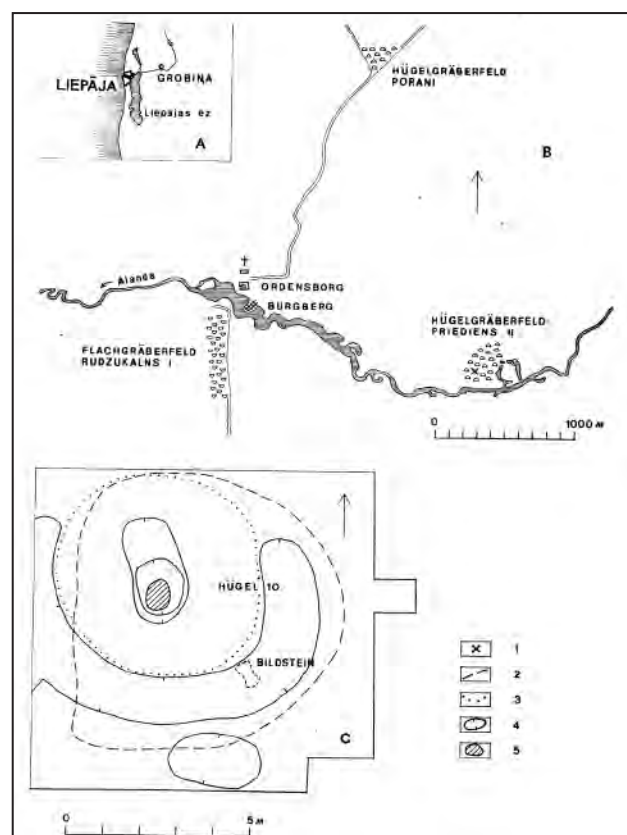

Рис. 1. Местонахождение камня-картины: А — побережье Балтики, Юго-Западная Курземе; В — план могильников в г. Гробиня (по Б. Нерману); С — курган № 10/1987 г., план нижнего горизонта
Fig. 1. Location of the stone-picture: A — Baltic coast, South-West Kurzeme; B — plan of the burial mounds in Grobiņa (according to B. Nerman); C — barrow No. 10/1987, plan of the lower horizon

Курган № 10 диаметром 7,3–7,6 м имел в плане не вполне правильные очертания, что связано с повреждениями, полученными при возведении соседних погребальных сооружений, а также с его позднейшей деформацией. Высота насыпи по обмерам до раскопок составляла 0,4–0,5 м, но в ходе работ было установлено, что ранее она составляла не менее 0,8 м. Северо-западная пола насыпи была более крутой, а вершина кургана имела визуальную уплощенность. Под полами сооружения выявлены два рва — более крупный, подковообразный, разомкнутый в северном направлении, шириной до 2 м при глубине 0,3–0,7 м и второй — меньших размеров, шириной 1,2 м при глубине до 0,3 м. Рвы окружали погребальную площадку диаметром 5,3–5,7 м, устроенную на материковом останце. В центре площадки открыта овальная яма размерами в плане 1,5 × 3,0 м и глубиной 0,4–0,5 м, ориентированная по линии север–юг с небольшим смещением против часовой стрелки. Северная часть ямы имела отвесные стенки, а в южной половине они были более пологими. Остатки погребения — сожжения на стороне — в виде скопления кальцинированных костей, золы, угольков и вещей мощностью до 1,1 м занимали площадь 1,3–1,6 кв. м в южной половине ямы.

В основании ровиков сохранились слои более темного, насыщенного угольками песка и отдельных фрагментов лепной керамики, что можно считать следами послепохоронных обрядов. Слоистая насыпь, перекрывавшая площадку, состояла из гумусированного песка. Отметим, что кальцинированные кости, угольки и даже куски частично обугленного дерева, а также отдельные вещи встречались и близ вершины кургана, практически сразу же под дерном (рис. 2).

Зафиксированные при раскопках кургана вещи надо разделять на те, которые побывали в огне, и миновавшие пламя погребального костра. Первых гораздо больше, и часть их не атрибутирована. Определенно побывал в огне костяной наборный крупноформатный орнаментированный гребень с круто профилированной спинкой, если судить по собранным фрагментам. Накладки по краям украшены тремя врезными линиями. Аналогичными же линиями с двух сторон орнаментированы и выступавшие из-под накладок концы пластин основы. По следам окислов вокруг отверстий можно предположить, что накладки и пластины основы были соединены железными штифтами. Среди находок имеются несколько железных штифтов

длиной 13–14 мм с круглой или прямоугольной в сечении ножкой.

Среди предметов без следов пребывания в огне надо отметить крупную полусферическую янтарную игральную фишку диаметром 33 мм (может быть пряслице) со сквозным отверстием, биконическую бусину длиной 11–12 мм, витую из тонкой бронзовой проволоки, круглой в сечении, а также половинку костяной бусины диаметром 12 мм, покрытую врезным орнаментом.

В наборе вещей отчетливо выделяются фрагменты металлических деталей щита: крупные заклепки с полусферической шляпкой, оковки, обломки корпуса умбона и, возможно, рукояти. На некоторых предметах сохранились следы дерева и отпечатки тканей. Представлены и части однолезвийного (?) меча (пластинчатые кольцевидные оковки рукояти, части ножен и другие), а также металлические детали поясного набора (обломки пряжки с прямоугольной пластинчатой обоймой, целые и фрагментированные прямоугольные бляшки). Кроме того, можно отметить мелкие обломки возможно преднамеренно разбитого лепного сосуда (сосудов?) и фрагменты бронзовых полых обтяжек (рис. 2).

Состав находок, а также планиграфическая и стратиграфическая соотношенность насыпи с соседними датированными объектами позволяет отнести время возведения кургана № 10 к VII в., вероятнее, к его второй половине. В коллекции присутствуют вещи, характерные и для женских захоронений (например, бусы), но мужской инвентарь играет в этом кургане явно доминирующую роль.

Каменная стела обнаружена в юго-восточном секторе кургана на глубине 0,5–0,7 м от поверхности, в слое коричневого гумусированного песка, т. е. в насыпи. Она лежала на склоне с перепадом высот до 0,2 м, по линии северо-запад–юго-восток и основанием была обращена к центру кургана (рис. II). Нельзя исключать, что зафиксированные под дерном остатки горелого дерева являются следами конструкции для установки стелы в вертикальном положении на вершине насыпи.

Камень-картина представлял собой тесанную из органогенного известнякаⁱⁱ плиту высотой

ⁱⁱ Отдельно прилагается пометка В. П. Петренко: «По определению инженеров ЛФИ „Спецпроектреставрация“ Баркова Игоря Ивановича и Петровой Татьяны Борисовны плита из Гробини является органогенным известняком с большим количеством кварца, также содержит ракушки». — Примеч. А. К.

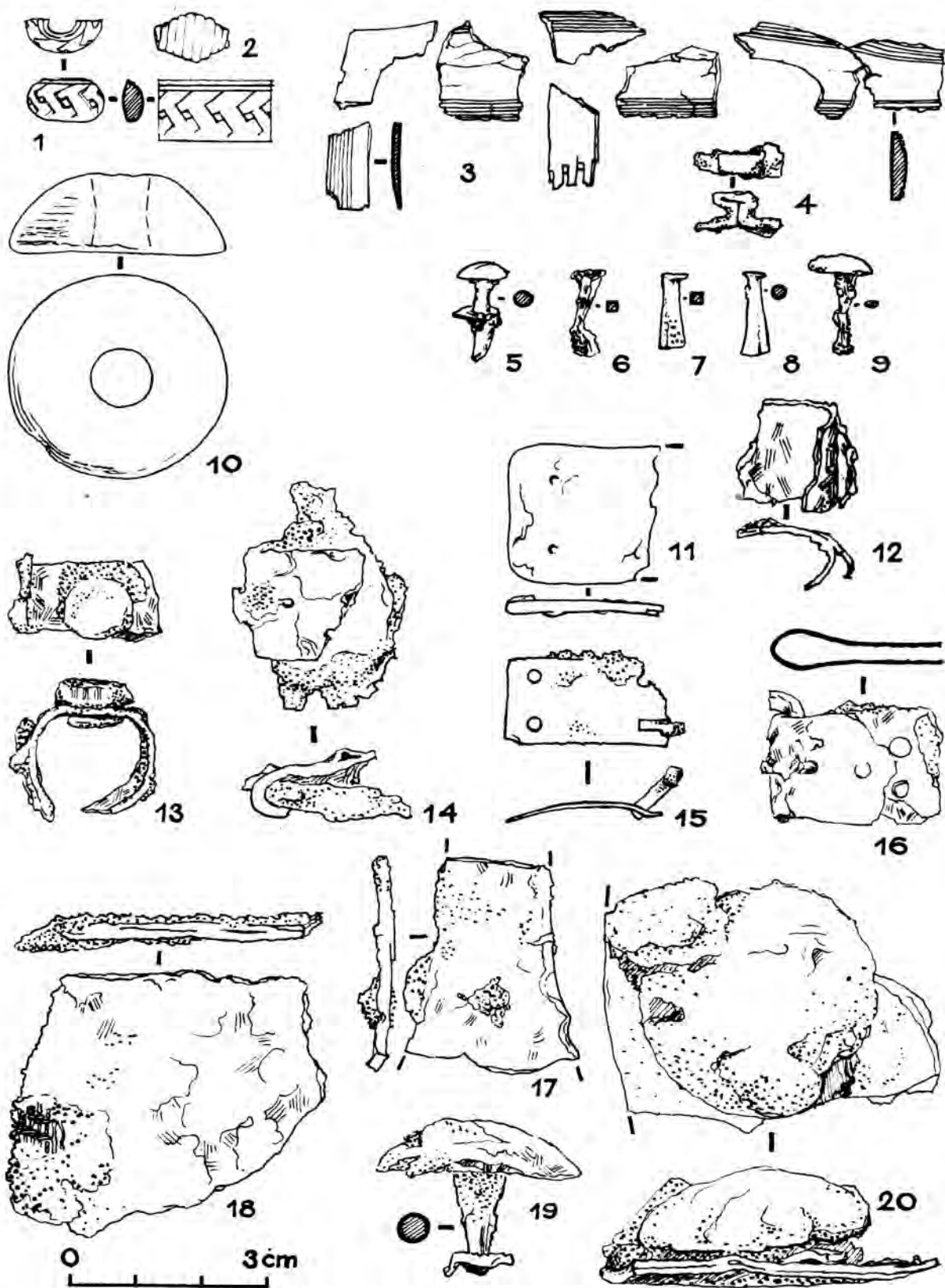

Рис. 2. Некоторые находки из кургана № 10/1987 г.

Fig. 2. Some finds from barrow No. 10/1987

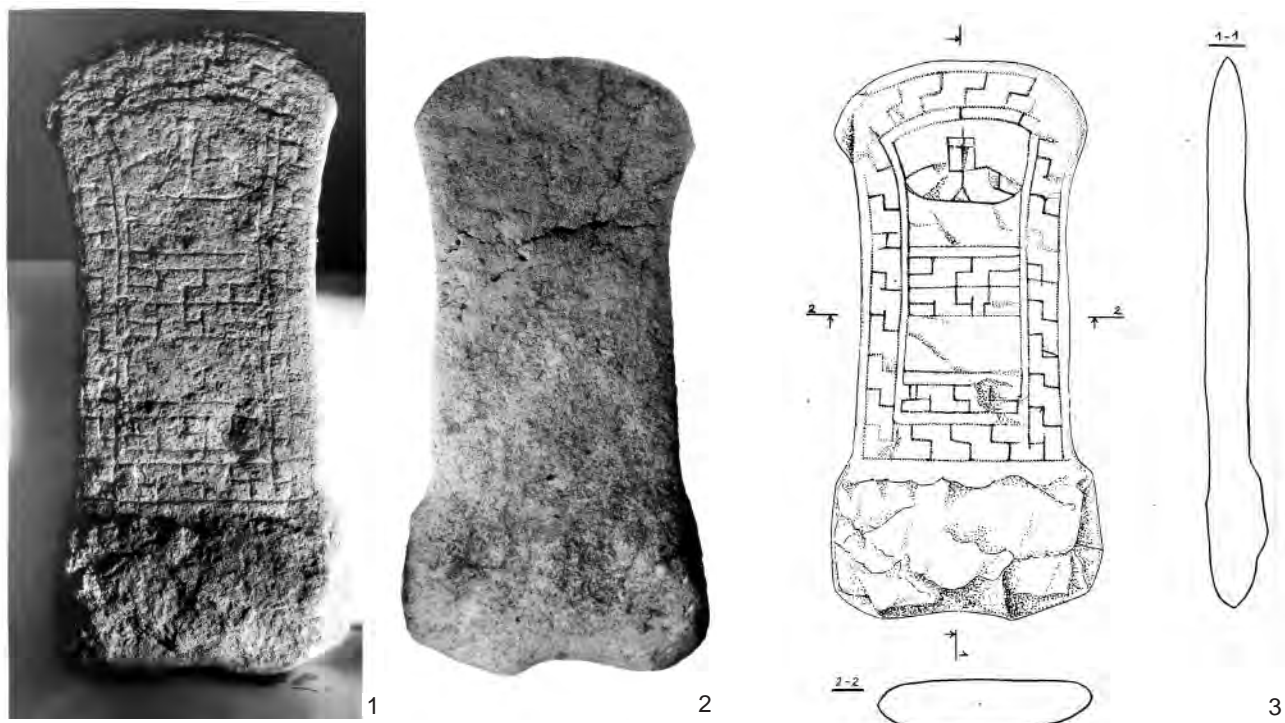

Рис. 3. Камень-картина из Горбиња (Латвия): 1 — лицевая сторона; 2 — оборотная сторона (фото выполнены в Лаборатории научно-прикладной фотографии и кинематографии АН СССР в 1987 г.); 3 — графическая прорисовка видимых изображений В. П. Петренко

Fig. 3. Stone-picture from Grobiņa (Latvia): 1 — obverse side; 2 — reverse side (photos made in the Laboratory of scientific-applied photography and cinematography of the USSR Academy of Sciences in 1987); 3 — drawing of visible images by V. P. Petrenko

70,5 см и шириной в узкой части около 26 см, овальную (с заострением к краям) в поперечном сечении, толщиной 4,7–5,8 см, с массивным основанием, вогнутыми боковыми гранями и расширенным дугообразным завершением, с выступающими углами. Основание толщиной 7–8 см и шириной 30–35 см, обработанное грубыми сколами,

выделено в плане покатыми плечиками и имеет внизу два коротких боковых выступа, которые могли служить для установки стелы в вертикальном положении. Хотя эти выступы можно рассматривать и в связи с происхождением (в целом) формы таких камней (рис. 3, 1, 2).

На лицевой стороне плиты, обработанной более тщательно, чем основание, высечены низко-рельефные изображения. Композиция заключена в рамку из двойных врезных линий, повторяющих форму камня-картины и окруженную с внешних сторон резным зигзагообразным орнаментом, окаймленным, в свою очередь, еще одной рамкой из врезных линий. Зона внутри обрамления разделена поясом, образованным аналогичным зигзагообразным орнаментом на два яруса. Похожий орнаментальный пояс составляет и основание композиции. Верхний ярус занимает врезное изображение корабля, снабженного мачтой, парусом и, возможно, надстройкой. Часть композиции в нижнем ярусе утрачена.

Корпус корабля с определенно дугообразным килем (?) вытянулся на всю ширину поля, носом и кормой касаясь линий, образующих

Рис. II (дополнительный). Курган № 10, юго-восточный сектор. Положение стелы *in situ*. Вид с юга

Fig. II (additional). Barrow No. 10, south-eastern sector. Position of the stele *in situ*. View from the south

внутреннюю рамку композиции. Высота мачты меньше длины корпуса, а ширина прямоугольного паруса составляет около трети этой величины. О других деталях изображения из-за поврежденных приходится судить более осторожно. Так, в правой части корпуса, возможно, показана прямоугольная надстройка, заметная в основании мачты, что могло отражать и способ ее крепления (рис. 3, 3).

В целом, состояние стелы оставляет желать лучшего. Известняк слоится, а поверхность, включая и участки, занятые врезной композицией, шелушится и крошится. Также на камне есть мелкие и крупные трещины. Поэтому предлагаемую интерпретацию ряда деталей корабля, например, форму штевней, следует рассматривать как варианты «чтения» изображения. В настоящее время камень-картина из г. Гробиня передан на постоянное хранение в Лиепайский историко-художественный музей и находится на реставрации. Предварительная информация о данной находке есть в ряде публикаций (Петренко, 1988. С. 113–117; 1989. С. 165, 166; Petrenko, 1990. Р. 43–48; Petrenko, 1991. Р. 1–8).

Форма и пропорции плиты, техника ее изготовления, особенности элементов композиции находят широкий круг аналогий среди камней-картин о. Готланд (можно назвать камни Ardre Petsarve II, Garda Smiss I, Gothem Vasterbjärs, Rome Kloster и др. (Lindqvist, 1942. Fig. 314, 354, 359, 473)). А контекст, в котором была обнаружена стела (могильник Приедиенс сложился при активном участии переселенцев из-за моря), не оставляет сомнений, что находка безусловно связана с архаичной скандинавской культурной традицией. Стелу следует относить к карликовым камням группы «В», согласно авторитетной классификации Суне Линдквиста (рис. 4), датированным VI–VII вв. (Lindqvist, 1941–1942. Р. 115–117), или хронологической группы «М» по более современной таксономии (Nylén, Lamm, 1988. Р. 171–200). Хотя рассматриваемое изображение имеет некоторые особенности. Так, возможная надстройка в верхней правой части корпуса является необычной деталью для изображения кораблей на камнях указанной серии. Несмотря на то что мачта и парус близко напоминают соответствующие элементы кораблей на камнях När Rikvide, Norrlanda Bjars, Hablingbo Sterstu, Halla Broa X и особенно Halla Broa I, сторона «В» (Lindqvist, 1941–1942. Fig. 54–56, 61, 62; 1942. Fig. 466, 469), но и здесь можно отметить отличительные черты.

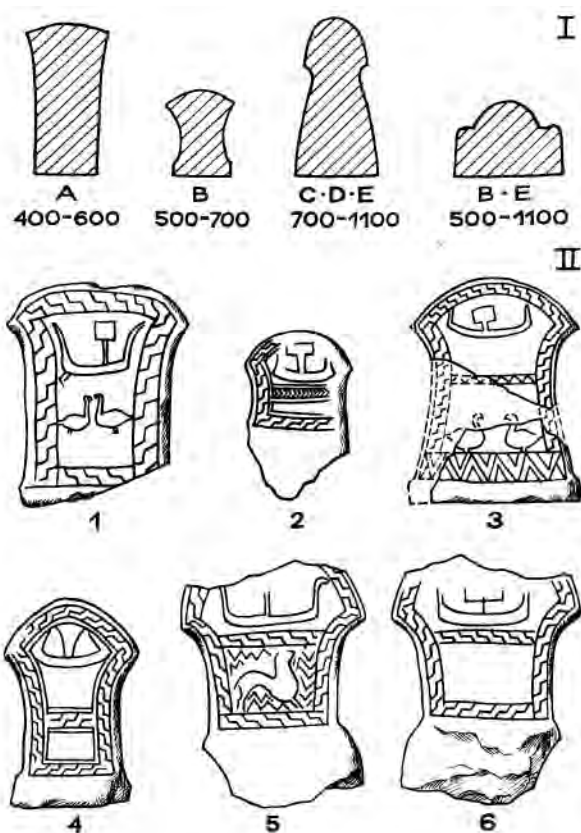

Рис. 4. Готландские камни-картины: I — типохронологическая схема развития камней-картин (по Э. Нюлену и Я. П. Ламму); II — готландские камни-картины VI–VII вв. группы «В», по С. Линдквисту (1 — Нар Рикведе; 2 — Халла Броа X; 3 — Халла Броа VII; 4 — Андре Петсарве II; 5, 6 — Халла Броа I, стороны А, Б)

Fig. 4. Gothic stone-pictures: I — typo-chronological scheme of stone-pictures' development (after E. Nylen and J. P. Lamm); II — Gothic stone-pictures of 6th–7th cen. of group "B", after S. Lindqvist (1 — Nar Rikvide; 2 — Halla Broa X; 3 — Halla Broa VII; 4 — Andre Petsarve II; 5, 6 — Halla Broa I, sides A, B)

Все же думается, отмеченные особенности камня-картины из г. Гробиня имеют частный характер и не противоречат предложенной выше ее атрибуции. Возможно, указанные отличия носят хронологический характер или отражают местные особенности изобразительных традиций, связанные с представлениями населения территории, которая оказалась исходной для миграции на берега р. Аланды.

По мнению Б. Нермана, могильник Приедиенс II оставил гарнизон, состоявший преимущественно из Krieger und Steuerheber — выходцев из средней Швеции (Nerman, 1958. Р. 182, 189). Поэтому присутствие в одном из курганов камня-картины,

аналогичного карликовым камням о. Готланд, является принципиально новым фактом. Среди находок, связанных с курганным могильником, и ранее отмечали заметную серию готландских древностей, которые появились здесь, как думали, благодаря брачным связям и торговле между двумя колониями (*Ibid.* P. 179). Однако количество подобных находок и специфика ряда изделий, обнаруженных как в грунтовых, так и в курганных захоронениях, а также необычные (в некоторых случаях) способы использования украшений в женском погребальном уборе, по сравнению с готландскими традициями (*Thrunmark-Nylén*, 1983. P. 306–322; *Näsman*, 1989. P. 21, 22), а кроме того, разнородность конструкций насыпей, полиморфность погребальных традиций могильника Приедиенс II и многое другое заставляют не только отказаться от таких слишком упро-

щенных оценок при рассмотрении процесса взаимодействия различных групп населения, обитавших на берегах р. Аланды, но и показывают необходимость пересмотреть структуру и базовые характеристики этого сложного комплекса в целом.

[Открытие к востоку от Балтийского моря нового образца готландского архаического искусства позволяет прогнозировать появление и других камней-картин, и может быть, уже иных типов в районах раннесредневековых поселений, расположенных вдоль речных систем, связывающих европейский Север с арабским миром или Причерноморьем, где «скандинавская активность» проявилась достаточно рано. Таким районом могут оказаться и окрестности г. Торопца.]. (Этот фрагмент имеется в рукописном тексте, но не включен в машинописный вариант. — *Примеч. А. К.*)

Марков, 1910 — Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1910. 148 с.

Озере, 1985 — Озере И. А. Раскопки могильника Гробиняс Приедиенс в 1984 г. // АИППЗ. Псков: ПГОИАХМЗ, 1985. С. 53–55.

Петренко, 1988 — Петренко В. П. Исследование скандинавских могильников в Гробине // *Izrakumi Priediena lidzenaja kursu kapulauka. Zinatniskas atskaites sesijas materiali par arheologu un etnografu 1986. un 1987. gada petijumu rezultatiem*. Riga: Zinatne, 1988. 109.–112. Lpp., 18 att.

Петренко, 1989 — Петренко В. П. Каменная стела с изображениями из Гробиняс // XI Всесоюзная конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М.: Институт истории СССР, 1989. Ч. I. С. 165–166.

Петренко, Озере, 1985 — Петренко В. П., Озере И. Новые данные о балто-скандинавских отношениях по материалам памятников г. Гробиняс // Проблемы этнической истории балтов. Рига: Зинатне, 1985. С. 86–89.

Петренко, Озере, 1988 — Петренко В. П., Озере И. Работы Курземской экспедиции // АО 1986 г. М.: Наука, 1988. С. 415–416.

Петренко, Озере, 1989 — Петренко В. П., Озере И. Куршско-скандинавские могильники Гробиняс Приедиенс в юго-западной Латвии // XI Всесоюзная конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Ч. I. М.: Институт истории СССР, 1989. С. 163–164.

Сизов, 1896 — Сизов В. И. Предварительный отчет г. Сизова о поездке его с целью археологических исследований в Курляндскую губернию летом 1895 г. // Труды Московской Предварительной комиссии

X Археологического съезда в Риге. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1896. Вып. 2 / Под ред. П. С. Уваровой. С. 6–18.

Kruse, 1842 — *Kruse F. Necrolivonica oder Altertrümer Liv-Esth- und Curlands bis zur Einführung der Christlichen Religion in der Kaiserlich Russischen Ostsee — Gouvernements. Dorpat; Leipzig: Voss, 1842. 68 s.*

Lamm, 1991 — *Lamm J. P. Ship or ducks? Comment on the pickture-stone found at Grobin, Latvia// Fornvännen. Stockholm, 1991. Årg. 86. S. 9–10.*

Lindqvist, 1941–1942 — *Lindqvist S. Gotlands Bildsteine. Stockholm: Wahlström und Widstrand, 1941–1942 (KVHAA — Kvittherhets historie och antikvitets Akademiem). T. I. (151 s.); II (147 s.).*

Lundström, 1983 — *Lundström A. Grobin Ansgarskrönikans Seeburg // Ed. I. Jansson. Gutar och vikingar. Stockholm: Statens Historiska museum, 1983. S. 323–328.*

Näsman, 1989 — *Näsman U. Ethnicity and communication on the Baltik in 5th–10th centuries A. D. // Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря. Л.: ЛОИА АН СССР, 1989. С. 21–22.*

Nerman, 1931 — *Nerman B. Funde und Ausgrabungen in Grobin 1929 // Congressus sekundus Archaeologiorum Baltikorum. Riga: Acta Universitatis Latviensis, 1931. S. 195–206.*

Nerman, 1934 — *Nerman B. Swedish Viking Colonies on the Baltik // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1934. Vol. IX. S. 357–380.*

Nerman, 1958 — *Nerman B. Grobin — Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm: Almqvist&Wiksell, 1958. 200 s.*

Petrenko, 1988 — *Petrenko V. P. Skandinavu kapulauku izpete Grobina // Zinatniskas atskaites sesijas. Materiali par arheologu un etnografu 1986. un 1987. gada petijumu rezultatiem. Riga: Zinatne, 1988. 113.–117. Lpp.*

- Petrenko*, 1990 — *Petrenko V. P.* Die Hügelgräberfelder von Grobin (UdSSR) // *Das Altertum*. Berlin, 1990. Bd. 36, H. 1. S. 43–48.
- Petrenko*, 1991 — *Petrenko V. P.* A picture Stone from Grobin (Latvia) // *Fornvännen*. Stockholm, 1991. Årg. 86. P. 1–8.
- Stenberger*, 1977 — *Stenberger M.* Vorgeschichte Schwedens. Berlin: Akad. Verl., 1977. 544 s.
- Stepinš*, 1970 — *Stepinš P.* Izrakumi Grobinā 1969. gadā // *Zinātniskas atskaites sesijas. Materiāli par arheologu un etnografu 1969. gada pētījumu rezultātiem*. Rīga: Zinātne, 1970. 36–37. Lpp.
- Šturms*, 1949 — *Šturms Ed.* Schwedische kolonien in Lettland // *Fornvännen*. Stockholm, 1949. Vol. 4. P. 205–217.
- Thrunmark-Nylén*, 1983 — *Thrunmark-Nylén L.* Gotland och Ostbaltikum // *Gutar och vikingar*. Stockholm: Statens Historiska museum, 1983. P. 306–322.
- Urtans*, 1970 — *Urtans V.* Etniskas atskiribas apbedisanas tradicijasum kapu insentara Latvija 5.-9. Gs. // *Arheologija un etnografija*. Rīga, 1970. T. IX. 79.–81. Lpp.

Находка из г. Гробиня (Юго-Западная Латвия)

В. П. Петренко (†)

Сенсационная находка была сделана в 1987 г. при раскопках скандинавского курганного могильника в г. Гробиня, Юго-Западная Курземе, Латвия. В среднем по размерам кургане № 10 диаметром 7,3–7,6 м и высотой 0,8 м обнаружена уникальная для районов восточнее Балтийского моря надмогильная каменная стела.

Тесанная из органогенного известняка стела высотой 70,5 см и шириной в узкой части около 26 см представляет собой овальную в поперечном сечении плиту толщиной 4,7–5,8 см, с массивным основанием, вогнутыми боковыми краями и расширенной шляпковидной верхней частью с выступающими углами и дугообразным завершением.

Грубо обработанное основание, видимо, служило приспособлением для установки стелы в вертикальном положении.

На одной из плоскостей плиты, на лицевой стороне, высечены низкорельефные изображения. Композиция заключена в рамку из двойных врезных линий, повторяющих форму плиты и окруженных с внешних сторон зигзагообразным орнаментом, окаймленным в свою очередь еще одной рамкой. Зона внутри рамок разделена на четыре вертикальных яруса, два из которых заполнены орнаментом, а верхний занимает изображение корабля, снабженного мачтой, прямоугольным парусом и, возможно, надстройками. Часть композиции в одном из центральных ярусов утрачена.

Стела связана с архаичной скандинавской культурной традицией и относится к кругу т. н. поминательных камней или камней-картин (*Bildstein*). Наиболее близкие аналоги этой находке встречены среди карликовых камней о. Готланд, которые датируются VI–VII вв.

“Stone-picture from the town of Grobiņa” by V. P. Petrenko (†)

Preparation for print and foreword by A. V. Kurbatov³

Keywords: V. P. Petrenko, South-West Kurzeme (Latvia), Scandinavian burial mound, Grobiņa, gravestone stele, stone-picture, 6th–7th cen., Gotland Island.

The article by V. P. Petrenko is published in Russian for the first time. It is devoted to a stone-picture discovered during excavations of one of the barrows of the Priediens II burial ground (Pastorat), located near the eastern border of the town of Grobiņa (Latvia).

³ Alexander V. Kurbatov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: alkurba@rambler.ru.

История исследования поселений в составе Тимерёвского археологического комплекса. К 150-летию изучения памятника¹

В. Н. Седых, С. С. Зозуля²

Аннотация. 2022 г. стал юбилейным для изучения Тимерёвского археологического комплекса по нескольким причинам. Одновременно со 150-летием первых раскопок могильника наступило 50-летие исследований поселенческой части комплекса. Круглая дата позволяет подвести некоторые итоги проделанных работ, проследить их хронологию, точно оценить изученные площади, проиллюстрировать динамику изменения оценки территории памятника и его границы, подвести некоторые итоги историографии.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, Древнерусское государство, Большое Тимерёво, история науки.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-316-331

С 1872 г., в течение века, наука располагала лишь материалами погребальных памятников округи Ярославля, относящихся к концу I — началу II тыс. н. э. Первые конкретные сведения о поселениях, синхронных ярославским могильникам и связанных с ними, появились в период работы экспедиции ГИМ по исследованию трех некрополей под Ярославлем под руководством М. В. Фехнер в 1959–1963 гг.

Во время раскопок Тимерёвского могильника, в 1961 г., при обследовании его окрестностей в 500–600 м к юго-востоку от кладбища на правом берегу р. Сечки близ дороги, ведущей в дер. Гончарово, были открыты остатки поселения, на котором собран подъемный материал (Фехнер, 1961. С. 207). В публикации 1963 г. М. В. Фехнер значи-

тельно «приблизил» местоположение поселения, отметив его следы на расстоянии 240 м в том же направлении (Фехнер, 1963. С. 8)³. Исследователи полагали, что культурный слой поселений, находящихся по обоим берегам р. Сечки, полностью уничтожен многовековой распашкой, и перспектив его исследования в будущем нет. Дальнейшие раскопки показали, что территория поселения вплотную примыкает к некрополю, а культурный слой вполне пригоден для полевых исследований и сохраняет информативный потенциал.

В 1970 г. в работах отряда, которым руководил научный сотрудник Ярославского музея А. С. Смирнов, принимали участие студенты 5-го курса кафедры археологии исторического факультета ЛГУ И. В. Дубов и Е. А. Рябинин (Смирнов и др., 1971). В учебном полевом отчете, хранящемся в архиве Ярославской экспедиции кафедры, имеется схема Тимерёвского археологического комплекса (тогда — без указания на ней территории поселений, границы которых будут выделены лишь через два года), на которой в районе дер. Малое Тимерёво, к востоку от построек,

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Седых В. Н. — Санкт-Петербургский государственный университет; С.-Петербург, Россия; e-mail: valsedykh@yandex.ru. Зозуля С. С. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: zozulia.sergey@gmail.com.

© Седых В. Н., Зозуля С. С., 2024

³ Исследовательница полагала, что могильник на начальных этапах своего существования состоял из нескольких небольших некрополей, принадлежащих отдельным поселениям, со временем слившихся «в одно общее погребальное поле».

на берегу Сечки показан курган (отмечен кружком с крестом внутри него).

В 1972 г. начала свои работы Ярославская экспедиция кафедры археологии ЛГУ под руководством И. В. Дубова (Дубов, 1973а; 1973б)⁴. Было проведено обследование местности по течению р. Которосли от истока (оз. Неро) до впадения в Волгу в районе Ярославля. В ходе разведки открыт ряд памятников эпохи раннего Средневековья.

Поселение у дер. Большое Тимерёво расположено на верхней террасе правого берега Сечки и по результатам внешнего осмотра имело площадь 60 × 150 м. Мощность распахиваемого слоя составила 20–30 см. При этом в отчете отмечено, что выходы культурного слоя фиксируются непосредственно у восточного края некрополя. На поселении был собран подъемный материал — лепная и гончарная керамика (65 и 35 %); дирхам с отверстием 844/845 гг.; костяные, глиняные и железные изделия.

На противоположном берегу Сечки, на верхней террасе рядом с остатками дер. Малое Тимерёво, открыто активно распахиваемое селище площадью 25 × 75 м. По мнению И. В. Дубова, слой мощностью 15–25 см здесь сохранился хуже, чем на поселении у Большого Тимерёва. Он указал, что слой лучше сохранился в северной части селища — здесь проходил край поля, на котором была зафиксирована насыпь кургана. В дер. Малое Тимерёво удалось получить у жителей три арабских дирхама из клада, обнаруженного в 1968 г. Эти монеты впоследствии поступили в ГИМ, где хранилась основная часть клада (1500 экз.) до передачи в фонды Ярославского музея-заповедника (Фомин, 2009). И. В. Дубов отмечал, что собранный подъемный материал, лепная и гончарная керамика, аналогичен посуде с поселения у Большого Тимерёва.

Основное внимание экспедиция в дальнейшем уделяет изучению могильника Большое Тимерёво и расположенному рядом с ним поселению, а также селища близ некрополя Малое Тимерёво. Уже первые, начатые в 1973 г., работы в зоне Тимерёвского могильника показали возможность

⁴ Полевые отчеты о работах на территории комплекса за 1973–1977 гг. также хранятся в архиве Ярославской археологической экспедиции кафедры археологии исторического факультета ЛГУ/СПбГУ. Материалы разведки 1972 г. хранятся в фондах Ярославского музея-заповедника: ВП-1388 (материалы поселения у Большого Тимерёва); ВП-1391 (материалы селища у Малого Тимерёва).

и перспективность изучения курганов, носящих следы раскопок прежних лет. Так, раскопки кургана 95 дали новую информацию о могильнике в целом (Дубов, 1974а; 1974б; 1976а; Зозуля, Седых, 2023)⁵. Тогда же началось исследование селища у Малого Тимерёва: был заложен разведочный раскоп площадью 64 кв. м, в котором была обнаружена углубленная на 0,4 м постройка размерами 2,8 × 1,6 м, в ее заполнении встречены исключительно фрагменты лепной керамики и остатки деревянных конструкций. По мнению И. В. Дубова, постройка имела хозяйственное назначение⁶.

Наиболее интересные результаты в 1973 г. были получены при работах на поселении у Большого Тимерёва. На распашке найдено скопление серебряных восточных монет в количестве 2305 экз. из клада, сокрытого, судя по датировке младшей монеты, в IX в. (Добровольский, Дубов, 1975)⁷ (рис. 1; 2). На поселении были заложены три шурфа (А–В)⁸ общей площадью 24 кв. м.

В полевых сезонах 1974–1977 гг. Ярославская экспедиция Ленинградского университета под руководством И. В. Дубова продолжила исследования поселения близ Тимерёвского могильника (Дубов, 1982а. С. 124–187) (рис. 3). В 1974 г. была проведена шурфовка (12 шурфов) с целью точного определения его границ, мощности культурного слоя, а также выяснения топографического соотношения могильника и поселения. К сожалению, в отчете дана только суммарная характеристика шурфов. Исходя из альбома иллюстраций, общая вскрытая площадь⁹ составила 81 кв. м.

⁵ Материалы раскопок хранятся в фондах Ярославского музея-заповедника: ВП-1397.

⁶ Материалы раскопок 1973 г. хранятся в фондах Ярославского музея-заповедника: ВП-1389, ВП-1402 (поселение у Большого Тимерёва); ВП-1392 (селище у Малого Тимерёва).

⁷ Клад хранится в фондах отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.

⁸ Шурф А — 2 × 2 м, шурф Б — 2 × 2 м, шурф В — 4 × 4 м. Совмещение существующих планов демонстрирует попадание шурфа В-1973 в площадь раскопа А в 1980-х гг. Подтвердить это по полевой документации не представляется возможным. Ежегодная пахота на территории поселения затрудняет ответ на вопрос, изучена ли площадь шурфа В повторно. В итоговую таблицу площадь шурфа В-1973 включена.

⁹ Шурф 1 — 6 × 4 м; шурф 2 — 4 × 4 м; шурфы 3–10, 12 — 1 × 1 м; шурф 11, сложной формы, общая площадь — 32 кв. м.

Рис. 1. Большое Тимерёво. Разборка клада 1973 г.
Фото И. В. Дубова

Fig. 1. Bolshoye Timerevo. Dismantling of the hoard,
1973. Photo by I. V. Dubov

Рис. 2. Клад из Большого Тимерёва 1973 г.
Фото И. В. Дубова

Fig. 2. The hoard from Bolshoye Timerevo, 1973.
Photo by I. V. Dubov

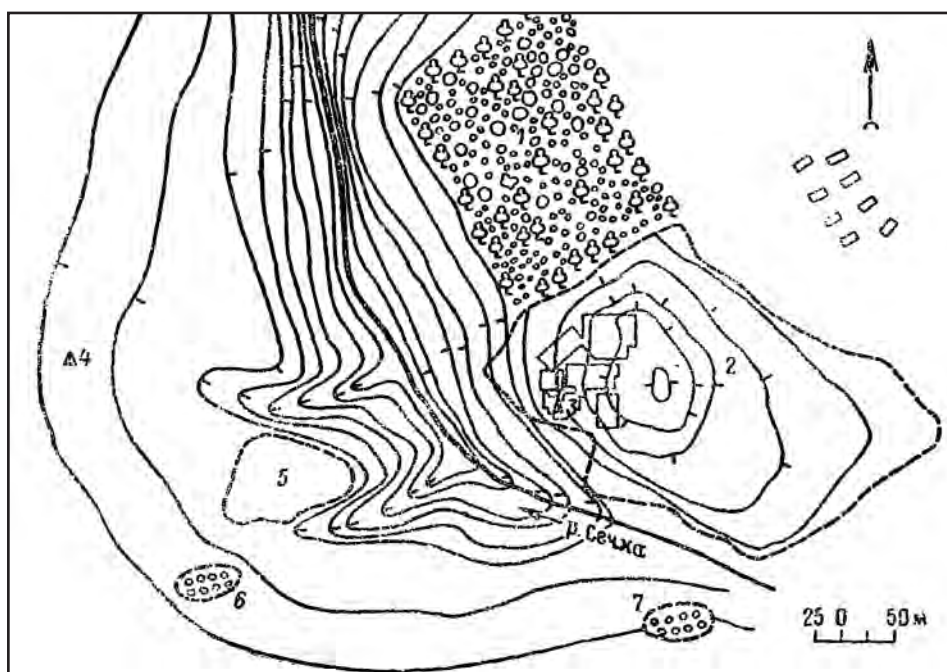

Рис. 3. План Тимерёвского археологического комплекса (Дубов, 1982а. С. 202): 1 — курганный могильник у дер. Большое Тимерёво; 2 — поселение; 3 — клад куфических монет 1973 г.; 4 — клад куфических монет 1968 г.; 5 — селище у дер. Малое Тимерёво; 6 — курганный могильник у дер. Малое Тимерёво; 7 — курганный могильник у дер. Гончарово

Fig. 3. Plan of the Timerevo archaeological complex (Дубов, 1982а. С. 202): 1 — burial mound at Bol'shoye Timerevo; 2 — settlement; 3 — the hoard of Kufic coins of 1973; 4 — the hoard of Kufic coins of 1968; 5 — settlement at Maloye Timerevo; 6 — burial mound at Maloye Timerevo; 7 — burial mound at Goncharovo

Средняя мощность культурного слоя колебалась от 20 до 40 см, при этом слой вплотную подходил к территории могильника, между курганами выходов культурных напластований не обнаружилось. В юго-западной части поселения раскопом сложной конфигурации было изучено 496 кв. м нарушенного распашкой культурного слоя, на уровне материка открыты остатки 13 жилых, хозяйственных и очажных ям с различным инвентарем, а также найдены 313 монет распаханного клада, основная часть которого была извлечена в 1973 г.¹⁰ (Дубов, 1975; Дубов и др., 1975). Данный участок поселения, учитывая нахождение здесь клада IX в., датировался И. В. Дубовым IX–X вв. (Дубов, 1982а. С. 152).

В 1975 г. вплотную к участку, исследованному в 1974 г., был заложен раскоп площадью 1216 кв. м, выявивший перепаханный культурный слой мощностью 25–35 см. На уровне материка зафиксировано около 50 ям различного назначения — жилых (средние размеры — 2,5 × 4,5 м), производственных (например, комплекс 8), хозяйственных, столбовых и очажных¹¹. Датированы сооружения, изученные в 1975 г., в пределах X в. (Дубов, 1976б; 1982а. С. 161; Дубов, Кухарева, 1976).

В 1976 г. работы продолжились на трех новых раскопах — А, Б и В (площади: А — 800 кв. м, Б — 300 кв. м, В — 336 кв. м). Раскоп В, расположенный в непосредственной близости от участка, изученного в 1974 г., частично попал в его границы. Из-за ежегодной распашки территории поселения¹² оказалось невозможным точно определить место предыдущих работ (Дубов, 1982а. С. 161–171). Мощность исследованного культурного слоя составила 20–40 см. В пахотном слое было обнаружено 66 арабских монет из клада 1973 г.

В раскопе А на материке на протяжении 20 м прослежены остатки мощного частокола в виде столбовых ям диаметром 0,8 м (часто со следами перемещения), (рис. 4), реконструирована ограда длиной 50–60 м. По мнению И. В. Дубова, были открыты первоначальные укрепления Тимерёвского поселения, отсекавшие наиболее

раннюю его часть. Время их сооружения автор отнес к первой половине X в. Отмечая слабое оборонительное значение подобных конструкций, исследователь все же относит их к таковым (Дубов, 1982а. С. 165). Подобная интерпретация частокольной канавы встретила критику вскоре после публикации (Леонтьев, 1989. С. 80). Не увенчались успехом последние попытки обнаружения подобной конструкции и на территории Центрального поселения Гнёздовского археологического комплекса (Мурашьева, Авдусина, 2007. С. 15, 16; Фетисов, 2021; Фетисов, Кулешов, 2021). Очевидно, что Ярославской экспедицией 1976 г. зафиксированы следы достаточно габаритной и мощной конструкции, но отсутствие аналогий в широком круге примеров древнерусских фортификационных сооружений X в. и, прежде всего, незамкнутый контур оставляют вопрос ее назначения открытым.

Всего на исследованном в 1976 г. участке было обнаружено 52 ямы, в том числе самая большая по размерам на момент раскопок (3,5 × 6,6 м при глубине до 0,8 м) яма 52 столбовой конструкции. Полученный при раскопках поселения материал датировался IX–XI вв. (Дубов, 1982а. С. 161). При обследовании территории поселения на границе с могильником был обнаружен распаханый курган с погребением по обряду трупосожжения в урне, которое сопровождали меч, железные наконечник стрелы, шип, заклепка, весовые гирьки и деталь уздечного набора, украшенная в стиле Борре¹³ (Дубов, 1977; Дубов и др., 1977).

В 1977 г. работы велись на четырех раскопах (А–Г). Планировалось связать воедино участки предшествующих лет. Контрольный раскоп А 1977 г. заложен на месте раскопа А 1976 г. для топографической привязки. В пахотном горизонте сделан ряд находок. Таким образом, раскоп А 1977 г. вряд ли стоит учитывать при оценке исследованной площади на территории поселения. Площадь раскопа Б составила 704 кв. м, участка В — 1220 кв. м, объекта Г — 200 кв. м. Всего изучено 2124 кв. м на трех участках (Дубов, 1982а. С. 172–184). В пахотном слое мощностью 25–40 см встречено большое количество находок изделий из кремня — пластинок, скребков, нуклеусов, отщепов и сколов; интересны обнаруженные фрагменты фатьяновской керамики. На уровне материка было зафиксировано 123 ямы различного

¹⁰ Материалы раскопок 1974 г. хранятся в фондах Ярославского музея-заповедника: ВП-1390.

¹¹ Материалы раскопок поселения частично хранятся в фондах Ярославского музея-заповедника, частично — на кафедре археологии СПбГУ.

¹² Определить площадь, изученную повторно, не представляется возможным. Все раскопы 1976 г. включены в итоговую таблицу.

¹³ Материалы раскопок поселения хранятся на кафедре археологии СПбГУ, раскопок кургана — в фондах Ярославского музея-заповедника: ЯМЗ-45139.

Рис. 4. Линия крупных ям частокола в раскопе А 1976 г.: 1 — вид с юго-запада; 2 — вид с юго-востока. Фото И. В. Дубова
 Fig. 4. The line of large pits of the palisade in the excavation area A, 1976: 1 — view from the south-west; 2 — view from the south-east. Photo by I. V. Dubov

назначения¹⁴. Находки развитой круговой керамики поздних форм позволили отнести время функционирования участка Г к XI–XII вв. (Дубов и др., 1978; Дубов, 1979; 1982а. С. 184; Красниенко, 1982).

В результате раскопок 1973–1977 гг. на территории поселения у Большого Тимерёва была вскрыта площадь 5377 кв. м (включая площадь разведочных шурфов), на которой были изучены участки, датированные И. В. Дубовым IX–XII вв. Обнаружены остатки жилых, хозяйственных, производственных и других построек, свидетельствующих об основных занятиях обитателей Большого Тимерёва. В научной литературе величина изученной площади в 1970-х гг. приводится в пределах от 5500 до 6600 кв. м (АКР, 2005. С. 83; Захаров, Зозуля, 2014б. С. 157).

При определении «статуса» памятника в древнерусской иерархии поселений важную роль играет оценка площади жилой части комплекса. По итогам внешнего осмотра и сбору подъемно-

го материала 1972 г. И. В. Дубовым определена площадь поселения у Большого Тимерёва в 0,9 га (Дубов, 1973а. С. 63). Шурфовка 1974 г. позволила расширить территорию распространения культурного слоя до 5,5 га (Дубов и др., 1975. С. 57). Достаточно быстро оценка площади увеличивается до 10 га и неоднократно повторяется в дальнейшем (например: Дубов, 1982б. С. 107), более того, она стала традиционной и фигурирует, в том числе, в АКР Ярославской области (АКР, 2005. С. 83). В историографии уже отмечался факт несоответствия площади поселения 10 га по приведенному на плане масштабу (Леонтьев, 1989. С. 79, 80; Дубов, 1982а. С. 202, рис. 5). Завышенной площадь поселения казалась А. Е. Леонтьеву и на основании личного знакомства с памятником (Леонтьев, 1989. С. 79, 80). Добавим, что поселение, по И. В. Дубову, располагается условным прямоугольником, вытянутым вдоль Сечки. При этом археологические работы проводились только в юго-восточной и центральной частях памятника. Выделение южной, восточной и юго-восточной границ не кажется бесспорным.

¹⁴ Материалы раскопок хранятся на кафедре археологии СПбГУ.

Рис. 5. Панорамный вид на Тимерёвский археологический комплекс с левого берега р. Сечки.
Фото В. Н. Седых, 1980-е гг.

Fig. 5. Panoramic view of the Timerevo archaeological complex from the left bank of the Sechka River.
Photo by V. N. Sedykh, 1980s

В 1983–1990 гг. Ярославская экспедиция кафедры археологии исторического факультета ЛГУ под руководством В. Н. Седых и И. В. Дубова продолжила комплексное исследование в Тимерёво (рис. 5) (Седых, 2012). В первый сезон 1983 г. в связи с происшедшими изменениями в непосредственной близости от памятника (рядом с могильником была проложена асфальтовая дорога, в зоне комплекса были разбиты дачные участки) проводилась разведка, снят новый план комплекса с указанием выявленных участков культурного слоя и современного состояния окрестностей памятника (рис. 6). В районе могильника был обнаружен верхний правый моляр шерстистого носорога¹⁵.

Важным результатом стало открытие пятен культурного слоя на территории существовавшей тогда еще деревни Большое Тимерёво. Позже, согласно АКР, памятник будет поставлен на учет как «селище Большое Тимерёво» (АКР, 2005. С. 85). Первоначально зафиксировано три участка (50 × 30, 25 × 100 и 20 × 25 м) и сделано предположение о существовании единого объединяющего их селища, возникшего не ранее XI в.¹⁶ (Седых, 1984; 1985б).

С 1984 г. начались планомерные раскопки комплекса, причем основное внимание уделялось изучению могильника. За указанный период было доследовано девять курганов, имевших повреждения насыпей в виде ям и траншей. По сведениям М. В. Фехнер, таковых в могильнике насчитывается 45 (9,5 %), располагаются они по всей территории некрополя (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 101). Раскопкам экспедиции подверглись насыпи в центральной и западной частях могильника,

в том числе наиболее крупные (285, 297, 382). Одновременно с изучением курганов производилось исследование межкурганного пространства. Всего было вскрыто более 80 кв. м. В основном в дерновом слое встречены редкие фрагменты керамики, кремневые наконечник, пластинки, отщепы, относящиеся, вероятно, к эпохе бронзы.

В 1984 г. заложены два раскопа. Раскоп А площадью 200 кв. м располагался на границе поселения и могильника. Мощность культурного слоя составила от 0,10 до 0,48 м. В первый же год исследований были зафиксированы остатки разрушенных погребений. В пахотном слое найден фрагментированный череп женщины 25–35 лет¹⁷. Затем в пределах ямы 1 обнаружены остатки плохо сохранившегося скелета с западной ориентацией, вокруг которого выявлены мелкие угли и пятна обожженной глины, что может свидетельствовать о предварительном выжигании площадки под курганной насыпью. Раскоп Б площадью 100 кв. м располагался в юго-восточной части поселения, толщина распаханного культурного слоя достигала 0,4 м. Найдены три углубленных в материк объектов. Шурф 1 площадью 16 кв. м располагался на южном берегу пруда на поселении Большое Тимерёво, на выявленном новом участке распространения культурного слоя, в 5 м от воды. В процессе работ стали поступать грунтовые воды, поэтому раскопки не доведены до материка. Среди находок — гончарная керамика, глиняное изделие с росписью, деньга 1739 г. Шурф 2 размерами 2 × 2 м заложен в прибрежной части Тимерёвского поселения. Мощность культурного слоя достигала 1 м. Отложения оказались насыщены фрагментами лепной и гончарной керамики, шлаками, крицей, обмазкой, глеем, пережженными камнями, костями животных, а также

¹⁵ Определения канд. биол. наук М. В. Саблина (Зоологический институт РАН).

¹⁶ Материалы из раскопок в Большом Тимерёво 1983–1990 гг. хранятся на кафедре археологии СПбГУ.

¹⁷ Определение доцента кафедры этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ Н. Н. Цветковой.

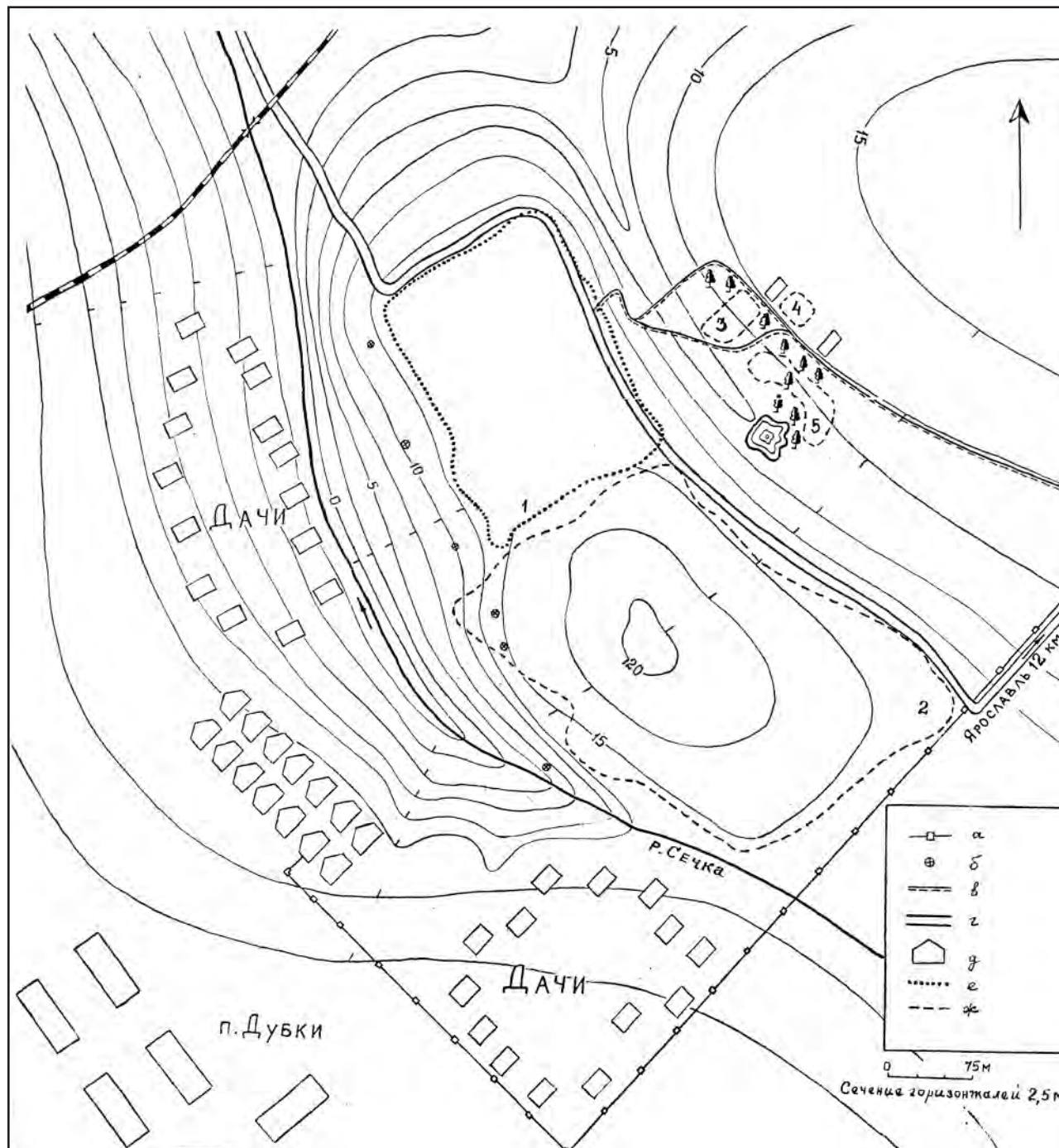

Рис. 6. Тимерёвский археологический комплекс. План 1983 г.: 1 — Тимерёвский курганный могильник; 2 — основная площадка поселения; 3–5 — выходы культурного слоя у дер. Большое Тимерёво (а — трубы теплопровода; б — реперы газопровода; в — грунтовая дорога; г — асфальтовая дорога; д — теплицы; е — границы могильника; ж — границы поселения)

Fig. 6. Timerevo archaeological complex. Plan of 1983: 1 — Timerevo burial ground; 2 — main site of the settlement; 3–5 — outcrops of the cultural layer near the village of Bolshoye Timerevo (a — heat pipeline pipes; б — gas pipeline benchmarks; в — dirt road; г — asphalt road; д — greenhouses; е — burial ground boundaries; ж — settlement boundaries)

содержали ряд индивидуальных находок (Седых, 1985а; 1986а).

В 1985 г. к раскопам А и Б сделаны прирезки по 100 кв. м (обе размерами 10 × 10 м). Мощность культурного слоя на раскопе А достигала 0,75 м, что объясняется отвалами исследованных в 1974–1978 гг. курганов, располагавшихся рядом с изученным в 1985 г. участком. На уровне материка зафиксировано пять углубленных объектов. Толщина отложений раскопа Б¹⁸ составляла от 0,20 до 0,35 м, на уровне материка выявлены три пятна ям (Седых, 1986б; 1987а).

Во время визуального обследования территории поселения в Большом Тимерёве в июне 1986 г. на пахоте были обнаружены четыре дирхема. На месте находки проведены исследования. Пятна углубленных конструкций полностью соответствовали плану материка раскопа В 1976 г. Практически на всей площади находились монеты. Были сделаны прирезки в юго-восточном и юго-западном направлениях. Повторно вскрытая в 1986 г. площадь составила 144 кв. м. В общей сложности выявлено 66 монет, встречены и другие находки (Седых, 1987б; 1988а). Очевидно, что все предметы оказались на исследованном ранее участке благодаря механизированной распахке, поэтому раскоп 1986 г., как и участок А 1977 г., не стоит учитывать в общей сумме исследованной площади на поселении, несмотря на богатую нумизматическую серию.

В 1987 г. продолжено контрольное вскрытие заполнения раскопа В 1976 г. Осуществлена прирезка в 48 кв. м к участку, повторно исследованному в 1986 г. Среди прочих находок — семь дирхемов. Интересные результаты дали небольшие по объему раскопки на участке А на границе могильника и поселения (20 кв. м). Обнаружена сложная конструкция, состоящая из камней и обожженной глины, интерпретируемая как печь для обжига глиняной посуды. Под кладкой располагалась яма, вмещающая остатки трупосожжения, совершенного на стороне. В 0,35 м от каменной конструкции к северу выявлено пятно ямы, содержавшее погребение по обряду ингумации, ориентированное на запад. Нижняя хронологическая граница захоронения надежно датирована денарием, отчеканенным в Германии при Оттоне III и Адельгейде (Седых, Зозуля, 2015). Погребение может быть отнесено к середине XI в. или

¹⁸ Кроме того, сделана небольшая прирезка (4,6 кв. м) к раскопу Б 1984 г. с целью полного вскрытия ямы 3 сезона 1984 г.

третьей его четверти¹⁹. Следовательно, захоронение было совершено позже сооружения каменной конструкции (Седых, 1988б).

В полевом сезоне 1988 г. в пограничной зоне между могильником и основной площадкой поселения был заложен раскоп А площадью 260 кв. м, состоящий из трех участков. Мощность перемешанного культурного слоя составляла 0,3–0,5 м. На участке 1 на уровне материка было зафиксировано девять пятен ям, одна из которых содержала мужское погребение с инвентарем по обряду трупоположения; остальные — остатки жилых и столбовых ям. На участке 2 выявлено три пятна ям, одно из них оказалось погребением девочки-подростка по обряду ингумации с инвентарем. На участке 3 было зафиксировано шесть пятен ям, пять из которых выклинились после легкой зачистки.

Помимо перечисленного в 1988 г. сделана прирезка 16 кв. м к южной стенке раскопа 1987 г. с целью полного вскрытия обнаруженного в предыдущем сезоне комплекса каменной кладки. На основной площадке поселения был найден фрагмент дирхама (Аббасиды, начало IX в.) (Дубов, 1989).

В 1989 г. раскоп А, продолжавший раскопки предыдущих лет (1984–1985, 1987–1988), состоял из двух участков. На участке 1 площадью 80 кв. м было зафиксировано семь пятен ям, в том числе две, содержавшие погребения по обряду ингумации с инвентарем, и три столбовые. На участке 2 площадью 86 кв. м выявлено шесть пятен ям — остатки хозяйственных, столбовых конструкций и одного погребения по обряду трупоположения.

В 1990 г. к юго-востоку от исследованного кургана 1 (1990) был заложен раскоп площадью 102 кв. м, ориентированный по линии северо-запад–юго-восток вдоль юго-западной границы могильника в направлении раскопа А сезона 1984 г. После снятия перемешанного слоя на уровне материка ям не оказалось. В слое были встречены немногочисленные фрагменты лепной и круговой керамики, предметы из железа (Седых, Френкель, 2022).

Таким образом, на границе поселения и могильника (раскоп А) за полевые сезоны 1984–1985, 1987–1989 гг. вскрыто в общей сложности 762 кв. м. На уровне материка зафиксировано

¹⁹ Датировка третьей четвертью XI в. сближает верхнюю хронологическую границу функционирования Тимерёвского некрополя с Михайловским (Зозуля, Ушанков, 2018).

46 ям различного назначения — столбовых, хозяйственных, жилых и могильных. Постройки на этом участке отличаются большими размерами (25 кв. м и более 40 кв. м) и разнообразным составом находок. Конструкции относятся, вероятно, к начальному этапу существования поселения. В пользу данного заключения говорят практически полное отсутствие круговой керамики в комплексах, наличие монет конца VIII — IX в. и, наконец, тот факт, что на исследованной площади обнаружены распаханые насыпи курганов с погребениями по обряду трупосожжения на стороне и трупоположения с инвентарем, позволяющим датировать их концом X — первой половиной XI в. В южной и юго-восточной частях могильника, граничащих с описываемым участком, сосредоточены в основном насыпи с погребениями по обряду ингумации (Дубов, 1982а. С. 126; Недошивина, Фехнер, 1982). Важно отметить, что одно разрушенное погребение с инвентарем (две бусины) зафиксировано на уровне материка в пределах постройки (яма 1 раскопок 1984 г.). В нижних частях заполнения этого комплекса найдены фрагменты сетчатой (ложнотекстильной) керамики и «рогатый кирпич». В пахотном слое поселения встречена и керамика, которая может быть отнесена к фатьяновской культуре.

Наиболее значительным при изучении этой части поселения является обнаружение остатков печи для обжига, возможно, посуды, датируемой в пределах X в. (Седых, 1988б). Крупные постройки раннего этапа поселения оказываются под погребальными насыпями. Позже разрастающимся поселением нивелируется часть курганов, а часть, вероятно, перекрывается (Седых, 2012. С. 167, 168). Учитывая наличие на исследованном участке трупоположений, разрушение курганов произошло в достаточно скором времени после их сооружения. Если постепенная нивелировка и хозяйственное освоение раннесредневековых некрополей на территории древнерусских городов, связанная в основном с расширением городской территории на фоне коренной смены общественной, политической и экономической ситуации, неоднократно фиксировались археологически (например, см: Древнерусский..., 2012; 2016), то картина, выявленная в Большом Тимерёве, относится к более редким явлениям²⁰. Ближайшей

аналогией произошедшему можно считать ситуацию, отмеченную недавно на территории Гнёздовского археологического комплекса, где к западу от Лесной группы некрополя открыт ранее неизвестный участок курганного могильника, разрушенный в середине X в. и перекрытый поселенческим культурным слоем (Новиков, Зазовская, 2021; Новиков, 2021). О причинах подобных явлений судить достаточно сложно. Вероятной кажется версия, что достигшие своего наибольшего развития (а значит, и максимальной численности населения) поселения у деревень Большое Тимерёво и Гнёздово во второй половине X в. остро нуждались в расширении жилых, производственных и хозяйственных площадей. Видимо, утрата части территории курганных могильников казалась менее болезненной, чем окружающих поселения ресурсных зон.

Непонятным остается размещение могильника на ранней части поселения. Нет убедительных объяснений последующей нивелировки курганов в X в. Удивительным оказывается и факт постепенного возвращения этой территории в границы некрополя. Контактная зона между поселением и могильником меняла свое назначение неоднократно.

На участке поселения, где была обнаружена основная масса монет клада 1973 г., было вновь вскрыто 412 кв. м площади и найдено еще 77 монет из клада. При этом новые находки не изменили общую нумизматическую характеристику и датировку. Сейчас в его составе 2762 монеты, и он по-прежнему является крупнейшим кладом арабских монет IX в. в Восточной Европе (Седых, 2007).

Раскопом Б за полевые сезоны 1984–1985 гг. охвачено 204,6 кв. м. Участок остается самым восточным из когда-либо исследованных широкой площадью на территории поселения Большое Тимерёво. Мощность культурного слоя составила от 0,2 до 0,4 м. В нем были зафиксированы обычные для перемешанного слоя находки — фрагменты лепной и гончарной посуды, обмазки, тигли, шлаки, кремневые пластинки, предметы из железа (ножи, обломок лезвия топора, пряжка, проволока) и бронзы (фрагмент браслета с резным орнаментом, поясная пряжка, обломок нательного крестика с эмалью), стеклянные бусы, костяная поделка. За два сезона в раскопе на уровне материка выявлено шесть углубленных объектов, в которых содержались фрагменты керамики, обожженные кости домашних животных, шлаки, железное шило с остатками деревянной рукояти,

²⁰ Глобальные политические решения, как, например, уничтожение курганного могильника при строительстве Десятинной церкви в Киеве, сознательно остаются за рамками обсуждения.

бронзовая привеска с петлей на оборотной стороне, глиняное пряслице. На дне одной из построек обнаружен череп лошади.

В 2012–2016 гг. работы на территории комплекса у Большого Тимерёва были возобновлены совместной экспедицией ИА РАН, ГИМ и НП НИЦ «Древности» под общим руководством С. Д. Захарова (*Авдусина и др.*, 2018; *Захаров, Зозуля*, 2014а; 2014б; 2017; *Захаров и др.*, 2015; 2016а; 2016б; 2017; *Зозуля*, 2016; 2023). На территории памятника и вокруг него многое изменилось с 1990 г. Застроены производственным комплексом селище и курганный могильник у бывшей деревни Малое Тимерёво. Оказался уничтожен дачными участками некрополь у бывшей деревни Гончарово (процессы застройки территории хорошо заметны на плане 1983 г.). Перестала существовать сама деревня Большое Тимерёво. В конце XX — начале XXI в. на территории поселения шла активная хозяйственная деятельность, появились углубленные, иногда бетонированные, сооружения. На окраинах могильника и в контактной с поселением зоне возникли стихийные свалки строительных отходов, кладбище домашних животных. Находящаяся неподалеку птицефабрика продолжила свозить помет на поселение и селище²¹, периодически перепахивая всю территорию, что, естественно, привело к активной незаконной добыче предметов грабителями, вооруженными металлодетекторами²². Следы незаконного поиска фиксировались каждый год исследований. Через поселение была протянута нитка газопровода, в совсем недавнем прошлом в охранной зоне поселения появилась ЛЭП.

Значительная изученная площадь на территории поселения и развитие новых методик археологического исследования, подкрепленных растущим техническим арсеналом, продиктовали возможность определенного экспериментального подхода к поставленным задачам. Одновременно со снятием современного топографического пла-

²¹ В архиве Департамента охраны объектов культурного наследия Ярославской области содержится отдельный материал, посвященный безуспешной борьбе с размещением отходов птицефабрики на территории памятника археологии федерального значения во второй половине XX в.

²² Уже в начале XXI в. в фонды отдела археологических памятников ГИМ поступила коллекция, состоящая из 183 предметов, происходящая по легенде с территории Тимерёвского поселения (ГИМ 115898 Оп. В 2954).

Рис. 7. Ручное разведочное бурение на территории поселения у дер. Тимерёво. Слева направо: А. Ю. Кашинцев, С. Д. Захаров, В. Н. Седых, С. С. Зозуля, А. Ю. Волков. 1 мая 2013 г. Фото И. В. Папина

Fig. 7. Manual exploratory drilling in the settlement area near the village of B. Timerevo. From left to right: A. Yu. Kashintsev, S. D. Zakharov, V. N. Sedykh, S. S. Zozulya, A. Yu. Volkov. 1 May 2013. Photo by I. V. Papin

на осуществлялся сбор подъемного материала²³, территория поселения и селища были подвергнуты бурению разведочным ручным буром с заборником диаметром 3 см (рис. 7). Шаг сетки бурения составлял 10 м (иногда сокращался до 5 м). Примененная методика позволила достаточно быстро получать качественную информацию о значительных площадях распространения культурного слоя. Всего выполнено 1184 скважины²⁴. Выводы о наличии культурного слоя и его гумусировании (разработана балльная шкала насыщенности слоя от 1 до 14) были проверены в 2014 г. 12 шурфами

²³ Коллекции хранятся в фондах отдела археологических памятников ГИМ. Всего собрано 375 предметов: ГИМ 114866 Оп. В 2940/1–101 (2012 г.); ГИМ 114867 Оп. В 2941/1–157 (2013 г.); ГИМ 114869 Оп. В 2943/1–63 (2015 г.); ГИМ 115814 Оп. В 2953/1–54 (2016 г.).

²⁴ Бурение одной скважины заборником диаметром 3 см приводит к выемке грунта на площади 7,065 кв. см. Таким образом, 1184 скважины привели к уничтожению (или изучению) культурного слоя (в основном – переотложенного) на площади 83,65 кв. м. Площадь кажется внушительной только на первый взгляд. Во-первых, заборник бура меньше в диаметре, чем норы кротов, широко представленные на территории памятника, во-вторых, бурение проводилось на площади, превышающей 12 га. Число 83,65 кв. м не включено в оценку изученной площади (табл.), хотя, с некоторыми оговорками, таковой является.

по 1 кв. м (восемь шурфов на поселении и четыре — на селище)²⁵. На территории поселения шесть шурфов были заложены в районе намеченной границы распространения культурного слоя памятника, два — на новых его участках, выявленных бурением. На территории селища два шурфа располагались в интенсивно заселенных частях памятника, еще два — за пределами предполагаемых границ селища для уточнения наличия средневековых отложений.

²⁵ Коллекция из 39 предметов хранится в фондах отдела археологических памятников ГИМ (ГИМ 114868 Оп. В 2942).

Выяснилось, что на территории поселения шурфы 4 и 7 находятся на интенсивно заселенных в Средневековье участках (рис. 8), шурфы 1, 5 и 6 — на периферии, но в пределах границ поселения, 2, 3 и 8 — за границами поселения, но в зоне хозяйственной активности его обитателей. Анализ статистики распространения массового материала и индивидуальных находок из шурфов в районе селища позволяет утверждать: шурфы 10 и 11 располагались в зонах, интенсивно заселенных и эксплуатируемых в Средневековье (значительная часть коллекции связана с древностями XI–XIII вв.), шурфы 9 и 12 — за пределами распространения культурного слоя.

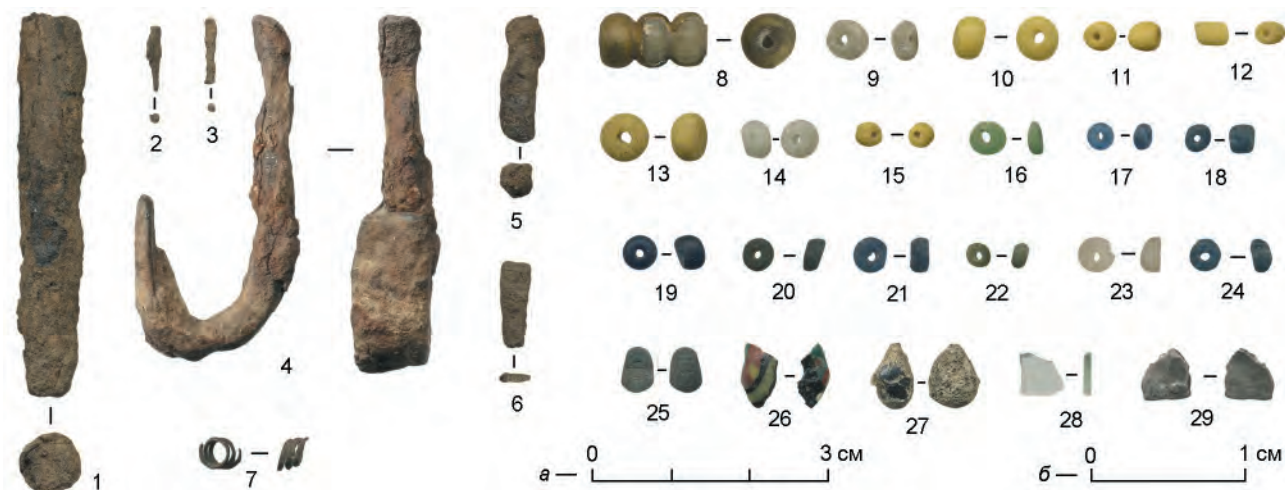

Рис. 8. Северный профиль шурфа 4 2014 г. (А) и находки из его заполнения: 1, 4, 5 — стержень; 2, 3 — игла; 6 — пластина; 7 — пронизка; 8, 9, 26 — бусы; 10–25 — бисер; 27 — предмет оплавленный; 28 — фрагмент сосуда; 29 — дирхам. 1–6 — железо; 7 — сплав на основе меди; 8–28 — стекло; 29 — серебро. Фото С. Д. Захарова. Масштаб: а — для 1–28; б — для 29

Fig. 8. Northern profile of the Pit 4 (2014) (A) and finds from its filling: 1, 4, 5 — stem; 2, 3 — needle; 6 — plate; 7 — spacer bead; 8, 9, 26 — beads; 10–25 — beads; 27 — melted object; 28 — fragment of vessel; 29 — dirham. 1–6 — iron; 7 — copper-based alloy; 8–28 — glass; 29 — silver. Photo by S. D. Zakharov. Scale: a — for 1–28; б — for 29

Таблица. Исследованная площадь на территории поселенческой части Тимерёвского археологического комплекса

Table. The studied area on the territory of the settlement part of the Timerevo archaeological complex

Год	Автор работ	Большое Тимерёво, участок	Площадь, кв. м
1973	И. В. Дубов	Поселение, шурфы А–В	24,0
1974	И. В. Дубов	Поселение, шурфы 1–12, раскоп	577,0
1975	И. В. Дубов	Поселение, раскоп	1216,0
1976	И. В. Дубов	Поселение, раскопы А–В	1436,0
1977	И. В. Дубов	Поселение, раскопы Б–Г	2124,0
1984	В. Н. Седых	Поселение, раскопы А, Б, шурфы 1, 2	320,0
1985	В. Н. Седых	Поселение, раскопы А, Б	204,6
1987	В. Н. Седых	Поселение, раскоп А	20,0
1988	И. В. Дубов	Поселение, раскоп А	276,0
1989	В. Н. Седых	Поселение, раскоп А	166,0
1990	И. В. Дубов	Поселение, раскоп на участке аренды И. Ф. Овченкова	102,0
2014	С. Д. Захаров, С. С. Зозуля	Поселение, шурфы 1–8	8,0
		Селище, шурфы 9–12	4,0
Итого			6477,6

Культурный слой тянется непрерывной полосой на участке между береговым склоном Сечки и прудом в бывшей деревне Большое Тимерёво. Выявленные «разрывы» распространения культурного слоя между поселением и селищем, вероятнее всего, связаны с земляными работами по запруде ручья при создании пруда в деревне. Иными словами, разделение на поселение и селище, вошедшее в историографию и закрепленное в АКР Ярославской области, условно (рис. 9)²⁶.

При всей сложности характера напластований поселенческой части Тимерёвского археологического комплекса, включающего материалы каменного, бронзового и раннего железного веков, середины I тыс., эпохи образования древнерусского государства, развитого древнерусского времени и более поздние, важно отметить, что результатом последнего этапа исследований стало изменение представлений о конфигурации поселения и селища, вытянутых не вдоль Сечки, а наоборот, поперек ее береговой линии. Комбинация методов, примененных при разведке, указывает на площадь раннесредневекового поселения,

существующего одновременно с могильником Большое Тимерёво, близкую к 4,25 га (на основании распространения предметов IX–XI вв. в подъемном материале), однако эта оценка может быть несколько скорректирована в большую сторону (до 6 га) за счет периферийных и хозяйственных зон, трудно улавливаемых без проведения стационарных раскопок. Общая площадь распространения культурного слоя составляет 11 га (9,5 га — поселение, 1,5 га — селище).

Таким образом, в 1973–2014 гг. на территории поселения и селища у Большого Тимерёва раскопками изучено 6477,6 кв. м (табл.). Установлена хронологическая неоднородность культурного слоя, что свидетельствует об особой природной привлекательности этого участка с позднего каменного века до современности. Территория археологического комплекса подвергается сильному антропогенному и техногенному воздействию, но остается вполне пригодной для будущих изысканий, особенно учитывая целый спектр новых методик в арсенале современных исследователей.

Полученные в результате многолетних раскопок Тимерёвского поселения материалы обладают огромным потенциалом для будущего изучения. Помимо поселенческих структур необходимо исследование и имеющихся к настоящему времени в могильнике испорченных грабительскими раскопками насыпей курганов.

²⁶ На рис. 9 представлены границы памятников археологического комплекса Большое Тимерёво. Однако работами В. Н. Седых и путем бурения установлено, что культурный слой поселения подступает вплотную к южной и юго-восточной границам курганного могильника и часто подстилает насыпи курганов.

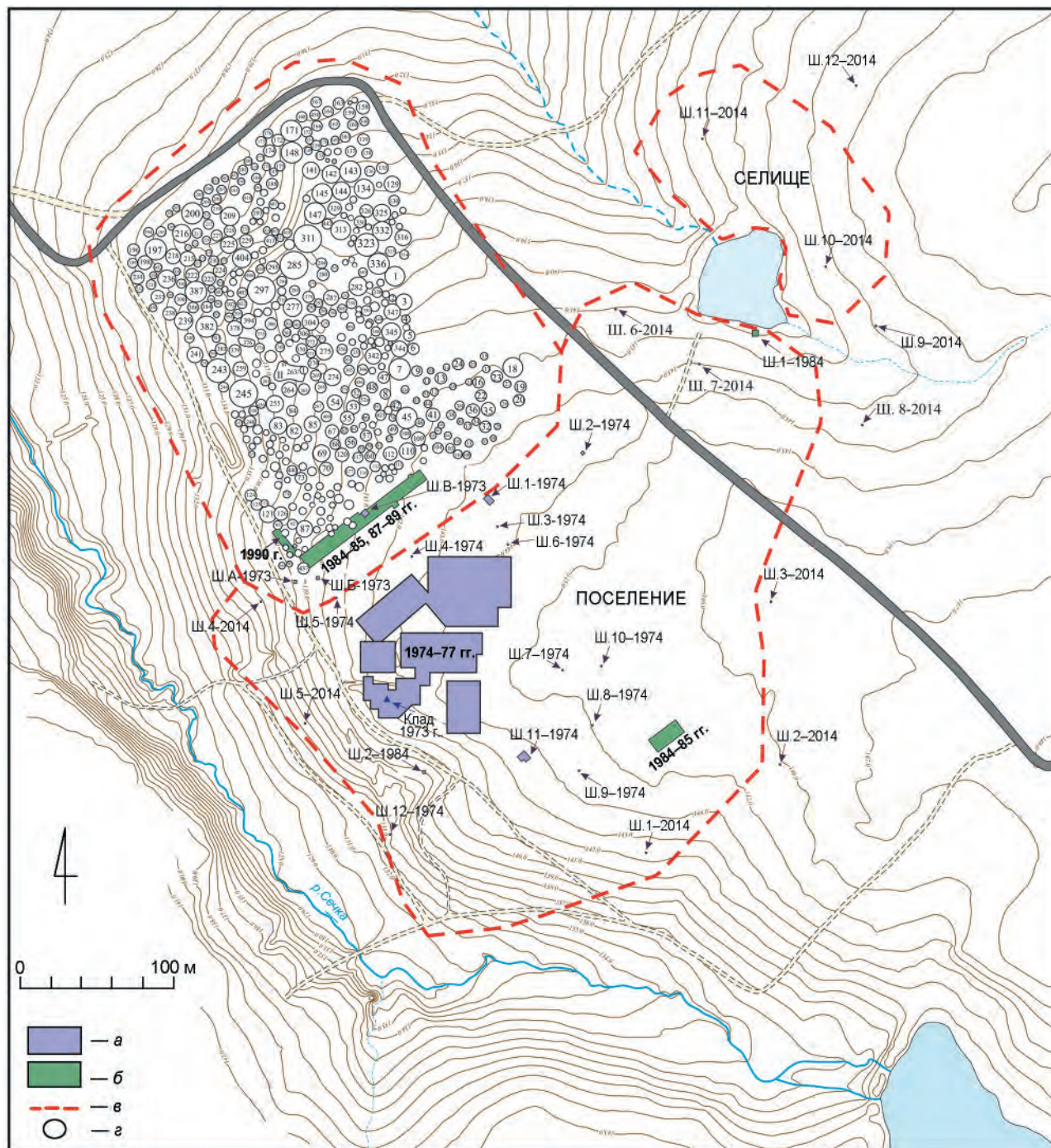

Рис. 9. Комплекс археологических памятников у бывшей деревни Большое Тимерёво. План 2016 г. Съёмка А. С. Угланова. Работы 1973–2014 гг. (а — работы 1970-х гг.; б — работы 1980-х гг.; в — границы памятников комплекса, выявленные разведочным бурением; z — погребения; Ш. — шурф)

Fig. 9. Archaeological complex near the former village of Bolshoe Timerevo. Plan of 2016. Survey by A. S. Uglanov. The areas of the 1973–2014 works (a — 1970s works; б — 1980s works; в — the boundaries of the sites of the complex revealed by exploratory drilling are indicated; z — burials; Ш. — pit)

- Авдусина и др.*, 2018 — Авдусина С. А., Зозуля С. С., Папин И. В., Кашиинцев А. Ю., Уланов А. С. Исследования Тимерёвского комплекса археологических памятников // АО 2016 год. М.: ИА РАН, 2018. С. 110–111.
- АКР, 2005 — Археологическая карта России. Ярославская область / Авт.-сост. К. И. Комаров. М.: ИА РАН, 2005. 408 с.
- Добровольский, Дубов*, 1975 — *Добровольский И. Г., Дубов И. В.* Комплекс памятников у деревни Большое Тимерёво под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным) // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка, литературы. 1975. № 2. С. 65–70.
- Древнерусский..., 2012 — Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. Т. I: Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопок на территории Среднего города) / Отв. ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2012. 298 с., ил.
- Древнерусский..., 2016 — Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. Т. II: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря) / Отв. ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2016. 624 с., ил.
- Дубов*, 1973а — *Дубов И. В.* Работы Ярославского отряда // АО 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 63.
- Дубов*, 1973б — *Дубов И. В.* Полевой отчет о раскопках Ярославского отряда в 1972 году // НОА ИА РАН. Р-1. № 4838. 21 л. № 4838а. 40 л.
- Дубов*, 1974а — *Дубов И. В.* Ярославская экспедиция // АО 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 51.
- Дубов*, 1974б — *Дубов И. В.* Отчет о работах Ярославского отряда ЛГУ в 1973 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5031. 18 л. № 5031а. 21 л. № 5031б. 20 л.
- Дубов*, 1975 — *Дубов И. В.* Отчет о работе Ярославской экспедиции в 1975 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5348. 36 л. 5348а. 39 л.
- Дубов*, 1976а — *Дубов И. В.* Новые раскопки Тимерёвского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146: Славяно-русские древности. С. 82–86.
- Дубов*, 1976б — *Дубов И. В.* Отчет о полевых работах Ярославской экспедиции 1975 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5714. 19 л. № 5714а. 40 л. № 5714б. 36 л.
- Дубов*, 1977 — Отчет о работах Ярославской экспедиции кафедры археологии исторического факультета ЛГУ в 1976 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6483. 21 л. № 6483а. 40 л. № 6483б. 40 л. № 6483в. 39 л.
- Дубов*, 1979 — *Дубов И. В.* Отчет о работах Ярославской экспедиции ЛГУ 1977–1978 гг. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9147. 28 л. № 9147а. 102 л.
- Дубов*, 1982а — *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки) / Ред. Р. Г. Тихонова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.
- Дубов*, 1982б — *Дубов И. В.* Тимерёво (итоги и перспективы исследований) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 103–111.
- Дубов*, 1989 — *Дубов И. В.* Отчет о работе Ярославской археологической экспедиции в 1988 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13566. 53 л.
- Дубов, Кухарева*, 1976 — *Дубов И. В., Кухарева Л. С.* Раскопки Тимерёвского поселения // АО 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 64–65.
- Дубов и др.*, 1975 — *Дубов И. В., Кухарева Л. С., Чукова Т. А.* Ярославская экспедиция // АО 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 57–58.
- Дубов и др.*, 1977 — *Дубов И. В., Винокурова М. Г., Седых В. Н.* Ярославская экспедиция // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 51–52.
- Дубов и др.*, 1978 — *Дубов И. В., Винокурова М. Г., Седых В. Н.* Ярославская экспедиция // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 59–60.
- Захаров, Зозуля*, 2014а — *Захаров С. Д., Зозуля С. С.* Новые данные о Тимерёвском археологическом комплексе // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. Н. А. Макаров. Казань: Отечество, 2014. Т. II. С. 51–53.
- Захаров, Зозуля*, 2014б — *Захаров С. Д., Зозуля С. С.* Новые полевые исследования на территории Тимерёвского археологического комплекса // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 157–161.
- Захаров, Зозуля*, 2017 — *Захаров С. Д., Зозуля С. С.* Тимерёво. Итоги нового этапа полевых исследований // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017 [Электронный ресурс.] // URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896> (дата обращения: 01.09.2024).
- Захаров и др.*, 2015 — *Захаров С. Д., Меснянкина С. В., Зозуля С. С., Уланов А. С.* Работы Онежско-Сухонской экспедиции ИА РАН 2010–2013 гг. // АО 2010–2013 годов. М.: ИА РАН, 2015. С. 37–40.
- Захаров и др.*, 2016а — *Захаров С. Д., Зозуля С. С., Папин И. В., Кашиинцев А. Ю., Уланов А. С.* Работы на территории Тимерёвского и Петровского археологических комплексов // АО 2014 года. М.: ИА РАН, 2016. С. 104–106.
- Захаров и др.*, 2016б — *Захаров С. Д., Меснянкина С. В., Кузина И. Н., Зозуля С. С.* Крутик и Тимерёво: археологические исследования 2011–2015 годов // Вестник РГНФ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3–4. С. 169–181.
- Захаров и др.*, 2017 — *Захаров С. Д., Зозуля С. С., Папин И. В., Кашиинцев А. Ю., Уланов А. С.* Работы на территории Тимерёвского и Петровского археологических комплексов // АО 2015 года. М.: ИА РАН, 2017. С. 123–126.

- Зозуля, 2016 — Зозуля С. С. Тимерёво // Россия как археологическое пространство / Под ред. Н. А. Макарова. М.: ИА РАН, 2016. С. 118–119.
- Зозуля, 2023 — Зозуля С. С. Тимерёвский археологический комплекс // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2023. № 12. С. 28.
- Зозуля, Седых, 2023 — Зозуля С. С., Седых В. Н. История исследования курганного могильника у деревни Большое Тимерёво. К 150-летию изучения памятника // АВ. 2023. Вып. 39. С. 267–278.
- Зозуля, Ушанков, 2018 — Зозуля С. С., Ушанков Е. М. Денарий из Михайловского некрополя (Ярославская область) // Нумизматические чтения ГИМ 2018 года / Отв. ред. Е. В. Захаров. М.: ГИМ, 2018. С. 116–121.
- Красниенко, 1982 — Красниенко С. В. Находки кремневых изделий на Тимерёвском поселении // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки) / Ред. Р. Г. Тихонова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Приложение 3. С. 198–199.
- Леонтьев, 1989 — Леонтьев А. Е. Тимерёво. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА. 1989. № 3. С. 79–85.
- Мурашёва, Авдусина, 2007 — Мурашёва В. В., Авдусина С. А. Исследование притеррасного участка пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника / Отв. ред. В. В. Мурашёва. СПб.: Альфарет, 2007. С. 8–30.
- Недошивина, Фехнер, 1982 — Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Социальный и этнический состав населения Ярославского Поволжья в IX–XI вв. (по материалам Тимерёвского могильника) // Научная конференция «Историческая общность, социально-экономическое и политическое единство народов СССР»: Тезисы. М.: б. и., 1982. С. 65–68.
- Недошивина, Фехнер, 1985 — Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимерёвского могильника // СА. 1985. № 2. С. 101–115.
- Новиков, 2021 — Новиков В. В. Исследования северо-восточной террасной части Центрального поселения Гнёздовского археологического комплекса в 2018–2019 гг. // АО 2019 года. М.: ИА РАН, 2021. С. 87–89.
- Новиков, Зазовская, 2021 — Новиков В. В., Зазовская Э. П. Новый погребальный комплекс и его хронология по материалам работ 2017–2018 годов на территории северо-восточной части Центрального поселения (предварительные результаты исследований) // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 2 / Отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2021 (Труды ГИМ; Вып. 215). С. 284–292.
- Седых, 1984 — Седых В. Н. Отчет о работах Ярославского археологического отряда в 1983 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9775. 9 л.
- Седых, 1985а — Седых В. Н. Отчет о работе Ярославского археологического отряда в 1984 году // НОА ИА РАН. Р-1. № 10621. 52 л.
- Седых, 1985б — Седых В. Н. Работы Ярославского отряда // АО 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 82.
- Седых, 1986а — Седых В. Н. Исследования у дер. Большое Тимерёво // АО 1984 года. М.: Наука, 1986. С. 71–72.
- Седых, 1986б — Седых В. Н. Отчет о работах Ярославского археологического отряда в 1985 году // НОА ИА РАН. Р-1. № 11141. 76 л.
- Седых, 1987а — Седых В. Н. Исследования в Тимерёве // АО 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 100–101.
- Седых, 1987б — Седых В. Н. Отчет о работах Ярославской археологической экспедиции в 1986 году // НОА ИА РАН. Р-1. № 11548. 57 л.
- Седых, 1988а — Седых В. Н. Раскопки в Тимерёве // АО 1986 г. М.: Наука, 1988. С. 89–90.
- Седых, 1988б — Седых В. Н. Отчет о работах Ярославской археологической экспедиции в 1987 году // НОА ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 12077. 87 л.
- Седых, 2007 — Седых В. Н. Монетные находки в Тимерёво в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Труды по русской истории. Сб. ст. в память о 60-летию И. В. Дубова. М.: Изд. дом «Парад», 2007. С. 233–256.
- Седых, 2012 — Седых В. Н. Тимерёво: итоги и перспективы исследований 1983–1990 гг. // Археология: история и перспективы. Пятая межрегион. конф.: Сб. ст. / Под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2012. С. 157–170.
- Седых, Зозуля, 2015 — Седых В. Н., Зозуля С. С. Денарии в Ярославском Поволжье (по материалам Тимерёвского и Михайловского археологических комплексов) // Восемнадцатая всероссийская нумизматическая конференция / Отв. ред. И. В. Ширяков. М.: ГИМ, 2015. С. 100–102.
- Седых, Френкель, 2022 — Седых В. Н., Френкель Я. В. Опыт датировки кургана с сожжениями, исследованного в 1990 г. в Тимерёвском некрополе: некоторые соображения, касающиеся некрополей Верхнего Поволжья, ладожских бус и скандинавских фибул // Ладожские чтения. История, археология, искусство. Вып. 1 / Отв. ред. А. А. Залогина. Старая Ладога: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 2022. С. 104–116.
- Смирнов и др., 1971 — Смирнов А. С., Дубов И. В., Рябинин Е. А. Работы в Ярославской области // АО 1970 г. М.: Наука, 1971. С. 88.
- Фетисов, 2021 — Фетисов А. А. Исследования защитных сооружений Гнёздовского поселения X в. в 2020 г. // Славянские древности VIII–XI вв. на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. К 60-летию со дня рождения А. В. Григорьева:

- Сб. ст. / Отв. ред. А. М. Воронцов, А. М. Колоколов. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2021. С. 248–250.
- Фетисов, Кулешов, 2021 — Фетисов А. А., Кулешов Вяч. С. Исследования склона террасы Центрального Гнёздовского селища в 2020 году. Предварительные итоги // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 2 / Отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2021 (Труды ГИМ; Вып. 215). С. 382–396.
- Фехнер, 1961 — Фехнер М. В. Отчет о полевых работах Ярославского отряда // НОА ИА РАН. Р-1. № 2335. 357 л. № 23356. 23 л.
- Фехнер, 1963 — Фехнер М. В. Тимерёвский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников / Под ред. А. П. Смирнова. М.: ГИМ; Ярославский музей-заповедник, 1963. С. 5–19.
- Фомин, 2009 — Фомин А. В. Клад куфических монет IX в. из дер. Малое Тимерёво // Пятнадцатая всероссийская нумизматическая конференция / Отв. ред. И. В. Ширяков. М.: Нумизматическая литература, 2009. С. 61–62.

History of the study of settlements within the Timerevo archaeological complex. To the 150th anniversary of the site's research

V. N. Sedykh, S. S. Zozulya²⁷

Keywords: North-Eastern Russia, Old Rus' state, Bolshoye Timerevo, history of science.

2022 was a jubilee year for the study of the Timerevo archaeological complex for several reasons. Along with the 150th anniversary of the first excavations of the burial ground, it was the 50th anniversary of the research of the settlement part of the complex. This jubilee allows us to summarize some of the results of the work done, trace their chronology, accurately assess the studied areas, illustrate the dynamics of changes in the assessment of the territory of the site and its boundaries, and sum up some of the historiographical results.

The first data on the settlement part of the archaeological complex date back to the time of large-scale study of the necropolis by the State Historical Museum expedition led by M. V. Fekhner in 1959–1961. The systematic research of the settlement was started by the Leningrad State University expedition led by I. V. Dubov. The beginning of the research was marked by the discovery of a large hoard in 1973 (Fig. 1; 2). During five field seasons the area of 5377 m² was studied (Fig. 3; 4). After a short break excavations were continued, the expedition was headed by V. N. Sedykh and I. V. Dubov. The cultural layer of the site was studied mainly in the eastern part of the settlement and in the contact zone between the settlement and the burial ground (Fig. 5; 6). During the 1984–1990 works 1088.6 m² were uncovered. An important result of the works was the discovery of a medieval cultural layer in the territory of Bolshoye Timerevo village, which significantly expands the area of the complex. In 2012–2016 the research was continued by the expedition of the Institute of Archaeology of the RAS, the State Historical Museum and the Nongovernmental scientific research center “Drevnosti” under the leadership of S. D. Zakharov. A combination of methods allowed to present the area of the sites' cultural layer distribution in a new way; a small area of 12 m² was opened (Fig. 7; 8).

Thus, in 1973–2014 on the territory of the settlement and the settlement near Bolshoye Timerevo, excavations studied 6477.6 m² (Fig. 9; Table). The chronological heterogeneity of the cultural layer was recorded, indicating the special natural attractiveness of this area from the Late Stone Age to the present day. The compound structure of the settlement area of the Timerevo archaeological complex has been revealed, including materials of the Stone, Bronze and Early Iron Ages, the middle of the 1st millennium, the era of the formation of the Old Rus' state, the developed Old Rus' period and later. The size of the Early Medieval settlement, existing simultaneously with the burial ground Bolshoye Timerevo, is close to 4.25 ha (based on the distribution of objects of the 9th–11th cen. in the lifting material), but this figure can be adjusted upwards due to the peripheral and economic zones, difficult to catch without stationary excavations - up to 6 ha. The total area of cultural layer distribution is 11 ha (9.5 ha — the settlement, 1.5 ha — the unfortified settlement). The identified “gaps” in the distribution of the cultural layer between the settlement and the village are most likely related to earthworks on damming the stream during the creation of a pond in the village. That is, the division into a settlement and a settlement site, which has entered the historiography, is conditional.

The area of the archaeological site is being destroyed, but remains are quite suitable for future study, especially in respect that the range of new techniques known to modern researchers.

²⁷ Valery N. Sedykh — Saint Petersburg State University; St. Petersburg, Russia; e-mail: valsedykh@yandex.ru. Sergey S. Zozulya — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: zozulia.sergey@gmail.com.

Новые данные к биографии Татьяны Модестовны Девель (1888–1981)¹

К. В. Конончук, Д. С. Филимонова²

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор документов, переданных сотрудницей РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР Татьяной Модестовной Девель (1888–1981) в отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Сведения из текстов «Мемуаров» и материалов переписки расширили существующие в историографии представления об отдельных этапах биографии Т. М. Девель. Авторами воссозданы события, связанные со становлением ее личности в детстве и юности, описаны неизвестные эпизоды профессиональной деятельности, отдельное внимание уделено жизни Татьяны Модестовны после окончания активной трудовой деятельности.

Ключевые слова: Т. М. Девель, РАИМК, ГАИМК, ИИМК АН СССР, ОР РНБ, фотографический отдел, история археологической науки в СССР.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-332-341

Татьяна Модестовна Девель работала в фотографическом отделе³ РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР с 1921 по 1956 г., пройдя карьерный путь от регистратора до заведующей. Основные вехи ее жизни изложены в публикациях Г. В. Длужневской (Длужневская, 2003. С. 354–360; 2011. С. 119–121; 2013. С. 300–302). Дополнить эти биографические очерки могут источники, хранящиеся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Именно в фонды этой организации⁴ в 1976 и 1980 гг. Т. М. Девель

передала материалы своего личного архива (Новые поступления..., 1980. С. 11; 1985. С. 15, 16). Среди них выделяются «Мемуары», работу над которыми она закончила 25 июля 1979 г. Воспоминания состоят из 52 листов машинописного текста и разделены на две части⁵: «Царская Россия» и «СССР» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 9). Первая часть мемуаров сопровождается иллюстрациями из 25 фотографий, сделанных в период с 1897 по 1914 г. (Там же. Д. 11).

В лаконичном вступлении Т. М. Девель обозначила цель написания мемуаров: «Я сама не знаменита, но, правда, встречалась с незаурядными людьми, которые могут представить интерес и которые считались с моими мнениями и оценками... В результате таких размышлений я и решила взяться написать не свою биографию, а о событиях и людях, которые запечатлелись в моей памяти на протяжении долгой жизни, полагая, что и такая работа может оказаться полезной» (Там же. Д. 9. Л. 2). Данные строки оказались пророческими. Сведениями из рукописи Т. М. Девель пользовались исследователи, готовившие работы

рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

⁵ При составлении архивной описи обе главы были определены в состав единого дела № 9.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания FMZF-2022-0017 «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН».

² Конончук К. В., Филимонова Д. С. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: konstantinkonon@mail.ru, dashafilimonovansk@gmail.com.

© Конончук К. В., Филимонова Д. С., 2024

³ Данное подразделение, до сих пор существующее в составе ИИМК РАН, неоднократно меняло свое название (подробнее: Длужневская, 2003. С. 355).

⁴ До 1991 г. отдел рукописей Российской национальной библиотеки носил другое название: «Отдел

о ее старшей сестре Нине Модестовне (*Офицерова*, 2017. С. 145, 146, 152) и другие — поэте Н. В. Недроброво (*Крайнева*, 1992; *Кралин*, 2001). В биографические очерки, посвященные Татьяне Модестовне, информация из этого текста не попала. Например, в публикациях Г. В. Длужневской, подготовленных по материалам личного дела, описание характера Т. М. Девель ограничивается одним абзацем (*Длужневская*, 2003. С. 355). В настоящей публикации представлен обзор источников, которые существенно дополняют историю жизни соотрудника, стоявшего у истоков создания одного из крупнейших фотохранилищ Европы.

«Мемуары» описывают обстоятельства детства, юности и молодости Татьяны Модестовны, повлиявшие на формирование ее личности. В связи с ранней гибелью отца⁶, воспитанием детей в семье Девель занималась мать — Мария Мартыновна (рис. 1), урожденная Арнштейн, происходившая из московского купечества (*Там же*. С. 354). По словам Т. М. Девель, она была «женщиной передовых взглядов, сторонницей женского равноправия и значительного расширения женского образования» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 9. Л. 2). Убеждения Марии Мартыновны характеризует написанное ею стихотворение, оканчивающееся словами: «Труд — источник возвышенья, счастлив кто к нему привык» (*Там же*. Д. 35). Листы с этим произведением Татьяна Модестовна хранила до глубокой старости⁷. Примером для Т. М. Девель на протяжении всей жизни оставалась старшая сестра Нина Модестовна (1886–1920). В Нине (рис. 1; 2) ее восхищала целеустремленность и упорство в достижении целей (*Там же*. Д. 9. Л. 15). Помимо активной педагогической деятельности Н. М. Девель сотрудничала с журналом «Исторический вестник» и в период с 1908 по 1911 г. опубликовала ряд брошюр и статей. Сестры были очень близки, но их тесную связь оборвала гибель Нины во время эпидемии сыпного тифа в Пятигорске (*Офицерова*, 2017. С. 145–149, 152).

Собственному образованию Т. М. Девель посвящает мало строк, однако отдельные яркие эпи-

зоды дополняют скупые жизнеописания из личного дела в архивном собрании ИИМК РАН. Например, мы узнаем, что к поступлению в гимназию ее подготовила подруга матери, опытный детский педагог Лидия Викторовна Тиманова, а к преклонным годам Т. М. Девель вспомнила лишь двух учителей из гимназии: географа Филиппова и преподавателя французского языка Рэ. Внимания заслуживает эпизод с вручением Т. М. Девель золотой медали после окончания Литейной женской гимназии. Этот знак отличия она получила в Гатчинском дворце из рук вдовствующей императрицы Марии Федоровны (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 9. Л. 4, 8, 9). В семье Девель стремились к гармоничному развитию детей. Они с ранних лет активно занимались иностранными языками, игрой на рояле, костюмированными постановками. Уделялось внимание и физической культуре, включавшей теннис, крокет и коньки (*Там же*. Л. 5, 7).

Самые яркие эпизоды детства и юности Татьяны Модестовны связаны с именем, принадлежавшим Анатолию Майкову (родственнику поэта А. Н. Майкова), на станции Спасское под Москвой. Здесь с лета 1897 г. обосновалась ее бабушка по материнской линии, Екатерина Леонидовна, со вторым мужем Эрнстом Федоровичем Шуберским (*Там же*. Л. 5–8). Сестры Девель с родственниками и друзьями (рис. 1) проводили в Спасском летние месяцы. Помимо прогулок и спортивных занятий (рис. 2) основной формой их досуга стали театральные постановки, которые проходили в деревенском сарае под руководством «поклонника Станиславского и театрала» Зайцевского (*Там же*. Л. 7, 8). Жизнь любительского театра запечатлена на фотографиях того периода (рис. 3). Любовь к театру Татьяне Модестовне привила мать, которая с ранних лет привлекала сестер к участию в костюмированных представлениях, о чем свидетельствует самое раннее из известных фотоизображений Татьяны и Нины Девель (рис. 4⁸). Счастливый

⁶ Отец — Девель Модест Федорович (1845–1892) служил воспитателем в Петербургском Инженерном училище (*Длужневская*, 2003. С. 354).

⁷ Это стихотворение, написанное 22 февраля 1897 г., было адресовано детям Марии Мартыновны. Однако первая строка стиха отличается в разных прочтениях. В мемуарах Т. М. Девель напечатала вариант с фразой «Дети, надобно трудиться...» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 9. Л. 3). В оригинале стихотворение начинается с фразы «Нина, надобно трудиться...» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 35. Л. 1–3).

⁸ Важно отметить, что среди сочинений Жана де Лафонтена (1621–1695) басня *L'éragnel et la fauvette* отсутствует. Более того, ни в одной из его басен спаниель и славка как действующие лица не встречаются — они обнаруживаются (по отдельности) только у ряда авторов XVIII в. Источник приведенной фразы также установить не удалось. Остается предполагать, что либо в подписи Лафонтен просто олицетворяет жанр басни, либо это мистификация (возможно, басня сочинена Марией Мартыновной Девель. — *Примеч.* К. К., Д. Ф.). Приношу глубокую благодарность д-ру филол. наук Н. Т. Пахсарьян (МГУ им. Ломоносова) за консультацию. — *Примеч.* Е. О. Стоянова.

Рис. 1. Семья Девель — Шуберских на даче, 1904 г. Подпись на обороте: «Наша дача. Слева — направо. Нина, Е. Ф. Шуберский, Бабушка Е. Л. Шуберская, А. Н. Ясиновский, Мама, Я, Дедушка Э. Ф. Шуберский. 1904. Спасское, Яросл. ж.д. под Москвой» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 11. Л. 6). Публикуется впервые

Fig. 1. The Devel-Shubersky family at a country cottage, 1904. Subscript on the back: “Our *dacha*. From left to right. Nina, E. F. Shubersky, Grandmother E. L. Shuberskaya, A. N. Yasinovsky, Mama, Me, Grandfather E. F. Shubersky. 1904. Spasskoye, Yaroslavl railway near Moscow” (Manuscripts’ Department of the National Library of Russia (MD NLR). In. 1168. F. 11. Sh. 6). Published for the first time

Рис. 2. Сестры Девель за игрой в теннис: Нина (вторая слева), Татьяна (третья слева). Подпись на обороте: «Спасское, VIII-1905 г.» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 11. Л. 7). Публикуется впервые

Fig. 2. The Devel sisters playing tennis: Nina (second left), Tatiana (third left). Subscript on the back: “Spasskoye, VIII-1905” (MD NLR. In. 1168. D. 11. Sh. 7). Published for the first time

Рис. 3. Сестры Девель с участниками любительских спектаклей, 1904 г.: 1 — подпись на обороте: «Наша труппа Любительск. спектакль у театра-сарая. Сидят: 1. М-ме Горяинова. 2. Зайцевский. 3. Нина. 4. Я. [5. — отсутствующ.] 6. В. Горяинов. 1904, Спасское, Яросл. ж. д.» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 11. Л. 8); 2 — подпись на обороте: «Наша труппа любительских спектаклей. 1. Анат. Майков. [2. — отсутствует.] 3. Зайцевский. 4. Репетитор Горяинов. 5. Борис Горяинов. 6. Я. 7. Нина. 6-VII 1904, Спасское по Яросл. ж. дор. под Москвой» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 11. Л. 9). Цифры под фотографиями сделаны рукой Т. М. Девель. Публикуются впервые

Fig. 3. The Devel sisters with participants of amateur performances, 1904: 1 — subscript on the back: “Our troupe Amateur performance at the theater-shed. Sitting: 1. M-me Goryainova. 2. Zaytsevsky. 3. Nina. 4. Me. [5. — not specified.] 6. V. Goryainov. 1904, Spasskoye, Yaroslavl railroad” (MD NLR. In. 1168. F. 11. Sh. 8); 2 — subscript on the back: “Our troupe of amateur performances. 1. Anat. Maykov. [2. — not specified.] 3. Zaytsevsky. 4. Tutor Goryainov. 5. Boris Goryainov. 6. Me. 7. Nina. 6-VII 1904, Spasskoye on the Yaroslavl railway near Moscow” (MD NLR. In. 1168. F. 11. Sh. 9). Numbers under the photos are made by the hand of T. M. Devel. Published for the first time

Рис. 4. Нина Девель (слева) в костюме собачки и Татьяна Девель (справа) в костюме птички. Подпись на обороте частично сделана на французском языке: «La Fontaine. L'épagneul et la fauvette [Спаниель и славка. — К. К., Д. Ф.]. Жест мой, говорящий слова: „m'attacha à la patte un cordon“.

1897. Спасское, Ярославск. ж. д. под Москвой» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 11. Л. 12). Публикуется впервые

Fig. 4. Nina Devel (left) in a dog costume and Tatiana Devel (right) in a bird costume. The caption on the reverse is partially in French: “La Fontaine. L'épagneul et la fauvette [A spaniel and a warbler. — K. K., D. F.]. A gesture of mine, speaking the words, ‘m'attacha à la patte un cordon’ [I have attached a cord to the paw. — K. K., D. F.]” 1897. Spasskoye, Yaroslavl railway near Moscow” (MD NLR. In. 1168. F. 11. Sh. 12). Published for the first time

период жизни семьи закончился трагическим происшествием: «В августе 1909 года здесь (в Спасском. — К. К., Д. Ф.) была наповал убита мать бандитом, проникшим в окно с целью грабежа» (Там же. Л. 8).

После трагедии помощь осиротевшим сестрам оказал выдающийся медик профессор Василий Константинович Анреп (Назаров, 2016), который предоставил им квартиру в собственном доходном доме на Лиговской улице (ныне Лиговский пр., д. 3-5) (Струве, 1981. С. 429). Нина и Татьяна с детства дружили с сыновьями В. К. Анрепа — Борисом (рис. 5, 1, 2) и Глебом (рис. 5, 3)⁹. Т. М. Девель

⁹ Оба брата впоследствии достигнут выдающихся результатов на выбранных ими поприщах. Борис Васильевич Анреп (1883–1969) прославится как художник-монументалист. Его мозаики украшают Лондонскую национальную галерею, Королевскую военную академию, Вестминстерский собор и Банк Англии. Также он изве-

вспоминала, что мать активно содействовала этой дружбе и «...считала полезным для нашего развития, чтобы мы паслись в обществе мальчишек. Таким образом и сцементировалась с самых ранних лет моя дружба с Борисом и Глебом Анреп» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 9. Л. 4). В круг общения Татьяны Модестовны также входили некоторые представители творческой интеллигенции. Например, поэт Николай Владимирович Недоброво посвятил ей «Сентиментальное стихотворение» (Кралин, 2001. С. 307), а скульптор Дмитрий Семенович Стеллецкий не только изваял (в 1906 г.) статуэтку, изображающую сестер Девель, но и лично рисовал для Татьяны Модестовны эскизы «маскарадных костюмов» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 9. Л. 14, 15, 22). Первая мировая война и последовавшие за ней революции и гражданский конфликт в России оборвали связь Т. М. Девель с друзьями и подавляющим большинством родственников. Тем не менее она не утратила интерес к их судьбам и, выйдя на пенсию, стала активно интересоваться биографиями некогда близких ей людей.

На рубеже 1920–1921 гг. Татьяна Модестовна приняла судьбоносное решение, связанное с отказом от эмиграции, куда ее звал В. К. Анреп: «Предлагал он мне также поехать с ним, но меня не прельщала перспектива, не имея никакой специальности, превратиться в примеряльщицу платьев в каком-нибудь, даже шикарном, ателье» (Там же. Л. 29). Мотивом подобного решения могла послужить тревожившая Т. М. Девель мысль о том, что из «анреподевельской четверки» она оказалась «последней по линии обретения своей специальности» (Там же. Л. 21). В 1912 г. Татьяна Модестовна поступила на Высшие женские Бес-тужевские курсы, где занималась на историко-филологическом отделении по истории западного Средневековья, однако сдать государственные экзамены ей помешала болезнь (Длужневская, 2003. С. 355). Вероятно, поэтому, оставшись в Советской России, Т. М. Девель решила попытать счастья при устройстве на работу в РАИМК. Собеседование проводил председатель Академии А. А. Васильев, ранее преподававший у ее старшей сестры в Женском педагогическом институте (Там же. Л. 29, 30). Данный факт положительно сказался на принятии решения о приеме

стен своей дружбой с Анной Ахматовой, которая посвятила ему более тридцати стихотворений (Фарджен, 2016. С. 4). Глеб Васильевич Анреп (1890–1955) был учеником и сотрудником академика И. П. Павлова, в эмиграции стал крупным физиологом, создателем научной школы. Умер и похоронен в Каире (Назаров, 2016. С. 68).

Рис. 5. Т. М. Девель и братья Анреп: 1 — Т. М. Девель и Б. В. Анреп, 1906 г., подпись на обороте: «Т. М. Девель и Б. В. Анреп». СПб. Солдатский пер. 5.X-1906» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 32. Л. 1); 2 — Т. М. Девель и Б. В. Анреп, 1909 г., подпись на обороте: «Т. М. Девель и Б. В. Анреп». Спасское 7-VIII-1909 г.» (Там же. Д. 32. Л. 2); 3 — Т. М. Девель и Г. В. Анреп, подпись на обороте: «СПб. Озерный пер. IV-1911 г.» (Там же. Д. 33. Л. 1). Публикуются впервые

Fig. 5. T. M. Devel and the Anrep brothers: 1 — T. M. Devel and B. V. Anrep, subscript on the back: "T. M. Devel and B. V. Anrep". SPb. Soldatsky lane. 5.X-1906" (MD NLR. In. 1168. F. 32. Sh. 1); 2 — T. M. Devel and B. V. Anrep, subscript on the back: "T. M. Devel and B. V. Anrep". Spasskoye 7-VIII-1909" (Ibid. F. 32. Sh. 2); 3 — T. M. Devel and G. V. Anrep, subscript on the back: "SPb. Ozerny lane. IV-1911" (Ibid. F. 33. Sh. 1). Published for the first time

Рис. 6. Регистратор РАИМК Т. М. Девель. Подпись на обороте: «Ленинград. Мраморный дворец 1924 г.» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 34. Л. 1). Публикуется впервые
 Fig. 6. Registrar of the RAHMC T. M. Devel. Subscript on the back: "Leningrad. Marble Palace, 1924" (MD NLR. In. 1168. F. 34. Sh. 1). Published for the first time

Т. М. Девель на службу, и с 25 сентября 1921 г. она стала временным регистратором РАИМК (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 303. Л. 5).

В «Мемуарах» сообщается, что карьеру в РАИМК Т. М. Девель начала на складе древностей (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 9. Л. 29, 30). Вспомогательное подразделение занималось учетом, хранением и передачей в музей археологических и художественных коллекций, поступивших в разряды Академии из Археологической комиссии (Конончук, Филимонова, 2023. С. 161). Документов, прямо свидетельствующих о работе Т. М. Девель на складе древностей, обнаружить не удалось. Однако в акте от 26 октября 1923 г., составленном при вывозе имущества Российского палестинского общества из помещения на Мытнинской улице в Мраморный дворец, Татьяна Модестовна указана как лицо, замещавшее заведующего складом древностей (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 926. Л. 57–58об.). Вероятно, в первые годы функционирования Академии ее вспомогательные учреждения (архив, библиотека, склад изданий, склад древностей, фотографический отдел, канцелярия) были тесно связаны, и сотрудники часто замещали друг друга.

Тезис о взаимодействии вспомогательных учреждений отчасти подтверждается строками, в которых Татьяна Модестовна описывает первое поручение, полученное на новой работе от ученого секретаря РАИМК Б. В. Фармаковского: «...он

повел меня к старухе Надежде Эрастовне Успенской, Заведующей Складом Древностей, и, показав на завал ящиков на полу, сказал: „Это собрание негативов Археологической Комиссии. Вам надлежит привести все это в порядок, чтоб этим можно было пользоваться, как в библиотеке — книгой“» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 9. Л. 31). С этого момента она стала «одержима мыслью, как создать идеальное фотохранилище», причем в освоении новой специальности ей помогали увлечения молодости. «Я уже с 1904 г. имела свой собственный фотоаппарат и усердно занималась фотографией, так что знала, как надо обращаться с негативами», — пишет Т. М. Девель (*Там же*).

В 1920-е гг. Татьяна Модестовна (рис. 6) не ограничивалась работой в фотографическом отделе Академии. Она изучала основы греческого языка под руководством С. А. Жебелёва, в течение семи лет работала секретарем А. В. Луначарского в Комиссии по социологии искусства при РАИМК, участвовала в работах Ольвийской экспедиции, куда была приглашена лично Б. В. Фармаковским (*Там же*. Л. 32, 35, 36, 39). В неформальной жизни коллектива Т. М. Девель проявила себя в качестве «придворного стихоплета» (*Там же*. Л. 48). «Мемуары» сохранили несколько шуточных стихиков об И. А. Орбели (*Там же*. Л. 33, 47), В. А. Миханковой (*Там же*. Л. 32, 48) и Б. Л. Богаевском (*Там же*. Л. 41), зачитанных ею на «товарищеских вечеринках». В рукописи Татьяны Модестовны РАИМК/ГАИМК времен руководства Н. Я. Марра предстает «монолитным» коллективом единомышленников, построенном на демократических принципах управления.

Единственным неэмигрировавшим родственником Татьяны Модестовны оказалась двоюродная сестра София Даниловна Молчанова, которая обосновалась в Ташкенте вместе с мужем, Сергеем Андреевичем, основавшим кафедру рентгенологии в местном университете. Со второй половины 1920-х гг. Т. М. Девель часто гостила у Молчановых во время отпуска. На отдыхе в 1927 г. она заинтересовалась гончарным производством Ташкента (*Там же*. Л. 44, 45) и спустя два года на объединенном заседании разряда средневековых культур Европы и Передней Азии и разряда Средней Азии ГАИМК сделала доклад, посвященный данной проблеме (Длужневская, 2003. С. 356).

В отпуске у Молчановых Татьяна Модестовна застала начало Великой Отечественной войны: «Я стала раздумывать, каким путем мне вернуться в Ленинград. Эти раздумья прервала телеграмма из ИИМКа — „Сидите на месте. ИИМК эвакуируется в Ташкент. Ждите приезда“» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 9. Л. 45). Эвакуация института

заняла почти год и завершилась только в 1942 г. Новым домом для ИИМК АН СССР стало здание Музыкального училища имени артистки Тамары Ханум, где жили, работали и проводили заседания эвакуированные в Ташкент сотрудники (*Там же*. Л. 45, 46). Татьяне Модестовне поручили библиографическую работу по составлению каталога литературы по археологии и искусству Средней Азии из библиотек Ташкента. Занимаясь этим делом, она подготовила обширный очерк «Западноевропейские путешествия в Среднюю Азию в XIX в.». В 1944 г. Т. М. Девель выступила с этим материалом на Пленуме ИИМК. По ее словам, работа была высоко оценена от В. В. Струве, М. Е. Массоном, Б. Д. Грековым, и впоследствии Татьяна Модестовна сожалела, что данный труд не был опубликован (*Там же*. Л. 46, 50)¹⁰.

«Мемуары» почти не содержат сведений о жизни Татьяны Модестовны на пенсии. Историю этого периода можно частично восстановить по письмам, хранящимся в фондах ОР РНБ. Наиболее объемной и информативной частью этих материалов является переписка между Т. М. Девель и Б. В. Анрепом, охватывающая период с 1964 по 1969 г. (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 17, 23). Возобновление контактов между старыми друзьями произошло после совместного визита в СССР британской журналистки Аннабел Фарджен и Игоря Анрепа (сына Б. В. Анрепа). В 1964 г., находясь в Ленинграде, они посетили бывшую квартиру В. К. Анрепа, где и застали Татьяну Модестовну (*Фарджен*, 2016. С. 313)¹¹, которая с конца 1920 г. проживала по адресу: Озерной пер., 9 / Лиговская ул., д. 3 (с 1956 г. Лиговский пр., 3-5), кв. 26 (*Длужневская*, 2003. С. 355).

В письмах Татьяна Модестовна настоятельно просила Бориса Васильевича написать мемуары (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 17. Л. 8, 17), однако он был увлечен изданием сборника стихов Н. В. Недоброво (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 23. Л. 60б., 70б.). Вероятно, Т. М. Девель также оказалась причастна к публикации произведений их общего друга. По версии

¹⁰ Печатный вариант очерка хранится в фондах ОР РНБ (Ф. 1168. Д. 16).

¹¹ В «Мемуарах» Т. М. Девель приводит несколько иную версию возобновления контактов с Б. В. Анрепом: «А в 1960 году мы неожиданно узнали, что оба живы и здоровы: я — на старом месте в Ленинграде, а он в Лондоне, от второй жены англичанки имеет сына Игоря (врача по профессии). В 1964 г. Борис прислал мне № журнала Вестминстерского Собора, посвященного мозаикам в одной из вновь пристроенных капелл — последняя его работа. Началась переписка наша, оборвавшаяся его смертью в июне 1969 года от инфаркта в Лондоне» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 9. Л. 20).

М. М. Кралина, она долгое время хранила у себя альбом с автографами стихов Н. В. Недоброво и лишь в 1950-е гг. смогла передать его за границу Б. В. Анрепу, через которого он попал в США к Г. П. Струве (*Кралин*, 2001. С. 275, 276). Сейчас можно скорректировать данную версию, предположив, что Татьяна Модестовна передала альбом во время визита к ней А. Фарджен и И. Б. Анрепа.

На пенсии Т. М. Девель неоднократно консультировала специалистов по истории отечественной литературы и искусства. Например, к 1960-м гг. относится переписка с искусствоведом Идой Марковной Гофман, которую интересовал хранившийся у Т. М. Девель портрет артистки Е. М. Усковой, исполненный художником А. Я. Головиным. В свою очередь И. М. Гофман сообщила Татьяне Модестовне, что статуэтка, изображающая сестер Девель, работы Д. С. Стеллецкого находится в Третьяковской галерее под названием «Две дамы» (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 19. Л. 1; Д. 25. Л. 1). В 1970-е гг. к Т. М. Девель обращались литературоведы Р. Д. Тименчик (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 30) и М. М. Кралин (*Кралин*, 2001. С. 308), собиравшие информацию о поэте Н. В. Недоброво.

В заключение стоит отметить, что со временем в небольшой квартире Татьяны Модестовны сформировалась коллекция художественных ценностей. Весной 1917 г. она получила на хранение от Б. В. Анрепа «с десяток огромных, слегка обгорелых икон», собранных им в разрушенных галицийских церквях на полях сражений Первой мировой войны. Сведения о дальнейшей судьбе икон разнятся. Т. М. Девель пишет, что передала их в Русский музей (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 9. Л. 20), а британская журналистка А. Фарджен сообщает о поступлении большей части икон в Эрмитаж (*Фарджен*, 2016. С. 117, 118)¹². В 1935 г. Русский музей принял у Татьяны Модестовны пять скульптур работы Д. С. Стеллецкого (*Носик*, 2010. С. 239). Вероятно, в число пожертвованных скульптур вошли бюсты Леонардо да Винчи (ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 9. Л. 23), Н. М. Девель (*Офицерова*, 2017. С. 146), братьев Бориса и Глеба Анрепов (*Носик*, 2010. С. 239), а также скульптурная группа, запечатлевшая В. К. Анрепа с его любимой собакой по кличке Шамиль (*Князева*, 2010). Последняя передача произведений искусства, хранившихся у Т. М. Девель, состоялась в 1980 г. Именно тогда фонды ОР РНБ пополнились ценным собранием рисунков Б. В. Анрепа и Д. С. Стеллецкого (*Новые поступления...*, 1985. С. 16).

¹² К сожалению, из-за скудности сведений идентифицировать эти иконы не удалось.

Таким образом, материалы ОР РНБ дополняют написанную по сведениям личного дела из фондов научного архива ИИМК РАН биографию Т. М. Девель. Пройденный ею жизненный путь разделен на два периода, о чем красноречиво свидетельствует структура «Мемуаров». Татьяна Модестовна долго не могла определиться с выбором призвания, однако положительные примеры матери, старшей сестры и друзей сформировали у нее желание посвятить себя общественно значимому занятию. Именно поэтому в 1921 г. Т. М. Девель приняла главное решение

в своей жизни, связанное с отказом от эмиграции. В родной стране, несмотря на потерю имущества и одиночество, она использовала полученные в молодости знания и навыки для обретения дела своей жизни, связанного с созданием фотографического отдела, который и сегодня функционирует в ИИМК РАН. На пенсии Татьяна Модестовна со свойственной ей скрупулезностью собрала и систематизировала корпус уникальных источников, которые через призму ее жизни рассказывают об истории искусства, литературы и археологии.

Длужневская, 2003 — Длужневская Г. В. Первые заведующие фотоархивом Института истории материальной культуры РАН // АВ. 2003. № 10. С. 349–360.

Длужневская, 2011 — Длужневская Г. В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. 296 с.

Длужневская, 2013 — Длужневская Г. В. Научный архив ИИМК РАН: история архива и хранители «вечности» // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 292–317.

Князева, 2010 — Князева Е. Портрет Василия фон Анрепа с собакой // Искусство. 2012. № 12 [Электронный ресурс.] URL: https://art.1sept.ru/view_article.php?id=201001208 (дата обращения: 17.07.2024).

Конончук, Филимонова, 2023 — Конончук К. В., Филимонова Д. С. Склад древностей в составе РАИМК/ГАИМК. История научно-вспомогательного учреждения (1919–1930 годы) // Записки ИИМК РАН. 2023. № 28. С. 160–169.

Крайнева, 1992 — Крайнева Н. И. Рукописи Н. В. Недоброво и материалы о нем в отделе рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // VI Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения / Ред. Е. А. Тоддес. Рига: Зинатне; М.: Импринт, 1992. С. 114–124.

Кралин, 2001 — Кралин М. М. Примечания // Недоброво Н. В. Милый голос. Избранные произведения. Томск: Водолей, 2001. 352 с.

Назаров, 2016 — Назаров В. Ю. Профессор Василий Константинович фон Анреп // Судебно-медицинская экспертиза. 2016. № 59 (4). С. 65–68.

Новые поступления..., 1980 — Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки (1974–1978). Каталог / Сост. А. Н. Галичанина (Михалева), Л. С. Георгиева; ред. Р. Б. Заборова, И. Н. Курбатова. Л.: б. и., 1980. 220 с.

Новые поступления..., 1985 — Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки (1979–1983). Каталог / Сост. Л. С. Георгиева; ред. Г. П. Енин. Л., 1985. 147 с.

Носик, 2010 — Носик Б. М. С Невского на Монпарнас (русские художники-миriskуниски за рубежом). СПб.: КОСТА, 2010. 360 с.

Офицерова, 2017 — Офицерова Е. В. Литературные источники по истории Царицына конца XIX — начала XX в. Н. М. Девель «Царицыно». Художественный вымысел и исторические реалии // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы / Науч. ред. М. В. Нащокина. СПб.: Коло, 2017. Вып. 22 (38). С. 136–152.

Струве, 1981 — Струве Г. П. К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н. В. Недоброво к Б. В. Анрепу // Slavica Hierosolymitana. Slavic Studies of the Hebrew University. Vol. V–VI. Jerusalem: The Magnes Press; The Hebrew University, 1981. С. 425–466.

Фарджен, 2016 — Фарджен А. Приключения русского художника. Биография Бориса Анрепа / Пер. Н. Жутовской. М.: АСТ; CORPUS, 2016. 384 с.

ОР РНБ. Ф. 1168. Д. 9: Девель Т. М. Мемуары. Ч. 1. Царская Россия. Ч. 2. СССР. 52 л.; Д. 11: Девель Т. М. Фотографии (25) иллюстрации к тексту ее «Мемуаров». 30 л.; Д. 16: Девель Т. М. «Западноевропейские путешествия в Средние Азию в XIX в.». 169 л.; Д. 17: Девель Т. М. Письма Б. В. Анрепу. Ленинград. 23 л.; Д. 19: Девель Т. М. Письма И. М. Гофман. Ленинград. 2 л.; Д. 23: Анреп Б. В. Письма Т. М. Девель. 19 л.; Д. 25: Гофман И. М., искусствовед. Письма Т. М. Девель. Москва. 3 л.; Д. 30: Тименчик Р. Д., литературовед. Письмо Т. М. Девель. Рига. 2 л.; Д. 32: Девель Т. М., Анреп Б. В. Групповые фотопортреты их. СПб., Спасское. 3 л.; Д. 33: Девель Т. М., Анреп Г. В. (?). Групповой фотопортрет в квартире Девель в Озерном пер. в СПб. 2 л.; Д. 34: Девель Т. М. Фотопортрет. Ленинград. 1 л.; Д. 35: Девель М. М., мать Т. М. Девель. «Нина, надобно трудиться...». Стихотворение, обращенное к дочери Н. М. Девель. 3 л.

ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 303: Академия истории материальной культуры (списки служащих на 01.12.1921 года). 25 л.; Д. 926: Российское Палестинское общество. 70 л.

New data to the biography of Tatiana Modestovna Devel (1888–1981)

К. V. Kononchuk, D. S. Filimonova¹³

Keywords: Tatiana M. Devel, IHMC of the Academy of Sciences of the USSR, MD RNL, photographic department, history of archaeological science in the USSR.

In 1976 and 1980, Tatiana Modestovna Devel (1888–1981), a former member of the Photographic Department of the RAHMC/SAHMC/IHMC of the Academy of Sciences of the USSR, transferred her personal archive to the Manuscripts Department of the Russian National Library (hereafter — MDS RNL). The most informative among these papers are her “Memoirs” completed on July 25, 1979. Other significant sources are her letters and a collection of photographs from the early 20th cen. Information from the MD RNL was not used in T. M. Devel’s biographical outlines about, so a critical review of these materials can significantly augment the story of her life.

Several persons strongly influenced the formation of T. M. Devel’s personality during her childhood and adolescence. Maria Martynovna Arnstein, her mother (Fig. 1), instilled in her a respect for labor and study. Her older sister (Fig. 1–4) Nina Modestovna (1886–1920) became for Tatiana a model of purposefulness and persistence in achieving goals. Tatyana Modestovna was strongly influenced by her friends: the mosaicist Boris V. Anrep (Fig. 5), his brother — the famous physiologist Gleb V. Anrep (Fig. 8), as well as the poet and critic Nikolay V. Nedobrovo and the sculptor Dmitry S. Stelletsy.

Tatyana Modestovna finally decided on her life vocation only at the age of 33, when she consciously refused to emigrate and, despite the loss of her bank account and former social status, took a job as a registrar at the RAHMC (Fig. 6). As a result of her 35-year career in the organization, T. M. Devel created one of the largest photographic repositories in Europe. When working with the unique collection of negatives, she relied on her passion for photography, which she had developed since 1904.

On the pages of her “Memoirs”, Tatiana Modestovna managed to create a unique image of the Academy, woven from a vista of personal acquaintances and impressions. In her description of the RAHMC/SAHMC of the time of Nikolay Ya. Marr’s leadership, the Academy appears as a “monolithic” team of like-minded people, built on democratic principles of management.

The life of T. M. Devel in retirement can be reconstructed through her correspondence. In 1964 she re-established contacts with B. V. Anrep, a friend of her youth who emigrated in 1917. Also during this period, Tatyana Modestovna contributed to the biographical study and preservation of the artistic heritage of N. V. Nedobrovo and D. S. Stelletsy.

Thus, the materials from the MD RNL collections supplement the biography of T. M. Devel, compiled on the basis of personal files. We see a person who from early years was inspired by the positive examples of people close to her and, despite a series of personal hardships and public upheavals, was able to find her life-work, associated with the creation of a unique photographic archive, which still functions today in the IHMC of the RAS.

---

¹³ Konstantin V. Kononchuk, Daria S. Filimonova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: konstantinkonon@mail.ru, dashafilimonovansk@gmail.com.

ПЕРСОНАЛИИ

В. И. Распопова — исследовательница городской культуры Согда

В. А. Алёшкин¹

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-342-345

10 июня 2024 г. состоялось совместное заседание ученого совета и отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, посвященное 90-летию со дня рождения известного представителя ленинградской/петербургской востоковедной школы доктора исторических наук Валентины Ивановны Распоповой. С докладом, посвященным ее жизни и научной деятельности, выступил старший научный сотрудник отдела кандидат исторических наук В. А. Алёшкин.

Валентина Ивановна Распопова родилась 8 июня 1934 г. в поселке Большево Мытищинского района Московской области в рабочей семье. Ее отец, Иван Кузьмич Распопов, трудился на основном в 1930 г. Болшевском машиностроительном заводе токарем, позже мастером токарного цеха. Мать, Александра Егоровна, вначале служила на прядильной фабрике, а затем стала членом трудового коллектива того же Болшевского завода. В 1942 г., в разгар Великой Отечественной войны, Валя Распопова начала обучение в средней школе, которую с отличием окончила в 1952 г. Получив аттестат зрелости, она поступила на кафедру археологии исторического факультета Московского государственного университета, полный курс которого по избранной специальности окончила в 1957 г.

За годы обучения студентка участвовала в работах Новгородской и Уральской экспедиций. Однако определяющее влияние на выбор Валентиной Ивановной профессиональной специализации оказали ее работы (1953–1954 гг.) на средневековом городище Ак-Бешим в составе Киргизской экспедиции, которой руководил целеустремленный и харизматичный ученый Л. Р. Кызласов. С этого времени молодая исследовательница

связала свою судьбу археолога с Центральной Азией (рис. 1, 1). Став в 1958 г. лаборантом Ленинградского отделения Института археологии (далее ЛОИА) АН СССР, она первые шесть лет исполняла свои обязанности, включавшие большой объем полевой и камеральной работы, по трудовым соглашениям. Будучи принятой в состав Таджикской (с 1971 г. Пенджикентской) экспедиции ЛОИА АН СССР, Валентина Ивановна сосредоточилась на изучении раннесредневековой городской культуры Согда.

В октябре 1964 г. молодая исследовательница зачислена в штат ЛОИА АН СССР, в сектор археологии Средней Азии и Кавказа, на должность научно-технического сотрудника. Она стала непременным участником исследований Пенджикента, согдийского города Панч, расположенного на территории нынешнего Таджикистана. Планомерное изучение этого памятника было начато ленинградскими археологами еще в 1947 г. К настоящему времени раскопками вскрыто около двух третей городища.

Пенджикент является единственным домульманским памятником Центральной Азии, исследуя который, археологи в соответствии со стратиграфией и найденными артефактами выявили мельчайшие изменения материальной и духовной культуры горожан, пережившей в своем развитии несколько этапов, которые датируются для V–VII вв. с точностью до 50 лет, а для VIII в. — до 25 лет. К настоящему времени в Пенджикенте досконально изучена застройка города и прослежена ее эволюция, обследованы фортификация и дворец правителя, раскопаны лавки, базары и ремесленные мастерские, выявлены культурно-хозяйственные связи горожан с соседними регионами, обнаружены различные типы погребальных обрядов, вероятно, связанных с разными вероисповеданиями умерших. Все эти

---

¹ Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: valyokshin1@yandex.ru.
© Алёшкин В. А., 2024

открытия демонстрируют высокий уровень городской культуры Панча, в которой причудливо переплетены черты, присущие различным традициям. Потрясает высокий художественный уровень настенных росписей парадных залов многих домовладений, погружающий нас в мир согдийской мифологии, корни которой восходят к эпохе Авесты. Храмы Панча, сравнимые с храмами огня зороастрийцев Индии, являются тщательно изученными культовыми постройками Согда. В них также обнаружены росписи на мифологические и религиозные сюжеты.

В целом уровень изученности Пенджикента настолько высок, что его без преувеличения можно считать эталонным памятником, сравнение с которым позволяет пролить свет на те ограниченные данные, которые были получены при менее масштабных раскопках иных раннесредневековых городищ Центральной Азии. В раскопки этого замечательного памятника внесла свою лепту и Валентина Ивановна.

Исследовательница ввела в научный оборот различные категории археологического материала, добытого Пенджикентской экспедицией. Анализ согдийского металлопроизводства представлен в монографии «Металлические изделия раннесредневекового Согда» (Л.: Наука, 1980. 139 с.). В основу этой публикации положен текст кандидатской диссертации Валентины Ивановны «Металлообрабатывающее ремесло раннесредневекового Согда (опыт историко-социальной интерпретации по материалам Пенджикента)», защищенной ею в 1971 г. Позднее была опубликована книга «Металлические изделия Пенджикента (находки 1971–1998 гг.)» (СПб.: Формика, 1999. 61 с.). В этих обобщающих трудах археолог анализирует не только металлические изделия из раскопок Пенджикента, но и способ их производства, устройство мастерских, инструментов, предметы из металла, изображенные на городских росписях. Данные работы до сих пор сохраняют свое значение для специалистов, изучающих Средневековье Евразии.

Вскоре после защиты, в декабре 1972 г., Валентина Ивановна становится младшим научным сотрудником (рис. 1, 2), а в 1980 г. избирается на должность старшего научного сотрудника. В 1973 г. ее назначают заместителем начальника Пенджикентской археологической экспедиции (рис. 2). С 1981 г. исследовательница исполняет обязанности начальника Пенджикентской экспедиции, а с 1988 г. руководит ею совместно с Борисом Ильичом Маршаком. Кроме того, Валентина

Рис. 1. В. И. Распопова: 1 — Байрам-Али (Туркменистан), 1961 г.; 2 — Ленинград, 1973 г.

Fig. 1. V. I. Raspopova: 1 — Bairam-Ali (Turkmenistan), 1961; 2 — Leningrad, 1973

Рис. 2. Слева направо: Б. И. Маршак, А. М. Беленицкий, В. И. Распопова. Львов, 1970 г.

Fig. 2. From left to right: B. I. Marshak, A. M. Belenitsky, V. I. Raspopova. Lviv, 1970

Ивановна в 1972–1977 гг. являлась ученым секретарем сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, а в 1987–1991 гг. — ученым секретарем специализированного ученого совета ЛОИА АН СССР по защитах кандидатских диссертаций.

Валентина Ивановна также активно разрабатывала проблему социального устройства согдийского общества, опираясь, прежде всего, на материалы жилой застройки Пенджикента. По этому направлению ею была издана монография «Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации)» (Л.: Наука, 1990. 208 с.). На базе разработок в указанной области исследовательница 15 апреля 1994 г. защитила в стенах ИИМК РАН докторскую диссертацию «Раннесредневековый согдийский город (по материалам Пенджикента)» в виде научного доклада. В ней рассмотрены история изучения застройки Пенджикента, архитектура домов и строительные приемы, социальная стратификация жителей. Прослежены различия в жизни города на разных этапах его развития. Согдийское архитектурное и строительное дело показаны в динамике и в сравнении с более ранними и поздними городами и сельскими поселениями.

С 1995 г. Валентина Ивановна является ведущим научным сотрудником ИИМК РАН. Она продолжила публикацию коллекций различного археологического материала, добытого Пенджикентской экспедицией. Среди работ ученого в этом направлении следует упомянуть такие труды, как «Стеклянные сосуды из Пенджикента (находки 1950–1999 гг.)» (СПб.: Синтез Бук, 2010. 162 с.); «Эпиграфика Пенджикента (из раскопок 1947–2006 гг.)» (СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017. 78 с.); «Школы писцов

Пенджикента в V–VIII вв.» (СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2019. 80 с.).

Кроме того, исследовательница опубликовала две брошюры совместно с Борисом Ильичом Маршаком — соавтором, научным единомышленником и супругом: «Согдийские гири из Пенджикента» (СПб.: Гос. Эрмитаж, 2005 (МПАЭ; Вып. 9). 108 с.); «Дворец VI века у подножия цитадели древнего Пенджикента» (СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2012. 80 с.).

Валентина Ивановна обращалась также к вопросам археологической нумизматики и проблемам согдийских товарно-денежных отношений. Следует упомянуть ее важное исследование шелковых согдийских тканей, изображенных на росписях Пенджикента. Исследовательница установила, что так называемые согдийские шелка (занданиджи) отсутствовали в Согде, по крайней мере, до середины VIII в.

С 1998 г. Б. И. Маршак и В. И. Распопова начали публиковать отчеты Пенджикентской археологической экспедиции в виде монографий в Издательстве Государственного Эрмитажа под названием «Материалы Пенджикентской археологической экспедиции» (МПАЭ). Это серийное издание продолжается по настоящее время.

Валентина Ивановна удостоена в 2007 г. премии имени Романа и Тани Гиришманов, которая была присуждена ей французской Академией надписей и изящной словесности за многолетние исследования культуры согдийского города в составе Пенджикентской экспедиции и в качестве поощрения продолжения возглавляемой ею археологической миссии.

С 2009 г. Валентина Ивановна перестала ездить в Пенджикент, но продолжает работать с экспедиционными находками, тщательно анализируя их. По сей день она готовит к печати свои монографии, содержащие, наряду с исследовательской частью, каталоги находок — красноречивые свидетельства ушедшей культуры доарабского Согда.

На совместном заседании ученого совета и отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН были заслушаны четыре доклада по тематике, связанной с исследованиями Валентины Ивановны. В докладе П. Б. Лурье (Государственный Эрмитаж) «Архаичная и архаизирующие росписи из недавних раскопок Пенджикента» был дан анализ двух фрагментированных росписей со сценами поклонения, недавно обнаруженных в ходе раскопок Пенджикента. Одна из них выявлена на южном склоне Цитадели, другая — на объекте XXVI в восточной части городища.

Они рассмотрены на фоне новых находок ранних (IV–VI вв.) образцов согдийского монументального искусства. Основываясь на художественных и стратиграфических данных, росписи на южном склоне Цитадели, ее следует относить к VI в., тогда как роспись на объекте XXVI, выполненная около 740-х гг., демонстрирует четкие следы подражания более ранним росписям.

В докладе М. С. Назаровой «Пантеон парфянской нумизматики» рассмотрены изображения богов на парфянских монетах, выпущенных разными монетными дворами (Селевкия-на-Тигре, Экбатаны, Арсакия и др.). В исследовании анализируются варианты трактовки образа лучника как обоженного царя и парфянского солнечного божества. Были затронуты также вопросы заимствования аршакидской нумизматикой форм и композиций монет Селевкидов и вариативности трактовки образов Тюхе, Геракла, Аполлона в контексте парфянского пантеона.

В докладе Д. Абдуллоева «Отличия ислама „аджама-ал-машрик“ от арабского ислама» исследуется проблема взаимодействия ислама и традиционных особенностей духовной культуры доарабского населения Средней Азии. Термином «аджам» в средневековых персидских толковых словарях обозначены страны, народы которых не говорили по-арабски. Арабы выделяли западный «аджам» («аджам-ал-магриб») и восточный

«аджам» («аджам-ал-машрик»). Пространство «аджам-ал-машрик» включает страны Среднего Востока и Средней Азии, населенные народами, говорившими на персидском языке. Процесс исламизации «аджам-ал-машрик» делится на два этапа: первый датируется VII–VIII вв., второй — IX–XI вв. На первом этапе ислам на Среднем Востоке и в Средней Азии внедряли арабы, на втором — представители ираноязычного населения Средней Азии распространяли ислам среди тюркоязычных народов. Исламское течение «аджам-ал-машрик» приобрело специфические черты, отличные от традиционного (арабского) ислама, проявляющиеся в религиозных понятиях, обрядах, погребальном ритуале, быту, изобразительном и прикладном искусстве.

В докладе В. П. Никонорова «О культе Анахиты в Сасанидском Иране» на основе анализа письменных и изобразительных источников говорится о важности культа Анахиты — одного из главных божеств зороастрийского пантеона — в Сасанидском Иране. Кроме того, к раннесасанидской иконографии этой богини автор добавляет женский образ, вырезанный на костяной пластине, которая была найдена в Ольвии в начале XX в. и затем попала в знаменитую коллекцию Б. И. и В. Н. Ханенко.

В завершение заседания его участники тепло поздравили Валентину Ивановну Распопову с ее славным юбилеем.

ХРОНИКА

Международная научная конференция «Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке»¹

М. Т. Кашуба, Т. В. Рябкова, Е. О. Стоянов, О. В. Сычева²

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Кавказ, Средняя Азия, Н. И. Веселовский, древности энеолита — Нового времени, музейные коллекции, междисциплинарные исследования, архивно-фондовые изыскания, история науки, научная конференция, доклады, научная коммуникация.

DOI 10.31600/1817-6976-2024-44-346-352

26–28 февраля 2024 г. Институтом истории материальной культуры РАН и Государственным Эрмитажем была организована и проведена международная научная конференция «Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке», приуроченная к замечательному юбилею — 175-летию Николая Ивановича Веселовского (1848–1918) и к 300-летию Российской академии наук, членом-корреспондентом которой являлся Веселовский.

Обращение к имени Веселовского было обусловлено не только хронологической близостью юбилейной даты, но и носило концептуальный характер, во многом определивший направленность конференции и ее проблематику, которая была призвана отразить широту и разносторонность научных интересов ученого.

Н. И. Веселовский — одна из ярчайших фигур российского востоковедения и археологии конца XIX — начала XX в. Будучи изначально «чистым» историком, специалистом по средневековой и новой истории мусульманского Востока, а также кочевых народов Евразии, Веселовский — отчасти по стечению обстоятельств, но в не меньшей степени по логике развития тогдашней ориенталистики — стал крупнейшим археологом-практиком. За 29 полевых сезонов им было исследовано огромное (без преувеличения) число археологических памятников Центральной Азии, Северного Причерноморья и Кавказа. Многие из них (Афрасиаб, Майкопский курган, Келермес, Огуз, Солоха) стали хрестоматийными и принесли Н. И. Веселовскому мировую известность. Тем удивительнее, что при столь очевидных заслугах Веселовского за столетие, миновавшее со дня его смерти, не состоялось ни одного научного мероприятия, связанного с его именем. В научной и популярной литературе долгое время преобладала (а кое-где встречается до сих пор) избыточно критичная — до пренебрежительной — оценка его деятельности, преувеличивались присущие Веселовскому недостатки и оставались в тени достижения.

---

¹ Подготовка и печать сборника материалов (Древности..., 2024), а также частично проведение конференции выполнены при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная „Карта по археологии Причерноморья“ И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН. Подготовка статьи и основная работа по конференции осуществлены в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Кашуба М. Т., Стоянов Е. О., Сычева О. В. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: mirra-k@yandex.ru, eostoyanov@mail.ru, olly_sycheva@mail.ru. Рябкова Т. В. — Государственный Эрмитаж; С.-Петербург, Россия; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru.

© Кашуба М. Т., Рябкова Т. В., Стоянов Е. О., Сычева О. В., 2024

Рис. 1. Международная научная конференция «Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке», посвященная 175-летию Н. И. Веселовского. Общая фотография участников конференции (26 февраля 2024 г., Эрмитажный театр, СПб., Россия; фото: А. Ботков)

Fig. 1. International conference “Antiquities of the Northern Black Sea region, the Caucasus and Central Asia: from N. I. Veselovsky’s discoveries to current studies”, dedicated to the 175th anniversary of N. I. Veselovsky. A group photo of the participants (February 26, 2024, The Hermitage Theatre, St. Petersburg, Russia; photo by A. Botkov)

Восполнить этот досадный пробел и восстановить справедливость и была призвана проведенная конференция. Она собрала более 100 участников из различных научных учреждений России (помимо Санкт-Петербурга и Москвы участники представляли Симферополь, Керчь, Анапу, Ростов-на-Дону, Краснодар, Армавир, Серов), а также стран ближнего и дальнего зарубежья (Армении, Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана, Германии, Италии) (рис. 1). Ими было представлено 70 научных докладов (14 — онлайн) на пленарном и секционных заседаниях. К началу конференции был также выпущен сборник ее трудов³, куда вошла значительная часть прочитанных докладов (52 статьи 73 авторов).

³ Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию Н. И. Веселовского (1848–1918) / Отв. ред. М. Т. Кашуба, М. В. Медведева, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2024. 216 с.

Торжественное открытие конференции состоялось 26 февраля в здании Эрмитажного театра. Директор Государственного Эрмитажа д-р ист. наук, академик РАН М. Б. Пиотровский и директор ИИМК РАН д-р ист. наук, профессор РАН А. В. Поляков приветствовали участников конференции, отметив исключительную значимость проводимого форума и непреходящее значение наследия Веселовского для современной науки.

В ходе пленарного заседания (председатели М. Т. Кашуба и А. Ю. Алексеев, секретарь О. В. Сычева) было заслушано несколько докладов.

И. Л. Тихонов (СПб.) в докладе «От Афрасиаба к скифскому золоту (о методологии и полевой методике Н. И. Веселовского)» с опорой на обширный (в том числе архивный) материал осветил основные вехи жизненного и научного пути Веселовского, уделив особое внимание характеристике методов его работы как археолога (археологию он считал отдельной от истории дисциплиной). М. В. Медведева (СПб.) представила доклад

«„С изданием материалов расширяется кругозор и закладывается фундамент для исторических исследований“: о документальном наследии Н. И. Веселовского», в котором дала подробную характеристику архивного фонда Веселовского в научном архиве ИИМК РАН (более 500 дел). *Е. О. Стоянов* (СПб.) от имени редакционной коллегии охарактеризовал сборник материалов конференции (состав, тематику разделов и особенности содержания, не во всем совпадающего с программой форума). *Т. В. Рябкова* (СПб.) в докладе «Скифские коллекции Государственного Эрмитажа и Н. И. Веселовский: анонс выставки в честь 175-летия со дня рождения» представила развернутую программу масштабной выставки, которая открывается в музее в последней декаде сентября 2024 г. Завершил пленарное заседание *С. В. Воронятов* (СПб.) с докладом «Н. И. Веселовский, Зубовские курганы и их неизвестные материалы», посвященным запутанной истории исследования Зубовских курганов сарматской эпохи в Закубанье.

Дальнейшая работа конференции проходила в формате секционных заседаний. В тот же день в Государственном Эрмитаже (Зал Совета) собрались участники *секции 1 «Научное и документальное наследие Н. И. Веселовского»* (председатель секции *М. Т. Кашуба*, секретарь *П. С. Дрёмова*).

Открыла заседание *О. В. Григорьева* (СПб.) докладом «„Ведение археологических раскопок, есть дело серьезное, дело научное“: летопись археологических работ Н. И. Веселовского (1884–1917 гг.)», в котором была развернута подробная хроника полевых сезонов Веселовского. *М. В. Медведева* и *М. Ю. Вахтина* (СПб.) в докладе «Материалы об исследованиях кургана Огуз в научном архиве ИИМК РАН» обратились к материалам, касающимся знаменитого «царского» скифского кургана Огуз, исследованного Веселовским в 1891–1894 гг. К малоизвестному направлению деятельности Веселовского обратился *В. Ю. Соболев* (СПб.) в докладе «Н. И. Веселовский и программа исследования русских древностей» о предложенной в 1898 г. Совету Императорского Русского археологического общества Н. И. Веселовским и А. А. Спицыным концепции. В докладе *М. В. Мандрик* (СПб.) «Коллекция документов Н. И. Веселовского и Русского археологического общества по истории Русской духовной миссии в Пекине и Монголии в собрании научного архива ИИМК РАН» освещены тонкости взаимоотношений членов российской миссии с китайскими и монгольскими чиновниками и военными. Интерес вызвал доклад *Д. А. Булатовой* (СПб.) «Вклад Н. И. Веселовского в изучение

духовной культуры кипчаков и археологические исследования шейковых хордофонов тюрков Евразии». Доклад *П. С. Дрёмовой* (СПб.) «Письма А. С. Попова к Н. И. Веселовскому: о роли одного любителя в истории археологии» был посвящен обзору трех находок, случайно сделанных на Кавказе в начале XX в. при посредничестве А. С. Попова — чиновника Министерства финансов. Тема эпистолярного наследия Веселовского поднималась и в докладах *Е. Г. Застрожной* (СПб.) «Письма Н. И. Веселовского к Н. Я. Марру (по материалам СПбФ АРАН)» и *А. Н. Ткачева* (Краснодар; онлайн) в докладе «„Примите уверения в моем уважении и преданности...“: из переписки Н. И. Веселовского с заведующим Кубанским Войсковым музеем И. Е. Гладким».

Далее работа была продолжена в *секции 3 «Музейные коллекции; научное и документальное наследие Н. И. Веселовского»* (председатель секции *М. В. Медведева*, секретарь *Д. А. Кукина*). Она началась с доклада *Т. В. Рябковой* (СПб.) «Работы Н. И. Веселовского в станице Костромской в 1897 г.: продолжение исследований», посвященного 1-му Разменному (Костромскому) кургану, вошедшему в число эталонных памятников скифской архаики, и современному его изучению. В докладе *С. Г. Буришиной*, *Ю. Н. Осина* и *Т. В. Рябковой* (СПб.) «Исследование и атрибуция золотых украшений из покупки Н. И. Веселовского в станице Крымская» было продемонстрировано, как изучение этих изделий с помощью оптической микроскопии и сканирующей электронной микроскопии позволило установить особенности необыкновенно сложной конструкции, воссоздать технологию изготовления и облик парных «серег», функции которых пока не определены. *В. Р. Эрлих* (Москва) в докладе «„Курганы Веселовского“ на территории Красногвардейского и Шовгеновского районов Республики Адыгея» предпринял попытку локализации ряда курганов, известных по отчетам Веселовского. *А. Н. Нехонов* (СПб.) представил вниманию собравшихся доклад «Инвентарный комплекс Марьинского кургана», раскопанного Веселовским в 1912 г. Тому же памятнику был посвящен доклад *Н. Ю. Лимберис* и *И. И. Марченко* (Краснодар; онлайн) «Меотская сероглиняная керамика из Марьянского кургана 1912 г.», которую авторы делят на две хронологические группы: середины IV в. до н. э. и второй половины III в. до н. э. *Ю. И. Ильина* (СПб.) в докладе «Сосуд из раскопок Н. И. Веселовского в 1898 г.» рассмотрела редкий чернофигурный аттический сосуд из Ульского кургана 2, отнесенный к клепсидрам. Завершил работу

секции (и первый день конференции) доклад *Н. А. Васильевой* (СПб.) «Восстановление ритона из Талаевского кургана», для которого в ходе реставрации были получены новые данные о его технологических особенностях.

Самая масштабная секция 2 «От открытий *Н. И. Веселовского* к современной науке», включавшая в себя несколько подсекций, начала работу 27 февраля в Дубовом зале ИИМК РАН, где состоялись также все остальные заседания конференции. Первая подсекция «Энеолит, эпоха бронзы и начало железного века Восточной Европы и Кавказа» прошла под председательством *А. В. Кияшко* и *М. Т. Кашубы* (секретарь *А. И. Климущина*). Первый доклад «Непортативные объекты как стратиграфические маркеры (по материалам навеса Мешоко)» представили *Е. А. Черленок* и *С. М. Осташинский* (СПб.), которые выявили характерный набор строительных традиций для разных этапов функционирования памятника.

Далее была заслушана серия докладов, посвященных материалам Майкопского кургана — одного из самых знаменитых открытий Веселовского. *Р. С. Минасян* (СПб.) в докладе «Золотые и серебряные сосуды из Майкопского кургана» рассмотрел технику изготовления ранних металлических сосудов на примере золотых, серебряных и медных экземпляров из Майкопа. *В. А. Трифонов* и *А. В. Яваров* (СПб.) представили доклад «Майкопский курган, 1897 г.: реконструкция формы погребальной ямы и позы погребенных», где по результатам компьютерного моделирования предложили собственную версию первоначального вида этого погребения. *Н. И. Шишлина* (Москва), *В. А. Трифонов* (СПб.), *О. В. Орфинская*, *А. А. Мамонова* (Москва) и *Е. Н. Черных* (Майкоп) в докладе «Льняной текстиль майкопской культуры» обнародовали новые результаты изучения фрагментов льняного текстиля из погребений майкопской культуры, включая известные дольмены у ст. Царской, раскопанные в 1898 г. *Н. И. Веселовским*.

Продолжил программу доклад *В. А. Тихомирова* (СПб., Симферополь; онлайн) «„Курган Генкеля“ как пример первых исследований курганных древностей Крыма», в котором были рассмотрены процесс работ и находки, обнаруженные при раскопках 1890–1891 гг. к северу от Симферополя. В докладе *Ю. В. Кожуховской* (СПб., Симферополь) и *М. Т. Кашубы* (СПб.) «Поселения Северо-Западного Крыма в региональной историографии эпохи бронзы (исследования в XX веке)» была представлена периодизация истории изучения преисторических поселений региона. В докладе *Л. Н. Водо-*

лажской (Симферополь; онлайн) «К вопросу о существовании клепсидр эпохи бронзы в Северном Причерноморье» была рассмотрена версия о возможности привнесения технологии измерения времени с помощью водяных часов из Месопотамии еще в раннем бронзовом веке.

А. И. Климущина и *И. Ж. Тутаева* (СПб.) в докладе «Костромской клад и одноименный период металлопроизводства среднего бронзового века Северо-Западного Кавказа» на основе сравнительного анализа функционального состава кладов металлических изделий эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа и Западного Закавказья (III–II тыс. до н. э.) установили, что частая встречаемость хозяйственных орудий отражает схожую структуру производства и потребления металлического инвентаря в этих регионах. Продолжил заседание доклад *Б. В. Варданяна* (Ереван, Гюмри) и *И. А. Семьяна* (Ереван) «Котел и котельный крюк в погребальном обряде бронзового века Армянского нагорья и степей», в котором был обсужден статусный характер этих предметов. В докладе *А. В. Кияшко* (Ростов-на-Дону, СПб.) «Позднекатакомбные памятники степного Закубанья из раскопок *Н. И. Веселовского* и их значение для культурогенеза бронзового века» была дана оценка вклада, который внес Веселовский в изучение катакомбных памятников степного Предкавказья, и прослежена динамика осмысления им специфики катакомбной погребальной конструкции, реконструированы планы и профили ряда катакомб.

А. Л. Пелих (Армавир) и *Е. Н. Черных* (Майкоп) в докладе «Металлические предметы позднего бронзового века из фондов Национального музея Республики Адыгея» отметили, что большинство изделий (топоры-кельты, серпы, кинжал, втулка копья, булава, височные подвески) являются продукцией прикубанского очага металлургии и металлообработки при заметном влиянии степной зоны Восточной Европы. Малоизвестным страницам изучения региона был посвящен доклад *С. Чандрасекаран* (Берлин) «Западные коллекционеры на Кавказе и Северном Причерноморье в дореволюционное время», в котором приведены обстоятельства деятельности Э. Шантре, Ф. Байерна, Ж. де Бая и др. Завершил заседание подсекции доклад *Е. Е. Васильевой* и *Т. В. Рябковой* (СПб.) «Кобанский баран, рогатые птицы и бараны из Келермеса: к вопросу о взаимодействии традиций», в котором представлена новая версия появления образа бараноптиц с круглым выступом на темени, имеющая истоки в скульптурных изображениях баранов с солярным

налепом на темени/лбу докобанского, кобанского и последующих периодов.

Следующую подсекцию *секции 2* — «Центральная Азия в древности, Средневековье и Новое время» (председатель А. В. Фрибус, секретарь О. В. Сычева) — открыл доклад Ф. Ш. Шамукаримовой (Ташкент) «Вопросы археологии и охраны архитектурных памятников Туркестанского края в научном наследии Н. И. Веселовского», в котором рассмотрены научные командировки Веселовского в Туркестан (1884, 1885, 1895 гг.) и представлены работы по спасению и сохранению архитектурных памятников времени Тимура и Тимуридов. Д. Н. Раджабова (Самарканд) в докладе «История Самарканда в исследованиях Н. И. Веселовского (на основе материалов российских архивов и экспозиций Эрмитажа)» ввела в оборот ряд важных фактов из жизни и научной деятельности Веселовского, касающихся изучения Туркестана и, в частности, Самарканда. Историографическую тему продолжил доклад М. С. Назаровой (СПб.) «Памятники искусства Центральной Азии в трудах Н. И. Веселовского», посвященный историческому контексту возникновения этих исследований, а также их рецепции и критике.

Т. В. Котюкова (Москва; онлайн) в докладе «Незавершенный отзыв Н. И. Веселовского о работе В. П. и М. В. Наливкиных „Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы“» представила Веселовского как знатока этнографии современного ему Туркестана. Ю. И. Елихина (СПб.) в докладе «Находки Н. И. Веселовского из хотанской коллекции Государственного Эрмитажа» дала характеристику 21 артефакта VII–X вв. из раскопок Веселовского в 1885 г. в Туркестане.

С результатами новейших археологических исследований ознакомили собравшихся Н. М. Виноградова (Москва), С. Г. Бобомуллов, Б. С. Бобомуллов (Душанбе) и Дж. Ломбардо (Рим) в докладе «Исследования могильника Фархор — памятника эпохи ранней и средней бронзы на юге Таджикистана — осенью 2022 г.», на основании радиоуглеродных дат датировали могильник временем раннего и началом среднего бронзового века (2800/2700–2300 гг. до н. э.). В докладе О. В. Сычевой (СПб.) «Функциональный состав кладов позднего бронзового века Средней Азии и Восточного Казахстана» была выявлена их «трехчастная структура», а также особые характеристики.

Большой интерес аудитории вызвал доклад О. А. Кащей (Серов) «Местонахождение с наскальной живописью в бассейне реки Угам (Южный Казахстан): повторение маршрута поездки 1885 г.

Н. И. Веселовского в местность Сусингян», которое было локализовано и зафиксировано через более чем 100 лет. В докладе А. В. Омельченко (СПб.) «Новые археологические открытия в Бухарском оазисе» были подведены предварительные итоги работ международных экспедиций, изучавших памятники от кельтеминарского неолита до эллинистического времени (городище Пайкенд). Доклад Н. В. Семенова (†) и Е. В. Барановой (СПб.) «Роспись „Водопой“: культурно-исторический контекст монументальной живописи Бунджиката и проблемы ее реставрации и консервации» был посвящен судьбе росписей Малого тронного зала дворца Калаи Каххаха I (Северный Таджикистан). Завершил подсекцию доклад Л. Д. Бондарь (СПб.) и М. Г. Сеидбейли (Баку) «Участие археолога Е. Г. Пчелиной в восстановлении комплекса дворца ширваншахов в Баку в 1932 г.», в котором авторы исследовали документы из СПбФ АРАН и Государственного архива Азербайджанской Республики.

В завершающий день конференции, 28 февраля, прошли заседания двух подсекций *секции 2*. Первая из них — «Скифский мир и античное Причерноморье, сарматы» (председатели Т. В. Рябкова и М. Т. Кашиба, секретарь Д. А. Кукина) — открылась докладом Н. В. Быковской, Т. В. Умрихиной, Н. Л. Кучеревской (Керчь; онлайн) «Деятельность Императорской археологической комиссии и Восточно-Крымского музея-заповедника по сохранению памятников погребальной архитектуры античного Боспора», в котором были подробно освещены работы по сохранению уникальных погребальных памятников Боспорского государства — склепа Деметры и Царского кургана.

А. С. Балахванцев (Москва) представил вниманию аудитории доклад «Раннегреческая керамика и социально-политическая история Архаической Скифии», в котором проанализировано распределение находок архаической греческой керамики в курганах и на поселениях Северного Кавказа, Крыма, Подонья и Северного Причерноморья. В докладе М. Ю. Русакова (Ростов-на-Дону; онлайн) «Раннескифская культура на Нижнем Дону» было отмечено, что местные памятники второй половины VII — первой половины VI в. до н. э. делятся на две группы, связанные с северокавказским центром раннескифской культуры и с автохтонным населением. Продолжил заседание доклад Т. М. Кузнецовой (Москва; онлайн) «Курганы Солоха, Огуз, Куль-Оба и могила скифского царя Атея», в котором продолжено развитие гипотезы о принадлежности захоронений в курганах Солоха, Огуз и Куль-Оба представителям царствующих

династий Скифии и Боспора. *И. В. Рукавишникова* (Москва) и *Д. В. Бейлин* (Симферополь) в докладе «Скифский курган с каменным склепом под Симферополем» ознакомили собравшихся с результатами исследований элитного скифского кургана в Предгорном Крыму у с. Денисовка. Наиболее ярким комплексом в кургане был каменный склеп конца IV в. до н. э. с захоронением знатной скифской семьи.

Доклад *В. А. Горончаровского* (СПб.) «Гробница 1854 г. в некрополе Пантикапея» был посвящен анализу материалов женского погребения в гробнице конца V — начала IV в. до н. э., открытой *А. Е. Люценко* в некрополе Пантикапея, которое автор склонен относить к роду синдских царей. *С. А. Володин* и *К. С. Окороков* (Москва) в докладе «Реконструкция калафа скифского времени из могильника Девица V на Среднем Дону» представили результаты изучения женского парадного головного убора из погребения IV в. до н. э. и высказали предположение о местном производстве изделия из привозных пластин.

Продолжил работу секции доклад *М. Ю. Трейстера* (Бонн) «„Канделябр“ из раскопок Н. И. Веселовского (курган 29/1902 у ст. Усть-Лабинская)», в котором автор пришел к выводу, что изделие является результатом переделки частей двух разновременных предметов (второй половины VI в. до н. э. и I в. н. э.). *И. Ю. Шауб* (СПб.; онлайн) в докладе «Об одном изображении на золотом перстне из кургана Большая Близница» рассмотрел уникальное изображение монстра на щитке золотого перстня IV в. до н. э., заключив, что все компоненты образа ассоциируются с культом местной многоипостасной Великой богини. Интерпретации данных классической традиции на сравнительном этнографическом материале был посвящен доклад *В. А. Киселя* (СПб.) «Скифские конструкции из человеческой кожи: попытка интерпретации», в котором сделан вывод, что эти конструкции являлись символическим средством защиты от вредоносных сил.

В. Ю. Зуев (СПб.) в докладе «Кинжалы скифского времени из Приуралья с парой хищников в наконечниках рукоятей» уточнил происхождение 10 мечей и кинжалов и предложил отнести их к кругу филипповского культурного горизонта V–IV вв. до н. э. *С. А. Яценко* (Москва) представил доклад «„Скифы“ Лукиана: этнос и эпоха», в котором обратил внимание, что в диалоге Лукиана «Токсарид» описана серия «скифских» традиций, которые отмечены только у сармат с начала I в. н. э. *Е. В. Вдовченков* (Ростов-на-Дону) в докладе «Алломорфы

тамг сарматской эпохи» рассмотрел проблему сопоставления и идентификации алломорфов тамг (разных вариантов отображения одинаковых тамг и их деталей). Большой интерес аудитории вызвал доклад *А. Р. Канторовича* и *В. Е. Маслова* (Москва) «Элитные сарматские погребения в кургане 1 могильника Новозаведенное-V на Ставрополе (предварительное сообщение)», в котором представлена группа раннесарматских захоронений II–I вв. до н. э., открытых в 2022 и 2023 гг. В двух неогранных захоронениях сарматских воинов-аристократов (погребениях 7, 30) наряду с предметами кочевнической сарматской культуры обнаружены изделия прикубанских, центральнокавказских и боспорских ремесленных центров, а также римские и латенские импорты, предметы круга «ордосских бронз» и золотые изделия круга Сибирской коллекции Петра I.

Завершила программу конференции последняя подсекция *секции 2 «Причерноморье и Центральная Азия в середине I тысячелетия до н. э. — середине II тысячелетия н. э.»* (председатель *М. Ю. Вахтина*, секретарь *Е. О. Стоянов*). Открыл заседание доклад *И. В. Губарева* (Ростов-на-Дону) «Использование архивной картографии и аэрофотоснимков для реконструкции географической ситуации в дельте р. Танаис в скифское время», в котором были представлены результаты анализа исторических картографических данных, содержащих сведения о донской дельте, а также о ее изменениях во времени (особое внимание было уделено сравнительной характеристике впервые публикуемых аэрофотоснимков Люфтваффе 1943 г. с изображениями Елизаветовского археологического комплекса и топографических планов, составленных в первой половине XX в).

Т. В. Егорова и *С. М. Ильяшенко* (Москва) представили вниманию собравшихся доклад «Сероглиняный сосуд с атташем из раскопок некрополя Танаиса» и установили, что сосуд был изготовлен в Малой Азии между концом III и концом II — началом I в. до н. э. Находкам из Танаиса был посвящен доклад *И. А. Прокофьева* (Москва) «Каменные зернотерки олинфского типа из раскопок Танаиса», в котором показано, что эти зернотерки изготовлены из твердого камня вулканической породы лилово-фиолетовых оттенков, добывавшегося, вероятно, в районе Карадага. В докладе *Т. В. Егоровой* (Москва) «Комплекс чернолаковой керамики из некрополя Волна 1 на Тамани» были представлены предварительные результаты анализа набора чернолаковой посуды (337 экземпляров, 36 типов и вариантов) из 175 погребальных и поминальных

комплексов некрополя, а также прослежены типохронологические изменения комплекса и регламентация набора сосудов в V в. до н. э.

В. В. Майко (Симферополь) в докладе «Ранне-средневековые курганы в окрестностях Симферополя. К вопросу о новых археологических древностях Таврики» рассмотрел материалы курганных древностей второй половины VIII в. и доказал присутствие в крымской степи кочевых хазар, сосуществовавших с носителями салтовской культуры.

В докладе *А. Н. Тепляковой* (СПб.) «Текстиль Белореченского могильника из собрания Государственного Эрмитажа: проблемы атрибуции и датировки» шла речь о группе тканей типа лампас с фоном на атласе, которые, несмотря на орнаментальные признаки, по техническим характеристикам можно объединить в группу и исключить европейское и османское места изготовления. Доклад *Э. И. Сейдалиева* (Симферополь) «Литейное ремесло золотоордынского городища Солхат по материалам археологических исследований Государственного Эрмитажа и Института археологии Крыма РАН» отразил основные результаты исследований литейного ремесла Солхата по материалам археологических раскопок, а на основе контекстов находок было сделано предположение об усадебном характере литейного ремесла на этом городище. *М. Г. Крамаровский* (СПб.) в докладе «Свинец в кровельном деле Золотой Орды» представил широкую панораму использования свинца в строительном деле в Средневековье, особое внимание уделив памятникам Солхата (Старого Крыма) золотоордынского времени.

Завершил программу конференции доклад *А. М. Новичихина* (Анапа; онлайн) «Каменный рельеф с изображением барса из Анапы эпохи рус-

ско-турецких войн», в котором эта находка рассмотрена в ряду синхронных древностей (на стенах османской крепости Бендер в бассейне Днестра) и отнесена к периоду реконструкции Анапской крепости в 1794–1798 гг., успешное завершение которой зафиксировано в опубликованной Н. И. Веселовским стихотворной надписи 1798 г. в честь султана Селима III.

По завершении работы конференции ее участники обменялись мнениями о работе форума и заслушанных на нем докладах. Были отмечены тематическое разнообразие и высокий научный уровень конференции, удачно совместившей мемориально-историографическую проблематику с представлением новейших результатов археологических работ, продолжающих исследования Н. И. Веселовского. Перспективность и весомый научный потенциал конференций такого формата показали целесообразность их проведения (и публикации материалов) в дальнейшем на регулярной основе. Было обращено внимание на необходимость изучения и публикаций богатейшего архивного наследия Н. И. Веселовского (в РГАЛИ, НА ИИМК РАН и др.).

Во время работы конференции ее участники имели возможность ознакомиться с экспозициями Государственного Эрмитажа. Кроме того, в специально отведенный день более 40 человек посетили три экскурсии (обзорную, в Золотую кладовую, по теме «Культура и искусство населения Северного Причерноморья первых веков н. э.»), которые провели коллеги из отдела археологии Восточной Европы и Кавказа Государственного Эрмитажа. В ИИМК РАН силами сотрудников БАН и ИИМК РАН проходила выставка печатных работ Н. И. Веселовского с экспонированием оригиналов.

International conference “Antiquities of the Northern Black Sea region, the Caucasus and Central Asia: from Nikolay I. Veselovsky’s discoveries to current studies”

М. Т. Kashuba, Т. V. Ryabkova, Е. О. Stoyanov, О. V. Sycheva⁴

Keywords: Northern Black Sea region, Caucasus, Central Asia, N. I. Veselovsky, Eneolithic-Modern antiquities, museum collections, interdisciplinary research, archival and fund research, history of science, scientific conference, reports, scientific communication.

⁴ Maya T. Kashuba, Evgeniy O. Stoyanov, Olga V. Sycheva — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: mirra-k@yandex.ru, eostoyanov@mail.ru, olly_sycheva@mail.ru. Tatyana V. Ryabkova — The State Hermitage Museum; St. Petersburg, Russia; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. СПб.
АДСВ — Античная древность и средние века.
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли.
АН — Академия наук.
АО — Археологические открытия.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БАН — Библиотека Академии наук.
БИ — Боспорские исследования.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГМЗ — Государственный музей-заповедник.
ГЭ — Государственный Эрмитаж.
ДБ — Древности Боспора.
ЗИРАО — Записки Императорского Русского археологического общества.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ИА — Институт археологии.
ИАК — Императорская археологическая комиссия.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
КарНЦ — Карельский научный центр.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН.
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК АН СССР.
КФУ — Крымский федеральный университет.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАСК — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа.
НА — научный архив.
НАН — Национальная академия наук.
НАНУ — Национальная академия наук Украины.
НИС — научно-исследовательское судно.
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология.
НОА — Научно-отраслевой архив.
ОАВЕС — отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Эрмитаж.
ОИАК — Отчет Императорской археологической комиссии.
ОИПК — отдел истории первобытной культуры. Эрмитаж.
ОПХ — опытно-производственное хозяйство.
ОР — отдел рукописей.
ПАО — Псковское археологическое общество.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры.
ПОММ ПБВ — Прикубанский очаг металлургии и металлообработки позднего бронзового века.
РАИК — Русский археологический институт в Константинополе.
РАН — Российская академия наук.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
РНБ — Российская национальная библиотека.
РО — рукописный отдел.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
Сб. ст. — сборник статей.
СО — Сибирское отделение.
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
ФНИ ГАН — фундаментальные научные исследования государственных академий наук.
ФО — фотографический отдел.
AJA — American Journal of Archaeology.
VARD — база данных расписных ваз Архива Бизли, Classical Art Research Center, University of Oxford, <https://www.cvaonline.org/XD/ASP/default.asp>.
ИНМС RAS — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences.
LIMC — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Vol. I–VIII. Zürich, München, Düsseldorf, 1981–2009.
Man. Dep. — Manuscript department.
MD NLR — Manuscripts' Department of the National Library of Russia.
Photo Dep. — Photographic department.
RAS — Russian Academy of Sciences.
SA — Scientific archive.
SHM — The State Hermitage Museum.

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 44**

Главный редактор: Н. В. Хвоцинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191181, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, лит. А, каб. 307
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-36836 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 28.11.2024. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 48. Тираж 300 экз. Заказ 624.
Дата выхода: 24 декабря 2024 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67, пом. БМ10737

Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 44 —

